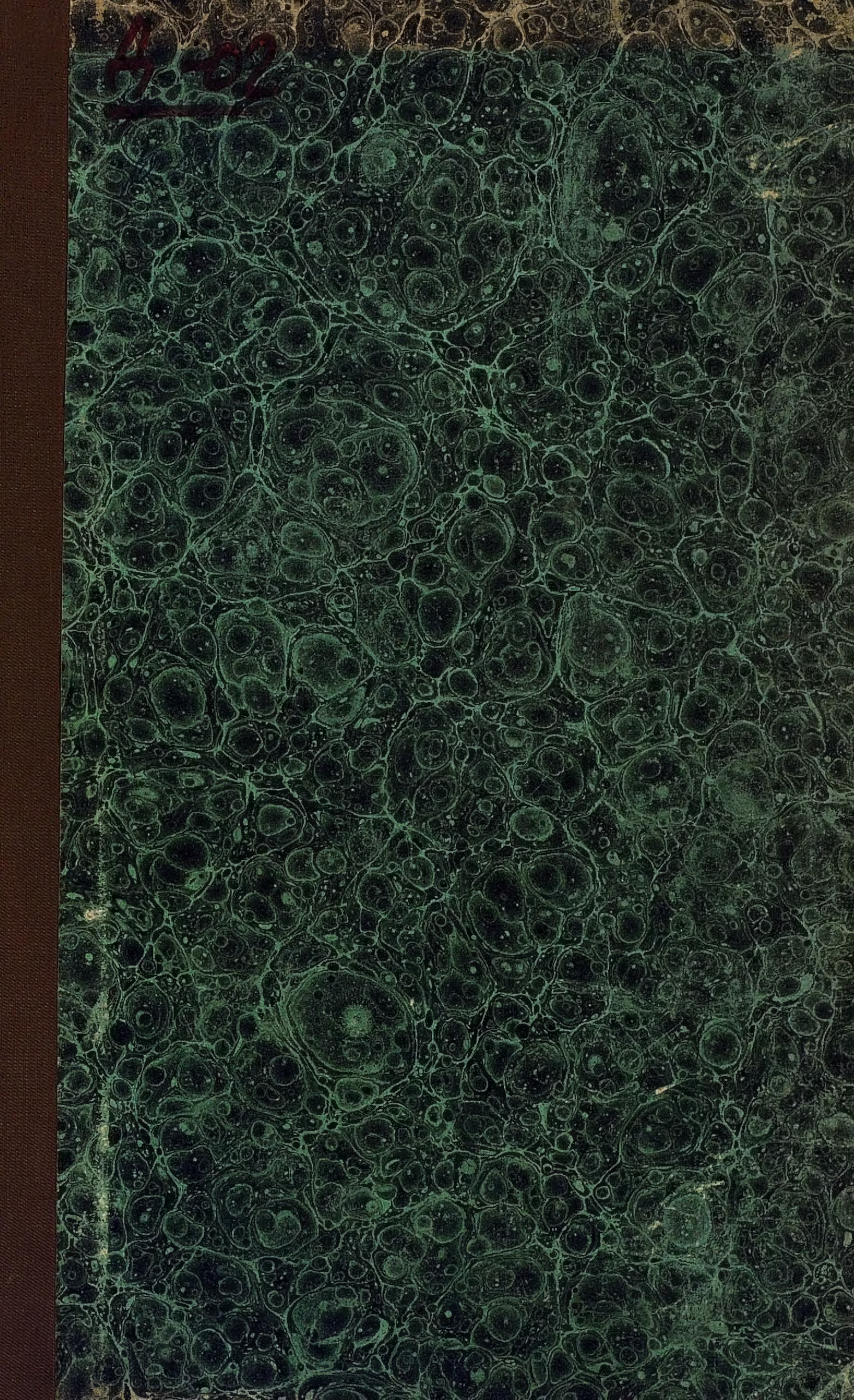

A-02

Проверено 1964 г.

ВРЕМЕННИКЪ
ДЕМИДОВСКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ЛИЦЕЯ.

Книга восемьдесятъ первая.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типо-лит. Э. Г. Фалькъ, Духовская ул., соб. д.
1900.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *С. Шпилевскій.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

восемьдесятъ первой книги Временника Лицея.

1898 года, Апрѣля, 25 дня, въ засѣданіи Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора, заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго*, присутствовали: Ординарный профессоръ В. Г. *Щегловъ*, профессоръ Богословія, Протоіерей Н. А. *Тихвинскій*, и. д. экстра-ординарнаго профессора А. А. *Піонтковскій*, и. д. доцента: М. А. *Липинскій*, А. Е. *Минервинъ*, приватъ-доценты: А. Р. *Свирщевскій*, В. А. *Юшкевичъ*, Д. Н. *Стефановскій*, С. П. *Никоновъ*. Не присутствовали: Н. С. *Суворовъ* по нахожденію въ командировкѣ, Э. Н. *Берендтсъ*— по нахожденію въ отпуску.

СЛУШАЛИ.

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и. подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа. для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа П. Некрасова отъ 18 минувшаго Марта за № $\frac{6.898}{6.901}$, коимъ увѣдомляетъ, что согласно Высочайшему Указу, данному въ 10-й день Марта сего года Правительствующему Сенату, онъ вступилъ въ управленіе означеннымъ округомъ. **Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

3) Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 21 минувшаго Марта за № 7.299, коимъ разрѣшаетъ напечатать во Временникѣ Лицея протоколы засѣданій Совѣта 17 Января, 2 и 16 Марта 1896 года. **Опредѣлили**: Принять къ исполненію.

4) Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 2 сего Апрѣля за № $\frac{8.335}{8.338}$, коимъ увѣдомляетъ, что въ виду существующаго обычая поздравлять начальствующихъ лицъ съ великими праздниками Свѣтлаго Христова Воскресенія и Новаго года, Г. Управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія выразилъ желаніе, чтобы чины ввѣреннаго ему вѣдомства не дѣлали въ эти дни обычныхъ поздравительныхъ визитовъ ни ему, ни начальствующимъ лицамъ, которымъ они непосредственно подчинены, такъ какъ праздничное время, по высказанному Его Превосходительствомъ мнѣнію, должно быть посвящено потребностямъ духовнымъ и отдыху въ семейномъ кругу.—**Опредѣлили**: Принять къ свѣдѣнію.

5) Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 21 минувшаго Марта за № 7.298, увѣдомляющее, что г. управляющій Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія разрѣшаетъ профессору Суворову произвести испытанія по читаннымъ имъ въ Лицеѣ наукамъ не въ срокъ, указанный въ § 35 Лицейскихъ правилъ, а ранѣе этого времени, до отъѣзда въ Казань; при этомъ г. Директоръ заявилъ, что испытанія студентамъ профессоромъ Суворовымъ уже окончены.—**Опредѣлили**: Принять къ свѣдѣнію.

6) Представлено сочиненіе на медаль на тему— „Общая теорія объ обычномъ правѣ, провѣренная по матеріаламъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, изданнымъ Яновскимъ“, которое **Опредѣлили**: Передать для прочтенія и доставленія отзывовъ о немъ ординарнымъ профессорамъ В. Г. Щеглову и Э. Н. Берендтсу.

7) По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи составленной ординарнымъ профессоромъ Э. А. Берендт-

сомъ и приватъ-доцентомъ А. Р. Свирщевскимъ инструкціи для занятій кандидату юридическихъ наукъ Владиміру Гагену, оставленному при Лицеѣ для приготовленія къ профессорскому званію по Полицейскому праву, **Опредѣлили:** Инструкцію эту представить чрезъ г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа въ Министерство Народнаго Просвѣщенія для утвержденія.

8) По заявленію ординарнаго профессора Э. А. Берендтса **Опредѣлили:** Напечатать во Временникѣ Лицея составленное имъ „Описаніе древнихъ монетъ, имѣющихся въ Ярославской Ученой Архивной Комиссіи.

9) По разсмотрѣніи списковъ студентовъ и послѣ заявленій гг. профессоровъ объ исполненныхъ студентами годичныхъ работахъ, требующихся отъ нихъ Лицейскими правилами, **Опредѣлили:** 1) Отмѣтить въ спискахъ всѣхъ студентовъ, исполнившихъ годичныя работы, а равно и тѣхъ, которые, не исполнивъ письменныхъ работъ, обязались представить къ экзаменамъ отчетъ о прочитанныхъ сочиненіяхъ, и 2) списокъ съ отмѣтками для доставленія въ Экзаменаціонную Комиссію передать Инспектору студентовъ.

10) По заявленію приватъ-доцента В. А. Юшкевича **Опредѣлили:** Напечатать во Временникѣ Лицея подъ редакціей его, Юшкевича, „Институціи Римскаго права“ Чиларжъ, переводъ съ нѣмецкаго.

11) Приватъ-доцентъ В. А. Юшкевичъ сдѣлалъ предложеніе Совѣту объ обмѣнѣ Лицейскихъ изданій съ изданіями Берлинскаго Университета. Принявъ предложеніе **Опредѣлили:** Снестись по этому вопросу съ названнымъ Университетомъ.

12) По заявленію приватъ-доцента А. Р. Свирщевскаго **Опредѣлили:** Обратиться съ просьбой къ П. П. Ци-

товичу, не признаетъ-ли онъ возможнымъ выслать въ Лицейскую Библіотеку „Труды Комиссіи по пересмотру Биржеваго Устава“.

13) Окончившимъ въ 1897 году курсъ наукъ въ Лицеѣ *Кедровымъ Борисомъ* представлено своевременно сочиненіе на соисканіе степени кандидата, подъ заглавіемъ: „Права и преимущества дипломатическихъ агентовъ“, которое **Опредѣлили:** Передать для разсмотрѣнія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ приватъ-доценту А. В. Шмидту.

14) Г. Директоръ заявилъ, что своевременно приняты имъ въ число студентовъ Лицея: на I курсъ: Луцкинъ Константинъ; на II курсъ: Адельгеймъ Александръ, Корзюковъ Николай—бывшій студентъ Лицея, Скибинскій Константинъ, Сливчанскій Степанъ, Стратоновъ Артемій; на III курсъ: Стратоновъ Θеодоръ и Алексѣевъ Сергѣй; и на IV курсъ: Европинъ Сергѣй, Поляковъ Леонидъ, Образцовъ Николай и Блохинъ Никита.—**Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

(Приложеніе къ ст. 7).

Инструкція кандидату Владиміру Гагену, оставленному при Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ для приготовленія къ экзамену на степень Магистра Полицейскаго права.

Занятія по Полицейскому праву должны быть сгруппированы въ 4 отдѣла:

1) Магистрантъ долженъ себѣ выяснить задачу и методъ науки Полицейскаго права, изучить ея исторію

и ознакомиться съ Исторіей Административно-Полицейскихъ учрежденій Россіи и для сравненія съ исторіей ихъ въ главнѣйшихъ государствахъ Западной Европы (преимущественно Германіи, Франціи и Англіи).

Въ качествѣ руководствъ предлагаются: а) для Исторіи науки и для изученія ея метода: *R. v. Mohl.* Die Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaften, 1858 г.; *Егоже*: Die Polizei—Wissenschaft nach den Grundsätzen des Rechtsstaates 1866 г. (Введеніе). *Bluntschli.* Geschichte des Allgemeinen Staatsrechts und der Politik; *Stein:* Verwaltungslehre; *Schmoller:* Zur Geschichte und Litteratur der Staatswissenschaften; *Marchet:* Studien über die Entwickelung der Verwaltungslehre in Deutschland. 1885.

Изъ русскихъ сочиненій: *Андреевскій*—Полицейское право, т. I., *Степановъ.* О полиціи, какъ наукѣ во Франціи 1868 г. О полиціи, какъ наукѣ въ Англіи 1868 г. (въ ученыхъ запискахъ Казанскаго Университета) *Егоже:* Первые два періода самостоятельнаго существованія науки о полиціи въ Германіи 1869 г. *Шпилевскій.* Полицейское право какъ самостоятельная отрасль правовѣданія. Для ознакомленія съ методомъ государственныхъ наукъ вообще:

Сергѣевичъ: Задача и методъ государственныхъ наукъ 1871 г. *Фриманъ*, Сравнительная политика 1880 г. (Переводъ Коркунова). *Калачевскій.* Историко-сравнительный методъ въ юриспруденціи и пріемы изученія права 1880 г. *Коркуновъ.* Лекціи по общей теоріи права 1897 г., кн. III.

Для изученія исторіи развитія административно-полицейскихъ учрежденій Россіи предлагаются слѣдующія руководства:

Учебники по Полицейскому праву: *Бунге*, *Андреевскаго*, *Антоновича*, *Тарасова*, *Шеймина*; сочиненія: *Лешкова*—Исторія русскаго общественнаго права до XVIII ст.; Русскій народъ и государство 1858 г. *Сергѣевичъ*—Вѣче и Князь, русское государственное устройство и управленіе во времена князей Рюриковичей 1867 г. *Неволинъ*—Исторія управленія съ Іоанна III до Петра Великаго. *Градовскій*—Высшая администрація 18 столѣтія и Генералъ-Прокуроры. *Егоже*: Исторія мѣстнаго управленія; сочиненія по исторіи мѣстнаго управленія: *Чичерина*, *Лохвитскаго*, *Чечулина*, *Дитятина*, *Магунова*. Государственное хозяйство Россіи первой четверти 18 столѣтія; *Анучина*: Историческій обзоръ развитія административно-полицейскихъ учрежденій въ Россіи и т. д.

При изученіи исторіи Полицейскихъ учрежденій Россіи магистрантъ долженъ знакомиться непосредственно съ важнѣйшими памятниками Полицейскаго законодательства Россіи по Полному Собран.ю законовъ, останавливаясь въ особенности на эпохѣ Петра В., Екатерины II, Александра I, Николая I.

При изученіи исторіи развитія Полицейскаго права и полицейскихъ учрежденій Западной Европы магистрантъ долженъ руководствоваться слѣдующими сочиненіями:

Gneist—Geschichte und heutige Gestalt der Aemter und des Verwaltungsrechts in England 1887; Geschichte des Selfgovernments in England 1863 г.; *Егоже*: Der Rechtsstaat 1872 г., *Калачевскій*.—Исторія Полицейской администраціи въ Англіи; *Dareste de la Chasanne* Histoire de l' administration en France. Roscher: Politik; Warnkö nig—Stein: Französische Staate und Rechtsgeschichte. *Stein:* Geschichte der socialen Bewegung in

Frankreich; Bornhar.—Geschichte des Preussischen Verwaltungsrechts; *Его же*: Germanisches Staatsrecht.

Во II отдѣлѣ должна быть изучена современная организація полицейскихъ учрежденій и система полицейскаго права Россіи и для сравненія полицейское право и полицейская организація Англіи, Франціи и Германіи.

Современныя полицейскія учрежденія Россіи должны быть изучены непосредственно по источникамъ: Св. Зак. т. I, II.

При изученіи полицейской организаціи Англіи, Франціи и Германіи слѣдуетъ руководствоваться сочиненіями: *Гнейста*—Das englische Verwaltungsrecht, *Фишель*: Die Verfassung Englands. *Haurion*—Precis de droit administratif 1897 г.; *O. Mayer*—Theorie des Französischen Verwaltungsrechts; *G. Mayer*. Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechts.

Для изученія организаціи административной юстиціи предлагаются слѣдующія сочиненія: *Vivien* Etüdes administratives. *Laferriere*. Traite de la jurisdiction administrative et des recours contentieux. 2 edit. 1896 г. *Gneist*. Verwaltung, Justiz, Rechtsweg; *Branchitsch*. Die neuen preussischen Verwaltungsgerichte 1881—82; *Куплевасскій*. Административная Юстиція.

Послѣ изученія исторіи науки Полицейскаго права, исторіи полиціи и современной ея организаціи въ Россіи и на Западѣ Европы должно перейти къ отдѣлу III, къ изученію Полиціи безопасности, и затѣмъ къ отдѣлу IV, изученію Полиціи благосостоянія. Для той и другой части должны служить руководствомъ учебники: *Андреевскаго*, *Бунге*, *Антоновича*, *Тарасова*, *Шеймина*. Затѣмъ, что касается иностранныхъ сочиненій, то особенное вниманіе должно быть обращено

въ исторической послѣдовательности на сочиненія: *Iusti*—Grundsätze der Polizeiwissenschaft 1756 (Auflage), *Sonnenfels* Grundsätze der Polizei, Handlung und Finanz, 7 Auflage 1809 г., *Berg*—Handbubh des deutschen Polizeirechts 1802; *Mohl*—Die Polizeiwissenschaft 1866 г. *Stein* Verwaltungslehre, *Sarmey*—Algemeines Verwaltungsrecht; *Schönberg*—Handbuch der polit. Ökonomie, III часть (Ср. также выше указанныя сочиненія: Meyer, Gneist, Haurion).

Изученіе литературы по полицейскому праву должно идти рука объ руку съ изученіемъ источниковъ Русскаго Полицейскаго права, помѣщенныхъ въ томахъ XI—XIV Св. Зак.

При изученіи Политической Экономіи, какъ побочнаго предмета магистранту полезно взять въ руководство кромѣ классическихъ трудовъ Смита, Рикардо, Милля, Рошера и Книса,—Schönberg—Handbuch der Polit. Ökonomie, изд. III; *Исаевъ.*—Политическая Экономія, изд. III, и *Джонъ Ингремъ.*—Исторія Политической Экономіи—переводъ Янжула. 1891 г.

Ординарный профессоръ *Э. Берендтсъ.*

Приватъ-доцентъ *А. Свирщевскій.*

1898 года, Мая 11 дня, въ засѣданіи Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора, заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго*, присутствовали: Ординарные профессоры: Э. А. *Берендтсъ* и В. Г. *Щегловъ*, профессоръ Богословія, Протоіерей Н. А. *Тихвинскій*, и. д. экстра-ординарнаго профессора А. А. *Піонтковскій*, и. д. доцента: М. А. *Липинскій*, А. Е. *Минервинъ*, М. М. *Катковъ*, приватъ-доценты: А. Р. *Свирщевскій*, В. А. *Юшкевичъ* и Д. Н. *Стефановскій*. Не присутствовалъ ординарный профессоръ Н. С. *Суворовъ* по нахожденію въ командировкѣ.

Слушали.

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и. подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа. для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) Гг. профессорами и преподавателями Лицея заявлено, что при чтеніи ими въ истекающемъ учебномъ году лекцій, всѣ они исполнили одобренные Совѣтомъ и утвержденные г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ началѣ года учебные планы.—**Опредѣлили:** Заявленія принять къ свѣдѣнію и, на основаніи § 4 Инструкціи Преподавателямъ Лицея, передать представленныя ими программы въ Экзаменаціонныя Комиссіи и испытанія начать съ 15 Мая.

3) Представлено своевременно кандидатское сочиненіе окончившимъ въ 1897 году, курсъ наукъ въ Лицеѣ *Михаиломъ Жабо*—„Объ отвѣтственности мало-

лѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ по русскому закону", которое **Опредѣлили**: Передать для разсмотрѣнія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ и. д. экстраординарнаго профессора А. А. Піонтковскому.

4) По случаю отъѣзда ординарнаго профессора Н. С. Суворова въ гор. Казань, куда назначенъ онъ предсѣдателемъ испытательной Юридической Комиссіи, **Опредѣлено**: Поручить произвести испытанія по Церковному законовѣдѣнію и Римскому праву и. д. доцента М. М. Каткову.

5) Г. Директоръ заявилъ, что Гг. профессорами и преподавателями Лицея въ теченіе 1897/8 учебнаго года прочитано и пропущено слѣдующее число лекцій:

	Прочитано.	ПРОПУЩЕНО.					
		По болѣзни.	Въ отпуску.	По нахожденію присяжными засѣдателями.	По отсутствію студентовъ.	По дѣламъ службы.	ВСЕГО.
Н. С. Суворовымъ . .	194	4	„	„	16	„	20
Э. А. Берендтсъ . .	111	2	„	4	3	„	9
В. Г. Щегловымъ . .	178	4	„	„	„	„	4
Н. А. Тихвинскимъ .	59	„	„	„	„	„	„
А. А. Піонтковскимъ .	62	4	„	2	2	„	8
М. А. Липинскимъ . .	113	17	„	„	„	„	17
А. Е. Минервинымъ .	62	48	„	4	„	„	52
А. Р. Свирщевскимъ .	84	10	„	„	„	„	10
А. В. Шмидтъ . . .	48	14	„	„	„	„	14
И. Я. Гурляндъ . . .	46	4	„	„	„	„	4
Д. Н. Стефановскимъ	56	4	„	„	2	„	6
В. А. Юшкевичемъ .	75	2	„	„	„	„	2
С. Н. Никоновымъ .	82	„	8	„	„	„	8
Итого . .	1172	113	8	10	23	„	154

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію

ЖУРНАЛЪ

Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Засѣданіе 28 Мая 1898 года.

СЛУШАЛИ:

За отъѣздомъ изъ города Ярославля, по семейнымъ дѣламъ, приватъ-доцента А. В. Шмидта, испытанія студентамъ Лицея по Международному праву **Опредѣлили:** Поручить ординарному профессору В. Г. Щеглову.

1898 года, Мая, 30 дня, въ засѣданіи Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора, заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго,* присутствовали: Ординарные профессоры: Э. А. *Берендтсъ,* В. Г. *Щегловъ,* профессоръ Богословія, Протоіерей Н. А. *Тихвинскій,* и. д. экстра-ординарнаго профессора А. А. *Піонтковскій,* и. д. доцента: М. А. Липинскій, А. Е. *Минервинъ,* М. М. *Катковъ,* приватъ-доценты: А. Р. *Свирщевскій,* В. А. *Юшкевичъ,* Д. Н. *Стефановскій.* Не присутствовалъ ординарный профессоръ Н. С. *Суворовъ* по нахожденію въ командировкѣ.

Слушали:

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили**: Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) Въ виду вакантныхъ каѳедръ: Гражданскаго Судопроизводства, Всеобщей Исторіи права и Исторіи Римскаго права, Совѣтъ, на основаніи § 35 устава Лицея, предложилъ чтеніе въ будущемъ учебномъ году: Гражданскаго Судопроизводства по 4 часа въ недѣлю и. д. доцента Липинскому, Всеобщей Исторіи права ординарному профессору Щеглову по 3 часа и Исторіи Римскаго права и. д. доцента Минервину по 3 часа въ недѣлю. Получивъ отъ всѣхъ означенныхъ лицъ согласіе, **Опредѣлили:** Поручить на предстоящій 189⁸/₉ учебный годъ чтеніе Всеобщей Исторіи права ординарному профессору Щеглову по 3 часа, Гражданскаго Судопроизводства и. д. доцента Липинскому по 4 часа и Исторіи Римскаго права и. д. доцента Минервину по 3 часа въ недѣлю и представить объ этомъ г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, на основаніи § 21 Устава Лицея, прося разрѣшенія Его Превосходительства на выдачу въ теченіе 1898—9 учебнаго года изъ суммъ, имѣющихъ остаться отъ содержанія личнаго состава по смѣтамъ 1898—99 гг.: ординарному профессору Щеглову за 3 часа 600 рублей, и. д. доцента Липинскому за 4 часа 800 рублей и и. д. доцента Минервину за 3 часа 600 рублей, начавъ таковую выдачу съ 16 Августа сего года, съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если въ теченіе года будетъ

назначенъ новый на какую либо изъ этихъ каѳедръ Преподаватель, то вознагражденіе было выдано по-расчету въ день этого назначенія.

3) Г. Директоръ предложилъ баллотированіе для чтенія лекцій въ предстоящемъ учебномъ году приватъ-доцентовъ: Свирщевскаго, Шмидта, Гурлянда, Юшкевича, Стефановскаго и Никонова; по баллотировкѣ всѣ, за исключеніемъ Гурлянда, избраны единогласно. Гурляндъ же получилъ +3—1.—**Опредѣлили:** Поручить Свирщевскому чтеніе Финансоваго права и Политической Экономіи по 3 часа въ недѣлю по каждому предмету, Шмидту—Международнаго права, Гурлянду—Торговаго права по 3 часа, Юшкевичу—Гражданскаго права по 5 часовъ, Стефановскому—Уголовнаго Судопроизводства по 3 часа и Никонову—Гражданскаго права по 5 часовъ,—съ вознагражденіемъ: Свирщевскому—1800 руб., Шмидту, Гурлянду и Стефановскому по 1.200 рублей, Юшкевичу и Никонову по 2.000 рублей, начавъ выдачу имъ вознагражденія съ 16 Августа сего года изъ суммъ, имѣющихъ остаться отъ содержанія личнаго состава Лицея по смѣтамъ 1898—9 годовъ, о чемъ и представить на утвержденіе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

4) По разсмотрѣніи общаго списка студентовъ I курса съ полученными ими на происходившихъ во 2-й половинѣ сего мѣсяца Мая испытаніяхъ отмѣтками,—**Опредѣлили:** Удостоить перевода на II курсъ студентовъ: Багрова Алексѣя, Бенедиктова Михаила, Березина Ивана, Богословскаго Александра, Болдырева Владиміра, Бѣлосельскаго Константина, Бѣлякова Михаила, Володкевича Сергѣя, Вышеславскаго Владиміра, Гладиловича Романа, Голубцова Александра, Горна Василія, Давыдовскаго Ивана, Дружинина Нико-

лая, Ефремова Александра, Замятнина Владиміра, Коссовскаго Исая, Красотина Петра, Кроллау Александра, Любимова Ивана, Малицкаго Леонида, Михалевича Θеодора, Наумова Ивана, Нуромскаго Сергѣя, Парадизова Евгенія, Попова Веніамина, Попова Григорія, Поройкова Владиміра, Пчелина Михаила, Рогова Льва, Савицкаго Игоря, Сменцовскаго Василія, Соколова Сергѣя, Спасскаго Анатолія, Теляковскаго Гавріила, Харзѣева Александра, Цируса Θеодора, Шмерлинга Моисея, Янкелевича Якова, Гаевскаго Виталія, Лебедева Аркадія, Самарина Николая и Луцкина Константина. 2) Оставить на томъ же I курсѣ на 2-й годъ: Замѣсскаго Александра, Изразцова Виктора, Коротыгина Владиміра, Кармалѣя Петра, Кравцова Петра, Лопатинскаго Мстислава, Полетаева Димитрія, Ровенскаго Кронида, Юрьева Николая, Ярославцева Александра и Масленикова Николая. 3) Уволить изъ числа студентовъ, какъ пробывшихъ на курсѣ два года: Баркова Николая, Болотова Димитрія и Гассанова Алексѣя. 4) Считать окончившими испытанія за I курсъ студентовъ: а) II курса: Вишневскаго Владиміра, Мамаева Михаила, Павловскаго Николая, б) III курса: Воробьева Александра, Давыдовскаго Петра, Пѣтухова Ивана, Страхова Петра, Четверикова Николая, Шерешевскаго Рафаила и Раевскаго Леонида; в) IV курса: Атовмянца Георгія, Быкова Александра, Воронцова—Вельяминова Виктора, Выдрина Илью, фонъ-Дервизъ Петра, Дмитренко Василія, Европина Сергѣя, Луковскаго Θаддея, Мошкова Михаила, Патушинскаго Григорія, Померанцева Николая, Розина Александра, Анѣжницкаго Александра, Штейнберга Николая, Чистякова Иннокентія, Антоневича Ивана, Блохина Никиту, Маевскаго Станислава, Сегаль Алек-

сандра, Юшкова Николая, Аракелова Аршака, Щепановскаго-Домбровича Марцеллія, Мельгунова Николая и Безкровнаго Сергѣя.

5) Прошеніе нижеслѣдующихъ студентовъ Лицея, пробывшихъ на курсахъ болѣе двухъ лѣтъ, объ оставленіи ихъ въ Лицеѣ еще на одинъ годъ: I курса: Михаила Денисова, Владиміра Крамковскаго; II курса: Василія Андріевскаго, Михаила Базина, Димитрія Богдановича, Георгія Лободы, Восилія Родіонова, Бориса Тоцкаго: III курса: Тимофея Алябьева, Александра Воробьева, Николая Леонгардта, Петра Страхова, IV курса: Казиміра Поповскаго и Василія Хотинскаго. Принимая во вниманіе обстоятельства, изложенныя въ прошеніяхъ Денисова, Крамковскаго, Андріевскаго, Лободы, Родіонова, Тоцкаго, Воробьева, Леонгардта, Страхова и Поповскаго, помѣшавшія имъ своевременно достаточно подготовится къ экзаменамъ въ истекшемъ мѣсяцѣ Маѣ для перехода на слѣдующій курсъ, **Опредѣлили:** Просить ходатайства г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ Господиномъ Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія объ оставленіи этихъ студентовъ на соотвѣтствующихъ курсахъ еще на одинъ годъ; Базину же, Богдановичу, Алябьеву и Хотинскому въ прошеніяхъ ихъ отказать.

6) По разсмотрѣніи общаго списка студентовъ II курса съ отмѣтками, полученными ими на происходившихъ во 2-й половинѣ сего мѣсяца Мая испытаніяхъ, **Опредѣлили:** 1) Удостоить перевода на III курсъ студентовъ: Александрова Владиміра, Брудинскаго Анатолія, Васильева Петра, Вишневскаго Владиміра, Донца Александра, Дорошука Өеодора, Забавскаго Леонида, Заіончковскаго Мечислава, Киселева Сергѣя, Киршфельда Густава, Корзюкова Николая, Курилова

Леонида, Лазовскаго Виктора, Липинскаго Ивана, Ломновскаго Владиміра, Мамаева Михаила, Надеждина Михаила, Павловича Владиміра, Попова Сергѣя, Редера Аблона, Рутовскаго Николая, Сливчанскаго Степана, Снѣжкова Никанора, Соколова Владиміра, Сосновскаго Николая, Сыроѣжина Михаила, Тимоѳіевича Николая, Толстаго Евгенія графа, Унковскаго Георгія, Чешкова Петра, Юрине Тениса. 2) Оставить на томъже II курсѣ, студентовъ: Зенкевича Виктора, Кишкина Ивана, Колянковскаго Сергѣя, Скабаллановича Родіона, Соколова Александра, Ястребова Михаила, Адельгейма Александра и Павловскаго Николая. 3) Уволить изъ числв студентовъ, какъ пробывшихъ на курсѣ два года: Шпигановича Александра и Башкевича Сергѣя. 4) Считать окончившима испытанія за II курсъ студентовъ: а) III курса: Липинскаго Нарциза, Новицкаго Димитрія, Пѣтухова Ивана, Стамбулова Владиміра, Унтилова Василія, Ушинскаго Григорія, Страхова Петра, Четверикова Николая, Шерешевскаго Рафаила и Воробьева Александра; б) IV курса: Атовмянца Георгія, Быкова Александра, Воронцова-Вельяминова Виктора, Выдрина Илью, фонъ-Дервизъ Петра, Дмитренко Василія, Европина Сергѣя, Луковскаго Ѳаддея, Мошкова Михаила, Патушинскаго Григорія, Померанцева Николая, Поповскаго Казиміра, Розина Александра, Снѣжницкаго Александра, Штейнберга Николая, Чистякова Иннокентія, Антоневича Ивана, Блохина Никиту, Маевскаго Станислава, Сегаля Александра, Юшкова Николая, Аракелова Аршака, Щепановскаго-Домбровича Марцеллія, Мольгунова Николая и Безкровнаго Сергѣя. 5) Бывшихъ студентовъ 1-го курса, пробывшихъ на этомъ курсѣ два года, перевести на III курсъ: Голубцова Александра и Цируса Ѳеодора.

7) Подали своевременно кандидатскія сочиненія студенты: Полѣновъ Павелъ,—„Опека надъ малолѣтними“, Демидовъ Владиміръ—„Указная доля“, Виноградовъ Константинъ—„Отвѣтственность за убытки, нанесенныя животными“, Ивановъ Николай—„Изслѣдованіе ученія о договорѣ въ пользу третьихъ лицъ“, Верхоглядовъ Николай—„Periculum rei при куплѣ-продажѣ“, Апостоловъ Нилъ—„Законъ и административное распоряженіе“, Козьмодемьянскій Александръ—„О принадлежностяхъ по русскому законодательству“, Новиковъ Николай—„Судебныя издержки и ихъ возмѣщеніе“.—**Опредѣлили**: Первыя пять сочиненій передать для прочтенія приватъ-доценту Никонову, Апостолова—ординарному профессору В. Г. Щеглову, Козьмодемьянскаго—приватъ-доценту Юшкевичу и Новикова—и. д. доцента М. А. Липинскому.

1898 года, Іюня 1 дня, въ засѣданіи Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора, заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго*, присутствовали: Ординарные профессоры: Э. А. *Берендтсъ* и В. Г. *Щегловъ*, профессоръ Богословія, Протоіерей Н. А. *Тихвинскій*, и. д. экстра-ординарнаго профессора А. А. *Піонтковскій*, и. д. доцента: М. . *Липинскій*, А. Е. *Минервинъ*, М. М. *Катковъ*, приватъ-доценты: А. Р. *Свирщевскій*, В. А. *Юшкевичъ* и Д. Н. *Стефановскій*. Не присутствовалъ ординарный профессоръ Н. С. *Суворовъ* по нахожденію въ командировкѣ.

СЛУШАЛИ:

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили**: Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) По разсмотрѣніи списковъ студентовъ 3 курса съ полученными ими въ Маѣ мѣсяцѣ на испытаніяхъ отмѣтками,—**Опредѣлили**: 1) Удостоить перевода на 4-й курсъ студентовъ: Аристова Александра, Бобинскаго Михаила, Власьевскаго Николая, Волкова Владиміра, Волкова Сергѣя, Вуколова Евгенія, Гейзеринера Александра, Гребенщикова Георгія, Григорова Михаила, Давыдова Леонида, Еѳимова Ивана, Иваньшина Анатолія, Канаева Леонида, Ковальскаго Казиміра, Липинскаго Нарциза, Назаревскаго Александра, Налбандова Михаила, Николаева Семена, Новицкаго Димитрія, Огородникова Евгенія, Попова Валерія, Попова Михаила, Родіонова Георгія. Селиверстова, Алексѣя, Сипко Вячеслава, Скрыпицына Владиміра, Солтысскаго Ивана, Стамбулова Владиміра, Стратова Ѳеодора, Суше-Дюбоассіера Сергѣя, Таробанько Виктора, Тарнавича Георгія, Тихановскаго Николая, Тихомірова Димитрія, Торна Константина, Траусталь Іоганна, Унтилова Василія, Ушинскаго Григорія, Черныша Діонисія, Шкляра Ивана, Шмелева Виктора, Шмидта Владиміра, Шульгина Николая, Юшкевича Бориса, Ѳедосѣева Константина, Китицына Владиміра, Четверикова Николая, Шерешевскаго Рафаила, Іодловскаго Иннокентія, Раевскаго Леонида, Вишневскаго Владиміра, Забавскаго Леонида, Пѣтухова Ивана, Корзюкова Ни-

колая. 2) Оставить на томъже 3 курсѣ: Александрова Вячеслава, Александрова Петра, Арычкина Александра, Беренштамъ Генриха, Винокурова Өеодора, Губаржевскаго Виктора, Давыдовскаго Петра, Золотилова Ивана, Лазо Ивана, Панченко Владиміра, Пересвѣтова Николая, Першачева Александра, Подорогу Димитрія, Руденко Ивана, Семиградова Ивана, Смирнова Николая, Соколовскаго Николая, Щипанова Константина. 3) Уволить изъ числа студентовъ, какъ пробывшихъ на курсѣ два и болѣе лѣтъ: Алексѣева Сергѣя, Алябьева Тимоөея и Вызго Іосифа. 4) Считать окончившими испытанія за 3-й курсъ студентовъ 4 курса: Атовмянца Георгія, Быкова Александра, Воронцова-Вельяминова Виктора, Выдрина Илью, фонъ-Дервиза Петра, Дмитренко Василія, Духанина Бориса, Европина Сергѣя, Кабекъ Петра, Луковскаго Өаддея, Мельгунова Николая, Мошкова Михаила, Патушинскаго Григорія, Померанцева Николая, Розина Александра, Снѣжницкаго Александра, Штейнберга Николая, Чистякова Иннокентія, Антоневича Ивана, Блохина Никиту, Маевскаго Станислава, Сегаля Александра, Юшкова Николая, Аракелова Аршака, Щепановскаго-Домбровича Марцеллія и Коверскаго Бронислава.

3) Библіотеку Лицея въ теченіе каникулярнаго времени **Опредѣлили:** Открывать по субботамъ съ 10 ч. утра.

4) По заявленію ординарнаго профессора В. Г. Щеглова **Опредѣлили:** Напечатать во Временникѣ Лицея публичнуюлекцію его—„Положеніе и права женщинъ въ семьѣ и обществѣ въ древности, средніе вѣка и новое время“.

5) Окончившій курсъ въ Лицеѣ Карлъ Зевальдъ подалъ кандидатское сочиненіе: „Вопросъ объ юридическомъ свойствѣ береговъ моря и большихъ озеръ по

русскому гражданскому праву".—**Опредѣлили:** Передать приватъ-доценту В. А. Юшкевичу.

6) По разсмотрѣніи общаго списка балловъ студентовъ за всѣ четыре курса.—**Опредѣлили:** 1) Студентовъ, представившихъ кандидатскія сочиненія, отзывы о которыхъ заслушаны въ настоящемъ засѣданіи, удостоить степени кандидата и отзывы во Временникѣ Лицея напечатать: Верхоглядова Николая за сочиненіе „Periculum rei при куплѣ-продажѣ"; Виноградова Константина—„Отвѣтственность за убытки, наносимые животными", Демидова Владиміра—„Указная доля", Иванова Николая—„Изслѣдованіе ученія о договорахъ въ пользу третьихъ лицъ", Полѣнова Павла—„Опека надъ малолѣтними" (отзывы приватъ-доцента Никонова) и Новикова Николая—„Судебныя издержки и ихъ возмѣщеніе" (отзывъ г. Липинскаго). 2) Удостоить званія Дѣйствительнаго студента съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи въ полугодичный срокъ диссертацій: Болотова Петра, Выдрина Илью, Геллера Владиміра, Герца Гвидона, Искржицкаго Петра, Кленовскаго Бориса, Клочковскаго Вячеслава, Константинова Петра, Лебедева Александра, Осипова Павла, Патушинскаго Григорія, Протасьева Александра, Рождественскаго Николая, Севастьянова Вячеслава, Снѣжницкаго Александра, Столбова Ивана, Ткаченко Димитрія, Троицкаго Николая, Чикова Аксенсима, Чистякова Иннокентія, Аракелова Аршака, Налбандова Михаила и Шкляра Ивана. 3) Удостоить званія Дѣйствительнаго студента: Аврамова Александра, Айвазова Сергѣя, Анисимова Ивана, Атовмянца Георгія, Багрова Александра, Безкровнаго Сергѣя, Борисенко Алексѣя, Быкова Александра, Воротынскаго Владислава, Дамянскаго Петра,

фонъ-Дервизъ Петра, Дмитренко Василія, Европина Сергѣя, Захарьина Александра, Коверскаго Бронислава, Кондратьева Константина, Корсунскаго Николая, Лира Николая, Логвинова Александра, Дуковскаго Θаддея, Маргуліуса Владиміра, Мельгунова Николая, Мошкова Михаила, Муранова Якова, Николаева Петра, Полякова Леонида, Померанцева Николая, Путяту Николая, Розина Александра, Серебрякова Алексѣя, Скибневскаго Леонида, Сферина Аристарха, Стратова Θеодора, Топчіева Никиту, Фельдта Владиміра, Фратицу Ивана, Штейнберга Николая, Штаммъ Ростислава, Антоневича Ивана, Блохина Никиту, Маевскаго Станислава, Сегаль Александра, Юшкова Николая, Щепановскаго-Домбровича Марцеллія, Ковальскаго Казиміра, Пѣтухова Ивана и Четверикова Николая. 4) Оставить на томъ-же 4-мъ курсѣ студентовъ: Воронцова-Вельяминова Виктора, Духанина Бориса' Палатникова Николая, Гурьева Сергѣя. 5) Уволить изъ числа студентовъ, какъ пробывшихъ два и болѣе лѣтъ: Кабека Петра и Хотинскаго Виталія. 6) Окончившимъ курсъ выдать надлежащіе аттестаты.

(Приложеніе къ ст. 6-й).

I.

Periculum rei при куплѣ-продажѣ. Сочиненіе студента IV курса Никклая Верхоглядова.

Выяснивъ практическое значеніе излагаемаго имъ вопроса, авторъ въ началѣ сочиненія излагаетъ ученіе Римскаго права о periculum rei, послѣ чего въ сжа-

томъ хотя, но хорошо изложенномъ очеркѣ, съ умѣлымъ пользованіемъ главнѣйшею литературою предмета, выясняетъ состояніе вопроса о periculum rei по западно-европейскимъ законодательствамъ и литтературѣ. Здѣсь вниманіе автора обращено по преимуществу на изложеніе вопроса темы въ случаяхъ гибели вещей, индивидуально не опредѣленнаго контрагентами въ моментъ заключенія договора.

Вторая главная часть сочиненія посвящена ученію о periculum rei по русскому праву. Здѣсь авторъ подробно останавливается на разсмотрѣніи нашего законодательства, сенатской практики и литературы по данному вопросу, разсматривая особо случаи a) продажи недвижимыхъ и движимыхъ вещей, опредѣленныхъ индивидуально,—b) продажи вещей генерически лишь означенныхъ сторонами въ договорѣ, гдѣ авторъ при опредѣленіи момента перехода риска по вещи на покупателя является, безъ достаточно убѣдительныхъ впрочемъ основаній, сторонникомъ примѣненія и по нашему праву Indiwidualisirungstheorie, и c) случаи продажи per aversionem, когда по мнѣнію автора, тоже къ сожалѣнію слабо обоснованному, periculum rei переходитъ на покупателя съ момента заключенія договора.

Въ виду внимательнаго и подробнаго разсмотрѣнія авторомъ основнаго вопроса его сочиненія, умѣлаго пользованія разработаннымъ матеріаломъ, равно какъ серьезнаго изученія русскаго законодательства и сенатской практики, я полагалъ-бы возможнымъ признать г. Верхоглядова кандидатомъ юридическихъ наукъ.

С. Никоновъ.

II.

„Отвѣтственность за убытки, наносимые животными“. Сочиненіе студента IV курса Константина Виноградова.

Сочиненіе г. Виноградова раздѣляется на двѣ неравныя по объему части, изъ которыхъ въ первой трактуется объ общихъ положеніяхъ отвѣтственности за вредъ отъ животныхъ,—вторая же часть посвящена вопросу о потравахъ.

Въ первой части сочиненія авторъ прежде всего излагаетъ ученіе Римскаго права по данному вопросу, при чемъ въ основныхъ положеніяхъ своихъ придерживается воззрѣнія, высказаннаго ad hoc Eisele въ его „Civilestische Kleinigkeiten“, не установивъ однако достаточно ясно различія въ характерѣ и свойствахъ отвѣтственности, по эдикту эдиловъ, владѣльцевъ хищныхъ животныхъ, равно какъ юридической природы actio de pauperie, какъ ноксальнаго иска. Изъ новыхъ законоположеній авторъ болѣе всего удѣляетъ вниманія французскому праву, взглядъ котораго по данному вопросу изложенъ хорошо.

Ученіе русскаго права объ отвѣтственности за вредъ отъ животныхъ изложено г. Виноградовымъ хорошо и подробно, въ его историческомъ развитіи по нашему законодательству, что нельзя не поставить ему въ заслугу, особенно если вспомнить почти полное отсутствіе нетолько въ законѣ, но и въ литтературѣ нашей, изложенія даннаго вопроса. Здѣсь, въ концѣ отдѣла, авторъ, излагая основной вопросъ темы de lege ferenda,

удачно, на нашъ взглядъ, комбинируетъ выраженныя въ римскомъ и французскомъ правахъ правила ad hoc и для нашего права.

Принимая въ соображенie высказанное авторомъ въ его работѣ хорошее юридическое мышленie, умѣлое и внимательное пользованie источниками и пособiями, равно какъ всестороннее изученie вопроса темы по русскому праву, я полагалъ бы возможнымъ ходатайствовать передъ Совѣтомъ Лицея о награжденiи г. Виноградова искомою имъ степенью кандидата юридическихъ наукъ.

С. Никоновъ.

III.

„Указная доля“. Работа студента IV курса Демидова Владимiра.

Разсматривая вопросъ объ указной долѣ въ ея историческомъ развитiи, авторъ изложилъ собственно говоря, исторiю развитiя наслѣдственныхъ правъ женщины по нашему закону, начиная съ первыхъ по времени пошедшихъ до насъ источниковъ права—договора Олега съ Греками, Русской Правды, Псковской Судебной Грамоты и др. При этомъ г. Демидовъ, вслѣдъ за Неволинымъ, указываетъ на ту важную роль духовенства, какую оказало оно въ области излагаемаго имъ вопроса, на право наслѣдованiя женщинъ,—путемъ примѣненiя здѣсь нормъ Византiйскаго права. Въ этой части сочиненiя авторъ хорошо и подробно

выясняетъ исторію развитія института „Указной доли“ по русскому праву, равно какъ тѣ причины, которыми онъ былъ вызванъ къ жизни

Слѣдующая часть сочиненія посвящена ученію объ указной долѣ по дѣйствующему праву, гдѣ г. Демидовъ излагаетъ ученіе о наслѣдованіи дочерей и супруговъ, каждое въ отдѣльности, выясняя теорію институтовъ, взгляды нашихъ юристовъ по спорнымъ въ данной области вопросамъ права и проводя вмѣстѣ съ тѣмъ основныя положенія обычнаго наслѣдственнаго права крестьянъ, касающіяся разсматриваемыхъ вопросовъ.

Начитанность автора, умѣлое и подробное изложеніе имъ даннаго вопроса, особенно съ исторической точки зрѣнія по русскому праву, даютъ мнѣ основаніе ходатайствовать передъ Совѣтомъ Лицея о назначеніи г. Демидову искомой имъ степени кандидата юридическихъ наукъ.

С. Никоновъ.

IV.

„Изслѣдованіе ученія о договорахъ въ пользу третьихъ лицъ“ Студента IV курса Демидовскаго Юридическаго Лицея Николая Иванова.

Установивъ въ краткомъ очеркѣ существенное признаніе различія договоровъ въ пользу третьихъ лицъ отъ случаевъ соучастія и представительства, авторъ въ

дальнѣйшемъ изложеніи достаточно подробно излагаетъ содержаніе главнѣйшихъ теорій; данныхъ писателями въ цѣляхъ выясненія юридической природы настоящаго иститута; при чемъ критически разсматриваетъ высказанные по этому поводу взгляды Савиньи, Бера, Виндшейда, Мейера, Побѣдоносцева, Нерсесова и Циммермана. Не признавая ни одного изъ нихъ вполнѣ правильнымъ, г. Ивановъ подробно излагаетъ собственное воззрѣніе на юридическую природу изслѣдуемаго имъ института, согласно которому онъ признаетъ договоры эти, какъ договоры объ установленіи односторонняго обѣщанія въ пользу третьяго неучаствующаго въ сдѣлкѣ лица, отъ воли котораго зависитъ уже развить или нѣтъ это обѣщаніе въ самостоятельный договоръ его съ промиттентомъ. Остальная часть сочиненія посвящена краткому изложенію постановленій Прусскаго, Французскаго, Остзейскаго и Русскаго гражданскаго законодательствъ по данному вопросу.

Принимая во вниманіе серьезное юридическое мышленіе автора, въ достаточной степени проявившееся при созданіи имъ самостоятельной теоріи о договорахъ въ пользу третьихъ лицъ, а равно достаточныя общія свѣдѣнія по изслѣдуемому имъ вопросу, и не смотря на нѣкоторые довольно значительные недостатки его сочиненія, каковыми напримѣръ являются слабое его знакомство съ новѣйшей литературой по данному вопросу, недостаточно ясное и удовлетворительное мѣстами изложеніе и критика существующихъ уже теорій и проч., я считалъ-бы возможнымъ ходатайствовать передъ Совѣтомъ Лицея о награжденіи автора настоящаго сочиненія степенью кандидата юридическихъ наукъ.

Сергѣй Никоновъ.

V.

Опека надъ малолѣтними. Работа студента IV курса Павла Полѣнова.

Въ началѣ работы авторомъ обращено вниманіе на то, что въ существующей литтературѣ по вопросу объ опекѣ не имѣется общепризнаннаго всѣми опредѣленія даннаго института; почему г. Полѣновъ даетъ свое опредѣленіе опеки, какъ установленнаго закономъ способа заботъ и попеченія объ личности и объ имуществѣ тѣхъ лицъ, которыя сами не могутъ охранять свои интересы вслѣдствіе общей недѣеспособности или же благодаря невозможности вслѣдствіе тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ самимъ управлять своимъ имуществомъ. Установивъ общее понятіе института опеки, авторъ выясняетъ далѣе юридическую природу опеки надъ малолѣтними, какъ вида изъ одного обширнаго genus.

Изложивъ въ этихъ цѣляхъ, въ краткомъ очеркѣ, ученіе объ опекѣ по римскому, англійскому, французскому и прусскому праву, авторъ далѣе подробно разсматриваетъ данный институтъ по нашему праву, въ его историческомъ развитіи; при чемъ какъ здѣсь, такъ равно въ другихъ мѣстахъ своей работы, высказываетъ начитанность въ литературѣ по данному предмету, особенно русской. Въ послѣдней части сочиненія авторъ критически разсматриваетъ существующія по дѣйствующему праву узаконоположенія объ опекѣ, умѣло и удачно выясняя ихъ недостатокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ de lege ferenda выставляетъ тѣ желательныя

измѣненія въ этой области, какія онъ считаетъ полезными. Здѣсь одновременно г. Полѣновъ разсматриваетъ и законопроэкты объ опекахъ 1871 и 1891 г.г. критически относясь къ ихъ содержанію

Принимая въ соображеніе умѣлое пользованіе автора источниками и пособіями, начитанность въ нихъ, равно какъ ясное изложеніе даннаго вопроса, я полагалъ бы возможнымъ предоставить г. Полѣнову искомую имъ степень кандидата юридическихъ наукъ.

Сергѣй Никоновъ.

VI.

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи студента Н. Новикова „Судебныя издержки и ихъ возмѣщеніе“, представленнымъ для полученія степени кандидата.

Сочиненіе студента Новикова, представленное имъ для полученія степени кандидата и переданное мнѣ Совѣтомъ для разсмотрѣнія, посвящено ученію о судебныхъ издержк. на западѣ и у насъ Давъ краткій очеркъ положенія вопроса о судебныхъ издержкахъ на западѣ и у насъ, студентъ Новиковъ засимъ разсматриваетъ послѣдовательно упомянутые въ нашемъ законѣ виды судебныхъ издержекъ, указывая въ отношеніи къ каждому изъ этихъ видовъ предметъ, размѣръ и время оплаты. Третья часть сочиненія посвящена вопросу о возмѣщеніи судебныхъ издержекъ и въ заключеніи говорится объ изъятіяхъ отъ платежа судебныхъ издержекъ.

По указанной здѣсь системѣ студентъ Новиковъ разсмотрѣлъ статьи устава гражданскаго судопроизводства, относящіяся до судебныхъ издержекъ. Его изслѣдованіе не есть догматическое изложеніе процессуальныхъ ученій, касающихся судебныхъ издержекъ, а скорѣе краткій комментарій къ упомянутымъ статьямъ устава. Главнымъ руководствомъ для г. Новикова служила книга г. Анненкова „Комментарій къ Уставу гражданскаго судопроизводства", въ дополненіе къ которой онъ пользовался руководствомъ Побѣдоносцева, изслѣдованіями профессор. Загоровскаго, Адамовича, а отчасти статьями въ повременныхъ изданіяхъ г.г. Конисскаго, Юренева и другихъ.

Придавъ своему изслѣдованію характеръ краткаго комментарія, студентъ Новиковъ сузилъ значительно свою задачу и лишилъ себя возможности воспользоваться сравнительно—историческимъ матеріаломъ по избранной имъ темѣ. Онъ не только не обратилъ вниманія на постановку ученія о судебныхъ издержкахъ въ иностранномъ законодательствѣ и практикѣ, но не коснулся и той постановки, которую это ученіе имѣло въ нашемъ прежнемъ дореформенномъ правѣ. Авторъ не остановился и на теоретическомъ вопросѣ о значеніи судебныхъ издержекъ вообще, не обратилъ напримѣръ вниманія на мотивы, по которымъ у насъ въ судахъ мировой юстиціи первоначально не взимались судебныя пошлины, а потомъ были введены.

Обращаясь отъ вопроса, что авторомъ не сдѣлано къ вопросу, какъ имъ исполнена скромная задача, которую онъ себѣ поставилъ, задавшись цѣлію прокомментировать соотвѣтствующія статьи устава, я считаю долгомъ отмѣтить, что названная задача исполнена студентомъ Новиковымъ удовлетворительно. Изложеніе

его отличается правильностію языка, выдержанностью системы, при чемъ во всѣхъ случаяхъ авторъ обнаруживаетъ знакомство съ законодательными нормами и съ указанными выше пособіями.

Въ виду означенныхъ достоинствъ сочиненія студента Новикова, я считаю долгомъ высказаться за признаніе этого сочиненія удовлетворяющимъ условіямъ, требующимся отъ кандидатскаго разсужденія.

И. д. доцента *Мар. Липинскій.*

1898 года, Августа, 20 дня, въ засѣданіи Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора, заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго* присутствовали: Ординарные профессоры: Н. С. *Суворовъ*, Э. А. *Берендтсъ*, и. д. экстра-ординарнаго профессора А. А. *Піонтковскій*, и. д. доцента: М. А. *Липинскій*, приватъ-доценты: А. Р. *Свирщевскій* и С. П. *Никоновъ*.

СЛУШАЛИ:

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) Предложеніе г. Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 28 минувшаго Іюля за № 17,955,

коимъ, вслѣдствіе представленія Совѣта Лицея, разрѣшаетъ производить добавочное жалованье въ теченіе 1898—99 учебнаго года или до назначенія особыхъ преподавателей, если то случится ранѣе сего срока, и. д. доцента Липинскому за чтеніе Гражданскаго судопроизводства за 4 часа въ недѣлю, въ количествѣ 800 рублей; ординарному профессору Щеглову за чтеніе Всеобщей Исторіи права за 3 часа въ недѣлю 600 рублей, и и. д доцента Минервину за 3 часа въ недѣлю чтенія Исторіи Римскаго права, въ размѣрѣ 600 рублей, начавъ таковую выдачу съ 16 Августа текущаго года, съ отнесеніемъ означеннаго расхода на суммы, имѣющія остаться свободными отъ содержанія личнаго состава Лицея по смѣтамъ 1898—1899 г.г.— **Опредѣлили**: Принять къ исполненію, для чего копію съ заслушаннаго предложенія передать въ правленіе Лицея.

3) Предложеніе г. Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 28 Іюля сего года за № 17.956, коимъ вслѣдствіе представленія Совѣта Лицея, разрѣшаетъ производить выдачу въ теченіе 1898—99 учебнаго года изъ суммъ, имѣющихъ остаться свободными отъ содержанія личнаго состава Лицея по смѣтамъ 1898—99 г.г. вознагражденія приватъ-доцентамъ сего Лицея—Свирщевскому за чтеніе имъ Политической Экономіи и Науки о финансахъ 1800 рублей, Шмидту за чтеніе Международнаго права, Гурлянду—Торговаго права, Стефановскому—Уголовнаго Судопроизводства, каждому по 1.200 рублей, Юшкевичу и Никонову за чтеніе ими Гражданскаго права по 2.000 рубл., начавъ таковую выдачу съ 16 Августа сего года, но съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ, если въ теченіе года будетъ назначенъ штатный преподаватель на какую-ли-

бо изъ названныхъ каѳедръ, то вознагражденіе было выдано по расчету по день этого назначенія.—**Опредѣлили:** Принять къ исполненію, для чего въ Правленіе Лицея передать копію съ заслушаннаго предложенія.

4) Предложеніе г. Управляющаго Московскимъ Учебнымъ округомъ отъ 31 минувшаго Іюля за № 18.317, коимъ разрѣшаетъ напечатать во Временникѣ Лицея протоколы засѣданій Совѣта сего Лицея, состоявшихся 20 Апрѣля, 7, 22, 24, 25, 30 и 31 Мая 1896 г.—**Опредѣлили:** Принять къ исполненію.

5) Предложеніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа отъ 11 сего Августа за № 18.976, коимъ, увѣдомляя, что пріемъ въ текущемъ году въ число студентовъ сего Лицея лицъ, окончившихъ курсъ Духовныхъ Семинарій по 1-му разряду, можетъ быть произведенъ безъ повѣрочныхъ экзаменовъ,—проситъ представить, для донесенія Министерству Народнаго Просвѣщенія, мнѣніе и заключеніе Совѣта Лицея относительно установленія на будущее время для вышеозначенныхъ лицъ повѣрочныхъ экзаменовъ при поступленіи въ студенты Лицея.—**Опредѣлили:** Предложеніе принять къ исполненію, а для будущаго времени установить для окончившихъ курсъ въ Духовныхъ Семинаріяхъ по 1-му разряду, при пріемѣ ихъ въ студенты Лицея, повѣрочныя испытанія по Исторіи и Латинскому языку, при чемъ съ экзаменующихъ взимать въ пользу экзаменаторовъ по 3 рубля.

6) Прошеніе студента Лицея 4 курса Николая Рязанова о выдачѣ ему, какъ достигшему нынѣ 28-лѣтняго возраста, удостовѣренія для представленія въ Костромское Уѣздное по воинской повинности Присутствіе при исходатайствованіи дополнительной отсрочки отбыванія воинской повинности до окончанія обра-

зованія въ Лицеѣ.—**Опредѣлили:** Выдать Рязанову просимое удостовѣреніе, указавъ въ ономъ, что означенный студентъ можетъ окончить полный курсъ наукъ въ Лицеѣ къ 1 Іюня 1899 года.

7) Окончившіе въ нынѣшнемъ году курсъ наукъ въ Лицеѣ съ правомъ на полученіе степени Кандидата Юридическихъ наукъ по представленіи диссертацій Клочковскій Вячеславъ и Искржицкій Петръ представили таковыя сочиненія: Клочковскій на тему—„Подоходный налогъ въ связи съ общей теоріей налоговъ", а Искржицкій—„О кандидатахъ на судебныя должности".—**Опредѣлили:** Передать эти сочиненія для разсмотрѣнія и доставленія въ Совѣтъ отзывовъ о нихъ: первое—А. Р. Свирщевскому, а второе—Д. Н. Стефановскому.

8) Г. Директоръ заявилъ, что вслѣдствіе смерти и. д. доцента А. Е. Минервина является необходимость озаботиться объ обезпеченіи преподаванія наукъ, читавшихся покойнымъ Минервинымъ, именно Институцій Римскаго права и Исторіи Римскаго права, и что онъ полагалъ-бы съ своей стороны поручить преподаваніе послѣдней приватъ-доценту Никонову. Что-же касается Институцій Римскаго права, которыя по Уставу соединены съ Энциклопедіей права въ оной каѳедрѣ, представителемъ которой состоитъ ординарный профессоръ Щегловъ, то онъ, Щегловъ, высказалъ готовность принять на себя чтеніе и этой науки, но г. Директоръ полагалъ-бы, что чтеніе г. Щегловымъ на I курсѣ трехъ наукъ—Энциклопедіи права, Всеобщей Исторіи права, порученной ему Совѣтомъ, и Институцій было бы не педагогично, и поэтому полагалъ бы поручить чтеніе Институцій спеціалисту этой науки, приватъ-доценту по каѳедрѣ Гражданска-

го права Юткевичу, который въ настоящее время занимается къ тому-же редакціей перевода Институцій Чиларжа съ нѣмецкаго языка. Профессоръ Суворовъ заявилъ, что въ настоящее время, за смертію Минервина, представляется удобный случай возбудить вопросъ о соединеніи Институцій съ Исторіей Римскаго права въ одну каѳедру, съ отчисленіемъ Институцій отъ каѳедры Энциклопедіи и съ упраздненіемъ Всеобщей Исторіи права, которой нѣтъ въ Университетахъ, такъ какъ существующія теперь каѳедры, именно— Энциклопедія права въ соединеніи съ Институціями Римскаго права и Всеобщая Исторія права со включеніемъ Римскаго затрудняютъ обезпеченіе преподаванія по названнымъ наукамъ. Совѣтъ нашелъ, что предположеніе профессора Суворова о соединеніи Институцій съ Исторіей Римскаго права съ упраздненіемъ науки Всеобщей Исторіи права есть новое, не предвидѣвшееся Членами Совѣта предложеніе, а что въ настоящемъ засѣданіи рѣчь идетъ о необходимости немедленнаго обезпеченія преподаванія наукъ, читавшихся умершимъ А. Е. Минервинымъ. Профессоръ Суворовъ заявилъ, что усматривая тѣсную связь между вопросомъ объ измѣненіяхъ въ двухъ указанныхъ имъ каѳедрахъ съ вопросомъ объ обезпеченіи преподаванія наукъ, относенныхъ къ этимъ каѳедрамъ, онъ, за отказомъ Совѣта войти въ обсужденіе перваго изъ нихъ, внесетъ въ Совѣтъ къ слѣдующему его засѣданію особое мотивированное предложеніе. Что же касается удовлетворенія временной потребности въ обезпеченіи преподаванія, Исторіи Римскаго права и Институцій, то профессоръ Суворовъ, не возражая противъ порученія преподаванія Исторіи Римскаго права приватъ-доценту Никонову, какъ относящейся къ вакантной

каѳедрѣ, оспаривалъ возможность порученія преподаванія Институцій приватъ-доценту Юшкевичу, тѣмъ болѣе съ платой, такъ какъ каѳедра, къ которой принадлежитъ Энциклопедія права и Институціи Римскаго права, замѣщена ординарнымъ профессоромъ Щегловымъ. Затѣмъ относительно возможности вознагражденія за чтеніе лекцій по каѳедрѣ вакантной, и. д. доцента Липинскій высказалъ, что въ Уставѣ Лицея содержится лишь запрещеніе штатному преподавателю читать съ вознагражденіемъ лекціи по другой, невакантной каѳедрѣ, и что приватъ-доцентъ не пріуроченъ къ опредѣленной каѳедрѣ; профессоръ же Суворовъ отрицалъ различіе въ этомъ отношеніи между штатнымъ преподавателемъ и приватъ-доцентомъ. Въ заключеніе преній Г. Директоромъ поставленъ былъ вопросъ о порученіи преподаванія Исторіи Римскаго права Никонову и рѣшено единогласно съ тѣмъ, чтобы Никоновъ читалъ 3 часа въ недѣлю съ вознагражденіемъ по 200 рублей за годовой часъ. Относительно порученія преподаванія Институцій Юшкевичу поставлены были тогда слѣдующіе вопросы: 1) можетъ-ли вообще быть поручаемо преподаваніе по каѳедрѣ невакантной приватъ-доценту, назначенному для чтенія другаго предмета, и 2) можетъ-ли быть оплачиваемо таковое преподаваніе особымъ вознагражденіемъ. Оба вопроса Совѣтъ рѣшилъ (четыре голоса противъ одного голоса Суворова) утвердительно, и чтеніе Институцій Римскаго права по 3 часа въ недѣлю съ вознагражденіемъ по 200 рублей за часъ Совѣтъ поручилъ приватъ-доценту Юшкевичу. Послѣ того профессоръ Суворовъ заявилъ, что онъ остается при особомъ мнѣніи, которое и представитъ въ слѣдующее засѣданіе Совѣта.

1898 года, Августа, 25 дня, въ засѣданіи Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора, заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго*, присутствовали: Ординарные профессоры: Н. С. *Суворовъ*, Э. А. *Берендтсъ* и В. Г. *Щегловъ*, профессоръ Богословія, Прот. Н. А. *Тихвинскій*, и. д. экстра-ординарнаго профессора А. А. *Піонтковскій*, и. д. доцента М. А. *Липинскій*, приватъ-доценты Д. Н. *Стефановскій* и С. Н. *Никоновъ*.

СЛУШАЛИ.

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи содержанія 8-й статьи протокола засѣданія Совѣта 20 сего Августа по поводу порученія чтенія въ Лицеѣ лекцій по Институціямъ Римскаго права и Исторіи Римскаго права, читавшихся умершимъ и. д. доцента Минервинымъ, и представленнаго ординарнымъ профессоромъ Суворовымъ отдѣльнаго мнѣнія по этому вопросу, Совѣтъ единогласно остался при прежнемъ своемъ рѣшеніи.—**Опредѣлили:** Преставить о семъ на благоусмотрѣніе г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа.

3) Предложеніе г Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 21 сего Августа за № 19.517, коимъ увѣдомляетъ, что за Управляющаго Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія. Г. Товарищъ Минист-

ра разрѣшаетъ оставить студентовъ Лицея: 1 курса— Михаила Денисовъ, Владиміра Крамковскаго, 2 курса— Василія Андріевскаго, Георгія Лободу, Василія Родіонова, Бориса Топкаго, 3 курса—Александра Воробьева, Николая Монгардта, Петра Страхова, и 4 курса— Казиміра Поповскаго на третій годъ на соотвѣтствующихъ курсахъ.—**Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

4) Изготовленную приватъ-доцентомъ А. В. Шмидтъ актовую рѣчь—„Проэкты всеобщаго разрѣшенія“, а г. Директоромъ отчетъ (лѣтопись) о положеніи Лицея за истекшій 189⁷/₈ учебный годъ **Опредѣлили:** Одобрить для произнесенія на актѣ 30 Августа сего года и лѣтопись напечатать во Временникѣ Лицея.

5) По выслушаніи въ настоящемъ засѣданіи прилагаемаго при семъ отзыва ординарныхъ профессоровъ В. Г. Щеглова и Э. А. Берендтса о сочиненіи представленномъ на соисканіе медали, подъ заглавіемъ „Общая теорія объ обычномъ правѣ, провѣренная по матеріаламъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа, изданнымъ Яновскимъ“, подъ девизомъ—„Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas“,—**Опредѣлили:** Признать автора этого сочиненія достойнымъ награжденія золотою медалью. По вскрытіи же конверта съ девизомъ, авторомъ сочиненія оказался окончившій въ 1897 году курсъ наукъ въ Лицеѣ *Леонидъ Петровъ*, котораго, кромѣ награжденія медалью, утвердить въ степени кандидата юридическихъ наукъ, отзывъ же о сочиненіи напечатать во Временникѣ Лицея.

6) Прошеніе студента Лицея 4 курса Петра Кабека о разрѣшеніи ему остаться на этомъ курсѣ на 2-й годъ, такъ какъ вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ онъ не имѣлъ возможности основательно подготовиться къ испытаніямъ въ Маѣ сего года и окончить курсъ

наукъ въ Лицеѣ. По обсужденіи **Опредѣлили**: Просить ходатайства г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа предъ Господиномъ Управляющимъ Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія объ оставленіи Кабека на 4 курсѣ еще на одинъ годъ.

7) Прошеніе студента Лицея, 4 курса, Алексѣя Селиверстова о выдачѣ ему, какъ нынѣ имѣющему 27 лѣтъ, удостовѣренія для представленіе въ Старобельское Уѣздное по воинской повинности Присутствіе при исходатайствованіи дополнительной отсрочки отбыванія воинской повинности до окончанія образованія въ Лицеѣ. **Опредѣлили**: Выдать Селиверстову просимое удостовѣреніе, указавъ въономъ, что означенный студентъ можетъ окончить полный курсъ наукъ въ Лицеѣ къ 1 Іюня 1890 года.

8) Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ Лицея приняты имъ: на I курсъ—Архангельскій Викторъ,—Курской Семинаріи, Бернацкій Иванъ—Радомской Гимназіи, Бѣлокрылинъ Петръ—Кронштадской Гимназіи, Гайдуковскій Владиміръ—Таврической Семинаріи, Каменцевъ Алексѣй—Смоленской Семинаріи, Кирилловъ Викторъ—Вологодской Семинаріи, Лавровъ Василій—Ярославской Семинаріи, Лазовскій Борисъ—Ярославской Гимназіи, Львовъ Сергѣй—Тверской Семинаріи, Масальскій Димитрій—Ярославской Семинаріи, Милославовъ Павелъ—Ярославской Семинаріи, Невскій Сергѣй—Ярославской Семинаріи, Норскій Николай—Ярославской Гимназіи, Орловъ Константинъ—Ярославской Семинаріи, Печковскій Павелъ—Елатомской Гимназіи, Покровскій Сергѣй—Рижской Гимназіи, Рейхштадтъ Абрамъ—Рыбинской Гимназіи, Слонимъ Іуда—Московскаго Университета (Смоленской гимназіи), Соколовъ Александръ—Ярославской Семинаріи,

Соколовъ Владиміръ—Ярославской Семинаріи, Сперанскій Николая—Новгородской Семинаріи, Студицкій Павелъ—Ярославской Семинаріи, Тарнавичъ Евгеній—Златопольской Гимназіи, Татариновъ Сергѣй—Виѳанской Семинаріи, Тороповъ Сергѣй—Ярославской Семинаріи, Ширяевъ Василій—Смоленской Семинаріи и Ярмошъ Андрей—Полтавской Семинаріи; на II курсъ: Васильевъ Василій—изъ Московскаго Университета (Елатомской гимназіи), Дьяконовъ Николай—Петербургскаго Университета (Гимназіи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества), Рубинштейнъ Димитрій—Харьковскаго Университета (Ришельевской гимназіи), Слѣпцовъ Владиміръ—Московскаго Университета, (Саратовской гимназіи); на III курсъ: Штакельбергъ Вольдемаръ—бывшій студентъ Лицея; на IV курсъ: Балашевъ Левъ—изъ Московскаго Университета (Гимназіи Креймана), Залѣсскій Александръ—Казанскаго Университета (1-й Казанской гимназіи), Котковскій Иванъ—Московскаго Университета (1-й Казанской гимназіи), Рязанцевъ Николай—Московскаго Университета (Костромской гимназіи) и Тютчевъ Ѳеодоръ—Московскаго Университета (Лицея въ память Цесаревича Николая).—**Опредѣлили**: Принять къ свѣдѣнію.

9) По выслушаніи прилагаемаго при семъ предложенія ординарнаго профессора Н. С. Суворова объ отдѣленіи Институцій Римскаго права отъ каѳедры Энциклопедіи права и соединеніи Институцій въ одной каѳедрѣ съ Исторіей Римскаго права, а также объ упраздненіи науки Всеобщей Исторіи права, Совѣтъ, находя, что предложеніе касается органическаго измѣненія Высочайше утвержденнаго Устава Лицея, полагалъ-бы составить для обсужденія этого вопроса комиссію, въ составъ которой и избраны: г. Директоръ

С. М. Шпилевскій, ординарный профессоръ Э. А. Берендтсъ и В. Г. Щегловъ и и. д. доцента М. А. Липинскій.—**Опредѣлили**: Записать въ этотъ журналъ.

(Приложеніе къ ст. 2).

Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Ординарнаго профессора Лицея Н. Суворова.

Особое мнѣніе.

Большинство Совѣта въ засѣданіи 20 Августа пришло къ рѣшенію освободить ординарнаго профессора Щеглова отъ чтенія Институцій Римскаго права, относящихся къ занимаемой имъ каѳедрѣ, и поручить таковое за особое вознагражденіе привать-доценту по Гражданскому праву, г. Юшкевичу. Я вообще сомнѣваюсь въ правильности такого порядка, при которомъ преподаваніе по каѳедрѣ замѣщенной поручалось бы кому-либо другому, кромѣ занимающаго её профессора и того привать-доцента или доцента, которые состояли бы спеціально при этой каѳедрѣ для чтенія одного изъ отдѣловъ или одной изъ дисциплинъ, входящихъ въ составъ каѳедры, и рѣшительно отрицаю возможность чтенія по занятой каѳедрѣ за особое вознагражденіе. Что касается возможности безплатнаго преподаванія по замѣщенной каѳедрѣ кѣмъ-либо дру-

гимъ, кромѣ представителей каѳедры, то конечно бывали примѣры таковаго, и мнѣ самому приходилось въ давнее время читать безплатно тѣже самыя Институціи; но это было въ такое время, когда профессоръ Щегловъ, въ качествѣ и. д. экстра-ординарнаго профессора, читалъ только четыре часа въ недѣлю, и при четырехъ часовомъ чтеніи представлялось затруднительнымъ преподать и Энциклопедію права и Институціи Римскаго права. Въ настоящее время дѣло обстоитъ иначѣ. Каѳедру Энциклопедіи и Институцій занимаетъ ординарный профессоръ, который, согласно § 5-му Инструкціи преподавателямъ Демидовскаго Юридич. Лицея, обязанъ преподавать не менѣе шести часовъ и, какъ видно, настолько располагаетъ досугомъ, что можетъ брать на себя чтеніе лекцій за особое вознагражденіе по другой вакантной каѳедрѣ Всеобщей Исторіи права, такъ что если бы Совѣтъ, согласно указанному же § Инструкціи, нашелъ, что существомъ наукъ, относящихся къ каѳедрѣ профессора Щеглова, требуется большее число часовъ въ недѣлю, не представлялось бы никакихъ препятствій къ усиленію преподаванія по этой каѳедрѣ. Во всякомъ случаѣ безплатное преподаваніе по занятой каѳедрѣ по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи не вызываетъ противъ себя возраженій, что не угрожаетъ никакими осложненіями и начетами со стороны Государственнаго Контроля, который, слѣдя за тѣмъ, чтобы не уплачивалось дважды за одно и тоже, остается въ неизвѣстности относительно безплатныхъ чтеній по занятой каѳедрѣ и не имѣетъ никакого повода къ возраженіямъ и начетамъ. Что же касается платнаго или возмезднаго чтенія, за особое вознагражденіе, по занятой каѳедрѣ, то предположеніе большинства Совѣта поручить чтеніе Инсти-

туцій привать-доценту г. Юшкевичу за особое вознагражденіе, на мой взглядъ, прямо противорѣчить ясному смыслу закона.

Въ Уставѣ Демидовскаго Юридическаго Лицея (ст. 800 т. XI, ч. I, Св. Зак. Россійской Имперіи по изд. 1893 г.) выражено: „Ни одинъ преподататель не можетъ занимать болѣе одной каѳедры. Если же кому-либо изъ нихъ будетъ временно поручено преподаваніе предмета по другой вакантной каѳедрѣ, то за таковой трудъ назначается вознагражденіе по 200 руб. за каждый часъ, превышающій утвержденное Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія обязательное число часовъ для каждаго преподавателя". Въ прошломъ засѣданіи Совѣта было высказано мнѣніе, что *штатный* преподаватель по какой-либо каѳедрѣ не могъ бы читать Институціи за особое вознагражденіе, такъ какъ тутъ произошло-бы недопускаемое Уставомъ совмѣщеніе въ одномъ лицѣ двухъ каѳедръ, но что приватъ-доцентъ Юшкевичъ, какъ *нештатный* преподаватель, не привязанный къ извѣстной каѳедрѣ, не подходитъ подъ приведенную статью закона и можетъ, кромѣ гражданскаго права, которое онъ читаетъ, преподавать за особое вознагражденіе и по другой каѳедрѣ, хотя бы не вакантной, а занятой, подобно тому какъ если бы спеціально при каѳедрѣ Энциклопедіи и Институцій состоялъ особый приватъ-доцентъ. Мнѣніе это я нахожу неправильнымъ по слѣдующимъ соображеніямъ.

Въ Уставѣ не допускается совмѣстительство двухъ каѳедръ въ одномъ лицѣ въ томъ смыслѣ, что одно лицо не можетъ получать полное, присвоенное изъ двухъ каѳедръ въ отдѣльности содержаніе, но допускается временное преподаваніе предмета по другой

вакантной каѳедрѣ, при чемъ вознагражденіемъ за таковое преподаваніе должно служить не обычное, присвоенное вакантной каѳедрѣ, содержаніе, а особая плата въ размѣрѣ 200 рублей за годовой часъ и безусловно необходимое предположеніе такого особаго вознагражденія есть *вакантность каѳедры*. Въ словахъ: „если же кому-либо *изъ нихъ* будетъ временно поручено“ и т. д. нельзя видѣть указанія на то, что подъ „ними“, въ виду предыдущихъ словъ; „ни одинъ преподаватель не можетъ занимать болѣе одной *кафедры*“, разумѣются только штатные преподаватели. И приватъ-доцентъ не есть блуждающая комета, не имѣющая опредѣленной орбиты. Онъ пріобрѣтаетъ приватъ-доцентуру по извѣстной спеціальности, удовлетворяя установленнымъ для пріобрѣтенія таковой требованіямъ, и пріурочивается къ какой-либо опредѣленной каѳедрѣ. Какъ ординарный профессоръ не можетъ занимать двухъ каѳедръ, такъ и приватъ-доцентъ не можетъ состоять приватъ-доцентомъ по двумъ каѳедрамъ. Какъ ординарный профессоръ не можетъ оказывать возмездную помощь другому профессору, состоящему на другой каѳедрѣ, такъ и приватъ-доцентъ пріуроченный къ извѣстной кафедрѣ, не можетъ читать по другой занятой каѳедрѣ. О приватъ-доцентѣ, г. Юшкевичѣ, даже менѣе чѣмъ о комъ либо другомъ изъ нашихъ приватъ-доцентовъ, можно бы было сказать, что онъ не пріуроченъ ни къ какой опредѣленной каѳедрѣ. Въ предложеніи г. Управляющаго Московскимъ Учебнымъ Округомъ отъ 27 Августа 1894 года за № 13.0?5 было сообщено Лицею, что Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія *назначилъ* Юшкевича приватъ-доцентомъ *по каѳедрѣ Гражданскаго права*, и что Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на выдачу Юшкевичу за

чтеніе лекцій вознагражденія въ размѣрѣ 2.000 рубл. въ годъ. Слѣдовательно о г. Юшкевичѣ нельзя даже сказать, чтобы въ лицѣ его мы имѣли дѣло съ обыкновеннымъ или заурswднымъ приватъ-доцентомъ, получающимъ обыкновенное доцентское вознагражденіе въ 1.200 рублей. Положеніе г. Юшкевича скорѣе приближается къ положенію экстра-ординарнаго профессора, и говорить объ отрѣшенности его отъ опредѣленной каѳедры не представляется никакихъ основаній. Да если бы онъ былъ и обыкновеннымъ приватъ-доцентомъ, все равно, всякій преподаватель вообще, штатный онъ или нештатный, читаетъ науку, которую ему указано преподавать, и сверхъ того можетъ преподавать, съ полученіемъ особаго вознагражденія, по другой каѳедрѣ, когда эта послѣдняя вакантна. Такимъ образомъ, въ отношеніи къ преподаванію по другимъ каѳедрамъ, не существуетъ никакого различія между штатными и нештатными преподавателями, и если Совѣтъ находитъ нужнымъ поручить приватъ-доцентамъ преподаваніе какихъ либо другихъ предметовъ по другимъ каѳедрамъ, то онъ можетъ давать таковое порученіе не иначе, какъ на тѣхъ же основаніяхъ, по которымъ онъ возлагаетъ подобное порученіе на ординарныхъ профессоровъ, т. е. при предположеніи *вакантности* той каѳедры, которою вызвана потребность временнаго порученія. Въ противномъ случаѣ выходило бы, что наприм. ординарный профессоръ по каѳедрѣ Римскаго права (если бы у насъ былъ таковой) не могъ бы, въ помощь профессору Щеглову, читать Институціи за особое вознагражденіе, а приватъ-доцентъ при каѳедрѣ Римскаго права, на котораго возложено чтеніе одного изъ отдѣловъ Римскаго права, напримѣръ вещнаго или наслѣдственнаго права, могъ

бы оказывать такую возмездную помощь. Основаніе для такого различія весьма трудно было бы указать, кромѣ развѣ того, что ординарный профессоръ, получающій большее содержаніе, меньше нуждается въ особомъ вознагражденіи. а приватъ-доцентъ, получающій меньшее содержаніе, болѣе нуждается въ дополнительныхъ рессурсахъ; но солидность подобнаго основанія, конечно, никто изъ насъ отстаивать не будетъ. Наконецъ, если бы постановленіе ст. 800 т. XI, ч. I, Уст. Демидов. Юрид. Лицея, о вакантности каѳедры, какъ необходимомъ предположеніи для чтенія за особое вознагражденіе, относить только къ штатнымъ преподавателямъ, то и самую возможность порученія чтенія по вакантнымъ каѳедрамъ и размѣръ вознагражденія въ 200 рублей за часъ нужно бы было также относить только къ штатнымъ преподавателямъ, а приватъ-доцентовъ или вообще не слѣдовало бы допускать къ чтенію по вакантнымъ каѳедрамъ или вознаграждать ихъ за добавочныя лекціи, не стѣсняясь указанною нормою, смотря по состоянію денежныхъ средствъ Лицея. Между тѣмъ, сколько мнѣ извѣстно, никогда и никѣмъ не возбуждалось сомнѣнія въ томъ, что приватъ-доцентамъ можетъ быть поручаемо чтеніе по вакантнымъ каѳедрамъ, и что вознагражденія они должны получать не болѣе и не менѣе какъ 200 р. за годовой часъ.

Что вакантность каѳедры есть необходимое предположеніе для чтенія за особое вознагражденіе, вытекаетъ и изъ смысла 814 ст. т. XI, ч. I Св. Закон. Уст. Дем. Юрид. Лицея. Означенной статьею „Совѣту вмѣняется въ непремѣнную обязанность принимать надлежащія мѣры, дабы преподавать всѣ предметы, означенные съ семъ Уставѣ, Съ этою цѣлію Совѣтъ, *въ случаѣ отсутствія преподавателя*, возлагаетъ, до

назначенія или избранія новаго преподавателя, чтеніе его предмета на одного изъ своихъ членовъ". Не буду останавливаться на томъ, что подъ членами Совѣта здѣсь разумѣются очевидно не члены Совѣта въ строго буквальномъ смыслѣ слова, а всѣ преподаватели Лицея вообще, потому что иначе пришлось бы исключить отъ чтенія по вакантнымъ каѳедрамъ не только приватъ-доцентовъ, но и штатныхъ преподавателей, не принадлежащихъ къ числу членовъ Совѣта въ строго-буквальномъ смыслѣ слова. Это замѣчаніе считаю нужнымъ сдѣлать потому, что въ 814-й, какъ и въ ранѣе приведенной 800 статьѣ, мысль закона очевидно идетъ дальше его буквы, и что если бы настаивать на буквѣ, то скорѣе нужно бы было придти къ выводу о недопустимости чтеній приватъ-доцентовъ даже и по вакантнымъ каѳедрамъ, чѣмъ къ допущенію приватъ-доцентовъ читать по каѳедрамъ занятымъ.

Итакъ Совѣтъ исполняетъ свою „непремѣнную обязанность принимать надлежащія мѣры, дабы преподавались всѣ предметы, означенные въ семъ Уставѣ", такимъ образомъ, что *въ случаѣ отсутствія преподавателя,* возлагаетъ, до назначенія или избранія новаго преподавателя, чтеніе его предмета на какого-либо другого изъ наличныхъ преподавателей. Но „случай отсутствія преподавателя", о которомъ говорится въ законѣ, какъ надо полагать, не имѣетъ ни чего общаго съ настоящимъ, подлежащимъ нашему обсужденію, случаемъ, когда на каѳедрѣ Энциклопедіи права и Институцій Римскаго права имѣется ординарный профессоръ. Г. Директоръ Лицея въ прошломъ засѣданіи Совѣта мотивировалъ порученіе возмезднаго чтенія Институцій приватъ-доценту Юшкевичу „интересами преподаванія", такъ какъ ординарный профессоръ Щег-

ловъ не есть „спеціалистъ" по Римскому праву, каковымъ оказывается приватъ-доцентъ Юшкевичъ. Въ этомъ же смыслѣ высказался и самъ профессоръ Щегловъ, желая по всей вѣроятности сказать этимъ, что онъ, какъ не спеціалистъ, т. е. какъ человѣкъ, не имѣющій установленной романистической подготовки, не будетъ въ состояніи прочитать курсъ Институцій Римскаго права столь-же удовлетворительно, какъ имѣющій романистическую подготовку приватъ-доцентъ Юшкевичъ. Но кто же далъ право Совѣту вдаваться въ подобныя разсужденія субъективнаго характера и, въ силу субъективно-оцѣниваемаго различія между спеціалистомъ и неспеціалистомъ по подготовкѣ, освобождать профессора, занимающаго каѳедру, отъ чтенія предметовъ, отнесенныхъ закономъ къ этой каѳедрѣ, съ порученіемъ въ тоже время этого чтенія за особое вознагражденіе преподавателю, состоящему на другой каѳедрѣ? Законъ говоритъ о случаѣ отсутствія преподавателя и ничего не говоритъ о томъ случаѣ, когда профессоръ, занявшій каѳедру, не считаетъ себя спеціалистомъ по этой каѳедрѣ. Напротивъ закономъ предполагается совершенно ясное объективное мѣрило: спеціалистъ по предметамъ каѳедры есть тотъ, кто занимаетъ каѳедру. Если напр. преподавателемъ Торговаго права опредѣляется лицо, работавшее ранѣе въ области Полицейскаго права и подготовлявшееся къ полученію ученыхъ степеней по этой отрасли правовѣдѣнія, то какой преподаватель, не взирая на направленіе его предшествовавшей подготовки, есть спеціалистъ по Торговому праву во всѣхъ Лицейскихъ функціяхъ, въ которыхъ можетъ проявиться его дѣятельность, какъ преподавателя: въ чтеніи лекцій, въ оцѣнкѣ студенческихъ работъ и т. д. И въ университетской и въ на-

шей практикѣ не рѣдки случаи, что наприм. на каѳедру Полицейскаго права назначается магистръ или докторъ Политической Экономіи, а на каѳедру Государственнаго права магистръ или докторъ Финансоваго права. Ставъ на точку зрѣнія г. Директора, можно бы было зайти очень далеко. Напр. докторъ Финансоваго права состоитъ на каѳедрѣ Государственнаго права со включеніемъ Административнаго, а на соединенной каѳедрѣ Политической Экономіи и Финансовъ состоитъ приватъ-доцентъ. Ничего неестественнаго не было бы въ томъ предположеніи, что докторъ Финансоваго права прочелъ-бы болѣе удовлетворительный курсъ Финансовъ, чѣмъ не имѣющій ученой степени приватъ-доцентъ и т. п. Но развѣ возможно на основаніи подобныхъ предположеній освобождать преподавателей отъ обязанности читать положенные по каѳедрѣ предметы и призывать возмездныхъ помощниковъ съ другихъ каѳедръ.

Г. Директоръ сослался еще на то, что, съ возложеніемъ обязанности читать Институціи на ординарнаго профессора Щеглова, возникаетъ нежелательное совмѣщеніе въ лицѣ одного преподавателя преподаванія трехъ предметовъ: Энциклопедіи права, Институцій Римскаго права и Всеобщей исторіи права. Но къ избѣжанію такого совмѣщенія, если оно не желательно, представляется другой путь, болѣе простой и притомъ законный: не возлагать на профессора Щеглова чтеній по вакантной каѳедрѣ Всеобщей Исторіи права. Вмѣсто этого пути г. Директоръ и съ нимъ большинство Совѣта избираютъ другой путь искусственный и противорѣчащій закону: возлагая на профессора Щеглова чтеніе по вакантной каѳедрѣ Всеобщей Исторіи права съ особымъ за то вознагражденіемъ, они

въ тоже время освобождаютъ профессора Щеглова отъ законной обязанности читать Институціи, а за чтеніе Институцій желаютъ выдавать особое же вознагражденіе привать-доценту Юшкевичу. Профессоръ Піонтковскій въ прошломъ засѣданіи Совѣта высказалъ, что дѣло идетъ только о временномъ порученіи приватъ-доценту Юшкевичу читать Институціи, желая этимъ вѣроятно сказать, что чрезъ годъ самъ профессоръ Щегловъ будетъ читать Институціи. Но противорѣчащее закону мѣропріятіе не утратитъ этого своего характера, всё равно разсчитано-ли оно на нѣсколько лѣтъ, на годъ или на мѣсяцъ.

Не могу не добавить къ вышесказанному, что и самъ Совѣтъ до сихъ поръ не считалъ возможнымъ чтеніе за особое вознагражденіе по каѳедрамъ замѣщеннымъ. Покойный Минервинъ былъ сначала приватъ-доцентомъ по Римскому праву. Послѣ того какъ назначенъ былъ особый, штатный, преподаватель на эту каѳедру въ званіи и. д. доцента и вскорѣ затѣмъ самъ Минервинъ возведенъ былъ изъ приватъ-доцентовъ въ званіе и. д. доцента, онъ былъ отчисленъ отъ каѳедры Римскаго права, на которую, какъ я сказалъ, былъ опредѣленъ другой штатный преподаватель (Нечаевъ), но не былъ пріуроченъ и къ каѳедрѣ Всеобщей Исторіи права со включеніемъ Римскаго, которая въ то время была и до сихъ поръ остается вакантною, а опредѣленъ былъ, въ качествѣ другаго штатнаго преподавателя, на каѳедру Энциклопедіи и институцій, которую занималъ проф. Щегловъ. Назначеніе Минервина на вакантную каѳедру Всеобщей Исторіи права со включеніемъ Римскаго найдено было „затруднительнымъ на томъ основаніи, что тогда бы г. Минервинъ, какъ штатный преподаватель по этой каѳедрѣ, не могъ бы

за особое вознагражденіе читать Институцій по каѳедрѣ, занятой г. Щегловымъ, а послѣдній не могъ бы читать Всеобщей Исторіи права, принадлежащей къ каѳедрѣ, которую бы занялъ г. Минервинъ“ (журналъ Совѣта 28 Сентября 1888 года). Изъ этого постановленія Совѣта (редакцію котораго, впрочемъ, нельзя назвать удовлетворительною), одобреннаго въ свое время г. Попечителемъ, видно, что и Директоръ и Совѣтъ находили тогда не возможнымъ, чтобы лицо, состоящее штатнымъ преподавателемъ на каѳедрѣ, освобождалось отъ обязанности читать то, что по Уставу отнесено къ этой каѳедрѣ, и чтобы кто-нибудь другой за особое вознагражденіе могъ помогать штатному преподавателю.

Въ виду всего выше—изложеннаго я нахожу, что порученіе чтенія Институцій Римскаго права, за особое вознагражденіе, приватъ-доценту Юшкевичу противорѣчитъ Уставу Лицея, а въ самой этой комбинаціи, къ которой вынуждено прибѣгнуть большинство Совѣта, вижу лишь указаніе на то, къ какимъ затрудненіямъ приводитъ существующій въ настоящее время составъ двухъ каѳедръ: 1) Энциклопедіи права съ Институціями Римскаго права и 2) Всеобщей Исторіи права со включеніемъ Римскаго,—и на необходимость ходатайствовать предъ высшею властію объ измѣненіяхъ въ составѣ названныхъ каѳедръ, о чемъ я буду имѣть честь внести въ Совѣтъ, въ этомъ же его засѣданіи, особое предложеніе.—Августа, 24 дня. 1898 г.

Ординарный профессоръ Демидовскаго Юридическаго Лицея

Н. Суворовъ.

(Приложенiе къ ст. 9).

Въ Совѣтъ Демидовскаго Юридическаго Лицея

Ординарнаго профессора Николая Суворова.

Предложенiе.

По Уставу Демидовскаго Юридическаго Лицея Институцiи Римскаго права соединены съ Энциклопедiей права, съ отнесенiемъ ихъ къ одной каѳедрѣ, а Исторiя Римскаго права соединена со Всеобщей Исторiей права, которая такимъ образомъ, со включенiемъ Римскаго составляетъ другую особую каѳедру. При составленiи Устава Лицея несомнѣнно имѣлось въ виду, что Римское право, имѣющее для себя, въ видѣ догмы или какъ догма, особую каѳедру, кромѣ того будетъ лежать въ основанiи двухъ другихъ названныхъ мною каѳедръ, что энциклопедическiя ученiя о правѣ будутъ преподаваться во внутренней связи съ элементарнымъ ученiемъ объ институтахъ Римскаго права и наоборотъ, и что Исторiя первобытнаго права древнихъ народовъ будетъ также излагаться въ связи съ Исторiей Римскаго права и наоборотъ. Безъ всякаго сомнѣнiя, при составленiи Устава, не предвидѣлось такой возможности, чтобы энциклопедистъ ссылался на то, что онъ—не спецiалистъ по Римскому праву, романистъ—что онъ—не спецiалистъ по Энциклопедiи,

историкъ Всеобщаго права—что онъ не спеціалистъ по Исторіи Римскаго права, а историкъ Римскаго права—что онъ не спеціалистъ по Исторіи Всеобщаго права. Почти 25-лѣтній опытъ показалъ, что мысль, имѣвшаяся въ виду при составленіи Устава, не осуществилась, да едва-ли и можетъ осуществиться, что, напротивъ, комбинація Институцій съ Энциклопедіей, а Исторіи Римскаго права со Всеобщей Исторіей права приводитъ къ немалымъ практическимъ затрудненіямъ. Соединенная каѳедра Энциклопедіи права и Институцій Римскаго права требуетъ отъ занимающаго её преподавателя подготовки по государствовѣдѣнію, и по Римскому праву. Между тѣмъ существующій порядокъ приготовленія къ профессорскому званію ни въ Университетахъ, ни въ Лицеѣ, не приспособленъ къ такому требованію: для приготовляющихся къ преподаванію государственныхъ наукъ существуетъ одинъ путь, для подготовляющихся по Римскому праву—другой. Отсюда происходитъ то, что государственника, опредѣляемаго на Лицейскую каѳедру Энциклопедіи съ Институціями, должно затруднять преподаваніе послѣднихъ, а опредѣляемаго на туже каѳедру романиста должно затруднять преподаваніе первой. Отдѣльные примѣры лицъ съ дѣйствительно широкимъ энциклопедическимъ образованіемъ въ области правовѣдѣнія,—образованіемъ, которое пріобрѣтается притомъ многими годами, и котораго нельзя ожидать отъ молодого, вновь опредѣляемаго, преподавателя,—такіе примѣры нимало не опровергаютъ указанной мною трудности. Пренія, возникшія у насъ въ настоящее время по вопросу объ обезпеченіи преподаванія Институцій, читавшихся покойнымъ Минервинымъ, показали, что и большинство Совѣта не усматриваетъ между Энциклопедіей

права и Институціями Римскаго права такой тѣсной связи какая существуетъ въ другихъ соединенныхъ каѳедрахъ между науками, къ нимъ отнесенными. Если бы напр. на каѳедрѣ Политической Экономіи и Финансовъ, или на каѳедрѣ Государственнаго и Административнаго права, даже на каѳедрѣ Торговаго права съ Гражданскимъ Судопроизводствомъ состояли ординарный профессоръ и доцентъ, и послѣдній изъ нихъ умеръ бы, то со смертію доцента и вопроса никакого не возникло бы о томъ, кому читать то, что доселѣ читалось умершимъ доцентомъ. Яснымъ бы представлялось для всѣхъ и каждаго, что читать долженъ профессоръ, занимающій каѳедру. И если по смерти и. д. доцента Минервина, читавшаго Институціи, возникъ этотъ вопросъ, то объясненіе очевидно заключается въ томъ, что внутренней связи между Институціями и между Энциклопедіей, которую читалъ ординарный профессоръ Щегловъ, занимающій соединенную каѳедру Энциклопедіи и Институцій, не усматривается. Не забудемъ, что въ лицѣ профессора Щеглова мы имѣемъ дѣло съ опытнымъ преподавателемъ, уже много лѣтъ подвизающимся на занимаемой имъ каѳедрѣ: въ какомъ же затруднительномъ положеніи оказался бы, въ случаѣ перехода напр. профессора Щеглова въ Университетъ, молодой преподаватель, который бы вновь опредѣленъ былъ на эту каѳедру.

Еще хуже дѣло обстоитъ по каѳедрѣ Всеобщей Исторіи права со включеніемъ Римскаго. Въ Университетахъ нѣтъ даже науки Всеобщей Исторіи права. Преподаватель, опредѣляемый на Лицейскую каѳедру Энциклопедіи и Институцій, если онъ романистъ, по крайней мѣрѣ будучи студентомъ въ Университетѣ, слушалъ государственныя науки, а если государствен-

никъ—слушалъ Римское право. Романистъ же, опредѣляемый на Лицейскую каѳедру Всеобщей Исторіи права со включеніемъ Римскаго, ничего не знаетъ о Всеобщей Исторіи права, а самое содержаніе этой науки, за отсутствіемъ Университетской разработки, представляется весьма гадательнымъ: обнимаетъ-ли она только первобытное право древнихъ народовъ, включаетъ-ли она въ себя Исторію германскаго права, или, какъ можно бы было судить по ея названію, обнимаетъ собою вообще исторію права всѣхъ народовъ, въ томъ числѣ и современныхъ. При пониманіи Всеобщей Исторіи права въ послѣднемъ смыслѣ, очевидно наука эта приняла бы такіе громадные размѣры. что и при 15-ти часовомъ чтеніи въ недѣлю, трудно было бы исчерпать ея содержаніе.

Вотъ почему я полагалъ бы необходимымъ возбудить ходатайство 1) о соединеніи Институцій съ Исторіей Римскаго права въ одну каѳедру, и 2) объ упраздненіи науки Всеобщей Исторіи права. Въ практикѣ намъ и теперь приходится иногда дѣйствовать такъ, какъ если бы Институціи съ Исторіей Римскаго права слиты были не только въ одну каѳедру, но и въ одну научную дисциплину, и какъ если бы Всеобщей Исторіи права не существовало въ Лицеѣ. Такъ, когда молодые люди переходятъ изъ Университетовъ въ Лицей, полученная ими въ Университетахъ отмѣтка по Исторіи Римскаго права (такъ какъ Институціи, какъ особой дисциплины, въ Университетахъ нѣтъ) считается у насъ вмѣстѣ и отмѣткою по Институціямъ, такъ что никакого новаго экзамена по Институціямъ не производится. Затѣмъ нѣкоторые молодые люди, принимавшіеся въ Лицей по особому распоряженію г. Министра Народнаго Просвѣщенія съ тѣмъ, чтобы дать имъ воз-

можность исправить неудовлетворительныя отмѣтки, полученныя ими на Коммиссіонерныхъ Университетскихъ испытаніяхъ или въ училищѣ правовѣдѣнія, оканчивали курсъ въ Лицеѣ, не сдавая экзамена по Всеобщей Исторіи права и получали отъ Лицея аттестатъ объ успѣхахъ, безъ упоминанія въ аттестатѣ о Всеобщей Исторіи права.

Къ сказанному мною могу добавить, что высшее начальство само вызывало насъ на обсужденіе возможныхъ и желательныхъ измѣненій въ распредѣленіи предметовъ по каѳедрамъ, примѣнительно къ Университетскому порядку (см. предложеніе Попечителя Учебнаго Округа отъ 11 Марта 1895 года за № 10.733 и отъ 20 Ноября того-же года за № 23.373), такъ что нѣтъ основанія опасаться, чтобы высшее начальство отнеслось неблагопріятно къ предлагаемому мною измѣненію.—24 Августа 1898 г.

Ординарный профессоръ *Н. Суворовъ.*

(Приложеніе къ ст. 5).

ОТЗЫВЪ

о сочиненіи, представленномъ на соисканіе медали по девизомъ: „Ut desint vires, tamen est laudanda voluntas“.

Сочиненіе подъ названнымъ девизомъ на тему, данную въ $189^5/_6$ академическомъ году („Общая теорія

объ обычномъ правѣ, провѣренная по матеріаламъ для описанія мѣстности племенъ Кавказа, издаваемымъ Яновскимъ“), раздѣляется на *четыре главы.* Первая изъ нихъ („Происхожденіе обычнаго права“) начинается изложеніемъ взглядовъ на образованіе обычнаго права корифеевъ исторической школы права—Савиньи и Пухты. Авторъ сочиненія замѣчаетъ, что многіе изъ этихъ взглядовъ были высказаны еще ранѣе появленія сочиненій Савиньи и Пухты ихъ предшественниками: Пюттеромъ, Гуго, Мёзеромъ, Гердеромъ, Кантомъ и Фейербахомъ. Историческая школа права раздѣлила юристовъ на два лагеря-горячихъ защитниковъ взглядовъ Савиньи, Пухты и противниковъ этой новой школы права. Разбору ихъ возраженій противъ ученій исторической школы права авторъ посвящаетъ большую половину первой главы, останавливаясь на главныхъ недостаткахъ этаго ученія. Многочисленные факты изъ исторіи права у древнихъ и новыхъ народовъ, особенно же изъ общественной жизни кавказскихъ горцевъ, составляющей спеціальный предметъ изученія для автора сочиненія, даютъ ему основанія для того, чтобы указать, насколько историческая школа была неправа въ своемъ слѣпомъ поклоненіи предъ народнымъ духомъ, какъ источникомъ права. Авторъ оттѣняетъ противорѣчіе общенародному правовому духу партикуляризма обычнаго права и сходныхъ у всѣхъ первобытныхъ племенъ, хотя и различнаго происхожденія, юридическихъ воззрѣній и учрежденій. Убѣжденіе въ универсальномъ значеніи народнаго духа для образованія права не можетъ объяснить международныхъ и церковныхъ юридическихъ обычаевъ. Правовой обычай самъ нерѣдко является результатомъ разнообразныхъ историческихъ наслоеній и имѣетъ въ своемъ основаніи за-

конъ. Послѣднее положеніе особенно справедливо по отношенію къ семейному праву многихъ кавказскихъ народностей, въ основаніи котораго лежатъ, повліявшія на него въ далекомъ прошломъ, нормы магометанскаго права (корона), персидскаго и римско-византійскаго. Авторъ сочиненія отмѣчаетъ, какъ крупное заблужденіе исторической школы, ея взглядъ, что отдѣльная личность не играетъ никакой роли въ образованіи права: это воззрѣніе, противорѣчащее рѣзко дѣйствительнымъ фактомъ, изобрѣтено въ наукѣ и между прочимъ такими извѣстными учеными, какъ Данивартомъ и Ѥрингомъ. Изъ нихъ послѣдній особенно сильно выдвинулъ личный элементъ въ историческомъ процессѣ борьбы за право. Признана также теперь въ наукѣ и односторонность воззрѣнія исторической школы на отношеніе юридическаго убѣжденія къ акту его примѣненія, которое выражается въ сознательномъ осуществленіи общественными группами и отдѣльными личностями правовыхъ ихъ взглядовъ, хотя въ этомъ случаѣ дѣло и не обходится безъ механическаго подражанія установившимся обычаямъ. Нагляднымъ примѣромъ образованія обычнаго права служитъ выработка его началъ на мірскихъ сходкахъ у всѣхъ кавказскихъ горцевъ, въ обычномъ правѣ (адатахъ) которыхъ при всемъ разнообразіи этнографическаго населенія въ разныхъ мѣстностяхъ Кавказа наблюдаются одни и тѣже основныя начала семейнаго, имущественнаго и наслѣдственнаго права. На сходкахъ почетныхъ жителей племени „бѣлобрадые старцы“ устанавливаютъ мірской „маслагатъ“ (вѣчевое рѣшеніе), которымъ пополняется пробѣлъ въ дѣйствующемъ обычномъ правѣ. Большую роль въ образованіи адатовъ играетъ у жителей Кавказа, какъ и въ каждомъ особенно первобыт-

номъ обществѣ, дѣятельность судей, мировой судъ посредниковъ или третейскій судъ, состоящій обыкновенно изъ лицъ, свѣдующихъ въ народныхъ обычаяхъ. Ихъ постановленія носятъ тѣже названія „маслагатовъ“, которые при ихъ частомъ примѣненіи превращаются въ адаты.

Вторая наиболѣе обширная въ сочиненіи глава посвящена его авторомъ разсмотрѣнію важнаго вопроса въ теоріи обычнаго права—объ отношеніи его къ закону. Послѣ краткаго замѣчанія о достоинствахъ обычнаго права авторъ переходитъ къ болѣе подробнымъ указаніямъ на причины его послѣдующей замѣны закономъ. Факты изъ исторіи права у разныхъ народовъ (Римлянъ, славянъ и др.) доказываютъ, насколько обычное право не въ состояніи удовлетворять развивающимся потребностямъ сложнаго общественнаго быта. Неопредѣленность нормъ обычнаго права вызываетъ дѣятельность законодателей и появленіе сборниковъ обычнаго права, составляемыхъ частными лицами, а потомъ признаваемыхъ и правительственною властію, которая иногда сама занимается кодифицированіемъ нормъ обычнаго права. Вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи находятся нормы, внесенныя въ законодательныя сборники, къ некодифицированному праву особенно занимаетъ вниманіе автора, который излагаетъ сначала исторію этого вопроса (съ Савиньи), а затѣмъ приводитъ факты изъ исторіи права, древней и новой, а въ томъ числѣ и русской, факты, удостовѣряющіе непригодность во многихъ случаяхъ законовъ, отмѣняющихъ юридическіе обычаи. Не смотря на поправку, внесенную самими Савиньи и Пухтой въ ихъ первоначальное ученіе о безусловномъ преобладаніи обычнаго права надъ закономъ, этотъ послѣдній взглядъ раздѣляется

слѣпо многими нѣмецкими учеными (напр. Шталемъ), между тѣмъ какъ французскіе (Белимъ, Руссель, Эшбахъ и др.), наоборотъ, считаютъ обычное право пригоднымъ только для примитивныхъ общественныхъ отношеній. Авторъ останавливается на одномъ постановленіи Императора Константина, вызвавшемъ много споровъ среди ученыхъ средневѣковыхъ и новыхъ. Это постановленіе отрицаетъ за обычнымъ правомъ дерогирующую силу по отношенію къ закону и роль перваго ограничиваетъ восполненіемъ пробѣловъ въ законодательствѣ. Таково было и на самомъ дѣлѣ отношеніе закона къ обычному праву въ Византіи при Императорѣ Константинѣ. Изъ числа современныхъ государствъ одни (Англія, Баварія и др.) допускаютъ самостоятельное значеніе обычнаго права наряду съ закономъ и даже вопреки ему. Другія же законодательства (Французское, Бельгійское, Итальянское, бельшинство нѣмецкихъ) признаютъ за обычнымъ правомъ второстепенное значеніе сравнительно съ закономъ. Русское законодательство занимаетъ средину между этими двумя крайними взглядами на роль обычнаго права въ общественной жизни: до Крестьянскаго Положенія 1861 года и Судебныхъ Уставовъ 1864 года законъ былъ единственнымъ источникомъ права. Со времени изданія этихъ законодательныхъ актовъ былъ открытъ широкій просторъ примѣненію обычнаго права, которое дополняетъ законъ, а иногда и замѣняетъ его (напр. въ крестьянскомъ быту, у инородцевъ). Переходя отъ этой общей теоріи объ отношеніи обычнаго права къ закону къ фактическому ихъ состоянію среди кавказскихъ горцевъ, авторъ сочиненія сначала говоритъ объ отношеніи ихъ адатовъ къ мусульманскому праву—шаріату, который не могъ навсегда удержаться на Кавказѣ въ качествѣ главной

юридической нормы, не смотря на всѣ усилія Турецкаго правительства до покоренія Кавказа Россіей. Многія постановленія шаріата (по имущественному, уголовному праву) оказались въ рѣзкомъ противорѣчіи съ адатами, которыми по прежнему продолжали руководиться въ своей жизни различныя Кавказскія племена. Тѣмъ не менѣе шаріатъ оказалъ извѣстное вліяніе на гражданское и уголовное право жителей Кавказа, смягчилъ первоначальную суровость адатовъ въ области семейныхъ, имущественныхъ отношеній и въ сферѣ уголовнаго права. И до сихъ поръ у разныхъ Кавказскихъ племенъ одни дѣла рѣшаются на основаніи шаріата, другія слѣдуютъ адатамъ. Только во время неограниченнаго господства Шамиля надъ Кавказомъ шаріатъ получилъ перевѣсъ надъ адатами. Съ покореніемъ Кавказа Россіей открытъ былъ доступъ вліянію русскихъ законовъ. Авторъ сочиненія дѣлаетъ краткій историческій очеркъ сношеній Россіи съ Кавказомъ военно-политическихъ, религіозныхъ, торговыхъ и разныхъ реформъ Русскаго Правительства въ общественномъ быту Кавказскихъ племенъ (уничтоженія рабства и крѣпостничества въ разныхъ мѣстностяхъ Кавказа, опредѣленія поземельныхъ отношеній среди Кавказскихъ горцевъ, облагороженія семейныхъ нравовъ и отношеній и измѣненія наслѣдственнаго и уголовнаго права горцевъ въ духѣ обще-европейскихъ, культурныхъ политическихъ началъ). Русское Правительство съ самаго начала было на сторонѣ адатовъ противъ шаріата, съ которымъ связывалось господство на Кавкмзѣ враждебнаго Россіи религіознаго элемента, постепенно подготовляло почву для повсемѣстнаго примѣненія общихъ Россійскихъ законовъ на Кавказѣ безъ рѣшительнаго и рѣзкаго измѣненія всего общественнаго строя у различныхъ его народностей.

Въ третьей главѣ авторъ сочиненія разсматриваетъ „Средства распознаванія права, юридическіе символы, юридическія формулы и терминологію, судебныя рѣшенія и законодательныя сборники“. Это всё такъ называемые непосредственные источники, слѣды которыхъ авторъ находитъ, кромѣ права разныхъ древнихъ и новыхъ народовъ, и въ обычномъ правѣ Кавказскихъ горцевъ, богатомъ во всѣхъ своихъ частяхъ особенно символами. Рѣшенія горскихъ судовъ, подобно приговорамъ русскихъ Волостныхъ судовъ, также представляютъ самый живой и достовѣрный источникъ для изученія обычнаго права. Изъ законодательныхъ памятниковъ горцевъ авторъ упоминаетъ о постановленіяхъ Катекахскаго цумія, Рустемъ-Хана, опредѣлявшихъ основанія частнаго и общественнаго быта жителей Южнаго Дагестана (XVII в.). Особенное же вниманіе автора привлекаютъ законы Грузинскаго Царя Вахтанга VI (XVII в.) по гражданскому и уголовному праву. Юридическія воззрѣнія народа выражаются еще въ посредственныхъ источникахъ права—легендахъ, пѣсняхъ, сказкахъ и другихъ произведеніяхъ народнаго творчества, особенно въ народныхъ пословицахъ. Также и среди Кавказскихъ горцевъ сохранились легенды, въ которыхъ отразились первоначальные нравы и учрежденія (напр. обычай аталычества—усыновленія, похищенія невѣсты, кровавая месть и др.), какъ и юридическія пословицы изъ области частнаго и уголовнаго права вмѣстѣ съ своеобразными правовыми институтами, какъ результатомъ особенныхъ условій быта горцевъ (напр. „тухумной“—родовой его организаціи). Въ послѣдней (4-й) краткой главѣ авторъ сочиненія разбираетъ вопросъ объ „Условіяхъ примѣненія обычнаго права“, устанавливаетъ здѣсь характерные

признаки юридическаго обычая въ отличіе отъ другихъ обычаевъ въ другихъ областяхъ народной жизни (сознаніе необходимости выполненія извѣстнаго правоваго правила и однообразное и частое его примѣненіе). И въ этой главѣ, какъ и во всѣхъ предшествовавшихъ, авторъ, кромѣ теоретическихъ доказательствъ своихъ взглядовъ, иллюстрируетъ ихъ фактами изъ юридической жизни Кавказскихъ горцевъ.

Изложенными мною фактами и выводами изъ нихъ далеко не исчерпывается все богатое научными данными содержаніе разбираемаго сочиненія, которое вполнѣ удовлетворяетъ поставленнымъ темою требованіямъ. Въ немъ изложена съ научною основательностію вся существующая въ наукѣ общая теорія обычнаго права, при чемъ каждое изъ ея положеній, общихъ и частныхъ провѣрено по „Матеріаламъ" Яновскаго. Авторъ сочиненія удачно справился съ двойной задачей работы: дать полное теоретическое изслѣдованіе труднаго въ юридической наукѣ вопроса и разобраться въ огромной грудѣ самыхъ разнообразныхъ фактическихъ „Матеріаловъ" Яновскаго, найти здѣсь факты для подтвержденія научныхъ положеній. Одна научная разработка этихъ „Матеріаловъ", до сихъ поръ еще не бывшихъ предметомъ спеціальнаго изслѣдованія, составляетъ большую заслугу автора сочиненія, который однако не ограничился ими, а воспользовался въ своей работѣ и всѣми, доступными ему, многочисленными источниками и пособіями. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только просмотрѣть длинный ихъ списокъ, помѣщаемый авторомъ въ концѣ каждой главы и занимающій не одинъ десятокъ страницъ. Въ этомъ спискѣ, кромѣ XXII томовъ „Матеріаловъ" Яновскаго, Дигестъ, полн. Собранія Законовъ и Свода За-

коновъ, Актовъ юридическихъ, встрѣчаются сочиненія: Савиньи, Пухты, Іеринга, Брунса, Дернбурга, Виндшейда, Шассана, Мишле, Вангерова, Эмбаха, Аренса, Русселя, Леонтовича, Калачева, Кавелина, Буслаева, Ковалевскаго, В. Миллера, Калмыкова, Снегирева и мн. др. Всѣми цитированными авторомъ въ своей работѣ источниками и пособіями онъ пользовался со знаніемъ дѣла и умѣньемъ выбрать изъ научнаго матеріала нужные факты и доказательства, чтобы установить тѣ или другіе защищаемы имъ взгляды. Среди нихъ встрѣчаются нѣкоторыя спорныя и не вполнѣ доказанныя авторомъ мнѣнія, какъ напр. мысль Іеринга, что всѣ великія пріобрѣтенія цивилизаціи (уничтоженіе рабства, крѣпостничества, свобода совѣсти, промысловъ и др.) достались человѣчеству исключительно путемъ упорной и ожесточенной вѣковой борьбы (52 стр.). Или— взглядъ автора, что въ майоратѣ выражается одно трудовое начало (59 стр.). Авторъ не объясняетъ, почему историческая школа права называется спиритуалистической. Всѣ эти и нѣкоторые другіе сравнительно мелкіе недостатки сочиненія искупаются солидными научными его достоинствами: полнотой собранныхъ авторомъ научныхъ данныхъ, научной разработкой большей части сыраго, непочатаго въ наукѣ матеріала, живымъ изложеніемъ предмета и строгой и стройной соразмѣрностью всѣхъ частей работы, оставляющей въ читателѣ впечатлѣніе продуманнаго и обстоятельнаго изслѣдованія по одному изъ важныхъ вопросовъ въ наукѣ права. Указанныя достоинства разбираемаго труда, обезпечивающія его автору возможность помѣстить его на страницахъ одного изъ спеціальныхъ юридическихъ журналовъ, даютъ мнѣ право придти къ заключенію, что присужденіе Совѣтомъ Лицея автору сочи-

ненія **золотой медали** будетъ вполнѣ заслуженной наградой за работу, стоившую ему много силъ и труда.

Ординарный профессоръ Демидовскаго Юридическаго Лицея *В. Щегловъ.*

Съ мнѣніемъ ординарнаго профессора *В. Г. Щеглова* во всемъ согласенъ. *Э. Берендтсъ.*

1898 25/VIII.

1898 года, Сентября 3 дня, въ засѣданіи Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея, подъ предсѣдательствомъ Директора, заслуженнаго ординарнаго профессора С. М. *Шпилевскаго*, присутствовали: Ординарные профессоры: Н. С. *Суворовъ*, Э. Н. *Берендтсъ*, В. Г. *Щегловъ*, профессоръ Богословія, Протоіерей Н. А. *Тихвинскій*, и. д. экстра-ординарнаго профессора А. А. *Піонтковскій*, приватъ-доценты: А. Р. *Свирщевскій*, В. А. *Юшкевичъ*, Д. Н. *Стефановскій* и С. П. *Никоновъ*.

СЛУШАЛИ.

1) Чтеніе протокола прошедшаго засѣданія Совѣта и, подписавъ этотъ протоколъ, **Опредѣлили:** Представить оный г. Попечителю Московскаго Учебнаго Округа, для утвержденія къ напечатанію во Временникѣ Лицея.

2) Г. Директоръ заявилъ, что въ число студентовъ Лицея приняты имъ: на I курсъ: Акулинъ Николай—

Могилевской семинаріи, Аноровъ Александръ—Московскаго университета (Костромской гимназіи), Варѳоломѣевъ Сергѣй—Томскаго университета (Архангельской семинаріи), Готовцевъ Александръ—Юрьевскаго университета (Костромской семинаріи), Губенко Андрей—Таврической семинаріи, Дружининъ Ѳедоръ—бывшій студентъ Лицея, Кузнецовъ Яковъ—Вологодской семинаріи, Александръ Ленчевскій—Волынской семинаріи, Лященко Павелъ—Харьковскаго университета (Маріупольской гимназіи), Малышевъ Николай—Петербургской духовной академіи, Манасевичъ Александръ—Кіевскаго университета (2-й Кіевской гимназіи), Молостовъ Павелъ—Московскаго университета (Елизаветпольской гимназіи), Поповъ Митрофанъ—Воронежской семинаріи, Преображенскій Георгій—Тверской семинаріи, Пригоровскій Сергѣй—Московскаго университета (Вяземской гимназіи), Прозоровскій Фавстъ—Вологодской семинаріи, Пучковскій Василій—Черниговской семинаріи, Пьянковъ Вячеславъ—Казанскаго университета (Пермской гимназіи), Самаринъ Иванъ—Вологодской гимназіи, Свѣтлозоровъ Евгеній—Вологодской семинаріи, Селивановскій Владиміръ—Вятской семинаріи, Степановъ Алексѣй—Вологодской семинаріи, Таланъ Яковъ—1-й Саратовской гимназіи, Ухаловъ Аркадій—Тобольской гимназіи, Хрѣновскій Левъ—Томскаго университета (Воронежской семинаріи) и Чайковскій Николай—Минской гимназіи; на II курсъ: Магула Николай—Московскаго университета (Нижегородскаго дворян. института), Спановскій Степанъ—Кіевскаго университета (коллегіи Галагана), Успенскій Николай Казанскаго университета (1-й Пензенской гимназіи), на III курсъ: Гальяръ Владиміръ—Одесскаго университета (Новочеркасской гимназіи), Покровскій

Николай—Одесскаго университета (3-й Казанской гимназіи); на IV курсъ: Безсмертный Николай—Кіевскаго университета (Черниговской гимназіи), Дюковъ Павелъ—Московскаго университета (Красноярской гимназіи), Монкевичъ Эдгартъ—С.-Петербургскаго университета (Либавской гимназіи), Хорошкеевъ Михаилъ—Московскаго университета (Вяземской гимназіи) и Штейфтъ Павелъ—С.-Петербургскаго университета (Рязанской гимназіи).—**Опредѣлили:** Принять къ свѣдѣнію.

3) Составлено прилагаемое при семъ росписаніе чтенія въ Лицеѣ лекцій въ 189$^8/_9$ учебномъ году.—**Опредѣлили:** Росписаніе утвердить.

4) Окончившимъ въ нынѣшнемъ году курсъ наукъ съ правомъ на полученіе степени кандидата правъ по представленіи кандидатскаго сочиненія Протасьевымъ Александромъ таковое представлено подъ заглавіемъ: „Малолѣтніе преступники", которое **Опредѣлили:** Передать для разсмотрѣнія и доставленія въ Совѣтъ отзыва о немъ И. д. экстра-ординарнаго профессора А. А. Піонтковскому.

(Въ приложеніе къ сему журналу—Росписаніе часовъ чтенія лекцій въ 1898—9 уч. году).

РОСПИСАНІЕ ЧАСОВЪ

чтенія лекцій въ Демидовскомъ Юридическомъ Лицеѣ на 1898—99 учебный годъ.

ДНИ.	ЧАСЫ.	I-го КУРСА.	II-го КУРСА.	III-го КУРСА.	IV-го КУРСА.
Понедѣльникъ.	10—11	Исторія Римскаго права. Приватъ-доцентъ С. П. Никоновъ.		Церковное Законовѣдѣніе. Ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ.	
	11—12				
	12—1	Энциклопедія права. Ординарный профессоръ В. Г. Щегловъ.	Административное право. Ординарный профессоръ Э. Н. Берендтсъ.	Международное право. Приватъ-доцентъ А. В. Шмидтъ.	Гражданское Судопроизводство. И. д. доцента М. А. Липинскій.
	1—2				
Вторникъ.	10—11	Энциклопедія права. Ординарный профессоръ В. Г. Щегловъ.	Государственное право. Ординарный профессоръ Э. Н. Берендтсъ.	Церковное Законовѣдѣніе. Ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ.	
	11—12				Гражданское Судопроизводство. И. д. доцента М. А. Липинскій.
	12—1	Исторія Русскаго права. Заслуж. ордин. профессоръ С. М. Шпилевскій.	Исторія Русскаго права. И. д. доцента М. А. Липинскій.	Международное право. Приватъ-доцентъ А. В. Шмидтъ.	Гражданское право. Приватъ-доцентъ В. А. Юшкевичъ.
	1—2				
Среда.	10 - 11	Богословіе. Проф. Прот. Н. А. Тихвинскій.	Финансовое право Приватъ-доцентъ А. Р. Свирщевскій.	Церковное Законовѣдѣніе. Ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ.	Гражданское право. Приватъ-доцентъ В. А. Юшкевичъ.
	11 - 12	Энциклопедія права. Орд. проф. В. Г. Щегловъ.			
	12—1	Всеобщая Исторія права. Ординарный профессоръ В. Г. Щегловъ.	Исторія Русскаго права. И. д. доцента М. А. Липинскій.	Гражданское право. Приватъ доцентъ С. П. Никоновъ.	Уголовное право (особ. часть). И. д экстраорд. пр. А. А. Піонтковскій.
	1—2			Уголовное право. И. д. экстраорд. проф. А. А. Піонтковскій.	Гражданское Судопроизводство. И. д. доцента М. А. Липинскій.
Четвергъ.	10—11	Исторія Римскаго права. Приватъ-доцентъ С. П. Никоновъ.	Государственное право. Ординарный профессоръ Э. Н. Берендтсъ.		Гражданское право. Приватъ-доцентъ В. А. Юшкевичъ.
	11—12	Богословіе. Проф. Прот. Н. А. Тихвинскій.		Гражданское право. Приватъ-доцентъ С. П. Никоновъ.	
	12—1	Исторія Русскаго права. Заслуж. ординарн. профессоръ С. М. Шпилевскій.		Римское право. И. д. доцента М. М. Катковъ.	Уголовное Судопроизводство. Приватъ-доцентъ Д. Н. Стефановскій.
	1—2				
Пятница.	10—11		Римское право. Ординарный профессоръ Н. С. Суворовъ.	Римское право. И. д. доцента М. М. Катковъ.	
	11—12				Торговое право. Прив. доцентъ И. Я. Гурляндъ.
	12—1	Исторія Русскаго права. Заслужен. ординарн. профессоръ С. М. Шпилевскій.	Политическая Экономія. Прив. доцентъ А. Р. Свирщевскій.	Уголовное право. И. д. экстра-ордин. профессора А. А. Піонтковскій.	Практич. занят. по Римскому праву. И. д. доцента М. М. Катковъ.
	1—2		Финансовое право. Прив. доцентъ А. Р. Свирщевскій.		
Суббота.	10—11	Богословіе. Проф. Прот. Н. А. Тихвинскій.	Римское право. Ордин. профессоръ Н. С. Суворовъ.	Гражданское право. Приватъ доцентъ С. П. Никоновъ.	Уголовное Судопроизводство. Прив. доц. Д. Н. Стефановскій.
	11—12	Всеобщая Исторія права. Орд. профессоръ В. Г. Щегловъ.			Торговое право. Приватъ доцентъ И. Я. Гурляндъ.
	12—1	Институціи Римскаго права. Ордин. профессоръ В. Г. Щегловъ.	Политическая Экономія. Приватъ доцентъ А. Р. Свирщевскій.	Римское право. И. д. доцента М. М. Катковъ.	
	1—2				

I.

СПИСОКЪ СТУДЕНТОВЪ

Демидовскаго Юридическаго Лицея,

окончившихъ въ ономъ полный курсъ.

Первый выпускъ 1874 года[1]).

*1. Архангельскій Николай Дмитріевичъ, родомъ Ярославской губерніи. Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей по назначенію отъ правительства въ Юрьевѣ, Лифляндской губ.

2. Боевской Михаилъ Александровичъ, Ярославской губерн. Уѣздный членъ суда въ Изюмѣ, Харьковской губ.

*3. Виноградовъ Александръ Николаевичъ Тверской губерн. Іеромонахъ Алексѣй, Кіево Печерской Лавры, въ Китайской миссіи.

*4. Грузинцевъ Константинъ Николаевичъ, Ярославской губ. Инспекторъ народныхъ училищъ въ Костромѣ.

*5. Знаменскій Алексѣй Ивановичъ, Ярославской губ. Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ Брестъ-Литовскѣ.

6. Ивановскій Алексѣй Михайловичъ, Ярославской губ. Членъ окружнаго суда въ Харьковѣ.

---

[1]) Противъ которыхъ поставлена звѣздочка, тѣ окончили курсъ съ степенью кандидата юридическихъ наукъ; остальные—съ званіемъ дѣйствительнаго студента.

7. Князевскій Александръ Андреевичъ, Саратовской губ. Городской судья въ Верхнеуральскѣ.

**8. Князевскій Степанъ Андреевичъ. Саратовской губ. Присяжный повѣренный въ Иваново-Вознесенскѣ [2]).

*9. Колокольцовъ Лавръ Флегонтовичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Вельскѣ.

10. Крутикъ-Горетубанскій Иванъ Григорьевичъ, Харьковской губ. Присяжный повѣренный въ Симферополѣ.

*11. Лебедевъ Василій Федоровичъ, Рязанской губерн. Мировой судья въ Варшавѣ.

12. Межаковъ Иванъ Николаевичъ, Костромской губерн. Городской судья въ Царевскомъ уѣздѣ, Астраханской губ.

13. Моревъ Николай Николаевичъ, Ярославской губерн. Дѣлопроизводит. VIII-го кл. въ Департаменѣ Народнаго Просвѣщенія.

*14. Назимовъ Андрей Владиміровичъ, Ярославской губ. Членъ окружнаго суда въ Кишиневѣ.

*15. Орловъ Дмитрій Ивановичъ, Калужской губ. Членъ окружнаго суда въ Ригѣ.

*16. Покровскій Иванъ Федоровичъ, Владимірской губ. Прокуроръ окружнаго суда въ Петрозаводскѣ.

*17. Розовъ Павелъ Гавриловичъ, Ярославской губерн. Судебный слѣдователь въ Ярославлѣ.

18. Слѣповъ Николай Филипповичъ, Яросл. губ. Канцелярскій чиновникъ контрольной палаты въ Ярославлѣ.

*19. Талантовъ Александръ Порфирьевичъ, Ярославск. губ. Дѣлопроизводитель V кл. въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія.

20. Толстовъ Викторъ Дмитріевичъ, Владимірской губ. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Казани.

---

[2]) Противъ которыхъ поставлено двѣ звѣздочки, тѣ, не бывъ въ Лицеѣ студентами, сдавали только экзамены на степень кандидата, экстернами.

2.1 Успенскій Николай Петровичъ, Костромской губерн. Помощникъ исправника въ Костромѣ.

*22. Чистяковъ Петръ Лаврентьевичъ, Калужской губ. Присяжный повѣренный въ Орлѣ.

Свѣдѣній не доставили: 23. *Васильевъ* Николай Васильевичъ, род. Калужской губ.; 24. *Веригинъ* Александръ Константиновичъ, Тверской,; 25. *Драбовскій* Петръ Тимофеевичъ, Новгородской:

Находятся въ отставкѣ: 26. *Бѣляевъ* Александръ Матвѣевичъ, Костромской, съ 1892 г., былъ товарищ. прокурора въ Казани; *27. *Введенскій* Николай Николаевичъ, Ярослав. съ 1888 г., изъ старшихъ помощн. оберъ-секретаря Сената, 28. *Дьяконовъ* Викторъ Михайловичъ. Вологодской. съ 1891 г., изъ судебн. слѣдоват. Тотемскаго уѣзда; *29. *Лебедевъ* Александръ Максимовичъ, Тульской, съ 1892 г., изъ товарищ. прокурора Кутаисскаго окр. суда; *30. *Лыткинъ* Николай Константиновичъ, Владим., съ 1895 г., былъ тов. прокурора въ Сарапулѣ; *31. *Протопоповъ* Петръ Владиміровичъ, Московской, съ 1889 г., изъ мировыхъ судей гор. Углича.

Умерли: *32. *Бенедиктовъ* Алексѣй Ивановичъ, Яросл., 1893 г., былъ судебнымъ слѣдователемъ Заславскаго уѣзда; 33. *Головачевскій* Иванъ Николаевичъ, Черниговъ., 1875 г., кандид. на судебн. должн. при окруж. судѣ въ Кишиневѣ; *34. *Добротинъ* Арсеній Андреевичъ, Ярославской, 1891 г., секретаремъ Думы въ Рыбинскѣ; *35. *Казанскій* Александръ Ивановичъ, Ярославской, 1891 г., городск. судьей въ Бронницахъ; 36. *Мерцаловъ* Николай Федоровичъ, Тульской, 1888 года, судебн. слѣдователемъ въ Усть-Медвѣдицкѣ; *37. *Минервинъ* Александръ Евграфовичъ, Ярославской, 1898 г., былъ доцентомъ Лицея; 38. *Орловъ* Александръ Тимофеевичъ, Тамбовской, 1880 г., судебн. слѣдоват. въ Оренбургѣ; *39. *Островскій*. Николай Петровичъ, былъ судеб. слѣдов.

въ Ярославлѣ; *40. *Польскій* Михаилъ Ивановичъ, Яросл., 1895 г., членомъ окр. суда въ Вологдѣ; 41. *Розовъ* Николай Николаевичъ, Яросл., 1875 г., помощн. ревизора Контрольной Палаты въ Ташкентѣ; *42. *Розовъ* Сергѣй Александровичъ, Ярославской, 1888 г., товар. губернск. прокурора въ Мензелинскѣ; 43. *Свидерскій* Іосифъ Михайловичъ, Могилевской, 1899 г., чл. окр. с. въ Кам.-Подольскѣ; 44. *Смарагдовъ* Владиміръ Васильевичъ, Яросл., 1897 г., членомъ окр. суда въ Ярославлѣ; *45. *Соколовъ* Сергѣй Александровичъ, Московской 1890 г., судебн. слѣдов. въ Бронницахъ.

Второй выпускъ—1875 года.

1. Бѣляевъ Арсеній Васильевичъ, Ярославской губерн. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

*2. Волковичъ Дмитрій Львовичъ, Черниговской губерн. Преподаватель техническаго училища въ Калугѣ.

3. Воскресенскій Николай Алексѣевичъ, Ярославск. губ. Священникъ въ с. Рождество въ Вокшарахъ Р.-Борисоглѣб. уѣзда.

4. Гейцыгъ Александръ Николаевичъ, Владимірск. губ. Мировой судья въ Лодзи.

*5. Глаголевъ Иванъ Матвѣевичъ, Тульской губ. Присяжный повѣренный округа Московской судебной палаты.

*6. Дмитревскій Федоръ Семеновичъ, Тульской губерн. Присяжный повѣренный въ Тулѣ.

*7. Елпидинскій Алексѣй Петровичъ, Владимірской губ. Мировой судья въ Ломжѣ.

8. Капацинскій Алексѣй Ивановичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь въ Нижнемъ-Новгородѣ.

*9. Мартыновъ Николай Антоновичъ, Ярославской губ. Старшій нотаріусъ въ Ярославлѣ.

*10. Матвѣевскій Митрофанъ Евдокимовичъ, Черниговской губ. Членъ окружнаго суда въ Вяткѣ.

*11. Орловъ Михаилъ Ивановичъ, Калужской губ. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ Калугѣ.

12. Песоченскій Иванъ Андреевичъ, Калужской губерн. Присяжный повѣренный въ Пензѣ.

13. Розановъ Владиміръ Яковлевичъ, Владимірской губ. Исправникъ въ г. Меленкахъ.

14. Смирновъ Андрей Павловичъ, Костромской губерн. Судебный слѣдователь въ Ветлугѣ.

*15. Соловьевъ Иванъ Павловичъ, Владимірской губерн. Членъ окружнаго суда въ Варшавѣ.

16. Сперанскій Иванъ Васильевичъ, Владимірской губ. Членъ окружнаго суда въ Уфѣ.

17. Стратилатовъ Александръ Константиновичъ, Яросл. губ. Судебный слѣдователь въ Макарьевѣ, Нижегород. губ.

18. Стратилатовъ Иванъ Константиновичъ, Ярославской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Кадниковѣ.

*19. Стремоуховъ Андрей Михайловичъ, Ярославской губ. Товарищъ Оберъ-Прокурора Уголовнаго Кассац. Департ. Сената.

20. Уткинъ Петръ Петровичъ, Ярославской губ. Предсѣдатель мироваго съѣзда въ Поневѣжѣ.

21. Чанцовъ Сергѣй Александровичъ. Смоленской губ. Мировой судья Витебскаго уѣзда.

*22. Якиманскій Александръ Михайловичъ, Владимірской губ. Мировой судья въ Ревелѣ.

Свѣдѣній не доставили: 23. *Баталинъ* Сергѣй Михайловичъ, Калужской; 24. *Любимовъ* Митрофанъ Андреевичъ, Калужской; 25. *Надѣинскій* Павелъ Федоровичъ, Ярославской, до 1897 г. былъ городскимъ судьей въ Екатеринбур-

гѣ; 26. *Павловъ* Константинъ Николаевичъ, Рязанской; *27. *Фортунатовъ* Павелъ Дмитріевичъ, Тульской; 28. *Эдемовъ* Николай Дмитріевичъ, Саратовской; 29. *Яхонтовъ* Николай Алексѣевичъ, Костромской.

Находятся въ отставкѣ: 30. *Климовъ* Иванъ Васильевичъ, Рязанской, до 1890 года былъ товарищ. прокурора окр. суда въ Перми; 31. *Сперанскій* Петръ Ивановичъ, Ярославской, былъ судебн. слѣдоват. въ Корчевѣ; 32. *Ульяшенко* Сергѣй Ивановичъ, съ 1894 года, изъ судебн. слѣд. Шуйскаго уѣзда.

Умерли: 33. *Беллертъ* Николай Николаевичъ, Ярославской, 1876 г.; 34. *Богородскій* Иванъ Флегонтовичъ, Яросл., 1898 г., членомъ суда въ Вяткѣ; 35. *Валединскій* Григорій Ивановичъ, Владимірской, 1880 г., кандид. на судебн. должн. при Нижегородскомъ окружномъ судѣ; 36. *Капустинъ* Константинъ Ивановичъ, Ярославской, 1882 г., судебн. слѣдов. въ Слуцкѣ; *37. *Люминарскій* Николай Михайловичъ, Костромской, 1885 г., секретаремъ въ Св. Синодѣ; 38. *Минервинъ* Андрей Семеновичъ, Владимірской, 1885 г., судебн. слѣдов. въ Челябинскѣ; *39. *Минервинъ* Василій Семеновичъ, Влад., 1898 г., присяжн. повѣр. въ Ельцѣ; 40. *Преображенскій* Александръ Михайловичъ, Костромской, 1887 г., помощн. оберъ-секретаря Сената; 41. *Смирновъ* Иванъ Михайловичъ, Псковской, 1884 года, судебн. слѣдов. въ Онегѣ; *42. *Соколовъ* Степанъ Васильевичъ, Смоленской, 1883 года, судебн. слѣдов. Сѣннинскаго уѣзда; 43. *Шиповъ* Павелъ Александровичъ, Ярославской, 1883 года, судебн. слѣдоват. въ Оренбургѣ.

Третій выпускъ—1876 года.

*1. Архангельскій Николай Ивановичъ, Рязанской губ. Присяжный повѣренный въ Новочеркаскѣ.

*2. Богдановъ Яковъ Ивановичъ, Владимірской губерн. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Шуѣ.

3. Волочковъ Иванъ Петровичъ, Смоленской губ. Судебный слѣдователь въ Смоленскѣ.

*4. Звонниковъ Павелъ Ивановичъ, Кіевской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

*5. Зерновъ Сергѣй Степановичъ, Московской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

6. Лапчинскій Федоръ Алексѣевичъ, Черниговской губ. Мировой судья въ Шенкурскѣ.

*7. Лебедевъ Николай Максимовичъ, Тульской губерн. Товар. прокурора въ Ставрополѣ-Кавказскомъ.

8. Маслаковъ Иліодоръ Васильевичъ, Черниговской губ. Товарищъ прокурора въ Казани.

9. Мелодіевъ Евлогій Евгеньевичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь въ Тулѣ.

10. Парнасовъ Петръ Петровичъ, Владимірской губерн. Товарищъ прокурора при окружномъ судѣ въ Екатеринодарѣ.

*11. Пригаровскій Михаилъ Петровичъ, Черниговской губ. Членъ окружнаго суда въ Каменецъ-Подольскѣ.

*12. Писаревскій Николай Григорьевичъ, Ярославской губ. Членъ окружнаго суда въ Гродно.

13. Разумовскій Аполлонъ Николаевичъ, Ярославской губ. Прокуроръ окружнаго суда въ Минскѣ.

14. Спасскій Владиміръ Евфимовичъ, Тульской губерн. Судебный слѣдователь въ г. Крапивнѣ.

15. Стратилатовъ Михаилъ Константиновичъ, Ярослав. губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Нерехтѣ.

16. Субботинъ Василій Философовичъ, Ярославск. губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Перемышлѣ.

17. Троицкій Василій Александровичъ, Тверской губ. Судебный приставъ въ Весьегонскѣ.

Въ отставкѣ: 18. *Вознесенскій* Александръ Ивановичъ, Костромской, съ 1873 года, былъ суд. слѣдоват. въ Кинешмѣ; 19. *Маляровъ* Александръ Яковлевичъ, Оренбургской губерніи, съ 1897 года, былъ судебн. слѣдов. въ Екатеринбургѣ; 20. *Остроумовъ* Николай Ивановичъ, Калужской, 1898 г., былъ судебн. слѣдоват. въ Козельскѣ.

Свѣдѣній не доставилъ: 21. *Кирилловъ* Михаилъ Васильевичъ, Московской губ.

Умерли: 22. *Александровскій* Иванъ Михайловичъ, Тульской, 1883 г., судеб. слѣдоват. въ Вильнѣ; 23. *Лилеевъ* Михаилъ Николаевичъ, Ярославской, 1894 г., судебн. слѣдов. въ Чембарахъ; *24. *Нечаевъ* Лука Ивановичъ, Тульской, 1883 г., судебн. слѣдоват. въ Богородицкѣ; 25. *Оферьевъ* Федоръ Арсеньевичъ, Владим.. 1898 г., уѣздн. чл. суда въ Ельнѣ; 26. *Прозоровскій* Михаилъ Григорьевичъ, Калужской, 1878 года, дѣлопроизводит. Калужскаго губерн. правленія; *27. *Поповъ* Степанъ Дмитріевичъ, Архангельской, 1893 г., Мировымъ судьей въ Тотьмѣ.

Четвертый выпускъ—1877 года.

1. Веселовскій Василій Аркадьевичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора въ Минскѣ.

2. Глѣбовъ Никаноръ Васильевичъ, Рязанской губерн. Окружный акцизный надзиратель въ Умани.

3. Горбатовскій Матвѣй Степановичъ, Черниговской губ. Товарищъ предсѣдателя окружн. суда въ Красноярскѣ.

*4. Крюковъ Сергѣй Ильичъ, Тверской губерн. Учитель реальнаго училища въ Курскѣ.

5. Линденбратенъ Яковъ Рафаиловичъ, Виленской губ. Присяжный повѣренный въ Могилевѣ.

6. Меморскій Александръ Михайловичъ, Владимірской губ. Присяж. повѣренный и городской голова въ Нижнемъ-Новгородѣ.

7. Невскій Иванъ Александровичъ, Тверской губ. Учитель реальнаго училища въ Екатеринославѣ.

8. Никольскій Александръ Григорьевичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь въ Себежѣ, Витебской губ.

9. Никольскій Александръ Яковлевичъ, Черниговской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Опочкѣ.

10. Остряковъ Николай Яковлевичъ, Тамбовской губерн. Мировой судья въ Черкасахъ.

11. Пагава, князь, Мельхиседекъ Григорьевичъ, Кутаисской губ. Директоръ Михайловск. дворян. земельн. банка въ Куаисѣ.

12. Парвицкій Николай Ивановичъ, Владимірской губ. Правитель канцеляріи градоначальника въ Керчь-Еникалѣ.

13. Поповъ Михаилъ Ивановичъ, Тамбовской губ. Судебный слѣдователь Карачевскаго уѣзда, Орловской губ.

*14. Потѣхинъ Павелъ Борисовичъ, Костромской губ. Дѣлопроизводитель VI кл. въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія.

15. Радугинъ Константинъ Павловичъ, Владимірской губ. Членъ окружнаго суда въ Рязани.

16. Розовъ Николай Александровичъ, Костромской губ. Судебный приставъ въ Малоархангельскѣ, Орловской губ.

17. Святославскій Алексѣй Петровичъ, Московской губ. Товарищъ прокурора въ Орлѣ.

*18. Севастьяновъ Владиміръ Константиновичъ, Тамбовской губ. Мировой судья по выбору въ г. Шапкѣ.

*19. Славновскій Алексѣй Александровичъ, Тверской губ. Податной инспекторъ въ Астрахани.

20. Успенскій Иванъ Ивановичъ, Тверской губ. Нотаріусъ въ С.-Петербургѣ.

21. Хохловъ Иванъ Александровичъ, Тверской губерн. Судебный слѣдователь 3-го уч. Гродненскаго уѣзда.

22. Хохловъ Сергѣй Александровичъ, Тверской губерн. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Холмѣ, Псковской губ.

Свѣдѣній не доставили: 23. *Алякринскій* Митрофанъ Александровичъ, Владимірской; 24. *Михайловскій* Арсеній Николаевичъ, Тверской; 25. *Сахаровъ* Владиміръ Ивановичъ, Калужской губерніи.

Находятся въ отставкѣ: 26. *Казанскій* Павелъ Андреевичъ, Тульской, съ 1896 г., изъ судебныхъ слѣдов. Мологи: 27. *Никольскій* Петръ Павловичъ, Тверской, съ 1893 г., изъ товарищей прокурора Владикавказскаго суда; 28. *Утѣхинъ* Филаретъ Владиміровичъ, Тульской, съ 1895 г., изъ судебн. слѣдоват. въ Сѣдлецахъ.

Умерли: 29. *Бенедиктовъ* Геннадій Петровичъ, Ярославской, 1899 г., былъ судебн. слѣдоват. въ Инсарѣ; *30. *Валединскій* Илья Іеронимовичъ, Владимірской, 1892 г., чиновн. особ. поруч. губернатора въ Нижнемъ-Новгородѣ; 31. *Галаховъ* Алексѣй Михайловичъ, Тверской, 1878 г., при Министерствѣ Юстиціи; 32. *Гродзинскій* Василій Ивановичъ, Минской, 1880 г., судебнымъ слѣд. въ Каменецъ-Подольскѣ; 33. *Духовской* Евгеній Васильевичъ, Нижегородской, 1879 г., присяжн. повѣрен. въ Москвѣ; 34. *Журавченко* Михаилъ Ивановичъ, Черниговской, 1881 г., кандидатомъ при Ярославскомъ окр. судѣ; *35. *Казанцевъ* Леонидъ Николаевичъ, Ярославской, 1896 г., ординарнымъ профессоромъ Кіевскаго Университета; *36. *Моригеровскій* Сергѣй Ивано-

вичъ, Тульской, 1893 г., товарищ. прокурора въ Екатеринодарѣ; *37. *Пѣтунинъ* Алексѣй Яковлевичъ, Ярославской, 1894 г., присяжн. повѣр. въ Москвѣ; 38. *Соловьевъ* Иванъ Николаевичъ, Владимірской, 1885 г., секретаремъ Таврической консисторіи; 39. *Страховъ* Александръ Семеновичъ, Московской 1880 г., присяжнымъ стряпчимъ въ Москвѣ; 40. *Успенскій* Алексѣй Ивановичъ, Московской, 1881 г., помощникомъ присяжн. повѣр. въ Ярославлѣ.

Пятый выпускъ—1878 года.

1. Алякринскій Григорій Артамоновичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь 1-го участка Ковровскаго уѣзда.

*2. Андроссовъ Николай Ивановичъ, Московской губерн. Присяжный повѣренный округа Московской судебной палаты.

3. Бабіевскій Иванъ Григорьевичъ, Черниговской губ. Управляющій контрольной палатой въ Полтавѣ.

4. Балутинъ Флорентій Петровичъ, Черниговской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Валуйкахъ, Воронеж. губ.

*5. Есиповъ Алексѣй Николаевичъ, Ярославской губерн. Непремѣнный членъ губ. по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствія въ Ярославлѣ.

6. Ивановскій Александръ Ивановичъ, Вологодской губ. Членъ окружнаго суда въ Вологдѣ.

7. Казанскій Василій Алексѣевичъ, Ярославской губерн. Дѣлопроизводитель губернскаго правленія въ Перми.

8. Лебедевъ Дмитрій Алексѣевичъ, Московской губерн. Мировой судья въ Москвѣ.

9. Литовъ Сергѣй Ивановичъ, Ярославской губ. Занимается торговыми дѣлами.

10. Малиновскій Николай Григорьевичъ, Орловской губ. Судебнымъ слѣдователемъ Каргопольскаго уѣзда, Олонецкой губ.

11. Миловидовъ Александръ Ивановичъ, Владимірской губ. Городскимъ судьей въ Балахнѣ.

12. Молчановъ Владиміръ Алексѣевичъ, Тульской губ. Присяжный повѣренный въ Тулѣ.

13. Несмѣловъ Николай Алексѣевичъ, Пензенской губ. Нотаріусъ въ Уфѣ.

14. Орельскій Иванъ Александровичъ, Нижегородской губерніи, Судебный слѣдователь въ Петрозаводскѣ.

15. Орловъ Алексѣй Алексѣевичъ, Воронежской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Новочеркасскѣ.

*16. Петровскій Павелъ Лавровичъ, Ярослав. губ. Чиновникъ особыхъ поруч. при управленіи государств. имущ. въ Новгородѣ.

17. Погожевъ Дмитрій Андреевичъ, Московской губерн. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

18. Путилинъ Александръ Ивановичъ, Воронежской губерніи. Судебный слѣдователь Острогожскаго уѣзда, Воронежской губерніи.

19. Реутскій Митрофанъ Ивановичъ, Черниговской губ. Въ управленіи волжско-камскаго банка въ Петербургѣ.

20. Серафимовъ Николай Константиновичъ, Костромской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Котельничѣ.

21. Соколовъ Илья Васильевичъ, Смоленской губерн Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ Поневежѣ, Ковенской губерніи.

22. Срѣтенскій Евгеній Аврамьевичъ, Ярославской губ. Секретарь духовной консисторіи въ Житомірѣ.

23. Стратилатовъ Николай Петровичъ, Ярославской губ. Преподаватель реальнаго училища въ Иркутскѣ.

24. Ундольскій Сергѣй Александровичъ, Владимірской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Керчи.

25. Шумилинъ Николай Петровичъ, Ярославской губ. Членъ окружнаго суда въ Варшавѣ.

Свѣдѣній не доставили; 26. *Афанасьевъ* Маркъ Ивановичъ, Тамбовской губ.; 27. *Виноградовъ* Дмитрій Алексѣевичъ, Владимірской; 28. *Красноп҄ѣвцевъ* Алексѣй Ивановичъ, Тульской; 29. *Лавровъ* Алексѣй Андреевичъ, Орловской; 30. *Поспѣловъ* Николай Алексѣевичъ, Московской.

Умерли: 31. *Вознесенскій* Николай Алексѣевичъ, Тверской, 1893 г., судебн. слѣдов. въ Оренбургской губ.; 32. *Воскресенскій* Николай Дмитріевичъ, Тульской, 1894 г., судебн. слѣдоват. въ Ковенской губ.; 33. *Гладковъ* Владиміръ Григорьевичъ, Ярославской, 1888 г., присяжн. повѣрен. во Владимірѣ; *34. *Доброхотовъ* Александръ Алексѣевичъ, Ярославской, 1883 г., судебн. слѣдоват. въ Устюгѣ; 35. *Моревъ* Николай Ивановичъ, Ярославской, 1891 г., въ Оренбургѣ членомъ соединенной палаты; 36; *Сергѣевъ* Петръ Степановичъ, Воронежской, 1893 г., судебн. слѣдоват. въ Задонскѣ; 37. *Страховъ* Иванъ Игнатьевичъ, Тверской, 1882 года.

Шестой выпускъ—1879 года.

1. Алякринскій Иванъ Артамоновичъ, Владимірской губерн. Мировой судья Николаевскаго уѣзда, Тургайской области.

*2. Артыновъ Евгеній Дмитріевичъ, Владимірской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

3. Лебедевъ Василій Григорьевичъ, Владимірской губ. Членъ окружнаго суда во Владимірѣ.

4. Никольскій Нниколай Яковлевичъ, Черниговской губерніи. Судебный слѣдоват. 3-го уч. Винницкаго уѣзда, Подольской губ.

*5. Образцовъ Семенъ Флегонтовичъ, Вологодской губ. Учитель 2-го реальнаго училища въ Петербургѣ.

*6. Орлинскій Евгеній Ивановичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ Пензѣ.

7. Смирновъ Андрей Константиновичъ, Рязанской губ. Судебный слѣдователь въ Белебеѣ.

*8. Соколовъ Николай Федоровичъ, Тверской губ. Присяжный повѣренный въ Нижнемъ-Новгородѣ.

9. Стефановскій Александръ Трофимовичъ, Черниговской губ. Членъ окружнаго суда въ Гродно.

*10. Успенскій Алексѣй Федоровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдователь въ Двинскѣ, Витебской губ.

*11. Флорентинскій Владиміръ Николаевичъ, Нижегородской губерніи. Товарищъ прокурора въ Гродно.

*12. Фортунатовъ Константинъ Александровичъ, Тверской губерніи. Уѣздный членъ суда въ Смоленскѣ.

Свѣдѣній не доставили: *Бѣлозерскій* Михаилъ Петр., Черниговск., до 1897 г., былъ совѣтникомъ губ. суда въ Тотемскѣ, 14. *Романовскій* Алексѣй Константиновичъ, Московской губ. 15. *Ураковъ* Павелъ Петровичъ, Костромской губ.

Находятся въ отставкѣ: 16. *Алексѣевскій* Александръ Вас., Тверской, съ 1892 года, изъ судебн. слѣдоват. Воронежа.

Умерли: 17. *Виноградовъ* Ив. Сергѣевичъ, Костромской, 1896 г., помощникомъ дѣлопроизводителя въ кабинетѣ Его Императорскаго Величества; 18. *Знаменскій* Николай Павловичъ, Владимірской, 1897 г., судебн. слѣдовател. въ Нижнемъ-Новгородѣ, 19. *Козловскій* Иванъ Гавриловичъ, Могилевской, 1890 г., судебн. слѣдоват. въ Трокахъ; 20. *Мировъ*

Алексѣй Алексѣевичъ, Ярославской, 1880 г., помощникомъ попечителя Калмыковъ въ Астрахани; 21. *Платоновъ* Иванъ Ивановичъ, 1895 г., судебн. слѣд. въ Елатьмѣ; *22. *Титовъ* Сергѣй Георгіевичъ, Костромской, 1896 г., городскимъ судьей въ Тотьмѣ.

Седьмой выпускъ—1880 года.

1. Бѣляевъ Иванъ Ивановичъ, Владимірской губ. Городской судья въ Вязникахъ.

2. Валединскій Викторъ Іеронимовичъ, Владимірской губерн. Предсѣдателемъ мироваго съѣзда въ Кизлярѣ.

*3. Граціановъ Александръ Яковлевичъ, Нижегородской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Романово-Борисоглѣбскѣ.

*4. Красовскій Александръ Антоновичъ, Ярославской губ. Членъ окружнаго суда въ Тифлисѣ.

5. Любимовъ Иванъ Ѳомичъ, Рязанской губерн. Членъ окружнаго суда въ Ковно.

6. Орловъ Иванъ Николаевичъ, Московской губ. Городской судья въ Ардатовѣ, Симбирской губ.

**7. Раппопортъ Алексѣй Львовичъ, Кіевской губерн. Присяжный повѣренный въ Кіевѣ.

8. Розановъ Гавріилъ Петровичъ, Рязанской губ. Частный повѣренный въ Скопинѣ.

9. Розовъ Александръ Васильевичъ, Ярославской губерн. Мировой судья Мезенскаго уѣзда, Архангельской губ.

10. Язвинскій Константинъ Павловичъ, Владимірской губ. Частный повѣренный въ Суздалѣ.

*11. Яковлевъ Иванъ Георгіевичъ, Петербургской губ. Городской судья въ Ковровѣ, Владимірской губ.

Свѣдѣній не доставили: *12. *Гусевъ* Николай Николаевичъ, Московской; 13. *Ждановъ* Андрей Андреевичъ, Полтавской; 14. *Фортунатовъ* Гавріилъ Дмитріевичъ, Тульской губерніи.

Находятся въ отставкѣ: 15. *Колосовскій* Иванъ Владиміровичъ, съ 1894 г., былъ членомъ соединеной палаты въ Уфѣ; *16. *Пятницкій* Михаилъ Петровичъ, Ярославской, изъ судебн. слѣдоват. Кологрива; 17. *Чернобровцевъ* Васияій Дмитріевичъ, Владимірской, съ 1895 г., былъ судеб. слѣдоват. въ Семеновѣ, Нижегородской губерн.; *18. *Шубинъ* Никаноръ Александровичъ, съ 1895 г., былъ членомъ окр. суда въ Баку.

Умерли: *19. *Безсоновъ* Александръ Михайловичъ, Московской, 1888 г., былъ присяжн. повѣрен. въ Москвѣ; 20. *Горлицынъ* Владиміръ Авксеньевичъ, Ярославской, 1880 г.; 21. *Дубенскій* Николай Николаевичъ, Петерб., 1897 г., товар. прокур. въ Костромѣ; 22. *Муравьевъ* Сергѣй Ивановичъ, Московской, 1894 г., суд. слѣдоват. въ Болховѣ; 23. *Пѣнскій* Алексѣй Николаевичъ, Тверской, съ 1891 г., секретаремъ акцизнаго управленія въ Ковно.

Восьмой выпускъ—1881 года.

1. Аменицкій Иванъ Александровичъ, Владимірской губ. Членъ окружнаго суда въ Уфѣ.

2. Богородскій Леонидъ Алексѣевичъ, Ярославской губ. Почетный мировой судья въ Ярославлѣ.

3. Вишняковъ Михаилъ Семеновичъ, Московской губ. Присяжный повѣренный округа Московской судебной палаты.

4. Истоминъ Александръ Ивановичъ, Тверской губерн. Товарищъ прокурора въ Астрахани.

5. Коржавинъ Николай Николаевичъ, Московской губ. Судебный Слѣдователь въ Звенигородѣ.

*6. Критскій Иванъ Александровичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь по важнѣйшимъ дѣламъ въ Череповцѣ.

7. Любомудровъ Михаилъ Александровичъ, Тульской губ. Судебн. слѣд. 4-го участка Ставропольск. уѣзда на Кавказѣ.

8. Лялинъ Михаилъ Николаевичъ, Владимірской губерн. Земскій Начальникъ въ Переяславскомъ уѣздѣ, Владимірской губ.

9. Малевскій-Малевичъ Александръ Юльевичъ, Московской губерніи. Присяжный повѣренный въ Твери.

10. Поповъ Лавръ Андреевичъ, Ярославской губ. Товарищъ прокурора въ Екатеринбургѣ.

11. Предтечевскій Николай Андреевичъ, Ярославской губ. Городской судья въ Галичѣ.

12. Приселковъ Владиміръ Захаровичъ, Тверской губ. Членъ окружнаго суда въ Ригѣ.

*13. Раевскій Евгеній Александровичъ, Ярославской губерніи. Старшій нотаріусъ при окружномъ судѣ.

14. Смирновъ Василій Семеновичъ, Владимірской губ. Уѣздный членъ суда въ Сосницахъ, Черниговской губ.

15. Смирновъ Михаилъ Михаиловичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь въ Шуѣ.

*16. Смоленскій Михаилъ Федоровичъ, Тверской губерн. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Кишиневѣ.

*17. Телегинъ Сергѣй Александровичъ, Московской губ. Судебный слѣдователь въ Меленкахъ.

*18. Шахъ-Азизъ Семенъ Іоакимовичъ, Эриванской губ. Помощникъ мирового судьи въ Баку.

Свѣдѣній не доставили: *19. *Ильинъ* Порфирій Николаевичъ, Петербургской губ.; 20. *Крыловъ* Павелъ Александровичъ, Ярославской; 21. *Соколовъ* Александръ Глѣбовичъ, Ярославской.

Находится въ отставкѣ: 22. *Гоффманъ* Антонъ Эдуардовичъ, Могилевской, съ 1891 г., изъ суд. слѣдов. Духовщины.

Умерли: 23. *Милославовъ* Павелъ Афанасьевичъ, Ярославской, 1889 г.; 24. *Поповъ* Дмитрій Васильевичъ, Вологодской, 1886 года, былъ пом. присяжн. повѣр. въ Ярославлѣ; 25. *Раевскій* Федоръ Константиновичъ, Костромской, 1783 года, канд. при окр. судѣ въ Костромѣ; 26. *Рождественскій* Федоръ Дмитріевичъ, Московской. 1892 года, помощникъ секретаря судебной палаты въ Москвѣ; 27. *Троицкій* Василій Михайловичъ, Тульской, 1891 г., судебн. слѣдоват. въ Уфимской губ.; 28. *Троицкій* Василій Федоровичъ, Рязанской, 1891 года, судебнымъ слѣдователемъ въ Бессарабской губерніи.

Девятый выпускъ—1882 года.

1. Александровскій Владиміръ Андреевичъ, Владимірской губ. Секретарь духовной консисторіи въ Костромѣ.

2. Алексѣевъ Михаилъ Петровичъ, Тверской губ. Судебный слѣдоват. 15-го уч. Варшавскаго окр. суда.

3. Введенскій Иванъ Ивановичъ, Тверской губ. Мировой судья въ Юрьевѣ, Лифляндской губ.

4. Дагаевъ Аркадій Федоровичъ, Воронежской губерн. Членъ окружнаго суда въ Москвѣ.

5. Дмитревскій Дмитрій Ивановичъ, Ярославской губерн. Судебный слѣдоват. въ Кирилловѣ, Новгородской губ.

*6. Ивановъ Николай Аполлоновичъ, Тульской губерн. Земскій начальникъ Епифановскаго уѣзда.

7. Лебедевъ Сергѣй Антоновичъ, Владимірской губерн. Городской судья въ Камышинѣ, Саратовской губ.

*8. Полетаевъ Павелъ Арсеньевичъ, Ярославской губерн. Городской судья въ Солигаличѣ.

9. Полянскій Федоръ Ивановичъ, Воронежской губерн. Присяжный повѣренный въ Воронежѣ.

10. Свѣтловъ Константинъ Петровичъ. Рязанской губ. Товарищъ прокурора въ Тамбовѣ.

11. Соколовъ Иванъ Іассоновичъ, Ярославской губерн. Городской судья въ Романовъ-Борисоглѣбскѣ.

*12. Тверицкій Павелъ Федоровичъ, Ярославской губерн. Судебный слѣдователь по особо важнымъ дѣламъ въ Ярославлѣ.

13. Троицкій Александръ Ивановичъ, Московской губ. Помощникъ акцизн. надзирателя въ Сапожкѣ, Рязанской губ.

Находятся въ отставкѣ: 14. *Кондратьевъ* Михаилъ Петровичъ, Московской, съ 1894 г., изъ судебн. слѣдоват. гор. Мурома; 15. *Платоновъ* Василій Александровичъ, Тамбовской, съ 1896 г., былъ членомъ соединен. палаты въ Архангельскѣ.

Умерли: 16. *Надеждинъ* Сергѣй Александровичъ, Владимірской, губ., 1894 г., податн. инспект. въ Покровѣ; 17. *Ораевскій* Федоръ Александровичъ, Ярославской, 1896 г., мировымъ судьей въ Павлоградѣ.

Десятый выпускъ—1883 года.

1. Агриковъ Василій Дмитріевичъ, Владимірской губ. Податной Инспекторъ въ Александровѣ, Владимірской губ.

2. Андруцкій Гавріилъ Дмитріевичъ, Могилевской губ. Судебный слѣдователь въ Вилейскомъ у., Виленской губерніи.

*3. Благовѣщенскій Иванъ Дмитріевичъ, Орловской губ. Уѣздный членъ окружнаго суда въ Весьегонскѣ.

4. Богородскій Василій Николаевичъ, Ярославской губ. Городской судья въ Раненбургѣ.

*5. Бѣлопольскій Петръ Васильевичъ, Воронежской губ. Присяжный повѣренный въ Баку, Суруханская ул., д. Батровой.

6. Вѣлявскій Александръ Алексѣевичъ, Смоленской губ. Товарищъ прокурора въ Симферополѣ.

*7. Введенскій Константинъ Евгеньевичъ, Вологодской губ. Мировой судья по назначенію въ Пружанахъ, Гродненской губ.

*8. Вишневскій Алексѣй Дмитріевичъ, Рязанской губерн. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Смоленскѣ.

9. Воздвиженскій Петръ Петровичъ, Московской губерн. Секретарь окружнаго суда въ Москвѣ.

*10. Голубцовъ Алфей Александровичъ, Вологодской губ. Членъ окружнаго суда въ Архангельскѣ.

*11. Григоревскій Петръ Семеновичъ, Курской губерн. Членъ окружнаго суда въ Архангельскѣ.

12. Добрянскій Феодосій Николаевичъ, Черниговской губ. Мировой судья въ Фридрихсштадтѣ, Курляндской губ.

13. Земблиновъ Александръ Ивановичъ, Пензенской губ. Судебный слѣдователь Мокшанскаго уѣзда, Пензенской губерніи.

14. Зубовскій Іосифъ Федотовичъ, Могилевской губерн. Мировой судья въ Летичевѣ.

15. Ивановъ Петръ Дмитріевичъ, Воронежской губ. Судебный приставъ въ Рузѣ, Московской губ.

16. Ивинскій Федоръ Петровичъ, Тамбовской губ. Присяжный повѣренный въ Тамбовѣ.

17. Казанскій Сергѣй Алексѣевичъ, Нижегородской губ. Помощникъ мироваго судьи въ Сыръ-Дарьинской области.

18. Калинниковъ Евгеній Дмитріевичъ, Архангельской губ. Учитель реальнаго училища въ Митавѣ.

19. Козловскій Сергѣй Александровичъ, Черниговской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

20. Лебедевъ Василій Федоровичъ, Уфимской губ. Мировой судья Могилевскаго округа.

*21. Невскій Дмитрій Александровичъ, Ярославской губ. Библіотекарь Демидовскаго Юридическаго Лицея.

22. Плавтовъ Иванъ Васильевичъ, Рязанской губ. Помощн. надзир. V окр. акцизн. управленія Черниговской губ.

23. Погожевъ Игнатій Дмитріевичъ, Московской губерн. Судебный слѣдователь въ Семеновѣ, Нижегородской губ.

24. Процвѣталовъ Иванъ Ивановичъ, Тамбовской губ. Товарищъ прокурора въ Ломжѣ.

*25. Розановъ Константинъ Александровичъ. Вологодской губ. Присяжный повѣренный въ Вологдѣ.

26. Сацердотовъ Степанъ Степановичъ, Вологодской губ. Уѣздн. членъ суда въ Великомъ Устюгѣ.

27. Сербскій Василій Матвѣевичъ, Московской губ. Мировой судья въ Тельшахъ.

28. Степановъ Сергѣй Никитичъ, Московской губерн. Членъ окружнаго суда въ Кутаисѣ.

*29. Троицкій Веніаминъ Виссаріоновичъ, Черниговской губ. Уѣздный членъ суда въ Городнѣ, Черниговской губерн.

30. Троицкій Гурій Аристарховичъ, Черниговской губ. Товарищъ прокурора въ Каменецъ-Подольскѣ.

31. Чернобровцовъ Константинъ Ивановичъ, Владимірской губ. Помощникъ бухгалтера въ Юрьевскомъ уѣздномъ казначействѣ.

32. Шмигельскій Константинъ Григорьевичъ, Кіевской губ. Мировой судья въ Кѣлецкой губ.

33. Язвицкій Александръ Павловичъ, Владимірской губ. Присяжный повѣренный во Владимірѣ.

*34. Федоровъ Владиміръ Васильевичъ, Ставропольской губ. Членъ окружнаго суда въ Томскѣ.

35. Фоминъ Василій Яковлевичъ, Олонецкой губ. Помощникъ дѣлопроизвод. канцеляріи Государств. Контроля VII класса.

Въ отставкѣ: *36. *Введенскій* Николай Дмитріевичъ, Яросл., съ 1898 г., былъ судебн. слѣдоват. въ Кадниковѣ.

Свѣдѣній не доставили: *37. *Соловьевъ* Николай Васильевичъ, Олонецкой, въ 80-хъ годахъ былъ секрет. Таврич. Консисторіи; *38. *Тихонравовъ* Александръ Федоровичъ, Симбирской; 39. *Юрьевъ* Алексѣй Николаевичъ, Курской.

Умерли: 40. *Бѣлогостицкій* Петръ Ивановичъ, Ярославской губ., 1891 г., судебн. слѣдоват. въ Любимѣ; *41. *Воскресенскій* Дмитрій Андреевъ, Тверской 1891 г., судебн. слѣд. въ Великихъ Лукахъ; *42. *Невскій* Александръ Ивановичъ. Тверской, 1893 г., судебн. слѣдоват. въ Каменецъ-Подольскѣ; 43. *Образцовъ* Сергѣй Флегонтовичъ, Вологодской, 1890 г., судебн. слѣд. въ Архангельскѣ; 44. *Поповъ* Александръ Ивановичъ, Харьковской, 1888 г., секрет. окружнаго суда въ Гродно; 45. *Успенскій* Алексѣй Петровичъ, Тульск., въ 1898 г. присяжнымъ повѣреннымъ въ Тулѣ; 46. *Шмаковъ* Семенъ Васильевичъ, Архангельской, 1888 года, секретаремъ окр. суда въ Вологдѣ.

Одиннадцатый выпускъ—1884 года.

1. Авдіевъ Николай Ивановичъ, Курской губ. Судебный слѣдователь въ Ферганской области.

2. Альбовъ Иванъ Павловичъ, Костромской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при военномъ прокурорѣ въ Казани.

3. Благонадеждинъ Иванъ Васильевичъ, Владимірской губ. Членъ окружнаго суда въ Уфѣ.

4. Бруевичъ Иванъ Ивановичъ, Могилевской губ. Старшій нотаріусъ въ Могилевѣ.

5. Введенскій Иванъ Григорьевичъ, Владим. губ. Секретарь окружнаго суда въ Н.-Новгородѣ.

6. Виноградовъ Николай Александровичъ, Ярославской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда во Владимірѣ.

7. Голосовъ Александръ Александровичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Грязовцѣ.

8. Голубцовъ Павелъ Александровичъ, Вологодской губ. Судебный слѣдователь въ Никольскѣ, Вологодской губ.

9. Дмитріевъ Михаилъ Александровичъ, Архангельской губ. Начальникъ отдѣленія казенной палаты въ Саратовѣ.

*10. Звѣревъ Александръ Михайловичъ, Московской губ. Членъ окружнаго суда въ Либавѣ.

*11. Зыковъ Тимофей Яковлевичъ, Ярославской губерн. Окружный акцизный надзиратель въ Ржевѣ.

*12. Казанскій Алексѣй Васильевичъ, Московской губ. Членъ окружнаго суда въ Твери.

*13. Лебедевъ Иванъ Александровичъ [1]), Олонецкой губ. Мировой судья въ Архангельскѣ.

14. Лебедевъ Павелъ Васильевичъ, Московской губерн. Судебный приставъ при окружномъ судѣ въ Москвѣ.

15. Леоновъ Евфимій Петровичъ, Воронежской губ. Судебный слѣдователь въ Воронежѣ.

*16. Любимовъ Павелъ Николаевичъ, Калужской губерн. Судебный слѣдователь въ Борисовѣ, Минской губ.

*17. Миславскій Николай Федоровичъ, Черниговской губ. Мировой судья въ Житомірѣ.

18. Михайловъ Михаилъ Николаевичъ, Орловской губ. Частный повѣренный въ Харьковѣ.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ золотою медалью.

19. Моисеевъ Федоръ Ивановичъ, Харьковской губерн. Присяжный повѣренный въ Саратовѣ.

*20. Невзоровъ Александръ Серафимовичъ, Оренбургской губ. Испр. должн. экстраорд. проф. въ Юрьевскомъ Университетѣ.

*21. Нехорошевъ Тимофей Васильевичъ, Томской губерн. Начальникъ отдѣленія въ лѣсномъ департаментѣ.

22. Никофоровскій Андрей Васильевичъ, Костромской губ. Податной инспекторъ въ Ярославлѣ.

23. Павловскій Сергѣй Александровичъ, Орловской губ. Членъ окружнаго суда въ Оренбургѣ.

24. Плетневъ Андрей Алексѣевичъ, Курской губ. Уѣздный членъ суда въ Царевѣ, Астраханской губ.

25. Покровскій Сергѣй Алексѣевичъ, Тульской губерн. Тов. прокурора въ Глазовѣ, Вятской губ.

*26. Поповскій Иванъ Ивановичъ, Воронежской губерн. Прокуроръ окружнаго суда въ Сувалкахъ.

27. Поповъ Николай Александровичъ, Костромской губ. Мировой судья Венденъ-Варскаго округа, Лифляндской губ.

28. Поповъ Федоръ Львовичъ, Вятской губ. Начальникъ отдѣл. казенной палаты въ Вологдѣ.

29. Приступа Георгій Игнатьевичъ, Волынской губерн. Присяжный повѣренный въ Кіевѣ.

30. Протопоповъ Алексѣй Андреевичъ, Владимірской губ. Предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ Овручѣ, Волын. губ.

31. Раевскій Сергѣй Михайловичъ, Нижегородской губ. Управляющій казенной палаты въ Перми.

32. Робустовъ Василій Ивановичъ, Владимірской губ. Присяжный повѣренный въ Самарѣ.

33. Рождественскій Константинъ Николаевичъ, Тамбовской губ. Земскій начальникъ Моршанскаго уѣзда, Тамбовской губ.

34. Рязанцевъ Дмитрій Ивановичъ, Тверской губ. Дѣлопроизводитель въ департаментѣ Министерства Юстиціи.

35. Самаринъ Сергѣй Николаевичъ, Вологодской губ. Уѣздный членъ суда въ Кѣльцахъ.

36. Самойловъ Владиміръ Александровичъ, Полтавской губ. Судебный слѣдователь въ Астраханской губ.

**37. Сангалло Николай Карловичъ, Владимірской губерн. Предсѣдатель земской управы въ Камышловѣ.

38. Сахаровъ Александръ Лукичъ, Рязанской губ. Городской судья въ Полтавѣ.

39. Сементовскій Иванъ Петровичъ, Оренбургской губ. Тюремный инспекторъ въ Кіевѣ.

*40. Серповскій Николай Григорьевичъ [1]), Тамбовской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Петербургѣ.

41. Сперанскій Николай Ивановичъ, Владимірской губ. Кандидатъ на судебныя должности при окр. судѣ во Владимірѣ.

42. Стефановъ Николай Григорьевичъ, Смолен. губерн. Дѣлопроизводитель каз. пал. въ Вологдѣ.

43. Струменскій Евгеній Евгеньевичъ, Подольской губ. Пом. мирового судьи въ Ахалцихѣ.

44. Сущинскій Германъ Васильевичъ, Могилевской губ. Судебный слѣдователь въ Чаусахъ.

*45. Трехлѣтовъ Александръ Матвѣевичъ, Ярославской губ. Городской судья въ Ярославлѣ.

46. Троицкій Николай Петровичъ, Тверской губ. Городской судья въ Ржевѣ.

47. Труфановъ Василій Константиновичъ, Харьковской губ. Мировой судья въ Велюни, Калишской губ.

48. Флоринскій Константинъ Ивановичъ, Владимірской губ. Членъ окружнаго суда въ Лубнахъ, Полтавской губ.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ золотою медалью.

49. Фортунатовъ Петръ Степановичъ, Казанской губерн. Помощ. мирового судьи въ Ставрополѣ—Кавказскомъ.

50. Хохловъ Александръ Васильевичъ, Черниговской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

*51. Часовниковъ Федоръ Михайловичъ, Воронежской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

52. Чулановскій Михаилъ Ильичъ, Екатеринославской губ. Товарищъ прокурора въ Екатеринодарѣ.

53. Шелепинъ Василій Іустиновичъ, Могилевской губ. Мировой судья въ Умани.

Находится въ отставкѣ: 54. *Высоцкій* Иванъ Капитоновичъ, Орловской, до 1892 г. былъ суд. слѣд. въ Вѣрномъ; 55. *Городецкій* Александръ Степановичъ, Пензенской, до 1893 г. былъ судебн. слѣд. въ Челябинскѣ; *56. *Семидаловъ* Владиміръ Ивановичъ, Енисейской, до 1897 г. былъ окруж. судьей въ Красноярскѣ; 57. *Страховъ* Михаилъ Васильевичъ, Калужской, до 1894 г. былъ суд. слѣд. въ Боровскѣ.

Свѣдѣній не доставили: 58. *Купріановъ* Алексѣй Ивановичъ, Владимірской губ.; 59. *Петровскій* Митрофанъ Іоакимовичъ, Воронежской; 60. *Скворцовъ* Павелъ Космичъ, Московской; 61. *Спасскій* Вас. Павл., Владим., былъ тов. прок. въ Оренбургѣ; 62. *Троицкій* Алексѣй Арсеньевичъ, Тверской; 63. *Цвѣтаевъ* Павелъ Васильевичъ, Московской губ.

Умерли: 64. *Аргентовскій* Евграфъ Васильевичъ, Тобольской губ., 1892 г., былъ засѣдателемъ окр. суда въ Каинскѣ; *65. *Бесѣдкинъ* Павелъ Федоровичъ, Московской, 1892 г. приватъ-доцентъ Лицея; 66. *Грацинскій* Павелъ Павловичъ, Воронежской, 1893 г., городскимъ судьей въ Стародубѣ; 67. *Громковскій* Иванъ Кондратовичъ, 1896 г., судебн. слѣдов. въ Ананьевѣ; 68. *Заваринъ* Владиміръ Павловичъ, Вологодской, 1893 г., судебн. слѣдоват. въ Бугульмѣ; 69. *Никольскій* Дмитрій Герасимовичъ, 1896 г., товар. прокур. въ Читѣ; *70. *Сулковскій* Василій Константиновичъ, Минской, 1890 г.;

71. *Флеровъ* Сергѣй Александровичъ, Тверской, 1896 г., уѣзднымъ членомъ суда въ Белебеѣ; 72. *Хохловъ* Алексѣй Александровичъ, Тверской, 1890 г., судебн. слѣдоват. въ Минскѣ; 73. *Ѳедосьевъ* Александръ Петровичъ, Владимiрской, 1894 г., судебн. слѣдоват. въ Сызрани.

Двѣнадцатый выпускъ—1885 года.

1. Агеевъ Иванъ Васильевичъ, Полтавской губ. Судебдебный слѣдователь 2-го уч Роменскаго уѣзда, Полтавской губерн.

2. Бакулевскій Иванъ Гавриловичъ, Казанской губерн., Судебный слѣдователь въ Шадринскѣ.

3. Богородскій Всеволодъ Сергѣевичъ, Владимiрской губ. Судебный слѣдователь Иллукстскаго уѣзда, Курляндской губ.

4. Богословскій Сергѣй Дмитріевичъ, Орловской губерн. Присяжный повѣренный въ Орлѣ.

*5. Будзиловичъ Николай Николаевичъ, Минской губерн. Судебн. слѣдоват. 3-го уч. Новогрудскаго уѣзда, Минской губерн.

6. Быстрицкій Всеволодъ Владимiровичъ, Владимiрской губ. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Муромѣ.

7. Бѣляевъ Иванъ Васильевичъ, Харьковской губерн. Членъ окружнаго суда въ Самаркандѣ.

*8. Введенскій Федоръ Викторовичъ, Орловской губерн. Городской судья въ Воронежѣ.

9. Виноградскій Николай Степановичъ, Черниговской губ. Товарищъ прокурора въ Люблинѣ.

10. Вознесенскій Василій Константиновичъ, Владимiрской губ. Судебный слѣдователь въ Нижнемъ-Новгородѣ.

11. Вознесенскій Николай Аркадьевичъ, Костромской губ. Судебный слѣдователь въ Кологривѣ.

12. Гунбинъ Василій Алексѣевичъ, Тверской губ. Товарищъ прокурора въ Уфѣ.

13. Казанскій Петръ Ивановичъ, Владимірской губерн. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Вязникахъ.

14. Картвеловъ Михаилъ Лаврентьевичъ, Тифлисской губ. Помощникъ мирового судьи по Тифлисскому уѣзду.

15. Короткевичъ Николай Дмитріевичъ, Черниговской губ. Мировой судья въ Ковелѣ, Волынской губ.

16. Лавровъ Веніаминъ Тихоновичъ; Орловской губерн. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Брянскѣ.

17. Лисицынъ Николай Васильевичъ, Тверской губерн. Судебный слѣдователь въ Новоторжскѣ.

18. Лубнинъ Алексѣй Дмитріевичъ, Вятской губ. Городской судья въ Слободскомъ, Вятской губ.

19. Медвѣдевъ Александръ Семеновичъ, Тверской губ. Директоръ земельнаго банка въ Самарѣ.

20. Нечаевъ Сергѣй Петровичъ, Черниговской губ. Мировой судья въ Шавли.

21. Никольскій Владиміръ Ильичъ, Тульской губ. Секретарь окружнаго суда въ Тулѣ.

22. Никольскій Павелъ Ивановичъ, Тверской губ. Городской судья въ Калязинѣ.

23. Новицкій Григорій Ивановичъ, Минской губерніи. Предсѣдатель мироваго съѣзда въ Новогрудскѣ, Минской губерн.

24. Поповъ Иванъ Алексѣевичъ, Вологодской губ. Мировой судья въ Горкахъ, Могилевской губ.

25. Поповъ Николай Степановичъ, Воронежской губерн. Уѣздный членъ суда въ Белебеѣ.

26. Соловьевъ Иванъ Петровичъ, Владимірской губерн. Присяжный повѣренный въ Иваново-Вознесенскѣ.

27. Спасскій Павелъ Александровичъ, Ярославской губ. Мировой судья въ Архангельскѣ.

28. Троицкій Николай Александровичъ, Костромской губ. Товарищъ прокурора въ Енисейскѣ.

29. Туношенскій Василій Васильевичъ, Ярославской губ. Помощникъ ревизора контрольной палаты въ Ярославлѣ.

30. Феликсовъ Евгеній Андреевичъ, Симбирской губерн. Судебный слѣдователь въ Бирскѣ, Уфимской губ.

31. Хабурзанія Антонъ Степановичъ, Тифлисской губ. Мировой судья въ Свантскѣ, Кутаисской губ.

32. Цѣлицо Владиміръ Леонтьевичъ, Могилевской губ. Контролеръ акцизнаго управленія въ Витебскѣ.

33. Чарнецкій Григорій Ивановичъ, Минской губ. Судебный слѣдователь по важнымъ дѣламъ въ Луцкѣ.

Свѣдѣній не доставили: 34. *Виноградовъ* Николай Николаевичъ, Орловской; 35. *Гродзицкій* Митрофанъ Іосифовичъ, Минской; *36. *Проценко* Николай Николаевичъ, Петербургской, до 1895 г. служилъ въ Минист. Финансовъ; 37. *Третьяковъ* Иванъ Антоновичъ, Смоленской.

Находятся въ отставкѣ: 38. *Ломакинъ* Константинъ Павловичъ, Курской, до 1898 г., былъ судебн. слѣдоват. въ Либавѣ; 39. *Преображенскій* Василій Ивановичъ, Московской, до 1893 года, былъ судебн. слѣдоват. въ Кологривѣ; 40. *Рклицкій* Николай Васильевичъ, Черниг., 1895 г., город. судьей въ Бронницахъ; 41. *Соколовъ* Александръ Васильевичъ, Костр., съ 1898 г., былъ мировымъ судьей въ Игумнѣ; 42. *Соколовъ* Дмитрій Ивановичъ, Ярославской, до 1892 г., былъ судебн. слѣд. въ Бирскѣ; 43. *Тюльпановъ* Федоръ Степ., Владим., съ 1899 г., былъ суд. слѣд. въ Юрьевѣ, Владим. губ.; *44. *Четыркинъ* Павелъ Васильевичъ, Смоленской, до 1891 года, былъ судебн. слѣдоват. Лидскаго уѣзда.

Умерли: *45. *Архангельскій* Иванъ Космичъ, Ярославской, 1895 г., былъ членомъ окр. суда въ Бѣльцахъ; 46.

Дрогомирецкій Дмитрій Өеофановичъ, 1896 г., служилъ по акцизу въ Подольской губ; 47. *Брасси* Владиміръ Ивановичъ, Владимірской, 1887 г., помощн. присяжн. повѣр. во Владимірѣ; 48. *Зыковъ* Арсеній Павл., Тверск., 1899 г., миров. судьей въ Виленск. губ.; 49. *Никольскій* Федоръ Петровичъ, Калужской, 1892 г., судебн. слѣдоват. въ Белебеѣ; *50. *Смирновъ* Дмитрій Васильевичъ, Ярославской, 1894 г., присяжн. повѣр. въ Нижнемъ-Новгородѣ; *51. *Сперанскій* Петръ Ивановичъ, Калужской, 1896 г., кандидатомъ на судебн. должн. при окр. судѣ въ Калугѣ; 52. *Шугаевскій* Иванъ Николаевичъ, Черниговской, 1888 года, кандидатомъ на судебн. должн. при окр. судѣ въ Каменецъ-Подольскѣ; 53. *Өедотовъ* Арсеній Петров., Воронежск., 1898 г., суд. слѣд. въ Новохоперскѣ.

Тринадцатый выпускъ—1886 года.

1. Антоновъ Митрофанъ Давыдовичъ, Харьковской губ. Мировой судья въ Бакинской губ.

*2. Архангельскій Владиміръ Хрисанфовичъ, Симбирск. губ. Судебный слѣдователь въ Романово-Борисоглѣбскѣ.

3. Боевской Николай Александровичъ, Ярославской губ. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

4. Бочаговъ Александръ Ивановичъ, Ярославской губ. Помощникъ контролера акцизнаго управленія въ Петербургѣ.

5. Воротниковъ Василій Сергѣевичъ, Томской губ. Судебный слѣдователь Каширскаго уѣзда.

6. Воскресенскій Александръ Андреевичъ, Тверской губ. Податной инспекторъ въ Вышнемъ-Волочкѣ.

*7. Иванщинъ Евгеній Матвѣевичъ, Воронежской губерн. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

8. Илличъ Александръ Александровичъ, Подольской губ. Судебный слѣдователь въ Ямполѣ.

9. Киріевъ Андрей Семеновичъ, Полтавской губ. Уѣздный членъ суда въ Великомъ Устюгѣ.

10. Леоновъ Алексѣй Георгіевичъ, Уфимской губ. Земскій начальникъ въ Белебеѣ, Уфимской губ.

11. Малининъ Иванъ Никитичъ, Калужской губ. Судебный слѣдователь въ Бобруйскѣ.

12. Марковъ Александръ Николаевичъ, Воронежской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

13. Мирмиковъ Сергѣй Алексѣевичъ, Смоленской губ. Членъ окружнаго суда въ Семипалатинскѣ.

14. Михайловскій Константинъ Николаевичъ, Нижегородской губ. Пом. мироваго судьи въ Калмыковѣ, Уральской обл.

15. Модестовъ Сергѣй Сергѣевичъ, Московской губерн. Членъ окружнаго суда въ Оренбургѣ.

*16. Нагинъ Андрей Павловичъ, Псковской губ. Городской судья въ Порховѣ.

17. Поповъ Михаилъ Алексѣевичъ, Харьковской губерн. Судебный слѣдователь въ Богучарахъ.

18. Роговъ Василій Дмитріевичъ, Петербургской губерн. Судебный слѣдователь въ Аккерманѣ.

*19. Розовъ Константинъ Ивановичъ, Ярославской губ. Податной инспекторъ въ Любимѣ.

*20. Сергѣевскій Владиміръ Васильевичъ, Самарской губ. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Алатыри.

21. Синебрюховъ Александръ Ивановичъ, Уфимской губ. Судебный слѣдователь въ Бобруйскѣ.

*22. Скопинскій Александръ Васильевичъ, Рязанской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Одессѣ.

23. Скульскій Петръ Николаевичъ, Ярославской губерн. Пом. ревизора контрольной палаты въ Ярославлѣ.

*24. Срѣтенскій Семенъ Александровичъ, Петербургской губ. Дѣлопроизв. судебнаго отдѣла Госуд. Банка.

25. Удинцовъ Николай Васильевичъ, Пермской губерн. Судебный слѣдователь 3-го участка Соликамскаго уѣзда.

26. Успенскій Николай Алексѣевичъ, Орловской губерн. Судебный слѣдователь въ Проскуровѣ, Подольской губ.

*27. Чоловской Михаилъ Федоровичъ, Могилевской губ. Непремѣнный членъ уѣздн. по крест. дѣл. прис. въ Слуцкѣ.

*28. Чулановскій Гавріилъ Ильичъ, Екатеринославской губ. Судебный слѣдователь въ Ставрополѣ на Кавказѣ.

29. Шипинъ Александръ Павловичъ, Ярославской губ. Городской судья въ Себежѣ, Витебск. губ.

*30. Щербина Матвѣй Петровичъ, Харьковской губерн. Окружный судья въ Хабаровскѣ.

Находится въ отставкѣ: 31. *Ѳеденковъ* Григорій Игнатьевичъ, съ 1896 г., былъ судебн. слѣд. въ Таганрогѣ.

Свѣдѣній не доставили: 32. *Каменцовъ* Петръ Николаевичъ, Ярославской губ.; 33. *Мясниковъ* Александръ Александровичъ, Тверской; 34. *Невскій* Александръ Арсеньевичъ, Тверской; *35. *Отрошкевичъ* Николай Савичъ, Витебской; *36. *Петровъ* Митрофанъ Петровичъ, Харьковской; 37. *Пятницкій* Александръ Константиновичъ, Тульской; 38. *Чумаевскій* Александръ Сергѣевичъ, Саратовской.

Умерли: 39. *Богоявленскій* Филадельфъ Васильевичъ, Казанской губ., 1887 г., кандидатомъ при окр. судѣ въ Ярославлѣ; *40. *Демидовичъ* Александръ Федоровичъ, Екатеринославской; 1892 г., помощн. исправника въ Курскѣ.

Четырнадцатый выпускъ—1887 года.

*1. Агафоновъ Николай Федоровичъ, Уфимской губерн. Товарищъ прокурора въ Ирбити.

2. Боголюбскій Иларіонъ Алексѣевичъ, Воронежской губ. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Закаспійской области.

*3. Бѣляевъ Николай Семеновичъ, Воронежской губерн. Контролеръ по табачной части въ Симферополѣ.

4. Виноградскій Василій Степановичъ, Черниговской губерн. Судебный слѣдователь по важнымъ дѣламъ въ Петроковѣ.

*5. Дмитревскій Иванъ Петровичъ, Владимірской губерн. Судебный слѣдователь въ Волковыйскѣ, Гродненской губ.

6. Звѣздинъ Александръ Ивановичъ, Нижегородской губ. Судебный слѣдователь въ Слуцкѣ, Минской губ.

7. Истоминъ Иванъ Ивановичъ, Тверской губ. Участковый мировой судья въ Архангельскѣ.

8. Калашниковъ Николай Петровичъ, Рязанской губерн. Мировой судья въ Тельшахъ, Ковенской губ.

9. Котовичъ Василій Васильевичъ, Могилевской губерн. Членъ окружнаго суда въ Плоцкѣ.

10. Лебедевъ Николай Васильевичъ, Калужской губерн. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Калугѣ.

*11. Люпедарскій Леонтій Евдокимовичъ, Каменецъ-Подольской губ. Мировой судья Атбассарскаго уѣзда, Акмолинской обл.

*12. Ляхницкій Клавдій Васильевичъ, Черниговской губ. Членъ окружнаго суда въ Омскѣ.

13. Милославовъ Игнатій Алексѣевичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Уфѣ.

14. Моревъ Николай Ивановичъ, Ярославской губ. Городской судья въ Кременчугѣ.

15. Никольскій Петръ Мироновичъ, Владимірской губ. Кандидатъ на суд. должн. при прокурорѣ судебной палаты въ Москвѣ.

*16. Поповъ Константинъ Федоровичъ, Ярославской губ. Товарищъ прокурора окружнаго суда въ Ярославлѣ.

17. Проскурниковъ Константинъ Васильевичъ, Харьковской губ. Судебный слѣдователь въ Зміевѣ.

18. Райскій Василій Дмитріевичъ, Кіевской губ. Окружный судья въ Тюмени.

19. Соколовъ Леонидъ Андреевичъ, Ярославской губерн. Судебный слѣдователь въ Благовѣщенскѣ на Амурѣ.

*20. Сперанскій Алексѣй Ивановичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь въ Рыбинскѣ.

21. Томашевичъ Андроникъ Семеновичъ, Волынской губ. Судебный слѣдователь въ Любимѣ.

22. Успенскій Николай Флегонтовичъ, Костромской губ. Судебный слѣдователь въ Ветлугѣ.

23. Чичинадзе Сергѣй Константиновичъ, Кутаисской губ. Помощникъ мироваго судьи въ Зугдиди.

Свѣдѣній не доставили: 24. *Георгіевскій* Александръ Васильевичъ, Ярославской губ.; **25. *Гурвичъ* Айзикъ Аароновичъ, Ковенской; 26. *Клементьевъ* Григорій Игнатьевичъ, Харьковской; **27. *Окновскій* Шлема Лейзеровичъ, Сувалкской; 28. *Солнцевъ* Александръ Лаврентьевичъ, Тульской губ.

Находятся въ отставкѣ: 29. *Асотскій* Павелъ Михайловичъ, Курской губ., съ 1891 г., изъ судебн. слѣдоват. Кѣлецкой губ.; 30. *Левитскій* Григорій Романовичъ, Сарат. губ., съ 1894 г., былъ старшимъ нотаріусомъ въ Троицкѣ.

Умерли: 31. *Виноградовъ* Моисей Петровичъ, Витебской, 1896 г., суд. слѣдов. въ Соколкѣ; 32. *Замахаевъ* Сергѣй Андреевичъ; Воронежской, 1896 г., присяжн. пов. въ Харьковѣ; 33. *Любимовъ* Александръ Ивановичъ, Владимірской, 1889 г.; 34. *Никольскій* Александръ Герасимовичъ, Орлов-

ской, 1895 г., товар. губ. прокур. Забайкальск. обл.; *35. *Покровскій* Иванъ Александровичъ, Нижегородской, 1893 г., судебн. слѣд. въ Княгининѣ; 36. *Слюсаревъ* Викентій Ивановичъ, Харьковской, 1890 г., кандид. при окр. судѣ въ Лубнахъ; *37. *Смирновъ* Александръ Андреевичъ, Смоленской, 1894 г., суд. слѣд. въ Бѣльскѣ; 38. *Соловьевъ* Константинъ Адріановичъ, 1887 г.; 39. *Софоновъ* Сергѣй Ивановичъ, Томской, 1892 г., суд. слѣд. въ Ишимѣ, Тобольской губ.

Пятнадцатый выпускъ—1888 года.

*1. Карауловъ Дмитрій Николаевичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Сергачѣ, Нижегородской губ.

2. Кацауровъ Сергѣй Николаевичъ. Московской губерн. Товарищъ прокурора въ Ченстоховѣ.

*3. Надѣинскій Александръ Павловичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Таурогенѣ, Ковенской губ.

4. Нечаевъ Иванъ Ивановичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь въ Епифаніи.

5. Никольскій Сергѣй Степановичъ, Московской губерн. Судебный слѣдователь въ Ардатовѣ, Нижегородской губ.

6. Поповъ Павелъ Николаевичъ, Пермской губерн. Товарищъ прокурора въ Перми.

*7. Тартаковскій Александръ Сергѣевичъ, Херсонской губ. Мировой судья въ Холмогорахъ.

8. Шапиро Николай Сергѣевичъ, Московской губ. Контролеръ акцизнаго управленія въ Перми.

Свѣдѣній не доставили: 9. *Добрянскій* Андрей Николаевичъ, Черниговской; 10. *Рудинскій* Леонидъ Семеновичъ, Ярославской; 11. *Тутолминъ* Петръ Дмитріевичъ, Курской губерніи.

Находятся въ отставкѣ: 12. *Архангельскій* Василій Павловичъ, Ярославск. до 1897 г. былъ судебн. слѣд. въ Екатеринбургѣ: 13. *Коровинъ* Иванъ Аристарховичъ, Пермской губ., съ 1897 года, былъ суд. слѣд. въ Екатеринбургѣ; 14. *Пьянковъ* Пав. Алексѣевичъ, Пермской, до 1899 г. былъ суд. слѣд. въ Чердыни.

Умеръ: 15. *Невскій* Сергѣй Александровичъ, Владимір. губ. 1888 года не поступивъ на службу.

Шестнадцатый выпускъ—1889 года.

1. Базыкинъ Александръ Константиновичъ, Тверской губерн. Счетный чиновникъ Либаво-Роменской желѣзной дор. въ Минскѣ.

2. Гутманъ Лейба Михелевичъ, Волынской губерн. Пом. присяжнаго повѣреннаго въ Петербургѣ.

*3. Даниловъ Иванъ Сергѣевичъ, Орловской губ. Товарищъ прокур. Моск. окружн. суда.

4. Жариковъ-Красовскій Дмитрій Ѳомичъ, Кіевской губ. Товарищъ прокурора въ Тобольскѣ.

5. Затурскій Александръ Францовичъ, Полтавской губ. Мировой судья Бѣльскаго уѣзда, Гродненской губ.

*6. Киринъ Алексѣй Даниловичъ, Тамбовской губ. Присяжный повѣренный въ Тамбовѣ.

7. Кормилицинъ Дмитрій Александровичъ, Московской губ. Земскій начальникъ въ Ряжскѣ.

8. Крѣпкогорскій Андрей Васильевичъ, Саратовской губ. Судебный слѣдователь въ Юрьевѣ, Лифляндской губ.

9. Курловъ Борисъ Григорьевичъ, Орловской губ. Кандидатъ при Вологодскомъ окружномъ судѣ.

*10. Ледницкій Александръ Робертовичъ, Минской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

*11. Лейнвандгендлеръ Товій Израилевичъ, Варшавской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ.

**12. Маминъ Владиміръ Наркиссовичъ, Пермской губ. Присяжный повѣренный въ Ирбити.

*13. Марчевскій Михаилъ Семеновичъ, Иркутской губ. Судебный слѣдователь въ Рославлѣ.

14. Первухинъ Владиміръ Петровичъ, Тверской губерн. Столоначальникъ казенной палаты въ Твери.

15. Розовъ Николай Флегонтовичъ, Костромской губерн. Городской судья въ Семеновѣ, Нижегородской губ.

16. Ружицкій Тадеушъ Францовичъ, Петроковской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Варшавѣ.

17. Семеновъ Яковъ Ивановичъ, Черниговской губ. Товарищъ прокурора въ Томскѣ.

*18. Серебренниковъ Венедиктъ Николаевичъ, Тобольской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Самарѣ.

19. Совѣткинъ Афанасій Митрофановичъ, Пермской губ. Присяжный повѣренный въ Сарапулѣ.

*20. Удинцовъ Всеволодъ Аристарховичъ, Пермской губ. Ординарный профессоръ въ Университетѣ св. Владиміра.

*21. Фалькъ Эдуардъ Германовичъ, Ярославской губерн. Редакторъ-издатель „Сѣвернаго Края“.

*22. Шалапинъ Валентинъ Михайловичъ, Владимірской губ. Товарищъ прокурора въ Смоленскѣ.

*23. Шереметевъ Николай Борисовичъ, Московской губ. Въ департаментѣ Удѣловъ столоначальникомъ.

24. Федоровъ Николай Яковлевичъ, Рязанской губ. Секретарь окружнаго суда въ Устьмедвѣдицкѣ.

Свѣдѣній не доставили: *25. *Бычковъ* Василій Игнатьевичъ, Владимірской; 26. *Доренговскій* Николай Касперовичъ, Витебской; **27. *Коганъ* Илья Григорьевичъ, Екатеринославславской; 28. *Олейниковъ* Антонъ Максимовичъ, Минской;

29. *Олторжевскій* Иванъ Степановичъ, Черниговской; 30. *Шубинъ* Александръ Яковл., Яросл., до 1898 г. былъ суд. слѣдов. въ Тифлисской губерн.

Находятся въ отставкѣ: 31. *Балашевъ* Владиміръ Андр., Тульской, съ 1899 г., изъ суд. слѣдов. въ Ефремовѣ; 32. *Дмитріевъ* Иванъ Ивановичъ, Самарской губ., съ 1894 г. былъ дѣлопроизводителемъ областн. правленія въ Уральскѣ.

Умерли: *33. *Аддуловъ* Никол. Николаевичъ, Орловской, 1898 г., судебн. слѣд. въ Ливнахъ; 34. *Матвѣевъ* Венедиктъ Аристарховичъ, Донской области, 1893 г.; 35. *Михайловъ* Александръ Ѳомичъ, Могилевской. 1892 г., былъ столоначальникомъ каз. пал. въ Люблинѣ.

Семнадцатый выпускъ—1890 года.

1. Аксаковъ Василій Сергѣевичъ, Московской губ. Товарищъ прокурора въ Тулѣ.

2. Алякринскій Сергѣй Артамоновичъ, Владимірской губ. Судебный слѣдователь 3-го участка Шуйскаго уѣзда.

3. Ачкасовъ Викторъ Павловичъ, Ярославской губ. Городской судья въ Аккерманѣ.

4. Бурменскій Іосифъ Александровичъ, Донской област. Городской судья въ Маріуполѣ.

5. Вахрамѣевъ Михаилъ Гермогеновичъ, Ярославской губ. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

6. Воронцовъ-Вельяминовъ Николай Андреевичъ, Тамбовской губ. Инспекторъ народныхъ училищъ въ Тамбовской губерн.

7. Воскресенскій Василій Алексѣевичъ, Полтавской губ. Судебный слѣдователь въ Томской губ.

8. Городцовъ Петръ Алексѣевичъ, Рязанской губ. Мировой судья въ Тюмени.

*9. Ивановъ Алексѣй Прокофьевичъ, Костромской губ. Судебный слѣдователь въ Мологѣ.

*10. Колесовъ Константинъ Александровичъ, Московской губерн. Помощн. оберъ-секретаря угол. Кассаціоннаго Департамента Сената.

11. Кратеровъ Александръ Григорьевичъ, Вологодской губ. Судебный слѣдователь въ Мологѣ.

12. Легейда Николай Павловичъ, Полтавской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

*13. Листратовъ Николай Андреевичъ, Владимірской губ. Городской судья въ Рыбинскѣ.

14. Марковъ Константинъ Петровичъ, Амурской обл. Мировой посредникъ въ Городкѣ, Подольской губ.

15. Мебесъ Августъ Павловичъ, Минской губ. Городской судья въ Псковѣ.

16. Мейеръ Федоръ Федоровичъ, Московской губ. Судебный слѣдователь въ Пензѣ.

17. Осинскій Левъ Граціановичъ, Херсонской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Херсони.

18. Павловъ Михаилъ Константиновичъ, Лифляндской губ. Судебный слѣдователь въ Астрахани.

*19. Перошковъ Василій Васильевичъ, Кіевской губерн. Судебный слѣдователь въ Сосницахъ.

*20. Половцовъ Левъ Викторовичъ, Новгородской губ. Инспекторъ студентовъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

21. Прусовъ Николай Александровичъ, Оренбургской губ. Частный повѣренный въ Уральскѣ.

22. Ржевскій Николай Николаевичъ, Ярославской губ. Контролеръ табачной фабрики въ Нижнемъ-Новгородѣ.

23. Соболевъ Дмитрій Константиновичъ, Ярославской губ. Податной инспекторъ въ Рыбинскѣ.

*24. Стригалевъ Геннадій Владиміровичъ, Костромской губ. Тов. прокурора при Троицкомъ судѣ.

25. Томашевскій Александръ Евфимовичъ, Черниговск. губ. Канд. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Петербургѣ.

26. Троицкій Николай Федоровичъ, Псковской губ. Судебный слѣдователь въ Плоцкѣ.

27. Ушаковъ Леонидъ Петровичъ, Ярославской губ. Въ Московской конторѣ Государственнаго Банка.

28. Фирсовъ Андрей Ивановичъ, Тульской губ. Городской судья въ Бѣлевѣ.

29. Хлѣбниковъ Александръ Васильевичъ, Могилевской губ. Въ Департаментѣ желѣзныхъ дорогъ.

30. Шуманскій Василій Клементьевичъ, Бессарабской губ. Кандидатъ на суд. должн. при окр. судѣ въ Кишиневѣ.

Свѣдѣній не доставили: 31. *Введенскій* Яковъ Григорьевичъ, Владимірской губ.; 32. *Вишняковъ* Александръ Андреевичъ, Московской; 33. *Камерницкій* Владиміръ Даниловичъ, Московской; 34. *Кожевниковъ* Петръ Михайловичъ, Тамбовской; 35. *Козновъ* Петръ Сергѣевичъ, Московской; 36. *Милицинъ* Петръ Алексѣевичъ, Оренбургской; 37. *Монвижъ-Монтвидъ* Аполлонъ Станиславовичъ, Харьковской; 38. *Осинскій* Мих. Граціановичъ, Херсонской, до 1898 г. былъ пом. прис. повѣр. въ Саратовѣ; 39. *Поваренныхъ* Иванъ Авксентьевичъ, Тобольской.

Умерли: *40. *Крыловъ* Николай Дмитріевичъ, Ярославской, въ 1896 году, былъ городскимъ судьей въ Васильсурскѣ; *41. *Невскій* Александръ Александр., Ярославской, 1897 года, былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Пошехоньѣ.

Восемнадцатый выпускъ—1891 года.

*1. Антикъ Павелъ Самуиловичъ, Ковенской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Астрахани.

2. Ассъ Абрамъ Моисеевичъ, Виленской губ. Мировой судья въ Якутскѣ.

*3. Астровъ Павелъ Ивановичъ, Московской губ. Судебный слѣдователь въ Москвѣ.

*4. Бартеневъ Геннадій Алексѣевичъ, Костромской губ. Судебный слѣдователь въ Макарьевѣ, Костромской губ.

*5. Березниковъ Алексѣй Александровичъ, Московской губ. Помощн. начал. отдѣленія въ канцеляріи комитета Министровъ.

6. Борейша Болеславъ Болеславовичъ, Воронежской губерн. Судебный слѣдователь Александровскаго уѣзда, Екатеринославской губ.

*7. Бочкаревъ Вячеславъ Александровичъ, Псковской губ. Податной инспекторъ въ Гжатскѣ.

8. Браиловскій Николай Николаевичъ, Екатеринославской губ. Присяжный повѣренный въ Ростовѣ на Дону.

9. Валькевичъ Вадимъ Антоновичъ, Минской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при судебн. палатѣ въ Одессѣ.

10. Васильевъ Петръ Ахилліевичъ, Воронежской губерн. Въ экспедиціи по изслѣдованію степныхъ областей въ Омскѣ.

*11. Вереденко Өедоръ Өедоровичъ, Кіевской губ. Податной инспекторъ въ Павлодарѣ, Семипалатинской области.

*12. Вобликовъ Владиміръ Васильевичъ, Кутаисской губ. Присяжный повѣренный во Владикавказѣ.

*13. Войтенковъ Владвміръ Николаевичъ [1]), Харьковской губ. Товарищъ прокурора въ Харьковѣ.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ серебряной медалью.

14. Гарскій Сергѣй Ивановичъ, Ярославской губ. Секретарь Статистическаго комитета въ Витебскѣ.

*15. Гурляндъ Илья Яковлевичъ[1]), Кіевской губ. Секрет. губ. по гвр. и зем. дѣл. присут. въ Яросл. и прив.-доцен. Лицея.

*16. Дворковичъ Аронъ Мовшевичъ, Ковенской губ. Кандидатъ на судебныя должности при окружн. судѣ въ Ревелѣ.

*17. Донченко Петръ Дмитріевичъ, Харьковской губерн. Судебный слѣдователь въ Феллинѣ.

18. Зислакъ Дерманъ Іокагановичъ, Курляндской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Якобштадтѣ.

19. Ивановъ Иванъ Авимовичъ, Симбирской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при судебной палатѣ въ Казани.

20. Колотиловъ Михаилъ Николаевичъ, Енисейской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Сарапулѣ.

*21. Кочоровскій Станиславъ Адольфовичъ, Кіевской губ. Пом. миров. судьи Тіопетскаго отдѣла Тифлисской губ.

*22. Кошлаковъ Василій Петровичъ, Ярославской губ. Секретарь отдѣленія Государственнаго Банка въ Тифлисѣ.

23. Лыжинъ Николай Александровичъ, Петербургской губ. Судебный слѣдователь въ Лепелѣ, Витебской губ.

24. Милашевскій Алексѣй Владиміровичъ, Саратовской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда во Владикавказѣ.

25. Миничъ Антонъ Даниловичъ, Минской губ. Журналистъ отдѣльнаго корпуса пограничной стражи при Мин. Финансовъ.

*26. Можевитиновъ Леонидъ Александровичъ, Оренбургской губ. Судебный слѣдователь въ Оренбургѣ.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

27. Московенковъ Николай Матвѣевичъ, Саратовской губ. Поручикъ Перновскаго полка въ Москвѣ.

28. Мулинъ Иванъ Космичъ, Тифлисской губ. Податной инспекторъ въ Поти.

29. Островскій Павелъ Алексѣевичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдов. въ Сунженѣ при Владикавказскомъ окр. судѣ.

*30. Пескинъ Михаилъ Анисимовичъ, Иркутской губерн. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Иркутскѣ.

31. Петропавловскій Леонидъ Өеодосіевичъ, Костромской губ. Суд. слѣдователь въ Златоустовѣ, Уфимской губ.

*32. Подпаловъ Иванъ Прокофьевичъ, Полтавской губ. Товарищъ прокурора въ Томскѣ.

33. Пузикъ Вячеславъ Викторовичъ, Самарской губерн. Въ акцизномъ управленіи въ Оренбургѣ.

*34. Путята Всеволодъ Владиміровичъ, Смоленской губ. Поручикъ Преображенскаго полка гвардіи.

35. Раденъ, баронъ, Александръ Эдмундовичъ, Харьковской губ. Судебн. слѣдов. въ Меховѣ, Кѣлецкой губ.

36. Рогалевичъ Юзефъ-Янъ, Тифлисской губ. Секретарь окружнаго суда во Владикавказѣ.

*37. Рубинштейнъ Гилель Лейбовичъ, Минской губерн. Частный повѣренный въ Ригѣ.

38. Рѣпниковъ Александръ Александровичъ, Саратовской губ. Почетный мировой судья въ Царицынѣ.

*39. Сабининъ Леонидъ Христофоровичъ, Воронежской губ. Судебный слѣдователь въ Томскѣ.

40. Силецкій Иванъ Владиміровичъ, Самарской губерн. Судебный слѣдователь въ Николаевскѣ, Самарской губ.

41. Смоленскій Владиміръ Ивановичъ, Ярославской губ. Секретарь отдѣленія Государственнаго Банка въ Орлѣ.

*42. Сорокинъ Иванъ Геннадіевичъ, Ярославской губерн. Городской судья въ Ростовѣ, Ярославской губ.

43. Файвишевичъ Наумъ Осиповичъ, Тверской области. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго во Владикавказѣ.

*44. Фрадкинъ Семенъ Семеновичъ, Витебской губерн. Директоръ С.-Петербургск. Азовскаго Банка въ Борисоглѣбскѣ.

*45. Штейнбергъ Іоакимъ Исааковичъ, Минской губерн. Присяжный повѣренный въ Рыбинскѣ.

46. Щуровъ Сергѣй Николаевичъ, Ярославской губерн. Судебный слѣдователь въ Юрьевцѣ.

*47. Яровицкій Александръ Іоасафовичъ, Ярославской губ. Мировой судья въ Двинскѣ.

Въ отставкѣ: 48. *Никоровичъ* Ѳедоръ Ѳеофиловичъ, изъ Буковины, съ 1897 г., былъ податнымъ инспекторомъ въ Иркутскѣ; 49. *Разумовъ* Михаилъ Степановичъ, Нижегородской, съ 1896 года, былъ засѣдателемъ суда въ Маріинскѣ.

Свѣдѣній не доставили: *50. *Айзенштейнъ* Зеликъ Ароновичъ, Гродненской губ.: 51. *Анненковъ* Ѳедоръ Ивановичъ, Пензенской; *52. *Бейленсонъ* Гилель Мовшевичъ, Могилевской; *53 *Бреславъ* Гирша Герцовичъ, Витебской; **54. *Вармундъ* Николай Карловичъ, Петербургской; 55. *Вейклевичъ* Фридрихъ Яковлевичъ, Курляндской; 56. *Домерниковъ* Павелъ Васильевичъ, Костромской; 57. *Дубяга* Михаилъ Михайловичъ, Полтавской; 58. *Зайковскій* Людвигъ Іосифовичъ, Витебской: 59. *Израельсонъ* Максъ Беньяминовичъ, Курляндской; *60. *Канель* Савелій Васильевичъ, Ковенско; 61. *Каннъ* Яковъ Файбишевичъ, Витебской; *62. *Канторъ* Бейнашъ Янкелевичъ, Ковенской; *63. *Канторъ* Маркусъ Янкелевичъ, Ковенской; *64. *Кинеловскеръ* Лейзеръ Абрамовичъ, Виленской; *65. *Когвнъ* Владиміръ Моисѣевичъ [1]), Херсонской; 66, *Кофманъ* Іегошія Зельмановичъ, Херсонской; *67. *Кренгаусъ*

---

[1]) Окончилъ курсъ съ серебреной медалью.

Лейба Еселевичъ Могилевской; **68. *Купферъ-фонъ-Эрдорфъ* Иванъ Александровичъ, Петербургской; *69. *Мейзельсъ* Веніамиоъ Аароновичъ, Минской; **70. *Мейлаховскій* Михаилъ Владиміровичъ, Петербургской; 71. *Можаровскій* Мееръ Владиміровичъ, Екаторинославской; 72. *Нюренбергъ* Аркадій Григорьевичъ, Московской; 73. *Ордуханьянцъ* Семенъ Микиртичъ, Эриванской; *74. *Орѣховъ* Сергѣй Александровичъ, Нижегородской; *75. *Прусаколъ* Хаимъ Мовшевичъ, Витебской; *76. *Розенкранцъ* Соломонъ Нахмановичъ, Минской; *77. *Розовскій* Исай Боруховичъ [1]), Виленской; *78. *Талалай* Абрамъ Янкелевичъ, Могилевской; 79. *Тульчинскій* Лейба Ицковичъ, Херсонской; *80. *Фейдманъ* Михель Абрамовичъ, Таврической; *81. *Юровскій* Іосифъ Наумовичъ, Херсонской.

Умерли: *82. *Еропкинъ* Рафаилъ Дмитріевичъ, Тульской, 1898 г., инспекторомъ народныхъ училищъ въ Харьковѣ; 83. *Колесовъ* Николай Александровичъ, Московской губерн., 1892 г.; *84. *Максимовскій* Алексаодръ Ксенофонтовичъ, Костромской, 1892 г., кандидатомъ при Ярослав. прокурорѣ; *85. *Шейнфайнъ* Ааронъ Лейбовичъ, Волынской, 1892 года.

Девятнадцатый выпускъ—1892 года.

*1. Абдуловъ Арсеній Николаевичъ, Московской губерн. Судебный слѣдователь въ Ярославлѣ.

2. Агаповъ Василій Васильевичъ, Смоленской губ. Помощникъ юрисконсульта при управл. государ. имущ. въ Самарѣ.

3. Бабіевскій Евгеній Николаеличъ, Тифлиисской губ. Акцизный контролеръ въ Майкопѣ, Кубанской области.

*4. Боголюбскій Федоръ Николаевичъ, Ярославской губ. Городской судья въ Мологѣ.

*5. Быховскій Владиміръ Владиміровичъ, Каменецъ-Подольской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

6. Ветчининъ Виталій Георгіевичъ, Орловской губерн. Земскій начальникъ въ Елецкомъ уѣздѣ.

*7. Виркау Карлъ Карловичъ, Ярославской губ. Дѣлопроизв. судебнаго отдѣла Госуд. Банка въ Петербургѣ.

8. Войшицкій Михаилъ Антоновичъ, Кіевской губерн. Податн. инспект. Ласко-Ладзинскаго участка, Петровской губ.

9. Вольферцъ Александръ Юльевичъ, Казанской губерн. Земскій начальникъ въ Ставропольской губ.

10. Воробьевъ Сергѣй Николаевичъ, Новгородской губ. Судебный слѣдователь въ Россіенахъ.

11. Ершовъ Сергѣй Константиновичъ, Полтавской губ. Помощн. столоначал. Лѣснаго Департам. мин. госуд. имуществъ.

12. Золотаревъ Александръ Сергѣевичъ, Донской обл. Присяжрый повѣренный въ Таганрогѣ.

*13. Ивановъ Николай Ивановичъ, Архангельской губ. Мировой судья въ Архангельскѣ.

*14. Ивановъ Петръ Ивановичъ, Архангельской губерн. Помощн редактора описей въ Архивѣ Министерства Юстиціи.

15. Караваевъ Николай Васильевичъ, Пермской губерн. Городской судья въ Кисленскомъ заводѣ.

16. Костылевъ Николай Васильевичъ, Тифлисской губ. Судебный слѣдователь въ Самаркандѣ.

17. Макарычевъ Василій Петровичъ, Оренбургской губ. Столоначальникъ областнаго правленія въ Уральскѣ.

18. Меценатовъ Николай Клавдіевичъ, Ярославской губ. Судебный слѣдователь въ Пошехонье.

*19. Михалевичъ Хрисанфъ Львовичъ, Калужской губ. Судебный слѣдователь въ Феллинѣ, Лифляндской губ.

20. Овсецовскій Константинъ Ивановичъ, Ярославской губ. Помощникъ юрисконсульта Полѣсской желѣзной дор. въ Вильнѣ.

21. Песковъ Владиміръ Ивановичъ, Тамбовской губерн. Судебный слѣдователь въ Шацкѣ.

*22. Прилухинъ Михаилъ Васильевичъ, Архангельской губерн. Чиновникъ особыхъ порученій при Губернаторѣ въ Архангельскѣ.

*23. Романовъ Иванъ Степановичъ, Владимірской губерн. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Шуѣ.

*24. Сергѣевъ Иванъ Степановичъ, Воронежской губерн. Кандидатъ на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Воронежѣ.

25. Сидоровъ Анатолій Петровичъ, Воронежской губерн. Секретарь казенной палаты въ Воронежѣ.

26. Соболевъ Николай Ксенофонтовичъ, Ярославской губ. Помощникъ податного инспектора въ Ярославлѣ.

*27. Сущовъ Николай Константиновичъ, Ярославской губ. Мировой судья въ Волковыйскѣ.

27. Троицкій Владиміръ Павловичъ, Кіевской губ. Помощникъ акцизнаго надзирателя въ Рени, Бессарабской губ.

*29. Фоссъ Евгеній Николаевичъ, Уфимской губ. Младшій контролеръ акцизнаго управленія въ Уфѣ.

30. Цвилинскій Петръ Евстафьевичъ, Тверской губ. Секретарь окружнаго суда въ Минскѣ.

*31. Шевелевъ Евгеній Николаевичъ, Люблинской губ. Присяжный повѣренный въ Москвѣ.

*32. Эмдинъ Яковъ Абрамовичъ, Могилевской губ. Инспекторъ коммерческаго страхового общества въ Москвѣ.

Умеръ: *33. *Куклинъ* Михаилъ Михайловичъ, Забайкальской области, 1896 года, былъ суд. слѣд. въ Верхнеудинскѣ.

Находится въ отставкѣ: 34. *Херцъ* Владиміръ Констан-

тиновичъ, съ 1896 г., былъ чиновникомъ особ. поруч. при Бессарабскомъ губернаторѣ.

Свѣдѣній не доставили: *35. *Аракельянцъ* Гавріилъ Даниловичъ, Ставропольской губ.; 36. *Вуткисъ* Адольфъ Венедиктовичъ, Ковенской; *37. *Горбенко* Леонидъ Моисеевичъ, Донской; **38. *Злѣпинъ* Сергѣй Васильевичъ, Московской; *39. *Золотаревъ* Александръ Павловичъ [1]), Московской; 40. *Контовтъ* Казиміръ Матеушевичъ, Ковенской; 41. *Кочеровскій* Феликсъ Адольфовичъ, Кіевской; 42. *Кюнъ* Карлъ Фридриховичъ, Курляндской; **43. *Рыбинъ* Алексѣй Павловичъ, Тобольской; 44. *Чекмаревъ* Николай Дмитріевичъ, Воронежской; 45. *Чистяковъ* Константинъ Михайловичъ, Ярославской; 46. *Шукшта* Казиміръ Константиновичъ, Ковенской.

Двадцатый выпускъ—1893 года.

1. Ажисантовъ Михаилъ Павловичъ, Вологодской губ. Судебный слѣдователь въ Грязовцѣ, Вологодской губ.

2. Байздренко Владиміръ Георгіевичъ, Тифлисской губ. Присяжный повѣр. въ Ростовѣ на Дону.

3. Балавинскій Сергѣй Александровичъ, Тверской губ. Пом. прис. повѣреннаго въ Твери.

4. Балашевъ Леонидъ Андреевичъ, Тульской губ. Судебный слѣдователь въ Мышкинѣ.

5. Боголюбовъ Алексѣй Михайловичъ, Московской губ. Земскій начальникъ въ Можайскомъ уѣздѣ.

6. Васильевъ Александръ Трофимовичъ, Сѣдлецкой губ. Кандидатъ на судебныя должности при окружномъ судѣ въ Гродно.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ золотою медалью.

7. Васильевъ Николай Александровичъ, Вологодской губ. Чиновникъ особыхъ порученій при губернаторѣ въ Вологдѣ.

8. Горвицъ Александръ Мартыновичъ, Петербургской губерн. Кандидатъ на судебныя должн. при судебн. палатѣ въ Петербургѣ.

9. Давыдовъ Василій Васильевичъ, Московской губерн. Земскій начальникъ въ Тамбовской губ.

10. Добротинъ Александръ Васильевичъ, Ярославской губ. Въ Департаментѣ общихъ дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

11. Егоровъ Дмитрій Павловичъ, Сыръ-Дарьинской обл. Канд. на судебныя должн. при областн. судѣ въ Ташкентѣ.

12. Лопаковъ Николай Николаевичъ, Ярославской губ. Пом. столонач. казен. палаты въ Ярославлѣ.

**13. Миклашевскій Иванъ Николаевичъ, Черниговской губ. Экстра-ординарный профессоръ Университета въ Харьковѣ.

14. Сестренцевичъ Михаилъ Андреевичъ, Ярославской губ. Столоначальникъ казенной палаты въ Тифлисѣ.

*15. Стеблинъ-Каменскій Константинъ Евгеньевичъ, Петербургской губ. Товар. прокурора въ Семипалатинскѣ.

16. Успенскій Николай Андреевичъ, Ярославской губ. Секретарь окружнаго суда въ Ярославлѣ.

17. Чихачевъ Николай Павловичъ, Тамбовской губ. Земскій начальникъ Кирсановскаго уѣзда.

18. Шипинъ Владиміръ Павловичъ, Ярославской губерн. Земскій начальникъ въ Угличскомъ уѣздѣ.

*19. Щукинъ Василій Михайловичъ, Владимірской губ. Пом. присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

Свѣдѣній не доставили: 20. *Вялыхъ* Виталій Андреевичъ, Пермской губ.; 21. *Зиссерманъ* Юлій Генриховичъ, Эриванской; 22. *Карасевъ* Борисъ Петровичъ, Смоленской; *24. *Майковъ* Николай Александровичъ, Уфимской; 25. *Ни-*

китенко Яковъ Николаевичъ, Кіевской; 26. *Страддинъ* Гансъ Іогановичъ, Курляндской.

Двадцать первый выпускъ—1894 года.

*1. Абрамовъ Петръ Петровичъ, родомъ изъ Яросл. губ. Помощникъ секретаря окруж. суда въ Нижнемъ-Новгородѣ.

2. Алферовъ Владиміръ Васильевичъ, Ярославской губ. Городской судья въ Устюжнѣ.

3. Балинскій Іосифъ Людвиговичъ, Волынской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Кишиневѣ.

*4. Бестужевъ-Рюминъ Николай Васильевичъ, Петербургской губ. Чиновн. особ. поруч. при генералъ-губернаторѣ въ Кіевѣ.

*5. Боголюбскій Александръ Николаевичъ, Ярославской губ. Старшій кандид. на суд. должн. при окружн. судѣ въ Ярославлѣ.

6. Босовъ Петръ Ивановичъ, Оренбургской губ. Старшій канд. на суд. должн. при окружн. судѣ въ Череповцѣ.

*7. Буговъ Андрей Эдмундовичъ, Московской губ. Инспекторъ Коммерческаго страховаго Общества.

*8. Будаковъ Михаилъ Флоровичъ, Пермской губ. И. д. судебн. слѣдователемъ Пермскаго окружнаго суда 3-го уч. Очинскаго уѣзда.

*9. Владиміровъ Николай Васильевичъ, Ярославской губ. Старш. канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Ярославлѣ.

10. Воскобойниковъ Александръ Александровичъ, Сѣдлецкой губ. Помощн. присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

11. Жемчуговъ Николай Александровичъ, Костромской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Н.-Новгородѣ.

12. Зборомирскій Оттонъ Петровичъ, Херсонской губ. Пом. контролера въ Оренбургскомъ отдѣленіи Государственнаго Банка.

*13. Калининъ Владиміръ Николаевичъ, Ярославской губерн. Старшій канд. на суд. должн. при окружн. судѣ въ Н.-Новгородѣ.

14. Катрановскій Валентинъ Ѳедоровичъ, Полтавской губ. Пом. присяжнаго повѣр. въ Кіевѣ.

15. Ковалевскій Николай Викторовичъ, Екатеринославской губ. Въ распоряженіи Кіевскаго генер.-губернатора.

*16. Константиновичъ Константинъ Александровичъ, Лифляндской губ. Земскій начальникъ въ Бессарабской губ.

17. Краснянскій Николай Гавриловичъ, Новгородской губ. Секретарь окружнаго суда въ Ригѣ.

18. Кротковъ Викторъ Викторовичъ, Уфимской губ. Помощн. присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

*19. Кутаисовъ, графъ, Владиміръ Павловичъ, Петербургской губ. Въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ иностран. исповѣданій.

20. Мандельбаумъ Иванъ Николаевичъ, Ставропольской губ. Канд. на суд. должн. пaи окр. судѣ въ Елисаветполѣ.

21. Малиновскій Владиміръ Васильевичъ, Самарской губ. Кандид. на суд. должн. при окр. судѣ въ Самарѣ.

22. Милевъ Василій Велевичъ, изъ Болгаріи. Въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія въ Софіи.

23. Николаевъ Евгеній Васильевичъ, Воронежской губ. Пом. столоначальника казен. палаты въ Орлѣ.

24. Носовъ Павелъ Семеновичъ, Тверской губ. Кандид. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Твери.

*25. Огородниковъ Николай Александровичъ, Ярославской губ. Присяжный повѣренный въ Костромѣ.

26. Оппермапъ Георгій Гугоновичъ, Эстляндской губер. Въ таможнѣ въ Александровѣ, Варшавской губ.

*27. Петровскій Григорій Алексѣевичъ, Ярославской губ. Чиновникъ особ. поруч. казенной палаты въ Вологдѣ.

28. Полетика Михаилъ Петровичъ, Саратовской губерн. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

29. Преображенскій Алексѣй Васильевичъ, Костромской губ. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

30. Соколовъ Алексѣй Петровичъ, Ярославской губ. Въ акцизномъ управленіи въ Комжѣ.

**31. Соколовъ Владиміръ Гавриловичъ, Податной инспекторъ въ Юрьевцѣ-Костромскомъ.

*32. Стеблинъ-Каменскій Борисъ Евгеньевичъ, Енисейской губ. Пом. мироваго судьи Кончетавск. уѣзда, Акмолинской области.

33. Страшковъ Георгій Федоровичъ, Полтавской губерн. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ.

34. Тиме Георгій Германовичъ, Пермской губ. Въ контролѣ Уральской желѣзной дороги, въ Перми.

35. Толченовъ Алексѣй Павловичъ, Калужской губ. Въ Калужской казенной палатѣ.

36. Шкатовъ Николай Васильевичъ, Самарской губерн. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

37. Эпштейнъ Василій Николаевичъ, Ярославской губ. Присяжный повѣренный въ Ярославлѣ.

38. Ѳоминъ Алексѣй Алексѣевичъ, Ярославской губерн. Засѣдатель окружнаго суда въ Ишимѣ.

Свѣдѣній не доставили: 39. *Адамсъ* Бернгардъ Ричардовичъ, Пермской губ.; 40. *Аноповъ* Александръ Васильевичъ, Таврической губ.; 41. *Барковскій* Евгеній Ѳедоровичъ, Курляндской; 42. *Безбородовъ* Ѳедоръ Степановичъ, Вятской; 43. *Бранце* Эвальдъ Михайловичъ, Курляндской; 44. *Ветчининъ* Владиміръ Ивановичъ, Орловской; *45. *Гощинскій* Константинъ Эдуардовичъ, Волынской; 46. *Девлетъ-Кильдѣевъ* князь Петръ Николаевичъ, Пензенской; 47. *Дочевскій* Вик-

торъ Ивановичъ, Черниговской; 48. *Ивановъ* Михаилъ Михайловичъ, Ярославской; 49. *Картавцевъ* Михаилъ Николаевичъ, Тульской; 50. *Котельниковъ* Митрофанъ Николаевичъ, Воронежской; 51. *Мишнинъ* Сергѣй Михайловичъ, Казанской; 52. *Павловъ* Алексѣй Алексѣевичъ, Петербургской; 53. *Подладчиковъ* Борисъ Васильевичъ, Пензенской; 54. *Преображенскій* Алексѣй Васильевичъ, Владимірской; *55. *Радченко* Дмитрій Николаевичъ, Черниговской; 56. *Рацишевскій* Петръ Карловичъ, Сувалкской; 57. *Стоблинъ* Арсеній Андреевичъ, Черниговской; 58. *Хитровъ* Сергѣй Александровичъ, Тамбовской; 59. *Черняховскій* Леонтій Ивановичъ, Кіевской.

Умерли: 60. *Гензеловичъ* Иванъ Васильевичъ, Тульской губ., 1894 г., былъ земскимъ начальникомъ въ Тульской губ.; 61. *Кочергинъ* Александръ Кирилловичъ, Херсонской губерн., 1894 года.

Двадцать второй выпускъ—1895 года.

1. Батуринъ Владиміръ Петровичъ, Ярославской губерн. Въ акцизномъ управл. во Владимірѣ.

*2. Бошнякъ Константинъ Александровичъ, Костромской губ. Земскій начальникъ въ Нерехтѣ.

3. Букуновскій Александръ Николаевичъ, Бессарабской губ. Въ Конторѣ Государственнаго Банка въ Москвѣ.

4. Буркевичъ Фридрихъ Ивановичъ, Курляндской губер. Въ губерн. акц. управленіи въ Омскѣ.

5. Бѣльченко Александръ Александровичъ, Калужской губ. Старшій контролеръ табачной фабрики въ Костромѣ.

6. Владиміровъ Михаилъ Алексѣевичъ, Тамбовской губ. Въ губернскомъ акцизномъ управленіи въ Тамбовѣ.

7. Воробьевъ Павелъ Алексѣевичъ, Виленской губерн. Пом. оберъ-секр. угол. кассац. д-та сената.

8. Діомидовъ Владиміръ Яковлевичъ, Орловской губерн. Въ акцизномъ управленіи въ Уфѣ.

9. Желябужскій Илья Владиміровичъ, Тульской губерн. Въ отдѣленіи Государственнаго Банка въ Батумѣ.

*10. Ивановъ Михаилъ Владиміровичъ, Томской губерн. Въ губ. акцизномъ управленіи въ Пензѣ.

11. Ивановъ Николай Ивановичъ, Курской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Сумахъ.

12. Ивановъ Павелъ Алексѣевичъ, Владимірской губерн. Кандид. на судебн. должн. при окружномъ судѣ во Владимірѣ.

*13. Иловайскій Владиміръ Сергѣевичъ, Тамбовской губ. Въ конторѣ Государственнаго Банка въ Москвѣ.

14. Иносовъ Григорій Григорьевичъ, Херсонской губерн. Судебный слѣдователь поважн. дѣл. при Ковен. окружномъ судѣ.

*15. Казанцевъ Василій Александровичъ, Ярославской губ. Бухгалтеръ главнаго казначейства въ Петербургѣ.

*16. Карасовъ Андрей Ивановичъ, Вологодской губ. Помощн. податнаго инспектора въ Вологдѣ.

17. Кобылинскій Владиславъ Матвѣевичъ, Могилевской губ Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

18. Королевъ Леонидъ Николаевиеъ, Калужской губерн. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ.

*19. Кошлаковъ Константинъ Петровичъ, Ярославской губ. Помощн. бухгалт. отдѣлен. государственнаго банка въ Гродно.

20. Красткалнъ Андрей Ивановичъ, Курляндской губ. Помощн. присяжнаго повѣреннаго въ Ригѣ.

*21. Крыловъ Николай Николаевичъ, (Рыбинскій), Ярослав. губ. Въ отдѣл. госуд. банка въ Вильнѣ.

*22. Курдюмовъ Викторъ Ивановичъ, Стввропольской губерн. Кандидатъ на судебн. должн. при окр. судѣ въ Екатеринодарѣ.

23. Крыловъ Николай Николаевичъ, (Ростовскій), Ярославск. губ. Въ казенной палатѣ въ Ярославлѣ.

24. Курносовъ Петръ Дмитріевичъ, Калужской губерн. Уѣздный предводитель дворянства въ Боровскѣ.

*25. Масленниковъ Константинъ Романовичъ, Ярославской губ. Помощникъ секретаря окружнаго суда въ Ярославлѣ.

*26. Мясниковъ Петръ Петровичъ, Казанской губ. Дѣлопроизв. окр. акц. управл. въ Маріинскѣ, Томской губ.

27. Ненароковъ Александръ Васильевичъ, Владимірской губ. Земскій начальникъ въ Вязникахъ.

*28. Новицкій Викторъ Викторовичъ, Московской губ. Податной инспекторъ въ Боровскѣ.

*29. Озерецкій Иванъ Петровичъ, Владимірской губерн. Въ государственномъ контролѣ.

30. Пастуховъ Сергѣй Николаевичъ, Ярославской губ. Занимается торговыми дѣлами.

31. Пеняковъ Михаилъ Ильичъ, Екатеринославской губ. Пом. присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

32. Петерсонъ Германъ Александровичъ, Курляндской губ. Кандид. на судебн. должн. при окр. судѣ въ Ригѣ.

*33. Петинъ Сергѣй Николаевичъ, Ярославской губерн. Старшій бухгалтеръ главнаго казначейства въ Петербургѣ.

34. Петрушевскій Павелъ Петровичъ, Варшавской губ. Пом. секретаря окр. суда въ Кіевѣ.

*35. Позняковъ Александръ Александровичъ [1]), Рязанской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

36. Полидоровъ Анатолій Никаноровичъ, Оренбургской губ, Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Н.-Новгородѣ.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ серебряной медалью.

37. Положенцевъ Григорій Дмитріевичъ, Орловской губ. Пом. секретаря судебной палаты въ Кіевѣ.

38. Пономаревъ Владиміръ Степановичъ, Пермской губ. Судебный слѣдователь въ Шадринскѣ.

39. Рейндгаузенъ Алексѣй Александровичъ, Витебской губ. Помощн. секретаря окружнаго суда въ Ригѣ.

40. Россъ Анатолій Михайловичъ, изъ Ташкента. Дѣлопроизводитель губернскзго правленія въ Ярославлѣ.

41. Самоловъ Константинъ Андреевичъ, Саратовской губ. Канд. на суд. должн. при судебной палатѣ въ Саратовѣ.

*42. Сидоровскій Александръ Николаевичъ, Костромской губ. Помощникъ секретаря окр. суда въ Н.-Новгородѣ.

*43. Трегубовъ Сергѣй Сергѣевичъ, Владимірской губерн. Пом. дѣлопроизводителя губернск. правленія во Владимірѣ.

44. Тарковскій Владиславъ Викентьевичъ, Могилевской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Кіевѣ.

45. Ульрихъ Николай Николаевичъ, Орловской губерн. Канд. на суд. должн. при окружномъ судѣ въ Воронежѣ.

46. Ускатъ Григорій Яковлевичъ, Бессарабской губерн. Канд. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Кишиневѣ.

47. Черняховскій Петръ Ивановичъ, Кіевской губ. Старшій канд. на судебн. должн. при судебн. палатѣ въ Кіевѣ.

48. Чукашевъ Петръ Андреевичъ, Ярославской губерн. Подпоручикъ Гренадерскаго Фанагорійскаго полка.

*49. Ширяевъ Валеріанъ Николаевичъ [1]), Ярославской губ. Секретарь Лицея.

50. Щелковъ Иванъ Сергѣевичъ, Ярославской губ. Пом. секретаря окружнаго суда въ Н.-Новгородѣ.

51. Щербина Гавріилъ Михайловичъ, Черниговской губ. Пом. податного инспектора въ Перновѣ.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ серебряной медалью.

Свѣдѣній не доставили: 52. *Богдановъ* Григорій Павловичъ, Тамбовской; 53. *Борисовъ* Михаилъ Николаевичъ, Самарской; 54. *Брянчаниновъ* Орестъ Павловичъ, Казанской; 55. *Быковскій* Николай Ивановичъ, Московской; 56. *Бѣляевъ* Валеріанъ Алексѣевичъ, Тульской; 57. *Гирчичъ* Георгій Петровичъ, Харьковской; *58. *Добровольскій* Григорій Николаевичъ, Орловской; 59. *Желябужскій* Владиміръ Владиміровичъ, Тульской; 60. *Замятинъ* Николай Николаевичъ, Харьковской; 61. *Зиссерманъ* Левъ Генриховичъ, Ставропольской; 62. *Иваницкій* Михаилъ Константиновичъ, Полтавской; 63. *Ивановъ* Дмитрій Васильевичъ, Тамбовской; 64. *Ивановъ* Сергѣй Ивановичъ, Курской; 65. *Капустинъ* Арсеній Евдокимовичъ, Тверской; 66. *Колгановъ* Іона Николаевичъ, Московской; 67. *Кондратьевъ* Иванъ Михайловичъ, Уфимской; 68. *Коровкинъ* Сергѣй Евфимовичъ, Казанской; *69. *Крживольскій* Болеславъ Ивановичъ, Кіевской; 70. *Кролау* Евгеній Ивановичъ, Смоленской; 71. *Курлинъ* Дмитрій Алексѣевичъ, Тамб.; *72. *Леультъ* Валентинъ Александровичъ, Москов.; 73. *Макалинскій* Петръ Константиновичъ, Ставропольской; 74. *Мануйловъ* Константинъ Александровичъ, Тифлисской; *75. *Михинъ* Дмитрій Андріановичъ, Тамбовской; 76. *Мойгисъ* Иванъ Өаддѣевичъ, Ковенской; 77. *Надеждинъ* Григорій Ивановичъ, Рязанской; 78. *Насиловъ* Александръ Ивановичъ, Петербургской; 79. *Пархомовичъ* Сергѣй Николаевичъ, Бессарабской губ.; *80. *Рабиновичъ* Евна Шендеровичъ, Могилевской; 81. *Рклицкій* Леонидъ Васильевичъ, Черниговской; 82. *Розановъ* Николай Евгеньевичъ, Костромской; *83. *Рыбниковъ* Дмитрій Николаевичъ, Московской; 84. *Рѣпниковъ* Василій Александровичъ, Саратовской; 85. *Севастьяновъ* Даніилъ Николаевичъ, Пермской; 86. *Смагинъ* Михаилъ Николаевичъ, Московской; 87. *Сотниковъ* Василій Николаевичъ, Иркутской; 88. *Стати* Евгеній Александровичъ, Подольской; 89. *Тарґонскій* Болеславъ Болеславовичъ, Могилевской; 90. *Фи-*

лончикъ Өеофилъ Демьяновичъ, Минской; 91. *Хаританскій* Александръ Леонидовичъ, Ставропольской; 92. *Чентуковъ* Седоръ Митрофановичъ, Харьковской; 93. *Шиловскій* Михаилъ Константиновичъ, Московской; 94. *Энгельгардтъ*, баронъ, Иванъ Владиміровичъ, Ярославской; 95. *Өедоровскій* Василій Иліодоровичъ, Саратовской.

Двадцать третій выпускъ—1896 года.

1. Азовкинъ Сергѣй Ивановичъ, Тамбовской губ. Канд. на судебн. должн. при окр. судѣ въ Курскѣ.

2. Байеръ Анатолій Маврикіевичъ, Волынской губ. Помощн. присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

3. Благонравовъ Василій Петровичъ, Владим. губ. Старшій канд. на суд. должн. при окр. судѣ во Владимірѣ.

4. Блюмбергъ Александръ Карловичъ, Лифляндской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Ригѣ.

5. Блюммеръ Иванъ Августовичъ, Петерб. губ. Помощн. присяжнаго повѣреннаго въ Вологдѣ.

6. Бугельскій Александръ Владиславовичъ, Владимірской губ. Помощн. бухгалт. отд. государ. банка въ Ярославлѣ.

7. Бѣлецкій Николай Ивановичъ, Орловской губ. Судебный слѣдователь въ Кадниковѣ.

8. Варваринъ Николай Владиміровичъ, Рязанской губ. Земскій начальникъ въ Рязани.

9. Варламовъ Александръ Николаевичъ, Донской обл. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

10. Васильевъ Николай Петровичъ, Томской губ. Мировой судья въ Томскѣ.

11. Вейднеръ Александръ Гавриловичъ, Курляндской губ. Въ губернскомъ акцизномъ управленіи въ Смоленскѣ.

12. Виллертъ Іоакимъ Іоакимовичъ, Петербургской губ. Кандидатъ на судебн. должн. при окр. судѣ въ Ригѣ.

13. Виноградовъ Дмитрій Александровичъ, Костромской губ. Кандидатъ на суд. должн. при окр. судѣ въ Костромѣ.

*14. Виноградовъ Евгеній Васильевичъ, Ярославской губ. Младшій контрол. при акцизномъ управленіи въ Ревелѣ.

15. Вологодскій Леонидъ Павловичъ, Ярославской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Люблинѣ.

16. Воробьевъ Николай Алексѣевичъ, Виленской губерн. Пом. секретаря судебной палаты въ Вильнѣ.

17. Горяиновъ Евгеній Гавриловичъ, Курской губ. Пом. секретаря при окружн. судѣ въ Витебскѣ.

18. Дмитровъ Иванъ Петровичъ, Екатеринославской губ. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ.

19. Добротинъ Николай Васильевичъ, Ярославской губ. Секретарь окружнаго суда въ Ярославлѣ.

20. Домбровскій Владиміръ Владиміровичъ, Кіевской губ. Младшій контролеръ акцизн. управленія въ Крыжополѣ.

21. Дорнбушъ Александръ Владиміровичъ, Пермской губ. По акцизу въ Екатеринбургѣ.

*22. Ивакинъ Николай Павловичъ, Черниговской губерн. Пом. секретаря судебн. палаты въ Кіевѣ.

23. Ильницкій Матвѣй Лукичъ, Волынской губ. Судебный слѣдов. въ Устюускѣ.

24. Кишкинъ Алексѣй Владиміровичъ, Владимірской губерн. Кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Н.-Новгородѣ.

25. Карніенко Өедоръ Евсѣевичъ, Кіевской губерн. По акцизу въ Ченстоховѣ.

26. Кузьминъ Николай Михайловичъ, Семирѣченской области. Миров. судья въ Асхабадѣ.

*27. Лигскій Дмитрій Алексѣевичъ, Ярославской губерн. Пом. податного инспектора въ Ловзи.

28. Любомудровъ Өедоръ Михайловичъ, Ярославской губ. Счетный чиновникъ контрольной палаты въ Москвѣ.

29. Макаровъ Глѣбъ Владиміровичъ, Ярославской губ. Канд. на суд. должн. при судебн. палатѣ въ Москвѣ.

30. Маковскій Өедоръ Ивановичъ, Тамбовской губ. Пом. присяжн. повѣреннаго въ Москвѣ.

31. Манусовичъ Александръ Максимовичъ, Тобольской губ. Въ губерн. акцизн. управл. въ Пензѣ.

*32. Матвѣевъ Александръ Александровичъ, Ярославской губ. Мировой судья въ Витебской губ.

33. Миницкій Павелъ Васильевичъ, Полтавской губерн. Добавочный мировой судья въ Архангельскѣ.

34. Оппоковъ Иванъ Константиновичъ, Кіевской губерн. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

35. Парадѣевъ Николай Алексѣевичъ, Нижегородской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Самарѣ.

36. Писаренко Константинъ Васильевичъ, Курской губ. Секретарь окружнаго суда въ Витебскѣ.

37. Поляковъ Илья Лазаревичъ, Московской губерн. Директовъ отдѣленія Международнаго Банка въ Марсели.

38. Поспѣловъ Евгеній Николаевичъ, Владимірской губ. Помощн. ревизора контрольной палаты въ Ярославлѣ.

39. Рахинскій Өедоръ Прокофьевичъ, Черниговской губ. Канд. на судебн. должн. при окружномъ судѣ въ Тулѣ.

40. Рязановскій Иванъ Александровичъ, Костромской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Костромѣ.

41. Смирновъ Николай Дмитріевичъ, Ярославской губ. Старшій кандид. на судебн. должн. при окружн. судѣ въ Ярославлѣ.

42. Соболевскій Климентъ Каэтановичъ, Костромской губ. Секретарь при прокурорѣ въ Костромѣ.

*43. Спасскій Петръ Васильевичъ, Казанской губ. Судебный слѣдователь въ Бирскѣ.

44. Староверкинъ Иванъ Ивановичъ, Донской области. Пом. прис. повѣр. въ Ковровѣ, Владимірской губ.

45. Сухининъ Леонтій Васильевичъ, Смоленской губерн. Въ акцизномъ управленіи въ Слуцкѣ, Минской губ.

46. Хабаровъ Алексѣй Степановичъ, Томской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Томскѣ.

47. Холодовичъ Константинъ Николаевичъ, Воронежской губ. Пом. столонач. казенной палаты въ Воронежѣ.

48. Хорановъ Валентинъ Джонхотовичъ, Терской обл. Хорунжій 1-го Кубанскаго пласт. бат. въ гор. Артвитѣ Кутаисской губ.

49. Чинновъ Митрофанъ Ивановичъ, Херсонской губерн. Пом. столоначальника главнаго военно-суднаго управленія въ Петербургѣ.

50. Чукаловскій Иванъ Михаиловичъ, Владимірской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ.

*51. Ѳедосѣевъ Дмитрій Борисовичъ, Ярославской губерн. Пом. секретаря при прокурорѣ судебн. палаты въ Саратовѣ.

Свѣдѣній не доставили: 52. *Барковскій* Оскаръ Фридриховичъ, Курляндской; 53. *Боянусъ* Александръ Карловичъ, Московской; 54. *Вальденбергъ* Дмитрій Владиміровичъ, Петербургской; *55. *Васильевъ* Владиміръ Александровичъ, Рязанской; 56. *Ветчининъ* Николай Георгіевичъ, Орловской; 57. *Воскресенскій* Владиміръ Константиновичъ, Тверской; 58. *Головня* Петръ Мячеславичъ, Казанской; 59. *Гранденбергъ* Адольфъ Вольдемаровичъ, Курляндской; 60. *Декаполитовъ* Петръ Ивановичъ, Вьадимірской; *61. *Дмитріевъ* Николай Ивановичъ, Костромской; 62. *Зиминъ* Александръ Григорьевичъ, Тамбовской; 63. *Ивановъ* Василій Михайловичъ, Тамбовской; 64. *Ивановъ* Иванъ Яковлевичъ, Харьковской; 65. *Ивановъ* Николай Павловичъ, Черниговской; 66. *Ковалевскій* Сергѣй Викторовичъ, Екатеринославской; 67. *Карякинъ* Григорій Петровичъ, Смоленской; 68. *Красильниковъ* Константинъ

Николаевичъ, Казанской; 69. *Лапотниковъ* Василій Александровичъ, Владимірской; 70. *Лопатинъ* Леонидъ Георгіевичъ, Ярославской; 71. *Лузановъ* Андрей Семеновичъ, Самарской; 72. *Македонскій* Григорій Ивановичъ, Тамбовской; 73. *Марковъ* Евсѣй Евсѣевичъ, Уральской области; 74. *Нелидовъ* Сергѣй Павловичъ, Владимірской; 75. *Нечаевъ* Вячеславъ Ивановичъ, Томской; 76. *Осинскій* Павелъ Греціановичъ, Херсонской; 77. *Пынинъ* Петръ Ивановичъ, Самарской; *78. *Свадковскій* Николай Прокофьевичъ, Могилевской; 79. *Синевъ* Петръ Матвѣевичъ, Момской; 80. *Скреге* Иванъ Андревичъ, Курляндской; 81. *Снѣжковъ* Θеоктистъ Сергѣевичъ, Ставропольской; *82. *Старухинъ* Михаилъ Михайловичъ, Виленской; 83. *Стопани* Александръ Митрофановичъ, Иркутской; 84. *Тельпуговъ* Антоній Петровичъ, Казанской; 85. *Тоддесъ* Менашель Мортхелевичъ, Лифляндской; 86. *Цвѣтаевъ* Николай Васильевичъ, Петербургской; 87. *Шуббе* Августъ Эрнестовичъ, Курляндской; 88. *Юдичевъ* Аркадій Васильевичъ, Тамбовской губ.

Двадцать четвертый выпускъ—1897 года.

1. Апостоловъ Никъ Алексѣевичъ, Тверской губ. Пом. присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

2. Бао Сергѣй Георгіевичъ, Херсонской губ. Въ акцизномъ управленіи въ Симферополѣ.

3. Бородавкинъ Михаилъ Александровичъ, Херсонской губ. Пом. податн. инспектора въ Петрозаводскѣ.

4. Бунаковъ Николай Николаевичъ, Смоленской губерн. Пом. секретаря окр. суда въ Архангельскѣ.

5. Васильевскій Константинъ Александровичъ, Ярославской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Троицкѣ.

6. Габіу Николай Алексѣевичъ, Тульской губ. Помощн. столоначальника казенной палаты въ Тулѣ.

*7. Гагенъ Владиміръ Александровичъ, Костромской губ. Стипендіатъ для приготовленія къ профессорскому званію.

8. Галецкій Тадеушъ Владиславичъ, Витебской губерн. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Варшавѣ.

9. Достоваловъ Николай Исааковичъ, Томской губ. Секретарь окружнаго суда во Владивостокѣ.

*10. Жаба Михаилъ Ивановичъ, Херсонской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Либавѣ.

11. Ждановъ Геннадій Александровичъ. Ярославской губ. Старшій кандид. на судебн. должн. при окр. судѣ въ Ярославлѣ.

*12. Зевальдъ Карлъ Ивановичъ, Рязанской губ. Помощ. бухгалт. по заграничн. операціямъ въ госуд. Банкѣ.

*13. Кедровъ Борисъ Николаевичъ, Саратовской губерн. Въ акцизномъ управленіи въ Саратовѣ.

14. Ковако Владиміръ Дмитріевичъ, Радомской губерн. Пом. сокр. окр. суда въ Радомѣ.

15. Клоковъ Александръ Капитоновичъ, Тамбовской губ. Въ Московскомъ городскомъ кредитномъ обществѣ.

*16. Козмодемьянскій Александръ Николаевичъ, Ярославской губерн. Старшій кандид. на суд. должн. при окр. судѣ въ Ярославлѣ.

17. Кондаковъ Леонидъ Михайловичъ, Рязанской губер. Пом. податнаго инспектора въ Осѣ.

18. Копыловъ Леонидъ Николаевичъ, Ярославской губ. Податной инспекторъ въ Варнавинѣ.

19. Королевъ Николай Федоровичъ, Тобольской губерн. Пом. столоначальника казен. палаты въ Тобольскѣ.

20. Коршуновъ Василій Тихоновичъ, Херсонской губерніи, Кандидатъ на судебн. должн. при судебн. палатѣ въ Петербургѣ.

21. Куцовъ Өедоръ Андреевичъ, Курской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Сумахъ.

22. Лавровъ Николай Алексѣевичъ, Ярославской губерн. Контролеръ акцизн. управлен. въ Тотьмѣ.

23. Ловцовъ Василій Васильевичъ, Екатеринбургской губерн. Пом. податнаго инспектора въ Судогдѣ.

24. Паленъ, графъ, Иванъ Константиновичъ, Петербургской губ. Въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ.

25. Пасситъ Леонидъ Григорьевичъ, Лифляндской губ. Канд. на суд. должн. при окружномъ судѣ въ Ригѣ.

26. Переломовъ Александръ Николаевичъ, Забайкальской области. Кандид. на суд. должн. при судебной палатѣ въ Иркутскѣ.

*27. Петровъ Леонидъ Ивановичъ [1]), Псковской губерн. Кандид. на судебн. должн. при судебной палатѣ въ Петербургѣ.

28. Поповъ Александръ Александровичъ, Орловской губ. Контролеръ акцизнаго управленія въ Житомірѣ.

29. Преображенскій Николай Флегонтовичъ, Ярославской губ. Контролеръ акцизнаго управленія въ Вологдѣ.

30. Срединскій Александръ Алексѣевичъ, Калишской губерн. Въ Варшавской таможнѣ.

31. Стокетъ Иванъ Яновичъ, Эстляндской губ. Частный повѣренный въ Доблекѣ, Курл. губ.

32. Филинковъ Борисъ Николаевичъ, Донской области. Канд. на суд. должн. при судебной палатѣ въ Москвѣ.

33. Фрейнбергъ Константинъ Эрнестовичъ, Саратовской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Самарѣ.

34. Чукашевъ Андрей Андреевичъ, Ярославской губерн. Мировой судья въ Камскѣ, Енисейской губ.

---

[1]) Окончилъ курсъ съ золотой медалью.

35. Шиловскій Николай Константиновичъ, Рязанской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Петербургѣ.

36. Шмигельскій Платонъ Петровичъ, Кіевской губерн. Судебный слѣдователь въ Кадниковѣ.

Свѣдѣній не доставили: 37. *Алексѣевъ* Александръ Павловичъ, Томской губ.; 38. *Багатуровъ* Леонъ Ивановичъ, Эриванской; 39. *Баржили* Александръ Анатольевичъ, Смоленской: 40. *Богдановъ* Георгій Тимофеевичъ, Витебской; 41. 42. *Вальковъ* Сергѣй Петровичъ, Московской; 43. *Вдовиченко* Михаилъ Романовичъ, Кіевской; 44. *Вергелесовъ* Николай Евгеньевичъ, Херсонской; 45. *Вышеславцевъ* Евгеній Васильевичъ, Тамбовской; 46. *Губскій* Иванъ Ивановичъ, Черниговской; 47. *Ежевъ* Михаилъ Ивановичъ, Донской области; 48. *Елкинъ* Иванъ Петровичъ, Донской области; 49. *Емельяновъ* Викторъ Михайловичъ, Оренбургской; 50. *Закхѣевъ* Петръ Михайловичъ, Терской области; 51. *Кожинъ* Константинъ Николаевичъ, Орловской; 52. *Козинъ* Павелъ Гавриловичъ, Донской области; 53. *Коломейцевъ* Сергѣй Николаевичъ, Полтавской; 54. *Кракатица* Алексѣй Викторовичъ, Кіевской; 55. *Мантулинъ* Семенъ Васильевичъ, Харьковской; 56. *Николаевъ* Василій Васильевичъ, Петербургской; 57. *Остроглазовъ* Андрей Ивановичъ, Московской; 58. *Панютинъ* Семенъ Дмитріевичъ, Калецкой; 59. *Пашинскій* Здзиславъ Станиславовичъ, Сѣдлецкой; 60. *Пинесъ* Ицко Гиршевичъ, Тверской; 61. *Подконаевъ* Николай Алексѣевичъ, Воронежской; 62. *Покровскій* Глѣбъ Дмитріевичъ, Нижегородской; 63. *Покровскій* Николай Николаевичъ, Новгородской; 64. *Русинъ* Александръ Ефремовичъ, Костромской; 65. *Рыжиковъ* Викторъ Прокофьевичъ, Ставропольской; 66. *Сербинъ* Вячеславъ Васильевичъ, Кубанской области; *67. *Сопелкинъ* Иванъ Павловичъ, Смоленской; 68. *Фогель* Вернеръ Гуговичъ, Курляндской; 69. *Хватовъ* Николай Петровичъ, Владимірской; *70. *Хлѣбниковъ* Максимиліанъ Нико-

лаевичъ, Ярославской; 71. *Чепикъ* Александръ Алексѣевичъ, Томской; 72. *Щекинъ* Василій Васильевичъ, Пермской; 73. *Яковлевъ* Евгеній Николаевичъ, Московской.

Умерли: 74. *Березовскій* Іосифъ Леопольдовичъ, Кіевской губ. 1898 г., пом. столон. каз. пал. въ Эривани; 75. *Симонъ* Викторъ Александровичъ, Черниговской, въ 1897 г.

Двадцать пятый выпускъ—1898 года.

1. Багровъ Александръ Афанасьевичъ, Новгородской губ. Пом. столон. каз. палаты въ Новгородѣ.

2. Безкровный Сергѣй Георгіевичъ, Таврич. губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Екатеринославѣ.

*3. Болотовъ Петръ Евфимовичъ, Владимірской губерн. Столонач. каз. палаты въ Архангельскѣ.

4. Быковъ Александръ Васильевичъ, Енисейской губерн. Пом. присяжн. повѣрен. въ Москвѣ.

*5. Верхоглядовъ Николай Федоровичъ, Ставропольской губ. Пом. прис. повѣр. въ Ярославлѣ.

*6. Выдринъ Илья Ильичъ, Москов. губ. Инспекторъ въ правлен. международн. банка въ Москвѣ.

7. Герцъ Гвидонъ Юльевичъ, Курляндской губ. Помощ. секретаря окр. суда въ Ригѣ.

8. Европинъ Сергѣй Ивановичъ, Рязанской губ. Въ статистич. отдѣл. департ. неокладн. сборовъ по казенной продажѣ питей.

*9. Искржицкій Петръ Тимофеевичъ, Кіевской губ. Чиновникъ особ. поруч. при губернаторѣ въ Кѣльцахъ.

*10. Кленовскій Борисъ Сергѣевичъ, Виленской губерн. Пом. акцизнаго надзирателя въ Ярославлѣ.

*11. Клочковскій Вячеславъ Евгеньевичъ, Могилевской губерн. Юнкеръ крейсера „Герц. Эдинбургскій", въ Кронштадтѣ.

12. Ковальскій Казиміръ Юліановичъ, Олонецкой губ. Помощн. столоначальника въ Ярославской казен. палатѣ.

12. Корсунскій Николай Николаевичъ, Ярославской губ. Въ губ. акцизн. управл. въ Батумѣ.

14. Луковскій Ѳаддей Ивановичъ, Кам.-Подольск. губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Стародубѣ.

15. Маевскій Станиславъ Игнатьевичъ, Кутаисской губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Баку.

16. Мурановъ Яковъ Николаевичъ, Ярославской губерн. Въ С.-Петербургск. Страхов. Обществѣ.

*17. Патушинскій Григорій Борисовичъ, Иркутской губ. Старшій кандидатъ при Иркутской судебной палатѣ.

*18. Новиковъ Николай Андреевичъ, Ярославской губер. Столонач. каз. пал. въ Новгородѣ.

*19. Осиповъ Павелъ Николаевичъ, Ярославской губерн. Въ губ. акц. управленіи въ Ревелѣ.

*20. Полѣновъ Павелъ Ивановичъ, Костромской губерн. Чин. особ. поруч. при губернаторѣ въ Костромѣ.

21. Поляковъ Леонидъ Николаевичъ, Саратовской губ. Канд. на суд. должн. при суд. палатѣ въ Саратовѣ.

*22. Протасьевъ Александръ Сергѣевичъ, Ярославской губерн. Стипендіатъ Лицея для приготовленія къ профессорскому званію.

23. Пѣтуховъ Иванъ Васильевичъ, Смоленской губерн. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Смоленскѣ.

*24. Рождественскій Николай Александровичъ, Ярославской губ. Пом. столонач. каз. палаты въ Ярославлѣ.

25. Скибневскій Леонидъ Петровичъ, Астраханской губ. Въ управленіи калмыками, въ Астрахани.

*26. Снѣжницкій Александръ Павловичъ, Астраханской губ. Пом. присяжн. повѣреннаго въ Астрахани.

27. Столбовъ Иванъ Ивановичъ, Ярославской губ. Пом. присяжн. повѣреннаго въ Ярославлѣ.

28. Стратовъ Федоръ Васильевичъ, Петербургской губ. Пом. столонач. каз. палаты въ Баку.

29. Сферинъ Аристархъ Павловичъ, Ярославской губер. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Смоленскѣ.

*30. Троицкій Николай Федоровичъ. Ярославской губерн. Пом. бухгалт. отдѣл. госуд. банка въ Ярославлѣ.

31. Фельдтъ Владиміръ Николаевичъ, Нижегородской губерн. Въ губ. акцизн. управленіи въ Н.-Новгородѣ.

32. Фратица Иванъ Васильевичъ, Бессарабской губерн. Кандид. на судебн. должн. при судебной палатѣ въ Петербургѣ,

33. Чистяковъ Иннокентій Ивановичъ, Томской губерн. Пом. присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

*34. Шкляръ Иванъ Николаевичъ, Симбирской губерн. Секретарь при прокурорѣ въ Маргеланѣ.

35. Штаммъ Ростиславъ Львовичъ, Кіевской губ. Пом. присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

36. Штейнбергъ Николай Александровичъ, Черниговск. губ. Канд. на суд. должн. при окр. судѣ въ Нѣжинѣ.

Свѣдѣній не доставили: 37. *Аврамовъ* Александръ Николаевичъ, Херсонской губ.; 38. *Айвазовъ* Сергѣй Артемьевичъ, Тифлисской; 39. *Анисимовъ* Иванъ Спиридоновичъ, Самарской; 40. *Антоневичъ* Иванъ Владиславовичъ, Петерб.; 41. *Аракеловъ* Аршакъ Богдановичъ, Тифлисской; 42. *Атовмянцъ* Георгій Ивановичъ, Закатальскаго округа; 43. *Блохинъ* Никита Ѳомичъ, Бессарабской; 44. *Борисенко* Алексѣй Николаевичъ, Костромской; *45. *Виноградовъ* Константинъ Вас., Владимірской; 46. *Воротынскій* Владиславъ Валеріановичъ, Смоленской; 47. *Геллеръ* Влад. Константин., Московской;

48. *Дамянскій* Петръ Станиславовичъ, Рязанской; *49. *Демидовъ* Владиміръ Ивановичъ, Владимірской; 50. *Фонъ-Дервизъ* Петръ Михайловичъ, Сувалкской; 51. *Дмитренко* Василій Васильевичъ, Могилевской; 52. *Духанинъ* Борисъ Ивановичъ, Рязанской; 53. *Захарьинъ* Александръ Александровичъ, Калужской; *54. *Ивановъ* Николай Петровичъ Тамбовской; 55. *Коверскій* Брониславъ Ипполитовичъ, Виленской; 56. *Кондратьевъ* Константинъ Ѳеофилактовичъ, Томской; 57. *Константиновъ* Петръ Іоакимовичъ, Ярославской; 58. *Лебедевъ* Александръ Михайловичъ, Владим.; 59. *Лиръ* Николай Александровичъ, Екатеринославской; 60. *Логвиновъ* Александръ Васильевичъ, Саратовск.; 61. *Маргулісъ* Владиміръ Николаевичъ, Херсонск.; 62. *Мельгуновъ* Николай Ивановичъ, Рязанской; 63. *Мошковъ* Михаилъ Петровичъ, Тамбовской; 64. *Налбандовъ* Михаель Иван., Таврич.; 65. *Николаевъ* Петръ Николаевичъ, Смоленской; 66. *Померанцевъ* Николай Дмитріевичъ, Таврической; 67. *Путята* Николай Владиміровичъ, Московской; 68. *Розинъ* Александръ Сергѣевичъ, Полтавской; *69. *Севастьяновъ* Вячеславъ Антоновичъ, Томской; 70. *Сегаль* Александръ Николаевичъ, Харьковской; 71. *Серебряковъ* Алексѣй Васильевичъ, Ярославской; *72. *Ткаченко* Дмитрій Степановичъ, Черниговской; 73. *Топчіевъ* Никита Герасимовичъ, Терской обл.; 74. *Четвериковъ* Николай Николаевичъ, Московской; 75. *Чиковъ* Акипсинъ Ананьевичъ, Донской обл.; 76. *Щипановскій-Домбровичъ* Марцеллій Николаевичъ, Кам.-Подольской; 77. *Юшковъ* Николай Петровичъ.

Двадцать шестой выпускъ—1899 года.

1. Давыдовскій Петръ Ѳеодоровичъ, Тульской губ. Причисленъ къ Министерству Земледѣлія.

2. Дюковъ Павелъ Ивановичъ, Енисейской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Москвѣ.

3. Канаевъ Леонидъ Ивановичъ, Самарской губерн. Въ государственномъ банкѣ въ Казани.

4. Корзюковъ Николай Петровичъ, Черниговской губер. Кандидатъ на судебныя должности при Тифлисской судебн. палатѣ.

5. Коткоровскій Иванъ Осиповичъ, Варшавской губерн. Кандидатъ на судебн. должности при Пензенскомъ окружн. судѣ.

6. Лазо Иванъ Егоровичъ, Бессарабской губ. Кандидатъ при С.-Петербургскомъ окр. судѣ.

7. Николаевъ Семенъ Андреевичъ, Астраханской губ. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго въ Ярославлѣ.

8. Огородниковъ Евгеній Александровичъ, Владимірской губ. Помощникъ прис. повѣреннаго въ Костромѣ.

9. Селиверстовъ Алексѣй Ивановичъ, Владимірской губ. Бухгалтеръ казенной палаты въ Ярославлѣ.

*10. Сипко Вячеславъ Николаевичъ, Московской губ. Въ казенной палатѣ въ Ярославлѣ.

11. Солтыскій Иванъ Александровичъ, Камен.-Подольской губ. Въ казенной палатѣ въ Ярославлѣ.

12. Тарновичъ Георгій Дмитріевичъ, Кіевской губ. Кандидатъ на судебн. должности при Рижскомъ окр. судѣ.

*13. Торнъ Константинъ Александровичъ, Тверской губ. Въ управленіи Рыбинско-Бологовской жел. дороги.

14. Тютчевъ Ѳеодоръ Ивановичъ, Московской губ. Земскій начальникъ въ Московской губ.

15. Унковскій Георгій Сергѣевичъ, Московской губерн. Уѣздный предводитель дворянства въ Пензенской губ.

*16. Чернышъ Діонисій Григорьевичъ, Люблинской губ. Въ казенной палатѣ въ Ярославлѣ.

17. Юшкевичъ Борисъ Адамовичъ, С.-Петербургской губерн. Кандидатъ на судебныя должности при С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ.

Свѣдѣній не доставили: 18. *Балашевъ* Левъ Андреевичъ, Тульской; 19. *Вишневскій* Владиміръ Осиповичъ, Гродненской; 20. *Волковъ* Владиміръ Константиновичъ, Московской; 21. *Вуколовъ* Евгеній Владиміровичъ, Таврической; 22. *Гальяръ* Владиміръ Дмитріевичъ, Донской области; 23. *Гейзелеръ* Павелъ Андреевичъ, С.-Петербургской; 24. *Гейзеринеръ* Александръ Өеодоровичъ, Московской; 25. *Гребенщиковъ* Георгій Павловичъ, Ярославской; 26. *Григоровъ* Михаилъ Александровичъ, Рязанской; 27. *Давыдовъ* Леонидъ Николаевичъ, Пензенской; 28. *Дубенскій* Владиміръ Семеновичъ, Тульской; *29. *Забавскій* Леонидъ Наркисовичъ, Сѣдлецкой; 30. *Ефимовъ* Иванъ Яковлевичъ, Ярославской; 31. *Иваньшинъ* Анатолій Матвѣевичъ, Воронежской; 32. *Іодловскій* Иннокентій Константиновичъ, Петроковской; 33. *Кабекъ* Петръ Давыдовичъ, Лифляндской; 34. *Китицынъ* Владиміръ Александровичъ, Псковской; *35. *Леонгардтъ* Николай Георгіевичъ, Московской; 36. *Липинскій* Нарцисъ Ивановичъ, Волынской; 37. *Новицкій* Димитрій Васильевичъ, Херсонской; 38. *Палатниковъ* Николай Николаевичъ. С. Петербургской; 39. *Поповъ* Валерій Артемьевичъ, Московской; 40. *Поповъ* Михаилъ Николаевичъ, Тульской; 41. *Раевскій* Леонидъ Николаевичъ, Владимірской; 42. *Родіоновъ* Георгій Михайловичъ, Бесарабской обл.; 43. *Руденко* Иванъ Меөодіевичъ, Кіевской; 44. *Скрипицынъ* Владиміръ Петровичъ, Симбирской; 45. *Стамбуловъ* Владиміръ Ивановичъ, Херсонской; 46. *Суше-де-ла-Дюбоассьеръ* Сергѣй Өедоровичъ, Тамбовской; 47. *Таробанько* Викторъ Анисимовичъ, Московской; 48. *Тихановскій* Николай Димитріевичъ, Костромской; 49. *Тихоміровъ* Дмитрій Ивановичъ, Московской; *50. *Траустель* Іоганнъ Игнатьевичъ, Эстляндской; 51. *Шмелевъ* Викторъ Өедоровичъ, Са-

марской; 52. *Шерешевскій* Рафаилъ Давидовичъ, Ковенской; 53. *Шмидтъ* Владиміръ Владиміровичъ, Псковской; 54. *Штейфтъ* Павелъ Александровичъ, С.-Петербургской; 55. *Ушинскій* Григорій Антоновичъ, Волынской; *56. *Унтиловъ* Василій Алексѣевичъ, Херсонской; 57. *Хорошкѣевъ* Михаилъ Васильевичъ, Смоленской; 58. *Өедосѣевъ* Константинъ Борисовичъ, Ярославской губ.

Всего въ теченіи 26 лѣтъ окончило курсъ въ Лицеѣ 1236, изъ нихъ со степенью кандидата юридическихъ наукъ 316, остальные 920—съ званіемъ дѣйствительнаго студента.

Изъ окончившихъ курсъ находятся нынѣ на службѣ:

Въ Канцеляріи Комитета Министровъ: Помощникомъ начальника отдѣленія Канцеляріи—1.

По Министерству Юстиціи: Судебными слѣдователями 109, кандидатами на судебныя должности при сенатѣ, палатахъ и судахъ 69, мировыми судьями 44, товарищами прокуроровъ 33, членами окружныхъ судовъ 32, городскими судьями 32, уѣздными членами судовъ 20, секретарями окружныхъ судовъ, палатахъ и при прокурорахъ 15, помощниками секретаря въ палатахъ и судахъ 16, помощниками мироваго судьи 10, предсѣдателями мироваго съѣзда 7, прокурорами судовъ 3, старшими нотаріусами 3, товарищемъ предсѣдателя суда 1, товарищемъ оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго Департамента Сената 1, тюремнымъ инспекторомъ 1, помощникомъ оберъ-секретаря уголовнаго кассаціоннаго Департамента Сената 2, дѣлопроизводителемъ въ департаментѣ Министерства Юстиціи 1, нотаріусами 2, въ

Архивѣ Министерства Юстиціи пом. редактора описей 1, судебными приставами 4, итого 406. Кромѣ того состоятъ присяжными повѣренными 49, помощниками присяжныхъ повѣренныхъ 47 и частными повѣренными 4.

По Министерству Финансовъ: Пом. контролеровъ акцизныхъ управленій 16, податными инспекторами 13, контролерами акцизныхъ управленія 11, пом. акцизн. надзирателя 10, пом. столонач. въ каз. палатахъ 13, пом. бухгалт. въ конторахъ и отдѣленіяхъ государ. банка 8, пом. податнаго инспектора 7, въ отдѣленіяхъ международнаго банка (директ., инсп., бухгалт.) 3, секретарями каз. палатъ 3, столонач' каз. палатъ 3, директорами дворянск. земельн. банка 2, окружн. акцизн. надзирателями 2, начальниками отдѣл. каз. палаты 2, пом. бухгалтера каз. палаты 2, дѣлопроизвод. въ госуд. банкѣ 2, секретарями отдѣленій госуд. банка 2, въ таможнѣ 2, бухгалтеромъ въ главномъ казначействѣ 2, управляющимъ каз· палаты 1, старш. ревизоръ губ. акц. управл. 1, въ департамен. неокладныхъ сборовъ 1, журналистъ въ корпусѣ пограничной стражи 1, бухгалтеромъ въ госуд, банкѣ 1, бухгалтеромъ казен. палаты 1, чин. особ. пор. каз. палаты 1, пом. контолера акцизнаго управленія 1, секретаремъ акцизн. управленія 1, въ московскомъ городск. кредитномъ обществѣ 1. въ портовой конторѣ 1, пом. бухгалтера въ казначействѣ 1, въ управленіи Волжско-Камскаго банка 1, итого 116.

По Министерству Внутреннихъ Дѣлъ: Земскими начальниками 16, дѣлопроизводителями губернскаго правленія 7, чиновниками особыхъ порученій у губернаторовъ и генералъ-губернаторовъ 6, въ департаментахъ министерства 3, уѣзднымъ предводителемъ дворянства 2, городскимъ головой 1, предсѣдателемъ уѣздной земской управы 1, правителемъ канцеляріи губернатора 1, непремѣннымъ членомъ уѣзднаго крестьянскаго присутствія 1, непремѣннымъ членомъ губерн-

скаго по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствія 1, секретаремъ статистическаго комитета 1, исправникомъ 1, помощникомъ исправника 1, въ управленіи калмыцкимъ народомъ 1, въ экспедиціи по изслѣдованію степныхъ областей 1, секретаремъ губ. по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствія 1, итого 46.

По Министерству Народнаго Просвѣщенія: Учителями реальныхъ училищъ 4, экстраординарными профессорами 3, дѣлопроизводителями (V, VI и VII кл.) въ Департ. Народн. Просв. 3, инспекторами студентовъ Лицея 1, секретаремъ Лицея 1, библіотекаремъ Лицея 1, преподавателемъ техническаго училища 1, стипендіатовъ для приготовленія къ профессорскому званію 2, итого 19.

По Государственному Контролю. Управленіе контрольной палаты 1, дѣлопроизводителемъ VII кл. въ государственномъ контролѣ 2, помощникомъ ревизора контрольной палаты 2, счетнымъ чиновникомъ палаты 1, итого 6.

По Вѣдомству Православнаго исповѣданія: Секретарями духовныхъ консисторій 3, іеромонахъ 1, священникъ 1, итого 5.

По Военному Министерству: Поручиками 2, хорунжій 1, кандидатомъ на судебныя должности при военномъ прокурорѣ 1, помощникомъ столоначальника въ главномъ военно-судномъ управленіи 1, итого 5.

По Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ: Начальникомъ отдѣленія лѣснаго департамента 1, помощникомъ столоначальника того же департамента 1, чиновникомъ особыхъ порученій при управленіи государственныхъ имуществъ 1, помощникомъ юрисконсульта при такомъ же управленіи 1, причисленный къ М-ву 1, итого 5.

По Министерству путей сообщенія: Помощникомъ юрисконсульта желѣзной дороги 1. въ департ. желѣзн. дорогъ 1, счетный чиновникъ желѣзной дороги 1, въ контролѣ желѣзной дороги 1, итого 4.

По Министерству Удѣловъ: Столоначальникомъ въ Министерствѣ 1.

По Министерству Иностранныхъ Дѣлъ: Въ самомъ Министерствѣ 1.

По Морскому Министерству: Юнкеръ крейсера „Герцогъ Эдинбургскій" 1.

Въ Министерствѣ Народаго Просвѣщенія въ Болгаріи 1.

Наконецъ занимаются частными дѣлами 6, въ отставкѣ 53, умерло 114 и о 367 лицахъ свѣдѣній не имѣется.

СПИСОКЪ

окончившихъ курсъ въ 1900 году:

Со степенью кандидата:

1. Покровскій Николай, Нижегородской губ.
2. Соколовъ Владиміръ, Ярославской губ.

Съ правомъ на полученіе степени кандидата по представленіи диссертаціи:

3. Андреевъ Николай, Вятской губ.
4. Бобинскій Михаилъ, Ковенской губ.
5. Варпаховскій Викторъ, Смоленской губ.
6. Власьевскій Николай, Ярославской губ.
7. Дашковъ Николай, Рязанской губ.
8. Донецъ Александръ, Иркутской губ.

9. Дьяконовъ Анатолій, Ярославской губ.
10. Заіончковскій Мечиславъ, Подольской губ.
11. Киселевъ Сергѣй, Ярославской губ.
12. Коссовскій Максимъ, Виленской губ.
13. Лазовскій Викторъ, Ярославской губ.
14. Ландышевъ Николай, Саратовской губ.
15. Массальскій Владиміръ, Ставропольской губ.
16. Мишкевичъ-Янъ Губертъ. Варшавской губ.
17. Надеждинъ Михаилъ, Костромской губ.
18. Рубинштейнъ Димитрій, Харьковской губ.
19. Сосновскій Николай, Орловской губ.
20. Князь Чавчавадзе Михаилъ, Тифлисской губ.
21. Юринэ Тенисъ, Лифляндской губ.

Нижеслѣдующіе удостоены званія Дѣйствительнаго Студента:

22. Александровъ Вячеславъ, Воронежской губ.
23. Аристовъ Александръ, Костромской губ.
24. Арычкинъ Александръ. Самарской губ.
25. Барановичъ Францискъ, Виленской губ.
26. Блезе Владиміръ, Московской губ.
27. Брудинскій Анатолій, Уфимской губ.
28. Бѣгичевъ Димитрій, Тульской губ.
29. Волковъ Сергѣй, Тамбовской губ.
30. Воронцовъ-Вельяминовъ Викторъ, Томбовской губ.
31. Вызго Іосифъ, Пермской губ.
32. Князь Гагаринъ Константинъ, Московской губ.
33. Голубцовъ Александръ, Вологодской губ.
34. Дорошукъ Ѳеодоръ, Волынской губ.
35. Каганъ Мендель, Могилевской губ.
36. Капканщиковъ Николай, Воронежской губ.
37. Кедровъ Вонифатій, Московской губ.

38. Киршфельдъ Густавъ, Лифляндской губ.
39. Клюковскій Иванъ, Ковенской губ.
40. Косыревъ Николай, Воронежской губ.
41. Куриловъ Леонидъ, Московской губ.
42. Лимбергъ Балдуинъ, Эстляндской губ.
43. Липинскій Иванъ, Кіевской губ.
44. Мамаевъ Михаилъ, Владимірской губ.
45. Монкевичъ Альбертъ, Курляндской губ.
46. Павловичъ Владиміръ, Каменской губ.
47. Панченко Владиміръ, Варшавской губ.
48. Петропавловскій Александръ, Тверской губ.
49. Подорога Димитрій, Херсонской губ.
50. Поповъ Александръ, Донской области.
51. Редеръ Абдонъ-Викторъ, Лифляндской губ.
52. Рязановъ Николай, Нижегородской губ.
53. Смирновъ Николай, Ковенской губ.
54. Страховъ Петръ, Московской губ.
55. Толстой Евгеній, Тамбовской губ.
56. Трунцевскій Михаилъ, Тамбовской губ.
57. Тюменцовъ Александръ, Туркестана.
58. Цирусъ Ѳеодоръ, Курляндской губ.
59. Чертовъ Иванъ, Орловской губ.
60. Чешковъ Петръ, Вятской губ.
61. Шалевичъ Ксаверій, Виленской губ.
62. Шемаевъ Иванъ, Оренбургской губ.
63. Шидловскій Александръ, области Войска Донскаго.
64. Шпигановичъ Александръ; Владимірской губ.
65. Штука Сергѣй, Кіевской губ.
66. Якуловъ Яковъ, Терской области.

Въ день лицейскаго акта—30 августа получены телеграммы:

Изъ Янушполя.—Сердечно привѣтствую Лицей въ день храмоваго праздника. Попечитель Павелъ Демидовъ.

Изъ Петербурга.—Вспоминая съ благодарностію о незабвенныхъ дняхъ лицейской службы, привѣтствую достоуважаемаго Сергѣя Михайловича, любезную хозяйку Лицея Анну Николаевну, дорогихъ коллегъ—сослуживцевъ и прошу передать поклонъ студентамъ. Берендтсъ.

Изъ Петербурга.—Поздравляю дорогой Лицей въ новогодіемъ, пускай живетъ вѣка разсадникомъ права и правды. Никоновъ.

Изъ Бѣлостока.—Душевно привѣтствую родной Лицей въ новую годовщину основанія. Константинъ Введенскій.

Изъ Вологды.—Привѣтствую дорогой Лицей въ день новой годовщины. Ѳеодоръ Поповъ и Карасовъ.

Изъ Венденъ.—Vivat, crescat, floreat возлюбленный Лицей. Александръ Блюмбергъ.

Изъ Голицина.—Поздравляемъ Лицей съ 29-ю годовщиною, желаемъ ему процвѣтанія, а питомцамъ плодотворной дѣятельности. Глаголевъ.

Изъ Городка.—Прошу передать дорогому Лицею сердечный привѣтъ благодарнаго питомца. Мировой Посредникъ Марковъ.

Изъ Гуся-Хрустальнаго.—Привѣтствую дорогой питомникъ правды и чести съ новой годовщиной. Телѣгинъ.

Изъ Делянска.—Привѣтствую дорогой Лицей, уважаемаго Директора, профессоровъ и студентовъ съ годичнымъ праздникомъ. Новиковъ.

Изъ Златоуста.—Поздравляю Васъ, глубокоуважаемый Сергѣй Михайловичъ, Инспектора, профессоровъ и студентовъ съ 30-ю годовщиною незабвеннаго Лицея. Благодарный питомецъ—интернъ Петропавловскій.

Изъ Кизиль-Арвата.—Въ день праздника съ далекой окраины шлю привѣтъ дорогому Лицею, съ которымъ всегда неразрывно связаны воспоминанія о счастливѣйшихъ дняхъ жизни. Отъ всей души желаю ему дальнѣйшаго процвѣтанія на многіе, многіе годы. Поздравляю съ праздникомъ незабвеннаго Сергѣя Михайловича, профессоровъ и студентовъ. Благодарный питомецъ, Мировой судья Николай Кузьминъ.

Изъ Кіева.—Два юриста Николая пьютъ на берегу Днѣпра, старый Кіевъ оглашая крикомъ радостнымъ: Ура! Ура, Лицей! Ура Шпилевскій! Бестужевъ-Рюминъ, Ковалевскій.

Изъ Кіева.—Мы празднуемъ Лицея день завѣтный на берегахъ могучаго Днѣпра, присутствуя сердцами незамѣтно на торжествѣ Разсадника добра. Кандидатъ Палатниковъ Юнкеръ Дорошукъ.

Изъ Ковно.—Разсаднику права и правды привѣтъ благодарнаго сердца. Калашниковъ.

Изъ Красноярска.—Призванный въ ряды арміи шлю прощальный привѣтъ Вашему Превосходительству, профессорамъ, студентамъ. Пью за дальнѣйшее процвѣтаніе Лицея, пью за вѣчность торжества правовыхъ идей. Прапорщикъ Красноярскаго полка, кандидатъ Лицея Григорій Патушинскій.

Изъ Кричева.—Многоуважаемый Сергѣй Михайловичъ! Сердечно привѣтствую Лицей. Кандидатъ правъ Свадковскій.

Изъ Можайска.—Отъ души привѣтствую дорогой Лицей, всѣми любимаго его Директора, профессоровъ и студентовъ

въ день нашего праздника. Мировой судья города Москвы Новицкій.

Изъ Малмыжа.—Поздравляю Директора, профессоровъ и студентовъ съ годовщиной дорогаго Лицея. Да процвѣтаетъ многіе годы разсадникъ права и законности. Податной инспекторъ Первухинъ.

Изъ Мологи.—Поздравляемъ Лицей съ праздникомъ, желаемъ ему дальнѣйшаго процвѣтанія. Судебный слѣдователь Ирановъ. Городской судья Боголюбскій.

Изъ Новозыбкова.—Поздравляю дорогой Лицей, профессоровъ и студентовъ съ годовщиной. Желаю процвѣтать ему многія лѣта. Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Дмитренко.

Изъ Одессы.—Привѣтствую Лийей съ новой годовщиной. Желаю дальнѣйшаго процвѣтанія дорогой Alma Mater. Благодарный питомецъ Скопинскій.

Изъ Пензы.—Вспоминая дорогой мнѣ Лицей, поздравляю всю его корпорацію съ торжественнымъ днемъ. Студентъ шестого выпуска, Членъ суда Орлинскій.

Изъ Петербурга.—Сергѣю Михаиловичу привѣтъ, Лицею много славныхъ лѣтъ. Бывшій Воспитанникъ Желябужскій, Фратица Чукашевъ.

Изъ Петербурга.—Поздравляю дорогой Лицей, пью за здоровье Директора, профессоровъ и студентовъ. Кандидатъ Сосновскій.

Изъ Поташа.—Привѣтствую незабвенный ыицей съ новой годовщиной. Мировой судья Ивакинъ.

Изъ Ревеля.—Дорогому Лицею привѣтъ въ день славной его годовщины. Виноградовъ.

Изъ Риги.—Въ день годовщины шлемъ дорогому Лицею сердечное поздравленіе, отъ души желаю ему процвѣтать многіе годы. Привѣтъ Директору, профессорамъ, товарищамъ и студентамъ. Виллертъ, Верцъ, Квасткальцъ, Лапотниковъ, Пасситъ, Петерсонъ, Рейнгаузенъ, Рубинштейнъ.

Изъ Р.-Борисоглѣбска.—Приношу глубокое поздравленіе съ тридцатилѣтнею годовщиною Лицея. Желаю процвѣтанія его на многіе годы. Дейша.

Изъ Сомина.—Привѣтствую съ годовщиной. Сердечно поздравляю дорогаго Сергѣя Михайловича, профессоровъ, студентовъ, Инспектора и Библіотекаря. Ильницкій.

Изъ Сапожка.—Привѣтъ дорогому Лицею благодарнаго питомца, помощника податного инспектора Суханина.

Изъ Сарапуля.—Слава Лицею, привѣтъ его питомцамъ, во всѣхъ концахъ Руси высоко и съ честью несущихъ его знамя. Феликсовъ.

Изъ села Семеновскаго.—Привѣтствую Лицей съ новой годовщиной. Желаю дальнѣйшаго процвѣтанія на пути науки, правды и свѣта. Ивановъ.

Изъ Славянска,—Поздравляю съ праздникомъ родной Лицей, шлю пожеланія его процвѣтанію. Присяжный повѣренный Байздренко.

Изъ Симскаго завода.—Привѣтствую Ваше Превосходительство, профессоровъ и студентовъ съ праздникомъ столь близкаго мнѣ Лицея. Юрисконсультъ Симскаго округа Николай Покровскій.

Изъ Тальсенъ.—Поздравляю дорогой Лицей съ тридцатой годовщиной реформы и новой просвѣтительной дѣятельности. Студентъ двадцать восьмаго выпуска Дамянскій.

Изъ Тарусы.—Привѣтствую дорогой Лицей съ годовщиной. Желаю питомцамъ его всегда хранить идеалы студенчества, вспоминая при случаѣ: „А все-таки вертится". Податной инспекторъ Стефановъ.

Изъ Томска.—Шлемъ въ Лицей свои поздравленія. Членъ суда Владиміръ Васильевичъ Ѳедоровъ. Василій Константиновичъ Вознесенскій.

Изъ Тотьмы.—Сердечно привѣтствую лицей съ новой годовщиной. Лавровъ.

Изъ Тюмени.—Шлю сердечный привѣтъ дорогому Лицею. Помощникъ податного инспектора Николай Королевъ.

Изъ Тулы.—Привѣтствую съ новой годовщиной дорогой Лицей. Шлю лучшія пожеланія. Колесовъ.

Изъ Череповца.—Шлю привѣтъ дорогому незабвенному Лицею. Старшій кандидатъ при Череповецкомъ судѣ Боголюбскій.

Изъ Чугуева.—Ко дню праздника дорогого Лицея шлю привѣтъ и самыя лучшія пожеланія. Баронъ Раденъ.

Изъ Яренска.—Поздравляемъ дорогой Лицей съ новой годовщиной, а Директора, профессоровъ и студентовъ съ праздникомъ. Петръ Болотовъ и Николай Преображенскій.

Въ 1900—1901 учебномъ году будутъ читать въ Лицеѣ:

1. Директоръ, заслуженный ординарный профессоръ, докторъ Государственнаго права, Тайный Совѣтникъ *С. М. Шпилевскій*—Исторію Русскаго права ва 1-мъ курсѣ—6 часовъ въ недѣлю.

2. Ординарный профессоръ, докторъ Государственнаго права, Статскій Совѣтникъ *В. Г. Щегловъ*—на 2-мъ курсѣ Государственное право—6 час. и на 1-мъ курсѣ Всеобщую исторію права—4 час.

3. Профессоръ Богословія, магистръ Богословія, протоіерей *Н. А. Тихвинскій*—Богословіе на 1-мъ курсѣ—3 ч.

4. И. д. экстраорд. проф., магистръ Церковнаго права *П. П. Соколовъ*—Церковное законовѣдѣніе на 3-мъ курсѣ по—4 часа.

5. И. д. экстраорд. проф., магистръ Римскаго права *В. А. Юшкевичъ* на 4-мъ курсѣ Гражданское право—4 часа и на 1-мъ курсѣ Институціи Римскаго права—3 час.

6. И. д. доцента, кандидатъ юридическихъ наукъ, Статскій совѣтникъ *М. А. Липинскій*—на 2-мъ курсѣ Исторію Русскаго права—3 часа и Гражданское Судопроизводство на 4-мъ курсѣ—4 часа.

7. И. д. доцента, кандидатъ юридическихъ наукъ *М. М. Катковъ*—Римское право на 2-мъ курсѣ—5 часовъ, на 3-мъ курсѣ—5 час. и на 4-мъ курсѣ практическія занятія—1 часъ.

8. Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ *А. Р. Свирщевскій*—на 2-мъ курсѣ Финансовое право и Политическую Экономію по—3 часа.

9. Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ *А. В. Шмидтъ*—Международное право на 3-мъ курсѣ—3 часа.

10. Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ, *И. Я. Гурляндъ*—на 4-мъ курсѣ Торговое право—3 часа и на 2-мъ курсѣ Административное право—3 часа.

11. Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ, *С. П. Никоновъ*—на 3-мъ курсѣ Гражданское право—4 часа и на 1-мъ курсѣ Исторію Римскаго права—3 часа.

12. Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ *Е. Д. Синицкій*—на 4-мъ курсѣ Уголовное судопроизводство—3 часа.

13. Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ *М. П. Чубинскій*—Уголовное право на 3-мъ курсѣ—2 ч. и на 4-мъ курсѣ—2 ч. и по 1 ч. практическія занятія 3-мъ и 4-мъ курсѣ.

14. Приватъ-доцентъ, кандидатъ юридическихъ наукъ *Н. П. Паліенко*—Энциклопедію права на 1-мъ курсѣ—3 ч.

же, можетъ быть, сейчасъ-же послѣ отдѣла, споровъ о землѣ. Въ противномъ случаѣ, стройщикъ долженъ былъ оставаться на мѣстѣ и дальше, чтобы, съ одной стороны, тутъже на мѣстѣ принудительно осуществить сдѣланныя имъ распоряженія, пока только осуществившіяся на бумагѣ, а, съ другой стороны, чтобы исполнить приговоръ по начатому спорному дѣлу. Впрочемъ, по общему порядку, стройщики обо всемъ сносились черезъ пославшую ихъ власть съ Москвой и ждали спеціальныхъ для каждаго случая наказовъ. Такъ, когда нижегородскій посадъ не далъ опредѣленнаго согласно росписи количества охотниковъ, стройщики снеслись съ Москвой, откуда получили наказъ: пославъ сколько понадобится стрѣльцовъ, пушкарей, затинщиковъ, разсыльщиковъ, выбрать изъ старостъ и цѣловальниковъ двухъ-трехъ средней статьи и заключить ихъ въ тюрьму на два дня, послѣ чего доправить на нихъ слѣдуемое число охотниковъ. Аналогичные-же случаи извѣстны и изъ исторіи устроенія ярославскихъ ямовъ. Если, наоборотъ, населенію удавалось раньше снестись съ Москвой и добиться рѣшенія въ свою пользу, стройщики должны были принять нужныя мѣры къ отмѣнѣ своихъ прежнихъ распоряженій. Когда возникалъ какой-нибудь споръ рѣшеніе исходило опять таки изъ Москвы, а стройщикъ только приводилъ его въ исполненіе. Напримѣръ, доправлялъ на виновной сторонѣ убытки, размежевывалъ земли согласно приговору и т. д. Такимъ образомъ, стройщикъ, пока онъ былъ при данномъ порученіи, являлся представителемъ исполнительной власти и, быть можетъ, не только по дѣламъ, возникшимъ изъ ямского строенья, а и по другимъ, случавшимся въ то время, когда онъ былъ въ уѣздѣ.

Устроивъ слободу, стройщикъ наблюдалъ и за тѣмъ, чтобы охотники выбрали старосту (если слобода была большая, то и десятскихъ), а также устраивалъ въ слободѣ и ямского приказчика. При стройщикѣ-же, вѣроятно, происходила и разверстка отведенныхъ земель между самими охотниками. На этомъ его обязанности, кажется, и кончались.

По общему правилу въ охотники должны были выбираться люди зажиточные, семьянистые, лучшіе крестьяне. Правительство старательно напоминало объ этомъ. Тутъ

сказывалось стремленіе правительства бороться съ тѣмъ явленіемъ, что ямы, въ случаѣ неудачнаго набора охотниковъ, быстро пустѣли. Наново устроенный въ 1598 г. сухловскій ямъ, напримѣръ, уже совсѣмъ схудалъ въ 1611 г., охотники были безъ лошадей, весь охотничій снарядъ былъ въ износѣ и гнать гоньбу было имъ уже не подъ силу. Цѣлый рядъ ямовъ по псковской дорогѣ, обновленный въ 1574 г., въ 1580 г. требовалъ уже новаго устроя, въ виду полнаго охуданія охотниковъ. Такихъ примѣровъ можно привести не мало. [1]) Наблюдать за тѣмъ, чтобы выбранные были людьми, которымъ впредь можно и легко было бы гонять гоньбу, долженъ былъ стройщикъ. Когда охотники собирались въ переустроенной или вновь устроенной слободѣ, онъ долженъ былъ пересмотрѣть ихъ и весь ихъ гонебный снарядъ на лицо. Ему-же, какъ уже было сказано, давались выборныя записи, такъ что, вѣроятно, отъ него и зависѣло утвердить или не утвердить эти выборы. По общему правилу, охотникъ долженъ былъ имѣть 3 гонебныхъ мерина. Эту норму мы встрѣчаемъ чаще всего [2]). Но она не была исключительной: на псковскомъ яму въ теченіи, кажется, всего времени отъ 1570—1626 г. каждый охотникъ долженъ былъ имѣть только по 2 мерина. [3]) На ямахъ по псковской дорогѣ по устрою 1574 г. у каждаго охотника было по 5 мериновъ. При устроеніи котельницкой и алексѣевской слободъ въ 1586 г. предполагалось вначалѣ установить норму въ 4 мерина на охотника. [4]) Кромѣ лошадей охотникъ долженъ былъ имѣть сани, телегу, сѣдла, сбрую. Если ямъ находился на рѣкѣ—и судовый снарядъ. [5])

По общему-же правилу предпочиталось брать на ямы такихъ людей, которые или уже были въ охотникахъ, или принадлежали къ охотничьей семьѣ, другими словами, людей, которымъ гоньба была бы за обычай. [6]) Но, конечно, исполняться такое правило могло только отчасти. Если ямъ устраивался вновѣ, то нерѣдко для перваго завода пере-

---

[1]) Q. IV, 262, л. 31 и сл., Q. IV, 261, л. 126—129.
[2]) А. Ю. 192, 294, 1 и 2, 278, Q. IV, 262 passim, 264 pas.
[3]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г.
[4]) Q. IV, 261, л. 1, Q. IV, 263, л. 5 и сл.
[5]) Напр. А. Ю. 192, 278.
[6]) Q. IV, 261, passim.

водили на него охотниковъ изъ ближайшей или съ какой было удобно слободы; другую же часть комплекта приходилось, вѣроятно, выбирать изъ людей въ ямскомъ дѣлѣ не свѣдущихъ. Если возобновлялся какой-нибудь ямъ, то прежде всего сыскивали старыхъ охотниковъ, но пополняли комплектъ по необходимости людьми, впервые попадавшими на ямъ. Если на яму приходилось замѣщать отдѣльныхъ охотниковъ, охудавшихъ, сбѣжавшихъ, умершихъ, то выбирались, вѣроятно, чаще всего дѣти и родственники кого-либо изъ охотниковъ. Прямыхъ указаній на это для разсматриваемаго періода мы не нашли, но, какъ уже было сказано, судя по поручнымъ, слобода имѣла извѣстное вліяніе на выборъ охотника: этому-же должно было соотвѣтствовать и желаніе правительства имѣть на яму людей, привычныхъ къ дѣлу. Въ единственномъ случаѣ устроенія ямовъ путемъ прибора, какой мы для даннаго періода знаемъ, а именно— при устроеніи котельницкой и алексѣевской слободъ, на ямъ, по наказу, были прибраны, главнымъ образомъ, такіе охочіе люди, которые или сами были охотниками, или отцы или братья ихъ гоняли гоньбу [1]).

Это стремленіе правительства сдѣлать изъ случайнаго занятія переходящую изъ рода въ родъ профессію, въ концѣ концовъ, какъ увидимъ дальше, увѣнчалось успѣхомъ и соотвѣтственно измѣнило отдѣльныя черты ямского строя. Но случилось это, если не повсемѣстно, то въ большей части мѣстъ лишь въ концѣ 20 годовъ 17 вѣка. До конца 16 вѣка быть ямскимъ охотникомъ не могло представлять серьезныхъ выгодъ, по крайней мѣрѣ, такихъ, благодаря которымъ составъ ямскихъ слободъ дѣлался бы болѣе или менѣе устойчивымъ. Населеніе, обязанное поставить охотника, срывало съ земли крестьянина, предоставляя ему взамѣнъ извѣстныя средства на первое обзаведеніе на новомъ мѣстѣ. Эти средства, вѣроятно, были наиболѣе дѣятельной причиной, почему все таки находились лица, шедшія въ охотники. Но такъ какъ вся дальнѣйшая жизнь охотника въ слободѣ сводилась къ тому, что средства онъ получалъ отъ населенія, а опредѣленіе своего положенія—отъ воеводъ и приказныхъ людей, то естественно происходило слѣдующее: насе-

---

[1]) Q IV, 263, л. 9—11.

леніе должно было уклоняться отъ исправнаго выполненія своихъ обязанностей, воеводы же и приказные, постоянно нуждаясь въ подводахъ, и, вѣроятно, въ большемъ даже количествѣ, чѣмъ могли выставить охотники, должны были нерѣдко прибѣгать къ суровымъ мѣрамъ. И это, если даже не принимать во вниманіе злоупотребленій явленія для того времени безусловно зауряднаго. Охотники получали еще землю, но, очевидно, что и это мало помогало дѣлу. Земля въ ихъ рукахъ не могла давать всего, что она могла бы дать въ рукахъ землепашца, такъ какъ гоньба невольно отбивала отъ земли. Наконецъ, населеніе, въ виду того-же стремленія всячески облегчить себѣ тяжесть повинности, едва-ли, дѣйствительно, выбирало людей крѣпкихъ и исправныхъ. Такимъ пришлось бы дороже платить да къ тому-же община теряла бы выносливаго тяглеца. Говоря короче: охотникъ вступалъ въ слободу, какъ наемный работникъ за населеніе, но служилъ онъ не населенію, а правительству. Населеніе естественно должно было стремиться уйти отъ какой-либо связи съ своимъ охотникомъ, а охотникъ, понуждаемый къ службѣ, въ этой только связи и видѣлъ возможность нести службу исправно. Слѣдовательно, весь строй держался при такой комбинаціи отношеній на принужденіи. Неудивительно поэтому, что источники достаточно часто разсказываютъ намъ о случаяхъ запустѣнія ямовъ не только въ силу какихъ-либо внѣшнихъ обстоятельствъ—войны, раззоренія, повѣтрія а въ силу нежеланія самихъ охотниковъ оставаться на яму Одни уходили съ яма, предпочитая жить за кѣмъ-нибудь въ уѣздѣ. другіе пропадали безвѣстно гдѣ, третьи скитались межъ посадскихъ дворовъ, четвертые, какъ только истекалъ срокъ порядной, просились па старину [1]). На нѣкоторыхъ мѣстахъ ямскіе охотники и вовсе не приживались. Такъ, напримѣръ, череповскій ямъ, который до 1598 г нѣсколько разъ возобновлялся, въ этомъ году, когда пріѣхали писцы описывать его, оказался не только запустѣвшимъ, но и отданнымъ двумъ можанчамъ въ помѣстье за пусто. Судя по одному дѣлу отъ 1617 г. плохо приживались охотники и на тверскомъ яму: еще до раззоренія, не-

[1]) Много примѣровъ можно найти въ А. М. Ю. Переп. кн. ямск. сл. 265 и въ устройн. новгородск. кн.

смотря на частые устрои, охотники постоянно брели розно [1]). Едва-ли слѣдуетъ признать за всѣми этими фактами значеніе лишь исключительныхъ явленій. Если-бы состоять охотникомъ было выгодно, не было бы надобности въ этихъ частыхъ переустрояхъ ямовъ. Мы наблюдали бы также стремленіе со стороны охотниковъ удерживать въ слободахъ своихъ взрослыхъ сыновей. Между тѣмъ еще въ началѣ 17 вѣка сплошь и рядомъ встрѣчаемъ показанія ямскихъ старостъ при допросахъ писцовъ, что дѣти ямщиковъ не живутъ въ слободахъ и уходятъ въ разныя мѣста по наймамъ: одинъ, напримѣръ, живетъ въ Москвѣ, въ медовомъ ряду, у торговаго человѣка уже 6 лѣтъ, другой—въ патріаршей слободѣ, кто за бояриномъ въ колымажныхъ мастерахъ, кто въ Нижнемъ-Новгородѣ на посадѣ и т. д. [2]) Въ то-же время мы наблюдаемъ и слѣдующее явленіе: охотникъ, переселяясь на слободу, по общему правилу, долженъ былъ переводить туда всю семью со всѣми животами, между тѣмъ, напримѣръ, при переписи охотниковъ пневской слободы въ 1601 г. обнаружилось, что у большей части охотниковъ нѣтъ въ слободѣ ни коровъ, ни овецъ, ни свиней, такъ какъ все это оставлено ими на старинѣ, т. е. въ томъ мѣстѣ, откуда они вышли на ямъ [3]). Случайное-ли это обстоятельство, объясняющееся какими-либо мѣстными условіями, или часто повторявшееся—разъяснить не удалось. Но весьма вѣроятно, что тутъ сказывались общія условія. Охотникъ шелъ въ слободу, руководствуясь различными соображеніями, но связи съ роднымъ мѣстомъ не порывалъ, не разсчитывая сдѣлать изъ гоньбы постоянную профессію, понимая, что дѣло, за которое онъ взялся, вѣроятно, будетъ только случайнымъ его занятіемъ.

Трудно сказать, насколько правительство сознавало причины такого явленія, которое само по себѣ, очевидно, не могло соотвѣтствовать его цѣлямъ. Насколько правительство озабочивалось тѣмъ, что гоньба поминутно урывалась, видно уже изъ этого частаго переустроя слободъ, изъ предписаній отставлять охудавшихъ охотниковъ и доправлять на ихъ мѣсто новыхъ, а также изъ предписаній сыскивать

[1]) Арх. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 6. № 5, 1617 г.
[2]) Напр. А. М. Ю. переп. кн. ямск. сл. 265, л. 26 -43.
[3]) Q. IV, 264, л. 227 и сл.

бѣглыхъ охотниковъ и, въ случаѣ неуспѣха, требовать на поручившихся новыхъ. То-же значеніе мы должны признать и за постоянными напоминаніями воеводамъ и приказнымъ людямъ беречь охотниковъ и не урывать гоньбы. Но могло-ли правительство устранить главную причину зла, если бы даже понимало ее? Едва-ли Упрочить гоньбу можно было только путемъ установленія такого положенія охотника въ слободѣ, при которомъ охотникъ смотрѣлъ-бы на свое занятіе, подобно тому какъ смотрѣло на него и правительство—т. е. какъ на службу. Но для этого прежде всего надлежало бы, какъ это мы увидимъ на примѣрѣ 17 вѣка, перевести охотниковъ на жалованье. Послѣднее-же потребовало-бы ломки всей финансовой системы, что или не соотвѣтствовало времени или не вызывало вниманія.

Мы можемъ, однако, установить одно: правительство опредѣленно стремилось къ тому, чтобы ямскіе охотники приживались въ слободахъ. Такъ, какъ увидимъ дальше, правительство всѣми мѣрами пыталось создать изъ каждой ямской слободы отдѣльную ямскую общину, выработало для слободъ особое право ямскихъ слободъ.

Въ чемъ состояли обязанности охотника, достаточно опредѣляется порядными, выборными и поручными: охотникъ —добрый, семьянистый, статочный, прожиточный крестьянинъ, имѣющій установленное количество гонебныхъ мериновъ, долженъ былъ переселяться въ слободу съ женой, дѣтьми и со всѣми своими животы, долженъ былъ тамъ поставить свой дворъ и со своей выти денно и нощно, когда потребуется, гонять гоньбу, государевыхъ пословъ и посланниковъ и гонцовъ встрѣчать и провожать, зимнимъ и лѣтнимъ путемъ на подводахъ и саняхъ, а водянымъ путемъ на судахъ, держа суды, кормщиковъ и гребцовъ, а также сѣдла и всякій снарядъ, нужный для гоньбы [1]). Переселяясь на слободу, пока онъ ставилъ свой дворъ, онъ обыкновенно селился либо въ пустомъ дворѣ, если такой былъ на слободѣ, либо на бобыльскомъ дворѣ (ямскіе бобыли, какъ увидимъ дальше, селились обыкновенно въ пустыхъ охотничьихъ дворахъ), либо въ чьемъ либо охотничьемъ дворѣ. Распредѣлялъ по дворамъ стройщикъ; слѣдовательно, со-

---

[1]) Напр. А. Ю. 192,278, 284 и др.

гласіе жившаго во дворѣ охотника могло и не требоваться. Довольно полную картину того, какъ разселялись въ слободахъ новые охотники, даютъ слѣдующія выписки изъ одной изъ новгородскихъ устройныхъ книгъ. При устроеніи дубровенской (по псковской дорогѣ) ямской слободы въ 1574 г. новые охотники были разселены такъ: „Да на тойже на подолской землѣ дворцы бобыльскіе на погостѣ: дворецъ на говядинскомъ участкѣ, а нынѣ въ немъ живетъ охотникъ Ѳилатъ Есиповъ сынъ, да на томъже говядинскомъ участкѣ дворецъ бобыльскій въ томъ-же рятку, а нынѣ данъ новому охотнику Ивану Захарову. Да въ томъ-же рятку на Степановскомъ участкѣ Старостинскомъ два дворца бобыльскіе; одинъ дворецъ данъ новому охотнику Гришѣ Мѣнохову, а въ другомъ дворцѣ живетъ бобыль Иванко Котовъ на двухъ долехъ, а на третей того-жъ дворца бобыль Гаврилка Губанъ. Да въ томъ-же рятку на Истоминскомъ участкѣ Степанова дворецъ, а на немъ двѣ избы перегорожены. На дву долехъ охотникъ Третьякъ Никоновъ, а нынѣ тотъ дворъ данъ новому охотнику Мити Лаврентьеву сыну Кузнецу, новому охотнику; а на другой половинѣ живетъ на трети живетъ того дворца Первуша Ивановъ бобыль. А Данилку Васильеву сыну новому охотнику жити въ Правденскомъ дворѣ на Карповѣ участкѣ, доколева свои дворъ сделаетъ. А Третьяку Никонову жити доколева избу свою поставетъ въ рятку на Карпови участке въ бобыльскомъ рятку у бобыля у Вустина у Петрова сына. Да въ ямской-же слободѣ... на слободчиковой землѣ дворецъ бобыльской, а нынѣ живетъ въ томъ дворѣ охотникъ Карпъ Прокофьевъ сынъ доколева свой дворъ сделаетъ, жити ему до тѣхъ мѣстъ“ [1]).

Ямская слобода въ ея цѣломъ представляла изъ себя искуственно созданную общину. Эта община состояла изъ опредѣленнаго числа служебныхъ и хозяйственныхъ единицъ, называвшихся вытями, паями. [2]) Сколько было служебныхъ единицъ, столько въ принципѣ признавалось и единицъ хозяйственныхъ, такъ какъ охотникъ хозяйство-

---

[1]) Q. IV, 260, л. 431—435.

[2]) Миклашевскій, Къ ист. хоз. быта, стр. 90, приравниваетъ ямскую выть ко двору. Такому приравненію мы не могли найти твердыхъ основаній.

валъ на слободѣ только потому, что съ своего хозяйства несъ службу. На практикѣ, однако, этотъ принципъ удержаться во всей его строгости, конечно, не могъ. Слобода,— хотя можно сказать, что почти до 20-хъ годовъ 17 вѣка слободская жизнь налаживалась съ большимъ трудомъ, приходя въ разстройство отъ каждой случайности,—все-таки должна была жить своей естественной жизнью, а послѣдняя разросталась за предѣлы, отмежеванные ей администраціей. По общему правилу, выть равнялась тому количеству гонебныхъ мериновъ и охотничьяго снаряда, которое было назначено въ данной слободѣ. Такъ какъ не у всякаго охотника былъ весь снарядъ полностью, то иногда на одной выти сидѣли по двое или трое. Мы знаемъ случаи еще болѣе дробныхъ дѣленій—охотникъ гонялъ съ $^1/_{12}$ выти. [1]) Правда, этотъ случай нѣсколько исключителенъ: бѣлавинскіе ямщики, живя въ муромской слободѣ, и гоняя тамъ гоньбу съ цѣлой выти или съ части ея, гоняли еще съ дробной доли выти и съ бѣлавинскаго яма. Трое на выти весьма частое явленіе, четверо на выти также не рѣдкость. Все, однако, заставляетъ думать, что стройщики едва-ли допускали охотно болѣе двухъ человѣкъ на выть. По крайней мѣрѣ, въ устройныхъ книгахъ, гдѣ передъ нами развертывается картина слободы въ ея болѣе отвлеченномъ видѣ, въ томъ официальномъ, въ какомъ жизнь слободы совпадала съ намѣреніями и принципами правительства, болѣе двухъ охотниковъ на выти мы не встрѣчали. Въ переписныхъ-же книгахъ, гдѣ жизнь слободы представляется въ одинъ изъ моментовъ ея естественнаго развитія, дробныя дѣленія очень часты. Иногда на выти сидѣлъ одинъ охотникъ, но ему подмогали двое или одинъ или трое Такіе не назывались охотниками

Весь земельный надѣлъ, не исключая и дворовыхъ мѣстъ, прирѣзываемый къ яму, получала слобода въ ея цѣломъ, слобода какъ таковая, а не какъ совокупность данныхъ охотниковъ. Правда, мы постоянно читаемъ въ актахъ, что подъдворовыя мѣста отведено каждому охотнику столько-то а пашни столько-то, но охотникъ въ этомъ-же актѣ является лишь представителемъ пая въ данный моментъ Перемѣнится охот-

[1]) А. М. Ю. кн. переп. № 265, л. 188.

никъ, явится другой,—онъ сядетъ на этотъ пай, можетъ быть, даже и на другой участокъ такъ какъ, если, напримѣръ, много охотниковъ перемѣнится сразу, то возможно, что произойдетъ новая разверстка земель, и прежній участокъ, распредѣлится между различными паями. Садясь на извѣстный участокъ, охотникъ получалъ лишь право пользоваться имъ, пока несетъ службу. Если онъ охудаетъ, онъ отдается по той-же верстальной росписке, по какой былъ избранъ, вмѣстѣ съ женой, дѣтьми и всякими животы, назадъ въ сохи. [1]) Если онъ умираетъ, его участкомъ владѣютъ охотники. [2]) Возможно, что въ его дворѣ останется жить отецъ, братъ или сынъ, но если они не охотники, то останутся лишь на особомъ условіи со слободой. Напримѣръ, вдова съ сыновьями остались послѣ охотника на его пашнѣ, но гоньбы не гоняли и за пашню платили оброкъ. [3]) Если отставленный ямской охотникъ оставался почему-либо въ слободѣ, онъ, если и пашетъ землю, то лишь платя въ слободу оброкъ. [4]) Приходя на слободу, охотникъ на отведенномъ ему дворовомъ мѣстѣ ставилъ домъ; хотя этотъ домъ охотникъ ставилъ на счетъ избравшихъ его или (въ рѣдкихъ, видимо, случаяхъ) на счетъ казны, но онъ считался собственникомъ этого дома. Такъ, въ жалованной грамотѣ касимовской слободѣ 1567 г читаемъ: „а выметъ кто у кого слобожанина корчму опричь приказщика и старостъ и на томъ приказщикѣ и старостахъ взяти заповѣди на меня, царя и великаго князя, по пяти рублевъ денегъ, а того слобожанина казнити торговою казнію бить кнутомъ, да его изъ слободы выслать вонъ, а дворъ и животы описать на меня, царя и великаго князя". [5]) Если бы дворъ не почитался личной собственностью, онъ не приравнивался бы къ животамъ. Но и этотъ принципъ зналъ извѣстныя ограниченія. Это

---

[1]) Q. IV, 262 л. 37 38 и passim. Характеренъ такой фактъ: одинъ охотникъ ржевскаго яма бѣжалъ изъ слободы съ женой, дѣтьми и всякими животы; но былъ пойманъ; однако, его отставили отъ гоньбы, такъ какъ оказалось, что онъ продалъ двухъ своихъ гонебныхъ мериновъ. А. М. Ю. кн. переп 265, л. 364.

[2]) А. М. Ю. кн. переп. 265, л. 189 и сл.

[3]) А. М. Ю. кн пер. 265, л. 339.

[4]) А. М. Ю. кн. пер. 265, л. 260 и сл.

[5]) Вельяминъ-Зерновъ, Изслѣд. о касим. цар. и царев. т. I, стр. 479.

видно уже изъ приведенныхъ выше данныхъ, гдѣ описывалось, какъ происходило разселеніе по дворамъ новыхъ охотниковъ. Дворами въ этомъ случаѣ распоряжаются, сообразно встрѣтившейся надобности. Дворовое мѣсто охотника, по общему правилу, какъ и его пашня, принадлежало слободѣ. Извѣстенъ, напримѣръ, слѣдующій фактъ: охотникъ ржевской слободы умеръ, послѣ него остались во дворѣ жена и дѣти, но она вышла замужъ за ржевскаго посадскаго приходца, который сталъ на мѣсто ея умершаго мужа, охотникомъ; дворовое мѣсто, а равно и дворъ перваго мужа, такимъ образомъ, остались за ней. Но что дворовое мѣсто осталось за ней только такимъ образомъ, видно изъ того, что, напримѣръ, въ костромской слободѣ, когда умеръ охотникъ, а жена его съ дѣтьми сошла на посадъ, дворовое мѣсто осталось за слободой. [1]) Такихъ примѣровъ можно было бы привести не мало.

Какъ уже было сказано, разверстка между охотниками земель, отведенныхъ къ яму, происходила еще обыкновенно въ присутствіи стройщика. Стройщикъ могъ самъ разверстать охотниковъ, но иногда охотники разверстывались полюбовно между собой безъ помощи стройщика, иногда при его нѣкоторомъ участіи. Весьма цѣнный для разъясненія этого вопроса матерьялъ заключается въ раздѣльныхъ книгахъ алексѣевской и котельницкой слободъ 1587—1589 г.г. По окончаніи земельнаго отдѣла охотники заявили стройщику желаніе, чтобы онъ расписалъ ихъ землю на 5 вытей по 10 охотниковъ (т. е. охотничьихъ вытей) въ каждой. Въ предѣлахъ этой большой выти—десятни они рѣшили раздѣлиться между собой полюбовно. Стройщикъ расписалъ котельницкой слободы 39 обежъ по 8 безъ $^{1}/_{4}$ обежъ на выть, а $^{1}/_{4}$ обжи записалъ всѣмъ сообща. По распоряженію стройщика ямской дьячекъ писалъ этому верстанью роспись, по соглашеніи съ которой охотники межъ себя любовно приговорили: „что намъ досталось всей земли на нашъ десятокъ изъ пятидесяти человѣкъ въ старой и новой земли и намъ тое земли владѣти межъ себя, послѣ сего дѣля не передѣливати и владѣти землею по сему излюбленному верстанью кому што въ семъ верстаньи досталось. А хто у насъ въ

[1]) А. М. Ю. кн. пер. 265, л. 273—284, л. 363.

нашей десятнѣ изъ насъ изъ десятниковъ о земли новый дѣлъ счинати и сей нашъ излюбленный дѣлъ и росписные книги учнетъ роздирати и переделивати изнова и намъ на томъ стояти за одинъ и взяти на немъ заповѣди во всю десятню пять рублевъ, московская". Такъ какъ, однако, еще до этого раздѣла отдѣльные охотники на своихъ участкахъ кто запахалъ, а кто и засѣялъ, то видимъ включеннымъ еще и слѣдующее имѣвшее лишь временный характеръ условіе: „а у котораго у насъ охотника сѣяна рожь къ 97 году въ одномъ полѣ въ старомъ нашемъ земляномъ верстаньи и тому охотнику тою ржею владѣти одному хто сѣялъ. А на которой земли у насъ въ нашей десятнѣ сѣяна рожь къ 97 году въ дву полехъ или во всехъ въ трехъ полехъ и изъ тѣхъ двухъ поль взяти изо ржи тому охотнику, которому досталось въ нынешнимъ новомъ дѣля по сему излюбленному верстанью четвертый снопъ". [1]) На каждую десятню пришлось по ровному количеству всякихъ угодій и доходовъ. Гораздо труднѣе было раздѣлить долю десятни въ предѣлахъ самой десятни, такъ какъ нѣкоторые виды угодій не поддавались мелкому дробленію; приходилось уравновѣшивать недодачу уступками другъ другу частей, жеребьевъ, изъ другихъ видовъ угодій. Каждая десятня въ свою очередь дѣлила доставшуюся на ея долю землю на пять вытей, по двѣ охотничьихъ выти въ каждой. Дѣлили, напримѣръ, слѣдующимъ образомъ: „Лѣта 7097 июня въ 10 день охотники Жданова десятка Кирилова въ своемъ десятки межъ собя полюбовно разделили государево жаловане пашенную и около-городную землю. Ждану Кирилову да Онуфрею Иванову на ихъ две выти досталось дер. въ Кажове обжа земли пуста что была та земля за ними-жъ да дер. въ Нен... обжа земли да на Софѣйской сторонѣ что достанется на нашъ десятокъ пятая выть земли. И изъ той земли дати четвертой жеребей земли Максиму Кузнецу, а за тѣмъ за четвертымъ жеребьемъ что останеца земли та земля положити на шесть жеребьевъ. И изъ той земли дати шестой жеребей Петели да Сенки, а досталь той земли взяти Ждану да Онушку. Петелки Кондратьеву да Сенки Офанасову досталось на ихъ две выти

---

[1]) Q. IV, 264, л. 65, 71, 81.

дер. въ Кажове обжа да дер. в Нен. . полъобжы, да дер. Мякининская полобжы да отписная обжа безъ четверти. Да на Софѣйской сторонѣ что достанется на нашъ десятокъ Ждану да Онушку и изъ той земли взяти Петели да Сенки шестой жеребій. Истомѣ Карпову да Ивану Кунавину на ихъ двѣ выти досталось въ пустоши въ Моторове обжа земли да на Сокалницѣ пятая выть во всей Сокални да дер. въ острову что на Волхове половина острова что была та земля за Истомой". Въ заключеніе читаемъ приговоръ: „да приговорили межъ собя полюбовно всѣ десять человѣкъ у котораго охотника где сеяна рожь къ 97-му году и въ 97 году сѣяна ярь и по тому хлѣбу и сѣно тому охотнику на той землѣ косить а рожю и ярю владѣти тому охотнику кто сеялъ или отдавалъ. А пареннины поля намъ ко ржаному сѣву другъ другу очистити. А что въ деревне на Шолохове да въ деревне на Ожогове сѣяно у крестьянъ ржи къ 97 году и на Софѣйское стороне что сѣяно ржи къ 97 году на нашемъ жеребею и та рожь намъ снопъ делити на все десять человѣкъ повытно а изъ ярового хлѣба взяти снопъ Тимошки Ѳедорову одному". Кто нарушитъ этотъ полюбовный приговоръ, долженъ былъ платить заповѣдь въ пять рублей московскихъ. Вотъ другой приговоръ, объясняющій, какъ дѣлились оброчныя статьи: „Да приговорили мы межъ собя полюбовно всѣ десять человекъ: у которова охотника гдѣ сѣяна рожь къ 97 году и въ 97 году сѣяна ярь и по тому хлѣбу и сѣно тому охотнику на тоей земли косити. А рожю и ярю владѣти тому охотнику хто сѣялъ или отдавалъ. А паренные поля намъ ко ржаному сѣву другъ другу очистити. А что взято на Софѣйской сторонѣ съ окологородные земли оброчныхъ денегъ на нынешній 97 годъ и той оброкъ разделенъ въ нашемъ десятке на шесть человекъ, а тѣ деньги собрати съ нихъ назадъ на тѣхъ-же охотникахъ на шти человѣкахъ во всѣ десять человекъ да что возмеца съ половины съ рогатицкой заполья доходу на 97 г. и тѣмъ доходамъ и оброчными деньгами что взяты съ окологородные земли на Софѣйской сторонѣ поверстати товарищевъ своихъ Поспѣла да Гаврила за яровой хлѣбъ и за рожь на 97 годъ за шолоховскую полобжы. А чего недостанетъ ихъ поверстати и намъ въ ту поверстку собрати со всѣхъ десяти человекъ и тѣмъ двy запольямъ. А что останеца отъ тѣхъ двy заполей

тѣхъ денегъ и доходу, и тѣ деньги и доходъ остатки разделить на тѣ десять человекъ по вытно". [1])

Если послѣ такого верстанья какой-либо охотникъ находилъ для себя выгоднымъ доставшимся ему участкомъ обмѣняться съ другимъ охотникомъ, то мѣна совершалась передъ приказчикомъ, какъ передъ судьей. Одинъ изъ мѣнявшихся подавалъ приказчику челобитную, становился передъ нимъ съ очей на очи съ своимъ контрагентомъ и совершалъ обмѣнъ. Обмѣнъ точно записывался въ книги. Приговоръ произносился по справкѣ въ росписныхъ (дѣльныхъ, дѣловыхъ книгахъ) въ присутствіи нѣсколькихъ охотниковъ-свидѣтелей, сидѣвшихъ у росписки. Вотъ примѣръ такого приговора: „И 99 г. Сентября 17 ставъ передъ прикащикомъ передъ Собиномъ Ярлыковымъ Өедоръ Михайловъ сынъ Язво и въ сына своево въ Махрово мѣсто сказалъ, что господине за мною съ сыномъ государева жалованья въ дер. въ Неп... обжа земли и изъ той, господине, обжи сступился язъ полюбовно охотникомъ Өедору да Игнатею четверть обжы земли. А Өедоръ да Игнатей Микитинъ ставъ ту тожъ съ очей на очи съ Язвомъ передъ прикащикомъ сказали мы господине изъ той Язва съ сыномъ изъ Неп... обжы земли полюбовно четверть обжы земли взяли. А противъ той ево четверти обжи земли сступился ему своей пустоши Чертошской четвертью обжи земли. И впередъ намъ владѣти землею по сей нашей полюбовной сказкѣ и по семъ росписнымъ книгамъ". [2]) Изъ тѣхъ-же книгъ мы узнаемъ, что при новомъ устроеніи Котельницкой и Алексѣевской слободъ въ 1599 и 1600 г.г. былъ новый раздѣлъ земель, которому были составлены новыя дѣловыя книги. Трудно поручиться, что одинаковыя имена, встрѣчающіяся въ обѣихъ книгахъ, принадлежатъ тѣмъ-же лицамъ, но нѣкоторыя изъ нихъ, видимо, дѣйствительно, принадлежали охотникамъ, бывшимъ въ слободахъ еще при раздѣлѣ земель 1589 г. При новомъ раздѣлѣ они получали и новые участки, въ зависимости отъ того, въ какую входили десятню.

Возможно, что такой порядокъ, т. е. разверстка земель

---

[1]) Q. IV, 264, л. 90, 99 и др.

[2]) Q. IV, 264, л. 105 об., 106. Интересно сравнить съ А. И., I, 245, 1 и 2, гдѣ челобитная софійскихъ дѣтей боярскихъ объ обмѣнѣ подается митрополичьему суду.

между охотниками по вытямъ былъ типичнымъ распорядкомъ. Доказать это, за отсутствіемъ другихъ данныхъ, мы не беремся. Несомнѣнно, однако, что существовалъ и другой порядокъ. Такъ, охотники псковской и загорской слободъ, начиная съ 1560 г. и до 1609 г. и позже землей, крестьянами, бобылями и всякими угодьями владѣли сообща безъ раздѣла и только доходы всякіе, получая сообща, дѣлили межъ себя. Въ дѣлѣ также читаемъ: „а сколько съ которые деревни и съ пустоши какова хлѣба и доходу было и тому у нихъ книгъ не бывало, дѣлили-жъ хлѣбъ на гумнахъ". [1]) Мы объясняемъ такую разницу въ порядкѣ тѣмъ, что псковскіе охотники не вели, видимо, своего хозяйства, сдавая всю землю крестьянамъ и бобылямъ. По крайней мѣрѣ, тамъ еще въ 1626 г. деревенскій хлѣбный доходъ (перечисляя свои доходы, охотники, кромѣ деревенскаго дохода и подможныхъ денегъ, ни о какихъ другихъ доходахъ не упоминаютъ) исчислялся ими количествомъ хлѣба и сѣна, получавшихся съ ямскихъ крестьянъ: „А брали они четыре рубля на человѣка и изо ржи и яри у ямскихъ крестьянъ третій снопъ и изъ сена третью копну". Сами охотники, какъ видно изъ того-же дѣла, большею частью жили на посадѣ. Охотники-же котельницкой и алексѣевской слободъ сами пахали пашню, что видно уже и изъ сдѣланныхъ выше выписокъ, а также и изъ того, что, кромѣ отведенной имъ земли, они пахали и на сверхокладной землѣ, съ каковой пашни давали на Государя выдѣльный хлѣбъ. [2]) Сплошь и рядомъ встрѣчаемъ указанія, какъ для разсматриваемаго, такъ и для последующаго періода, что тотъ или иной участокъ, то или иное угодье находилось у охотниковъ въ нераздѣльномъ владѣніи. Одновременно нерѣдки указанія, что такой-то пашетъ свою выть пашни одинъ, а другой—съ братомъ или съ другимъ охотникомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не обратить вниманія еще и на слѣдующее обстоятельство: земельныя владѣнія слободъ слагались путемъ историческимъ; частое переустройство слободъ, вызывавшееся то быстрымъ ихъ запустѣніемъ, то проложеніемъ новой дороги, то необходимостью разрѣшить какой-либо споръ о землѣ между

---

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г.

[2]) Q. IV, 264, кн. выдѣльн. хлѣба съ л. 351.

охотниками и уѣздными или посадскими людьми дѣлало то, что одни земельные участки отнимались отъ ямовъ, другіе придавались къ нимъ, третьи обмѣнивались на другіе; одновременно закрывались одни ямы, а земли этихъ ямовъ придавались къ сосѣднимъ большимъ ямамъ; наконецъ, бывали и такіе случаи: часть охотниковъ даннаго яма переводилась на другой ямъ, а остальные охотники либо придавались со всей землей къ сосѣднему большому яму, либо съ частью земли оставались самостоятельной слободой, а съ другой части земли должны были подмогать тому яму, на который были переведены нѣкоторые изъ ихъ товарищей. Естественно, что каждая изъ указанныхъ комбинацій должна была извѣстнымъ образомъ вліять на вопросъ, дѣлилась или не дѣлилась на паи отведенная охотникамъ земля.

Сдѣлаемъ попытку нѣсколько разъяснить поставленный вопросъ путемъ справокъ по исторіи нѣкоторыхъ отдѣльныхъ ямскихъ слободъ. Въ Ярославлѣ на посадѣ по устрою 1565 г. и по дозору 1570 г. была отдѣлена къ слободѣ своя земля, а въ уѣздѣ—къ вокшерскому яму своя земля [1]), но уже въ 1621 г. ни пашни, ни сѣнокоса за ярославскими охотниками нѣтъ, а вокшерскій ямъ считается приданнымъ къ ярославскому, и ярославскіе охотники собща получаютъ доходы съ отставленныхъ вокшерскихъ охотниковъ, братьевъ ихъ и бобылей [2]). Около 1628 г. на ново была устроена ямская слобода въ Ярославлѣ, и охотники, получивъ по 5 четвертей въ полѣ указныхъ, получили еще почти по столько-же земли сверхъ указа, и пахали землю повытно [3]). Около Мурома въ концѣ 16 вѣка былъ Бѣлавинскій ямъ, отдѣльный отъ Муромскаго, да къ Муромскому-же яму была придана старая Якимовская слобода, къ которой, въ свою очередь, была придана Гледячья слобода. Въ 1628 г. мы уже видимъ всѣ эти слободы объединенны

---

[1]) А. С. М. I, XXXIX.

[2]) Ар. М. Ю. кн. переп. ямск. слоб. № 265 съ л. 233 и Имп. Публ. Библ. F, IV, 522, копія съ книгъ Ярославск. яму 1621 г. (обѣ рукописи одного содержанія).

[3]) Ар. М. Ю. кн. переп. ямск. слоб. № 265 съ л. 210 и Имп. Публ. Библ., F, IV, 528, копія съ книгъ Ярославск. яму 1628 г. (обѣ рукописи одного содержанія).

ми. Изъ сорока восьми муромскихъ вытей въ посадской муромской слободѣ жили 26 вытей безъ трети, а въ слободѣ Глядячей—22 выти съ третью. Каждая выть пахала свою землю. Въ бѣлавинской слободѣ считалось 12 вытей, но съ одной выти охотникъ былъ переведенъ въ муромскій ямъ, и мѣстомъ его владѣли всѣ остальные охотники, слѣдовательно безъ раздѣла; сами-же бѣлавинскіе охотники частью также жили не въ слободѣ, а на Муромѣ, но подводы отпускали съ бѣлавинскаго яма. Въ ихъ землѣ имѣли долю и муромскіе охотники. Суздальская ямская слобода была строена на 20 охотниковъ, но, видимо, еще въ самомъ началѣ 1٦ вѣка 15 охотниковъ были переведены во Владимірскій ямъ, а остальные пятеро разошлись. Слобода была придана ко владимірскому яму вмѣстѣ съ землями, которыя пахались бобылями, платившими владимірцамъ по 23 рубля въ годъ, „а тѣ деньки емлютъ володимірскіе охотники и суздальскіе переведенцы“. До царя Ѳедора Іоанновича близъ коломенскаго московскаго яма была слобода пахорская, имѣвшая 180 четвертей въ каждомъ полѣ земли. При Ѳедорѣ Іоанновичѣ пахорскіе охотники были переведены въ коломенскій ямъ, который вмѣстѣ съ переведенцами составилъ 60 вытей, и пахорская земля была раздѣлена по 3 четверти на выть. Тогда-же былъ приданъ и Угримовскій ямъ, но сколько въ немъ было земли никто въ 1628 г. уже не помнилъ; послѣ раззоренья угримовской землей коломенскіе охотники больше не владѣли [1]). Ростовская слобода была самостоятельной слободой еще въ концѣ 16 вѣка; владѣла тогда въ числѣ другихъ земель слободкой Сластихой, она была въобщемъ владѣніи ростовскаго яма охотниковъ; но въ 1600 г. (возможно, что и нѣсколько позже, такъ какъ въ переписной книгѣ 7108 г. показанъ, видимо, ошибочно) ростовская слобода была уже приданной къ переяславъ-залѣскому яму и огородную землю этого придаточнаго яма пахали отставленные ростовскіе ямскіе охотники 25 человѣкъ, платя залѣсскимъ охотникамъ 30 рублей оброка [2]). Болѣе подробныя свѣдѣнія мы могли собрать о судьбѣ

---

[1]) Ар. М. Ю. кн. переп. ямск. слоб. № 265, л. 77—148; л. 326—331; л. 11—26.

[2]) А. С. М., I, XXXIX, Титовъ, Рукоп. славян. и русск. И. Вахромѣева, изд. 97 г., т. IV, стр. 252—253 (перепечатана изъ Яросл. Губ.

псковскаго яма. По устрою 1560 г ямъ имѣлъ при 70 охотникахъ 370 четвертей въ полѣ и сѣнныхъ покосовъ на 1440 копенъ, по устрою 1584 г. при 50 охотникахъ ямъ остался при прежней пашнѣ. По устрою 1587 г. при 40 охотникахъ, кромѣ всей старой пашни ямъ получилъ еще 6 десятинъ лѣсу да $4^1/_2$ десятины выгону (все было въ общемъ владѣніи). Загорскій ямъ по устрою 1560 г. получилъ при 50 охотникахъ 16 деревень и 255 съ осьминой четвертей въ каждомъ полѣ и сѣна на 1889 копенъ. По устрою 1587 г. при 20 охотникахъ земли было оставлено 110 четвертей въ полѣ и сѣна на 440 копенъ. Къ псковскому яму передъ раззореніемъ были присоединены еще вмѣстѣ съ землями пригородные окольные ямы на Вороночѣ и на Опочкѣ. Съ 1620 г. псковскій и загорскій ямы были соединены; на соединенномъ яму устроили 35 охотниковъ, а земли дали 550 четвертей безъ третника, да дали псковской посадской земли 1047 × 462 саж., да покосовъ 30 десятинъ безъ трети. Если разсмотрѣть составъ этой земли, то окажется, что частью земля была старая, частью—новая, большею частью – оброчная, т. е. по самому существу не пригодная для раздѣла [1]). Сухловскій ямъ по псковской дорогѣ (между пшасскимъ и загорскимъ ямами) былъ устроенъ въ 1596 г. Въ него перевели десять охотниковъ изъ Кожемяцкаго яму, а десять охотниковъ собрали со всѣхъ окольныхъ псковскихъ ямовъ. (Интересно, что вмѣсто десяти охотниковъ, выведенныхъ изъ кожемяцкаго яма, новыхъ туда охотниковъ взяли съ тѣхъ, кто долженъ былъ бы дать охотниковъ на сухловскій ямъ, если-бы ямъ строился обычнымъ путемъ). Въ 1598 г. за охотниками сухловскаго яма было земли 220 четвертей въ каждомъ полѣ; землю разверстали повытно. Въ 1611 г. сухловскій ямъ былъ вновь перестроенъ, такъ какъ охотники охудали, и къ старой землѣ были приданы оброчныя деревни и пожни новыя, а ими владѣли охотники сообща [2]).

Приведенныя данныя, предлагаемыя въ видѣ примѣ-

Вѣд., 1855 г. № 18), Арх. Мин. Ю., кн. переписн. ямск. слоб., № 265 л. 251—278.

[1]) А. Э. III, 158; Р. И. Б., II, 178, Арх. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г.

[2]) Q. IV, 262, съ л. 31,

ровъ, не только указываютъ, какъ въ зависимости отъ самыхъ разнообразныхъ и нерѣдко случайныхъ причинъ, не смотря на показанную выше вѣроятность существованія земельнаго оклада, мѣнялись размѣры земельныхъ владѣній одной и той-же слободы на протяженіи 30—20 и даже 10 лѣтъ, но даютъ также право предполагать, что было-бы безполезно искать какого либо одного общаго отвѣта на поставленный только что вопросъ. Если, однако, все таки пытаться подвести всѣ эти разнородныя данныя подъ общія дѣленія, то можно, кажется, сказать, что дворы и огороды находились въ личномъ пользованіи того или тѣхъ, кто сидѣлъ на выти; пожни-же, лѣса, оброчныя деревни, окологородная оброчная земля обыкновенно находились въ общемъ пользованіи. Пашня обыкновенно разверстывалась повытно, но и при разверсткѣ какой либо или не поддававшійся дѣленію или по другимъ причинамъ неудобный для дѣленія участокъ могъ оставаться въ нераздѣльномъ пользованіи. Въ зависимости, однако, отъ обстоятельствъ, не рѣдко также совершенно случайныхъ, пашня вовсе не разверстывалась, и иногда та-же самая пашня, которая не болѣе десяти лѣтъ назадъ пахалась повытно Это-же можно, кажется, довольно наглядно показать и на слѣдующемъ примѣрѣ: въ 1606 г. на крестецкомъ (новгородскомъ яму) не было приказчика, и охотники, которые вообще верстались землей полюбовно сами, раздѣлили между собой и приказчикову землю, а на заячевскомъ (новгородскомъ) яму въ 1608 г., гдѣ приказчика также не было, его земля осталась въ общемъ пользованіи [1]). Слѣдовательно, при видимой тенденціи разверстывать пашню повытно, нельзя тѣмъ не менѣе утверждать, что разверстка земли была повсемѣстна или даже, что она господствовала. Нельзя также утверждать, что этотъ вопросъ различно разрѣшался по районамъ. Внутренними-же причинами такого различія слѣдуетъ, кажется, признать, во-первыхъ, случайный составъ земель, зависѣвшій нерѣдко отъ чисто внѣшнихъ обстоятельствъ; во-вторыхъ, оставался не безъ вліянія и тотъ фактъ, что составъ населенія ямской слободы могъ очень часто мѣняться, а, слѣдовательно, у охотника, этого, обыкновенно для конца 16

---

[1]) Q. IV, 260, л. 29 об. л. 136 и сл.

и начала 17 вѣка, лишь случайнаго гостя въ слободѣ, не было достаточныхъ оснований отстаивать непремѣнно начало разверстки или же, наоборотъ, противиться ему. Охотникъ, знакомясь съ обстоятельствами дѣла, мирился съ условіями, въ какихъ находилъ земельныя отношенія въ данной слободѣ, наблюдая лишь, чтобы не быть обдѣленнымъ и получать приходившуюся на его выть или долю выти часть хлѣбныхъ или денежныхъ доходовъ. Земля интересовала ямского охотника не сама по себѣ, а лишь какъ капиталъ, доходы съ котораго помогали ему нести службу [1]).

Итакъ, по характеру отношеній, сложившихся въ ямской слободѣ, ямская слобода представляется намъ несомнѣнной общиной. Но она — искусственно созданная община, такъ какъ связью между слободой и охотникомъ являлся лишь договоръ, заключенный охотникомъ съ населеніемъ.

Правительство, какъ намъ уже пришлось вскользь замѣтить, въ свою очередь, также смотрѣло на слободу, какъ на отдѣльную общину. Это сказывалось не только въ томъ, что, напримѣръ, въ случаѣ устроенія слободы путемъ прибора, какъ это имѣло мѣсто въ алексѣевской и котельницкой слободахъ (случай, повторяемъ, своеобразный, но во многихъ отношеніяхъ характерный) порука по охотникамъ бралась другъ по другѣ, не только въ томъ, что правительство никогда не вступало въ отношенія по поводу гоньбы съ отдѣльными охотниками, а всегда съ охотничьей слободой въ лицѣ ея представителей, но и въ томъ также, что правительство довольно рѣшительно заботилось о созданіи особаго права ямскихъ слободъ, какъ опредѣленной территоріальной и служебной единицы.

Это особое право создавалось путемъ жалованныхъ или точнѣе—уставныхъ грамотъ ямскимъ слободамъ. [2]) Указа-

---

[1]) Всѣ приведенныя нами данныя о земельныхъ отношеніяхъ въ ямскихъ слободахъ относятся, главнымъ образомъ, къ послѣднему двадцатилѣтію 16 вѣка и къ первому тридцатилѣтію 17 вѣка.

[2]) Въ источникахъ эти грамоты иногда называются жалованными (напр. П. С. З. I, № 518 А), иногда уставными (напр., А. И. III, 234). Но правильнѣе, съ точки зрѣнія научной классификаціи, причислить ихъ къ уставнымъ, такъ какъ въ нихъ опредѣляются не временныя и не вызванныя случайными обстоятельствами льготы и привиллегіи, а извѣстный строй, уставъ жизни и отношеній. Вельяминовъ-

ній на существованіе такихъ грамотъ мы имѣемъ достаточно: въ 1567 г. была дана жалованная грамота касимовской слободѣ (она дошла до насъ цѣликомъ), [1]) при Θедорѣ Іоанновичѣ получили грамоты нѣкоторые сибирскіе ямщики, [2]) въ 1619 г. были даны по челобитью разныхъ ямовъ охотниковъ грамоты на всѣ ямы и при томъ—въ видѣ возобновленія старыхъ грамотъ. [3]) Нельзя сказать, чтобы жалованныя грамоты ямщикамъ не были извѣстны и предыдущему періоду, особенно-же переходному времени, т. е. концу 40-хъ и до конца 50-хъ годовъ. Такъ, мы знаемъ о жалованной грамотѣ ряжскимъ ямщикамъ 1557 г., [4]) козьмодемьянскимъ ямщикамъ того-же года, [5]) муромскимъ ямщикамъ 1550 г. [6]); но это были грамоты ямщикамъ —распорядителямъ ямовъ, а не слободамъ. Такъ, въ этихъ грамотахъ, судя по сохранившимся отрывкамъ ряжской и козьмодемьянской грамотъ, тождественныхъ по содержанію, читаемъ: „къ городу каменья, извести и лѣсу ямщикамъ не возить и города и острога не дѣлати и мостовъ не мостити, у города же и у воротъ не стояти и съ посацкими и съ уезными людьми ни въ какіе подати не тянути и никакова изделія не дѣлати, а гоняти ямскую гоньбу и во всемъ ходити по тому какъ въ нихъ написано“, Какъ слѣдуетъ изъ много разъ цитированной грамоты на Тотьму отъ 1548 г., ямщики, по утвержденію выбора ихъ казначеемъ, получали „грамоту жалованную несудимую да грамоту по чему имъ на яму стряпати да грамоту проѣзжую о мытѣхъ“. [7]) Вспомнимъ также, что 50-ые годы были годами перелома въ

Зерновъ называетъ одну изъ такихъ грамотъ жалованной, Изсл. о касим. цар. и царев., т. I, стр. 473. Загоскинъ, въ Уст. грам. 14–16 в.в., Каз. 1875 г., не имѣлъ въ виду ямскихъ грамотъ.

[1]) Напечатана у Вельяминова-Зернова, ц. с., т. I, стр. 474—483. Въ литературѣ о ней упоминалъ еще Чечулинъ, „Города моск. госуд. 16 в.“, стр. 328, прим. 2.

[2]) А. И. III, 234.

[3]) П. Соб. Зак., I, 518 А. О значеніи этой ссылки мы скажемъ подробнѣе въ главѣ пятой. Общее указаніе въ Уложеніи, гл. XVIII 71 (по П. С. З, I, стр. 104).

[4]) П. С. З. I, 518 А.

[5]) Казан. Губ. Вѣд., 1856 г., № 27.

[6]) А. Э. III, 297.

[7]) Акты Юшкова, № 163.

исторіи ямской гоньбы; около ямщиковъ-распорядителей ямовъ уже начали группироваться гонебщики; грамоты, регулируя, главнымъ образомъ, положеніе ямщиковъ—начальниковъ ямовъ, отчасти, можно думать, касались и тѣхъ, кто по роду занятій связалъ свою судьбу съ судьбой ямовъ. Совсѣмъ иного содержанія, напримѣръ, касимовская слободская грамота, хотя разница во времени между ней и, положимъ, ряжской грамотой, всего въ 10 лѣтъ. Предполагать-же, что касимовская слобода получила какую-либо особую грамоту, въ силу какихъ-либо особыхъ причинъ, нѣтъ, повидимому, никакихъ основаній, тѣмъ болѣе, что по содержанію она совпадаетъ съ тѣмъ, что мы въ дѣйствительности наблюдаемъ въ жизни другихъ слободъ, какъ это видно изъ дѣлъ послѣдующаго времени; слѣдовательно, иное содержаніе касимовской грамоты представляетъ собой совсѣмъ новыя начала. [1])

---

[1]) Этотъ документъ представляетъ столь серьезный интересъ, что мы рѣшаемся перепечатать его цѣликомъ. Грамота, по словамъ Вельяминова-Зернова, досталась ему вмѣстѣ съ бумагами покойнаго Гагина. Грамота издана въ 1567 г., подтверждена въ 1599, 1608, 1616, 1646, 1678, 1685 г.г. „Се язъ царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ есми слобожанъ въ Касимовѣ городѣ на посадѣ ямской слободы, приказщика да старосту и охотниковъ да дворниковъ пятьдесятъ человѣкъ. Не надобе имъ моя царева и великаго князя дань, ни ямскія денги, ни сошная служба, ни городовое всякое дѣло, ни податей моихъ всякихъ не даютъ съ черными людьми и съ городскими и съ сельскими никоторые проторы не тянутъ. А намѣстницы наши Касимовскіе, и волостели и ихъ тіуны кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни по что. И тѣхъ слободскихъ приказщиковъ и старостъ и охотниковъ и дворниковъ самихъ и ихъ дѣтей и ихъ людей, не судятъ ни въ чемъ; а судитъ тѣхъ ямскихъ охотниковъ и дворниковъ и ихъ дѣтей и ихъ людей, приказщикъ ямской да староста, А пошлинъ приказщикъ емлетъ съ рубля по алтыну, а хоженаго денга. А пошлютца на правду, ино имати ѣзду на двѣ версты по денгѣ, а на правду вдвое. А пересуду и праваго десятка приказщику суда нѣтъ. А случитца тѣмъ слобожанамъ судъ смѣстной съ городскими и съ волостными людьми въ душегубствѣ, ино ихъ судятъ Касимовскіе намѣстницы и ихъ тіуны. А приказщикъ слободской съ нимижь судитъ, а старосты слободскіе у нихъ на судѣ сидятъ для береженья. А правъ или виноватъ слобожанинъ, приказщику и старостамъ, городской или волостной человѣкъ правъ или виноватъ, намѣстнику и волостелемъ и ихъ тіуномъ, а на виноватомъ исцовъ искъ доправити, да отдати ищеемъ. А будетъ душегубство въ слободѣ, а ищей и отвѣтчикъ оба слобожанина, ино ихъ судятъ приказщикъ ямской да старосты въ душегубствѣ и во всякихъ дѣлехъ, опричь разбою. А

Эти начала и выражаютъ собой то, что мы рѣшаемся назвать особымъ правомъ ямскихъ слободъ. Оно состояло

явитца въ слободѣ убитая голова, кто подкинетъ въ ту слободу, или водою напловетъ, или возомъ сотретъ, или съ дерева убьетца, или отъ своихъ рукъ утеряетца, и слобожанамъ та голова явити своему приказщику, а тіуну, посадчику и городовому приказщику поголовщины не платятъ. А воеводѣ и намѣстнику и волостелемъ и ихъ тіуномъ, посадчикомъ и городовому приказщику до того душегубства и во всякихъ дѣлехъ, до нихъ дѣла нѣтъ. А разбойное съ поличнымъ судятъ старосты губные, а приказщикъ слободской и старосты съ нимъ-же судятъ для береженья. А правъ или виноватъ, по судебнику и дѣло кончаютъ, а виноватыхъ казнятъ по моему цареву и великаго князя указу. А губные старосты безъ приказщика не судятъ А пожаловалъ есми своихъ слобожанъ въ торханѣхъ отъ всякихъ своихъ податей и ихъ дворы и пашни за то что имъ въ Касимовѣ Городѣ на посадѣ на яму подводы держати по трое лошадей съ выти, на мое царево и великаго князя разное дѣло и на земское. А прогоны имъ имать на десять верстъ по три денги, а проводнику на тритцать верстъ по двѣ денги. А давать имъ подводы по моимъ царевымъ и великаго князя грамотамъ, и по воеводскимъ и намѣстничьимъ, и по грамотамъ городовыхъ приказщиковъ. А лошадей имъ у городскихъ людей и у волостныхъ отнюдь не имати; а возметъ который охотникъ на ямъ лошадь въ подводы у кого ни буди, и тѣмъ охотникамъ быти отъ меня царя и великаго князя казненымъ. А которые гонцы обмѣняютъ подводы на дорогѣ въ селѣхъ и въ деревняхъ у кого ни буди, а тѣ люди тѣ обмѣнные вставые подводы учнутъ у себя задерживати, а Касимовъ городокъ на ямѣ, къ ямскимъ охотникамъ отводити ихъ не учнутъ того же дни, и приказщику тѣхъ людей давати на поруки цареве и великаго князя пенѣ, да на тѣхъ людей доправливати всякой подводѣ по три алтына на день. А будетъ кому дѣло до слобожанина и на иномъ городѣ, и намѣстникъ его велитъ дать на поруку, да отослать въ Касимовъ городокъ къ приказщику слободскому, и намѣстникъ его не судитъ нигдѣ ни въ какихъ дѣлехъ. Также есми тѣхъ слобожанъ пожаловалъ. Наши недѣльщики площадные и дворцовые по нихъ не ѣздятъ, и на поруки ихъ не даютъ, и сроковъ на нихъ не намѣтываютъ ни въ какихъ дѣлехъ. А кто срокъ накинетъ силно, и они къ тому сроку къ отвѣту не ѣздятъ; а кто на нихъ по срокѣ возметъ безсудную и та безсудная не въ безсудную. А кому будетъ до котораго слобожанина какое дѣло, или слобожанину до стороннихъ людей до которыхъ нибуди какое дѣло и въ томъ на слобожанъ тѣ люди, и слобожане на стороннихъ людей на кого нибуди наметываютъ мои царевы и великаго князя зазывныя грамоты да по тѣмъ зазывнымъ на срокъ ставятъ за отвѣтами, а сужу ихъ язъ царь и великій князь, или наши казначеи, или кому будутъ приказаны ямскія дѣла судити, а опричь ямского судьи тѣмъ слобожанамъ не искати и не отвѣчати ни предъ кѣмъ. Да тѣхъ же есми слобожанъ пожаловалъ. Кто ѣдетъ на наемныхъ подводахъ, и имъ подво-

не только изъ права собственнаго управленія, а, соотвѣтственно времени, и суда, но и изъ ряда привиллегій, принадлежавшихъ охотнику, какъ члену ямской слободы.

ды наимовати у охотниковъ; а охотникамъ имати у нихъ наемъ по указу на десять верстъ по три денги. А мимо охотниковъ подводъ въ наемъ никому не давать; а кто дастъ подводу въ наемъ подъ гонцы, и того изымаютъ приказщикъ и старосты, да возмутъ на немъ на меня, царя и великаго князя, заповѣдь два рубля денегъ, да тѣ денги привозятъ въ мою цареву и великаго князя, казну къ дьякамъ, которымъ ямы приказаны. Да слобожанъ же есми пожаловалъ. Кто тѣхъ слобожанъ въ слободѣ женитца или въ Касимовѣ на посадѣ или въ иной слободѣ или волостяхъ, или дочерь дастъ изъ тое слободы за мужъ на посадъ или въ волость или въ слободу, и приказщику и старостамъ, кому они приказаны, имати на меня, царя и великаго князя, за убрусъ четыре денги, а за выводную куницу алтынъ, а знамя емлютъ у митрополича приказщика, а за вѣнцы отъ знаменъ даютъ приказщику митрополичу съ холосца по три денги, а со вдовца алтынъ, а съ трехженца два алтына. На пиръ къ нимъ и въ братчины незванъ сильно не ѣздитъ никто; а кто къ нимъ на пиръ незванъ пріѣдетъ и отъ него вышлютъ вонъ бездѣльно а кто не пойдетъ вонъ, а учинитца тутъ у нихъ какая гибель, и тому незваному за гибель платить вдвое безъ суда. А кто къ кому пріѣдетъ въ слободу гость или какой человѣкъ ни буди, или кто наймита найметъ, и тому слобожанину того своего гостя и наймита явити приказщику и старостамъ, кому они приказаны; а отъ явки приказщику и старостамъ у нихъ не имать ничего. А кто не явитъ приказщику и старостамъ своего гостя или наймита или кого ни буди, и приказщику и старостамъ на тѣхъ людѣхъ, которые не являютъ, имати заповѣди на меня, царя и великаго князя, два рубля денегъ. А которой слобожанинъ купитъ или вымѣняетъ лошадь у городского человѣка или волостнаго и у пріѣзжаго у кого ни буди, или кому охотникъ лошадь продастъ или промѣняетъ, и они съ тѣхъ лошадей тамги и пошлины не платятъ, а являютъ тѣ лошади охотники, кто купитъ или кто продастъ, или промѣнитъ, своему приказщику и старостамъ, кому они приказаны; и приказщикъ и старосты пишутъ у себя явки изъ за купца и продавца и лошади въ шерсть и цѣну сколько которой лошади лѣтъ, а за пищего емлютъ они себѣ по денгѣ съ лошади. Также есми слобожанъ пожаловалъ. Ослободилъ есми имъ брагу держать про себя, а пива и меду и вина на корчмы имъ у себѣ отнюдь не держать. И будетъ у кого корчма, или кто своего питья приказщику и старостамъ не явитъ и приказщику и старостамъ у того слобожанина корчма выняти, а заповѣди взяти на меня, царя и великаго князя, два рубля денегъ. А выметъ кто у кого слобожанина корчму опричь приказщика и старостъ, и на томъ приказщикѣ и старостахъ взяти заповѣди на меня, царя и великаго князя по пяти рублевъ денегъ а того слобожанина казнити торговою казнію бить кнутомъ да его изъ слободы выслать вонъ, а дворъ и животы

Во главѣ слободы стояли два лица – приказчикъ и староста. Приказчикъ назначался правительствомъ и былъ представителемъ правительства въ слободѣ, староста избирался охотниками и вѣдалъ самую гоньбу подъ наблюденіемъ приказчика. Точнаго разграниченія въ функціяхъ, касавшихся собственно гоньбы, замѣтить нельзя. Такого разграниченія, вѣроятно и не было. Можно отмѣтить только, что обыкновенно подводы отпускалъ и охотниковъ наряжалъ староста, онъ-же велъ и загонныя книги, но подорожныя прописывалъ приказчикъ. [1]) Слѣдовательно, въ предѣлахъ служебныхъ функцій слободы приказчикъ выступалъ преимущественно

описать на меня царя и великаго князя. Также есми слобожанъ пожаловалъ. Наши воеводы, князи и бояре и дѣти боярскіе и всякіе разные люди, Татарове и князя и мурзы и всѣ служебные люди и всякіе посланники и гонцы и Нагайскіе послы въ ихъ дворѣхъ сильно не ставятца и кормовъ своихъ и конскихъ на нихъ сильно не емлютъ, и въ лѣтнюю пору на ихъ пашняхъ и на лузѣхъ и на покосѣхъ не ставятъ же ся, и не всылаютъ къ нимъ ни по что, а кормъ свой и конскій купятъ у нихъ по цѣнѣ, какъ имъ продадутъ. А ставятца послы въ гонцы на яму, на то ямъ устроенъ. А которые наши воеводы, князи и дѣти боярскіе и всякіе служилые люди у тѣхъ слобожанъ въ ихъ дворѣхъ учнутъ ставитца сильно, или что возмутъ или чѣмъ изобидятъ, и тому отъ меня, царя и великаго князя быти въ опалѣ, и на немъ то взяти вдвое безъ суда. А которые охотники или ихъ дѣти, или ихъ люди пойдутъ вверхъ по Окѣ къ Терехову, или въ низъ къ Мурому или въ новыгороды отъ ямской вдаль за урокомъ, и они въ тѣхъ во всѣхъ городѣхъ съ головы по алтыну гостинаго не даютъ; а поѣдутъ тѣ охотники торговать въ которой городъ ни буди, и пошлинные люди во всѣхъ городѣхъ на тѣхъ охотникахъ емлютъ по тому, какъ и съ торговыхъ людей. А которые наши воеводы, посадчики и городовые приказщики, и ключники и высылщики и всякіе мои царевы и великаго князя посланники учнутъ отъ себя гонцовъ посылать по своимъ подорожнымъ грамотамъ на подводѣхъ и въ судѣхъ въ иные городы куды ни буди по уѣздамъ и тѣ де воеводы и городовые приказщики и ключники и высылщики и всякіе посланники своимъ гонцамъ подводы даютъ въ уѣздъ на пять верстъ, да тѣхъ своихъ гонцовъ имена куды пошлютъ и сколько кому подводъ даютъ пишутъ у себя въ книги да тѣ свои отпуски присылаютъ къ Москвѣ къ дьякамъ въ ямскую избу для справки ямскихъ книгъ. А коли они явятъ сію нашу грамоту Касимовскимъ воеводамъ, посадчикамъ и всякимъ приказнымъ людемъ и ихъ пошлинникамъ, они съ нее явки не даютъ ничего. Дана грамота на Москвѣ, лѣта 7075 (1567), марта въ 27 день.

[1]) Цит. гр. Касим. слоб.; пачка подорожныхъ, представляющая изъ себя непереплетенную книгу прописанныхъ подорожныхъ Желѣзнопольскаго яма въ Ар. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 3, № 1, 1606 г.

въ случаяхъ, гдѣ требовалось официальное удостовѣреніе, староста же завѣдывалъ внутреннимъ распорядкомъ гоньбы. По основному принципу, приказчикъ назначался въ слободу для того, чтобы было кому вѣдать ямскую слободу и въ ней охотниковъ и ямскую слободу беречь. [1]) Староста-же, какъ представитель охотниковъ, состоялъ при приказчикѣ для береженья охотниковъ отъ него. Онъ въ большей степени представитель данныхъ охотниковъ, а приказчикъ—представитель слободы, какъ общаго и цѣлаго. [2]).

Обыкновенно читаемъ въ наказахъ стройщикамъ—устроить въ слободѣ приказчика. [3]) Значило ли это, что стройщикъ долженъ былъ и пріискать приказчика, или-же онъ лишь устраивалъ его въ слободѣ, т. е. отводилъ дворовое мѣсто, давалъ пашню и т. д.? Это не ясно. Обыкновенно приказчикъ—сынъ боярскій, и обыкновенно изъ людей мѣстныхъ. [4]) Но если приказчикъ и не пріискивался стройщикомъ, то все-таки, видимо, онъ, по большей части назначался тѣмъ лицомъ, которое получило изъ Москвы наказъ объ устроеніи яма, т. е. или мѣстной правительственной властью, или присланнымъ изъ Москвы стройщикомъ.

Приказчикъ, съ одной стороны, былъ органомъ общаго управленія, по характеру времени—и суда, въ слободѣ, съ другой стороны, онъ былъ органомъ спеціальнаго ямского управленія. Изъ касимовской грамоты выясняются слѣдующія подробности: приказчикъ вѣдалъ слобожанъ вмѣстѣ съ

---

[1]) А. С. М. I, XXXIX; Q, IV, 261, passim; Q. IV, 334, passim и др.

[2]) Должность ямского приказчика не встрѣтила еще опредѣленныхъ сужденій въ литературѣ. Подробнѣе другихъ говоритъ о ней Чичеринъ, Областн. учред., стр. 378 - 379. Но онъ знаетъ только, что ямскіе приказчики назначались для управленія ямами, что ямскіе приказчики иногда назначались воеводами, иногда присылались изъ Москвы, что отношенія приказчика къ воеводамъ неясны, хотя, возможно, что должность была и независима отъ воеводъ, наконецъ, что должность ямскихъ приказчиковъ была уничтожена въ 1679 г.

[3]) Напр. во всѣхъ наказахъ новг. устройн. кн. ср. А. Э. III, 158.

[4]) Акты Воз. Печер. Мон., стр. 37, Д. А. И, II, 49. Въ Р. И. Б., X, стр. 38, читаемъ: въ „ямской приказъ... велѣно отписать, кто имяны на Москвѣ и въ городѣхъ въ ямскихъ приказчикахъ и которыхъ городовъ дѣти боярскіе". Послѣднее показаніе относится къ 1636 г., но два предъидущихъ къ 1619 г., при чемъ первое—къ мѣсту, гдѣ ямъ былъ возобновленъ, какъ видно изъ акта на стр. 52, во всемъ на старомъ основаніи.

ямскимъ старостой во всѣхъ дѣлахъ вмѣстѣ съ старостой судилъ ямскихъ охотниковъ и дворниковъ и ихъ дѣтей и людей; но судебныя пошлины получалъ только приказчикъ; слѣдовательно, староста присутствовалъ не столько какъ судья, сколько какъ представитель всѣхъ охотниковъ слободы. „А пошлинъ приказщикъ емлетъ съ рубля по алтыну, а хоженаго деньга; а пошлютца на правду, ино имати ѣзду на двѣ версты по деньгѣ, а на правду вдвое". Отмѣтимъ, что указанныя пошлины болѣе низки, чѣмъ обыкновенно, такъ какъ обыкновенная пошлина—десять денегъ съ рубля, а ѣзда – на версту по деньгѣ. Приказчикъ судилъ и въ душегубствѣ, кромѣ разбою съ поличнымъ (обыкновенно душегубство изъемлется изъ предѣловъ вѣдомства спеціальныхъ судей). Онъ присутствовалъ въ качествѣ непремѣннаго судьи и тогда, когда, въ случаяхъ смѣстнаго суда слобожанъ съ городскими и волостными въ душегубствѣ, судили намѣстники или ихъ тіуны. Тутъ-же на судѣ для береженья сидѣлъ и староста. Приказчикъ и староста сидѣли для береженья и по дѣламъ разбойнымъ съ поличнымъ, т. е. по дѣламъ, подвѣдомственнымъ губнымъ старостамъ. Приказчику и старостѣ слобожане являли гостей и наймитовъ, имъ-же являли купленныхъ, проданныхъ и промѣненныхъ лошадей; приказчикъ-же наблюдалъ, чтобы слобожане, имѣвшіе право держать брагу на себя, не держали пива, вина и меду на корчмы; приказчику и старостѣ слобожане являли свое питье; приказчикъ и староста у того, кто питья своего не являлъ имъ, должны были „корчму выняти". Какъ мы уже сказали, загонныя книги велъ староста, но наблюдалъ за этимъ приказчикъ; онъ-же наблюдалъ за доставленіемъ загонныхъ книгъ въ Москву. Вмѣстѣ съ старостой онъ наблюдалъ, чтобы никто мимо охотниковъ изъ найму подводъ подъ гонцовъ не давалъ. Онъ-же доправлялъ пеню (по 3 алтына въ день за подводу) на тѣхъ, кто не отводилъ въ тотъ-же день, въ случаѣ, если гонцы обмѣняютъ ямскую подводу, обмѣненную подводу на ямъ. Онъ-же вмѣстѣ со старостой являлся сборщикомъ царскихъ пошлинъ (за убрусъ, за выводную куницу—при женитьбѣ и отдачѣ въ замужество), пеней, заповѣдей. Дополняя эти свѣдѣнія изъ другихъ источниковъ, видимъ, что приказчику давались выборы на вновь выбираемыхъ съ сохъ ямскихъ охотни-

ковъ. [1]) Вѣроятно, въ тѣхъ только случаяхъ, когда новые охотники вступали въ уже устроенную слободу, а не въ самый моментъ ея устроенія, когда выборы, какъ мы уже знаемъ, давались стройщику. Въ случаѣ притѣсненій со стороны воеводъ и приказныхъ людей челобитныя подавались обыкновенно приказчикомъ, но могли подаваться и старостами и даже отдѣльными охотниками, какъ отъ своего имени, такъ и отъ имени всей слободы. Для разсматриваемаго періода мы не нашли данныхъ, которыя опредѣленнѣе разъясняли бы этотъ вопросъ; но въ дѣлахъ первой половины 17 вѣка мы обыкновенно видимъ, что въ перепискѣ по поводу такихъ челобитныхъ какъ справки, такъ и рѣшенія адресуются приказчику, а не самимъ челобитчикамъ [2]). Наконецъ, мы знаемъ еще, что приказчикъ большаго яма иногда являлся стройщикомъ меньшихъ ямовъ—окольныхъ и поперечныхъ. [3]) Но главной обязанностью приказчика являлся все таки судъ, что видно, напримѣръ, изъ того, что иногда ямской приказчикъ (иначе—слободчикъ) назывался судейскимъ приказчикомъ. Онъ и самъ себя такъ называлъ, такъ его называлъ нѣсколько позже и ямской приказъ. [4]).

Устроенный въ слободѣ стройщикомъ, приказчикъ все дальнѣшее опредѣленіе своего положенія получалъ отъ слободы. Онъ ходилъ во всемъ по жалованной грамотѣ данной слободы. Жалованья онъ не получалъ, но устраивался землей, дворовымъ мѣстомъ, огородомъ, гуменникомъ. Кажется, онъ иногда получалъ съ населенія что-то вродѣ хлѣбной подмоги. Одинъ такой случай мы знаемъ для 1619 г. по Курмышскому уѣзду. Тамъ Нижегородскій сынъ боярскій Тимофей Бѣлняниновъ, сидѣвшій на яму въ приказчикахъ, получалъ мѣсячный хлѣбъ въ Печерскомъ монастырѣ. [5]) Какъ намъ уже пришлось говорить, надѣлъ приказчика обыкновенно относился къ надѣлу охотника, какъ 4: 2: 1. Сверхъ того онъ получалъ въ свою пользу судебныя и иныя пошлины въ слободѣ. Судя по касимовской грамотѣ,

---

[1]) А. Юр. 278.

[2]) Напримѣръ, А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 48, № 66, 1631 г., Св. 135, № 43, 1640 г., Д. А. И. V, 53 и др.

[3]) Q. IV, л. 238—278, 334—341.

[4]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 48. № 66, 1631 г.

[5]) Акт. Воз. Печер. Мон. стр. 37.

приказчикъ собиралъ: судебныхъ пошлинъ съ рубля по алтыну а хоженаго деньга и за писцаго при явкѣ купленной, проданной или вымѣненной лошади — по деньгѣ съ лошади (бралъ вмѣстѣ съ старостой). Приказчикъ предполагался въ каждой слободѣ и это стремленіе мы замѣчаемъ съ самого появленія ямскихъ слободъ, вмѣстѣ съ которыми, конечно, появились и приказчики. Если при возобновленіи или новомъ устроеніи слободы оказывалось, что приказчика не было, стройщикъ долженъ былъ, въ силу наказа, устроить его. Здѣсь сказывалось стремленіе правительства придать большую силу ямской слободѣ, какъ цѣлому, такъ какъ прямымъ назначеніемъ приказчика было беречь слободу отъ всякихъ людей. Но были слободы, въ которыхъ приказчикъ все никакъ не приживался: напримѣръ на крестецкомъ яму; приказчикъ тамъ былъ еще въ 1577 г., но въ устройныхъ книгахъ этого яма другихъ лѣтъ значится, что приказчика нѣтъ, а въ книгѣ 1606 г. читаемъ: „а дворъ приказчика пустъ и приказчика нѣтъ, а верстались сами и приказчикову землю раздѣлили межъ себя.“ [1]) То-же самое наблюдаемъ и въ исторіи заечевскаго яма. [2]) Безъ старосты-же слобода органически не могла существовать, и старосту обыкновенно избирали сейчасъ же, какъ только собирались охотники въ слободу. Это одно наводитъ уже на мысль о сравнительно болѣе важномъ значеніи для внутренней жизни слободы должности старосты. Хотя приказчикъ и получалъ какъ опредѣленіе своей должности, такъ и средства къ существованію отъ слободы, но все-же онъ былъ ей чужой человѣкъ; въ отношеніи къ ней онъ былъ приказнымъ. Его устроялъ стройщикъ по воеводскому наказу изъ людей, изъ кого придется, глядя по слободѣ; слѣдовательно онъ могъ притти въ слободу и тогда, когда слобода уже выработала свои распорядки, извѣстнымъ образомъ сложила свой обиходъ. Староста же былъ въ слободѣ своимъ человѣкомъ; слѣдовательно, на жизнь слободы онъ естественно могъ вліять сильнѣе и полнѣе приказчика. А такъ какъ компетенція приказчика и старосты не были строго разграничены, и староста, состоя при приказчикѣ,

---

1) Q. IV, 261, л. 99; 260 л. 29 об.

2) Q IV, 260, л. 139, Q. IV. 334 л. 120.

отчасти выступая одновременно съ нимъ, могъ вліять на разныя стороны слободской жизни и официальнымъ путемъ, то не естественно-ли, что преимущественное значеніе въ слободѣ должно было весьма скоро перейти отъ приказчика къ старостѣ. Къ тому-же для приказчика слобода была лишь источникомъ изъ котораго онъ получалъ доходы; для старосты слобода была всѣмъ

Кромѣ права на особое управленіе и судъ, слобожане получали въ силу жалованныхъ грамотъ еще слѣдующія привиллегіи: 1) они не несли никакой службы, кромѣ ямской, не платили никакихъ податей, не исполняли никакихъ повинностей вмѣстѣ съ городскими и уѣздными людьми; 2) они не искали и не отвѣчали ни предъ кѣмъ, кромѣ ямского судьи въ Москвѣ (подъ „ямскимъ судьей" здѣсь понимаются казначеи или дьяки, которымъ дано ямы вѣдать); 3) они не платили явки приказчику, поголовщины намѣстничьему тіуну и городовому приказчику, нѣкоторыхъ таможенныхъ пошлинъ; 4) они, наконецъ, имѣли и нѣкоторыя процессуальныя льготы. Въ такомъ видѣ, по крайней мѣрѣ, представляется этотъ вопросъ изъ касимовской грамоты. Изъ сравненія съ обычнымъ текстомъ уставныхъ грамотъ видимъ, что, во-первыхъ, характеръ льготъ сложился для ямскихъ слободъ болѣе или менѣе самостоятельно, во всякомъ случаѣ, съ извѣстными отступленіями отъ шаблона, соотвѣтственно съ особыми условіями ямскихъ слободъ, и что льготы ямскихъ слободъ нѣсколько шире чѣмъ это обыкновенно наблюдается въ другихъ уставныхъ грамотахъ второй половины 16 вѣка [1]).

Живя при такихъ условіяхъ въ слободѣ, охотникъ, кромѣ дохода на свой пай съ земли и ежегодной подмоги, получалъ еще прогоны. Прогоны платились по таксѣ въ 3 деньги за 10 верстъ охотнику и по 2 деньги за 30 верстъ проводнику. По общему правилу, ясно выраженному, напримѣръ, въ той-же касимовской грамотѣ, прогоны должны были платиться за каждую подводу. Но на практикѣ, какъ это мы уже видѣли и въ предъидущемъ періодѣ по отношенію къ очереднымъ, гнавшимъ гоньбу, прогоны платились не

---

1) Пользуемся для сравненія сведеннымъ текстомъ уставныхъ грамотъ Загоскина, вып. 2 „Уставн. гр. 14—16 вѣк.", Каз 1876 г.

каждый разъ. Не всегда, какъ оказывается платились за весь конецъ. Сохранилась, напримѣръ, подорожная книга Устюжно-Желѣзнопольскаго яма, гдѣ вписаны подорожныя отъ 1606—1626 г. Изъ нея видно, что по одному и тому-же пути въ однѣхъ подорожныхъ прописывалось требованіе давать подводы съ прогонами, а въ другихъ—безъ прогоновъ. Иногда, напримѣръ, читаемъ: отъ Москвы до перваго яма съ прогоновъ, а дальше безъ прогоновъ [1]). Прослѣдить тѣ основанія, которыми руководствовались въ этой практикѣ, невозможно. Вѣроятно, подорожныя нормировали вопросъ о прогонахъ, сообразуясь съ лицомъ, обстоятельствами поѣздки и т. д. Видимо, имѣло значеніе и то, какая практика установилась въ данномъ присутственномъ мѣстѣ: большая часть подорожныхъ со скрѣпой дьяка Василія Телепнева, напримѣръ, писались съ прогонами до Устюжны и безъ прогоновъ до Ладоги отъ Устюжны, за скрѣпой дьяка Ѳомы Панина—съ прогонами до Устюжны, но съ припиской: „а гдѣ ему по наказу надобе, давали бы подводы безъ прогоновъ" [2]). Въ уѣздъ возили обыкновенно безъ прогоновъ. Правда, эти данныя относятся къ нѣсколько позднѣйшему времени. Данныхъ для времени предшествовавшаго мы не нашли. Можно думать, что и теперь, какъ и въ предъидущемъ періодѣ, прогоны не всегда платились при проѣздѣ и что въ прогонахъ учитывались охотники по прогоннымъ книгамъ, получая въ концѣ года, сколько загоняютъ и, вѣроятно, въ дополненіе къ полученнымъ авансамъ. Это мы выводимъ изъ часто встрѣчающихся указаній: „а загонныя деньги имати имъ (охотникамъ) изъ государевой казны сколько кто загоняетъ" [3]). Судя по касимовской грамотѣ, порядокъ разсчета въ деталяхъ былъ таковъ: всѣ власти, кто имѣлъ право выдавать подорожныя, вели выданнымъ подорожнымъ книги; книги присылались въ Москву въ ямскую избу и служили тамъ для справки съ загонными книгами ямскихъ охотниковъ. Охотники занимались и побочными промыслами: пахали сверхъокладную пашню, держали на посадахъ лавки, вели торговлю [4]). Они-же занимались и ча-

---

[1]) А. М. Й. Д. П. Д. С. Л. Св. 3, № 1, 1606 г.

[2]) Тамъ-же, Л. 7, 8, 9, 34, 35, 37, 40, 41 и т. д.

[3]) Напр., Q. IV, 262, 334.

[4]) Касим. уст. грам.: „а поѣдутъ тѣ охотники торговать въ кото-

стнымъ извозомъ иногда стремясь присвоить даже монопольное право на этотъ промыселъ [1]). Они-же иногда всей слободой брали подряды: нарпимѣръ,—подрядъ вырубить извѣстный участокъ лѣса и доставить его для городового дѣла въ городъ [2]). Для разсматриваемаго періода указаній на эти побочныя занятія охотниковъ, однако, сравнительно мало; едва-ли только потому, что до насъ не дошли свидѣтельства. Охотникъ не былъ еще слобожаниномъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ онъ сталъ впослѣдствіи, не достаточно твердо основался въ слободѣ—онъ не могъ, слѣдовательно, очень расширять свою хозяйственную дѣятельность Онъ. видимо, едва справлялся со служебной.

Присутственнымъ мѣстомъ слободы былъ ямской дворъ, иногда отдѣльный отъ пріѣзжаго или стоялаго двора, иногда соединенный съ нимъ. Въ этомъ ямскомъ дворѣ (ямской или гонной избѣ) приказчикъ, вмѣстѣ съ старостой, сидѣвшимъ при приказчикѣ, вѣдалъ судъ, принималъ челобитныя, постановлялъ приговоры, прописывалъ подорожныя, хранилъ загонныя книги. Для письмоводства при избахъ состояли ямскіе дьячки. Дьячекъ не получалъ пашни, но имѣлъ дворъ на ямскомъ дворовомъ мѣстѣ. Онъ получалъ также жалованье, отъ 1 1/2—3 рублей въ годъ и обыкновенно отъ казны Если изъ казны воевода не давалъ жалованья, слобода, платя отъ себя, видимо, быстро добивалась возврата этого расхода, ссылаясь на то, что прежде дьячки получали казенное жалованье и что давать ей отъ себя не изъ чего. При гонной избѣ состоялъ и дворникъ, иногда 2 3—4 дворника, смотря по размѣрамъ слободы. Дворникъ жилъ или при гонной избѣ или при стоялой избѣ, или имѣлъ свой дворъ на пустомъ охотничьемъ мѣстѣ. Жалованье онъ получалъ иногда отъ слободы, иногда отъ казны, иногда служилъ безъ жалованья, пользуясь за то частью хлѣбныхъ доходовъ или получая отъ слободы клочекъ земли. Размѣръ жалованья— отъ рубля до двухъ [3]).

рой городъ ни буди"; въ Можайск. писц. кн. 1596—1598 на посадѣ лавки охотниковъ, Мож. Ак., стр. 37 А. Ю., 141, по Переясл. Рязан. и др.

[1]) А. Э., III, 297.

[2]) А. Ю. 292.

[3]) Кн. переп. 265, кн. устр. Q. IV, 263, Писц. кн. Моск. Госуд., Отд. I стр. 333, II, стр. 1097, 1267 и др.

Каждая слобода имѣла свое пятно, т. е. своего образца тавро, которымъ мѣтились лошади. Много данныхъ по этому вопросу сохранилось въ новгородскихъ книгахъ, гдѣ находимъ даже рисунки нѣкоторыхъ изъ этихъ (впрочемъ, наиболѣе простыхъ) пятенъ. На бронницкомъ яму пятно было—волкъ на лѣвой сторонѣ на задней ногѣ, на заечевскомъ яму—заяцъ, на крестецкомъ яму—змѣй летучій, на яжелбицкомъ яму—слонъ, на ѣдровскомъ—лисица на правой ногѣ, на хотиловскомъ—змѣй ползучій, на вражскомъ—рѣшето на правой ногѣ, на раетскомъ—на пятнѣ написаны были „нужныя слова"—Ранца, на дубровенскомъ яму—въ кругѣ крестъ, а на кругѣ ушки раздѣлены, на выдропускомъ—медвѣжья лапа и т. д. Пятно называлось: государево казенное пятно [1]).

Количество вытей въ слободахъ не являлось опредѣленной величиной, но можно отмѣтить 4 разряда слободъ: въ 100, 50, 20 и 10 паевъ. Это наиболѣе типичные размѣры, въ предѣлахъ которыхъ назначаемое наказомъ количество паевъ то нѣсколько увеличивалось, то нѣсколько уменьшалось. Такъ, въ слободѣ опредѣлялось 70 или 60 паевъ, 30 или 40 паевъ и т. д. Въ одной и той-же слободѣ по устрою разныхъ лѣтъ, въ зависимости, вѣроятно, главнымъ образомъ, отъ того, насколько за время, протекшее между двумя устроями, разгонъ увеличился или уменьшился, количество паевъ въ предѣлахъ разряда слободы увеличивалось или уменьшалось. [2]) Большія слободы—преимущественно посадскія, слободы второго и третяго разрядовъ преимуще-

---

[1]) Кн. устр. Q. IV, 260 и 334.

[2]) Вотъ нѣкоторыя данныя: по устрою 1560 и 1573 г. на девяти новгородскихъ ямахъ установлено было по 50 паевъ въ каждомъ, по устрою 1586 г. и 1601 г.—30 паевъ; на псковскихъ ямахъ по устрою 1560 г. — на псковскомъ и загорскомъ 50 паевъ, на пшасскомъ, вражскомъ, раецкомъ и др. 20 паевъ; по устрою 1587 г. на псковскомъ—40 паевъ, на загорскомъ—20 паевъ; орѣшскій и ладожскій ямы—10 паевъ. Кн. устр. Q. IV, 260 264 и 334; Ар. М. И. Д. П Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г. Въ коломенской слободѣ въ 1587 г.—100 паевъ, въ тульской—50 паевъ, въ каширской—40, въ дедиловской—28, (вѣроятно, разсчитано было на 30), въ Можайской въ 1596—1598 г.—35 паевъ, въ казанской въ 1566—50 паевъ (63 охотн.) Писц. кн. Моск. Госуд., отд. I, стр. 333, отд. II, стр. 1097, 1267, 1302, Можайск. акты, стр. 69, Заринскій, Очерки древн. Казани, стр. 182.

ственно—уѣздныя слободы, четвертаго разряда—окольныя. Были еще ямы поперечные. Это - небольшіе ямы въ сторонѣ отъ главныхъ дорогъ, имѣвшіе значеніе какъ бы подъѣздныхъ путей. На такихъ ямахъ слободъ не было, а устраивалось на нихъ отъ 2—5 охотниковъ [1]). Въ административномъ отношеніи поперечные ямы были приданы къ уѣзднымъ или посадскимъ. Иногда они просто являлись выселками уѣздныхъ ямовъ. Къ концу 16 вѣка, когда успѣло уже измѣниться сравнительное значеніе разныхъ дорогъ, въ зависимости отъ исторической судьбы, постигшей различные населенные пункты, замѣчаемъ слѣдующее явленіе: ямы недавно еще устраивавшіеся на 50 паевъ и больше, присоединялись къ ямамъ, которые раньше имѣли меньшее значеніе или которые, если имѣли и одинаковое значеніе, то вовсе не такое, чтобы къ нимъ можно было придать сосѣднюю большую слободу. При томъ количествѣ данныхъ при которыхъ сейчасъ приходится изслѣдовать настоящій вопросъ, нельзя еще надѣяться имѣть сравнительную карту ямскихъ путей конца первой половины 16 вѣка и конца второй половины, но и теперь можно сказать, что къ началу 17 вѣка дорога отъ Москвы до Новгорода уже нѣсколько потеряла первенствующее значеніе, что значительно развилось къ этому времени сообщеніе между Москвой и Вологдой на Ярославль, что Ростовъ остался въ сторонѣ отъ главнаго пути, что потеряли всякое значеніе суздальскій и угличскій ямы и т. д. [2]) Историческое обьясненіе этихъ фактовъ не могло бы представить затрудненій.

Число паевъ, какъ видно изъ того, что уже было сказано нѣсколько раньше, не совпадало съ числомъ охотни-

[1]) Напримѣръ, въ 1560 г., на вороночскомъ яму—5 чел., на опочскомъ – 2, на бѣловскомъ въ 1604 г.—2 чел. и т. д. Кн. устр. Q. IV, 334, л. 302, А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 153, № 91, 1642 г.

[2]) Приведен. выше данныя и данныя переп. кн. ямск. сл. А. М. Ю. № 265, также Углич. Ак., стр. 17, 38, 141 и 171. Ср. также свидѣтельство Томаса Смита о Ростовѣ, въ „Путеш. и пребыв. въ Россіи", пер. Болдакова, стр. 25, изд. 1893 г. Отмѣтимъ, пользуясь случаемъ, что г. Болдаковъ, на стр. 116, пишетъ: „Ни въ одномъ изъ источниковъ намъ не удалось найти указанія на Шепецкое близъ Ярославля". Шепецкій ямъ—старый Ярославскій ямъ (А. С. М., I. стр. 49, 54, 59, 60). Въ настоящее время это—Шопшинская волость. См. Матерьялы для словаря народнаго языка въ Яросл. Губ., Е. И. Якушкина, стр. 41.

ковъ въ слободѣ, тѣмъ болѣе съ числомъ всего слободского населенія. Во первыхъ, на одномъ паѣ могло сидѣть нѣсколько охотниковъ, во вторыхъ, охотникъ могъ принять къ себѣ въ пай своихъ родныхъ – братьевъ, шурьевъ, зятьевъ, или и постороннихъ ему людей, которые съ теченіемъ времени могли также называться и считаться охотниками, хотя въ дѣйствительности были лишь подручными, наконецъ, въ слободы, какъ въ пункты, болѣе или менѣе обезпеченные землей и нуждавшіеся въ рабочихъ рукахъ, къ тому-же пользовавшіеся нѣкоторыми привиллегіями, должно было стекаться населеніе со стороны. Впрочемъ, слѣдуетъ сказать, что даже въ самомъ концѣ 16 вѣка слободы еще были бѣдны населеніемъ, сравнительно, напримѣръ, съ тѣмъ что мы увидимъ дальше, когда будемъ наблюдать слободскую жизнь во второй половинѣ 17 вѣка. Даже въ 20-хъ годахъ 17 вѣка населеніе слободъ значительно меньше, чѣмъ нѣсколько позже, хотя мы и не замѣчаемъ, чтобы въ то время гдѣ нибудь было значительно увеличено число паевъ. Это также подтверждаетъ высказанную нами мысль о томъ, что существовали причины, препятствовавшія прикрѣпленію охотника къ слободѣ. Но изъ тѣхъ-же данныхъ, которыя заставляютъ насъ думать, что слободы вообще были скорѣе бѣдны населеніемъ, мы видимъ еще, что, если и увеличивалось въ какой-либо слободѣ общее число населенія, то въ большей степени путемъ привхода въ слободу постороннихъ людей, чѣмъ путемъ естественнаго размноженія основного населенія слободы. Такъ, въ новгородскихъ ямахъ по переписи 1601 г. мы въ однѣхъ слободахъ видимъ не болѣе 3—5 человѣкъ выше нормы паевъ, въ другихъ даже—неполные комплекты [1]) Въ Можайской слободѣ въ 1596 г. при 35 паяхъ - 41 ч муж. пола во дворахъ и три бобыля не дворовыхъ; во владимірской слободѣ 1588 г. при 30 паяхъ – 40 ч муж. пола; въ переяславской слободѣ при 70 паяхъ въ 1600 г. – 76 ч. муж. пола и т. д. [2]) Но, напримѣръ, въ муромской слободѣ въ 1628 г. при 50 паяхъ 57 дворовъ, а людей въ нихъ 84 человѣка; въ 1621 г. въ ярославской ямской слободѣ при 70 паяхъ 59 охотниковъ, а людей всего 123 чел.; изъ нихъ 5 отстав-

[1]) Кн. устр. Q. IV, 260—264.

[2]) А. Мож., стр. 69, А. М. Ю., кн. 265,

ныхъ охотниковъ съ 6 сыновьями и братьями и 16 бобылей; въ 1628 г. въ той же слободѣ всего 57 охотниковъ, а людей 138 чел. но изъ нихъ охотничьихъ братьевъ, сыновей и племянниковъ 61 человѣкъ; остальное населеніе — бобыли и приходцы и т. д. [1]) Другими словами: основное населеніе слободы въ разсматриваемомъ періодѣ, если и разросталось, то незначительно, что также не можетъ не наводить на мысль о неустойчивости слободской жизни въ это время.

Въ составѣ слободского населенія, какъ это видно уже отчасти изъ того, что сейчасъ указано, мы замѣчаемъ бобылей. Вопросъ о бобыляхъ - одинъ изъ очень спорныхъ вопросовъ исторіи русскаго права. [2]) Не берясь за разрѣшеніе его въ общемъ и цѣломъ, изложимъ данныя, которыя намъ удалось собрать о ямскихъ бобыляхъ. Откуда они появлялись въ слободахъ, можно только догадываться. Въ переписныхъ книгахъ разныхъ слободъ 1628 г. иногда читаемъ: бобыль такой-то, а пришелъ въ такомъ-то году (иногда за 15 лѣтъ) изъ государева села или изъ подъ Новгорода, или изъ подъ Казани и т. д. Хотя эти указанія относятся къ нѣсколько позднѣйшему времени, но и въ концѣ 16 вѣка мы встрѣчаемъ, напримѣръ, въ можайской слободѣ въ 1598 г. бобыля приходца Матюшку. Въ одномъ изъ судныхъ дѣлъ по городу Ярославлю отъ 1618 г. читаемъ о ямскомъ бобылѣ указаніе, что отецъ этого бобыля пришелъ неизвѣстно откуда [3]) Кажется, это даетъ намъ право думать, что обыкновенно ямской бобыль не слободской человѣкъ, упавшій до положенія бобыля, а пришлый человѣкъ, сразу становившійся въ положеніе бобыля. Къ тому-же приводитъ и слѣдующее соображеніе: каждый изъ коренныхъ слобожанъ входилъ въ ту или иную опредѣленную группу; онъ

---

[1]) Кн. переп. 265, Имп. П. Биб. F, IV, 522, 528, Кн. Разр., I, стр. 1139, II, стр. 83, 285, 350 и др.

[2]) Литература этого вопроса въ главнѣйшихъ чертахъ собрана въ изслѣдованіи проф. Дьяконова, „Очерки изъ исторіи сельск. насел. въ Московск. госуд. въ 16—17 в.в.“, Петерб., изд. 1898 г., стр. 206, прим. I. Но ни проф. Дьяконовъ, ни его предшественники не касались вопроса о ямскихъ бобыляхъ.

[3]) Кн. переп. 265, Акт. Мож., стр. 68, А. М. И. Д. Судныя дѣла по городу Ярославлю. Ихъ шесть пачекъ разныхъ лѣтъ (1614—1676 г.). Матерьялъ во многихъ отношеніяхъ очень цѣнный.

или охотникъ (вытчикъ полувытчикъ, половинщикъ, гонящій съ трети выти, письменный охотникъ и т. д.), или охотничій сынъ, или охотничій братъ, или охотничій племянникъ; если онъ отставленный охотникъ, который почему-либо остался на слободѣ, онъ такъ и обозначался; его сынъ и братъ, и племянникъ такъ и назывались: сынъ отставленнаго охотника, братъ или племянникъ отставленнаго охотника; слѣдовательно, лицо, называшееся бобылемъ, выходило не изъ числа лицъ, составлявшихъ эти группы, а представляло собой особую группу, брало свое начало не въ слободѣ, а внѣ ея. Но ямскими бобылями назывались также и бобыли тѣхъ деревень которыя были приданы къ ямскимъ слободамъ. Это особенно ясно изъ устройныхъ новгородскихъ книгъ и изъ дѣла объ устроеніи псковскаго яма. Напримѣръ: „и за ними (псковскимъ и загорскимъ ямами) земли въ бѣльскомъ засадѣ 342 четв. съ третникомъ въ полѣ, а въ дву потому-жъ да въ нивныя пашни на оброчныхъ земляхъ 14 четвертей съ осьминой въ одномъ полѣ, а деревень живущихъ 18, а дворовъ въ нихъ 27, а крестьянъ и ихъ дѣтей, братіи и племянниковъ и бобылей 55 человѣкъ". [1]) Ямской бобыль лицо опредѣленнаго положенія: сходилъ онъ съ ямской земли но, пока не попадалъ въ другое опредѣленное положеніе, онъ продолжалъ считаться ямскимъ бобылемъ. Напримѣръ, нѣкоторые ямскіе бобыли переславской слободы жили въ городѣ въ дворникахъ, но продолжали считаться ямскими бобылями; напримѣръ, въ одномъ дѣлѣ по Новгороду читаемъ: „за Хутиновскимъ монастыремъ... дворъ Івашки Ѳомина, а былъ ямскимъ бобылемъ". [2])

Съ ямскими бобылями мы еще встрѣчаемся въ 1539 г. Въ писцовыхъ книгахъ шелонской пятины читаемъ: „за ямщики за Раецкими, за Васюкомъ за Ларивоновымъ, да за Першою за Даниловымъ сыномъ: дв. Васюкъ, дв. Перша сами ямщики, пашни въ одномъ полѣ 32 коробьи. А бобыльскихъ дворовъ безпашенныхъ на Васюковѣ половинѣ дв. Ондрюшка Петровъ, дв. Иванко Власьевъ, дв Андрюшка Васильевъ. А на Першинской половинѣ дв. Васюкъ Исаковъ,

---

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г.
[2]) Кн. пер. 265, л. 251—278. А. М. И. Д. Св. 1, № 3.

дв. Панкратко Ивановъ". [1]) Начиная съ шестидесятыхъ годовъ 16 вѣка, т. е. со времени устроенія ямскихъ слободъ, упоминаній о ямскихъ бобыляхъ встрѣчаемъ все больше и больше. Изъ этихъ данныхъ, если выдѣлить изъ нихъ тѣ, которыя касаются собственно послѣдняго тридцатилѣтія 16 вѣка и перваго двадцатилѣтія 17 вѣка—о времени между 30 и 70 г.г. 16 вѣка достаточныхъ данныхъ мы, къ сожалѣнію, не нашли—положеніе ямскихъ бобылей, представляется въ слѣдующемъ видѣ. Во первыхъ, какъ уже сказано, можно различать ямскихъ бобылей, жившихъ въ самихъ слободахъ, и бобылей, жившихъ въ приданныхъ къ слободамъ деревняхъ; во вторыхъ, бобыли, жившіе въ слободахъ, могутъ быть раздѣлены на 1) бобылей, которые пахали пашню и сверхъ того занимались какимъ-либо промысломъ, 2) только пахали пашню, 3) не пахали пашни и жили черной работой. Слободскихъ же бобылей можно раздѣлить еще и на такихъ, которые имѣли дворовую осѣдлость, и на такихъ, которые жили въ чужихъ дворахъ. Что касается бобылей, жившихъ въ ямскихъ деревняхъ, то о нихъ мы знаемъ только, что они вмѣстѣ съ ямскими крестьянами платили охотникамъ хлѣбный и денежный оброкъ. [2]) Какъ регулировались отношенія между ними и крестьянами, мы по нашимъ матерьяламъ прослѣдить не могли. Подробныя свѣдѣнія о бобыляхъ новгородскихъ слободъ дали намъ сохранившіяся двѣ книги „окладныя бобылей" отъ 1600 г., одна—крестецкаго яма, другая - заечевскаго. [3]) Изъ этихъ книгъ видно, что время отъ времени, быть можетъ, по челобитной самихъ охотниковъ, быть можетъ, по иниціативѣ воеводы, пріѣзжалъ въ ямскія слободы подъячій изъ Новгорода, и, собравъ цѣновщиковъ изъ охотниковъ и изъ самихъ бобылей, по ихъ выбору, по общему правилу приводилъ ихъ къ крестному цѣлованію и совершалъ вмѣстѣ съ выборными оцѣнку каждаго бобыля въ отдѣльности. Такъ, напримѣръ, по отношенію къ заечевскому яму, въ началѣ окладной бобыльской книги читаемъ: „Лѣта 7108, іюля въ день. По Государеву цареву и великаго князя Бориса Ѳеодоровича всея Руси указу и по наказу

---

[1]) Писц. Кн. Новг., IV, стр. 502.

[2]) А. М. И. Д. Н. Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г.

[3]) Q. IV, 264, съ л. 211.

Государева боярина князя Василія Ивановича Шуйскаго за приписью государевыхъ дьяковъ Дмитрія Алябьева до Второго Поздѣева пріѣзжалъ подъячей Богданъ Михайловичъ на заячевскій ямъ и взялъ съ собою того-жъ яму охотниковъ по ихъ охотницкому и излюбленному списку окладчиковъ (имена) да изъ охотницкихъ бобылей по ихъ излюбленному списку окладчиковъ (имена) и тѣхъ окладчиковъ спрашивалъ по г-еву ц-ву и вел. кн. Бор. Ѳеод. всея Руси крестному цѣлованію про заечевскаго яму бобылей про ихъ жите и про ихъ списки и хто именемъ и каковъ кто прожиткомъ и чѣмъ хто промышляетъ и сколько хто въ селѣ и окладывали денежнымъ годовымъ оброкомъ и тому книги“. [1])

Оцѣнивалась каждая группа бобылей порознь. Сначала дворовые бобыли, затѣмъ не дворовые; при оцѣнкѣ дворовыхъ бобылей сначала оцѣнивали тѣхъ, кто пахалъ пашню, затѣмъ—тѣхъ, кто пашни не пахалъ. Оцѣнивали каждаго, принимая во вниманіе всю совокупность условій его обстановки, соотвѣтственно съ чѣмъ и опредѣляли ту сумму оброка, которую бобыль долженъ былъ платить ежегодно. Вотъ примѣры: „Дворовый бобыль Яковъ Андреевъ сынъ Лакомецъ. А сказали окладчики, что онъ торгуетъ хлѣбомъ и калачами и животину на продажу бьетъ и пашню пашетъ. А живота у него лошадь да 3 коровы да телушка да два бычка, а ржи сѣяно къ 108 году четверть да овса две четверти безъ полуосмины да гречи полосмины. И обложили окладчики денежнымъ оброкомъ 12 алтынъ. Дворовый бобыль Микитка Евсеевъ сынъ Суровчихинъ, а сказали про него, окладчики что онъ пашню пашетъ и зимнею порою... торгуетъ а ржи у него сѣяно полторы осмины ржи да овса три четверти да ярицы полторы осмины, а живота у него лошадь да двѣ коровы да телушка да два бычка. И всего у него овса сѣяно сказалъ четыре четверти, а у него два сына. И обложили окладчики денежнымъ оброкомъ 14 алтынъ“. [2]) Дворовыхъ бобылей въ слободѣ оказалось 19, изъ которыхъ 13 пахали пашню, а 6 пашни не пахали. Изъ этихъ 13 трое торговали хлѣбомъ, калачами, двое били скотину на продажу. Рѣшающее значеніе для

[1]) Q. IV, 264, л. 211 и 211 об.

[2]) Q. IV, 264, л. 211 об.

величины оброка имѣлъ, видимо, размѣръ посѣвовъ, но какъ будто принималось въ разсчетъ и количество сыновей, т. е. рабочихъ рукъ въ хозяйствѣ. Высшій окладъ—18 алтынъ (1), потомъ идутъ послѣдовательно оклады—14 алтынъ, (1), 12 алтынъ (1), 10 алтынъ (3), 8 алтынъ (1), 7 алтынъ (1), 6 алтынъ (4), 5 алтынъ (1). Бобыли дворовые, но не пахавшіе пашни, помѣчены, какъ дѣлающіе всякое черное дѣло на людей; изъ 6 такихъ дворовъ въ двухъ—вдовы бобылей съ двумя сыновьями, въ одномъ—вдова безъ дѣтей. Одинъ изъ не имѣвшихъ пашни бобылей былъ обложенъ довольно высоко— въ 5 алтынъ, больше всѣ остальныхъ, не пахавшихъ пашню. Видимо, онъ достаточно зарабатывалъ, работая изъ наймовъ. Ни у кого изъ этой группы нѣтъ никакого скота. Окладъ имъ былъ положенъ въ 5 алтынъ (1), 3 алтына 2 деньги (1), 3 алтына (1), 2 алтына 2 деньги (2), 2 алтына 1 деньга (1). Недворовыхъ бобылей въ слободѣ показано 7. Изъ нихъ у троихъ по двѣ коровы; оброкъ положенъ былъ въ 5 алтынъ. Одинъ бобыль показанъ живущимъ у брата— бобыля другой—у бобыля; остальные - въ подсусѣдникахъ у охотниковъ. Всѣ показаны занимающимися черной работой на людей. Оброкъ положенъ на остальныхъ въ 3 алтына (1), въ 2 алтына 2 деньги (1), въ 2 алтына (2). На Крестецкомъ яму, гдѣ было 30 бобылей - та-же перепись, тѣ-же оклады, тотъ-же типъ отношеній. [1])

Оброкъ шелъ въ слободу. Собиралъ его староста: „а заплатити оброчныя деньги заечевскому яму по годомъ ямскимъ старостамъ, а старосты тѣ оброчныя деньги дѣлити между собя по вытно со всѣми товарищи 30 человѣки съ охотники“ [2]). Изъ этихъ данныхъ довольно опредѣленно выясняется, что ямской бобыль, по крайней мѣрѣ, въ новгородскихъ слободахъ, былъ довольно иногда зажиточный хозяинъ, запахивавшій нисколько не меньше, чѣмъ и крестьянинъ, жившій на землѣ помѣщика или на монастырской землѣ, [3]) державшій едва-ли меньшее чѣмъ всякій пашенный крестьянинъ количество скота и сверхъ того занимавшійся какимъ-либо побочнымъ промысломъ. Землю та-

---

[1]) Q. IV, 264, съ л. 219.

[2]) Q. IV, 264, л. 217 об.

[3]) Пользуемся для сравненія таблицей, составленной Рожковымъ, Сельск. хоз., стр. 172—173.

кой бобыль бралъ въ пашню преимущественно у ямскихъ охотниковъ. Но если земля последнихъ была уже вся разобрана, то, видимо, бобыль бралъ въ пашню и у окрестныхъ владѣльцевъ. Въ тѣхъ-же книгахъ, напримѣръ, читаемъ: „а имали всѣ тѣ бобыли пашню пахать у дѣтей боярскихъ и у монастырскихъ и у охотниковъ“. Кромѣ оброка они платили еще и часть урожая. По крайней мѣрѣ, бобыли зачевскаго и крестецкаго ямовъ пахали не только изъ оброка, но и изъ пятаго снопа. Вѣроятно, тѣ-же условія были и въ псковскихъ слободахъ, въ описаніи которыхъ говорится не только о денежномъ, но и о хлѣбномъ доходѣ съ крестьянъ и бобылей [1]). Бобыль непашенный былъ наймитомъ. Какихъ бобылей въ слободахъ было больше - пашенныхъ или не пашенныхъ, сказать мы не можемъ, но въ приведенныхъ примѣрахъ пашенныхъ бобылей $^3/_4$ на число дворовыхъ и $^1/_2$ на общее число бобылей въ слободѣ. Изъ другихъ источниковъ, относящихся, впрочемъ, къ концу 20 годовъ 17 вѣка, но нерѣдко попутно описывающихъ и старыя отношенія, иногда точно датированныя 70 и 80 годами 16 вѣка, мы узнаемъ, что бобыли и въ другихъ московскихъ слободахъ дѣлились на дворовыхъ и недворовыхъ, а дворовые на пашенныхъ и не пашенныхъ. Такъ, бобыли рогожской московской слободы пахали пашню въ селѣ Рогожахъ; нѣкоторые изъ бобылей (видимо, не пашенные) гоняли вмѣстѣ съ охотниками гоньбу, очевидно, или изъ наймовъ, или вмѣсто оброка. Въ Якиманской слободѣ, приданной къ Муромскому яму, были дворы и огороды бобылей, которые „подводъ не отпущаютъ, а нанимаются въ проводники и гребцы“. Въ вокшерской слободѣ, приданной къ ярославскому яму, бобыли пахали пашню, платя за нее оброкъ. Бобыли залѣсской слободы иные нанимались у охотниковъ, иные жили въ городѣ въ дворникахъ. Въ ухорской слободѣ были бобыли, пахавшіе пашню и нанимавшіеся у охотниковъ. Въ суздальской слободѣ, охотники которой частью были переведены на ямъ во Владиміръ, а частью сошли (одинъ сошелъ въ бобыли за помѣщика, одинъ – въ посадское тягло, одинъ въ крестьяне), всю землю пахали бобыли, платя владимірской слободѣ оброкъ [2]).

[1]) Q. IV, 264, л. 216, А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 91, 1642 г.

[2]) Кн. переп. 265, л. л. 26–43, 162, 255, 326 и др.

Мы уже видѣли, какъ въ нѣкоторыхъ новгородскихъ слободахъ распредѣлялась дворовая осѣдлось бобылей: одни жили цѣлымъ дворомъ, другіе—на большей или меньшей доли его. Бобыль, жившій на дворовомъ мѣстѣ охотника, обозначался обыкновенно живущимъ въ подсосѣдникахъ (охотникъ, жившій на одномъ дворовомъ мѣстѣ съ другимъ охотникомъ. обозначался живущимъ въ сосѣдяхъ). Бобыль, жившій исключительно наемнымъ трудомъ и не имѣвшій никакой осѣдлости, обозначался живущимъ межъ охотниковъ [1]. Едва-ли бобыли ставили свои дворы: обыкновенно они поселялись во дворахъ бѣглыхъ охотниковъ [2] (отсюда напрашивается предположеніе, что бѣглый охотникъ, вопреки общему правилу, терялъ право собственности на дворъ, который конфисковался въ наказаніе за побѣгъ) или вообще на пустыхъ охотничьихъ дворахъ [3]. По всей вѣроятности, вступая въ слободу, бобыль совершалъ порядную въ бобыли Ни одной такой порядной въ ямскіе бобыли намъ найти не удалось. Мы знаемъ, однако, порядныя въ бобыли, напримѣръ, въ пушкарскія слободы [4]. Едва-ли слѣдуетъ думать, что въ ямскихъ слободахъ практика отступала отъ общаго порядка.

Распространялись-ли на бобылей тѣ права и преимущества, которыя составляли содержаніе особаго права ямскихъ слободъ? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ источники не даютъ. Въ касимовской грамотѣ мы находимъ указаніе, которое скорѣе должно было-бы привести къ отрицательному, чѣмъ положительному выводу. Тамъ, какъ уже извѣстно, читаемъ: „се язъ царь великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ есми слобожанъ въ Касимовѣ городѣ на посадѣ ямской слободы, приказчика да старосту и охотниковъ да дворниковъ пятьдесятъ человѣкъ". Но въ этой точности обозначенія едва-ли слѣдуетъ видѣть стремленіе исключить всѣхъ остальныхъ лицъ, которыя могутъ оказаться въ слободѣ. Въ грамотѣ говорится о слободѣ въ

---

[1]) Q. IV, 260, л. 50 об., 51, 432 и др.

[2]) Напр. Q. IV, 261, л. 37 об.

[3]) Акты Можайск., ц. м.; Вельяминовъ-Зерновъ, т. III, ц. м., кн. переп. 265 и др.

[4]) Находятся въ коллекціи столбцовъ, внесенныхъ въ Яросл. Учен. Арх. Комис. отъ имени генерала Савельева Е. И. Якушкинымъ.

ея строгой схемѣ, въ томъ ея видѣ, который одинъ заботилъ правительство; тутъ поэтому дѣлаются указанія лишь на тѣхъ лицъ, безъ которыхъ слобода не могла бы исполнять порученныхъ ей функцій. Всѣ остальныя лица, которыя вошли-бы въ слободу — вопросъ внутренней жизни этой слободы и только. Такъ какъ, однако, объектомъ обложенія была земля, а земля, которой пользовались бобыли, какъ принадлежавшая слободѣ, освобождалась отъ повинностей, то едва-ли можно думать, чтобы бобыли, сверхъ оброка или повинностей въ пользу слободы, несли еще какія-либо другія повинности. Соотвѣтственно съ этимъ, видимо, рѣшался и вопросъ о судѣ и управленіи. Судъ приказчика едва-ли не опредѣлялся территоріальными границами слободы со всѣми принадлежавшими ей землями, а, слѣдовательно, и людьми ихъ населявшими. Повторяемъ, однако, что вопросъ нуждается въ матерьялахъ, которыми мы не располагаемъ. Матерьялы-же позднѣйшаго времени едва-ли приложимы здѣсь, такъ какъ вѣроятно, очень рано въ 17 вѣкѣ слободскія грамоты, давъ содержаніе спеціальнымъ узаконеніямъ, потеряли первоначальное значеніе.

Управленіе ямской гоньбой сосредоточивалось въ ямскомъ приказѣ, въ началѣ разсматриваемаго періода чаще называвшагося ямской избой. [1]) Мѣстное управленіе сосредоточивалось въ рукахъ органовъ мѣстной администраціи. Въ Новгородѣ, а, можетъ быть, и въ Псковѣ, одинъ изъ дьяковъ по прежнему назывался ямскимъ. [2]) При новгородскихъ ямскихъ дьякахъ по крайней мѣрѣ, еще въ 80 годахъ, существовало учрежденіе, какъ бы особый ямской приказъ, что наводитъ на мысль объ особомъ областномъ новгородскомъ ямскомъ управленіи. Такъ, изъ грамоты отъ 1556 г. (слѣдовательно отъ переходнаго времени между первымъ и вторымъ періодами) мы узнаемъ о ямскомъ новгородскомъ Алабышѣ Колобовѣ сынѣ Перепечинѣ, отставленномъ отъ ямского приказа по распоряженію изъ Москвы за корчемство и за буйство. На мѣсто Перепечина предписывалось выбрать „сына боярска добра, кого будетъ при-

---

[1]) См. главу седьмую дан. кн.

[2]) Ямскихъ дьяковъ въ Новгородѣ встрѣчаемъ еще, напримѣръ, въ 1586 г.: дьяки Савва Фроловъ да Семейка Емельяновъ. Они устроили обѣ ямскія посадскія слободы, поговоря съ воеводой. Q. IV, 262, л. 1.

гоже". Но почти одновременно былъ присланъ изъ Москвы Матвѣй Хлуденевъ, который былъ пожалованъ „половиной ямскимъ подъ Алабышемъ Колобовымъ сыномъ Перепечина въ кормленье". Предписывалось дать ему доходный списокъ съ книгъ,„ почему ему то ямское вѣдати и пошлина своя сбирати, потому жъ какъ прежніе кормленщики то ямское вѣдали". [1]) Такимъ образомъ, при дьякѣ состояли двое ямскихъ изъ дѣтей боярскихъ. Предполагать-же, что Перепечинъ и Хлуденевъ сами были ямскими дьяками, нѣтъ никакихъ оснований Мы не можемъ также предположить, что Перепечинъ и Хлуденевъ были лишь ямскими приказчиками посадскихъ новгородскихъ ямовъ. Во первыхъ, тогда, какъ мы утверждаемъ, еще не было ямскихъ слободъ, во вторыхъ, извѣстна полная, писанная Алабышемъ Перепечинымъ въ 1554 г. [2]) Полныя грамоты писали, какъ мы уже знаемъ, ямскіе дьяки и ямскіе при нихъ приказные, но ихъ никогда не писали ямскіе приказчики Извѣстна также докладная, писанная ямскимъ въ 1567 г. при ямскомъ новгородскомъ дьякѣ Плохомъ Цвелиневѣ [3]).

Весьма возможно, что областное управленіе было и въ Торжкѣ, гдѣ начиналась новая серія ямовъ по большой московской дорогѣ. Указанія на это относятся къ 1585 г. Но здѣсь, гдѣ не было ямскихъ дьяковъ, областное управленіе, если только вообще допустимо такое предположеніе, имѣло уже иную организацію: торжковскій сынъ боярскій по назначенію великаго князя тверского Симеона Бекбулатовича вѣдалъ охотниковъ въ посадской слободѣ и одновременно, вѣроятно, вѣдалъ и уѣздные ямы. Такъ, въ 1585 г. сынъ боярскій новоторжскій Игнатій Львовъ вѣдалъ ямъ и ямскихъ охотниковъ въ Торжку, а тверской сынъ боярскій Созонъ Пестовъ сбиралъ новгородскимъ ямскимъ охотникамъ подможныя деньги съ Твери и съ тверского уѣзда и съ Торжка и съ новоторжскаго уѣзда; до Игнатія Львова въ Торжку вѣдалъ ямъ и съ сохъ охотниковъ деньги сбиралъ и охотниковъ-же въ Торжку вѣдалъ тверской дворянинъ Никита Милюковъ, который одновременно вѣ-

---

[1]) Д. А. И., I, 103, 105.

[2]) Акты, явл. Д. Алябьеву, № 356.

[3]) Акты, явл. Д. Алябьеву, № 501. Докладная писана подьячимъ Тухинскимъ,

далъ, за отсутствіемъ губныхъ старостъ, и разбойныя, и татиныя дѣла въ Торжкѣ.“ [1]) Продолжался-ли этотъ порядокъ и послѣ Симеона Бекбулатовича, судить основаній не имѣемъ. Въ 17 вѣкѣ никакихъ слѣдовъ областного ямского управленія въ Торжкѣ не встрѣчаемъ. Возможно, однако, что и Львовъ и Милюковъ были лишь ямскими приказчиками торжковской слободы, но съ большими чѣмъ обыкновенно полномочіями, что, можетъ быть, объяснялось бы особыми правами какъ Симеона Бекбулатовича, такъ и служившихъ при немъ.

Документы ясно показываютъ, что какого-либо объединенія управленія по ямскому дѣлу въ разсматриваемомъ періодѣ не было; не было даже и въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы можемъ говорить о такомъ объединеніи при разсмотрѣніи гоньбы въ 17 вѣкѣ. Можно отмѣтить лишь, что практика главнѣе всего выдвигала слѣдующіе два принципа: за исправность ямской гоньбы отвѣчали органы мѣстной власти, но въ предѣлахъ ямской слободы имѣлось самостоятельное управленіе. Вся переписка по поводу устроенія ямовъ и слободъ шла изъ Москвы и къ Москвѣ черезъ мѣстную власть; соотвѣтственно съ этимъ забота объ осуществленіи предначертаній московскаго центральнаго ямского органа ложилась на ту-же власть, органы которой руководились ея наказами. Кому давалось порученіе, тотъ и исполнялъ его. Исполнялъ порученіе, положимъ, подъячій, но среди дѣла его отзывали и заканчивалъ порученіе губной староста. Такой случай былъ, напримѣръ, при устроеніи одного изъ новгородскихъ ямовъ. [2]) Но такъ какъ отвѣтственность, возлагавшаяся на мѣстную власть, естественно должна была вызывать стремленіе полнѣе проникать во всѣ распорядки по ямской гоньбѣ, то, вѣроятно, скоро ямскія слободы оказались вполнѣ въ подчиненіи у воеводъ и дьяковъ. [3]) Произошло-ли это безъ борьбы и какъ сильна

[1]) Акты Моск. Гос., I, 30.

[2]) Q. IV, 334.

[3]) Проф. Дьяконовъ, въ статьѣ о „Город. приказчикахъ“, Ж. М. Н. Пр. 1900 г., кн. 1, стр. 72, собралъ различныя данныя объ обязанностяхъ городовыхъ приказчиковъ по ямскому дѣлу. Казалось бы, однако, необходимымъ прибавить къ этому, что всѣ эти обязанности исполнялись по отношенію къ одному и тому-же яму отнюдь не только городо-

была эта борьба, если таковая была, судить мы не имѣемъ данныхъ.

Руфъ Игнатьевъ въ своемъ изслѣдованіи приводитъ двѣ выписки, изъ которыхъ онъ заключаетъ, что ямкіе охотники были буйной вольницей на Руси 16 вѣка. Въ одной разсказывается, какъ ямскіе охотники взбунтовали архангельское населеніе противъ воеводы Милюкова, а затѣмъ противъ воеводы Пригорева, въ другой—какъ они вмѣстѣ съ литвой и рускими ворами пограбили Тверской Желтиковскій монастырь, изломавъ даже гробъ чудотворца. [1]) Нельзя отрицать, что жизнь на большой дорогѣ должна была вырабатывать въ охотникахъ наклонности къ буйству, непокорности и своеволью. Но, вѣроятно, не въ маломъ были виноваты воеводы и приказные люди, чинившіе охотникамъ всякія обиды и притѣсненія. Кромѣ отрывочныхъ указаній въ новгородскихъ устройныхъ книгахъ, мы не имѣемъ для даннаго періода никакихъ опредѣленныхъ свидѣтельствъ по этому вопросу. Но такъ позволяетъ думать практика 17 вѣка, когда, какъ мы увидимъ, охотники были поставлены въ лучшія сравнительно условія, и тѣмъ не менѣе не мало терпѣли отъ своеволія областной власти.

выми приказчиками, а и другими должностными лицами, всякимъ, кому давалось порученіе.

[1]) Новгор. Губ. Вѣд., 1849 г., стр. 272.

IV.

Исторія сибирскихъ ямовъ представляетъ особый интересъ. Изучая эту исторію, мы наглядно видимъ, какъ та практика, ходъ образованія которой намъ уже извѣстенъ, примѣнялась на новыхъ мѣстахъ. Мы видимъ также, какъ видоизмѣнялась тутъ эта практика, не находя на новыхъ мѣстахъ цѣлаго ряда условій, необходимыхъ для ея существованія. Наконецъ, мы получаемъ возможность выяснить, въ какой степени эти новшества, выросшія на этой новой почвѣ, оказали вліяніе на старую практику и въ центральныхъ русскихъ областяхъ.

Всѣ данныя ведутъ насъ къ утвержденію, что первые сибирскіе ямы были учреждены между 1598 - 1600 г.г. Хотя до 1598 года существовали уже въ Сибири города Тюмень, Тобольскъ, Пелымъ, Березовъ, Сургутъ, Тара, Нарымъ и Верхотурье, [1]) но нѣтъ основаній думать, что ямская гоньба между внутренними городами была устроена ранѣе, чѣмъ между Тюменью и Верхотурьемъ, лежавшими на пути къ Москвѣ. Извѣстно, что до 1598 г. дорога изъ Сибири шла водою отъ Тюмени внизъ Турою, Тоболомъ, вверхъ Тавдою, Лозвою, внизъ Вишерою, мимо Чердыни, на Соликамскъ. Это былъ главный путь—имъ шла царская соболиная и денежная казна, имъ шли и хлѣбные запасы. [2]) Въ 1597 г. Ортюшка Бабиновъ проложилъ дорогу въ Сибирь сухимъ путемъ на Верхотурье и Тюмень. [3]) До Верхотурья отъ Со-

---

[1]) Описаніе Сибирск. Царства, Г. Ф. Миллера, изд. 1750 г., стр. 212, 217, 226, 260, 311, 334, примѣч. Верхотурье, впрочемъ только было проектировано.

[2]) Жалов. грамота Бабинову, въ Опис. Сиб. Царства, Миллера, стр. 332 примѣч.

[3]) Указъ Головину, тамъ-же стр. 330 примѣч. 2. Перепечатана и въ А. И., II, 26, но съ пропусками, такъ какъ оригиналъ къ этому времени, видимо, уже подвергся порчѣ.

ликамска считалось 250 верстъ и отъ Верхотурья до Тюмени — около 700 верстъ. [1]) До 1599 г. дорога была еще въ очень плохомъ состоянии, [2]) такъ что еще до начала 1599 г., вѣроятно, ямъ въ Верхотурьѣ не существовалъ [3]) Въ 1600 году былъ устроенъ ямъ въ Туринскомъ острогѣ (Епанчинѣ). [4]) Такъ какъ Туринскій острогъ былъ за тѣмъ и построенъ, чтобы служить промежуточнымъ ямомъ между Верхотурьемъ и Тюменью, [5]) то, слѣдуетъ думать, что и въ Тюмени ямъ

---

[1]) Жалов. грам. Бабинову, тамъ-же, стр. 332, примѣч.

[2]) Указъ Головину, тамъ-же, стр. 330, примѣч. 2.

[3]) Хотя по одному источнику, въ 1598 г. яма на Верхотурьѣ еще не было, что видно изъ А. И., II, 8, гдѣ наказывается брать подъ гонцовъ подводы у вогуловъ, но верхотурскіе ямщики въ 1644 г. ссылались на грамоту, данную имъ Царемъ Өедоромъ Іоанновичемъ, слѣдовательно, до января 1598 г. (А. И. III, 234). Противорѣчіе объясняется тѣмъ, что наказъ о построеніи Верхотурья былъ данъ еще въ концѣ 1597 г. тогда-же, вѣроятно, и грамота ямщикамъ. Самое-же городовое строеніе не было еще начато и въ концѣ 1598 г. (актъ у Миллера, стр. 334 примѣч.) Ямъ, очевидно, еще не существовалъ и въ концѣ 1598 г. Буцинскій, Заселеніе Сибири и бытъ первыхъ ея насельниковъ, Харьк., изд. 1889 г. считаетъ, что слобода основана не ранѣе 1600 г., а гоньбу охотники начали гонять съ 1601 г. Стр. 43. Авторъ ссылается на А. И. III, 78, гдѣ въ челобитной верхотурскіе охотники говорятъ, что они гоняютъ съ 1601 г. Но слобода была до 1600 г., такъ какъ тѣ-же охотники, какъ выше сказано, ссылались на грамоту Өедора Іоанновича. Гоньбу они гоняли уже раньше ноября 1600 г., что прямо видно изъ грамоты А. И. III, 35.

[4]) Р. И. Б., II, 47. Миллеръ, ц. с., стр. 360—361, ошибочно относитъ основаніе Туринска къ 1601 г. Фишеръ, Сибирская Исторія, Петерб., изд. 1774 г., стр. 203, относитъ основаніе Туринска къ 1600 г. Воспользуемся случаемъ, чтобы привести мнѣніе Фишера о ямской гоньбѣ: „Ямщики не составляютъ, какъ нѣкоторый писатель въ своей географіи думаетъ родъ дикихъ въ Сибири, но суть Россійскіе почталіоны, которые отъ яма до яму опредѣлены, дабы отвозить посылаемыхъ для государевой службы, и снабденныхъ надлежащими подорожными людей. Но не должно думать, что сіи почты учреждены по Европейскому обыкновенію, по которому оныя въ назначенные дни отходятъ и приходятъ. Оныя тогда только отходятъ, естьли ѣдущій можетъ показать отъ ямской канцеляріи подписанную и запечатанную подорожную, въ которой означается число лошадей Можно-бы ихъ лучше сравнить съ Римскими Uehiculis publicis о чемъ въ дигестахъ, см. въ Светоніи жизнь Августа гл 49. Тѣмъ лучше еще съ Китайскими учрежденіями, описанными обстоятельно отъ М. Паола“. Ц. с., стр. 202—203, примѣч.

[5]) Миллеръ, ц. с. стр. 352—353, примѣч.

былъ устроенъ нѣсколько раньше Туринскаго, вѣроятно, въ одинъ годъ съ верхотурскимъ. [1])

Изъ того, что было сказано въ предъидущихъ главахъ, уже извѣстно, что ямская гоньба, съ тѣхъ поръ, какъ она была учреждена, устраивалась на основѣ готовой издавна— на подводной повинности, къ которой населеніе привыкло. На той-же основѣ, видимо, пытались устроить гоньбу и въ Сибири. Такъ, между Тюменью и Верхотурьемъ жили вогулы, большая часть которыхъ находилась очень далеко отъ новой дороги, проложенной Бабиновымъ. Ближе къ дорогѣ жили вогулы Ляликскіе, числомъ 30 человѣкъ, не болѣе, но такъ какъ брать у нихъ подводы было сподручно, то въ теченіи года имъ пришлось отпустить 320 лошадей до Соликамска, Пелыми и Тюмени. Вогулы, изложивъ тяжесть своего положенія, просили хотя бы сбавить съ нихъ за исполненіе подводной повинности ясакъ. Особой грамотой предписано было ясакъ съ нихъ убавить, но объ освобожденіи отъ гоньбы въ указѣ не было и рѣчи. [2]) Это было въ 1599 г. Въ слѣдующемъ, однако, году, какъ можно думать, подъ вліяніемъ принципіальнаго взгляда Москвы того времени на сибирскую колонизаціонную политику—„сибирскихъ бы есте всякихъ ясачныхъ людей велѣли беречи и ласку, и привѣтъ, къ нимъ держали и ихъ ничемъ не жесточили“ [3])—на этомъ пути учреждается уже ямская гоньба. Такимъ образомъ, первая-же попытка ввести населеніе въ строй гоньбы окончилась неудачей. Но нельзя-ли было, устроивъ ямскую гоньбу, организовать ее такъ, чтобы, по примѣру старой московской практики, населеніе доставляло подводы на ямъ или, по примѣру практики болѣе поздней, давало на ямъ охотниковъ, охотникамъ давало подмогу и т. д.? Отвѣтъ на этотъ вопросъ видимъ въ указахъ объ учрежденіи яма въ Епанчинѣ. Приказывается призвать татарина Епанчу [4]) и лучшихъ людей, выйти къ нимъ въ цвѣтномъ платьѣ и сказать имъ слѣдующее

---

[1]) Лепехинъ, Записки въ 5 томѣ Полн. Собр. ученыхъ путешествій по Россіи, изд. 1822 г., относитъ учрежденіе ямской гоньбы въ Тюмени къ 1601 г. Согласиться съ этимъ трудно, такъ какъ Верхотурье—Туринскъ—Тюмень представляются тремя главными пунктами одной дороги.

[2]) Миллеръ, ц. с., стр. 352—353, примѣч.

[3]) Миллеръ, ц. с., стр. 351, примѣч., Р. И. Б., II, 47.

[4]) О Епанчѣ подробности у Миллера, ц. с., стр. 107, 353

государево жалованное слово: „въ прошлыхъ годѣхъ, которые наши посланники и гонцы гоняли отъ насъ съ Москвы въ Сибирь и изъ Сибири къ намъ къ Москвѣ съ нашею казною и со великими нашими дѣлы, и тѣ наши посланники и гонцы имали у нихъ подводы и провожатыхъ, и мы про то велѣли воеводамъ нашимъ про всѣ ихъ нужи расмотрить: нѣтъ-ли имъ въ томъ какіе нужи и тѣсноты? да о томъ о всемъ велѣли есми отписати къ намъ къ Москвѣ, чтобы имъ нужи и тѣсноты ни въ чемъ не было; и жити бы имъ въ нашемъ царскомъ жалованьѣ въ тишинѣ и въ покоѣ. И писали къ намъ изъ Сибири воеводы наши, что имъ сибирскимъ людемъ, ему, Епанчѣ, и которые живутъ около его юрта, въ подводахъ тѣсноты и убытки ставятца великіе; и мы, по своему царьскому милосердому обычаю, жалуя его, Епанчу, и всѣхъ сибирскихъ людей, которые около его юрта живутъ, велѣли устроити ямъ и пашенныхъ людей, пріискавъ мѣсто, а ихъ пашень и всякихъ угодей имати у нихъ и вступатись ни во что и впередъ у нихъ подводъ имати не велѣли". [1]) Въ благодарность за царскую къ нимъ милость туземцы должны были только помочь русскимъ выстроить городъ. Слѣдовательно, московское правительство, очень быстро приведя въ связь съ общей своей колонизаціонной политикой и вопросъ о ямскомъ строѣ на новыхъ мѣстахъ, поставило дѣло такъ: опыты съ установленіемъ подводной повинности привели къ жалобамъ и недовольству; надежды на то, что населеніе со временемъ привыкнетъ, шатки; поставить организацію ямского сообщенія въ зависимость отъ этихъ шаткихъ надеждъ нецѣлесообразно; гораздо выгоднѣе сдѣлать изъ учрежденія ямовъ еще одно доказательство заботливости Москвы о нуждахъ туземцевъ. Но при этомъ условіи, конечно, весь ямской строй долженъ былъ создаться, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ, самостоятельно, безъ жертвъ со стороны населенія.

Такъ и повелось. Въ верхотурскій ямъ, первый по времени сибирскій ямъ, ямскіе охотники не были поставлены населеніемъ, а были прибраны въ разныхъ городахъ, выкликаны по городамъ или какъ спеціально обозначалось: „писалися разныхъ городовъ въ ямщики". [2]) Въ туринскій

[1]) Р. И. Б., II, 47.

[2]) А. И., II, 35.

острогъ были посланы шесть ямскихъ охотниковъ изъ Казани, а остальные для Туринска (былъ назначенъ комплектъ въ 50 человѣкъ) были также прибраны, но, видимо, не въ московскихъ городахъ, а въ Верхотурьѣ. [1])

Подробности о томъ, какъ прибирались ямскіе охотники въ сибирскіе города видны изъ одного дѣла объ устройствѣ Демяновскаго въ (Тобольскомъ уѣздѣ) и Самаровскаго (въ Сургутскомъ уѣздѣ) ямовъ. [2]) Ямщиковъ на каждый изъ этихъ ямовъ было приказано прибрать по 50 человѣкъ и „прибрать ихъ въ поморскихъ городѣхъ дворяномъ на Вологде, на Тотьме, на Устюге Великомъ, Еренскомъ городкѣ Өедору Скрябину, а на другой ямъ—въ Сольвычегодской, въ Кайгородкѣ, въ Перми Великой, въ Чердыни, въ Соликамской—Ивану Погожему". Өедоръ Скрябинъ и Иванъ Погожій - дѣти боярскіе, посланные одинъ съ Вологды, другой - съ Сольвычегодской. Набирать приказано было изъ вольныхъ охочихъ людей, изъ захребетниковъ, съ женами и дѣтьми, семьянистыхъ людей, отъ отцовъ дѣтей и отъ братіи братьей и отъ дядей племянниковъ, а не изъ тягла и не изъ крѣпостныхъ людей и не изъ воровъ. Для подъема было приказано дать по 5 рублей подмоги на человѣка. Платить было приказано изъ четвертныхъ доходовъ изъ „тутошнихъ", т. е. того мѣста, гдѣ кто прибранъ будетъ. [3]) Кромѣ того каждый охотникъ на себя и семью получалъ подводы: у кого въ семьѣ 7—8 человѣкъ, тому 4 подводы, у кого 5—6 человѣкъ - 3 подводы, кто самъ третей—двѣ подводы. Дѣтямъ боярскимъ, исполнявшимъ порученіе, мѣстными воеводами давались бирючи, которые кликали охотниковъ, стрѣльцы для разсылки и для письма дьячки. [4])

---

[1]) Р. И. Б., II, 47, стр. 66.

[2]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. 1635 г. Св. 76, № 8.

[3]) Интересная подробность: эта подмога, платившаяся изъ мѣстныхъ четвертныхъ доходовъ, возвращалась въ Устюжскую четь изъ приказа Казанскаго дворца

[4]) Въ Р. И. Б., II, 181, 2 находимъ продолженіе приведеннаго дѣла: Скрябинъ пріѣхалъ съ новоприбранными охотниками въ Верхотурье, но его тамъ задержали и долго не отпускали въ Тобольскъ. Нѣкоторыя подробности о причинахъ устроенія и о первыхъ годахъ самаровскаго и демьяновскаго ямовъ находимъ у Фишера, ц. с., стр. 404. Остяки, что жили у нижняго Иртыша и у Оби, приносили жалобы на трудность поставки подводъ для ѣзды между Тобольскомъ, Березовымъ

Дѣло относится къ 1635 г. Но подобнымъ же образомъ, вѣроятно, прибирались ямскіе охотники и для перваго сибирскаго яма - Верхотурскаго, такъ какъ и эти были разныхъ городовъ писавшіеся въ ямщики [1]. Однако, если обстоятельства того требовали, собирали на ямъ охотниковъ и на мѣстѣ, преимущественно изъ посадскихъ людей не имѣвшихъ пашни, и изъ половниковъ и захребетниковъ, выбравъ лучшихъ людей. Такъ, напримѣръ, былъ въ 1630 г. возобновленъ ямъ въ Тюмени. [2] Вообще-же, кажется, можно установить, что первые сибирскіе ямы, точно также, какъ и впослѣдствіи учреждаемые сибирскіе ямы обыкновенно пополнялись охотниками изъ русскихъ городовъ; возобновлялись-же ямы и въ случаѣ убыли дополнялись мѣстными охотниками. Но непремѣнно охотники прибирались стройщиками, шли на ямы своей волей, а не выставлялись населеніемъ Имѣются указанія, что иногда сами ямскіе охотники заботились о пополненіи яма охотниками, для чего били челомъ, чтобы было позволено переходить въ ямщики стрѣльцамъ, казакамъ и торговымъ людямъ, которые своей охотой пожелаютъ служить ямскую службу [3]. Какъ мы уже знаемъ, не въ Сибири и не для нея былъ впервые примѣненъ такой способъ устроенія слободъ путемъ прибора. Такъ, напримѣръ, много раньше были строены слободы Алексѣевская и Котельницкая. Такъ-же была строена и слобода въ Осколѣ, вѣроятно, и въ Воронежѣ [4]). Но то, что являлось исключеніемъ въ московскихъ городахъ, въ сибирскихъ городахъ, сдѣлалось самой силой вещей обязательной практикой.

и Сургутомъ и просили устроить ямы. Но оказалось, что для ямщиковъ Самаровскаго яма негдѣ было взять удобной пахотной земли; тогда остяки уступили охотникамъ часть своей земли. По словамъ Фишера, вообще только около 1661 г. Самаровскій ямъ болѣе или менѣе упрочился. О самаровскомъ ямѣ въ 1692 г. находимъ нѣкоторыя подробности у Избраннедеса. Онъ описываетъ, какъ самаровскіе ямщики возили зимнимъ путемъ до Сургута на собакахъ. Путешеств. и журналъ Избраннедеса, Вивліоѳ., изд. 2-ое, т. VII, стр. 382.

1) А. И., II, 35.

2) Р. И. Б. VIII, 11, LXXVII, стр. 637.

3) А. И. II, 36.

4) Имп. Пуб. Библ. Q. IV, 263. Акт. Моск. Госуд., т. I, стр. 238; Вейнбергъ, Воронежская почта, Ворон. Акты (Второва), II, стр. 2 4.

На первыхъ порахъ, кромѣ подмоги на переѣздъ, безплатнаго проѣзда на мѣсто и иногда еще подмоги на первое обзаведеніе, новоприбраннымъ ямскимъ охотникамъ давались и иныя льготы. Напримѣръ, верхотурскимъ ямщикамъ въ 1600 г. дана была льгота на три года въ платежѣ по кабальнымъ и безкабальнымъ долгамъ: по указу верхотурскій голова долженъ былъ до истеченія льготныхъ трехъ лѣтъ не давать суда и управы на ямщиковъ по кабаламъ и безкабально и денегъ не править. [1]) По общему распорядку, съ самихъ ямщиковъ и съ ямскихъ земель не взимались никакіе сборы, такъ что посадскіе люди, бобыли, захребетники, платившіе оброкъ, разъ они записывались въ охотники и устраивались на ямъ, этимъ самымъ освобождались отъ всякихъ платежей. [2]) Около 1605 г. верхотурскій воевода попытался привлечь къ отбыванію различныхъ натуральныхъ повинностей даже не самихъ ямщиковъ, а лишь ихъ наймитовъ-ярыжныхъ, которыхъ ямщики держали для пашни и гоньбы, но тогда-же ямщики пожаловались въ Москву, и было приказано этихъ ярыжныхъ ни на какія издѣлія не собирать. [3]) Въ 1615 г. верхотурскимъ ямщикамъ удалось добиться еще одной льготы: ихъ освободили отъ платежа сѣнныхъ денегъ, если, отправляясь изъ Верхотурья со служилыми людьми, на обратномъ пути они шли по вольному найму съ хлѣбными запасами или съ товарами всякихъ торговыхъ людей. Сѣнныя деньги должны были съ этихъ поръ взиматься съ ямщиковъ только въ томъ случаѣ, когда и съ Верхотурья они ѣздили своей волей нарочно, т. е. по вольному найму. [4]) Въ 1648 г. верхотурскіе-же ямщики добились освобожденія отъ сбора выдѣльнаго хлѣба [5]) съ ихъ окладныхъ пашень. Обязанные давать

[1]) А. И. II, 35. Такая же льгота была дана охотникамъ котельницкой новгородской слободы въ 1587 г. Q. IV, 263, послѣ Л. 167.

[2]) Р. И. Б., VIII, 11, LXXVII, стр. 637—638.

[3]) А. И. II, 51.

[4]) А. И. III, 58.

[5]) Выдѣльный хлѣбъ сталъ въ сибирскихъ городахъ взиматься болѣе или менѣе правильно только съ 1623 г., со времени Сулешева, Р. И. Б., VIII, 11, VII. Хлѣбъ взимался съ ружниковъ, подьячихъ, посадскихъ и всякихъ неслужилыхъ людей. Выдѣлъ происходилъ изъ пашни лишней, т. е. сверхъ данной вмѣсто жалованья или оклада. Изъ каждаго хлѣба выдѣлялся пятый снопъ (съ ямскихъ

выдѣльный хлѣбъ наравнѣ съ ружниками, подъячими и всякими служилыми и пашенными людьми, которые пахали лишнія пашни, сверхъ государева жалованья и оклада, но только съ этой сверхъокладной пашни, они вынуждались выдѣльщиками къ пятому снопу и съ окладной пашни. Хотя указъ, которымъ предписывалось не брать съ ямщиковъ выдѣльнаго хлѣба съ окладной пашни, не предоставлялъ этимъ имъ никакихъ особыхъ льготъ, такъ какъ и остальные, выдѣлявшіе хлѣбъ, выдѣляли лишь съ пашни сверхъ оклада, но по отношенію къ ямщикамъ указъ установилъ еще слѣдующее: въ данныя собинныя пашни ямскихъ охотниковъ запрещалось въѣзжать, равно запрещалось эти пашни перемѣривать. [1]) Такимъ образомъ, ямщикамъ, въ отличіе отъ другихъ плательщиковъ выдѣльнаго хлѣба, представлялось право самимъ указывать, сколько съ нихъ слѣдовало получить. Другой вопросъ - соблюдалась-ли такая привиллегія ямскихъ охотниковъ. Судя по тому, что въ слѣдующемъ году въ томъ же Верхотурьѣ предписывалось воеводѣ представить выдѣльщикамъ росписи ямскихъ охотниковъ, которые сверхъ окладовъ лишнія пашни пашутъ, и сколько именно лишней пашни, можно думать, что настоять на своей льготѣ ямщикамъ не удалось. [2])

охотниковъ и пашенныхъ крестьянъ), десятый снопъ (съ служилыхъ людей) и изъ добраго хлѣба четвертый, изъ средняго—пятый, изъ худого—шестой (съ ружниковъ, подъячихъ, посадскихъ и вообще остальныхъ неслужилыхъ людей). Выдѣленный хлѣбъ сбирался по выдѣльнымъ книгамъ особыми выдѣльщиками при особо избираемыхъ цѣловальникахъ. Хлѣбъ ссыпался въ Государеву житницу тутъ-же на мѣстѣ. А. И. IV, 33. Весь этотъ порядокъ опредѣленъ Сулешевымъ, который первый отстранилъ отъ выдѣла воеводъ и первый-же опредѣлилъ нормы Какъ видно, онъ-же первый заставилъ и ямщиковъ выдѣлять на Государя хлѣбъ, Р. И. Б., VIII, стр. 352—355. Подробности о выдѣльномъ хлѣбѣ см. Р. И. Б., VIII, 11, LXXVI. Выдѣльный хлѣбъ расходовался на мѣстѣ. Житницы выдѣльнаго хлѣба иногда имѣли значеніе и хлѣбозапасныхъ магазиновъ. Изъ этихъ житницъ выдавались иногда ссуды на обсѣмененіе. Напр. въ 1630 г. въ Тюмени; см. тамъ-же. О выдѣльномъ хлѣбѣ см. также у Чичерина, Областн. учрежд., стр. 207. Интересно сравнить съ книгами выдѣльнаго хлѣба 1624—1626 гг. новгородскихъ ямовъ. Имп. Публ. Библ., Q. IV, 264, л.л. 351—392. Старый указъ о выдѣльномъ хлѣбѣ приведенъ въ П. С. З., III, стр. 576 577.

[1]) А. И. IV, 24.

[2]) А. И. IV, 33.

Какъ мало принимало участія въ ямскомъ строѣ населеніе, видно изъ того, что въ сибирскихъ городахъ населеніе съ самаго начала не обязано было давать ямскимъ охотникамъ подмоги, не обязано было строить ямскіе дворы и лишь только помогало ямскимъ охотникамъ чистить дороги, но и то, вѣроятно, каждый разъ не безъ нѣкотораго сопротивленія. Такъ, одна изъ наиболѣе важныхъ сибирскихъ дорогъ — отъ Верхотурья до Соликамска — находилась до 1615 г. исключительно на попеченіи верхотурскихъ ямскихъ охотниковъ, и лишь съ этого года, по жалобѣ верхотурскихъ охотниковъ, было предписано впредь чистить и бродить дорогу верхотурскимъ пашеннымъ и торговымъ людямъ съ ямщиками вмѣстѣ, за одинъ [1]). Но еще въ 1619 г. ямщики, описывая, что на этой дорогѣ мосты всѣ погнили, а самую дорогу заломило большими лѣсами, жалуются, что никто не помогаетъ имъ чистить дорогу [2]). Впрочемъ, слѣдуетъ отмѣтить, что, когда какая-нибудь дорога впервые устраивалась, то все населеніе за одинъ должно было принимать участье въ общемъ дѣлѣ. Такъ, въ 1602 г. ямщики новаго Туринскаго острога (Епанчина) сообщили въ Москву, что указной дорогой на Тагильское устье къ Верхотурью ѣздить трудно, такъ какъ дорога требуетъ большихъ объѣздовъ, идетъ по сырому грунту и пересѣкается тремя бродами, временами не проѣзжими вовсе. Между тѣмъ, по показанію епанчинскихъ татаръ есть другая дорога, болѣе прямая и удобная. Въ отвѣтъ было приказано, когда дорога будетъ разыскана и написана на роспись, вычистить ее общими силами, взявъ служилыхъ людей изъ стрѣльцовъ, казаковъ, ямщиковъ и волостныхъ татаръ, сколько будетъ пригоже [3]).

Соотвѣтственно со всѣмъ этимъ понятно, что въ первое время сибирскимъ ямскимъ охотникамъ назначенъ былъ сравнительно большій окладъ денежнаго и хлѣбнаго жалованья, а также и болѣе высокій окладъ пашни. Такъ, верхотурскіе ямщики вначалѣ получали по 20 рублей на пай и по 12 четвертей ржи и овса, [4]) туринскіе и тюменскіе—

---

[1]) А. И. III, 47.

[2]) А. И., III, 78.

[3]) Опис. Сиб. Царства, Миллера, стр. 371—372, примѣч.

[4]) А. И., III, 78.

по 15 рублей на пай, [1]) да кромѣ того на пай опредѣлялось пашни отъ 15—20 четвертей въ каждомъ полѣ [2]). Но отчасти подъ вліяніемъ притѣсненій воеводъ, которые вообще давали широкій просторъ своему своеволію въ странѣ столь далекой отъ Москвы, отчасти потому, что самое трудное было сдѣлано – сибирская гоньба заведена, и уже не было настоятельной надобности итти на какія либо жертвы, уже въ 1619 г. денежные оклады ямщиковъ значительно понижаются, а хлѣбныя выдачи прекращаются вовсе. Такъ, въ этомъ году верхотурскіе ямщики получали лишь 7 руб. на пай и вовсе не получали хлѣба [3]). Этихъ денегъ, по ихъ словамъ, не хватало и на полгода, охотники брели розно, прибирать же на мѣсто бѣжавшихъ новыхъ не удавалось, такъ какъ на такое жалованье никто не шелъ. И, дѣйствительно, въ 1620 г. въ Верхотурьѣ осталось лишь 39 охотниковъ изъ 50, бывшихъ въ 1619 г. Тогда вышелъ указъ увеличить жалованье до 10 руб. въ годъ [4]). Въ слѣдующемъ году, однако, ямщикамъ удалось выпросить еще прибавку, и они стали такимъ образомъ, получать по 15 руб. въ годъ на пай [5]). Въ Туринскѣ послѣ 1621 г. было положено по 10 руб. на пай, то-же и въ Тюмени [6]). Колебанье между семи и десяти рублевымъ окладомъ замѣчается преимущественно въ концѣ 20 хъ и началѣ 30-хъ годовъ, что, вѣроятно, объясняется пониженіемъ оклада жалованья у верхотурецевъ, которые, видимо, всегда сохраняли за собой значеніе представителей не только старѣйшаго, но и вообще самаго важнаго сибирскаго яма.

Но когда, напримѣръ, въ 1630 г. возобновлялся тюменскій ямъ, напрасно стройщикъ искалъ охотниковъ на семирублевый окладъ. На такое жалованье никто не шелъ, и пришлось назначить 10 рублей на пай [7]). Между тридцатыми и шестидесятыми годами верхотурскіе ямщики получили двѣ прибавки – сначала вмѣсто 15 руб. стали давать

---

1) А. И., III, 106.
2) А. И. IV, 22.
3) А. И., III, 78.
4) А. И., III, 86.
5) А. И., III, 106.
6) А. Юр. Кал. II, 143, А. И., III, 106, А. Юр. Кал., III, 327.
7) Р. И. Б., VIII, 11, LXXVII.

имъ по 20 рублей на пай, а тамъ—по 23 руб. на пай. Въ 1660 г. 23 рубля на выть стали получать и Туринскіе охотники. Тюменскіе, вѣроятно, были сравнены съ верхотурскими нѣсколько раньше. Въ 1661 г. 23 руб. на выть назначается и Самаровскимъ охотникамъ. Въ 1677 г. верхотурскіе ямщики получали уже 28 руб. на пай; видимо, этотъ окладъ былъ назначенъ нѣсколько раньше. Можно думать, что и охотники другихъ сибирскихъ ямовъ постепенно дошли до той же нормы, которую, кажется, слѣдуетъ считать предѣльной, по крайней мѣрѣ, до конца 17 вѣка [1]). Причины этихъ послѣдовательныхъ прибавокъ ясны: Сибирь заселялась съ каждымъ годомъ, разросталось ея значеніе, усиливались и сношенія. Между тѣмъ комплектъ ямщиковъ оставался все тотъ-же. Насколько усиливался ямской разгонъ, видно изъ того, что въ 1621 г. верхотурскіе ямщики гоняли на протяженіи 1850 верстъ, а въ 1660 г. туринскіе ямщики, считая, что они гоняютъ не меньше верхотурскихъ, показывали, что районъ ихъ разгона—2630 верстъ. Въ 1619 г. верхотурскіе ямщики гоняли уже на шесть дорогъ—къ Соликамску, на Чусовую, на Епанчинъ, на Пелымъ, на Лялю, на Тагиль, съ 1620—еще и на Конай. Туринцы, которые когда-то должны были гонять только на Тюмень и Верхотурье, гоняли въ 1648 г. на пять большихъ дорогъ. При 39 охотникахъ верхотурскій ямъ отпустилъ въ 1619 г. 503 подводы—можно съ увѣренностью сказать, что за послѣдующіе годы число отпускавшихся подводъ доходило до 400—1000 въ годъ [2]). Какъ иногда сразу много подводъ требовалось, показываетъ слѣдующій фактъ: въ 1640 г. были отправлены изъ Москвы новые воеводы на Лену, и подъ нихъ потребовалось выставить сразу 182 подводы. Ямщики исполнили приказъ, но въ Енисейскомъ острогѣ, гдѣ стройнаго яма не было, населеніе объявило, что рѣшительно не въ состояніи выставить столько подводъ; ихъ ставили на правежъ, метали въ тюрьму, но подводъ они такъ и не дали [3]). Не смотря, однако, на эти постепенныя прибавки, охотники далеко не считали свое положеніе обезпеченнымъ. Сравнительно привольно имъ жилось вначалѣ, приблизительно до

---

[1]) Д. А. И. IV, 89, 96, Д. А. И., VII, 54, А. Юр. К., II, 256.

[2]) А. И., III, 78, 86, 106, А. И., IV, 23.

[3]) Д. А. И., II, 69, 2.

двадцатыхъ годовъ, очень тяжело имъ было въ двадцатыхъ годахъ, а затѣмъ они, видимо, претерпѣлись, принаровились къ новымъ условіямъ и шагъ за шагомъ, хотя и не безъ труда, путемъ усиленныхъ челобитій въ Москву, стали устраивать свое положеніе снова къ лучшему.

Хотя бы въ краткихъ чертахъ коснемся здѣсь тѣхъ общихъ условій, при которыхъ происходило заселеніе Сибири. Съ горстью людей, безъ опредѣленнаго плана, полагаясь болѣе на разрозненность отдѣльныхъ сибирскихъ царьковъ и несплоченность племенъ, чѣмъ на собственную силу, шли русскіе въ глубь Сибири. Подвигаясь впередъ, они, гдѣ къ этому представлялась практическая возможность, строили остроги, выкликая для заселенія ихъ охочихъ людей изъ русскихъ областей. Новые пришельцы шли въ надеждѣ на сравнительную свободу, па то, что въ новомъ мѣстѣ много свободной земли, разсчитывая также и на всякія льготы. Правительство, давая охотно льготы, тѣмъ не менѣе, хотя, можетъ быть, и безъ особой настойчивости, скорѣе даже для соблюденія формы, чѣмъ во имя какой-либо практической цѣли, не забывало напоминать, что и въ новой землѣ, какъ и во всѣхъ московскихъ земляхъ, никто по собственной волѣ не владѣетъ ни пашней, ни лѣсомъ, ни рыбной ловлей, безъ оброка на посадѣ не живетъ, безъ уплаты пошлинъ не торгуетъ и т. д. Если какой-либо голова пытался примѣнить эти порядки на дѣлѣ во всей строгости, достаточно было челобитной въ Москву, чтобы оттуда шло распоряженіе объ удовлетвореніи просителей. Такъ, при самомъ устройствѣ яма въ Верхотурьѣ, слободу вынесли за острогъ и ямщикамъ дали землю вмѣстѣ съ пашенными крестьянами у самаго города. Вѣроятно, верхотурскій голова руководствовался тутъ воспоминаніемъ объ общемосковскихъ порядкахъ и не хотѣлъ къ тому-же, чтобы безъ спеціальнаго надѣла запахивалась порожняя земля. Но уже въ 1612 г. верхотурскіе ямщики выпрашиваютъ вмѣстѣ съ пашенными крестьянами землю въ урочищѣ, отстоявшемъ въ 50 верстахъ отъ города. Прося объ этой новой землѣ, очевидно, охотники думали сохранить и старую. Это не удалось имъ, и ямщики помнятъ свою неудачу много лѣтъ. Вѣроятно, не разъ докучали они своей просьбой, описывая всю тяжесть своего положенія, но эти просьбы попадали уже въ такое

время, когда въ Сибири заводились новые порядки—шло переустройство, и Сибирь подводили подъ общія нормы. Наконецъ, только въ 1648 г ямщики отчасти добились своего. [1]) Другимъ примѣромъ можетъ служить исторія устройства яма въ Епанчинѣ. Голова, руководствуясь наказомъ, въ силу котораго новый острогъ былъ созданъ, какъ сторожевой пунктъ, никакъ не соглашался поселить ямщиковъ за предѣлами острога, хотя въ острогѣ было такъ тѣсно, что на каждый ямской пай приходилось лишь шесть саженъ подъ дворы. Ямщики, конечно, били челомъ въ Москву, и было приказано удовлетворить ихъ въ ихъ просьбѣ [2]).

Такимъ образомъ, на новой землѣ отношенія между колонистами и администраціей съ первыхъ-же шаговъ сложились ненормально и при томъ въ двоякомъ отношеніи: населеніе считало самый фактъ своего переселенія на новыя мѣста достаточнымъ основаніемъ для самыхъ широкихъ льготъ и, во всякомъ случаѣ, видѣло въ этомъ фактѣ право на всякіе способы добиваться наибольшаго благосостоянія; администрація, въ свою очередь, формально стѣсненная наказами, гдѣ проводилась тенденція общемосковскихъ порядковъ, въ дѣйствительности-же предоставленная самой себѣ, не столько устраивала населеніе, сколько, переходя отъ формализма къ своеволію, то стѣсняла населеніе въ существенно необходимомъ, то смотрѣла снисходительно на явныя злоупотребленія. Съ другой-же стороны, у населенія всегда была наготовѣ челобитная въ Москву, а въ Москвѣ, какъ уже сказано, относились къ этимъ челобитьямъ доброжелательно. Переходя въ частности къ ямскимъ охотникамъ, нельзя не отмѣтить, что поселенные на новыхъ мѣстахъ, поставленные силой необходимости въ первой линіи весьма интересовавшаго Москву дѣла заселенія Сибири, принесшіе съ собой твердую рѣшимость всячески отстаивать свое исключительное положеніе, а также и свое право на особое слободское управленіе, какъ это установилось въ то время въ московскихъ городахъ, гдѣ въ полной силѣ были жалованныя грамоты ямскимъ охотникамъ, новоприбранные ямщики, пришедшіе

---

[1]) А. И. II, 341; А. И. IV, 22.

[2]) Миллеръ, Опис. Сиб. Цар., стр. 361, примѣч.

сюда своей волей, а не выставленные населеніемъ, сразу обособились въ классъ людей, сознававшихъ себя весьма нужными членами новыхъ поселеній, а потому и стремившихся къ все болѣе и болѣе широкимъ льготамъ. И, видимо, на первыхъ порахъ такія стремленія ямщиковъ не встрѣчали серьезнаго отпора. Имъ жилось льготно: они, напримѣръ, пахали пашню и гоняли гоньбу при помощи наемныхъ людей, поденныхъ и нанимаемыхъ на цѣлое лѣто, при чемъ, сами получая по 20 рублей на пай, платили за лѣто по 3 р. 50 к. – 4 руб. человѣку на всемъ готовомъ, торговали пушнымъ и инымъ товаромъ, вмѣшивались въ дѣла управленія и охотно доносили въ Москву о неисправностяхъ, ихъ непосредственно не касавшихся, и т. д. [1]) Но когда первое увлеченіе Москвы мыслью о необходимости заселить Сибирь, хоть кое-какъ, лишь бы скорѣе, начало проходить, и на смѣну явился другой взглядъ, а именно, что Сибирь уже заселена и что на очереди вопросъ о лучшемъ ея устроеніи, о „заводѣ", тогда, соотвѣтственно стали приниматься уже и иныя мѣры. Соотвѣтственно-же стали проявлять и меньшую снисходительность къ челобитьямъ; какъ слѣдствіе явилось, напримѣръ, то, что верхотурскіе ямщики уже въ 1619 г. жалуются, что когда-то, а это вѣдь было много — 20 лѣтъ назадъ, они получали 20 рублей на пай деньгами да большое хлѣбное жалованье, а потомъ послѣднее вовсе отняли, деньгами-же стали давать всего 7 рублей въ годъ на пай. Кромѣ того и въ пашнѣ урѣзали, утвердивъ опредѣленный надѣлъ въ 15 четвертей въ каждомъ полѣ на пай. Въ послѣднемъ, впрочемъ, они не были искренни, такъ какъ, какъ мы уже знаемъ, они еще гораздо позже давали выдѣльный хлѣбъ, что ясно показываетъ, что, кромѣ надѣльной, они пахали и лишнюю пашню.

Большое значеніе имѣла въ данномъ случаѣ и дѣятельность одного изъ сибирскихъ воеводъ, боярина князя Юрія Яншеевича Сулешева, о которомъ мы какъ-то уже упоминали. Это былъ подлинно — устроитель Сибири, по крайней мѣрѣ, въ томъ смыслѣ, что онъ первый твердой рукой ввелъ въ Сибири московскіе порядки, сдѣлавъ время своего воеводства гранью между Сибирью въ административномъ отно-

---

[1]) А. И. II. 45, 51.

шеніи формировавшейся и Сибирью сформированной. Время его воеводства—1623—1625 годы. Въ началѣ 1626 г. бояринъ вернулся уже въ Москву. [1]) Наиболѣе полный перечень того, что сдѣлалъ Сулешевъ въ Сибири, даетъ намъ черновая его послужного списка. [2]) Какъ видно изъ нея, при отправленіи въ Сибирь, ему было повелѣно въ Тобольскѣ и во всѣхъ сибирскихъ городахъ искать во всемъ государеву прибыль и дѣлать все, смотря по тамошнему дѣлу, какъ его Богъ вразумитъ. Пользуясь такими широкими полномочіями, онъ главное вниманіе обратилъ на самое больное мѣсто Сибири его времени—на то, что, имѣя возможность сама себя содержать, Сибирь, однако, требовала усиленнаго присыла денегъ изъ Москвы, хлѣбныхъ и иныхъ запасовъ

---

[1]) Сулешевъ ждетъ еще своего біографа. Все, что мы знаемъ о немъ, рисуетъ намъ вполнѣ законченный типъ московскаго администратора начала 16 вѣка Біографія Сулешева, это—поучительнѣйшая страница по исторіи русской администраціи. Къ сожалѣнію, мы должны ограничиться здѣсь лишь краткими о немъ свѣдѣніями. Въ 1609 г. онъ—стольникъ (Акты Моск. Госуд., I, 74). До 1616 г. онъ—бояринъ (Акты Моск. Госуд. II, 108). Еще до 1611 г. онъ былъ воеводой въ Торжкѣ (А. И. II, 328), въ 1614 г. онъ былъ посланъ на Алатырь вмѣстѣ съ Никитой Барятинскимъ противъ Заруцкаго (А. И. III, 16) Онъ былъ въ числѣ воеводъ и бояръ, отличившихся во время польской осады (Соловьевъ Ист. Р., т. II, стр. 1135), за что съ братомъ былъ пожалованъ въ 1618 г. многими помѣстьями въ Муромскомъ уѣздѣ (А. Э. III, 332). Раньше 1622 г. онъ сидѣлъ въ приказѣ сыскныхъ дѣлъ (Разбойномъ) (А. И, III, 109). Въ 1622 г. онъ версталъ новиковъ по разнымъ городамъ (Десятни у Лихачева, Разр. дьяки, въ Прилож., стр. 58). 26 января 1623 г. онъ былъ назначенъ воеводой въ Тобольскъ (А. И. III, 117), гдѣ былъ съ 8 іюля 1623 г. по 29 мая 1625 г. (Др. Р. Вивліоѳика, III, стр. 138). Въ 1626 г. онъ уже вернулся въ Москву (Зап. кн. Моск. Ст. Р. И. Б., т. IX, стр. 386). Въ 1629 по 1632 онъ снова въ разбойномъ приказѣ (А. И. III, 164, 167, Миллеръ, Старин. Приказы въ Вивл., т. XX, стр. 385). Въ 1632 г. онъ—воевода новгородскій (А. Э., III, 201, 203, Д. А. И., III, 53). Въ 1633 г. онъ опять въ разбойномъ приказѣ (Р. И. Б., IX, стр. 531), причемъ исполнялъ разныя порученія—досматривалъ Ростовъ (Р. И. Б. IX, стр. 574), былъ у сбора ратныхъ людей (А. Э. III, 222, 235) и т. д. Въ 1638—1639 г.г. онъ—воевода новгородскій (А. Э. III, 282, 289, Д. А. И. III, 48, Р. И. Б., VIII, 10, XL, 2, Р. И. Б. V, 7). Сулешевъ скончался 8 марта 1643 г. (Ивановъ, Алфавитн. указ. Боярск. кн., стр. 396). Арсеньевъ, въ Уч. зап. 2 Отд. Акад. Наукъ, кн. 4, „Высш. правит. лица при Мих. Ѳед.“, стр. 17—18, относится къ заслугамъ Сулешева недовѣрчиво. Впрочемъ, приводимыя въ этой статьѣ свѣдѣнія о Сулешевѣ и очень неполны и не совсѣмъ точны.

[2]) Р. И. Б., VIII, 11, VII.

изъ поморскихъ и другихъ городовъ и т. д. Причину такого явленія онъ увидѣлъ въ своеволіи населенія, въ нерачительности администраціи, а главное - въ неорганизованности податной системы. Отсылая къ подлиннику за другими подробностями, упомянемъ только, что по отношенію къ ямщикамъ онъ поступилъ также, какъ и по отношенію къ всѣмъ кто пользовался данной собинной пашней: установилъ надѣлы, сверхънадѣльную землю обложилъ выдѣльнымъ хлѣбомъ, сократилъ денежныя выдачи, окончательно прекратилъ выдачу хлѣбнаго жалованья. Кромѣ того, по крайней мѣрѣ, въ одномъ мѣстѣ—въ Тюмени, онъ попробовалъ вернуться къ уже бывшимъ попыткамъ ввести въ ямской строй туземное населеніе, для чего отставилъ ямскихъ охотниковъ, записавъ ихъ всѣхъ въ окладъ, а гоньбу возложилъ на тюменскихъ татаръ. Быть можетъ, онъ сдѣлалъ это въ видѣ опыта, избравъ Тюмень потому что тюменскіе татары жили на самой дорогѣ, быть можетъ, Тюмень—не единственный пунктъ, гдѣ была примѣнена та-же система. По крайней мѣрѣ, мы узнаемъ, что и въ Тарскомъ городѣ въ 1619 году гоньбу гоняли юртовые татаре, получая по 2—4 рубля подмоги. Впрочемъ, опытъ не удался: татары гоняли лишь до 1629 г., но и то постоянно жаловались на раззореніе; въ 1630 г. тюменскій ямъ былъ уже возобновленъ [1]). Довольно характерна и слѣдующая его частная мѣра: болѣе всего заботясь объ увеличеніи въ Сибири площади посѣва, онъ охотно жертвовалъ интересами лицъ, пахавшихъ землю для себя, владѣвшихъ, слѣдовательно, землей по службѣ разъ такимъ путемъ можно было не отрывать отъ земли пашенныхъ крестьянъ; исходя изъ этого, онъ запретилъ наряжать въ бродовщики пашенныхъ крестьянъ, считая, что это тяжелое и убыточное дѣло должны исполнять сами охотники [2]).

Какъ говоритъ тотъ-же послужной списокъ, „всякими дѣлами бояринъ князь Юрьи Яншеевичъ Сулешевъ сибир-

---

1) Р. И. Б. VIII, II, LXXVII, LVIII, 2. По даннымъ Буцинскаго, ц. с. стр. 88, эта отмѣна тюменской стройной гоньбы и закрытіе тюменскаго яма произошли по просьбѣ самихъ ямщиковъ, которые раззорившись отъ конскаго падежа, просили перевести ихъ въ крестьяне. Возможно, что это было и такъ, но тогда трудно объяснить приводимый нами документъ, гдѣ отмѣна тюменскаго яма ставится Сулешеву въ заслугу.

2) А. И. III, 222.

скую землю, по своему высмотру, обновилъ и во всемъ устроилъ". Если дѣятельность Сулешева принесла съ собой несомнѣнное ухудшеніе положенія сибирскихъ ямщиковъ, то она получаетъ для насъ тѣмъ большее значеніе, что все заведенное Сулешевымъ было принято Москвой съ одобреніемъ и до самаго почти конца 17 вѣка должно было оставаться образцомъ. Мы знаемъ не мало случаевъ, когда заведенные Сулешевымъ порядки много лѣтъ спустя приводились въ наказахъ изъ Москвы, какъ непреложные, какъ такіе, которымъ надлежитъ слѣдовать неизмѣнно [1]). Въ годы-же болѣе близкіе ко времени окончанія Сулешевымъ его сибирской службы отношеніе Москвы къ „заводу" Сулешева высказывалось въ самыхъ рѣшительныхъ выраженіяхъ. Такъ, на одной челобитной въ 1629 г. была начертана слѣдующая резолюція: „Государь слушалъ и указалъ быть тому, какъ учинилъ бояринъ Юрьи Яншеевичъ съ товарищи по своему разсмотрѣнію... Посыланъ былъ отъ Государя съ Москвы въ Сибирь для обновленія и для заводу бояринъ и воевода князь Юрья Яншевичъ Сулешевъ съ товарищи; и что по своему разсмотрѣнью учинили, тому Государь указалъ и впредь такъ быть" [2]).

Но были еще и спеціальныя причины, влиявшіе на постепенное ухудшеніе положенія сибирскихъ ямщиковъ. Мы уже говорили, что по мѣрѣ роста Сибири и ея значенія, увеличивалась и гоньба; дороги, лежавшія, главнымъ образомъ, на отвѣтственности ямщиковъ, содержались плохо, и сами по себѣ онѣ были трудны, такъ какъ шли пустынными мѣстами, требовали большихъ объѣздовъ, пересѣкались то и дѣло волоками; промежуточныхъ и подможныхъ ямовъ было мало; наемный трудъ съ каждымъ годомъ дорожалъ; по мѣрѣ развитія гоньбы, на ямщиковъ возлагались расходы, которые первоначально вовсе не имѣлись въ виду; такъ, напримѣръ, на самаровскихъ ямщиковъ была возложена обязанность оснащать и содержать суда, что стоило имъ въ иной годъ больше 50 рублей; наконецъ, скоро опредѣлилось, что своими лошадьми имъ при этомъ большемъ разгонѣ никакъ не обойтись, между тѣмъ за наемъ подво-

---

[1]) А. И. III, 222, А. И. IV, 8, 33, Д. А. И., III, 9, Д. А. И. IV, 138, стр. 348, 358, 362, 366 и др.

[2]) Р. И. Б. VIII, 11, LVIII, I.

ды они нерѣдко должны были платить столько, сколько стоила лошадь, которая, кстати сказать, нерѣдко не выдерживала труднаго пути и назадъ уже не возвращалась [1]). Правда, мы заимствуемъ эти данныя изъ показаній самихъ-же ямщиковъ, а показанія эти могли и преувеличивать дѣйствительность, но, сопоставляя эти показанія съ фактомъ, что, начиная съ двадцатыхъ годовъ замѣчается усиленное бѣгство ямщиковъ съ ямовъ, приходится многому въ этихъ показаніяхъ вѣрить. Наконецъ, не малое значеніе могли имѣть и притѣсненія администраціи. Если, какъ мы уже говорили, администрація въ сибирскихъ городахъ вообще была своевольна, то по отношенію къ ямщикамъ своеволіе могло проявляться съ особенной силой, такъ какъ были особыя причины для взаимнаго неудовольствія: неумѣренное требованіе подводъ для собственныхъ надобностей или для маловажныхъ дѣлъ съ одной стороны, а съ другой—естественное стремленіе противодѣйствовать и не подчиняться этимъ требованіямъ. Такъ, неоднократно встрѣчаются предписанія воеводамъ не брать у ямщиковъ подводы безъ особой необходимости; если дѣло не очень спѣшное, не посылать съ нимъ, а ждать, пока накопятся еще дѣла, чтобы посылать за одно и т. д. [2]) Примѣромъ-же того, какъ поступала иногда администрація съ ямщиками, можетъ служить слѣдующій фактъ: верхотурскіе охотники жаловались въ 1648 г, что воевода Борисъ Дворяниновъ вгораживалъ въ государеву десятинную пашню каждый клочекъ ямской земли, лишь только выбывалъ охотникъ или даже, если дворовое строенье какого-нибудь охотника отъ ветхости разваливалось, такъ что новые охотники оставались безъ земли, вся-же ямская слобода скоро оказалась отрѣзанной отъ проѣзда и, наконецъ, ямскія лошади должны были пастись на лугу между десятинной пашней. А зайдетъ лошадь въ пашню—съ головы берутъ за потраву по полуполтинѣ, кромѣ того, лошадь ведутъ на гостиный дворъ, хозяина-же сажаютъ въ тюрьму. Былъ у ямщиковъ еще лужокъ, но и его велѣлъ воевода косить на себя [3])

Мы уже знаемъ, что въ московскихъ городахъ ямскія

[1]) А. И. III, 78, 86, 106, Д. А. И., IV, 96.
[2]) См. подр. въ слѣд. главѣ.
[3]) А. И. IV, 22.

слободы ограждались отъ воеводъ своими привиллегіями, которыя устанавливали, если не независимость ямскихъ охотниковъ отъ воеводскаго управленія, то, по крайней мѣрѣ, противодѣйствующую силу, съ которой воеводскому управленію приходилось считаться. Сибирскіе ямскіе охотники перваго набора были обезпечены такими-же привиллегіями. Верхотурскіе ямщики, напримѣръ, еще въ 1644 году ссылались на уставную грамоту царя Θеодора Іоанновича. Что это была за грамота, мы не знаемъ, но, по всей вѣроятности, она имѣла много общаго съ тѣми, о которыхъ мы достаточно говорили въ прошлой главѣ Въ ней, напримѣръ, опредѣлялось, что ямщики обязаны лѣтнимъ путемъ возить лишь до Семенова дня (1 сентября), а зимнимъ—до Благовѣщенья чѣмъ, слѣдовательно, освобождались отъ обязанности отпускать подводы въ распутицу (разскалье), пока не установится путь [1]). Такъ какъ эти-же числа были и сроками полученія ямщиками жалованья, [2]) то, можно думать, что въ грамотѣ вообще опредѣлялось положеніе ямской слободы. Однако, въ 1644 г., когда ямщики ссылались на грамоту, въ Москвѣ уже не имѣли никакихъ свѣдѣній о существованіи такой грамоты. Видимо, сами ямщики вспоминали грамоту по преданью, а никакъ не потому, что думали на основаніи ея серьезно отстаивать свои права. Наконецъ, въ Москвѣ рѣшили по этой челобитной такъ: во первыхъ, розыскать грамоту, а если грамоты нѣтъ, то сыскать накрѣпко, была-ли такая грамота и куда она дѣлась; во вторыхъ, во всякомъ случаѣ, если даже грамота и была, скорыхъ гонцовъ съ государевыми дѣлами отпускать и осенью, и весной безъ задержанья, чтобы государевымъ дѣламъ никакой задержки ни въ чемъ не было. Другими словами, если даже предположить, что ямщики въ это время и могли иногда пробовать защищаться уставными грамотами, своимъ ямскимъ правомъ, то въ Москвѣ отнюдь не были склонны признавать за такими грамотами именно такого значенія особаго ямского права, чѣмъ опредѣленно указывали, какъ измѣнился взглядъ на значеніе сибирскихъ ямщиковъ. Такимъ образомъ, въ Сибири уставныя грамоты слободамъ, видимо,

---

1) А. И. III, 234.
2) А. И. III, 86.

быстро утратили свое значеніе; съ ними утратилось и представленіе объ особомъ ямскомъ правѣ, чѣмъ порвалась, быть можетъ, и связь съ традиціями, вывезенными первыми слободскими охотниками изъ Московскихъ городовъ. Охотникъ здѣсь скорѣе чѣмъ гдѣ-либо долженъ былъ превратиться въ обыкновеннаго крестьянина, кромѣ землепашества, занимавшагося еще и ямской гоньбой; а это всецѣло передавало его въ руки воеводскаго управленія съ всѣми слѣдствіями этого. Къ тому-же выводу приводитъ еще и слѣдующее соображенія: общія условія сибирской жизни были таковы, что едва-ли могли способствовать сохраненію за ямскими слободами какой-либо самостоятельности. Во первыхъ, въ виду отдаленности края воеводы должны были пользоваться большиними полномочіями; во вторыхъ, непосильная гоньба должна была привесть охотниковъ къ необходимости интенсивнѣе заниматься землей и промыслами. Наконецъ, отчасти въ зависимости отъ тѣхъ-же условій, отчасти подъ вліяніемъ спеціальной причины—отсутствія въ сибирской ямской организаціи какой либо дѣятельной силы, которая противодѣйствовала бы произволу воеводъ,—не было данныхъ для развитія болѣе или менѣе обособленной слободской жизни.

Обратимся къ разсмотрѣнію этой организаціи. При устройствѣ яма стройщикъ долженъ былъ, набравъ комплектъ охотниковъ - общей нормой для всѣхъ сибирскихъ ямовъ на протяженіи всей исторіи сибирскихъ ямовъ до конца 17 вѣка является 50 паевъ [1])—отвести имъ землю подъ дворы, всѣмъ на одномъ участкѣ, составляя, такимъ образомъ, особую ямскую слободу, и дать по указу подмогу на обзаведенье отъ 5 до 16 рублей и больше; [2]) онъ давалъ, имъ, кромѣ того, по указу подмогу хлѣбомъ, съ обязательствомъ въ томъ-же году этотъ хлѣбъ посѣять. Ямщики строили на отведенныхъ земляхъ въ слободѣ дворы, которые по общему правилу почитались ихъ личной собственностью, хотя и были выстроены на казенныя подможныя деньги. Какъ и въ московскихъ городахъ, общее количество паевъ дѣлилось на десятки, во главѣ каждаго изъ котораго былъ десятскій; пятиде-

---

[1]) А. И. Ш, 78, 86, 106, А. И., IV, 23, Р. И. Б. VШ, 11, LXXVII, I. и др. Тюменцы просили устроить на яму 100 охотниковъ, но имъ, хотя и не отказали въ этомъ, однако, жалованье оставили на 50 паевъ.

[2]) П. Д. С. Л. 1635, г. св. 76, № 8, А. И. Ш, 78, 86, 106 и др.

сятникъ назывался вмѣстѣ съ тѣмъ и ямскимъ старостой. И десятскіе и старосты были избираемы самими охотниками изъ своей среды. [1]) Во главѣ слободы ставился ямской приказчикъ. Судя по тому, что мы знаемъ уже о приказчикахъ въ московскихъ ямскихъ слободахъ, слѣдуетъ думать, что и въ Сибири должность приказчика занимали дѣти боярскіе. „Добрыхъ дѣтей боярскихъ“, какъ неоднократно жаловался еще Сулешевъ, въ Сибири тогда было немного, такъ что, какъ приходится думать, съ первыхъ же назначеній ямскія слободы не находили въ лицѣ своихъ приказчиковъ ни должной энергіи, ни, быть можетъ, охоты изъ-за слободскихъ вольностей, занесенныхъ въ Сибирь по традиціи, но едва ли совмѣстимыхъ съ воззрѣніями администраціи на свою задачу въ новомъ краѣ, вести борьбу съ воеводами. Въ московскихъ городахъ приказчики, хотя также назначались воеводами, но получали опредѣленіе своего положенія въ слободскихъ жалованныхъ грамотахъ; въ Сибири же послѣднія, какъ сказано выше, потеряли свое значеніе довольно быстро. Такимъ образомъ, въ сибирскихъ городахъ, хотя de jure, повидимому, ничто не мѣнялось, de facto происходило быстрое перемѣщеніе центра тяжести: ямщики пришли въ Сибирь съ готовымъ представленіемъ о самостоятельности слободы, но лицо, долженствовавшее оберегать это представленіе, приказчикъ, отчасти и не годился для такой роли, отчасти быстро сдѣлался безсильнымъ. Тѣмъ естественнѣе было ямскому приказчику искать опредѣленія своему положенію въ милостяхъ воеводы. И дѣйствительно, мы наблюдаемъ слѣдующій любопытный фактъ: не смотря на довольно значительное количество дошедшихъ до насъ актовъ, касающихся ямского строя въ Сибири, нигдѣ мы не встрѣчаемъ никакихъ указаній, которыя свидѣтельствовали бы о какой-нибудь дѣятельности приказчиковъ. Обо всѣхъ невзгодахъ ямскихъ слободъ писали въ Москву ямскіе старосты отъ имени всей слободы, съ воеводами тягались тѣ же старосты, интересы яма отстаивали либо старосты-же, либо отдѣльные ямщики. Если бы не одно случайное указаніе, можно было бы думать, что на сибирскихъ ямахъ приказчиковъ не было вовсе Изъ

---

[1]) Р. И. Б., II, 47, I, Р. И. Б., VIII, 11, LXXVII, 9, А. И. IV, 23 и др.

этого же указанія, однако, слѣдуетъ вывести, что приказчики тамъ, гдѣ они были, если и были уполномочены на отправленіе главной ихъ обязанности—обязанности суда, то скоро утратили и это полномочіе. Такъ, изъ росписи, кому какое наказаніе было при Тобольскомъ воеводѣ князѣ Пронскомъ, видно, что въ 1639 г. былъ битъ батогами передъ съѣзжей избой Демьянскаго яма ямщикъ Тишка Андроновъ, обвиненный въ тайномъ провозѣ въ Тобольскъ письма отъ ссыльнаго старца Малаха, а въ 1642 г. были биты въ проводку кнутомъ пять самаровскихъ ямщиковъ, обвиненныхъ въ томъ, что приказчика не слушали, старостъ били и гонцамъ подводъ не давали. [1]) Если бы приказчики исполняли обязанности ямскихъ судей, виновнымъ было бы учинено наказаніе не передъ съѣзжей, а передъ ямской избой и не въ Тобольскѣ, а въ слободахъ.

Такимъ образомъ, если бы и при болѣе дѣятельныхъ и независимыхъ приказчикахъ едва-ли удалось бы сибирскимъ ямскимъ охотникамъ отстоять свое особое ямское право отъ своеволья воеводъ въ этой области, гдѣ менѣе чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ первой ямской грамоты устроеніе всего жизненнаго хода было поручено исключительно тобольскому воеводѣ, который получилъ право дѣйствовать „какъ его Богъ вразумитъ", то при приказчикахъ безличныхъ и зависимыхъ, какими, на основаніи только что сказаннаго, видимо, были приказчики сибирскихъ ямовъ, явилось бы неожиданностью, если бы ямскія вольности не отошли довольно быстро въ область преданій. Сначала, вѣроятно, были попытки доказывать свои особыя права на основаніи грамотъ, а тамъ затерялись и самыя грамоты. Настаивать-же на своемъ не приходилось, такъ какъ весьма скоро—какъ мы видѣли, уже въ 1619 г.—передъ ямскими охотниками встала ближайшая задача: добиваться хоть нѣкотораго улучшенія своего матерьяльнаго положенія—возстановить земельный надѣлъ, хоть нѣсколько облегчить себя отъ непосильныхъ тяготъ все разроставшейся гоньбы. Этимъ, быть можетъ, объясняется и то обстоятельство, что сибирскіе охотники ищутъ всякими способами побочныхъ занятій, сваливая гоньбу на младшихъ членовъ семьи или на наем-

[1]) Чт. О. И. Д. 1883. I, стр. 25, 30. Сообщ. М. А. Липинскаго.

ныхъ ярыжныхъ. И въ московскихъ городахъ ямскіе охотники иногда поступали такимъ же образомъ; къ тому-же, въ сибирскихъ городахъ по ихъ сравнительному малолюдству, для всякаго предпріимчиваго человѣка было больше простора; но, съ другой стороны, мы знаемъ, что экономическое положеніе сибирскихъ охотниковъ было, дѣйствительно, тяжело, что менѣе защищенные отъ произвола администраціи они, дѣйствительно, охотно бросали ямы и разбредались что, наконецъ не смотря на побочныя занятія, они никакъ не могли справиться съ своимъ прямымъ дѣломъ и безпрестанно докучали о прибавкахъ жалованья—слѣдовательно, поиски побочныхъ занятій могли находиться въ болѣе тѣсной связи съ общими условіями быта сибирскихъ охотниковъ чѣмъ съ общими условіями быта охотниковъ московскихъ. Ямскіе охотники нанимались возить пушной и иной товаръ (обыкновенно, впрочемъ, при возвращеніи на ямъ, чтобы не ѣхать порожнемъ), нанимались строить суда, вели съ юртовыми татарами мѣновую торговлю и т. д. Любопытно отмѣтить, что, беря какой-нибудь подрядъ, они брали его міромъ, всей слободой. Отдѣльные ямщики—одни держали на посадѣ лавки, другіе брали на откупъ пролубный сборъ т. е. сборъ съ пользованія прорубями, третьи изготовляли свѣтильни на свѣчи и т. д. Главный доходъ, конечно, давали имъ подряды. Кромѣ того, они усиленно занимались хлѣбопашествомъ, не смотря даже на то, что съ нихъ, хоть и въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ съ другихъ (за исключеніемъ дѣтей боярскихъ—эти давали выдѣльного хлѣба вдвое меньше ямщиковъ), взимался все-таки съ сверхъокладной пашни выдѣльный хлѣбъ. [1])

Здѣсь-же упомянемъ о рядѣ мѣръ, имѣвшихъ, правда, общее значеніе, но, если, быть можетъ, и не всегда обязанныхъ происхожденіемъ своимъ особымъ условіямъ сибирской гоньбы, то имѣвшихъ для сибирской гоньбы особое значеніе. По существу своему всѣ эти мѣры стремились къ одной цѣли: оградить ямщиковъ хоть отчасти отъ притѣсненій воеводъ и злоупотребленій служилыхъ людей, позволявшихъ себѣ въ Сибири еще большій произволъ, чѣмъ покровительствовавшіе имъ воеводы. Эти мѣры слѣдующія: стремленіе

[1]) А. Юр. Кал. II, 142, 2, 143, 256. Подробности о пролубномъ сборѣ. См Д. А. И. II, 52.

прекратить требованія лишнихъ подводъ, стремленіе урегулировать вопросъ о прогонахъ и, наконецъ, стремленіе установить законныя нормы груза, больше которыхъ ямщики не обязаны были поднимать на подводѣ. Для сибирской гоньбы эти мѣры получали особое значеніе уже по одному тому, что сибирскія дороги были трудныя, сибирская гоньба была далекая и что изъ Сибири было труднѣе, чѣмъ изъ другихъ мѣстъ, вести борьбу съ злоупотребленіями и насиліемъ. Хотя, разсматривая эти вопросы здѣсь, мы нѣсколько забѣгаемъ впередъ, но было бы еще неудобнѣе отдѣлять ихъ отъ общаго вопроса о сибирскихъ ямахъ.

Мы уже говорили, что воеводы и ихъ посланцы сплошь и рядомъ требовали лишнія подводы. Лишними подводы могли оказываться въ двухъ смыслахъ: во первыхъ, посланные могли требовать болѣе подводъ, чѣмъ указано въ подорожной, во вторыхъ, въ подорожной могло быть указано больше подводъ, чѣмъ для даннаго случая слѣдовало бы. Въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ, что при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, 8 марта 1627 г. была издана роспись, опредѣлявшая сколько кому слѣдовало давать подводъ. [1]) Въ томъ-же г. 12 мая было предписано сибирскимъ дѣтямъ боярскимъ давать лѣтнимъ путемъ въ Сибирь изъ Москвы 2 подводы а зимнимъ путемъ - 2 подводы съ саньми. 21-го января слѣдующаго года было предписано давать всѣмъ воеводамъ и приказнымъ людямъ и письменнымъ головамъ, ѣдущимъ въ Сибирь, подъ ихъ запасы 6 подводъ, если по росписи 8 марта имъ полагалось 11 подводъ, 7 подводъ, если полагалось 13 подводъ, 8 подводъ, если полагалось 15 подводъ [2]) Спеціально для Сибири была издана дополнительная рос-

---

[1]) Р. И. Б. IX, стр. 520—522.

[2]) Имп. Публ. Биб. О, IV, 9. Настоящій памятникъ уже приводится въ литературѣ Лаппо-Данилевскимъ, ц. с., стр. 374, пр. 1. По его словамъ, это, по всей вѣроятности,—указная книга ямского приказа 1627—1628 г., извѣстная въ спискѣ 1680 г. Часть книги, дѣйствительно, копія съ указной 1627 г., на что имѣется прямое указаніе переписчика, который замѣчаетъ, что списалъ означенную книгу съ подлинной указной книги 135 г. за приписью дьяка Андрея Подлѣсова. Списокъ сдѣланъ въ 189 г. Но въ книгѣ имѣется еще книга поверстная, съ присоединеніемъ къ каждому указанію числа верстъ и размѣра выдаваемыхъ прогоновъ. Поверстной-же книгой и заканчивается сборникъ. Къ указной 1627—1628 г. приложены указы и начала 7137 г.

пись, въ какомъ году—неизвѣстно, но вскорѣ, во всякомъ случаѣ до 1645 г. [1]) По этой росписи боярамъ въ Тобольскѣ полагалось 20 подводъ, товарищамъ ихъ—15, а въ иные города сибирскіе—14, 13 и 12 подводъ, письменнымъ головамъ—10 подводъ; разнымъ служилымъ людямъ и гонцамъ—вѣроятно, или согласно общей росписи, или съ нѣкоторой прибавкой. Позднѣйшими узаконеніями были установлены нѣкоторыя измѣненія: боярамъ и воеводамъ тобольскимъ—25 подводъ, стольникамъ—20, но кромѣ того тѣмъ и другимъ давались и прибавочныя подводы: товарищамъ—15, дьякамъ—12, письменнымъ головамъ—10, томскимъ большимъ воеводамъ—20, товарищамъ—13, дьякамъ—11, воеводамъ Березовскимъ, Тарскимъ и Сургутскимъ—13, Пелымскимъ, Кетскимъ, Красноярскимъ, Енисейскимъ, Нарымскимъ—12, Мангазейскимъ—14, Илимскимъ—17, Якутскимъ—30, а людямъ ихъ подъ запасы—вполовину. Сверхъ того было предписано духовнымъ лицамъ не давать подводъ вовсе, кромѣ какъ для государевыхъ дѣлъ. Предписывалось также не посылать лишнихъ гонцовъ. Такъ какъ ѣхавшимъ изъ Москвы къ Сибири подорожныя выдавались въ Москвѣ, изъ ямского приказа, то предполагалось что на этомъ пути возможно лишь простое злоупотребленіе, т. е. ѣхавшіе могли требовать больше подводъ, чѣмъ указано въ подорожныхъ; но на путь изъ Сибири къ Москвѣ подорожныя выдавались въ сибирскихъ городахъ, а тамъ было, видимо, за обычай прописывать большее количество подводъ, чѣмъ слѣдовало по указу. Какъ видно изъ челобитныхъ, иногда въ такихъ подорожныхъ прописывалось двойное количество подводъ, а иногда и того больше. Если лицо, ѣхавшее изъ Сибири, имѣло московскую подорожную, то оно нерѣдко, дабы пользоваться сверхъуказными подводами, запасалось также и сибирской подорожной причемъ московской подорожной не показывало безъ крайней необходимости. Ямщики поэтому относились вообще подозрительно къ сибирскимъ подорожнымъ и, съ одной стороны, можно думать, были нерѣдки случаи, когда они на отрѣзъ отказывались

---

[1]) Д. А. И. IV, 114 Здѣсь приводится память изъ ямского приказа за приписью дьяка Никиты Головнина, а онъ былъ дьякомъ ямского приказа съ 1645 г. Въ памяти приводится дополнительная роспись съ указаніемъ, что она была издана при Михаилѣ Θеодоровичѣ.

давать подводы, что вело къ столкновеніямъ, едва-ли кончавшимся въ пользу ямщиковъ; съ другой-же стороны, ямщики видѣли себя вынужденными усиленно ходатайствовать о запрещеніи давать подорожныя по сибирскимъ городамъ. Послѣднее, однако, было-бы неудобно, и правительство ограничивалось полумѣрами, которыя, возникнувъ по поводу сибирской гоньбы, вскорѣ получили значеніе общихъ мѣръ. А именно: предписывалось не посылать лишнихъ гонцовъ, не писать въ подорожныя подводы сверхъ указу, не давать изъ Сибирскаго приказа выходъ и кормъ лишнимъ гонцамъ и служилымъ людямъ, предписывалось доправлять лишнія подводы на виновныхъ [1]).

Довольно серьезное значеніе имѣлъ для сибирскихъ ямщиковъ и вопросъ о прогонахъ. Мы уже видѣли въ прошлой главѣ, что практикой далеко не были выработаны какія-либо общія правила, которыми могъ бы удовлетворительно разрѣшаться этотъ вопросъ. Съ тѣмъ-же начался и 17 вѣкъ. Въ принципѣ ямщики должны были получать прогоны при большей части отпусковъ, въ дѣйствительности-же они получали ихъ довольно рѣдко. Сибирскіе-же ямщики совсѣмъ не получали прогоновъ, по крайней мѣрѣ, до 1633 г., а, можетъ быть, не получали ихъ долго и послѣ. Но и тогда, когда они уже безусловно получали прогоны (между 60 и 70 г.г.), если бы они получали ихъ даже за всѣ отпускаемыя подводы, то и тогда они ни въ какомъ случаѣ не могли-бы окупать стоимость гоньбы. Такъ. повѣривъ цифрамъ, показаннымъ въ ихъ челобитныхъ, (а цифры эти, можно думать, не очень преувеличены), пришлось-бы предположить, что на каждой подводѣ, отпущенной изъ прогоновъ, они терпѣли значительный убытокъ. Такъ, отпуская изъ Верхотурья въ Соликамскъ, они платили найму за подводу 4 рубля; разстояніе исчислялось въ 500 верстъ; слѣдовательно, по общей таксѣ—за 10 верстъ 3 деньги - они должны были-бы получать меньше рубля Принимая-же въ разсчетъ казенное исчисленіе верстъ, сдѣланное въ 1687 г., когда разстояніе между Верхотурьемъ и Соликамскомъ было опредѣлено въ 140 верстъ, приходится

---

1) А. И. V, 25, 145, А. Э. IV, 259, П. С. З., I, 18 и др. Существовало еще злоупотребленіе: одно и тоже лицо запасалось нѣсколькими подорожными на разныя имена; - тамъ-же. А. Э. IV, 277, Д. А. И. X, 98 и др.

считать, что они получали всего 26 коп. за подводу, что безусловно было имъ убыточно. Но убытки, конечно, были еще значительнѣе, разъ имъ вообще по возможности не платили. Хотя нѣсколько позднѣе рядомъ указовъ предписывалось платить прогоны и не давать подводъ безъ прогоновъ, причемъ устанавливалось также, кому платить прогоны изъ своихъ денегъ, а кому получать изъ казны [1]), но едва ли эти предписанія соблюдались, такъ какъ вопросъ о прогонахъ по сибирскимъ ямскимъ путямъ, равно какъ и по внутреннимъ московскимъ, продолжалъ быть острымъ до конца 17 вѣка. Въ послѣдней четверти 17 вѣка рѣшено было прибѣгнуть къ новой мѣрѣ, а именно: въ 1686 г. когда охотники главнѣйшихъ сибирскихъ ямовъ били челомъ въ Москву на извѣстныя уже намъ злоупотребленія и снова просили прибавки къ жалованью, по разсмотрѣнію, было установлено слѣдующее: служилымъ людямъ, посланнымъ въ Сибирь и изъ Сибири съ денежной и соболиной казной, со всякой мягкой рухлядью, гонцамъ и ссыльнымъ людямъ стали давать подводы безъ прогоновъ; всѣмъ-же посланнымъ на службу и возвращающимся съ сибирской службы стали давать подводы по сибирскимъ ямамъ не иначе, какъ изъ прогоновъ. Для дальнѣйшаго урегулированія этого вопроса было предписано послать съ Верхотурья сына боярскаго съ подъячимъ и двумя цѣловальниками и измѣрить дороги указной верстой (по 1000 саженъ въ верстѣ). Послѣднее было исполнено въ 1687 г., причемъ опредѣлилось, что отъ Тобольска до Тюмени 110

[1]) А. Э. IV, 192, Д. А. И. VI, 77. А. И. III, 78 86, 106, А. И. V, 145, 170 и др. Цѣны, почемъ платили ямщики за подводы, можно прослѣдить по другимъ источникамъ. Напримѣръ, для конца 30-хъ и начала 40-хъ годовъ: отъ Устюга до Сольвычегодска (разстояніе считалося 60 верстъ) платили по 16 алтынъ, по 16 алт. 4 ден., по 17 алт. 2 ден., по 18 алт. 4 д., по 19 алт., 2 деньги. По таксѣ слѣдовало за такое разстояніе всего 3 алтына До Тотьмы отъ Устюга (разстояніе считалось въ 250 в.) платили сами ямщики 1 р. 4 алт. 2 д., 1 р. 5 алт., 1 р. 7 алт. 2 деньги. Прогоновъ-же слѣдовало-бы получить 12 алт. 3 деньги. А. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 103, № 58, 1637 г. Между устюжскими цѣнами и верхотурскими не должно, кажется, ожидать большой разницы. По словамъ Буцинскаго, ц. соч., стр. 91, сибирскіе ямщики, можетъ быть, и вовсе не получали прогоновъ. Фишеръ, ц. с., стр. 203, говоритъ: „ямщики должны были тѣмъ, которые посыланы были за государственными дѣлами, давать показанныя подводы безденежно; однако, по времени учинена въ разсуждепіи уплаты денегъ нѣкоторая отмѣна“.

верстъ, отъ Тюмени до Туринска—74 вер. 800 саж., отъ Туринска до Верхотурья—98 в. 400 саж., отъ Верхотурья до Соликамска—140 верстъ, отъ Тобольска до Демьяновскаго яма 122 вер. 800 саж., отъ Демьяновскаго до Самаровскаго яма—142 вер., отъ Самаровскаго до Сургута—134 в. 800 саж., отъ Самарова до Сохоруковыхъ юртъ, внизъ Иртыша—500 вер. Не думаемъ, однако, чтобы этой мѣрой было достигнуто многое, такъ какъ въ самой Москвѣ не соблюдался установленный въ указѣ принципъ и, напримѣръ, въ 1688 г. уже требовалось, чтобы стрѣльцамъ, посылаемымъ съ отписками въ Москву, подводы давались безъ прогоновъ [1]).

Наконецъ, третій вопросъ о количествѣ клади. Еще въ 1609 г. при Василіи Шуйскомъ было приказано соликамскому воеводѣ оберегать ямщиковъ отъ насильства служилыхъ людей и не позволять класть на зимнюю подводу болѣе 15 пудовъ, а на лѣтнюю—болѣе 4 пудовъ, если не садятся сами; если-же садятся, то епанчу и чѣмъ сыту быть. Хотя указъ имѣлъ въ виду только охрану соликамскихъ ямщиковъ, но, очевидно, что иниціатива жалобъ шла изъ Сибири, такъ какъ наиболѣе тяжелая часть пути къ Москвѣ падала на долю верхотурскихъ ямщиковъ, отъ Верхотурья до Соликамской. Жалобы впослѣдствіи стали учащаться, и при Михаилѣ Θеодоровичѣ, во всякомъ случаѣ, до 1645 г., было предоставлено ямщикамъ право каждый тяжелый возъ взвѣшивать, при чемъ былъ опредѣленъ указной вѣсъ—зимой въ 20 пудовъ вмѣстѣ съ санями, а лѣтомъ 15 пудовъ. Какъ видно, однако, изъ челобитныхъ, служилые люди все таки нагружали иногда возы вдвое и втрое больше; когда ямщики требовали, чтобы имъ было дозволено взвѣшивать возы, служилые люди противились; когда дѣло восходило къ воеводамъ, воеводы были чаще на сторонѣ служилыхъ людей, чѣмъ на сторонѣ ямщиковъ. [2]) Такимъ образомъ, и этотъ вопросъ, несмотря на попытки Москвы разрѣшить его, оставался неурегулированнымъ.

Въ концѣ вѣка была сдѣлана попытка реформировать сибирскую гоньбу. Опредѣленно объяснить, въ чемъ заключался проектъ, трудно. Имѣется лишь краткое указаніе

[1]) А. И. V, 145. Лѣт. Зап. Арх. Ком., т. VII, Отд. IV, стр. 59, А. И. V, 170.

[2]) А. Э. II, 163, А. Э. IV, 277, Д. А. И. I, 114 и др.

Невилля на разсказъ, слышанный имъ отъ Спатаруса—пере водчика (Спафарій). Спафарій, по словамъ Невилля, „былъ посланъ кн. Вас. Вас. Голицынымъ въ Китай. Два года пробылъ онъ въ путешествіи, преодолѣвая многія трудности; но за то онъ собралъ множество свѣдѣній о мѣстахъ, которыми ѣхалъ; по возвращеніи своемъ въ Москву онъобнадежилъ Голицына, что можно и по Сибири устроить путь столь-же удобный, какъ и по всякой другой европейской странѣ. Голицынъ приступилъ къ устройству дороги со всѣми удобствами для проѣзжающихъ. Отъ Москвы до Тобольска, главнаго города Сибири, устроили по нѣсколько деревянныхъ домовъ на каждыхъ десяти миляхъ, и населили въ нихъ по нѣсколько крестьянъ, отведя имъ земли, съ условіемъ, что каждый домъ долженъ содержать по три лошади для проѣзжающихъ, взимая за то плату въ свою пользу по три деньги за десять верстъ. По всей сибирской дорогѣ, такъ-же какъ и по всей Московіи, поставили столбы съ означеніемъ пути и числа миль. Тамъ, гдѣ снѣга столь глубоки, что лошади не могутъ итти, также построили домы и поселили въ нихъ осужденныхъ на вѣчное изгнаніе, снабжая ихъ припасами и заведя у нихъ большихъ собакъ, на которыхъ можно ѣздить по снѣгамъ въ саняхъ“ [1]). Разсказъ, очевидно, переданъ Невиллемъ весь ма неточно: ямская гоньба, какъ мы уже видѣли, была учреждена въ Сибири чуть-ли не за сто лѣтъ до Голицына, и инниціатива Спафарія, какъ слѣдуетъ думать, сводилась лишь къ какимъ то реформамъ Весьма возможно также, что именно съ этого времени въ особо глухихъ мѣстахъ были привлечены къ ямской гоньбѣ ссыльные. Ссыльныхъ селили въ особыхъ домикахъ, имѣвшихъ значеніе промежуточныхъ ямовъ. Это, вѣроятно, то-же явленіе, которое еще не такъ давно встрѣчалъ г. Максимовъ на Бѣломорскомъ побережьи —такъ называемыя „кушни“, т. е. одинокія избушки, разбросанныя въ видѣ станцій въ наиболѣе глухихъ мѣстахъ, верстахъ въ 25 одна отъ другой; одинокій старикъ, жалкій, полу-

---

[1]) Любопыт. и нов. извѣст. о Московіи 1689 г. Цитир. по пер. Рус. Вѣст., 1841, т. IV, стр. 153—154. О Спафаріѣ см у Словцова, Историч. обозр. Сибири, М., изд. 1838, т. I. стр. 201. Здѣсь изложено о его поѣздкѣ въ Китай. Ср. Словарь достопам. люд. русск земли, ч. V; также— Сибирск. Вѣстн. 1823 г., кн. 17.

одичавшій, просящій у каждаго проѣзжающаго подаянья, является въ такихъ клушняхъ единственнымъ хранителемъ промежуточнаго яма [1]).

---

[1]) Годъ на Сѣверѣ, изд. 4, 1890 г., стр. 388 и сл.

V.

Смутное время тяжело отразилось на всемъ дѣлѣ ямского строенья. Не говоря уже о томъ, что движенья войскъ, осады и сопряженные съ ними опустошенія и пожары должны были по тѣмъ мѣстамъ, которыя служили театромъ совершавшихся событій, разогнать охотниковъ, на ямскомъ строѣ не могло не отразиться и общее броженіе умовъ, это вполнѣ обыкновенное для внутренней смуты явленіе. Населеніе отбывало отъ податей и повинностей, частью бѣжало изъ родныхъ угловъ, чтобы принять участье въ смутѣ, частью пользовалось смутой, чтобы уклониться отъ несенія своихъ обязанностей. Ямской строй, державшійся, какъ мы видѣли, главнымъ образомъ, на началахъ принужденія, требовавшій неослабнаго надзора и частыхъ переустроевъ, дозоровъ и переписей, расшатывался по мѣрѣ того, какъ за смутой ослабѣвала административная энергія власти; ямской строй пришелъ въ полный упадокъ, когда, между 16 1—1613 г.г., всѣ внутреннія заботы должны были стушеваться передъ однимъ сознаніемъ—отвратить надвигавшуюся на государство гибель. Правда, и въ эти годы правительство время отъ времени, видимо, дѣлало разныя распоряженія по ямской гоньбѣ, но распоряженія эти носили случайный характеръ: удовлетворялась потребность дня. Но эти-же распоряженія носятъ на себѣ признаки тѣхъ усилій, которыя необходимо было употреблять въ это время, чтобы сохранить хоть извѣстную возможность сношеній между центромъ и областями, безъ чего управленію, конечно, было-бы невозможно справиться съ своей задачей. Съ другой стороны, способствовали развалу ямского дѣла и сами охотники: они цѣлыми слободами бросали ямы—одни, потому что находили въ смутѣ случай удовлетворить своему вольнолюбію, воспитанному жизнью на большихъ дорогахъ, другіе, потому что, по мѣрѣ

того, какъ отбывало отъ повинностей населеніе, изсякалъ источникъ тѣхъ средствъ, которыя помогали охотникамъ служить ямскую службу.

Нельзя, конечно, сказать, чтобы такъ было вездѣ. Въ тѣхъ мѣстахъ, которыя оказались внѣ круга совершавшихся событій, а также и тамъ, гдѣ раньше, чѣмъ гдѣ бы то не было, слободская жизнь привилась и развилась, ямской строй могъ и не распасться. Быть можетъ, онъ и здѣсь былъ нарушенъ, но едва-ли въ цѣломъ. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ отписку шуйскихъ ямскихъ охотниковъ отъ 1612 г. въ полученіи подможныхъ денегъ съ посада [1]). Но, напримѣръ, въ Пронскѣ, въ концѣ 1611 г., видимъ почти полное раззореніе ямского строя. Пронская слобода, устроенная на 20 вытей, осталась въ это время лишь при десяти охотникахъ. Въ ихъ челобитной читаемъ: „нынѣ на пронскомъ яму отъ войны отъ крымскихъ и отъ ногайскихъ татаръ и отъ литовскихъ людей осталось только десять человѣкъ, а воевода правитъ на нихъ подъ посланниковъ и подъ гонцовъ подводы и имъ дей подводъ взяти негдѣ, а сошные люди подмоги имъ не даютъ и отъ тово они охудали и одолжали великимъ долгомъ, и впредь дей имъ и достальнымъ ямскимъ охотникомъ ямскія гоньбы гонять не мочно“. Бояре, къ которымъ поступила эта челобитная, приказали воеводѣ принять самыя строгія мѣры къ тому, чтобы сошные люди давали новыхъ охотниковъ и всѣмъ охотникамъ подмогу; вмѣстѣ съ тѣмъ бояре послали общій наказъ о ямскомъ строеньи въ Пронскѣ. Едва-ли, однако, можно сомнѣваться, что, если наказъ и былъ приведенъ въ исполненіе, то лишь съ большимъ трудомъ [2]).

Смута кончилась, но ея истинное значеніе для ямского строя только послѣ этого и начало сказываться. Степень, въ какой разладился этотъ строй, видна изъ того, что еще долго послѣ воцаренія Михаила Ѳеодоровича съ разныхъ концовъ неслись въ Москву извѣстья о ямскомъ неустройствѣ. И это, несмотря на несомнѣнныя заботы правительства скорѣе возстановить гоньбу, необходимую уже по одному тому, что новое устроеніе государства вызывало подъемъ дѣятель-

[1]) Акты Шуйск., Гарел., стр. 9.

[2]) Акты Ряз. кр., Пискарева, стр. 45—48. Та-же грамота въ Ряз. Губ. Вѣд., 1846, 17.

ности какъ въ центрѣ, такъ и въ областяхъ, а, слѣдовательно, естественно требовало и усиленія гоньбы. Такъ, такія большія слободы (мы уже знаемъ это), какъ тульская и калужская, состояли изъ 10—12 охотниковъ еще въ 1616 г., ливенская слобода, устроенная на 20 паевъ, въ 1615 году считала только 13 чел. всего населенія; бѣлозерскіе ямы вновь устраивались только въ 1617 году; псковскіе и новгородскіе ямы обозначены запустѣвшими еще въ 1616 г., а въ воеводскомъ наказѣ 1617 г. читаемъ лишь предписаніе, „учинить въ Великомъ Новѣгородѣ охотниковъ по Государеву указу, каковъ имъ Государевъ указъ объ ямскомъ строеніи присланъ будетъ изъ Москвы"; тверской ямъ въ 1617 г. былъ въ полномъ раззореніи такъ что, напримѣръ, посланный въ Новгородъ съ грамотами изъ посольскаго приказа Петръ Ногинъ, доѣхавъ до Твери, дальше не могъ двинуться; охотники, по его словамъ, сбѣжавъ съ яма, жили на посадѣ, хоронясь у посадскихъ людей, а посадскіе люди не давали подводъ, говоря, что на то ямъ устроенъ; запустѣли отъ лихолѣтья и слободы по дорогѣ отъ Ярославля до Москвы и, напримѣръ, въ Ярославлѣ не было въ слободѣ пригоннаго двора еще въ 1621 г. [1]) Съ какимъ трудомъ налаживалась гоньба послѣ раззоренія, достаточно видно хотя бы на примѣрѣ Углича. До раззоренья тамъ была стройная гоньба,—объ этомъ не разъ уже приходилось намъ говорить. Послѣ раззоренья до 1617 г., видимо, своего яма не было, такъ какъ извѣстна грамота, по которой въ мартѣ 1617 г. отмѣнялось прежнее распоряженіе, предписывавшее поставить на Угличѣ для скорыхъ посольскихъ дѣлъ 30 подводъ съ Кашина и съ кашинскаго уѣзда. Двадцать подводъ были доправлены съ посада и уѣзда, а десять подводъ на кашинскихъ охотникахъ. Въ 1617 г., послѣ марта, съ новаго дозора, была устроена наново ямская слобода на десять вытей, но въ іюлѣ того-же года ямъ разбѣжался. Ближайшей причиной явился пріѣздъ государевыхъ пословъ и дворянъ, подъ которыхъ сразу потребовалось 107 подводъ.

---

[1]) Кн. Разр., I, стр. 184, 188; Тр. Орлов. Арх. Ком., 93 г., вып. 3—5, стр. 51; А. Ю. 38; Арх. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 153 № 91, 1642 г.; П. Д. С. Л, № 5, св. 6, 1617 г., А. М. Ю. кн. переп. № 265, л. 391, Имп. Пуб. Б., F, IV. 522; Яросл. Губ. Вѣд., 1855 г., 18 (перепеч. въ Рукоп. слав. и русск., Вахромѣева, т. IV, стр. 252—253).

Подводы и вообще весь отпускъ пришлось доправить на населеніи. Но силы посада до того истощились этимъ однимъ большимъ отпускомъ, что, когда затѣмъ надо было дать подводы подъ сборщика и трехъ пушкарей, оказалось невозможнымъ собрать даже столь малое количество подводъ. Положеніе вещей осложнялось еще тѣмъ, что черезъ Угличъ въ это время шла безпрестанная пересылка гонцами между Москвой и кн. Ѳ. П. Барятинскимъ, который находился тогда въ Устюжнѣ. Подводы, за отсутствіемъ ямскихъ заводныхъ подводъ, брались съ населенія. Но послѣднее, боясь поборовъ, изъ-за подводъ даже на торги не съѣзжалось, большею же частью бѣжало съ посада. Въ сентябрѣ 1617 г. воевода обо всемъ, что происходило, представилъ въ Москву и просилъ устроить ямъ наново. Вѣроятно, еще до іюля 1618 г. ямъ на Угличѣ былъ устроенъ опять. По крайней мѣрѣ, въ одной изъ грамотъ отъ этого года мы встрѣчаемъ упоминаніе объ ямскихъ охотникахъ. Въ 1623 г., однако, ямскихъ охотниковъ на Угличѣ было только 5 человѣкъ, что опять таки невольно наводитъ на мысль, что ямъ снова разстроился, такъ какъ угличская дорога была достаточно проѣзжа для того, чтобы слобода строилась не менѣе, чѣмъ на 10 вытей. Можно думать, что слободская жизнь на Угличскомъ яму установилась нѣсколько позже.[1])

Значительно препятствовало дѣлу скорѣйшаго возстановленія ямского строя еще и то обстоятельство, что правительству долго не удавалось справиться съ ближайшей своей задачей, въ связи съ которой, между прочимъ, долженъ былъ находиться и ямской строй, а именно—съ выясненіемъ платежныхъ силъ страны. Какъ извѣстно, вскорѣ послѣ раззоренья, были посланы въ разные города дозорщики, но работой ихъ въ Москвѣ остались недовольны: они, какъ оказалось, писали и дозирали воруя, однихъ по дружбѣ писали легко, другихъ по недружбѣ тяжело. Посланные-же въ іюлѣ 1619 г. вторые дозорщики не поспѣли съ своими книгами еще въ 1621 г.[2]) Естественно, что въ Москвѣ, при изданіи различныхъ распоряженій, имѣвшихъ цѣлью скорѣе устроить гоньбу тамъ, гдѣ она совсѣмъ урвалась, должны были руководствоваться доводимыми до свѣдѣнія изъ обла-

[1]) Угл. Акты, №№ 22, 29, 43, 48, 72, 100.

[2]) Г. Г. Д. III, 47; А. Э. III, 105, 121.

стей фактами, а не какимъ либо общимъ планомъ пересмотра ямского дѣла. Это-же вело къ тому, что многія распоряженія оказывались или недоубоисполнимыми или явно разорительными для населенія. Если гоньба, основанная на такихъ распоряженіяхъ, все таки устраивалась, она скоро приходила опять въ разстройство. Такъ какъ, съ другой стороны, не только ямское дѣло, но и всѣ иные сборы и повинности падали на то-же населеніе, дѣйствительныя платежныя силы котораго оставались невыясненными, то вопросъ невольно осложнялся еще столкновеніями между различными центральными органами, главнымъ образомъ, между областными и спеціальными приказами. Слѣдствіемъ такихъ коллизій являлось, видимо, опять таки новое обремененіе населенія, въ зависимости отъ чего должно было еще болѣе страдать ямское дѣло. Нѣкоторую иллюстрацію въ этомъ отношеніи можетъ дать исторія курмышскаго яма до двадцатыхъ и въ началѣ двадцатыхъ годовъ. До іюня 1617 г. тамъ гоняли съ посада и уѣзда, такъ какъ ямъ не былъ еще устроенъ, но въ іюнѣ слѣдующаго года ямъ уже строился, при чемъ по грамотѣ изъ Казанскаго дворца правили на населеніи курмышскимъ охотникамъ подмогу по рублю съ четверти пашни съ живущаго да по четверти хлѣба и овса. Но въ 1620 г. ямъ пришлось переустраивать на ново и теперь уже по грамотѣ изъ Ямского приказа, при чемъ было приказано устроить на яму 15 охотниковъ, давъ имъ по 40 рублей жалованья на человѣка, а всего было приказано доправить ямскихъ денегъ по разсчету въ 800 рублей съ сохи. Изъ данныхъ не видно, отмѣнялось-ли, въ дѣйствительности, распоряженіемъ Ямского приказа распоряженіе Казанскаго дворца, но, судя по имѣющейся челобитной, слѣдствіемъ коллизіи явилось то, что на населеніи доправлялись сборы по обѣимъ грамотамъ. Изъ той-же челобитной, между прочимъ, видно, что подобныя столкновенія приказовъ по поводу курмышскихъ дѣлъ были уже и раньше, такъ какъ челобитчики ссылались на грамоту изъ Казанскаго дворца, въ которой предписывалось не слушать никакихъ указовъ изъ иныхъ приказовъ. [1]) Насколько можно судить, всѣ эти попытки

---

[1]) Акты Нижегород. Печерск. Вознесен. Мон., изд. Титова стр. 2, 3, 12, 32, 52—53.

возстановить гоньбу въ Курмышѣ дѣлались вообще не въ обычномъ порядкѣ, а на спѣхъ и безъ соображенія съ неизбѣжными послѣдствіями. Таково, напримѣръ, опредѣленіе оклада жалованья въ 40 рублей охотнику. Окладъ, какъ увидимъ далѣе, непомѣрно высокій. И, дѣйствительно, только, видимо, около 1626 г. слободская жизнь курмышскаго яма начала приходить въ норму. Окладъ охотничьяго жалованья на Курмышѣ постепенно падаетъ до нормальнаго 15 рублеваго оклада. [1])

Хотя, если судить по сохранившимся наказамъ стройщикамъ, не только въ первые годы царствованія Михаила Θедоровича, но еще, напримѣръ, и въ 1625 г., ямы строились вновь и возобновлялись тѣмъ-же порядкомъ, какой мы уже имѣли случай описать въ главѣ о ямскомъ строѣ во второй половинѣ 16 вѣка, хотя мы иногда даже встрѣчаемъ прямыя указанія стройщикамъ во всемъ справляться съ прежними устроями, съ устроями до раззоренія, но особыя условія переходнаго времени несли уже въ себѣ зародыши новой практики. Во первыхъ, раззоренное населеніе должно было возбуждать сомнѣніе не столько даже въ готовности, сколько въ возможности взять на себя ту особенную заботу о ямскомъ строѣ, какая возлагалась на него старой практикой; во вторыхъ, населеніе не вездѣ было раззорено одинаково, и по необходимости гоньба въ однѣхъ мѣстностяхъ должна была устраиваться частью на счетъ другихъ, менѣе раззоренныхъ. Уже при разсмотрѣніи гоньбы во второмъ періодѣ мы отмѣтили случаи, когда ямскіе охотники получали жалованье отъ казны. Но размѣръ этого жалованья былъ незначителенъ и, видимо, самая мысль о необходимости давать въ томъ или другомъ случаѣ охотникамъ жалованье возникала подъ вліяніемъ различныхъ особенностей каждаго случая. Ямской охотникъ выставлялся населеніемъ и содержался имъ; по схемѣ—между населеніемъ и выставляемыми имъ охотниками предполагалась опредѣленная, прочная связь, настолько опредѣленная и прочная, что правительству оставалось лишь наблюдать, чтобы произволъ со стороны населенія или со стороны охотника не урывалъ государева дѣла. Но въ отдѣльныхъ случаяхъ, преимущественно, какъ мы уже говорили раньше,

---

[1]) Симб. Губ. Вѣд., 1851 г. № 6 (Писц. кн. по Курмышу, 1626 г.), и № 24.

въ тѣхъ, когда слободы устраивались въ мѣстахъ новыхъ, малонаселенныхъ, гдѣ самое населеніе было вновѣ, или-же въ такомъ, напримѣръ, случаѣ, какъ устрой новгородскихъ посадскихъ слободъ, гдѣ по отношенію къ посаду отступили отъ общей практики, правительству приходилось восполнять явную непрочность связи между населеніемъ и охотниками, а иногда даже признавать законность ея отсутствія. Это выражалось въ томъ, что обязанность населенія давать охотникамъ подмогу правительство переносило на себя и давало подмогу уже отъ себя. Это-же, въ свою очередь, повело къ тому, что все населеніе, кромѣ подмоги своимъ охотникамъ, платило еще особый сборъ въ казну - подмогу, изъ общей суммы котораго платилось жалованье въ указанныхъ случаяхъ. Исторія сибирскихъ ямовъ показала намъ, что въ Сибири, гдѣ именно отсутствовала эта связь, съ перваго-же устроя охотникамъ опредѣлено было жалованье. Но, съ одной стороны, такіе случаи были только исключеніями —поэтому размѣръ собиравшейся подмоги и не долженъ былъ быть великъ; съ другой стороны, эти случаи уже были—слѣдовательно, прецеденты установились, и этимъ при возникновеніи условій, которыя придали бы исключительнымъ причинамъ, породившимъ эти прецеденты, общій характеръ, создавалась почва для превращенія частной практики въ общую.

Раззоренная смутой страна представляла полный комплексъ такихъ условій: населеніе частью разбрелось, частью еще не возвратилось на свои мѣста, а кто оставался на старомъ пепелищѣ, не зналъ, къ чему рукъ приложить. Между тѣмъ, гоньба была необходима; обстоятельства времени требовали усиленія гоньбы. Гдѣ гоньба и продолжала существовать, тамъ все могло оставаться по старому, гдѣ гоньба строилась заново, тамъ нельзя было надѣяться на населеніе, и правительство должно было взять всю заботу на себя. Слѣдовательно, прежде всего оно увидѣло себя вынужденнымъ замѣнить подмогу охотникамъ жалованьемъ изъ казны. Но у правительства не было денегъ; денегъ было менѣе, чѣмъ когда-либо; оставался, слѣдовательно, одинъ путь—разложить всю необходимую сумму на то-же населеніе, но теперь уже въ видѣ суммированнаго сбора, а не въ видѣ ряда сборовъ, какъ прежде. Правда, населенію было нисколько не легче платить одинъ большой сборъ, быть можетъ, даже большій,

чѣмъ совокупность прежнихъ отдѣльныхъ сборовъ, но за то этотъ сборъ, какъ общегосударственный, могъ взыскиваться съ лучшимъ успѣхомъ.

Перейдемъ къ фактамъ. Въ наказѣ пронскому воеводѣ отъ 1612 г. читаемъ: „и какъ къ тебѣ ся грамота придетъ, и ты-бъ, господине, пронского яму ямскихъ охотниковъ велѣлъ собрати, а собравъ переписати по имянамъ и ихъ женъ и дѣтей и братью и племянниковъ и сусѣдей и подсусѣдниковъ и захребетниковъ, и сколько у котораго ямского охотника для ямскія гоньбы лошадей, а переписавъ пронскаго яму ямскихъ охотниковъ, послалъ бы въ пронской и въ рязской уѣздъ пушкарей и затинщиковъ, и розсыльщиковъ, сколько человѣкъ пригоже, а велѣлъ сошнымъ людямъ быти къ себѣ тотчасъ. Да какъ сошные люди съѣдутся, и ты бы, господине, имъ говорилъ, чтобы они старымъ своимъ охотникомъ, которые нынѣ на яму, подмогу имъ денги и хлѣбъ давали по прежнему указу, по десяти рублевъ денегъ человѣку, да хлѣба по десяти чети ржи, а овса тожъ.“ [1]) Этотъ наказъ, по устанавливаемой имъ практикѣ, ничѣмъ, какъ видимъ, не отличался отъ извѣстныхъ намъ уже наказовъ второй половины 16 вѣка. Если ознакомиться съ нимъ подробнѣе, то окажется, что онъ составленъ въ болѣе, чѣмъ обыкновенно, энергичныхъ выраженіяхъ и заключаетъ въ себѣ болѣе рѣзкія предписанія, но послѣднее объясняется тяжелыми условіями междуцарствія, во время котораго онъ былъ изданъ, а мы уже говорили, что акты о ямской гоньбѣ этого времени носятъ на себѣ слѣды тѣхъ особенныхъ усилій, къ какимъ нужно было прибѣгать, чтобы хоть попытаться сохранить ямскую гоньбу. Но практика, повторяемъ, все та-же, старая, установленная до раззоренія. Ничѣмъ не отличается этотъ наказъ и отъ наказа нижегородскимъ стройщикамъ отъ 1617 г., изъ котораго узнаемъ, что стройщики должны были построить нижегородскій и алешковскій ямы съ сохъ, взявъ охотниковъ, по нихъ выборы и поручныя записи, а также установивъ охотникамъ сошную подмогу. [2]) Въ наказѣ о возобновленіи псковскаго яма отъ 1624 г., гдѣ встрѣчаемъ прямое предписаніе, прежде чѣмъ будетъ приступлено къ во-

[1]) Акт. Ряз. кр., стр. 46 - 47.

[2]) Оп. Щук. Муз., т. III, стр. 115—117,

зобновленію яма тщательно выяснить всѣ условія гоньбы до раззоренія, заключается, однако, уже слѣдующее предложеніе: „да какъ о томъ со псковскими посадскими и уѣздными людьми приговорите и по чему имъ на годъ приговорите давати подмоги, и вы-бъ по тому и учинили и тѣ подможныя денги велѣли съ посаду и съ уѣзду сбирать ежелѣть и давати ямскимъ охотникамъ изъ нашей казны; а больше того съ сошныхъ людей ямскихъ охотниковъ подмоги сбирати и ямскимъ охотникамъ давати не велѣли“. Дальше читаемъ еще слѣдующее: „да какъ о томъ со псковскими съ посадскими и уѣздными людьми договоритесь и по скольку человѣкъ на ямѣхъ во Псковѣ и на Загорьѣ ямскихъ охотниковъ устроите, и по чему имъ договорится давати на годъ подмоги, или ихъ псковскіе посадскіе и уѣздные люди возмутъ на собя и похотятъ подводы отпускати и ямщиковъ подмогати сохами по прежнему, какъ было до раззоренья, и какъ впередъ будетъ лутчи и прочнѣе, чтобы ямы были всегда въ жилѣ и подводы бъ были всегда и ямской гоньбѣ помѣшки не было, и вы бъ объ томъ отписали къ намъ тотчасъ“. [1]) Въ грамотѣ отъ 1625 г. по тому-же дѣлу, читаемъ вопросъ: „и какъ впередъ посадскіе и уѣздные люди похотятъ на ямахъ охотниковъ держати и ихъ подмогати и подводы отпускати: по прежнему-ль, какъ до раззоренья было, или какъ впередъ лутче, и прочнѣе, чтобы ямы были въ жилѣ и подводы бъ были въ отпускѣ всегда“. [2]) Здѣсь уже ясно сказалась двойственность пріемовъ, практиковавшихся по отношенію къ ямскому строю: пріемъ старый, по которому охотники содержались съ сохъ, и пріемъ новый, по которому, хотя подмога и должна была собираться съ населенія, но итти охотникамъ должна была уже черезъ казну, въ видѣ жалованья. Правда, выборъ между этими двумя практиками предоставлялся населенію, но изъ приведенныхъ данныхъ видно, что къ этому времени уже всѣ симпатіи Москвы были на сторонѣ новаго порядка. Выше намъ пришлось отмѣтить случай столкновенія двухъ компетенцій — приказа Казанскаго дворца и ямского приказа — по поводу ямского строя въ Курмышѣ. Столкновеніе, видимо, произошло опять таки на почвѣ параллельнаго существо-

[1]) А. Э. III, 158.
[2]) Р. И. Б., II, 178.

ванія двухъ указанныхъ порядковъ. По грамотѣ изъ Казанскаго дворца ямскіе охотники должны были быть по старому устроены съ сохъ; по грамотѣ изъ ямского приказа проводился уже новый порядокъ: населеніе должно было платить большой ямской сборъ, а охотники должны были быть устроены на жалованьи, платимомъ изъ полученнаго съ населенія сбора [1]). Если причиной такого и имъ подобныхъ столкновеній компетенціи являлось неопредѣлившееся къ тому времени состояніе платежныхъ силъ страны, то ближайшимъ поводомъ въ данномъ случаѣ было то, что два приказа, не спесшись между собой, проводили каждый другую практику. Ямской приказъ проводилъ новую практику, но вѣдь онъ и былъ болѣе оріентированъ въ ямскомъ дѣлѣ.

Весьма большой интересъ для всего разсматриваемаго вопроса представляетъ грамота въ Муромъ отъ 1621 г. [2]) Хотя она адресована спеціально въ Муромъ, но и по формѣ, и по содержанію она, видимо, имѣетъ значеніе окружной грамоты. На это указываетъ введеніе къ ней, написанное въ томъ-же родѣ, въ какомъ писались введенія къ распоряженіямъ общаго характера въ грамотахъ, о которыхъ достовѣрно извѣстно, что онѣ были окружныя [3]). Описавъ положеніе страны послѣ раззоренія и изложивъ затѣмъ все, что произошло съ дозорщиками, которые до года изданія грамоты съ дозорными книгами не поспѣли, грамота прибавляетъ: „и тѣ книги (дозорныя) вскорѣ нынѣ не поспѣютъ, а наши доходы за тѣмъ стали. А только не сбирать ямскихъ денегъ, и ямщикамъ будетъ давать не чего; а не давати денегъ ямщикомъ нельзя для ихъ скудости и для того, что имъ нынѣ гоньба великая". Грамота далѣе перечисляетъ оклады ямскихъ денегъ прошлыхъ годовъ (1618—1621), послѣ чего указываетъ, что съ 129 г. окладъ былъ уменьшенъ на 10 алтынъ съ чети. Въ наступавшемъ тогда 130 г. окладъ былъ снова уменьшенъ на 4 алт. 5 ден. съ чети, „чтобъ вамъ сошнымъ людямъ въ ямскихъ денгахъ тягости не было и нашеб царьское призрѣніе вамъ всѣмъ было вѣдомо". Въ грамотѣ, наконецъ, категорически устанавливается, что, кромѣ уплаты ямскихъ денегъ, на ямскую гоньбу съ населенія

---

[1]) Акты Нижег. Печерск. Возн. Мон. стр. 52—53.

[2]) А. Э. Ш., 121.

[3]) Напр. Г. Г. Д., Ш, 47, А. Э. III, 105 и др.

больше никакихъ сборовъ требовать не будутъ: „а больше того ямщикомъ подмоги съ сохъ, и цѣловальникомъ на свѣчи, и на бумагу, и на чернила, и на дрова не давали-бъ“.

Такимъ образомъ, если до раззоренія охотники выставлялись и содержались съ сохъ, то послѣ раззоренья населенію была предложена другая практика: охотниковъ выставлять съ сохъ, но содержать ихъ на счетъ казны, за особый сборъ, который включалъ бы въ себѣ всѣ прежніе расходы населенія. Повидимому, только предлагая такую практику, предоставляя даже, какъ мы видѣли, населенію выбирать между этой практикой и старой, правительство, однако, въ дѣйствительности, не ограничивалось однимъ выраженіемъ сочувствія новому порядку. Населеніе могло частью сразу перейти на этотъ новый порядокъ, частью могло оставаться при старомъ, но новый окладъ ямскихъ денегъ, который уже въ 1616 г. равнялся 280 руб., [1]) платили всѣ. Слѣдовательно, въ теченіи переходнаго времени, пока новый порядокъ окончательно не былъ вытѣсненъ старымъ, въ иныхъ мѣстахъ населеніе должно было нести двойную тяжесть: оно платило по новому ямскія деньги и по старому содержало охотниковъ. Но правительство едва-ли разсчитывало на это недоразумѣніе и, можно думать, вовсе не имѣло въ виду пользоваться имъ. Это вытекаетъ, напримѣръ, изъ уже цитированнаго дѣла по Курмышу, гдѣ въ резолюціи читаемъ: „а ямскихъ денегъ вдвое имати не велѣлъ“; еще яснѣе опредѣляется изъ грамоты въ Заозерскій станъ отъ того-же 1620 г.: „въ прошлыхъ во 126 и во 127 и во 128 году, по государеву указу сбираны съ городовъ, къ Москвѣ, въ ямской приказъ московскимъ и разныхъ городовъ охотникомъ на жалованіе, на прогоны, съ сохи по 800 рублевъ; а сверхъ того многіе охотники воровали, сошнымъ людемъ продажи и убытки чинили, имали подмогу и хлѣбъ самовольствомъ, сверхъ государева жалованья, что охотникамъ давали изъ государевы казны денежные сборщики“ [2]).

Если, однако, подможная система окончательно была вытѣснена системой жалованья, то, съ другой стороны, въ новой системѣ довольно скоро опредѣлились два порядка:

[1]) Рум. муз., Гарел. отп., цит. уже Милюковымъ, Спорн. Вопр., стр. 91.
[2]) А. Э. III, 116.

одинъ, который являлся законченнымъ выраженіемъ этой новой системы, другой—являвшійся какъ бы утвержденной самимъ правительствомъ въ его прямыхъ интересахъ переходной формой отъ стараго порядка къ новому. Новый порядокъ былъ простъ и точенъ. Правительство сбирало ямскія деньги, изъ нихъ уплачивало охотникамъ жалованье и остатокъ собирало въ ямскомъ приказѣ. Такъ, въ 1620 г. по грамотѣ изъ ямского приказа предписывалось собрать съ Курмышскаго уѣзда ямскія деньги съ сохи по 800 руб., дать изъ нихъ пятнадцати охотникамъ по 40 рублей человѣку, а остальныя деньги прислать въ ямской приказъ. Въ томъ-же Курмышѣ предписано было воеводѣ дать въ 1648 г. десяти охотникамъ изъ собранныхъ ямскихъ денегъ по 15 рублей охотнику, а остальныя деньги прислать въ ямской приказъ. Въ Воронежѣ въ 1628 г. воеводамъ было предписано дать ямщикамъ изъ собранныхъ ямскихъ денегъ десяти человѣкамъ по десяти рублей, а остальныя деньги прислать въ ямской приказъ [1]). Но тамъ, гдѣ были большія слободы, правительство, желая облегчить взятую на себя обязанность изъ ямскихъ денегъ содержать охотниковъ, возлагало уплату жалованья охотникамъ на само населеніе. Это не была уже прежняя подмога, дававшаяся въ силу порядной, это было, по существу то-же жалованье, но оно шло изъ другого источника—не изъ общаго, а изъ дополнительнаго ямского сбора. Что такой сборъ былъ именно дополнительнымъ, отчетливо видно на примѣрахъ Пскова и Новгорода. Тамъ, по устрою 1622 и 1623 г.г., охотники получали изъ сбираемыхъ съ сохъ ямскихъ—8 рублей въ годъ; въ 1624 г. они получали 6 р., въ 1625 г.—5 р., въ 1626 г.—4 рубля въ годъ [2]). Но псковичи платили и общегосударственныя ямскія деньги. Напримѣръ, въ жалованной грамотѣ дѣвичью Іоанно-Предтеченскому монастырю, что въ Псковѣ, читаемъ: „съ тое ихъ монастырскіе вотчины монастырскимъ слугомъ и крестьяномъ нашихъ податей и денежныхъ поборовъ, и казечьихъ хлѣбныхъ запасовъ и кормовъ съ сошными людьми не давати, опричь ямскихъ денегъ и стрѣлецкихъ хлѣбныхъ запасовъ, городового и острожнаго

[1]) А. Воз. Печерск. мон., стр. 53, Симб. Губ. Вѣд., 1851 г., № 24. Вор. акты (Второва) II, стр. 169, А. Э. III, 121 и др.

[2]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. Св. 153, № 21, 1642 г.

дѣла; а ямскіе имъ денги и стрѣлецкіе хлѣбные запасы давати и городовое и острожное дѣло дѣлати по писцовымъ и дозорнымъ книгамъ, съ живущего, съ сошными людми вмѣстѣ“ [1]). Новгородскіе охотники еще въ 1637 г. получали жалованье съ сохъ (по старой памяти здѣсь этотъ дополнительный сборъ назывался ямскими подможными деньгами). Такъ, въ грамотѣ по дѣлу Тихвинскаго монастыря съ новгородскимъ и старорусскимъ посадами: „и вы бы Пречистыя Богородицы Тифина монастыря съ монастырскихъ посадскихъ людей, которые живутъ подъ монастыремъ на бѣлой землѣ, ямскимъ охотникомъ подможныхъ денегъ, по прежней нашей жалованной грамотѣ, имати не велѣли... а съ монастырскія вотчины ямскія деньги плотятъ съ сохами“ [2]). Еще въ 1660 г. Новгородскіе охотники, какъ видно изъ уже не разъ цитированнаго дѣла объ устроеніи псковскаго и загорскаго ямовъ въ 1642—1667 г., получали жалованье изъ денегъ, собиравшихся съ сохъ. Но Новгородцы платили одновременно и ямскія общегосударственныя деньги [3]). По словамъ Котошихина, жалованье охотникамъ платилось изъ денегъ, спеціально для этой цѣли собиравшихся съ населенія, еще въ Смоленскѣ, Казани, Астрахани и въ иныхъ большихъ городахъ [4]). Мы знаемъ, что на такихъ-же началахъ въ 1658 г. былъ устроенъ ямъ въ Полоцкѣ [5]). Въ Козьмодемьянскѣ, гдѣ была большая слобода (въ 100 вытей), жалованье платилось изъ суммъ дополнительнаго ямского сбора [6]).

Указомъ 1680 г., который, какъ мы вскорѣ увидимъ установилъ новый окладъ ямского сбора и новую окладную единицу, была сдѣлана попытка установить также и единообразіе въ дѣлѣ уплаты ямскимъ охотникамъ жалованья. Это мы узнаемъ изъ одной челобитной козьмодемьянскихъ охотниковъ. Въ 1681 г. они получали жалованья по окладу

---

1) А. Э. III, 133.

2) А. Э. III, 267, ср. А. И. III, 142.

3) Напр. А. Э. III, 139.

4) Котошихинъ, стр. 91.

5) П. С. З. I. 223.

6) Каз. Губ. Вѣд. 1856 г. статья Михайлова; Перетятковичъ, Поволжье 17 и 18 вв., стр. 33. Ср. Окладная роспись 1681 г. въ Чт. О. И. Д. 1893 г. кн. 4., а также роспись въ наказѣ Казанскому воеводѣ 1697 г., Рус. Вѣстн. 1841 г., 3, стр. 688.

всѣ сто человѣкъ 800 рублей да хлѣба по 800 четвертей ржи и по столько-же четвертей овса. Это жалованье имъ давали изъ козьмодемьянскихъ доходовъ, а чего не доставало, то изъ иныхъ городовъ вѣдомства Казанскаго дворца. Но въ 1680 г. была прислана въ Козьмодемьянскъ слѣдующая грамота: „Указали мы Великій Государь и бояре наши приговорили на наше Великаго Государя жалованье ямщикомъ ямскіе и полоненичные деньги збирать с уѣздовъ въ ямской приказъ по переписнымъ книгамъ 186 году. Стѣхъ денегъ давать ямщикамъ на наше Великаго Государя годовое жалованье и о томъ въ Кузмодемьянскъ квоеводе къ Петру Языкову наша Великаго Государя грамота послана, велено о зборѣ и о присылкѣ тѣхъ денегъ въ ямской приказъ учинить по нашему Великаго Государя указу и по грамотамъ каковы присланы кнему будутъ изъ ямского приказу; въ платежѣ тѣхъ полоненичныхъ и ямскихъ денегъ велено быть послушнымъ; а кузмодемянскимъ ямщикамъ нашего Великаго Государя денежнаго и хлѣбнаго жалованья до указу давать не велено“. Давать-же жалованье отнынѣ было велено всѣмъ охотникамъ непосредственно изъ ямского приказа. [1]) Эта новая мѣра, распространявшаяся на всѣ ямскія слободы, измѣняла, видимо, не только порядокъ движенія суммъ къ центру, но и объединяла самую практику вопроса о томъ, на чей счетъ содержались ямщики. Однако, кузмодемьянскіе ямщики въ слѣдующемъ-же году стали жаловаться на „московскую волокиту“ и добились того, что для всѣхъ городовъ вѣдомства Казанскаго дворца былъ оставленъ прежній порядокъ. По крайней мѣрѣ, въ той-же челобитной читаемъ: „И по нашему Великаго Государя указу козьмодемьянскимъ ямщикамъ Самошкѣ Дегтяреву стоварищами наше Великаго Государя денежное жалованье на прошлый на 189 годъ, по окладамъ ихъ велено дать, и впредь по вся годы давать безъ московскіе волокиты опричь таможенныхъ и кружечнаго двора зборныхъ денегъ изъ кузмодемьянскихъ денежныхъ доходовъ, потому, что имъ ямщикамъ гоньба бываетъ многая, а будетъ на тое ихъ дачю въ Кузьмодемьянску денежные казны взборе противъ окладу недостанетъ и въ додачу имъ ямщикамъ

---

[1]) Каз. Губ. Вѣд. 1856 г. № 12.

наше Великаго Государя жалованье о присылке денежной казны исъКузьмодемьянска писать въ Чебоксары и Цивильскъ квоеводамъ, а впредь тѣмъ Кузмодемьянскимъ и всѣхъ городовъ ямщикомъ, которые вѣдомы въ приказе Казанскаго дворца, на наше Великаго Государя жалованье и на прогоны, денежную казну збирать стѣхъ городовъ и суѣздовъ, которые городы вѣдомы вприказе Казанскаго дворца". Но въ отличіе отъ того, что сдѣлано было бы прежде, если бы рядомъ съ общей практикой была оставлена и исключительная, тѣмъ-же указомъ предписывалось ямскихъ и полоняничныхъ денегъ въ ямской приказъ съ тѣхъ городовъ не сбирать, причемъ сообщалось, что въ ямскомъ приказѣ тѣ деньги „изъ окладу выложены". Эта исключительность для городовъ Казанскаго дворца была отмѣнена лишь впослѣдствіи, что видно изъ наказа казанскому воеводѣ отъ 1697 г. [1]).

Окладъ общихъ ямскихъ денегъ мѣнялся по годамъ: въ 1616 г. онъ равнялся 280 руб., въ 1617—350 руб., а затѣмъ—800 р., 584 р., 468 р., 400 р. и т. д. [2]).

Вторымъ нововведеніемъ, несомнѣнно болѣе позднимъ по времени, но находящимся въ прямой связи съ предъидущимъ, явилось то, что населеніе было освобождено и отъ обязанности выставлять охотниковъ. Это сдѣлалось не въ силу какой-либо мѣры, тѣмъ менѣе—въ силу какого либо одного распоряженія. Это сдѣлалось само собой, вытекло силой вещей изъ того, что охотники были переведены на жалованье; это упрочилось, благодаря ряду привзошедшихъ благопріятствовавшихъ обстоятельствъ.

Настоящій вопросъ необходимо, однако, разсматривать совмѣстно съ вопросомъ о томъ, какое направленіе приняла въ изучаемое время слободская жизнь. Въ своемъ мѣстѣ мы уже отмѣтили, что вся дѣятельность правительства съ появленія ямскихъ слободъ была направлена къ тому, чтобы создать спеціальный классъ людей, которые исключительно сосредоточились бы на ямской гоньбѣ. Цѣль была намѣчена ясно и опредѣленно, но средства, направленныя къ достиженію цѣли, не всегда ей соотвѣтствовали. Охотники, выставлявшіеся населеніемъ и получавшіе опредѣленіе своего

[1]) П. С. З., III, 1579, стр. 297—298.

[2]) Приложеніе № 2.

матерьяльнаго положенія отъ населенія, входя въ слободу, составляли вмѣстѣ общину, но въ основѣ связи между охотниками не столько лежала общность хозяйственныхъ интересовъ, сколько договорное соглашеніе между каждымъ изъ охотниковъ и выставившимъ его населеніемъ; слѣдовательно—степень въ какой каждая изъ договорившихся сторонъ желала или могла исполнить взятыя на себя обязательства. Въ виду того, однако, что ямская гоньба нерѣдко требовала отъ охотника большого напряженія силъ и средствъ, съ другой-же стороны, въ виду того, что населеніе, содержа охотника, должно было содержать лицо, службой котораго оно непосредственно не пользовалось, степень, въ какой каждая изъ сторонъ исполняла бы взятыя на себя обязательства, не могла быть настолько надежной, чтобы на этой почвѣ слободской строй развивался естественно. Достаточно было такихъ, напримѣръ, обстоятельствъ, какъ переходящее среднюю норму требованіе подводъ, какъ какая-нибудь случайность, вродѣ потери лошади, смерти или болѣзни одного или нѣсколькихъ, смотря по размѣрамъ слободы, вытчиковъ, чтобы большая часть, а иногда и вся слобода разбѣгалась. Съ другой стороны, достаточно было несвоевременной уплаты подмоги, чтобы данный охотникъ оказывался не въ состояніи справиться съ своей вытью; это ложилось бременемъ на остальныхъ, и слобода опять разбѣгалась. Такимъ образомъ, каждый новый устрой являлся въ исторіи каждой слободы, въ сущности, еще одной попыткой создать въ данномъ пунктѣ спеціальный классъ людей, которые прижились бы тутъ, составивъ изъ себя общину необходимыхъ для цѣлей управленія спеціалистовъ—гонебщиковъ. Другими словами: все, что было сдѣлано раньше, какъ бы само собой сводилось къ нулю, и все въ данномъ мѣстѣ начиналось сызнова. До конца 16 в. да еще и въ началѣ 17 в., слѣдовательно, если принять во вниманіе, какъ часто приходилось прибѣгать къ переустроямъ, въ общемъ и цѣломъ такая задача не была разрѣшена. Мѣстами слободы крѣпли и проявляли тенденцію разростаться, въ большей же части мѣстъ распадались при первомъ стеченіи неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Но, съ другой стороны, правительство, видя неотложную необходимость въ гоньбѣ, столь упорно и дѣятельно возвращалось все къ одной и той-же мысли, что извѣст-

ные слѣды этой упорной дѣятельности должны были, въ концѣ концовъ, остаться—образовался все-таки кадръ лицъ, дѣйствительно специализировавшихся на гоньбѣ. Быть можетъ, ихъ было не много, но они какъ бы кристаллизовали на себѣ все то, къ чему стремилось правительство, столь дѣятельно настаивавшее на специализаціи охотниковъ Правда, смутное время угрожало смести весь ямской строй, но сами обстоятельства, какъ мы видѣли, заставили правительство избрать иную систему вознагражденія охотниковъ. Эта новая система не была слѣдствіемъ теоретическихъ соображеній, и правительство, хотя и говорило о ней, что такъ будетъ „впередъ лутчи и прочнѣе", но, въ дѣйствительности, имѣло, главнымъ образомъ, въ виду интересъ дня; тѣмъ не менѣе система какъ разъ пришлась по потребности: она восполнила именно тотъ пробѣлъ, который такъ вредно сказывался на ямскомъ строѣ въ прошломъ періодѣ; новая система вознагражденія сразу превратила охотника изъ наймита, гонявшаго за населеніе гоньбу, въ самостоятельное лицо, въ полной мѣрѣ служившее государеву службу. Входя въ слободу, такой охотникъ получалъ уже цѣликомъ опредѣленіе своего положенія отъ слободы, съ ней и съ ней одной связывалъ свое положеніе, не разбиваясь, какъ прежде, между слободой и „стариной"; вступая въ слободу, онъ терялъ значеніе охотника за извѣстную группу земельныхъ владѣній, какъ это было прежде, когда эта группа земельныхъ владѣній не только выставляла, но и содержала его, а дѣлался членомъ особаго сословія ямщиковъ. Такимъ образомъ, если прежде каждый ямской охотникъ подвергался двумъ вліяніямъ: правительственному—въ служебномъ отношеніи, слободскому—въ хозяйственномъ, а основаніе этихъ вліяній видѣлъ въ договорѣ съ населеніемъ, то теперь, подвергаясь дѣйствію тѣхъ-же двухъ сферъ, не смотря на существованіе договора съ населеніемъ, видѣлъ уже основаніе этихъ вліяній въ самомъ состояніи своемъ, явившемся только слѣдствіемъ договора. Если прежде договоръ связывалъ его съ населеніемъ и лишь отчасти съ слободой, то теперь онъ связывалъ его уже съ слободой, не ставя ни въ какія дальнѣйшія отношенія къ населенію.

Съ этого началось. Но это вѣдь было и самое главное: съ одной стороны, повсемѣстно, въ видѣ небогатаго, но опре-

дѣленнаго наслѣдія прошлаго остался рядъ лицъ, вполнѣ пріурочившихъ себя къ слободской жизни въ качествѣ опытныхъ, прошедшихъ тяжелую школу охотниковъ-спеціалистовъ, съ другой—новые элементы возобновляемыхъ слободъ сразу вступали въ слободы при болѣе выгодныхъ для себя условіяхъ. Они еще были охотники, потому что шли въ слободы своей волей, но вмѣстѣ съ тѣмъ уже не были наймиты, такъ какъ поступали на государево жалованье. Цѣлая категорія неблагопріятствовавшихъ развитію слободской жизни условій, такимъ образомъ, сразу отпала. Осталась вторая категорія, т. е. тяжесть самой службы. Она продолжала быть угрожающей. Такъ, не говоря уже о переходномъ времени, т. е. до конца 20-хъ годовъ, когда, какъ мы видѣли, гоньба все никакъ не могла наладиться, но и послѣ мы часто встрѣчаемся съ жалобами ямщиковъ на чрезмѣрныя требованія подводъ, на слишкомъ малое жалованье, на притѣсненія приказныхъ людей. Напримѣръ, въ 1638 г. съ калужскихъ охотниковъ, имѣвшихъ на 40 вытяхъ 120 подводъ, потребовали подводъ до Алексина. Они выставили 80 подводъ и сказали: „хотя де насъ замучь на правежѣ и намъ дать опричь того нечего.“. [1]) Воронежскіе охотники долго и часто жаловались на притѣсненія воеводы Стрѣшнева. [2]) Мы уже знаемъ о безпрестанныхъ жалобахъ сибирскихъ ямщиковъ. Разныя челобитныя ямщиковъ извѣстны, напримѣръ, и по Вологдѣ. [3]) Но всетаки это были лишь частные случаи, противъ которыхъ принимались и частныя мѣры. Всей совокупностью своей такіе случаи, вѣроятно, много тормозили ходъ развитія слободской жизни, но въ нихъ не заключалось коренного, принципіальнаго противорѣчія съ условіями, необходимыми для этого хода. И мы, дѣйствительно, видимъ, что уже около 1627—1628—1629 г.г., когда была произведена перепись цѣлаго ряда ямскихъ слободъ, слободы хотя еще и не представляли, какъ отчасти это было указано и выше, картины вполнѣ устойчивой слободской жизни (напомнимъ: иные дворы пустовали, не вездѣ полный комплектъ вытей, на иныхъ слободахъ продолжало обнаруживаться, что дѣти и братья ямщиковъ стремятся изъ слободъ), но вмѣстѣ съ

1) А. Моск. Госуд., II, стр. 59.
2) Вейнбергъ, Воронежск. почта, стр. 418.
3) А. М. И. Д. П. Д. С. Л., № 33, 1662 г.

тѣмъ не напоминали уже того времени, когда черезъ каждые почти 10—15 лѣтъ требовался полный переустрой. Послѣ конца 20-хъ годовъ слободская жизнь замѣтно начала развиваться. Хотя число вытей въ слободахъ большею частью оставалось безъ измѣненія, но по даннымъ всѣхъ послѣдующихъ годовъ, какими намъ удалось пользоваться, достаточно опредѣляется, что не только обыкновенно въ слободахъ считались полные комплекты охотниковъ, но что значительно увеличилось и общее число слободского населенія. Такъ, уже по переписи 1628 г. въ Тверской Московской ямской слободѣ при 60 вытяхъ въ слободѣ было 60 дворовъ, а въ 1686 г. при тѣхъ-же 60 вытяхъ—107 дворовъ; изъ нихъ въ 13 дворахъ полные вытчики, а въ 94—полувытчики. Если въ 1628 г. при 60 дворахъ считалось 230 ч., то, очевидно, что въ 1686 г. при 107 дворахъ населеніе слободы было значительно многочисленнѣе. Сколько именно—неизвѣстно. Въ другихъ московскихъ слободахъ, въ 1628 г.: въ переславской, при 60 вытяхъ и дворахъ—146 чел., въ коломенской, при 60 вытяхъ и 69 дворахъ—178 ч., въ рогожской—при 60 вытяхъ и 67 дв.—153 ч. Въ тѣхъ-же слободахъ въ 1673 г.—при томъ-же, очевидно, количествѣ вытей: въ переславской—243 чел., въ коломенской—231 чел., въ рогожской—310 чел. Во владимірской слободѣ въ 1642 г.—118 чел.; а по книгѣ описи городовъ 1678 г.—229 чел., въ муромской слободѣ въ 1628 г.—84 чел., а въ 1678 г.—215 чел.; въ Переяславлѣ рязанскомъ въ 1678 г. собственно охотниковъ—52 чел., а въ 1690 г.—117 ч.; всего-же населенія—210 ч.; въ костромской слободѣ въ 1628 г. при 25 вытяхъ 104 ч., а въ 1642 г. при тѣхъ-же 25 вытяхъ—223 чел.; въ вологодской слободѣ въ 1627 г. 9 дворовъ въ слободѣ, а въ 1678 г.—172 чел. и т. д. [1]) Иногда населеніе слободъ весьма быстро увеличивалось. Такъ, въ 1678 г. въ Псковской слободѣ—260 чел., а въ 1683 г.—309 ч.; въ Бѣлгородѣ въ 1665 г.—10 охотниковъ въ слободѣ, а въ 1678 г.—30 при 62 ч. населенія. [2]) Къ самому концу 17 вѣка насе-

---

[1]) Забѣлинъ, Матер. г Москвы, стр. 314, 724, 827, 872; А. М. Ю. кн. пер. ямск., № 265, № 690; Д. А. И., IX, 106; Тр. Ряз. Арх. Ком., 95 г., стр. 196—199; Мерцаловъ. Вологодск. Старина, стр. 55.

[2]) Д. А. И., IX, 106; Д. А. И., X, 96; Багалѣй, Матерьялы, стр. 56.

леніе еще быстрѣе и значительнѣе увеличивалось. Такъ, напримѣръ, въ Сѣвскѣ въ 1678 г. считалось всего населенія въ слободѣ 92 ч., а въ 1711 г. - однихъ дворовъ было 225 при населеніи въ 787 ч. мужск. пола. [1]) Нельзя сказать, чтобы населеніе слободъ безусловно вездѣ увеличивалось. Въ Шацкѣ, напримѣръ, въ 1676 г. считалось въ слободѣ 42 дв., а въ 1678 г. всего населенія 27 ч.; въ Каширѣ, которая имѣла въ 1628 г. большую слободу—въ 1678 г.—всего 9 чел., въ Брянскѣ, гдѣ въ 1678 г. считалось 47 ч., въ 1681 г.—44 ч., въ 1685 г.—45 чел.; въ Ладогѣ въ 1655 г.—20 ч., въ 1678 г.—25 ч. [2]). Если бы такихъ случаевъ было и больше, все-таки трудно сомнѣваться, что слободы уже пережили критическое время и что слободская жизнь глубоко пустила корни.

Въ этомъ отношеніи довольно характерны слѣдующіе случаи. Въ Калугѣ, напримѣръ, въ 1638 г. была еще ямская слобода, но затѣмъ, видимо, была закрыта. Когда—неизвѣстно, во всякомъ случаѣ,—до 1661 г. Подъ этимъ годомъ находимъ слѣдующее дѣло: было приказано выбрать изъ посадскихъ людей 68 человѣкъ, которымъ и поручить гонять гоньбу, давъ по 30 р. жалованье каждому; до тѣхъ поръ, какъ видно изъ дѣла, гоняли гоньбу дворцовые крестьяне. Избранные 68 человѣкъ подали челобитную, въ которой просили заставить и другихъ посадскихъ людей гонять гоньбу вровень съ ними. Такъ какъ эти 68 чел. были въ виду гоньбы освобождены отъ всякихъ податей, то калужане -посадскіе заявили, что гонять имъ гоньбу съ тѣми вровень было-бы несправедливо. Въ Москвѣ рѣшили снять гоньбу съ 68 избранныхъ и приказали гонять всѣмъ посадомъ, но за то было постановлено и не освобождать никого отъ податей. Такимъ образомъ, въ 1661 г. калужане гоняли всѣмъ посадомъ. Но въ 1678 г. въ Калугѣ считалось уже 165 ямскихъ охотниковъ съ дѣтьми ямскими, братьями, племянниками и т. д. [3]) Допустивъ даже, что слобода здѣсь опять образовалась даже вскорѣ послѣ 1661 г., все таки надо признать, что населеніе ея

---

[1]) Д. А. И. IX, 106; Тр. Орл. Арх. Ком. 91 г., вып. 3, стр. 43.

[2]) Акты Моск. Госуд., II, стр. 475, Изв. Тамб. Арх. Ком. в. 39, стр. 150; Д. А. И. IX, 105, 106; Д. А. И., XI, 81.

[3]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. № 96, 1661 г., Д. А. И., IX, 106.

разрослось очень быстро.[1]) А мы уже какъ то говорили, что въ 1638 г. калужскій ямъ считался въ 40 вытей. По обычаю, вѣроятно, и по возобновленіи онъ былъ въ тѣхъ-же предѣлахъ. Другой такой-же случай имѣлъ мѣсто во Владимірѣ. Тамъ въ 1630 г. по причинамъ намъ неизвѣстнымъ было приказано ямскимъ охотникамъ нести тягло вмѣстѣ съ посадомъ, что, слѣдовательно, обозначало переходъ стройной гоньбы на гоньбу всѣмъ посадомъ. [2]) Но въ 1642 г., какъ мы уже знаемъ, въ слободѣ считалось 118 ч. охотниковъ, ихъ дѣтей, братьевъ и племянниковъ.

Тутъ-же мы должны указать, что въ общемъ направленіи правительственной дѣятельности какъ до Уложенія, такъ и послѣ Уложенія замѣчается отчетливое стремленіе разными мѣрами воспрепятствовать свободному переходу населенія съ одного тягла на другое, отъ одного вида тягла на другой. Если такое прикрѣпленіе къ тяглу должно было способствовать упроченію слободской жизни, то, съ другой стороны, оно-же показываетъ, что ростъ слободъ совершался естественно, изъ себя, а не путемъ пріема въ слободу сходящихся съ разныхъ сторонъ людей. Нельзя отрицать, что въ слободы приходило населеніе и со стороны. На это указываетъ цѣлый рядъ распоряженій, предписывавшихъ не принимать въ ямскія слободы бѣглыхъ людей и крестьянъ и выводить изъ ямскихъ слободъ сысканныхъ бѣглецовъ, а также устанавливавшихъ тѣ наказанія, которымъ подвергались слободскія власти за неисполненіе этихъ распоряженій. [3]) Но мы знаемъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ энергично боролось правительство съ ослушниками законовъ о прикрѣпленіи къ тяглу. Слѣдовательно, при условіи, что въ слободы все таки являлось пришлое населеніе, останется признать, что слободская жизнь тѣмъ не менѣе въ значительной мѣрѣ развивалась сама по себѣ.

Въ связи съ этимъ находится и другое явленіе. Въ то время, какъ по старой практикѣ всякая убывшая выть въ

---

[1]) Какъ видно изъ А. М. И. Д. П. Д. С. Л. № 147 1662 г., во всякомъ случаѣ, не раньше 1662 г.

[2]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 38, № 100, 1630 г. Дѣла этого въ архивѣ не оказалось, и мы судимъ о немъ лишь по описи.

[3]) А И. IV, 187, Д. А. И. III, 83, Д. А. И, IV, 48; П. С. З, II, 998, А. Э, IV, 307 и мн. др.

слободѣ пополнялась населеніемъ, обязаннымъ ставить охотника, въ разсматриваемое время убывшая выть пополняется самой слободой. Умеръ охотникъ слобода заботится о томъ, чтобы выть была занята другимъ, бѣжалъ охотникъ слобода поднимаетъ вопросъ о сыскѣ его. Вмѣстѣ съ тѣмъ слобода старательно примѣняетъ удобное для нея то общее правило, по которому и слободская выть—тяглая выть, такъ какъ на слободу падаетъ опредѣленный кругъ обязанностей, и каждый слободской пай поэтому является представителемъ опредѣленной доли въ предѣлахъ этого круга. Слобода простираетъ въ виду этого свои права не только на охотника, но и на его семью. Къ серединѣ 17 вѣка мы видимъ эту практику точно выраженной въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ указовъ. Такъ, послѣ умершаго охотника, если у него остается малолѣтній сынъ, на выть садится родственникъ (въ нашемъ случаѣ двоюродный братъ) и гоняетъ гоньбу, пока малолѣтній „въ гоньбу не поспѣетъ"; если этотъ родственникъ—посадскій и, женясь на вдовѣ охотника, сводитъ ее на посадъ, а за малолѣтняго нанимаетъ гонять гоньбу—слобода выступаетъ съ требованіемъ, по которому второй мужъ охотничьей вдовы долженъ переселиться въ слободу, а не ставить за себя другого; правительство, однако, руководствуется слѣдующимъ правиломъ (спеціальный указъ 1657 г.): если вдова охотника вышла замужъ, „въ разные слободы и въ дворцовыя села", то, чтобы слобода не предъявляла правъ на второго мужа этой вдовы, вдова должна поставить когонибудь гонять гоньбу за себя; не поставитъ—берется въ слободу ея мужъ. Что-же касается вдовъ съ дѣтьми или бездѣтныхъ, „которые пошли замужъ за стрѣльцовъ и казаковъ", то мужья ихъ по женамъ (по спеціальному указу отъ 1647 г.) сдаются въ ямщики [1]). Въ связи съ этимъ читаемъ, напримѣръ, въ наказѣ монастырскому приказчику: „да и того ему, Феклисту, надъ крестьяны смотрѣть накрѣпко, чтобы... въ ямскихъ слободахъ на вдовахъ и на дѣвкахъ потому-жъ не женились". „По тому-жъ", какъ видно изъ того, что говоритъ наказъ раньше, обозначаетъ: „чтобъ въ томъ съ сторонними людьми вражды не было" [2]). Бѣглые-же ямщики,

[1]) А. М. И. Д. П Д. С. Л., № 101 св. 274, 1656—1670, г., № 47, 1660 г. Указъ 1657 г. повторенъ цѣликомъ въ указѣ 1673 г. П. С. З., I, 564.

[2]) А. Ю. 334.

по указу, сыскивались всякими сысками и возвращались въ тѣ слободы, откуда бѣжали. Если, напримѣръ, бѣглый ямщикъ оказывался даже въ стрѣльцахъ (а изъ стрѣльцовъ, въ виду военныхъ соображеній, возвращали не всегда безъ колебаній), то все таки его возвращали въ слободу [1]).

Въ литературѣ уже достаточно обсуждался вопросъ какъ о значеніи самаго факта этого стремленія правительства прикрѣпить каждое лицо къ его тяглу, такъ и о значеніи предпринятыхъ въ этомъ направленіи мѣръ. Было указано также и на то, въ какой мѣрѣ сами общины шли въ данномъ отношеніи на встрѣчу желаніямъ правительства. [2]) Едва-ли поэтому намъ нужно особенно подробно останавливаться на той параллели, какую можно было бы провести между, напримѣръ, цитированными указами 1647 и 1657 г.г. съ одной стороны, и рядомъ статей 19 главы Уложенія, съ другой. Такъ, то, что говорятъ эти указы о вдовахъ охотниковъ, вышедшихъ замужъ на сторонѣ, въ ст. 22 гл. 19 Уложенія опредѣлено по отношенію къ вдовамъ посадскимъ: „а которые вольные люди поженилися на посадскихъ на тяглыхъ вдовахъ и поженяся съ тягла сошли, а прежніе мужья тѣхъ ихъ женъ написаны въ писцовыхъ книгахъ на посадѣхъ въ тяглѣ, и тѣхъ людей, которые женилися тяглыхъ людей на женахъ имати на посадъ для того, что они поженилися на тяглыхъ женахъ и шли къ нимъ въ домы“. Тотъ указъ, который предписывалъ возвращать въ слободы сошедшихъ ямщиковъ, по отношенію къ посадскимъ выраженъ въ ст. 32 гл. 19 Уложенія: „а которые московскіе и городовые посадскіе люди стали въ ямщики, а на тяглѣ они сами стали и тяглыхъ отцовъ дѣти и тѣхъ, по сыску, имати же въ тягло по прежнему“. По отношенію къ посадскимъ принципъ, быть можетъ, выраженъ нѣсколько рѣзче, но этого и слѣдовало ожидать, такъ какъ отъ того, что сходили съ тяголъ посадскіе, страдала казна, а отъ того, что сходили съ вытей ямщики, въ большей мѣрѣ страдала слобода.

Предѣлы нашей темы не позволяютъ подробнѣе остановиться на этомъ вопросѣ, но въ немъ насъ вѣдь можетъ интересовать только одна сторона: мы нисколько не сомнѣваемся, что мѣры, которыми устанавливалось это прикрѣпленіе

[1]) П. С. З. т. I, 564, А. М. И. Д. П. Д. С. Л. № 47, 1660 г.

[2]) Лаппо-Данилевскій, ц. с., глава первая, отд. II, стр. 76—179.

охотника къ слободѣ, не были какими либо такими мѣрами, которыя инымъ общественнымъ единеніямъ оставались неизвѣстными, но что породило эти мѣры и къ чему онѣ должны были привести? Породило ихъ,какъ можно, кажется, выводить изъ всего сказаннаго, то, что слобода получила возможность требовать охотника въ свое полное распоряженіе, уже не какъ временнаго или случайнаго гостя на яму, а какъ представителя извѣстной доли слободскихъ обязанностей и при томъ съ тѣмъ и вошедшаго въ слободу, чтобы быть полнымъ представителемъ этой доли. Привело же это къ тому, что въ концѣ вѣка охотникъ такъ и опредѣлялся, какъ вѣчный житель ямской слободы.Такъ, въ дѣлѣ отъ 1692 г. читаемъ: „есть, государи, въ инсарской ямской слободѣ пустовая ямская гонбы выть мерина порозжа ямщика Васки Мухортова, а онъ Васка взятъ въ крестьянство... велите, государи, тое ямскую гоньбу выть мерина намъ сиротамъ вашимъ служить вмѣсто взятого крестьянина Васки Мухортова, пашнею и сѣнными покосы и всякими угодьи владѣть, дворомъ, и хоромы и городбою и огородною усадбой, и гуменнымъ мѣстомъ, и съ животиннымъ выпускомъ, его Васкинымъ жеребьемъ, съ инсарскими ямщиками въ рядъ ближнею и далнею службу служить“. На челобитной находимъ помѣту: „велѣть ему ямская тое служба съ того тегла служить и собрать по немъ въ томъ порушную запись, что ему впустѣ тое службу не покинуть“. Въ поручной по новымъ ямщикамъ (ручались ямщики инсарской-же ямской слободы) читаемъ обязательство, возлагавшееся на нихъ - „жить на слободѣ съ женою и дѣтьми вѣчно“. [1])

Наконецъ, еще одна группа фактовъ. Хотя, по общему правилу старой практики, слободы заселялись охотниками, выставленными населеніемъ, но уже въ послѣдней четверти 16 вѣка отдѣльныя обстоятельства заставляли, какъ мы видѣли, отступать отъ общаго правила и прибѣгать къ устроенію слободъ путемъ прибора или путемъ перевода изъ какой-либо старой слободы вѣновую Такъ, какъ мы знаемъ, строился сухловскій ямъ (въ 1596 г.), на который перевели десять охотниковъ изъ кожемяцкаго яма; такъ строились нѣкоторыя слободы

---

[1]) А. Юр. Кал., I, 99.

въ окраинныхъ новыхъ городахъ, такъ строились съ самаго начала сибирскіе ямы, такъ строились новгородскія посадскія слободы. Почему такъ строились новгородскія посадскія слободы мы точно не знаемъ. Обыкновенно-же наблюдаются двѣ причины, заставлявшія отступать отъ общей практики: во первыхъ, необходимость имѣть на вновь устраиваемыхъ ямахъ хоть нѣсколькихъ опытныхъ охотниковъ, такихъ, которымъ гоньба была-бы за обычай („для заводу ямского"), во-вторыхъ, необходимость для правительства взять на себя ту заботу объ охотникахъ, которую нельзя было фактически возложить на населеніе, такъ какъ послѣднее само было внове или его въ данномъ мѣстѣ было мало Пока правительство не рѣшалось взять на себя обязанность вознаграждать охотниковъ, исключенія изъ правила не могли вліять на правило. Съ одной стороны, устройство слободъ по прибору требовало расходовъ; съ другой стороны, при каждомъ переводѣ охотниковъ изъ слободы въ слободу нарушалась уравнительность въ отбываніи населеніемъ повинности: приходилось (это мы и видимъ въ дѣлѣ объ устроеніи сухловскаго яма) заставлять населеніе, приписанное стряпней къ устраиваемой слободѣ, выставлять охотниковъ и подмогать имъ въ предѣлахъ той слободы, съ которой охотники были сведены на устраиваемую слободу. Послѣ раззоренія, однако, правительство, какъ мы видѣли, обложило населеніе общимъ и довольно значительнымъ ямскимъ сборомъ; этимъ естественно устранились всѣ соображенія о возможной неуравнительности повинности въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было въ данной слободѣ увеличить число охотниковъ или, наоборотъ, взять со слободы нѣсколько человѣкъ въ другую слободу; вмѣстѣ съ тѣмъ не представлялось уже прежнихъ денежныхъ затрудненій при устройствѣ слободъ путемъ прибора. Между тѣмъ историческія обстоятельства, расширявшія все болѣе и болѣе предѣлы государства, требовали увеличенія ямской сѣти, и, главнымъ образомъ, въ тѣхъ именно мѣстахъ, куда только направлялась русская колонизація; слѣдовательно—тамъ, гдѣ удобнѣе всего было строить ямы по прибору или путемъ перевода охотниковъ изъ старыхъ слободъ. Распространеніе такой-же практики и на слободы внутреннихъ городовъ не представляло бы уже ничего новаго или неожиданнаго.

Такимъ образомъ, передъ нами опредѣляется слѣдующій рядъ друга на друга вліявшихъ факторовъ: созданное смутой раззореніе вызвало у правительства рѣшеніе принять содержаніе охотниковъ на свой счетъ; необходимыя средства стали получаться путемъ увеличенія прежняго оклада ямскихъ денегъ; этимъ население освобождалось отъ всякихъ другихъ расходовъ на ямскую слободу, оставшись лишь при обязанности поставлять на ямъ охотниковъ; но переводъ охотниковъ съ посошной подмоги на жалованье положилъ твердое основаніе упроченію слободской жизни; упроченіе послѣдней, въ связи съ общей тенденціей правительства прикрѣплять каждаго къ его тяглу, привело къ перерожденію ямской слободы, какъ искусственной общины въ ямскую слободу, какъ естественную общину; въ связи съ послѣднимъ обозначилось образованіе настолько многочисленнаго класса ямскихъ охотниковъ, что правительству уже незачѣмъ было настаивать на сохраненіи между населеніемъ и слободой какой-либо обязательной связи; въ результатѣ создалась новая практика, при которой не только содержаніе охотниковъ, но и самое устроеніе слободъ тамъ, гдѣ ихъ устраивали впервые или гдѣ почему-либо переустраивали, было взято правительствомъ уже всецѣло на себя; въ тѣхъже мѣстахъ, гдѣ слободы не нуждались больше въ общемъ переустроѣ, правительство сняло съ населенія заботу о пополненіи пустовавшихъ вытей, о сыскѣ бѣглыхъ охотниковъ и т. д., словомъ, все то, что при старомъ порядкѣ по общему правилу ложилось на это послѣднее. Иначе говоря: то, что, зародившись въ концѣ прошлаго періода, являлось тогда лишь отклоненіемъ отъ общей практики, теперь явилось правиломъ; что было правиломъ прежде, то осталось теперь лишь въ видѣ случайныхъ обломковъ стараго порядка.

Нѣтъ никакой надобности ставить вопросъ о томъ, съ какого времени точно опредѣлился указанный переломъ. Мы знаемъ уже, что реформой въ собственномъ смыслѣ тутъ было лишь одно: возвышеніе оклада ямскихъ денегъ. Это произошло, во всякомъ случаѣ, какъ мы говорили, не позже 1616 г. Съ того-же года стали давать охотникамъ и жалованье, но такъ какъ рядомъ продолжала существовать и старая практика, то, кажется, можно сказать, что въ большинствѣ случаевъ переводъ охотниковъ на жалованье завер-

шился къ 1620—1621 г.г. Такъ вытекало бы и изъ цитированной грамоты на Муромъ, особенно, если признать ее окружной, такъ вытекаетъ и изъ грамоты на Курмышъ, такъ должно полагать и изъ грамоты въ Заозерскій станъ. [1]) Что-же касается второй части этого перелома, т. е. освобожденія населенія отъ обязанности давать охотниковъ, то, такъ какъ тутъ мы безусловно не имѣемъ дѣла съ реформой, а встрѣчаемся лишь съ прямымъ слѣдствіемъ ряда причинъ, то и временемъ, когда такая практика опредѣлилась, слѣдуетъ считать время, когда болѣе или менѣе опредѣлилось указанное перерожденіе ямской слободы изъ общины искусственной въ общину естественную. Это-же произошло, какъ можно думать, между концемъ 20-хъ и концемъ 40-хъ годовъ. Правда, мы еще и въ началѣ 20-хъ годовъ встрѣчаемъ случаи устроенія слободъ по прибору не только тамъ, гдѣ этого можно было бы ожидать въ виду особыхъ условій мѣстности, какъ напримѣръ, въ 1624 г. въ Воронежѣ, но и тамъ, гдѣ раньше всегда слободы устраивались путемъ выставленія охотниковъ населеніемъ, какъ напримѣръ, въ 1622 г., въ Козьмодемьянскѣ. Тамъ слободу прибиралъ Осипъ Хлоповъ: 50 охотниковъ онъ перевелъ изъ Свіяжска. [2]) Но въ видѣ общаго правила населеніе перестало выставлять охотниковъ, насколько мы это могли замѣтить, лишь повторяемъ, къ концу 40-хъ годовъ.

Нельзя, однако, сказать, чтобы прежняя практика была окончательно забыта. Такъ, когда въ 1659 г. понадобилось произвести общій пересмотръ дороги отъ Москвы черезъ Калугу до Сѣвска, было сдѣлано распоряженіе „по той дорогѣ въ городахъ, въ которыхъ городахъ ямовъ нѣтъ, и въ селахъ, и въ деревняхъ въ сорокѣ и въ пятидесяти верстахъ, для посылки скорыхъ Государевыхъ дѣлъ расписать станы, и на тѣхъ станахъ быть посадскимъ и уѣзднымъ людемъ по десяти человѣкъ съ подводы на готовѣ.“ Собрать же этихъ людей съ подводами было указано съ селъ и деревень, расположенныхъ у большой дороги и по сторонамъ ея въ ближнихъ мѣстахъ въ полуверстѣ и верстѣ, беря съ каждыхъ десяти крестьянскихъ и бобыльскихъ дворовъ по

[1]) А. Э. III, 121, Акты Возн. Печер. мон., стр. 52—53, А. Э. III, 116.

[2]) Ворон. Губ. Вѣд. 1850 г., 16; Перетятковичъ, Поволжье въ 17 и 18 в. в., стр. 33; Каз. Губ. Вѣд., 1856 г. № 12.

человѣку съ подводой. Болѣе внимательное разсмотрѣніе даннаго случая можетъ, впрочемъ, показать, что весь установленный тутъ распорядокъ нѣсколько необыченъ: подводы брались съ дворовъ, а не по обычному разводу, люди съ подводами не устраивались землей, а лишь группировались какъ бы во временныя станціи. Надлежитъ думать, что тутъ была примѣнена экстренная мѣра по поводу малороссійскихъ дѣлъ, тогда привлекавшихъ особое вниманіе правительства. Тѣмъ болѣе это вѣроятно, что въ томъ-же указѣ читаемъ: „а велѣно думному дворянину въ городахъ въ Калугѣ, въ Алексинѣ, въ Лихвинѣ, въ Казельскѣ, въ Перемышлѣ, въ Воротынскѣ и въ иныхъ городахъ, которые къ Калугѣ близки, взять съ помѣщиковыхъ и съ вотчинниковыхъ всякихъ людей съ крестьянъ и съ монастырскихъ вотчинъ съ десяти дворовъ по подводѣ съ телѣгами и хомуты, и быть тѣмъ подводамъ въ Калугѣ для подъему государевыхъ ратныхъ пѣшихъ людей и ружья и всякихъ запасовъ... а собравъ подводы безъ всякаго мотчанья, отнынѣ велѣно держать въ Калугѣ до государеву указу“.[1] Устраивая-же, напримѣръ, въ 1658 г. первый постоянный ямъ въ Полоцкѣ, правительство примѣнило уже новую практику: велѣло устроить ямъ на деньги, собранныя съ населенія.[2]

Неразъясненнымъ остается слѣдующій вопросъ. Какъ мы говорили, еще въ 16 вѣкѣ опредѣлились два денежныхъ сбора: одинъ—ямскія деньги, другой—ямская подмога, составившаяся изъ двухъ частей—ямщикамъ на ямы и прогоны и ямщикамъ на подмогу. Ямскія деньги къ концу вѣка взимались по окладу въ 20 рублей, а ямская подмога —по окладу въ 10 рублей. Послѣ раззоренія окладъ собственно ямскихъ денегъ значительно увеличился. Какъ уже было объяснено въ литературѣ, это увеличеніе оклада находилось въ связи съ общимъ недостаткомъ денегъ въ казнѣ и съ уменьшеніемъ рыночной стоимости рубля. Но мы, въ виду приведеннаго, должны включить въ число причинъ и спеціальныя причины: условія, среди которыхъ возобновлялась прекратившаяся за смутой гоньба, потребовали перевода охотниковъ съ сошной подмоги на жалованье, а это

---

1) П. С. З. I, 251.
2) П. С. З, I, 223.

вызвало необходимость въ большихъ средствахъ [1]). Параллельно съ большими ямскими деньгами остался, однако, и десятирублевый сборъ, та подмога, которая, какъ мы уже пытались установить, первоначально имѣла значеніе дополнительнаго сбора на жалованье охотникамъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нельзя было возложить ямское строенье непосредственно на населеніе. Что обозначалъ этотъ параллелизмъ? Имѣемъ-ли мы тутъ дѣло съ простымъ отвержденіемъ разъ установленнаго сбора давно пережившаго свое первоначальное значеніе, или-же существованію этого сбора слѣдуетъ искать дальнѣйшихъ объясненій? Въ то время, какъ собственно ямскія деньги назывались большими ямскими деньгами или точнѣе: „государевы ямскіе денги московскимъ и разныхъ городовъ охотникомъ на жалованье и прогоны", [2]) параллельный десятирублевый окладъ назывался малой ямщиной или точнѣе: „ямскіе денги ямскимъ охотникамъ на подмогу и на прогоны"; онъ назывался еще и такъ: „ямскіе по старымъ книгамъ въ Большомъ Приходѣ" [3]). Малую ямщину мы встрѣчаемъ на всемъ протяженіи 17 вѣка, вплоть до 1680 г., когда, по окончаніи переписи 1678 г., ямскія деньги стали взиматься съ новой оклад-

---

[1]) Милюковъ, Спорн. вопр., стр. 90. Вліяніе спеціальныхъ причинъ признавалъ, кажется, только Незабитовскій. О податн. системѣ, въ Собр. соч., стр. 22. Но Незабитовскій, не замѣтивъ факта перевода ямщиковъ съ сошной подмоги на жалованье, видѣлъ спеціальную причину въ увеличеніи гоньбы. Милюковъ, какъ можно думать, не обратилъ достаточнаго вниманія на то, что два параллельные сбора существовали еще въ концѣ 16 в. Это-же, однако, вотъ чѣмъ мѣняетъ ходъ сдѣланнаго имъ построенія: большія ямскія деньги развились не изъ десятирублеваго сбора, а изъ двадцатирублеваго; слѣдовательно, мы имѣемъ въ данномъ случаѣ не просто признаніе стараго оклада того-же сбора рядомъ съ новымъ окладомъ, а сосуществованіе двухъ различныхъ сборовъ, изъ которыхъ одинъ соотвѣтствовалъ своему назначенію, а второй по причинамъ, требующимъ разъясненія, остался, хотя и пережилъ ту цѣль, ради которой возникъ. Сосуществованіе двухъ ямскихъ сборовъ еще въ концѣ 16 вѣка признаетъ и Середонинъ Сочин. Флетчера, стр. 312—313. Онъ-же указываетъ, что къ концу вѣка 20 рублевый сборъ возросъ до 30 рублей. Но авторъ не представилъ данныхъ. Мы такого увеличенія не замѣтили.

[2]) А. Ю. 214, IX, XI, А. Э., III, 116, Угл. Акты, стр. 56, 71, 141 и мн. др.

[3]) Описаніе Долматовскаго Архива, № 962, стр. 79—87. Яросл. Губ. Вѣд. 1861 г., № 39, 41.

ной единицы - двора [1]). Установить можно только одно: до раззоренія ямскія деньги сначала одного, а потомъ и обоихъ окладовъ собирались въ приказъ Большого Прихода. Это видно не только изъ ряда отписокъ [2]), но и изъ прямого указанія въ извѣстной запискѣ о царскомъ дворѣ, гдѣ читаемъ: „Приказъ Большого Приходу, гдѣ со всей земли земляные доходы денежные сбираются, и ямскіе, и полоняничные деньги, и тамга большая" [3]). Большія-же ямскія деньги, съ тѣхъ поръ, какъ мы встрѣчаемся съ ними, собирались въ ямскомъ приказѣ [4]). Какъ видно изъ самаго названія малыхъ ямскихъ—ямскіе по старымъ книга́мъ Большого Прихода,—хотя Котошихинъ, перечисляя доходы Большого Прихода, и не упоминаетъ о малыхъ ямскихъ,—эти послѣднія и въ теченіи всего 17 вѣка (до 1678—1680 г.г.) собирались въ Большой Приходъ. На это прямо указываютъ сохранившіяся отписки [5]). Такимъ образомъ, невольно со-

---

[1]) О малыхъ ямскихъ до 70-хъ годовъ много указаній въ Опис. Долматовскаго Архива № 962, ц. стр. Въ 1669 г. Оп. Щук. муз., II, стр. 3; въ 1671 г.—Тр. Ряз. Арх. Ком., т. XIII, в. 2, стр. 197-198; въ 1673 г.—тамъ-же № 45. Отписка отъ 1678 г. въ описи Долм. Арх. цит. томъ, № 388, 397—а. Какъ видно изъ А. И. V, 49, еще до конца 1679 г. малая ямщина была отмѣнена, но на мѣстахъ продолжали взимать ее. Правительство, узнавъ объ этомъ, вновь въ 1679 г. подтвердило объ отмѣнѣ. Такимъ образомъ, фактически малая ямщина перестала взиматься развѣ только около 1680 г. Но, напримѣръ, съ Нижняго-Новгорода съ посада и уѣзда малая ямщина взималась еще въ 1682 г. Д. А. И. X, 32, стр. 86.

[2]) Напр., отписки въ А. Юр., 214.

[3]) А. И, II 355.

[4]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ отписки, на основаніи которыхъ нами составлено Приложеніе № 2. Ср. Котошихинъ, стр. 91.

[5]) См. отписки въ ц. м. Описи Долматовскаго Архива, напр. № 278 для 1630 года; для 1655 года № 304, 307; для 1658—№ 313; для 1678 года № 388; въ отпискахъ А. Юр., 214, XII, Описаніе Щукинскаго Музея, т. II, стр 3 и др. Интересно, однако, отмѣтить, что для 1630 г. мы знаемъ указанія, что малая ямщина бралась съ Ярославля въ Костромскую четь, Яр. Губ. Вѣд. 1861 г. № 39, 41. Приведенныя-же выше отписки изъ Долматовскаго Архива относятся всѣ къ костромскому уѣзду, который, слѣдовательно, также вѣдался въ Костромской чети. Заставляетъ-ли это предполагать, что еще въ 30-хъ годахъ существовала зависимость, если не всѣхъ, то нѣкоторыхъ Четей отъ Большого Прихода (подробн. см. Милюковъ, Госуд. Хоз. Россіи, стр. 25—36), или-же мы имѣемъ тутъ дѣло съ какой-либо случайностью—установить не удалось. Лаппо-Данилевскій, ц. с. стр. 477, высказалъ предположеніе о томъ, что Ямской приказъ только со второй четверти 17 вѣка замѣнилъ

здается предположеніе, что малыя ямскія деньги были оставлены за Большимъ Приходомъ не безъ вполнѣ опредѣленной какой-то цѣли. Впослѣдствіи она могла забыться, но первоначально должна была быть. Не слѣдуетъ-ли искать ее въ томъ, что малыя ямскія 17 вѣка и въ 17 вѣкѣ могли сохранить, если не все, то часть своего прежняго значенія: въ 16 вѣкѣ онѣ были деньгами на подмогу и прогоны, а теперь остались только деньгами на прогоны Но вмѣстѣ съ тѣмъ специализировались: въ отличіе отъ большихъ ямскихъ, которыя тратились не только на жалованье охотникамъ, но также на прогоны, малыя ямскія тратились лишь на отдѣльный видъ прогоновъ—тѣмъ лицамъ, которыя получали еще въ 17 вѣкѣ поденный кормъ и дорожное жалованье отъ Большого Прихода, т. е посламъ другихъ государствъ и посылаемымъ въ иныя государства [1].

Подобно тому, какъ въ старину по жалованнымъ грамотамъ иные получали освобожденіе отъ яма, а потомъ отъ ямскихъ денегъ, такъ и теперь при перепискѣ грамотъ на царево имя за нѣкоторыми оставалась указанная льгота. Но въ общемъ, если принять во вниманіе то большое количество грамотъ, которымъ все-таки можно уже и сейчасъ пользоваться, слѣдуетъ сказать, что при перепискѣ грамотъ на царское имя, начиная съ Михаила Ѳеодоровича, дѣлалась относительно ямскихъ денегъ обыкновенно специальная оговорка: „опричь ямскихъ денегъ“. [2] Иными словами: ямскія деньги платили и тарханщики и льготчики. Это, напримѣръ, прямо выражено, въ извѣстной уже намъ грамотѣ 1620 г. въ Бѣлозерскій уѣздъ: „а тѣ денги (ямскія) велите сбирать... съ

Большой приходъ по сбору ямскихъ денегъ, но и то едва-ли вполнѣ. Тутъ, на нашъ взглядъ, произошло недоразумѣніе: г. Лаппо-Данилевскій не прослѣдилъ, какъ можно думать, судьбу большихъ ямскихъ и малыхъ ямскихъ отдѣльно. Авторъ сослался, между прочимъ, на Гарелинскую коллекцію отписокъ, но, кажется, и она не возбуждаетъ сомнѣній, такъ какъ и по ней малыя ямскія сбирались въ Большой приходъ, а большія ямскія—въ ямской приказъ. Впрочемъ, уже до насъ это было указано Милюковымъ, Спорн. вопр. стр. 147—148.

[13]) Котошихинъ стр. 87.

[14]) Напр. А. И. III, 94, 126, 129, 133, 142, А. Э. III, 133, 139, см. также у Горчакова, О земельн. влад., Прилож., стр. 33; Русск. Вѣст., 1841 г. т. 3, стр. 675 и мн. др. Хотя, напримѣръ, еще въ жалованной грамотѣ отъ 1618 г. кн. Разгильдѣеву и Мангушеву дается освобожденіе отъ ямскихъ денегъ. Арх. Баюшева, № 52.

помѣстныхъ и съ вотчинныхъ и съ монастырскихъ земель, съ грамотчиковъ, съ тарханщиковъ и со льготчиковъ, со всякихъ людей". [1]) Исключеніе составляли, кажется, только вотчины Троицы Сергіева монастыря. [2]) Единственная льгота, которая обыкновенно давалась въ отношеніи къ платежу ямскихъ денегъ, это та, что нѣкоторыя владѣнія (большею частью, монастыри, хотя иногда и вліятельные бояре) получали право платить ямскія деньги непосредственно въ ямской приказъ. Льготчиковъ такого рода мы знаемъ довольно много. [3]) Если судить по сравнительно большому количеству отписокъ, гдѣ встрѣчаются подписи дьяковъ ямского приказа, хотя деньги взимались съ мелкихъ помѣстій, владѣльцы которыхъ едва-ли спеціально пользовались указанной льготой (мы судимъ объ этомъ потому, что попадаются отписки съ однихъ и тѣхъ-же владѣній, но иногда за подписью дьяка ямского приказа, а иногда за подписью мѣстнаго сборщика), то, кажется, населеніе очень цѣнило всякую возможность платить ямскія деньги въ Москвѣ, а не на мѣстѣ. [4]) Да и нельзя было, видимо, не цѣнить этой возможности, такъ какъ сборщики корыстовались сборами, правили его большимъ правежомъ, доводили населеніе собирая ямскія деньги, иногда до полнаго раззоренія. Нѣкоторое понятіе объ этомъ даетъ грамота Алексѣя Михайловича въ отвѣтъ на челобитье архимандрита Спасскаго монастыря (въ Ярославлѣ): „платятъ де они съ монастырскихъ вотчинъ ямскіе деньги на Москвѣ въ ямскомъ приказѣ, а какъ-де посылаютъ по городамъ къ воеводамъ и къ приказнымъ людемъ о тѣхъ ямскихъ деньгахъ наши грамоты и крестьяномъ де их отъ воеводъ и приказныхъ людей чинятся продажи и убытки великіе, и намъ бы ихъ пожаловати велѣть бы имъ съ монастырскихъ вотчинъ ямскіе деньги платить на Москвѣ въ ямскомъ приказѣ". Тягостно было и то, что къ сбору денегъ „выбираютъ ихъ же крестьянъ и отъ того де крестья-

---

[1]) А. Э. III, 116.

[2]) Д. А. И, II, 49.

[3]) Напр. А. И., II, 77. А. С. М. I, 89, Лѣт. зан. Арх. ком т. V, стр. 91 и мн. др.

[4]) См., напр., отписки въ угличск. актахъ, въ архивѣ Баюшева, въ Гарелинск. собраніи.

номъ ихъ чинятся убытки великіе". Дѣло о сборѣ подъячимъ новгородскаго приказа Як. Даниловымъ въ Кевролѣ и на Мезени государевыхъ доходовъ и доимочныхъ денегъ въ 1689 г. даетъ почти законченную картину возможныхъ злоупотребленій при этихъ сборахъ на мѣстахъ. Подъячій, напримѣръ, приставилъ къ правежу своихъ трехъ человѣкъ, и они били крестьянъ безмѣрнымъ правежемъ на смерть, сбивая съ ногъ, въ головы и по плечамъ и т. п. [1]) Извѣстенъ случай, когда отъ притѣсненій при сборѣ ямскихъ денегъ разбѣжался цѣлый рядъ деревень. [2]) Правительство знало все это, и, какъ мы уже видѣли изъ грамоты на Муромъ отъ 1621 г., оповѣщало населеніе, что, кромѣ ямскихъ денегъ по окладу, ничего платить не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе—поборовъ и посуловъ сборщикамъ. Но то-же правительство, опасаясь, чтобы за неисправностью плательщиковъ доходы не стали, предписывало сборщикамъ, чтобы они населенію для своей „бездѣльной корысти" не наровили, сроковъ никому ни на одинъ часъ не давали; въ случаѣ неплатежа сборщики должны были прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ: „бить батоги и сажать въ тюрьму, а изъ тюрьмы вынося, бить на правежѣ нещадно, покамѣстъ они государевы ямскіе денги заплатятъ". [3]) Естественно, что сборщики, даже не прибѣгая къ злоупотребленіямъ, а только спасая себя, не могли не являться бичемъ для населенія.

Тяжесть ямской подати (впрочемъ, въ этомъ отношеніи ямская подать раздѣляла лишь судьбу общей финансовой системы того времени) была ощутительна тѣмъ болѣе, что, хотя уже давно (во всякомъ случаѣ, еще съ послѣдней четверти 16 вѣка, какъ это слѣдуетъ изъ цѣлаго ряда приведенныхъ при разсмотрѣніи ямского строя во второй половинѣ 16 вѣка данныхъ) ямскія деньги сбирались, если не повсемѣстно, то въ цѣломъ рядѣ мѣстъ, не со всей земли, а лишь съ живущихъ четвертей, съ дозоровъ-же послѣ раззоренія—уже почти повсемѣстно съ живущихъ четвертей,—но, какъ признало само правительство въ 1646 г., ям-

---

[1]) А. С., М., I, 89, Акты Ряз. Края, № 29, Чт. О. И. Д., 87 г., кн. 3, А. Моск. Гос., I, № 248.

[2]) Акты Возн. Печерск. мон., стр. 79 81.

[3]) Напр., А. Э., III, 116. Объ отвѣтственности воеводъ за сборы— П. С. З. II, 1184. 1309 и др.

скія деньги ложились на населеніе неровно, „инымъ тяжело, а инымъ легко", причемъ инымъ удавалось и вовсе отбывать отъ платежа, такъ какъ ихъ именъ не было „ни въ разрядѣ въ спискахъ, ни въ писцовыхъ книгахъ", и жили такіе въ уѣздахъ въ избылыхъ. [1]) Придумывая исходъ изъ положенія, правительство остановилось было на мысли замѣнить всякіе сборы, въ томъ числѣ и ямскія деньги, однимъ налогомъ, который падалъ бы на все населеніе. Какъ извѣстно, роль такого налога должна была сыграть увеличенная пошлина на соль, но извѣстно также, что попытка не удалась, и уже въ 1648 г. добавочная соляная пошлина была отмѣнена. [2]) Въ 1660 г. правительство, но теперь спеціально по отношенію къ ямскимъ деньгамъ, сдѣлало иную попытку: вовсе отмѣнило сборъ ямскихъ денегъ, ассигноваъ на ямской расходъ опредѣленную сумму—40,000 рублей изъ казны. [3]) Какія ближайшія основанія побудили правительство къ этой мѣрѣ, мы не знаемъ. Но въ слѣдующемъ году ямскія деньги уже снова сбирались. [4])

Какъ извѣстно, въ 1679—1680 г.г. была произведена реформа, по которой окладной единицей окончательно былъ принятъ дворъ. [5]) Въ указѣ читаемъ: „московскимъ и городовымъ ямщикомъ на наше великого государя годовое жалованье сбирать въ ямской приказъ съ городовъ, съ уѣздовъ ямскія и полоняничныя денги по переписнымъ книгамъ 186 и 187 годовъ съ патріаршихъ и архіерейскихъ и съ монастырскихъ съ крестьянскихъ и бобылскихъ по гривнѣ (20 денегъ) съ двора, а съ своихъ великаго Государя дворцовыхъ селъ и волостей и бояръ и окольничихъ и думныхъ и ближнихъ и всякихъ чиновъ служивыхъ людей съ крестьянскихъ и съ бобыльскихъ и съ задворныхъ и съ дѣловыхъ людей по десяти денегъ съ двора". [6]) Такимъ образомъ, реформа устанавливала иную окладную единицу, соотвѣтственно – иное исчисленіе оклада, наконецъ, соединеніе

---

[1]) Г. Г. Д., III, 124.

[2]) А. Э. IV, 5, Г. Г. Д. III, 128. Подр. о добавочн. сол. пошлинѣ см. Лаппо-Данилевск., ц. с., стр. 24—26.

[3]) Ворон. Акты, изд. Ворон. Статист. Ком., Т. I, № 46, стр. 60.

[4]) См. Приложеніе № 2.

[5]) Подроб. см. Лаппо-Данилевскій, ц. с., стр. 249–262.

[6]) П. С. З. II, 1202, 1206, 1217, 1251, Д. А. И. VIII, 66, А. И. V, 49 и др

ямскихъ денегъ съ полоняничными. [1]) Съ указаннымъ окладомъ въ 10 и 20 денегъ съ двора мы встрѣчаемся уже до конца вѣка. Трудно опредѣлить, сколько когда всего собиралось ямскихъ денегъ, но, если бы это и удалось, цифры едва-ли могли бы послужить къ какимъ либо твердымъ выводамъ: все таки осталось бы выяснить сравнительное значеніе этихъ цифръ какъ для казны, такъ и для населенія, что, не смотря на уже извѣстныя попытки, едва-ли сейчасъ осуществимо. [2]) Котошихинъ опредѣлялъ, что ямскихъ денегъ сбиралось до 50 тысячъ и больше. [3]) Цифру надо, кажется, признать правильной, такъ какъ до послѣдней четверти 16 вѣка денегъ собиралось больше, чѣмъ нужно было для раздачи ямщикамъ, а, какъ мы уже знаемъ, въ 1660 г. предположено было раздать ямщикамъ 40,000 рублей. При новомъ окладѣ ямскихъ вмѣстѣ съ полоняничными собиралось уже меньше. Такъ, въ 1680 г. въ росписи по ямскому приказу значится ямскихъ и полоняничныхъ 29,815 рублей между тѣмъ ямщикамъ слѣдовало выдать свыше 35,000 руб. [4]) Въ докладѣ по дѣлу тульскихъ ямщиковъ отъ 1687 г. читаемъ: „а въ прошлыхъ годахъ, какъ въ ямскомъ приказѣ сбирались ямскія деньги до 188 года, по четвертному окладу, и въ тѣхъ годахъ окладъ былъ положенъ нынѣшняго новаго окладу больше гораздо“. [5])

Платя ямскія деньги, населеніе, однако, не освобождалось и отъ подводной повинности. Этому мы имѣемъ многочисленныя свидѣтельства. При каждой большой посылкѣ, особенно, если она была въ томъ или иномъ отношеніи связана съ какой-либо военной цѣлью, населеніе обязывалось выставлять подводы. Но правительство несомнѣнно старалось внести въ отправленіе этой повинности нѣкоторый по-

---

[1]) На долю полоняничныхъ денегъ приходилось 4 деньги со двора. Такъ, изъ отписокъ отъ декабря 1678 года видимъ, что съ 25 дворовъ съ помѣстья и вотчины Куломзина было взято полоняничныхъ денегъ 16 алт. 4 деньги. Опись Долмат, Арх., № 962, отписка № 400. Ср. Милюковъ, Госуд. Хоз. Рос., стр. 72.

[2]) Напр., Ключевскій, Русскій рубль. М., изд. 1884 г.

[3]) Котошихинъ, стр. 91.

[4]) Милюковъ, Госуд, хоз., въ Приложен., стр. 12.

[5]) П. С. З II, 1251.

рядокъ. Такъ, опредѣлялось въ самомъ наказѣ, со сколькихъ дворовъ слѣдовало брать по подводѣ (съ 100, 50, 10 и т. д. дворовъ), опредѣлялось, чтобы раскладка общаго количества подводъ, положенныхъ на уѣздъ, была произведена самимъ населеніемъ, иногда въ точности вырабатывался весь планъ исполненія повинности. Такъ, когда въ 1632 г. потребовалось весьма большое количество подводъ въ Москвѣ, Москва была расписана на 14 участковъ; во главѣ каждаго участка былъ поставленъ сборщикъ, при которомъ состоялъ подъячій; каждому изъ сборщиковъ была дана соотвѣтственная инструкція. Въ Кремлѣ, напримѣръ, собиралъ подводы дворянинъ Внуковъ. Онъ долженъ былъ собрать съ земли съ тридцати саженъ круглыхъ по лошади съ телѣгой и съ человѣкомъ, а за лишнія сажени онъ долженъ былъ брать деньгами по 2 рубля за сажень. Ивану Засѣцкому, которому приказано было сбирать подводы съ деревяннаго города, надлежало взять съ черныхъ сотенъ торговыхъ людей и съ монастырскихъ слободъ крестьянъ съ 10 дворовъ по подводѣ, „а верстаться имъ въ подводѣхъ межъ себя самихъ". Тутъ-же узнаемъ слѣдующія подробности: „сбирати лошади съ телѣгами и съ людьми, не мѣшкая, съ 900 саженъ дробныхъ, а съ 30 саженъ круглыхъ по лошади съ телѣгою и съ человѣкомъ; а у которыхъ людей по мѣрѣ дворы меньше указныхъ 30 саж. длиннику, а поперечнику тожъ, а дробныхъ 900 саж. или двумя, или тремя, или пятмя, и имъ дополнивати малыми дворы и сводить дробными сажени; а у которыхъ людей дворы не велики, меньше указныхъ 30 саженъ, а доведется съ нихъ взять лошадь съ телѣгою и съ человѣкомъ съ двухъ или съ трехъ, или съ четырехъ и больше, и съ тѣхъ людей лошади съ телѣгами и съ людьми имати, розвытя посаженно, съ 30 саженъ съ длиннику и съ 30 съ поперечнику, кто съ кѣмъ похочетъ дать лошадь съ телегою и съ человѣкомъ и чей дворъ съ кѣмъ ближе". [1] Но, съ другой стороны, по прежнему читаемъ въ наказахъ: „посадскимъ и уѣзднымъ людемъ сбирючи тѣ подводы насильства не чинить, чтобы никому въ подводахъ было не въ тягость", а рядомъ предписаніе собирать подводы безъ задержанія, иногда съ угрозой доправить на

---

[1]) А. Э. IV. 68, 71, 86; А. Ю. 350, А. Моск. Госуд., I, 349, 365, 366.

воеводѣ въ случаѣ проволочекъ. [1]) Какъ и прежде, населеніе тяготилось этой повинностью и часто жаловалось на чинимое ею раззореніе. Иногда въ отвѣтъ на эти челобитныя приказывалось выдать за подводы вознагражденіе. Какъ правило, однако, подводы выставлялись безмездно. [2]) Иногда эта обязанность населенія выставлять по мѣрѣ надобности подводы получала опредѣленную организацію и дѣлалась постоянной, напоминая отмѣченную при разсмотрѣніи предыдущаго періода обязанность населенія подмогать своимъ охотникамъ подводами. Такъ, въ 1678 г. было приказано тульскимъ, дѣдиловскимъ и иныхъ городовъ посадскимъ и уѣзднымъ людямъ подмогать тульскимъ ямщикамъ и давать подводы по грамотамъ и подорожнымъ. Въ указѣ имѣется ссылка на прежніе указы и приписка: „для нынѣшнія много службы и впредь.“ [3]) Насколько такая повинность считалась постоянной, видно, напримѣръ, изъ отписки ржевскаго (володиміровскаго) воеводы отъ 1664 г.: воевода жаловался, что осташковской слободы крестьяне въ ямской гоньбѣ не подмогаютъ. Такую-же отписку прислалъ въ томъ-же году, напримѣръ, и вяземскій воевода, жаловавшійся на приказчика дворцовыхъ селъ, который не присылалъ подводъ въ подмогу для ямской гоньбы. [4])

Изъ того, что уже было сказано выше, можно думать, нѣсколько опредѣлилось, что ямскія слободы, особенно же въ центральныхъ московскихъ уѣздахъ, начиная съ конца 20 годовъ стали постепенно образовывать изъ себя естественныя общины Гоняя гоньбу, охотники одновременно занимались хлѣбопашествомъ, торговлей и различными подсобными промыслами. Они занимались и частнымъ извозомъ. [5]) Иногда вытчики вели хозяйство своей семь-

---

[1]) Акты Воронеж. (Второва), II. стр. 30, 67, III, стр. 94, Р. И. Б. V, 297, А. М. Госуд. II, 104 и мн. др.

[2]) Напр. Угл. Акты, стр. 37–40, Вор. Акты, II, стр. 30 и др.

[3]) Д. А. И. VIII, 19. I.

[4]) Р. И. Б., XI. стр. 138, 245.

[5]) Вопросъ о частномъ извозѣ, которымъ несомнѣнно занимались ямскіе охотники (А. И., III, 57 и мн. др.), обыкновенно толкуется въ слѣдующемъ смыслѣ: разъ охотники могли наниматься у гостей и всякихъ людей подъ товары, то, очевидно, что ямская гоньба была доступна всему населенію. Особенно опредѣленно держался этого Лешковъ,

ей, но по большей части, какъ это, кажется, выясняется изъ разсмотрѣнія переписныхъ книгъ, сдавая землю бобылямъ за денежный и хлѣбный оброкъ; иногда, какъ это, напримѣръ, было въ Псковѣ еще и въ началѣ 40-хъ годовъ, охотники всю свою землю сдавали посадскимъ; иногда они широко пользовались наемнымъ трудомъ; иногда-же не только пахали сами всю землю, но еще брали на себя сверхокладную землю, съ которой платили государевъ выдѣльный хлѣбъ [1]).

Слободы, какъ и прежде, были разныхъ размѣровъ, смотря по разгону. Какъ на нѣкоторое отличіе отъ предшествовавшаго періода можно указать лишь на то, что уѣздныя слободы довольно быстро теряютъ въ теченіе 20—30 лѣтъ послѣ раззоренія свое самостоятельное значеніе, и мы ихъ видимъ обыкновенно приданными къ посадскимъ слободамъ. Такъ было и по Новгородской дорогѣ, и по Ярославской, и по Калужской, и по Вологодской и по другимъ [2]). Но тѣмъ шире разростались слободы посадскія. На основаніи ряда данныхъ мы могли установить слѣдующую (приблизительную, впрочемъ) карту: слободы центральныхъ уѣздовъ обыкновенно считались въ 60—100 вы-

ц. с. Рус. Вѣст., 1852 г., кн. I. стр. 30, прим. 6. Но такой взглядъ въ корню неправиленъ. Одно дѣло—охотникъ, какъ служащій охотничью службу, и другое какъ частное лицо, имѣющее возможность наняться подъ кладь или пасажировъ. Они возили по найму товары „межъ своихъ дѣлъ" (А. Э., III, 297); они брали тогда какую угодно цѣну, какъ договорятся. Напримѣръ, запрашивали за подводу отъ Ярославля до Москвы 70 рублей (Яросл. Губ. Вѣд., 1860 г., № 19). Такимъ образомъ, для вопроса о томъ, насколько ямская гоньба была доступна населенію, могли бы имѣть значеніе лишь данныя, которыя показывали бы, что населеніе могло пользоваться гоньбой ipso jure, какъ учрежденіемъ, существующимъ не исключительно для правительственныхъ цѣлей. Такихъ данныхъ, однако, нѣтъ. Но рядомъ съ этимъ мы знаемъ, что и должностныя лица не всегда могли пользоваться ямскими подводами; знаемъ также, что для того, чтобы пользоваться ямской гоньбой, какъ учрежденіемъ, даже служа государеву службу и при томъ—за собственные прогоны, нужно было вчинять особое ходатайство. Напримѣръ, челобитная рудознатцевъ отъ 1675—Д. А. И., VI, 24.

[1]) Кн. переп. ямск. слоб.; книги выдѣльнаго хлѣба новгородскихъ ямовъ 1624 и 1626 гг. въ Q, IV, 264, л. 351—392. Выдѣлялся четвертый снопъ съ паханной земли и пятый съ переложной.

[2]) Кн. переп. ямск. слоб., Экономич. примѣч. къ плану генеральн. межев. по Яросл., губ., Тульская старина, изд. 1863 г., стр. 36.

тей, слободы новгородскія и псковскія - въ 30 вытей, по дорогѣ къ Архангельску - 30 вытей, по дорогѣ къ Нижнему - 30 вытей, въ уѣздахъ къ юго-востоку—10 – 20 вытей. Но, конечно, бывали и исключенія: такъ, Козьмодемьянская слобода считалась въ 100 вытей, а Калужская только въ 40 [1]). На каждой выти и теперь, какъ и прежде, могъ сидѣть одинъ охотникъ, могли сидѣть и нѣсколько. [2]) Если не считать тѣхъ мѣстностей, гдѣ населеніе было еще не особенно многочисленно и гдѣ охотники нерѣдко получали земли иногда вдвое противъ государева указа, а иногда, по ихъ собственнымъ словамъ, пахали, сколько хотѣли, для 17 вѣка нормальнымъ земельнымъ окладомъ охотника можно считать 5 четвертей въ каждомъ полѣ и сѣна на 20 копенъ [3]). Окладъ жалованья колебался по времени и мѣстности. Сейчасъ послѣ раззоренья оклады, какъ мы уже видѣли, доходили мѣстами до 40 рублей въ годъ; въ началѣ двадцатыхъ годовъ чаще всего встрѣчаемъ норму въ 10—15 рублей; [4]) къ концу вѣка окладъ устанавливается между 20—25 рублями [5]). Въ копіи съ указной книги ямского приказа 1628 г. читаемъ: „137 г. октября 7 въ передней избѣ

---

[1]) А. Моск. Гос., II, стр. 59, 475, кн. Разр., I, стр. 1109, 1130, 1137, 1138, 1139, 1244, 1332, 1346, 1350, 1351; Вор. А. (Второва), I, стр. 131, II, стр. 3, 169; Тр. Ряз. Арх. Ком. 95 г., стр. 196—199; Изв. Тамб. Арх. Ком., вып. XXXIX, стр. 150; Д. А. И., т. IX, 13, 84, 105, 106; Акты Воз. Печерск. мон. стр. 53, Мерцаловъ, Вологодск. старина, стр. 55, Багалѣй Матерьялы, стр. 56, Каз. Губ. Вѣд., 1856 г., № 12.

[2]) Мы уже говорили выше (стран. 137 дан. кн.), что ямская выть не была приравнена къ двору. Въ концѣ 17 в. начинаетъ замѣчаться стремленіе приравнять выть къ опредѣленному числу дворовъ. По рукописи въ А. М. И. Д. „О почтѣ", 1807 г. № 226, стр. 77, на выть было положено 4 двора. Указомъ 20 февраля 1703 г., дѣйствительно, выть обозначалась въ 4 двора. Указомъ 28 февраля 1705 г.—7 дворовъ; указомъ 2 іюля 1714 г.—пять дворовъ. П. С. З., т. V.

[3]) Кн. переп. ямск. слоб. Ср. Лаппо-Данилевскій, ц. с. стр. 372, пр. 2.

[4]) Уг. Акт., 141, Ворон. Губ. Вѣд., 1851 г. № 16, Вор. А., (Второва) II, стр. 162, Симб. Губ. Вѣд. 1851, № 24.

[5]) Калужскіе ямщики получали въ 80-хъ годахъ 24 рубля на выть, владимірскіе, переяславль-залѣсскіе, ярославскіе, нижегородскіе, болховскіе—23 р., тульскіе—22 р. П. С. З II, 1251, новгородскіе—25 рублей на выть въ 1660 г. А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 153, № 91, 1642 г. На мелкихъ ямахъ встрѣчаемъ и значительно меньшія жалованья. Напримѣръ, на бобровскомъ яму—5 руб. на выть. А. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 227, № 149, 1648 г.

бояре о ямскихъ денгахъ слушали росписи, что ямщикомъ государева денежнаго жалованья даютъ на Москвѣ и въ городѣхъ и что за ними денегъ и говорили бояре, чтобы ямщикомъ ямская гоньба гонять по прежнему какъ было до московскаго раззоренія а что послѣ московскаго раззоренія прибыло ямскіе гоньбы и на ямскіе подводы и о томъ бояре говорили доложити Государю, что о той лишней гоньбѣ Государь укажетъ и ихъ тогда боярской приговоръ о ямскихъ денгахъ и ямщикамъ о жалованьи будетъ". Тутъже приложена роспись, сколько прибыло лишней гоньбы. Но Государь указалъ, чтобы все оставалось по прежнему, такъ какъ лишняя гоньба—дѣло временное и впредь тому не быть [1]). По словамъ Олеарія, ямщики получали по 30 рублей ежегодно. Но, видимо, онъ зналъ только то, что слышалъ о новгородскихъ охотникахъ, которые, дѣйствительно, получали и 25 и 30 р. [2])

Въ тѣхъ слободахъ, гдѣ охотники получали жалованье не изъ общихъ ямскихъ денегъ, а изъ спеціальныхъ сборовъ на ямскую гоньбу, охотникамъ обыкновенно давалось сверхъ денежнаго жалованья и хлѣбное, причемъ денежное жалованье въ такихъ случаяхъ давалось по сравнительно меньшему окладу: напримѣръ—8 рублей, какъ въ Козьмодемьянскѣ, 2 рубля, какъ въ Свіяжскѣ, 5—4 рубля, какъ въ Псковѣ. Хлѣбъ опредѣлялся охотникамъ вездѣ, гдѣ мы могли прослѣдить, въ такомъ же количествѣ четвертей, сколько рублей полагалось деньгами: при 8 рубляхъ —8 четвертей ржи и 8 четвертей овса, при двухъ рубляхъ —2 четверти ржи и 2 четверти овса и т. д. [3]) Хлѣбъ, однако, выдавался какъ и жалованье, не по договору съ сохъ, а въ видѣ государева хлѣбнаго жалованья. Такъ его называютъ сами охотники, такъ онъ показывается и въ росписяхъ [4]). Намъ представляется, что эта хлѣбная дача явилась пря-

---

[1]) Имп. Пуб. Биб. О, IV, 9

[2]) Олеарій, Подроб. опис. путеш., пер. Барсова, изд. 1870 г., стр. 226.

[3]) Каз. Губ. Вѣд., 1856 г. № 12, А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 91 № 153, 1642 г., Окладн. расх. росп., Ч. О. И. Д. 1893, кн. 4., Рус. Вѣстн. 1841 г. кн. 3.

[4]) Каз. Губ. Вѣд. 1856 г. № 12, Ч. О. И. Д. 1893 г., кн. 4, Рус. Вѣст. 1841 г., кн. 3.

мымъ слѣдствіемъ того порядка вещей, при которомъ ясно поставленная задача перевести охотниковъ на жалованье допустила столь длинный рядъ отклоненій, и именно въ сторону уже разобраннаго выше, признаннаго самимъ правительствомъ переходнаго порядка. По крайней мѣрѣ, мы имѣемъ основаніе думать, что въ смыслѣ общаго правила эта хлѣбная дача не входила въ виды правительства ни въ 1620 г., когда новый порядокъ болѣе или менѣе опредѣлился, ни въ 1680 г., когда былъ произведенъ общій пересмотръ ямского дѣла и соотвѣтственно ему была сдѣлана попытка внести въ ямской строй единообразіе. Такъ, въ уже цитированной грамотѣ въ Заозерскій станъ отъ 1620 г. говорится съ укоромъ, что не смотря на получаемое жалованье, многіе охотники „воруютъ, емлютъ подмогу и хлѣбъ самовольствомъ", а въ окладной росписи 1681 г. противъ указанія, что козьмодемьянскіе охотники получаютъ хлѣбную дачу, находимъ помѣту: „справится, есть-ли земли за ними и давно-ль хлѣбъ даютъ". Охотники-же какъ видно изъ ихъ челобитной всегда получали хлѣбъ. Когда въ 1681 г. было предписано не давать имъ больше хлѣбнаго жалованья, потому что у нихъ земля есть, они напрасно ссылались на прежнюю практику; рѣшеніе отмѣнить хлѣбную дачу оказалось непоколебимымъ. Какъ мы уже знаемъ, козьмодемьянскимъ охотникамъ разрѣшили получать жалованье не изъ ямского приказа, безъ „московской волокиты", но хлѣбной дачи не вернули. [1]) Такимъ образомъ, рождается предположеніе, что хлѣбное жалованье создалось само собой между этими двумя крайними моментами времени, свидѣтельствуя о живучести старыхъ порядковъ, хотя и проявлявшихся теперь уже въ иныхъ формахъ.

Ямскіе охотники по прежнему получали и прогоны. Размѣръ прогоновъ старый — 3 деньги за 10 верстъ. [2]) Какъ и до раззоренія, въ разсматриваемомъ періодѣ прогоны не всегда давались на все

---

[1]) А. Э. III, 116; Каз. Губ. Вѣд. 1856 г. № 12, Чт. О. И. Д. 1893 г. кн. 4, стр. 51.

[2]) Котошихинъ, стр. 91, Вр. О. И. Д., кн. 13, Расходн. кн. новгород. митроп., А. Э. IV, 192 и др.

разстояніе по подорожной. [1]) Мы уже имѣли случай высказать предположеніе, что, прогоны, если судить по подорожнымъ конца 16 и начала 17 вѣка давались на каждый маршрутъ въ размѣрѣ установленной въ данномъ приказѣ практики; для разсматриваемаго времени, кажется, можно уже опредѣленнѣе сказать, что размѣръ выдаваемыхъ на каждую поѣздку прогоновъ опредѣлялся не дѣйствительнымъ количествомъ верстъ, которое приходилось проѣхать, а разъ навсегда, впредь до особаго распоряженія, установившейся для каждаго даннаго маршрута практикой. Къ этому приводитъ, напримѣръ, разсмотрѣніе поверстной книги, находящейся въ уже цитированной указной книгѣ 1628—1629 г.г. Изъ нея мы видимъ, что отъ Москвы до литовскаго рубежа прогоны выдавались въ размѣрѣ 16 алтынъ, а назадъ —13 алтынъ; до Чаронды —28 алтынъ, а назадъ—21 алтынъ; по калужской дорогѣ прогоны давались до перваго малорусскаго города, назадъ-же только отъ Сѣвска и т. д. [2]) Изъ другого источника знаемъ, что, напримѣръ, отъ Нижняго до Владиміра, разстояніе между которыми считалось въ 330 верстъ, давали прогоновъ всего 7 алтынъ, отъ Нижняго до Арзамаса, разстояніе между которыми считалось въ 110 верстъ, давали прогоновъ всего также 7 алтынъ, отъ Нижняго до Переяславль-Залѣсскаго (разстояніе 205 верстъ) —6 алтынъ. [3]) Въ грамотѣ, полученной въ 1622 г. въ Псковѣ изъ Новгородской чети, читаемъ: „будетъ прежъ сего псковскимъ гонцемъ, которые гоняютъ изъ Пскова къ Государю къ Москвѣ, даваны прогоны отъ Пскова до Москвы, и прогоны псковскимъ гонцамъ велѣно давати до Москвы изъ псковскихъ доходовъ, а будетъ прежь того даваны отъ Пскова до Новагорода и прогонные деньги велѣно давати до Новагорода.“ [4]) Прогоны „подписывались“ на подорожныхъ по тому, какъ это завелось, а удавалось ямщикамъ даннаго яма добиться, чтобы „подписывались“ про-

---

[1]) Это можно прослѣдить, въ особенности, по подорожнымъ. См. стр. 75. примѣч. 5 дан. кн. Ср. также Олонецк. Губ. Вѣд. 1849 г., № 36.

[2]) Имп. Пуб. Биб. О, IV, 9.

[3]) Арх. М. Ю. Д. Прих.-расх. кн. Нижегородской четверти, 1615 г., по реестру книгъ по Нижнему-Новгороду, № 1; напр. Л. Л. 347, 350, 353, 361 и мн. др. Разстоянія—по Кн. Больш. чертежу, стр. 128—134.

[4]) Пск. Губ. Вѣд., 1845 г. № 51.

гоны по болѣе выгодному для нихъ разсчету, и практика мѣнялась. Для разъясненія этого вопроса представляетъ нѣкоторый интересъ дѣло по Козьмодемьянской слободѣ. По старой практикѣ подводы давались до Козьмодемьянска съ прогоновъ, а отъ Козьмодемьянска (т. е. внизъ по Волгѣ—до Казани) безъ прогоновъ. Видимо, иногда козьмодемьянскимъ охотникамъ удавалось добиться, чтобы прогоны подписывались не только вверхъ по Волгѣ, но и внизъ; однако, приказная практика одерживала, должно быть, верхъ, такъ что, получая многое число прогоновъ, охотники многія подводы гоняли все-таки безъ прогоновъ, потому что „на подорожныхъ, каковы даются изъ ямского приказу, прогоновъ на кузьмодемьянской ямъ не подписываютъ". Въ 1697 г. 1 іюня охотники, наконецъ, выхлопотали указъ, по которому прогоны должны были обязательно подписываться по числу верстъ въ оба конца. 5 іюля, однако, охотники уже опять увидѣли себя вынужденными жаловаться на то, что приказы вернулись къ старой практикѣ. [1])

Остановимся на вопросѣ о прогонахъ нѣсколько подробнѣе. Въ приказной практикѣ 17 вѣка это былъ одинъ изъ довольно острыхъ вопросовъ. Въ виду того, что практика требовала постоянныхъ отписокъ, по поводу каждаго дѣла вызывала цѣлый рядъ послѣдовательныхъ бумагъ изъ центра въ область и изъ области къ центру, вообще пріучала областныя власти къ канцеляризму, —оживленный и, очевидно, съ теченіемъ времени все болѣе оживлявшійся обмѣнъ гонцами требовалъ весьма значительнаго количества подводъ. Такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ каждое не только важное, но иногда и обычное, такъ сказать—текущее дѣло поручалось не одному лицу, а двумъ или нѣсколькимъ, причемъ каждое лицо сопровождалось нѣсколькими пушкарями, стрѣльцами и разсыльщиками, то и исполнительныя функціи управленія вызывали необходимость въ довольно большомъ количествѣ подводъ. Весьма много подводъ требовалось и на переѣзды лицъ, вновь назначаемыхъ на разныя должности въ областяхъ. Обыкновенно такія лица занимали должности не долго; отслуживъ, они обыкновенно возвращались въ Москву для отчета, тутъ-же вскорѣ получали новыя назначе

[1]) П. С. З., III, 1587, 1636. Подобное-же дѣло возникло и въ практикѣ Бронницкаго яма, П. С. З., III, 1400.

нія и вновь уѣзжали изъ Москвы. Много подводъ требовалось, конечно, и для каждаго посольскаго проѣзда. Но особенно много подводъ сходило подъ всякіе запасы и казну, тѣмъ болѣе—въ такое время, когда шли какія-либо военныя приготовленія. Но все это получало особое значеніе, если мы вспомнимъ, какъ велики разстоянія между Москвой и многими областями; если примемъ также во вниманіе, что сношенія съ окраинными областями, особенно съ Сибирью, и представляли преимущественный интересъ: туда и оттуда шли постоянные транспорты, вмѣстѣ съ тѣмъ отдаленность области отъ центра должна была вызывать болѣе дѣятельную переписку. Сибирскіе охотники, какъ мы уже знаемъ, довольно долгое время не получали прогоновъ вовсе; отъ Соликамска, какъ мы увидимъ дальше, гоньба велась на особыхъ условіяхъ, такъ что правительству она или ничего не стоила, или стоила очень мало, но все-таки еще оставалось весьма значительное разстояніе, платить за проѣздъ по которому правительство считало для себя убыточнымъ. Такимъ образомъ, одни эти сношенія съ Сибирью были уже достаточнымъ мотивомъ, чтобы поставить на очередь вопросъ о прогонахъ. Какъ намъ уже приходилось говорить, съ сибирской гоньбы вопросъ и начался. Но очень скоро обнаружилось, что бременемъ на бюджетъ ложится не только сибирская гоньба. Правда, однѣми ямскими подводами правительство не ограничивалось; чуть побольше посылка—сейчасъ же собирались обывательскія подводы; тѣмъ не менѣе и ямскихъ подводъ ежедневно въ разгонѣ было много. Если бы прогоны платились за каждую подводу по таксѣ и за все разстояніе, то, какъ не незначительна была такса (замѣтимъ, что она оставалась безъ измѣненія на протяженіи двухъ вѣковъ), общій расходъ на прогоны достигъ бы весьма большой суммы. Правительство прибѣгало поэтому къ разнымъ средствамъ съ цѣлью хоть нѣсколько уменьшить общую цифру этого расхода. Первое средство состояло въ указанной уже практикѣ назначать прогоны не за весь маршрутъ, а за часть его, второе – назначать прогоны не за все количество подводъ, а за часть ихъ, третье—при всякой возможности (быть можетъ, при всякомъ формальномъ предлогѣ —напримѣръ, „самое скорое дѣло“, „государево спѣшное дѣло“, „государево тайное дѣло“) назначать подводы безъ про-

гоновъ, четвертое—раскладывать маршрутъ на двѣ или нѣсколько частей, и одну часть оплачивать изъ казны, другую заставлять оплачивать изъ средствъ ѣдущаго, третью не оплачивать вовсе и т. д. [1]). Мы охотно допускаемъ, что первоначально, когда какая-нибудь комбинація создавалась впервые, имѣлись вполнѣ объяснимыя и опредѣленныя основанія, почему поступали такъ, а не иначе. Но съ теченіемъ времени, вѣроятно, эти основанія забывались, и примѣнялись тѣ комбинаціи, которыя болѣе подходили къ обычной въ подобныхъ случаяхъ практикѣ.

Со второй половины вѣка начинается стремленіе стать на иной, болѣе справедливый путь: пытаются не столько экономить путемъ недоплаты прогоновъ, сколько путемъ сокращенія числа гоняемыхъ подводъ. Кромѣ того, намѣченной цѣли пытаются достичь уже не путемъ узаконенія приказнаго обычая, а путемъ изданія общихъ нормъ. Первый указъ въ этомъ смыслѣ относится къ 16 октября 1649 г. По этому указу предписывалось обо всѣхъ маловажныхъ дѣлахъ присылать въ Москву съ нарочными гонцами, изжидая гонцовъ изъ иныхъ городовъ; точно также предписывалось и въ Москвѣ изъ приказовъ посылать не иначе, какъ сославшись другъ съ другомъ, чтобы по одной дорогѣ не посылалось нѣсколько гонцовъ. Тотъ-же указъ запрещалъ вовсе давать подводы тѣмъ посадскимъ людямъ, цѣловальникамъ и неслужилымъ людямъ, которые, хотя и привозили въ Москву разныя отписки изъ городовъ, но не исполняли этимъ спеціальнаго порученія; наконецъ, указъ вводилъ и такое правило: „а иныхъ гонцовъ изъ городовъ-же, стрѣльцовъ, и казаковъ и пушкарей, и разсыльщиковъ, и приставовъ и посадскихъ мужиковъ назадъ отпущать безъ подводъ, которымъ не доведется подводъ дать". Въ указѣ прямо обозначенъ и мотивъ сдѣланныхъ постановленій: общій мотивъ—въ лишней гоньбѣ казнѣ убыль великая; спеціальный мотивъ - „чтобы Государевой казнѣ въ прогонахъ убыли не было, потому что нынѣ въ городѣхъ по новому письму передъ прошлыми годы въ ямскомъ денежномъ сборѣ убыль многая, и ямщикомъ Государева жалованья въ окладъ и на прогоны денегъ не достанетъ" [2]). (Наличность спеціальнаго мотива и по-

[1]) Подорожи. См. стр. 75, пр. 5. См. также П. С. З., II, 1107.
[2]) П. С. З., I, 18.

зволяетъ предполагать, что ограниченія подобнаго рода были примѣнены впервые). Въ дальнѣйшемъ было предписано: посылать обо всѣхъ вѣстяхъ, кромѣ скорыхъ дѣлъ, не съ нарочными гонцами, а черезъ почту и не давать ямскихъ подводъ для исцовыхъ дѣлъ [1]). Всѣ эти указы шли къ той-же цѣли, какъ и прежняя практика, по которой казна платила не всѣ слѣдуемые прогоны, а лишь ту или иную часть ихъ, но и въ иной формѣ и инымъ путемъ. Одна практика не дѣлала, однако, лишней другую, такъ что, стремясь къ уменьшенію общаго размѣра разгона, правительство въ предѣлахъ этого разгона не отказывалось отъ своего обычая платить лишь часть того, что, въ сущности, слѣдовало бы заплатить.

Много раньше приведеннаго указа 1649 г., который (по крайней мѣрѣ. въ теоріи) долженъ былъ сразу значительно сократить размѣры ямского разгона, правительство разработало цѣлое спеціальное законодательство о числѣ подводъ для каждаго лица, смотря по его сану, родовитости и служебному положенію. Первый указъ такого рода былъ изданъ 8 марта 1627 г. [2]) Этотъ указъ былъ вскорѣ дополненъ спеці-

---

[1]) П. С. З. I, 534, 541, Д. А. И. VI 77. Симб. Сборн., Малорос. дѣла, стр. 14—15.

[2]) Указъ 8 марта 1627 г. извѣстенъ въ литературѣ по основному списку, напечатанному Миллеромъ въ 20 т. Вивліоѳики, стр. 413 416; болѣе поздній списокъ напечатанъ въ Р. И. Б., IX, стр. 520—522. (Записн. кн. Моск. Стола 1626—1627 г.). Въ послѣднемъ спискѣ имѣются кое какіе пропуски. Печатаемый ниже списокъ извлеченъ изъ рукописи Имп. Пуб. Б. О. IV, 9. Мы считаемъ его самымъ точнымъ, такъ какъ рукопись, какъ мы уже имѣли случай говорить, представляетъ въ этой своей части копію съ подлинной указной книги ямского приказа 1628 г. Вотъ самая роспись: „Митрополитомъ по двадцати подводъ съ проводникомъ, архіепискупомъ по пятнадцати подводъ съ проводникомъ, епискупомъ по одиннадцати подводъ съ проводникомъ, бояромъ по двадцати подводъ съ проводникомъ, околничимъ по пятнадцати подводъ съ проводникомъ, думнымъ дворяномъ по двѣнадцати подводъ съ проводникомъ, думнымъ дьякомъ по десяти подводъ съ проводникомъ, архимандритомъ по девяти подводъ съ проводникомъ, игуменомъ по пяти подводъ съ проводникомъ, стольникомъ 1-й статьѣ, князю Микитѣ Одоевскому, по десяти подводъ съ проводникомъ; 2-й статьѣ, князю Василію Туренину по осми подводъ съ проводникомъ; 3-й статьѣ Исаку Погожеву по шти подводъ съ проводникомъ, стряпчимъ: 1-й статьѣ, по шти подводъ съ проводникомъ, 2-й статьѣ по пяти подводъ съ проводникомъ; дворяномъ московскимъ: 1-й статьѣ, князю Ивану Катыреву,

альнымъ распоряженіемъ о томъ, въ какой мѣрѣ онъ долженъ относиться къ поѣздкамъ зимнимъ путемъ. Указъ состоялся 23 января 1628 г. Было предписано: „давать подводы зимнимъ путемъ противъ лѣтняго пути, а проводничьей подводы зимнимъ путемъ оставливать не велѣно, а дѣтямъ боярскимъ и которымъ гонцамъ, которые посланы будутъ съ государевы грамотами, давать зимнимъ путемъ по одной подводѣ съ саньми да проводникомъ въ оглобли". 14 апрѣля того-же года „у Благовѣщенья Пресвятыя Богородицы на

по десяти подводъ съ проводникомъ, 2 й статьѣ, Князю Олексѣю Долгорукому по осми подводъ съ проводникомъ, 3-й статьѣ князю Ивану Козловскому, по шти подводъ съ проводникомъ, 4-й статьѣ Микитѣ Лихареву по пяти подводъ съ проводникомъ, 5-й статьѣ, Юрью Редрикову по четыре подводы съ проводникомъ, ловчему московскому по семи подводъ съ проводникомъ, діакомъ изъ приказовъ: Ивану Болотникову по шти подводъ съ проводникомъ, жильцомъ: 1-й статьѣ, по четыре подводы съ проводникомъ, 2-й статьѣ, по три подводы съ проводникомъ, головамъ стрѣлецкимъ, Лукьяну Мясному, по шти подводъ съ проводникомъ, дворяномъ изъ городовъ выбору по четыре подводы съ проводникомъ, изъ городовъ же дворовыхъ по три подводы съ проводникомъ, городовымъ дѣтемъ боярскимъ по двѣ подводы съ проводникомъ, сотникомъ московскимъ по четыре подводы съ проводникомъ, головамъ стрѣлецкимъ и казачьимъ изъ городовъ по четыре подводы съ проводникомъ, клюшникомъ путнымъ по четыре подводы съ проводникомъ, чарошникомъ и стряпчимъ и вѣкошникомъ (завѣдывавшимъ мягкой рухлядью) по три подводы съ проводникомъ, сытникомъ и подключникомъ по двѣ подводы съ проводникомъ, стремяннымъ конюхомъ по три подводы съ проводникомъ, конюхомъ-же стряпчимъ изъ задворныхъ по двѣ подводы съ проводникомъ, переводчикомъ по четыре подводы съ проводникомъ, толмачемъ по три подводы съ проводникомъ, псовникомъ по четыре подводы съ проводникомъ, охотникомъ по три подводы съ проводникомъ, псаремъ коннымъ по двѣ подводы съ проводникомъ, а пѣшимъ по одной подводѣ съ проводникомъ, трубникомъ по двѣ подводы съ проводникомъ, кречатникомъ и сокольникомъ и ястребникомъ, по три подводы съ проводникомъ, подъячимъ изъ приказовъ: добрымъ по три подводы съ проводникомъ, второй статьѣ подъячимъ по двѣ подводы съ проводникомъ, таможеннымъ и кабатцкимъ головамъ, которыхъ посылаютъ по городамъ: гостемъ по пяти подводъ съ проводникомъ; 2-й статьѣ головамъ торговымъ людемъ по три подводы съ проводникомъ, цѣловальникомъ по одной подводѣ за готовымъ съ проводникомъ". Въ этомъ спискѣ находимъ приписку отъ 1678 г., изъ которой видно, что въ этомъ году было сдѣлано распоряженіе, чтобы Касимовскому царевичу Василію Араслановичу дали 30 подводъ до Новаго Оскола. Приказывалось записать это въ ямскомъ приказѣ и впредь давать Касимовскому царевичу по 30 подводъ.

Сѣняхъ у заутрене“ Государь пожаловалъ „стольниковъ и стряпчихъ и московскаго списку дворянъ и дьяковъ сверхъ своего Государева прежняго указа велѣлъ прибавить лѣтнимъ путемъ по проводнику на подводу, а зимнимъ путемъ велѣлъ давать по прежнему указу, а проводничьи подводы велѣлъ зимнимъ путемъ отставить, потому что пишутъ проводника въ оглобли“. [1]) Тогда-же соотвѣтственно была измѣнена и роспись 8 марта: каждый изъ вышеупомянутыхъ чиновъ получилъ по одной подводѣ лишней. [2]) 10 Сентября того-же года было приказано давать московскимъ стрѣлецкимъ пятидесятникамъ по одной подводѣ человѣку и „давать и впредь“. [3]) Въ развитіе отдѣльныхъ частей этихъ указовъ, въ промежуткахъ между ними было предписано: „впредь во всѣ городы бояромъ и воеводамъ и дьякомъ и всякимъ приказнымъ людемъ, которымъ быть въ городахъ, подводъ съ Москвы въ города и изъ городовъ къ Москвѣ безъ государевыхъ именыхъ приказовъ не давать, а бояромъ и воеводамъ и всякимъ приказнымъ людемъ давать подводы, которые посланы будутъ спѣшно въ Астрахань, на Терекъ и въ Кольскій острогъ“. Извѣстенъ и еще одинъ указъ такого-же характера (отъ 21 октября 1628 г.): воеводамъ и приказнымъ людямъ давать подводы лишь въ дальніе города, каковыми было приказано считать города за Новгородомъ, Вязьмой, Торопцомъ и Казанью. [4])

Связь между всѣми этими тремя категоріями мѣръ (уплата прогоновъ не за все разстояніе, а сообразно маршруту, сокращеніе общаго размѣра разгона и указы о числѣ подводъ) едва-ли подлежитъ сомнѣнію, но мы выдѣлили указы о числѣ подводъ, въ виду нѣсколько иной, болѣе широкой

---

[1]) Имп. Публ. Библ., О, IV, 9.

[2]) По новой росписи устанавливалось: стольникомъ 1 статьѣ, кн. Микитѣ Одоевскому 11 подводъ; стольникомъ 2 ст., Василію Туренину — 9 подводъ; 3 ст. Исаку Погожеву—7 подводъ. Стряпчимъ 1 ст.—7 подводъ; 2 ст.—6 подводъ; дворянамъ московскимъ 1 ст. кн. Ивану Катыреву Ростовскому—11 подводъ; 2 ст., кн. Алексѣю Долгорукову - 9 подводъ; 3 ст., кн. Ивану Козловскому—7 подводъ; 4 ст. Микитѣ Михалеву—6 подводъ; 5 ст. Борису Редрикову 5 подводъ. Дьякамъ изъ приказовъ, Ивану Болотникову и инымъ въ ту-же версту—7 подводъ, а инымъ дьякомъ—6 подводъ. О, IV, 9.

[3]) О, IV, 9.

[4]) О, IV, 9.

ихъ цѣли. Въ хронологическомъ порядкѣ, какъ мы видѣли, эти три категоріи мѣръ шли такъ: разсчетъ прогоновъ создался на почвѣ неизвѣстной намъ приказной практики 16 вѣка и развился въ приказной практикѣ 17 вѣка; указы о подводахъ были изданы въ годы новаго государственнаго строительства; указы о сокращеніи общаго размѣра разгона были изданы въ годы стремленій къ общимъ финансовымъ реформамъ (вспомнимъ, что какъ разъ на 1646—1648 г.г. приходится проектъ новой соляной пошлины). Соотвѣтственно съ этимъ, не отрицая общей всѣмъ тремъ категоріямъ мѣръ цѣли—сократить расходы на прогоны, признавая и извѣстное взаимодѣйствіе между этими категоріями мѣръ, мы должны, кажется, все таки признать, что указы о подводахъ по замыслу, по крайней мѣрѣ, имѣли основаніемъ болѣе широкіе мотивы, чѣмъ только соображенія о необходимости сократить расходы на прогоны: указами имѣлось въ виду вообще установить порядокъ, содѣйствовать занимавшему тогда правительство дѣлу общаго государственнаго уряда.

Какъ понятно само собой, и указы о числѣ подводъ, и указы о томъ, чтобы съ маловажными отписками не отправляли нарочныхъ гонцовъ должны были весьма благопріятно отозваться на положеніи охотниковъ. Мы уже говорили въ предъидущей главѣ, что обыкновенно даже вполнѣ оплаченная прогонами подвода не окупала стоимости ея отпуска. Слѣдовательно, если къ тому-же принять во вниманіе, что подводы не всегда оплачивались прогонами, то будетъ ясно, что вопросъ о числѣ подводъ, отпускаемыхъ слободой, положимъ, въ теченіи года, имѣлъ для слободы весьма серьезное значеніе. Несмотря, однако, на указанный рядъ мѣръ, разгонъ все-таки былъ очень большой, такъ что до самаго конца 17 вѣка охотники не переставали жаловаться на тяжесть своей службы. Многое слѣдуетъ объяснять тутъ злоупотребленіями. Какія злоупотребленія имѣли мѣсто въ сибирскихъ городахъ – мы уже знаемъ. Въ московскихъ, городахъ, быть можетъ, вопросъ и не стоялъ такъ остро, тѣмъ не менѣе и тутъ можно указать на рядъ случаевъ, свидѣтельствующихъ о дѣйствительно тяжелыхъ условіяхъ, среди которыхъ охотникамъ приходилось нести службу. Такъ, въ извѣстномъ слѣдственномъ дѣлѣ о кн. Д. П. Пожарскомъ

находимъ указаніе, что псковскіе воеводы брали подводы въ слободѣ насильно, прогоновъ не платили, больше тысячи подводъ взяли безъ всякаго найма и, преимущественно, для своихъ дѣлъ. [1]) Сохранилась челобитная воронежскихъ охотниковъ, въ которой они жаловались, что воевода многимъ начальнымъ людямъ и во всякія посылки давалъ ямскія подводы безъ подорожныхъ и безъ прогоновъ, а когда всѣ указныя лошади оказывались въ разгонѣ, онъ требовалъ лишнія подводы и „съ тѣхъ лишнихъ подводъ билъ ямщиковъ на правежѣ"; если-же сами охотники были всѣ въ разъѣздѣ, то ямскія подводы правились на женахъ. [2]) Извѣстно слѣдственное дѣло о касимовскомъ воеводѣ Алексѣѣ Кондыревѣ, который, по словамъ охотниковъ, чинилъ имъ многіе налоги и обиды, требуя лишнія подводы, билъ и увѣчилъ, а однажды пошелъ на слободу во главѣ вооруженнаго отряда и раззорилъ всю слободу [3]) Можно было бы привести и еще нѣсколько примѣровъ. [4]) Едва-ли къ тому же эти примѣры можно считать единичными случаями. Злоупотребленія выражались, однако, не только въ томъ, что съ охотниковъ брали лишнія подводы, брали силой, брали безъ подорожныхъ и прогоновъ, а и въ томъ, что подводы слишкомъ долго задерживались, чѣмъ причинялся новый рядъ убытковъ: незаконно взятая и долго невозвращаемая подвода не освобождала отъ обязанности выставлять подводы для ѣхавшихъ по подорожнымъ слѣдовательно, охотникамъ приходилось нанимать подводы у стороннихъ людей. Злоупотребленія въ этой послѣдней формѣ были весьма, видимо, часты, такъ какъ извѣстенъ указъ, напримѣръ, отъ 1673 г., по которому запрещалось задерживать подводы по подорожнымъ больше двухъ дней. [5]) Мы приводимъ этотъ указъ только какъ примѣрный, такъ какъ едва-ли можно сомнѣваться, что онъ повторилъ лишь

---

[1]) Чт. О. И. Д., 1870 г., кн. I, стр. 37. Рѣчь здѣсь идетъ о Дм. Петров. Пожарскомъ, а не о знаменитомъ освободителѣ Москвы. На это указалъ уже Лаппо-Данилевскій, ц. с., стр. 343, пр. 4.

[2]) Вор. Акты, изд. Статист. ком., т. I, стр. 161 162. Вейнбергъ, Воронежская почта.

[3]) А. Юр. Кал., I, 58, III.

[4]) Напр. А. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 48, № 66, 1631 г., св. 135, № 43, 1640 г. и т. д.

[5]) П. С. З., I, 542.

то, что не разъ было устанавливаемо и раньше. Въ томъ же слѣдственномъ дѣлѣ о кн. Пожарскомъ (оно относится еще къ 1630 г.) ямщики, между прочимъ, обвиняли воеводъ и въ томъ, что они подолгу задерживали подводы.

Но жалобы охотниковъ на непосильный разгонъ нельзя цѣликомъ объяснять злоупотребленіями воеводъ. Какъ не разъ приходилось отмѣчать по поводу другихъ частностей ямского строя, Москва и въ этомъ отношеніи поступала такъ: установивъ опредѣленный принципъ, не затруднялась нарушать его, сообразуясь съ потребностями дня. Разъ надобилось отправить въ Москву или изъ Москвы большую посылку, отправить многихъ людей и т. д., охотники, въ силу самыхъ предписаній изъ Москвы, должны были выставлять столько подводъ, сколько требовалось, а не сколько могли; должны были везть туда, куда приказывалось, а не куда они обычно возили; наконецъ, задерживались подводы столько времени, сколько это было нужно, а не сколько въ принципѣ признавалось справедливымъ. Если охотники возражали, ссылаясь на прежнія грамоты и указы, съ ними поступали, какъ съ ослушниками. Такъ, въ 1634 г. московскія ямскія подводы должны были возить запасы для смоленскихъ шенновскихъ полковъ до самой Вязьмы и только тамъ перемѣнялись. Иногда московскихъ ямщиковъ заставляли возить и дальше: до Дорогобужа и вплоть до Смоленска, причемъ имъ въ такихъ случаяхъ приходилось даже нанимать смѣнныя подводы. [1]) Когда въ 1667 г. назначено было посольство Нестерова къ султану, послѣдовалъ приказъ собрать съ воронежскаго яму подводы противъ московскаго отпуска, хотя въ Москвѣ всѣ слободы были большія, а воронежскій ямъ былъ устроенъ всего на десять вытей; указъ разрѣшилъ недостающія подводы, если бы понадобилось, собрать съ населенія, но, разумѣется, въ предѣлахъ такого указа ямскіе охотники могли быть принуждаемы выставить и такое число подводъ, которое имъ было не подъ силу. [2]) Въ виду подобнаго положенія вещей иногда между слободой и мѣстной властью, даже, быть можетъ, если послѣдняя и не прибѣгала къ какимъ-либо особымъ злоупотребленіямъ, отношенія очень обострялись. Мы знаемъ частыя жалобы

[1]) Акты Моск. Госуд., I, стр. 647; II, стр. 497.

[2]) Ворон. Акты (Второва), III, стр. 93—95, 98—99.

воеводъ на ослушаніе охотниковъ. Такъ, калужскій воевода въ 1638 году сообщалъ, что, собравъ 80 подводъ для посылки въ Алексинъ, онъ уже не могъ собрать съ ямщиковъ тѣ 20 подводъ, которыя ему было приказано собрать подъ стрѣльцовъ по грамотѣ изъ ямского приказа. На его требованія ямщики отвѣчали: „хоть де насъ замучь на правежѣ, и намъ дать опричь того нечего: лошадей у насъ больше того нѣтъ". Но такъ какъ калужскій ямъ былъ строенъ на 40 вытей при трехъ меринахъ на выть, то изъ Москвы было приказано править на ямщикахъ подводы нещадно. [1]) Ярославскій воевода, напримѣръ, жаловался въ 1664 г. на то, что ямщики отказались дать подводы подъ шубные кафтаны; не давая подводъ, отбили двухъ человѣкъ; при этомъ сказали, что и впредь подводъ не дадутъ. Отъ того-же года извѣстна жалоба и на клинскихъ ямщиковъ и т. д. [2]).

Ямскіе охотники получали еще изъ казны особое вознагражденіе за „упалыхъ" лошадей. Всѣ-ли получали или только нѣкоторые, во всѣхъ-ли случаяхъ или только въ исключительныхъ, это – не ясно. Въ дѣлѣ отъ 1687 г. находимъ челобитную тульскихъ охотниковъ, въ которой, между прочимъ, говорится: „а въ прошлыхъ годехъ ихъ братьѣ, московскимъ и розныхъ городовъ ямщикомъ на упалыя лошади, въ чигиринскую службу давано ихъ, великихъ государей, жалованья по пяти рублевъ на лошадь". Въ томъже дѣлѣ, въ докладѣ читаемъ: „и жалованья на упалыя лошади, по пяти рублевъ на лошадь, давано многихъ ямовъ ямщикомъ". [3]).

Для полноты очерка тѣхъ условій, при которыхъ ямскіе охотники несли службу, скажемъ еще нѣсколько словъ о состояніи ямскихъ дорогъ. О томъ, въ какомъ состояніи были сибирскія дороги, мы уже говорили; дороги московскія, конечно, не всѣ одинаково, были въ общемъ едва-ли въ лучшемъ состояніи. Объ этомъ достаточно свидѣтельствуютъ иностранцы, писавшіе о Россіи, одинаково какъ для 16, такъ и для всего 17 вѣка. Однако, свидѣтельства эти обыкновенно различаютъ зимній путь отъ лѣтняго. Зимой, говоритъ,

[1]) Акты Моск. Госуд., II, стр. 59.
[2]) Р. И. Б. XI, стр. 72—73, стр. 197 и др.
[3]) П. С. З., II, 1251.

напримѣръ, Дженкинсонъ, можно было легко проѣхать 500 верстъ въ 3 сутокъ (хотя онъ ѣхалъ зимой-же и всего не болѣе 400 вер.—около 6 сутокъ), за то лѣтнее движеніе затруднялось лѣсами, въ которыхъ дорога шла часто по пнямъ недавно срубленныхъ деревьевъ; дороги то и дѣло поворачивали на топи и болота, по которымъ не всегда были гати и мосты, а гдѣ и были—оказывались плохими. Отъ Москвы до Смоленска Таннеръ насчиталъ 533 моста, а мосты эти дѣлались изъ толстыхъ бревенъ, плохо связанныхъ между собой, такъ что переѣздъ по нимъ въ тяжеломъ экипажѣ былъ очень опасенъ. Невилль писалъ, что лѣтнимъ путемъ можно было проѣхать не болѣе 4—5 миль въ сутки. [1]) Въ описаніи путешествія антіохійскаго патріарха Макарія находимъ слѣдующіе отрывки о состояніи нѣкоторыхъ дорогъ въ лѣтнее время: „одному всевышнему Богу извѣстно, до чего трудны и узки здѣшнія дороги (отъ Путивля къ Москвѣ): всѣ дороги были покрыты водой, на нихъ образовались ручьи, рѣки, и непролазная грязь; поперекъ узкой дороги падали деревья, которыя были столь велики, что никто не былъ въ силахъ ихъ разрубить или отнять прочь; когда подъѣзжали повозки, то колеса ихъ поднимались на эти деревья и потомъ падали съ такой силой, что у насъ въ животѣ разрывались внутренности“. Описывая дорогу отъ Калуги до Москвы, авторъ замѣчаетъ: „дорога чрезвычайно трудна, ибо, выѣхавъ на зарѣ въ пятницу, мы сдѣлали около пятнадцати верстъ, т. е. три большихъ мили, по лѣсамъ и горамъ, то поднимаясь, то спускаясь, по оврагамъ, по грязи и водѣ, образовавшейся отъ дождя, и только одинъ Богъ знаетъ, по какой узкой трудной дорогѣ... По этой причинѣ большинство ѣдущихъ въ эту страну отправляются во время Богоявленія и заговѣній, такъ какъ земля и дороги въ ту пору бываютъ ровны: нѣтъ ни подъемовъ, ни

---

[1]) Путешеств. Дженкинсона, Чт. О. И. Д. 1884 г., кн. 4, стр. 31—32. Хотя, напримѣръ, Томасъ Рандольфъ, ѣхавшій той-же дорогой, какъ и Дженкинсонъ, и при томъ - осенью, не жаловался на дорогу. Тамъ-же, стр. 93. Часть этой-же дороги (отъ Москвы до Ярославля) назвалъ „почти ровной“ и авторъ „Дневника путешествія Марины Мнишекъ въ Москву и пребыванія поляковъ въ Россіи“, въ Сказан. соврем. о Дмитр. Самозв., ч. IV, стр. 81. Ср. Ключевскій, Сказанія иностранц. о Московск. госуд., М. 1866 г., стр. 226—227.

спусковъ, но онѣ какъ бы вымощены плитами изо льда и глубокаго снѣга; и по той причинѣ, въ особенности, что экипажи, называемые санями, т. е. безколесные, скользятъ, передвигаясь съ быстротой свыше всякой мѣры". [1]) Пальмквисту состояніе дорогъ, по которымъ онъ проѣзжалъ, дало поводъ высказать предположеніе, что русскіе нарочно запускаютъ дороги, ведущія внутрь Россіи, чтобы затруднить доступъ внутрь страны иностранцамъ. [2])

Ямщики, однако, должны были ѣздить быстро не только зимой, но и лѣтомъ. [3]) При описанномъ состояніи лѣтнихъ дорогъ лошади быстро „безножили"; иная подвода, какъ жаловались ямщики, „сходитъ двожды или трожды, а впредь и не будетъ". [4]) Возможно, что именно этими обстоятельствами и слѣдуетъ объяснять появленіе указанныхъ выше подможныхъ денегъ за упалыхъ лошадей. Во всякомъ случаѣ, такое состояніе дорогъ не могло способствовать увеличенію благосостоянія охотниковъ.

Трудно, однако, рѣшить, насколько всѣ описанныя сейчасъ неблагопріятныя условія препятствовали развитію слободской жизни. Мы думаемъ, что при всемъ вредѣ, причинявшемся ими ямскому строю, послѣдній все таки развивался. Ямской разгонъ былъ великъ, злоупотребленія воеводъ наносили охотникамъ не мало вреда, вся служба была обставлена такъ, что охотники и въ 17 вѣкѣ, вплоть до конца его, часто жаловались, что обнищали и помираютъ голодной смертью. [5]) Существовало цѣлое довольно выработанное законодательство о запрещеніи держать у себя бѣглыхъ ямщиковъ, о наказаніи за ложь при сыскѣ бѣг-

---

[1]) Путеш. антіох. патріарха Макарія въ Россію, въ полов. 17 вѣка, описанное Павломъ Алеппскимъ, Чт. О. И. Д., 1897 г., кн. 4, стр. 119—120, стр. 134—135.

[2]) Эрикъ Пальмквистъ, Нѣсколько наблюденій надъ Россіей въ 1674 г. Мы пользовались переводомъ съ шведскаго, принадлежащимъ перу одного изъ чиновъ Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, а также любезными указаніями проф. Э. Н. Берендтса. Пальмквистъ, между прочимъ, дѣлаетъ замѣчаніе, что по мѣрѣ приближенія къ Москвѣ отъ Новгорода версты все короче и короче.

[3]) Ключевскій, Сказан. иностр., стр. 225. Путеш. Корнилія де Бруина черезъ Московію, Чт. О. И. Д., 1872 г., кн. 4, стр. 235.

[4]) Q. IV, 263, послѣ Л. 168.

[5]) Наприм. Каз. Губ. Вѣд. 1856 г., № 13, П. С. З., III, 1400, 1498, Вейнбергъ, Воронежская почта и др.

лыхъ ямщиковъ; были, какъ мы уже знаемъ, особыя правила, какими руководствовались при возвращеніи бѣглыхъ ямщиковъ въ слободы; извѣстно, что назначалась пеня въ 10 рублей за пристанодержательство бѣглаго ямщика (если помѣстье или вотчина, куда бѣжалъ ямщикъ уже перешли къ другому владѣльцу, съ послѣдняго брали только 5 рублей пени). [1]) Слѣдовательно, бѣглые ямщики были вполнѣ обычнымъ явленіемъ. Но, съ другой стороны, надо принять во вниманіе, что вообще всѣ челобитчики и при всякой просьбѣ не жалѣли тогда мрачныхъ красокъ при описаніи своего положенія, а также и то, что бѣгали тогда не только ямщики, но и крестьяне, и посадскіе. Законодательство о бѣглыхъ ямщикахъ не представляется намъ болѣе интенсивнымъ, чѣмъ, напримѣръ, законодательство о бѣглыхъ крестьянахъ, [2]) и мы, повидимому, не имѣемъ основаній думать, чтобы это законодательство развивалось самостоятельно, а не на почвѣ общихъ причинъ. Между тѣмъ, извѣстны слѣдующіе факты: въ самомъ началѣ 18 вѣка цѣлый рядъ слободъ является предъ нами въ видѣ весьма богатыхъ селеній, часто наиболѣе зажиточныхъ во всей округѣ. Такъ, ярославскіе ямщики въ дѣлахъ 1706—1712 г.г. выступаютъ въ качествѣ крупныхъ торговцевъ лѣсомъ и мукой. Ямщики нижегородской слободы возбуждали зависть въ горожанахъ, и тѣ считали что торговая дѣятельность ямщиковъ наноситъ имъ крупные убытки. Въ концѣ 17 вѣка между козьмодемьянскими охотниками и посадскими людьми происходили распри изъ-за торговыхъ дѣлъ. Вологодскіе ямщики въ 1682 г. торговали большими торгами и т. д. [3]) Мы знаемъ также, что очень многія ямскія слободы еще до 60-хъ годовъ 17 вѣка вели торговлю всякими торгами. Когда въ 1662 г. стали снова собирать пятую деньгу на жалованье ратнымъ людямъ, и, въ числѣ дру-

---

[1]) П. С. З., I, 68, Д. А. И. IV, 68; Изв. Тамб. Арх. Ком., XXXIX, стр. 101.

[2]) Напр., сыщиковъ наказъ въ П. С. З, II, 998. Ср. Лаппо-Данилевскій, ц. с., стр. 158—164.

[3]) Дѣла о ярославск. ямщ. 1712 г. въ Арх. Яросл. Учен. Архивн. Ком.; Дѣйствія Нижегор. Архивн. Ком., в.в. 12—14. стр. 52; Каз. Губ. Вѣд., 1856 г., 13; Вологод. Губ. Вѣд., 1850 г. 15. Ср. Сборн. статист. свѣдѣній по московск. губ., М. 1877 г., стр. 27—29. У Олеарія читаемъ: „такъ какъ положеніе ямщиковъ очень обезпечено, то многіе изъ крестьянъ очень домогаются въ эту должность“. Ц. перев., стр. 226.

гихъ, пятую деньгу стали сбирать и съ ямскихъ всякихъ торговъ, ямщики били челомъ въ Москву и добились указовъ, одного отъ 1663 г., другого отъ 1670 г., а третьяго отъ 1689 г., по которымъ съ московскихъ слободъ, „которые торгуютъ всякими торгами", приказано было брать на Москвѣ въ сотенную палату съ трехсотъ московскихъ вытей по пятидесяти рублей на выть, а съ нижегородскихъ и ярославскихъ слободъ по десяти рублей съ выти, съ касимовскихъ —по пяти рублей съ выти брать въ ямскія избы ежегодно. Въ 1697 г. стали брать десятирублевый сборъ и съ козьмодемьянскихъ охотниковъ.[1]) Самая мысль о привлеченіи ямскихъ охотниковъ къ участію въ общегосударственныхъ денежныхъ сборахъ, хотя бы только экстренныхъ, представляется намъ характерной Въ одной памяти, присланной изъ ямского приказа, мы читаемъ, что по указу еще Іоанна IV (т. е. по даннымъ имъ уставнымъ грамотамъ слободамъ), подтвержденному всѣми государями и наново изданному Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, ямщики съ посадскими и уѣздными людьми ничего никуда не были обязаны платить; въ памяти далѣе говорится, что они до 1662 г. никакихъ податей не платили, никакого тягла не тянули и никакого издѣлія не дѣлали, гоняя только гоньбу.[2]) Если, слѣдовательно, была сдѣлана попытка отступить отъ этого кореннаго правила, то не потому-ли, что главный вопросъ, т. е. стремленіе обезпечить гоньбу, создать необходимый классъ спеціалистовъ, былъ почтенъ разрѣшеннымъ? Слѣдуетъ къ тому-же прибавить, что попытка эта въ дѣйствительности не была первой и не была случайной. Еще раньше пятой деньги 1662 г., когда въ 1654 г. стали собирать десятую деньгу, ямщики уже были привлечены къ сбору;[3]) въ 1679 г. (да и раньше)

---

[1]) П. С. З., I, 320 Г. Г. Д., IV,25, Каз. Губ. Вѣд., 1856 г., № 13.

[2]) Каз. Губ. Вѣд., 1856 г., № 13. Здѣсь, однако, необходимо обратить вниманіе на слѣдующее обстоятельство: въ первый разъ пятая деньга сбиралась сейчасъ послѣ раззоренія (тогда къ платежу были привлечены и ямщики, А Э., III, 70, 79—81); но тогда были не такія обстоятельства, чтобы правительство могло думать о ямской гоньбѣ; собирали со всѣхъ, никого не обходя. Пятую деньгу 1633 г. съ охотниковъ уже не собирали (Г. Г. Д., III, 99, А. Э. III, 242). Въ цитированной въ текстѣ памяти ямского приказа есть еще одна неточность: съ ямщиковъ въ 1654 г. сбирали десятую деньгу, А. И. IV, 93.

[3]) А. И., IV, 93, П. С. З., I, 129.

была сдѣлана попытка собирать съ ямскихъ охотниковъ стрѣлецкія деньги, [1]) въ 1697 г.—деньги въ корабельное строеніе. [2]) Охотники, какъ мы видѣли, стали доказывать свое исконное право не платить, но въ Москвѣ не могли не знать этого и до ихъ челобитій. Правительство пошло на уступки, вошло, какъ мы видѣли, въ сдѣлку съ ямщиками, но все-таки съ этого времени старыя охотничьи традиціи оказались нарушенными. Если бы указанныя неблагопріятныя условія, которымъ въ литературѣ до сихъ поръ придавали столь серьезное значеніе, оказывали болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ условія, благопріятствовавшія охотникамъ, то едва-ли правительство, столь нуждавшееся въ гоньбѣ, остановилось бы на мысли привлекать охотниковъ къ какимъ-либо платежамъ, иными словами—стало бы дѣлать положеніе охотниковъ еще болѣе невыгоднымъ.

Чѣмъ-же можно объяснить это кажущееся противорѣчіе? Главнымъ образомъ, конечно, тѣмъ, что въ 17 вѣкѣ ямскія слободы были уже большими сплоченными общинами, естественно развивавшимися. Всякія случайности, злоупотребленія воеводъ, бѣгство отдѣльныхъ охотниковъ—все это разбивалось о сплоченную общинную организацію. Если, напримѣръ, въ концѣ 16 вѣка, слобода разбредалась отъ того, что изъ десяти вытчиковъ одинъ умиралъ, а населеніе не ставило вмѣсто него другого, то во второй половинѣ 17 вѣка, когда слободу въ тѣ-же десять вытей невѣдомо кто всю выжегъ, охотники только просили пособія, но оставались на мѣстѣ. [3]) Слободы въ 40 - 60 - 100 вытей, не смотря на падежъ скота и иногда послѣдовательный рядъ пожаровъ, не получали иногда даже пособія, такъ какъ существовала увѣренность, что слобода и сама справится. [4]) Экономическому благосостоянію слободъ должно было много способствовать и то, что, какъ ни тяжела была ямская служба, она

---

[1]) Волог. Губ. Вѣд., 1854 г., № 42. Рѣчь тутъ идетъ о двухрублевомъ сборѣ съ двора, вмѣсто даточныхъ людей. Объ этомъ сборѣ еще въ 1640 г. см. Р. И. Б., X, стр. 272 Но ямщики тогда къ сбору еще не привлекались.

[2]) Каз. Губ. Вѣд., 1856 г., № 13

[3]) Ср. Имп. Пуб. Библ., Q. IV, 264, л. 238—268 съ Ворон. Губ. Вѣд., 1850 г., № 35.

[4]) Каз. Губ. Вѣд., 1856 г., № 13, П. С. З. II, 1251.

все таки, видимо, была легче обычнаго тягла. Если мы знаемъ рядъ указовъ о запрещеніи принимать бѣглыхъ охотниковъ, то, какъ уже приходилось говорить, еще больше указовъ извѣстно о запрещеніи принимать въ слободы бѣглыхъ крестьянъ и посадскихъ людей. [1])

Въ отличіе отъ предыдущаго періода слободская жизнь опредѣлялась уже не столько уставными грамотами, сколько спеціальными указами, вся совокупность которыхъ составляла особое ямское законодательство, служившее основаніемъ для рѣшеній по всѣмъ дѣламъ, которыя возникали по поводу ямской гоньбы и ямскихъ охотниковъ. Указы исходили общимъ порядкомъ и посылались въ ямской приказъ, гдѣ записывались въ указную книгу; при каждомъ дѣлѣ, если оно не вызывало новаго указа, рѣшеніе обыкновенно постановлялось по справкѣ изъ ямского приказа. [2]) Но рядомъ съ этимъ не считались отмѣненными и грамоты ямскимъ слободамъ, и еще въ Уложеніи мы встрѣчаемъ прямое указаніе на то, что ямскія слободы имѣли оберегальныя и о земляхъ, и о людяхъ жалованныя грамоты. [3]) Существованіе слободскихъ грамотъ признавалось еще и въ 1672 г. [4]) Нѣтъ прямыхъ данныхъ, которыя позволяли бы болѣе или менѣе точно опредѣлить соотношеніе между ямскими грамотами и ямскимъ законодательствомъ въ формѣ спеціальныхъ указовъ, но едва-ли практика и заботилась объ установленіи такого соотношенія. Когда послѣ раззоренія сталъ возобновляться ямской строй и, какъ мы видѣли, на началахъ, которыя постепенно видоизмѣнили прежнія формы до полной ихъ переработки, Москва естественно должна была создать рядъ нормъ, которыми бы опредѣлялись эти измѣненныя или новыя потребности. На этой почвѣ получило свое развитіе спеціальное ямское законодательство; то-же, что осталось безъ измѣненія, т. е. тѣ основныя начала, которыя нормировали положеніе ямскихъ слободъ среди другихъ населенныхъ пунктовъ, внутреннiй

---

[1]) Напр. Д. А. И. IV, 48, П. С. З., II, 998, стр. стр. 503. Здѣсь мы встрѣчаемся съ требованіемъ взыскивать съ ямскихъ старостъ „зажилыя деньги“.

[2]) Напр., указн. кн. ямск. прик., Имп. Пуб. Биб., О, IV, 9, см. также ссылки подъ цитируемыми дальше указами.

[3]) Уложен., гл. XVIII, ст. 71.

[4]) П. 3., I, 518 А.

строй слободской жизни, принципъ самостоятельнаго суда и управленія въ слободахъ,—по прежнему нормировалось грамотами. Но если такова вѣроятная схема, то общія условія жизни должны были внести въ нее еще одну черту: старыя грамоты въ приказахъ были извѣстны лишь постолько, посколько онѣ были переписаны на Государево имя; если даже предположить, что онѣ послѣ раззоренія были всѣ переписаны на имя Михаила Θеодоровича (изъ выше цитированнаго указа мы знаемъ, что нѣкоторыя были переписаны въ 1619 г.), съ ними справлялись не какъ съ руководящимъ началомъ при составленіи какого либо новаго указа, а лишь какъ съ руководящимъ началомъ при жалобахъ охотниковъ на несоотвѣтствіе указа съ имѣвшейся въ слободѣ грамотой. Съ другой-же стороны, указы, особенно первыхъ лѣтъ послѣ раззоренья, черпали свое содержанье, главнымъ образомъ, изъ тѣхъ-же грамотъ. На первый взглядъ тутъ можетъ быть усмотрѣно противорѣчіе, но его, въ дѣйствительности, не было: грамота, хотя бы каждая ямская слобода имѣла ее, всетаки оставалась специальнымъ закономъ; приказная практика, перерабатывая грамоту въ указъ, достигала этимъ изданія общаго закона; но въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это происходило, видоизмѣнялось лишь то, что могло ближайшимъ образомъ задѣвать интересы правительства, охотно оставлялось безъ измѣненія то, что касалось внутренней жизни слободы.

Укажемъ нѣсколько примѣровъ. Въ силу уставныхъ грамотъ, какъ мы знаемъ, воевода и ихъ приказные не должны были въ городахъ ничѣмъ вѣдать и судить охотниковъ, а вѣдали ихъ ямскіе приказчики. Какъ видно изъ одной памяти ямского приказа, указъ объ этомъ былъ записанъ въ ямскомъ приказѣ до 1631 г. Въ силу уставныхъ грамотъ ямщики не должны были платить никакихъ податей и съ уѣздными и посадскими людьми ни во что не тянули. Какъ видно изъ памяти ямского приказа, еще въ 1620 году указъ объ этомъ былъ записанъ въ ямскомъ приказѣ. [1]) Какъ на примѣръ того, какъ указомъ развивались общія положенія уставныхъ грамотъ, сошлемся на указъ, записанный въ ямскомъ приказѣ также до 1631 г.:

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 48, № 66, 1631 г., Каз. Губ. Вѣд., 1856 г., № 13.

„по государеву указу таможеннымъ головамъ и вѣрнымъ цѣловальникамъ и откупщикамъ на Москвѣ и въ городѣхъ въ гонные ямскіе слободы зъ заказными памятьми для таможенные пошлины посылать не велѣно и на ямскихъ охотниковъ съ хлѣба мѣру и съ конскаго корма, который они межъ себя покупають и съ молебныхъ каноновъ пошлины имать не велѣно“. [1]) Но рядомъ съ этимъ, когда напримѣръ, верхотурскихъ охотниковъ стали заставлять, согласно указу, давать подводы повседневно, охотники представили въ видѣ возраженія ссылку на уставную грамоту, по которой опредѣлялось, что они не должны давать подводъ въ весеннюю и осеннюю распутицы. По распоряженію изъ Москвы было предписано: сыскать грамоту и справиться съ ней; пока справка не будетъ наведена, не требовать въ весеннюю распутицу подводъ подъ запасы, но скорыхъ гонцовъ, согласно прежнему указу, отпускать и осенью, и весной безъ задержанья. [2]) Точно также было поступлено и по вопросу о привлеченіи въ 1662 г. охотниковъ къ платежу пятой деньги. Охотники ссылались на грамоты, освобождавшія ихъ отъ всякихъ сборовъ; это было принято во вниманіе, но привело къ сдѣлкѣ: рядомъ указовъ, какъ мы уже знаемъ пятая деньга была замѣнена охотникамъ ежегоднымъ опредѣленнымъ окладомъ.

Это-же ведетъ насъ къ заключенію, что въ 17 вѣкѣ слободская жизнь, нормируясь отчасти по прежнему уставными грамотами, ближайшее опредѣленіе находила въ цѣломъ рядѣ спеціальныхъ указовъ. Въ предѣлахъ этого особаго права и складывалось какъ управленіе въ слободѣ, такъ и отношеніе слободы ко всей окружавшей ее территоріи. Во главѣ слободы попрежнему стояли два лица—приказчикъ и староста. Приказчикъ назначался изъ дѣтей боярскихъ [3], находился въ непосредственномъ вѣдѣніи ямского приказа [4]), исполнялъ порученія послѣдняго [5]), а въ слободѣ вѣдалъ во всемъ и судилъ охотниковъ, наблюдая, „что-

---

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 48, № 66, 1631 г.

[2]) А. И. III, 234.

[3]) Р. И. Б., X, 38.

[4]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 135, № 43, 1640, № 125, 1661 г.

[5]) Напримѣръ, собиралъ ямскія деньги и наблюдалъ за исполненіемъ спеціальнаго указа -Д. А. И., II, 49.

бы ямщикомъ ни отъ ково ни въ чемъ никоторыхъ продажъ напрасныхъ и налоговъ не было" [1]). Онъ-же, попрежнему, прописывалъ подорожныя [2]). Староста, непосредственно вѣдая гоньбу, наряжалъ охотниковъ, собиралъ съ ямскихъ крестьянъ и бобылей оброки, велъ всю хозяйственную часть, смотрѣлъ за тѣмъ, чтобы выти не пустовали, наблюдалъ, чтобы въ слободахъ не укрывались бѣглые, чтобы не было гулящихъ людей и воровъ, смотрѣлъ, чтобы не было пьянства и разгула и т. д. [3]). Но такъ какъ жалованье ямскимъ охотникамъ платили нерѣдко воеводы, подводы требовали воеводы, такъ какъ воеводы же нерѣдко получали къ исполненію разныя предписанія по дѣламъ слободъ и такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ на положеніе слободъ, какъ увидимъ дальше, вліялъ не только ямской приказъ, но въ различныхъ отношеніяхъ и областной данной мѣстности приказъ, [4]) то приведенная только что схема должна была въ дѣйствительности получить нѣсколько иныя очертанія. Самостоятельность ямского приказчика по дѣламъ управленія слободой ограничивалась предѣлами, признававшимися со стороны воеводъ, а особая юрисдикція сводилась къ полученію приказчикомъ судебныхъ пошлинъ [5]). Вѣроятно, по большей части отношенія улаживались путемъ признанія со стороны

---

[1]) А. М. Н. Д. П. Д. С. Л., св. 48, № 66, 1631 г., св. 135, № 43, 1640 г. и мн. др.

[2]) Вейнбергъ, Воронежск. почта, стр. 409, думалъ, что ямскіе приказчики даже выдавали подорожныя. Это невѣрно. См. напр. А. М. Н. Д. П. Д. С. Л. св. 3, № 1, 1606—1626 г.г., № 56, 1657 г. Пск. Губ. Вѣд., 1845 г. №№ 51-52, 1846 г., №№ 1—2. Лаппо-Данилевскій, ц. с., стр. 372, примѣч. 2. называетъ помѣщенныя здѣсь записи—загонной книгой. Намъ кажется, однако, что это—пачка разнородныхъ документовъ, между которыми помѣщены и записи изъ загонныхъ книгъ.

[3]) А. И. IV, 187, А. Э. IV, 307, Ар. М. Н. Д. П. Д. С. Л. № 47, 1660 г., № 101, 1656—1674 г.г, Переп. кн. ям. сл., № 265. П. С. З. II, 998, III, 1503 и др.

[4]) Напр. Симб. Губ. Вѣд., 1851, 24, Ворон. Губ. Вѣд., 1850 г. 16 Акты Ворон. (Второва), II, стр. 169. По памяти изъ Устюжской чети доправлялъ воевода на охотникахъ деньги—А. Э, III, 140. По памяти изъ той-же чети воевода ставилъ охотниковъ на правежъ—Ар. М. Н. Д. П. Д. С. Л., св. 135, № 43, 1640 г. Ср. Д. А. И., V, 43.

[5]) Напримѣръ, извѣстны такіе случаи: ямщикъ московской коломенской слободы похитилъ шапку у посадскаго; пойманный съ этой шапкой, онъ былъ судимъ въ Нижнемъ воеводой. А. М. Н. Д. П. Д. С. Л. № 89, 1662 г.

приказчиковъ своей зависимости отъ воеводъ [1]). Иногда, однако, дѣло доходило до полнаго разрыва. Тогда являлась необходимость въ специальномъ разслѣдованіи [2]).

Должность ямскихъ приказчиковъ была уничтожена по указу 1679 г. [3]). Указъ устанавливалъ, что ямщиковъ во всемъ долженъ вѣдать воевода; ямскихъ-же приказчиковъ приказано было написать въ службу, кто какую пригодится. Но и послѣ этого указа до послѣднихъ лѣтъ 17 вѣка мы въ отдѣльныхъ, по крайней мѣрѣ, слободахъ продолжаемъ встрѣчать ямскихъ приказчиковъ. Такъ, въ касимовской слободѣ былъ приказчикъ еще въ 1699 г., а въ воронежской слободѣ еще въ началѣ 18 вѣка [4]).

По своему общественному положенію охотники составляли специальный классъ людей, по Уложенію сравненный съ посадскими людьми меньшей статьи и съ людьми казенныхъ слободъ. За безчестье ямского охотника полагалось 5 рублей человѣку, тогда какъ за безчестье крестьянина полагался рубль [5]). Въ случаѣ, если меньшая половина обыскныхъ людей уличала во лжи большую половину, съ ямскихъ охотниковъ, какъ и съ посадскихъ людей и съ приказчиковъ вотчинныхъ и помѣщиковыхъ, бралась пеня въ размѣрѣ 10 рублей, въ то время какъ съ вотчинныхъ и помѣщиковыхъ старость только 5 рублей, а съ крестьянъ—рубль [6]). Нѣкоторую аналогію въ общемъ положеніи охотниковъ можно найти съ положеніемъ мастеровъ-специалистовъ, устроенныхъ особыми слободами и ра-

---

[1]) „А имъ (т. е. приказчику да старостѣ) потатчики воевода и приказные“—читаемъ въ челобитной устюжскихъ посадскихъ и уѣздныхъ людей на бобровскихъ и ягрышскихъ охотниковъ и властей ихъ. Потатчики же они потому, что получаютъ по 500—600 рублей въ годъ да праздничные. „А даютъ воеводѣ по 12 рублей мѣсячное, а дьякамъ—30 рублей, и на нихъ пиво варятъ, медъ имъ ставятъ, хлѣбъ, мясо и рыбу покупаючи посятъ“. (П. Д. С. Л. св. 103, № 58, 1637 г.).

[2]) Напр. А. Юр. Кал. I, 58, III, гдѣ находимъ послушную грамоту воеводѣ о послушаніи подъячему ямского приказа, посланному для разслѣдованія о злоупотребленіяхъ воеводы, по жалобѣ ямского приказчика.

[3]) П. С. З., II, 779, А. И. IV, 274.

[4]) А. Юр. К., I, 58, III, Вейнбергъ, Воронежск. почта, стр. 419.

[5]) Улож., гл. X, ст. 94.

[6]) Улож., гл. X, ст. 162. То-же и въ Новоуказныхъ статьяхъ, П. С. З., I, 441.

ботавшихъ на Государя вмѣсто податей и повинностей. Такъ. въ Шелонской пятинѣ, въ Мусицкомъ погостѣ, была подобная слобода (она была устроена еще при Іоаннѣ IV, ее встрѣчаемъ и послѣ 1677 г.) колесныхъ мастеровъ. Они вмѣсто всякихъ податей и повинностей, дѣлали „пушечное закладное колесное и станочное дѣло". Они также имѣли свою уставную грамоту, свой судъ, свое управліе и т. д. [1]). Въ этомъ-же родѣ была близъ Пензы еще въ 60-хъ годахъ 17 вѣка Ванзыбейская слобода охотниковъ лосиной ловли. Слобода была строена по прибору, надѣлена землей, не платила податей, не несла повинностей и т. д. [2]).

Самая ѣзда производилась и въ 17 в., какъ и въ 16 в., въ одну лошадь, а если въ нѣсколько, то гусемъ; ямщики садились обыкновенно въ ногахъ у ѣхавшаго, а проводники верхомъ, спустивъ ноги межъ оглоблей. Подъѣзжая къ яму, обыкновенно свистомъ вызывали подводу на смѣну [3]). Сами охотники выѣзжали только въ экстренныхъ случаяхъ, обыкновенно-же посылали вмѣсто себя младшихъ членовъ семьи или рабочихъ; впрочемъ, такъ велось, вѣроятно только въ большихъ слободахъ. „Выходной" нарядъ ямщика подробно описанъ въ одномъ судномъ дѣлѣ: зипунъ (лазаревъ) астрадинной (цѣна 2 р. 50 к.), шапка (вишневая) съ пухомъ (1 р. 50 к.), кушакъ бумажный съ ножами (50 к.), кафтанъ шубной полусуконный (подлазоревый) (2 рубля безъ гривны). Цѣны обозначены для 1628 г. [4]) Иностранцы, имѣвшіе дѣло съ охотниками, упрекаютъ ихъ въ наклонности къ воровству: особенно часто пропадали разныя вещи пословъ при смѣнахъ [5]). Изъ другихъ источниковъ можно вывести заключеніе, что охотники были склонны принимать у себя лицъ, почему-либо считавшихъ нужнымъ бѣжать хотя бы на время съ посада [6]). Во время первыхъ раскольни-

---

1) Д. А. И., VII, 36.

2) Строельная кн. г. Пензы, изд. Борисовымъ, Ч. О. И. Д. 1899 г., кн. 1, стр. 36—37.

3) Олеарій, цит. пер., стр. 226, Корбъ, Diarium itineris, вѣнск. изд 1700 г., стр. 36, Рейтенфельсъ, пер. Тарнава-Боричевскаго, Ж. М. Н. Пр. ч. XXIII, стр. 45.

4) Ар. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 58, № 40, 1628 г.

5) Корбъ, ц. м., Ключевскій, Сказан. иностр., стр. 40.

6) Отеч. Зап., 1855 г. т. 101 отд. 2, челобитн. 17 в., стр. 122. Цитир. роспись М. Липинскаго, Ч. О. И. Д., 1883 г., кн. 1.

чьихъ движеній охотники, видимо, играли не малую роль: они и сами впадали въ расколъ и укрывали раскольниковъ [1]).

---

[1]) Напр. Д А., VIII, 50, II. Ср. Печерскій-Мельниковъ, Полн. собр. соч., изд. 1898 г., т. 13, стр. 92—96.

VI.

Въ предъидущихъ главахъ рѣчь шла о такъ называвшейся гоньбѣ по стройнымъ ямамъ, т. е. по ямамъ, которые были соотвѣтствующимъ образомъ строены правительственной властью Но на всемъ протяженіи исторіи ямской гоньбы, начиная со второй половины 16 вѣка, мы встрѣчаемъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ иную форму ямской гоньбы—въ однихъ отношеніяхъ приближавшуюся къ той, которая предшествовала появленію стройной гоньбы, т. е. выражалась въ отбываніи населеніемъ натуральной подводной повинности, а въ другихъ отношеніяхъ отдѣлялась отъ этой послѣдней, воспринявъ, по крайней мѣрѣ, въ частностяхъ практику стройной гоньбы. Другими словами: мы встрѣчаемъ такую форму подводной повинности, которая, отбываемая міромъ для правительственныхъ надобностей, получала постепенно организацію, подобную организаціи гоньбы по стройнымъ ямамъ. Технически эта форма называлась мірскими отпусками.

Намъ уже приходилось говорить, что давать подводы князю или его гонцамъ, подъ казну князя или запасы, подъ ѣхавшихъ на службу князя и подъ пословъ было повинностью, извѣстной населенію издавна. Повинность эта, какъ мы также говорили, первоначально состояла въ томъ, что, какъ представлялась надобность, мірскія власти собирали подводы съ населенія. Но со второй половины 16 вѣка мы замѣчаемъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ слѣдующій порядокъ: населеніе непосредственно не отпускало подводъ, а повытно платило деньги, которыя считались мірскими ямскими деньгами и на которыя волость нанимала подводы, сколько потребуется. Такой же распорядокъ распространился весьма скоро и на цѣлые уѣзды, которые, такимъ образомъ, централизовали мірскіе отпуски. Отпуская подводы за мір-

скія деньги, каждая волость возила по своей землѣ и не дальше жилого мѣста другой волости, весь уѣздъ—не дальше жилого мѣста другого уѣзда. Но такъ какъ было бы обременительно да и неудобно во первыхъ, часто мѣнять подводы, во вторыхъ, непремѣнно мѣнять ихъ, то, вѣроятно, скоро-же установился такой порядокъ: подвода одной волости возила и по землѣ сосѣдней, какъ и послѣдняя по землѣ первой, волости - же между собой считались въ этихъ отпускахъ. Иногда и нѣсколько волостей такимъ образомъ объединялись, считаясь за одинъ. Иногда и нѣсколько уѣздовъ объединялись такимъ-же точно образомъ. Когда именно былъ установленъ такой счетъ между данными волостями, или уѣздами, скоро забывалось въ самихъ волостяхъ и уѣздахъ, но разъ можно было доказать, что счетъ былъ, то это уже служило основаніемъ для любой волости, конечно, для той, которой въ данную минуту это было выгодно, требовать, чтобы въ счетѣ за одинъ каждая изъ прежде считавшихся волостей признавалась и впредь. Если какая ни будь изъ такихъ волостей уклонялась отъ счета, достаточно было указать на фактъ прежняго счета, чтобы въ Москвѣ признали основательность требованія. Слѣдовательно, волости, считавшіяся за одинъ, признавались таковыми разъ навсегда, во всякомъ случаѣ, до спеціальнаго распоряженія изъ Москвы. Отпускаемымъ подводамъ велись книги; въ нихъ записывалось число подводъ и денежный расходъ по отпускамъ. Кто за кого черезъ чужую землю сколько верстъ гонялъ и сколько подводъ лишнихъ за годъ давалъ, когда именно и кому—во всемъ этомъ подмогавшія другу другу волости должны были считаться погодно. Лишнія подводы—этимъ терминомъ тутъ обозначался излишекъ противъ того числа, который слѣдовалъ бы съ волости, если бы она одна гоняла гоньбу и только до жилого мѣста другой волости, въ соотвѣтствіи, конечно, съ числомъ за нее отпущенныхъ сосѣдней волостью подводъ. Если между считавшимися происходилъ споръ, въ счетъ вмѣшивался воевода или осадный голова, или городовой приказчикъ, словомъ - мѣстная власть, и старостамъ, и цѣловальникамъ приказывалось счесться межъ собой. Счетъ состоялся—мѣстный правительственный органъ именно и подлинно отписывалъ о счетѣ въ свою четь. Но такъ какъ

считавшіеся рѣдко удовлетворялись судомъ на мѣстѣ, то полагавшая себя обиженной сторона обращалась съ челобитьемъ въ Москву. Тогда или считавшихся жаловали судомъ на Москвѣ или изъ Москвы посылался указъ, по которому у споривших брались росписи о лишнихъ подводахъ и расходахъ и отсылались за руками въ Москву. Рѣшеніе доправить эти лишнія подводы на виновной сторонѣ заканчивало дѣло. Однако, тѣ, на которыхъ доправляли, выступали, обыкновенно, въ свою очередь, обвинителями и опять тѣмъ-же порядкомъ начиналось все спачала. [1])

Весь этотъ порядокъ счета, какъ слѣдствіе рѣшеній власти по спорнымъ дѣламъ, является несомнѣнно выраженіемъ приказнаго управленія, а потому возникновеніе его должно быть отнесено, по крайней мѣрѣ, къ послѣднимъ годамъ первой половины 16 вѣка, во всякомъ случаѣ—не ранѣе конца 30 годовъ, когда приказное управленіе стало уже отливаться въ болѣе или менѣе опредѣленную форму. Но правильнѣе, кажется, думать, что и самое исполненіе подводной повинности въ формѣ отпуска подводъ, нанятыхъ на особыя мірскія деньги, явилось уже позднѣйшей формой отправленія данной повинности. Пока подводы отпускались въ незначительномъ количествѣ, незачѣмъ было прибѣгать къ такой усложненной системѣ отпуска. Не зачѣмъ было прибѣгать къ ней и до тѣхъ поръ, пока не опредѣлялось, что данный трактъ имѣетъ въ томъ или иномъ отношеніи государственное значеніе. Выше было уже показано, что на всѣхъ особо важныхъ дорогахъ правительство само заботилось объ обезпеченіи правильнаго сообщенія, учреждая стройную ямскую гоньбу. Слѣдовательно, и переходъ отъ отпусковъ въ видѣ сбора подводъ къ отпускамъ въ видѣ сбора особыхъ мірскихъ денегъ на наемъ подводъ едва-ли долженъ былъ произойти ранѣе указаннаго времени. Къ этому-же насъ приводитъ и слѣдующее: въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ ранѣе установленія мірскихъ отпусковъ существовали стройные ямы; такъ, напримѣръ, въ 1548 на Тотьмѣ былъ стройный ямъ, а ко времени Бориса Годунова тамъ уже застаемъ мірскіе отпуски [2]). Въ Соликамскѣ мірскіе отпуски

[1]) А. Э. П., 78, А. И. II, 81, Ар. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 1, № 1, 1582 г. и др.

[2]) Акты Юшкова, № 163, ср. съ П. Д. С. Л., св. 135, № 43, 1640 г.

начались едва-ли ранѣе 1583 г. [1]) Въ Вяткѣ до 1580 г. были стройныя ямы, послѣ этого года встрѣчаемъ мірскіе отпуски [2]). Эти факты невольно приводятъ къ мысли, что отпускъ подводъ въ формѣ мірскихъ отпусковъ явился скорѣе на смѣну стройной ямской гоньбы, которая по тѣмъ или инымъ причинамъ не привилась въ данной мѣстности, чѣмъ самостоятельнымъ развитіемъ подводной повинности.

Почему, однако, въ одной мѣстности мы встрѣчаемъ стройную ямскую гоньбу, а въ другую - гоньбу въ формѣ мірскихъ отпусковъ? Прямого отвѣта на этотъ вопросъ было бы безполезно искать въ актахъ. Можно, однако, думать, что стройная гоньба как ни мало стоила она правительству въ 16 вѣкѣ, все таки являлась для него предметомъ и большихъ заботъ и извѣстныхъ расходовъ; слѣдовательно, по дорогамъ, гдѣ происходило усиленное движеніе, особенно-же гдѣ, главнымъ образомъ, шла кладь, перевозка которой обходилась дороже всего, правительство находило полный разсчетъ возлагать заботу объ отпускахъ всецѣло на населеніе. И, дѣйствительно, мы видимъ мірскіе отпуски преимущественно въ Перми, Сольвычегодскѣ, Соликамскѣ, Чердыни, т. е. на главныхъ путяхъ транспортированія клади. Но при всѣхъ этихъ предположеніяхъ слѣдуетъ тѣмъ не менѣе отмѣтить, что извѣстную роль тутъ все таки игралъ случай.

Въ этомъ смыслѣ весьма характерна исторія Соликамскаго яма. Въ 1583 г., по показаніямъ самихъ пермичей, съ сибирскаго взятія пожалованы имъ были для сибирскихъ отпусковъ пермскіе денежные доходы – дань и оброкъ, и присудныя, и таможенныя, и кабацкія деньги, и они этими деньгами отпускали всякіе сибирскіе отпуски Но съ 1600 г., уже при Борисѣ Годуновѣ, приказано было эти деньги брать на Царя, а сибирскихъ отпусковъ съ пермичей не сложили. Между тѣмъ, по ихъ словамъ, отпуски эти были тяжелые, такъ какъ приходилось гонять далеко—отъ Кайгородка до Верхотурья 500 верстъ, отъ Перми до Ужги 450 верстъ, до Вятки 500 верстъ, а лѣтнимъ водянымъ путемъ отпускать въ судахъ до Казани и до Соли Вычегоцкой по 1000 верстъ. Въ общемъ имъ обходились эти отпуски по 5000 рублей и больше въ годъ Оспускали-же они одной Пермью. Чтобы

[1]) А. Э., II, 54.

[2]) А. Э., I, 170, ср. съ А. Э. II, 54, 71, 78 и др.

не разбрестись розно, они предложили такой компромиссъ: устроить въ Соликамскѣ стройный ямъ Пермью, Вяткой и Каргополемъ. Планъ былъ одобренъ, и ямъ въ Соликамскѣ въ томъ-же 1606 г. былъ устроенъ, но уже въ 1607 г. обнаружилось, что воевода, стакнувшись съ пермичами началъ притѣснять вятскихъ ямщиковъ. Пермичамъ такія притѣсненія были очень выгодны, такъ какъ до устройства усольскаго яма пермичи получали съ вятчанъ прогонныя деньги и могли на вятчанъ приклепывать прогоны. Если бы удалось согнать вятскихъ ямщиковъ съ яма, было-бы легко вернуться къ старому порядку, а попутно и закрѣпить вятчанъ въ счетѣ съ собой за одинъ. Воевода сталъ бить и мучить вятскихъ ямщиковъ безъ вины напрасно. Такъ, въ 1607 г. по послѣднему зимнему пути онъ послалъ вятскихъ ямщиковъ съ якорями и парусами на Верхотурье, такъ что тѣ назадъ не поспѣли; иныхъ онъ отпустилъ на побывку домой и въ Москву, а записалъ ихъ бѣглыми, чѣмъ воспользовался, чтобы на вятчанахъ пріѣхавшихъ съ торгомъ, доправить подъ гонцовъ суда, подводы и гребцовъ; кромѣ того, онъ не устроилъ, не смотря на указъ, вятскихъ ямщиковъ ни дворами, ни пашнями, ни сѣнокосами, избивъ при этомъ посыльщика, прибывшаго отъ ямщиковъ съ грамотой. Новгородская четь, куда послѣдовала челобитная вятчанъ на обиды воеводы, сдѣлала послѣднему суровый выговоръ, но это не помогло: черезъ шесть мѣсяцевъ тому-же воеводѣ предписывалось отпустить вятскихъ ямщиковъ на родину, а гоньбу гонять и отпускать подводы предписано пермичамъ однимъ [1]).

Такимъ образомъ, тутъ стройный ямъ и возникъ, и былъ уничтоженъ по чисто случайнымъ причинамъ. Вѣроятно, случай игралъ не малую роль и въ исторіи вятскихъ стройныхъ ямовъ (не было ихъ потомъ никогда, какъ видно изъ того, что при устроеніи въ 1744 г. почтъ въ вятскомъ намѣстничествѣ, по мнѣнію ямщиковъ [2]) содержаніе почтъ было возложено на купечество и мѣщанство въ городахъ и на сельскихъ обывателей въ округахъ), между тѣмъ какъ въ 1580 г. были на Вяткѣ ямскія слобо-

---

[1]) А. Э. II, 54, 71, 78, 82; ср. Спицынъ, Подати, сборы и повинности на Вяткѣ, стр. 9—11.

[2]) Столѣтіе Вятск. губ., I, стр. 255.

ды, что видно изъ пожалованія преподобному Трифону на содержаніе Успенскаго монастыря въ 1580 г. въ Хлыновѣ ямской пустоши. Эта пустошь запустѣла еще до писцовъ. [1]).

Насколько случай имѣлъ въ данномъ вопросѣ значеніе, видно, наконецъ, изъ того, что въ предѣлахъ области, отбывавщей гоньбу міромъ, встрѣчаются, однако, и стройные ямы. Такъ, въ устюжскомъ уѣздѣ были бобровскій и ягрышскій ямы. Рядомъ съ Тотьмой, гдѣ гоняли міромъ, былъ стройный шуйскій ямъ (стройный, однако, съ тѣми оговорками, которые читатель найдетъ нѣсколько дальше). [2])

Трудность точнаго разрѣшенія даннаго вопроса увеличивается еще тѣмъ, что неизвѣстно, какіе города и уѣзды отбывали гоньбу міромъ, какіе пользовались стройнымъ ямомъ. Несомнѣнно, что Пермь (за исключеніемъ, какъ мы уже знаемъ, попытки 1607 г.), Соликамскъ, Чердынь, Кайгородокъ, Вятка, Каргополь, Двина, Сольвычегодскъ, Тотьма, Еренскъ, Кунгуръ, Устюгъ Великій отбывали гоньбу міромъ еще и въ 16 вѣкѣ и такъ вплоть до конца 17 вѣка Для конца 17 вѣка, г. Лаппо-Данилевскій, основываясь на А. Э, IV, 250, указываетъ, что такихъ городовъ было, повидимому, десять: Владиміръ, Путивль, Устюгъ Великій, Сольвычегодскъ, Каргополь, Еренскъ, Тотьма, Соликамскъ, Двина, Пустозеро. [3]) Сюда-же слѣдуетъ отнести и Арзамасъ, пропущенный авторомъ, хотя онъ также помѣченъ въ А Э. IV, 250, какъ городъ, гоняющій гоньбу. Но въ этомъ спискѣ очевидны пробѣлы: нѣтъ Перми и Чердыни, [4]) Вятки, Кайгородка; тутъ также пропущены: Вязьма, въ которой въ 1661 г. гоньбу гоняли выборные изъ посадскихъ, подъ наблюденіемъ таможеннаго головы, [5]) Калуга и Дорогобужъ, гдѣ въ томъ-же году гоняли всѣмъ посадомъ. [6]) Впрочемъ, въ этихъ городахъ, какъ мы знаемъ, бывала и стройная гоньба; очень часто случалось, что въ силу какихъ-либо исключительныхъ условій иногда въ данномъ мѣстѣ

---

[1]) А. Э. I, 370.

[2]) П. Д. С. Л., св. 103, № 58, 1637 г., св. 48, № 66, 1631 г., Св. 135, № 43, 1640 г. Д. А. И. Х. 89.

[3]) Лаппо--Данилевскій, ц. с. стр. 366, пр. 3.

[4]) А. И. V, 81, 173 и др.

[5]) П. Д. С. Л. 1662 г., № 147, № 165.

[6]) П. Д. С. Л. 1662 г. № 147, 1661 г. № 96.

вдругъ закрывали стройный ямъ, заставляя гонять гоньбу міромъ. Такъ, напримѣръ въ 1658 г. было сдѣлано въ Можайскѣ [1]); такъ еще было сдѣлано въ 1587 г. въ Одоевѣ, гдѣ въ 1628 г. была опять стройная гоньба [2]). Съ другой стороны, въ приведенномъ спискѣ упомянуты города, которые имѣли несомнѣнно и стройные ямы: Владиміръ [3]), также и Арзамасъ, имѣвшій слободу въ 1628 г. и 1629 г. [4]) Весьма возможно, что въ 168 г., къ которому относится приведенная роспись, въ Арзамасѣ стройная гоньба уже прекратилась, но во Владимірѣ она, вѣроятно, была еще и въ 1681 г. Владиміръ же попалъ въ роспись вѣроятно, по старой памяти, такъ какъ въ 1630 г., дѣйствительно, Владимірскимъ ямщикамъ было велѣно быть съ посадскими въ тяглѣ [5]). Въ тѣхъ формахъ, въ какихъ мы встрѣчаемъ мірскіе отпуски въ концѣ 16 вѣка, нельзя не видѣть отдѣльныя черты общей ямской организаціи, при чемъ кромѣ того тутъ-же замѣчается смѣшеніе и взаимодѣйствіе старинныхъ мірскихъ распорядковъ съ новыми приказными. Въ то время какъ завѣдываніе самыми отпусками лежало на выборныхъ мірскихъ людяхъ общій надзоръ за отпусками поручался воеводамъ и его приказнымъ. Разграниченія компетенціи не было, и поэтому воеводское управленіе проникало вглубь настолько, насколько того хотѣлъ воевода и его приказные. Объединяющимъ центральнымъ органомъ являлась четь, вѣдавшая данную мѣстность. Въ нее стекались жалобы, отъ нея исходили рѣшенія; нѣкоторыя изъ послѣднихъ имѣли принципіальное значеніе; обыкновенно они закрѣпляли обычай, чѣмъ придавали ему силу закона. Можно сказать, что такимъ путемъ мало по малу создалось особое право мірскихъ ямскихъ отпусковъ.

На исторіи гоньбы въ отдѣльныхъ уѣздахъ это сдѣлается яснѣе. Какъ уже мы сказали, пермичи съ сибирскаго взятія по 1600 г. отпускали отпуски на пермскіе разные доходы. Послѣ 1600 г. и до 1606 г. они отпускали уже въ до-

---

1) П. Д. С. Л. 1658 г. № 96.

2) Акты Юшкова, № 230, А. М. Ю. кн. пер., ям. слоб., 265.

3) Д. А. И. IX, 106, Разряд. кн. Моск. ст. 1669 г.

4) Ар. М. Юст. Переп. кн. Ямск. слоб., № 265, Л. Л. 418—427; Акты Моск. Госуд., I, 213.

5) П. Д. С. Л. св. 38, № 100, 1630 г.

полненіе къ другимъ сборамъ и повинностямъ. Хотя, добиваясь въ 1606 г. устройства у нихъ стройной гоньбы, они и скрыли, что получали подмогу отъ вятчанъ, но мы знаемъ изъ другихъ актовъ, что съ ними считались вятчане. [1]) 1607 г. вообще былъ годомъ большого разстройства во всемъ ямскомъ дѣлѣ въ Перми: былъ устроенъ ямъ, но ямщики на немъ не держались, часть разбѣжалась сама, часть была разогнана воеводой, такъ что, когда приходила казна или запасы, не на чѣмъ было отправлять ихъ; населеніе же, зная, что есть ямъ, не хотѣло давать мірскихъ подводъ. [2]) Когда, въ декабрѣ того-же года, ямъ былъ уничтоженъ, нужно было все таки пройти извѣстному времени, прежде чѣмъ населеніе опять вернулось къ прежнему порядку ямскихъ отпусковъ. До 1623 г. этотъ порядокъ былъ таковъ: отпускалъ отпуски земскій староста, сбирая подводы повытно; отпускалъ онъ съ посаду, куда должны были по наряду пріѣзжать подводы; при отпускахъ состоялъ и цѣловальникъ, дававшій на нужный ямской расходъ сошныя деньги. Однако, часто случалось, что вытныя подводы, за отдаленностью иныхъ волостей отъ посада, къ сроку на посадъ не поспѣвали, случалось также, что у цѣловальниковъ не имѣлось на рукахъ сошныхъ денегъ; тогда приходилось брать деньги взаймы изъ большихъ процентовъ и нанимать подводы по дорогой цѣнѣ, чѣмъ, конечно, чинились населенію большіе убытки. Явилась поэтому мысль приставить къ мірскимъ отпускамъ особое должностное лицо, которому-бы и можно было поручить цѣликомъ все дѣло, мимо земскихъ старостъ и цѣловальниковъ. Челобитная пермичей была удовлетворена, и тогда пермскіе отпуски получили слѣдующую организацію: во главѣ ихъ сталъ выборный ямской староста, при немъ —ямской дьячекъ; міромъ выбирались ямщики, сколько нужно; старосты на отпуски собирали съ сошныхъ людей деньги, по разсчету, дѣлаемому раньше, сообразно съ обычными размѣрами гоньбы; собранныя деньги записывались въ книги, книги велись и разгону; каждый годъ ямской староста и дьячокъ отчитывались передъ лучшими людьми въ присутствіи воеводы; ямскіе старосты и дьячки мѣнялись ежегодно. Надзоръ за ямскими старостами и дьячками принад-

[1]) А. Э. II, 78.
[2]) А. И. II, 81.

лежалъ воеводамъ; центральное управленіе сосредоточивалось въ новгородской чети. [1])

Прося ввести у нихъ такую организацію, пермичи просили лишь о томъ, что уже было въ другихъ городахъ. Такъ, ямскихъ старостъ встрѣчаемъ въ Устюгѣ Великомъ еще въ 1610 г. [2]) а у Соли Вычегодской еще раньше, въ 1606 г. [3]) Когда и гдѣ впервые возникли ямскіе старосты при мірскихъ отпускахъ—сказать трудно, но опять таки думаемъ, что эта должность не старинная. Она прежде всего искусственно созданная: въ ней отразилось весьма отчетливо стремленіе распространить на спеціальную отрасль правительственнаго управленія принципъ общаго мірского хозяйственно-административнаго распорядка и вмѣстѣ—сблизить систему мірскихъ отпусковъ съ системой стройной ямской гоньбы.

Дальнѣйшимъ движеніемъ этой организаціи явилось стремленіе отстранить воеводъ вовсе отъ мірскихъ отпусковъ и передать вѣдѣніе отпусками головамъ таможеннаго и кружечнаго двора. Начало этой мѣры относится, видимо, къ двадцатымъ годамъ 17 вѣка. Такъ, въ Устюгѣ Великомъ она была примѣнена указомъ 1621 г. [4]), въ Соли Вычегодской или въ томъ-же году, или немногимъ ранѣе, во всякомъ случаѣ, не позже 1623 г. [5]) На Двинѣ гораздо позднѣе—въ 1646 г. [6]) Едва ли въ этой мѣрѣ сказался какой нибудь административный планъ; вѣрнѣе, она—простое слѣдствіе жалобъ на налоги, убытки и продажи, чинимыя воеводами и приказными ихъ людьми по поводу ямскихъ отпусковъ. Переданные-же въ одномъ мѣстѣ въ вѣдѣніе таможеннаго головы отпуски стали по примѣру передаваться и въ другихъ мѣстахъ.

Въ дѣлѣ объ ямскихъ устюжскихъ отпускахъ [7]) читаемъ: „въ прошломъ 7130 г. по Государеву указу и по докладной выписи съ помѣтой думнаго дьяка Ивана Гаврилова велѣно на Устюгѣ Великомъ ямскіе денги сбирать и

---

[1]) А. Э. III, 144; А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 261, № 121. 1654 г.

[2]) А. Э. II, 158.

[3]) А. Э. II, 50.

[4]) П. Д. С. Л., св. 91, № 46, 1636.

[5]) Кн. Ямск. отп. по Сольвычег. Арх. М. И. Д., по реестру Сольвычегод. кн. № 2.

[6]) Д. А. И. III, 55, 116. Д. А. И. V, 40.

[7]) П. Д. С. Л. св. 91, № 46, 1636 г.

держать въ таможнѣ и ямскіе отпуски отпускать таможенному головѣ да съ нимъ быть устюжскому ямскому старостѣ да лучшимъ двумъ или тремъ человѣкамъ, кого они выберутъ посадомъ и уѣздомъ или кто по Государеву указу впередъ въ таможенные головы съ Москвы на Устюгъ присланы будутъ, а воеводамъ того денежнаго ямского збору и разходовъ и денежной казны въ съѣзжей избѣ держати не велено". Подробнѣе объ этомъ новомъ строѣ узнаемъ изъ наказовъ двинскимъ таможеннымъ головамъ. Голова, пріѣхавъ на мѣсто назначенія, у прежняго головы долженъ былъ взять деньги, что осталисъ за расходомъ у ямскихъ старость и цѣловальниковъ, и покупныя суда, и всякія снасти. Потомъ онъ отставлялъ отъ службы старость и цѣловальниковъ и приказывалъ посадскимъ старостамъ и земскимъ людямъ выбирать къ ямскому отпуску новыхъ старость и цѣловальниковъ, самыхъ добрыхъ и прожиточныхъ людей, кому такое дѣло было-бы за обычай и кому можно было-бы вѣрить. Взявъ выборы, голова съ товарищами и съ нововыбранными старостами и цѣловальниками вмѣстѣ, сбирая съ посадскихъ людей и съ уѣздныхъ крестьянъ деньги, долженъ былъ опускать всякіе отпуски, покупать и нанимать суда, уговариваться въ наймахъ съ ярыжными. Голова во всемъ смотрѣлъ надъ выборными старостами и цѣловальниками, считалъ ихъ въ деньгахъ понедѣльно или помѣсячно „чтобъ они деньги въ приходъ имали и въ разходъ давали и въ книги записывали прямо безъ приписки". Имъ-же вмѣнялось въ обязанность не корыстоваться мірскими деньгами, а наоборотъ заботиться объ экономіи, „чтобы ихъ отпускомъ тѣ ямскіе всякіе отпуски передъ прежними годы отпустить съ большою убавкой". А какъ кончится годъ, голова долженъ былъ привезть отпускныя книги въ четь, а деньги, оставшіяся отъ отпусковъ, какъ и копіи съ книгъ, оставить въ таможенной избѣ, гдѣ ихъ получалъ новый голова [1]).

Противъ описаной двинской практики въ Устюгѣ Великомъ встрѣчаемъ нѣкоторыя отклоненія: такъ, напримѣръ, тутъ во всѣхъ ямскихъ расходахъ таможенныхъ головъ и ямскихъ старость въ приходѣ и расходѣ велѣно считать на

---

1) Д. А. И. Ш, 55, 116, Д. А. И. V. 40.

Устюгѣ, въ земской избѣ, для чего выбирались особые счетчики. Безъ такого счета книги не могли отвозиться въ Москву, что въ 1654 г. ставится прямо въ вину таможенному устюжскому головѣ Григорію Губану [1]). Это-же дѣло интересно еще и тѣмъ, что тутъ заключается постановленіе на будущее время головъ и старостъ считать въ земской избѣ въ приходѣ и расходѣ помѣсячно.

Такой же порядокъ мірского учета головы и старосты практиковался и въ Сольвычегодскѣ въ 1658 г., (а „денегъ осталось по мірскому счотному списку"—Арх. М. И. Д., кн. 25, по реестру сольвыч. кн.). Неизвѣстно только считались-ли здѣсь лишь погодно, или-же и помѣсячно.

Фактически, видимо, дѣло обстояло однако, нѣсколько иначе: всѣмъ отпускомъ завѣдывалъ староста, который нанималъ подводы, ярыжныхъ, покупалъ суда, снасти, велъ весь расходъ, собиралъ сошныхъ (огловыхъ?) лошадей, отпускалъ по подорожнымъ. Таможенный голова, главнымъ образомъ, участвовалъ въ раскладкѣ ямскихъ денегъ и руководилъ ихъ сборомъ. Книги, какъ это видно изъ 4 пересмотрѣнныхъ нами книгъ сольвычегодскихъ отъ 1624, 1654, 1658, 1680 гг., [2]) велись отъ имени головы и старосты, но вездѣ указывается, что расходы дѣлалъ староста и что онъ-же отпускалъ отпуски.

Староста смѣнялся вездѣ погодно; голова не вездѣ. Такъ, изъ книги сольвычегодской 1624 г. видно, что въ 1623 г. въ Сольвычегодскѣ былъ другой голова (л. 5), а на Двинѣ головы Иванъ Мѣльцовъ и Денисъ Петровъ были съ 1649 г по 1654 г. [3]) Впрочемъ, можетъ быть, тутъ простое исключеніе. По крайней мѣрѣ, мы знаемъ прямое указаніе, что на Двинѣ таможенные головы назначались съ Семе-

---

[1]) Д. А. И. III, 117.

[2]) Точное заглавіе этихъ книгъ, хранящихся въ Арх. М. И. Д., таково: Книга Сольвычегодскаго таможеннаго и кружечнаго дворовъ головы (имя) да ямского старосты (имя) расходные на ямскіе прогоны. Книга 1624 г. по реестру Сольвычег. кн. № 2; книга 1654 г.—П. Д. С. Л., св. 283, № 56, 1654 г.; книга 1658 г.—по реестру Сольвыч. кн. № 25; книга 1680—по тому-же реестру № 39. Книгу 1654 г. зналъ уже Лаппо-Данилевскій, ц. с., стр. 37. примѣч I. Конецъ ея, къ сожалѣнію, сильно попорченъ. Отлично за то сохранилась книга 1624 г.

[3]) Ср. Д. А. И., III, 55 съ Д. А. И. III, 116, II.

нова дня одного года по Семеновъ день другого года. [1]) При ямскихъ отпускахъ состоялъ ямской дьячекъ, приставъ, ямскіе старѣльцы для береженья и каморникъ или дворникъ.

Староста, расходуя мірскія деньги, долженъ былъ всячески заботиться, чтобы при счетѣ не быть обвиненнымъ въ приклепываніи расходовъ. Ему потому предписывалось, покупая суда и всякую судовую спасть, а также нанимая на суда многихъ людей, къ покупкамъ и къ найму призывать земскихъ судеекъ и цѣловальниковъ, „чтобы та ихъ покупка мірскимъ людемъ была вѣдома“; въ расходныхъ деньгахъ и всякихъ покупкахъ брать также у всякихъ чиновъ людей отписи за руками „впредь для вѣдома и очищенія;“ наконецъ, ярыжныхъ, кормниковъ и конныхъ проводниковъ, нанимаемыхъ для отпусковъ, вписывать въ книги своего сбору по именамъ отчествамъ и прозвищамъ, съ указаніемъ, кто которой волости и деревни. [2]) Въ книгахъ сольвычегодскихъ читаемъ, напримѣръ,—„взялъ онъ, сынъ боярскій Иванъ Сушинскій и стрелецкій десятникъ Лука Евсѣевъ по договору деньгами 4 рубли и отпись есть, а у договора были въ таможнѣ ружной староста Дмитрій Балдаковъ, посацкой цѣловальникъ Василей Куновъ и посыльщики Иванъ Петелинъ, Лука Моисеевъ съ товарищи.“ [3])

Воеводы, которые при такой системѣ, не должны были касаться ямскихъ отпусковъ, а главное,—вѣдать ямской денежный сборъ, не безъ борьбы отступались отъ этой вѣтви управленія, столь удобной для поборовъ и насильства. Иногда они даже добивались отмѣны новыхъ порядковъ и возвращенія ямского денежнаго сбора въ съѣзжую избу. Такъ это было въ 30-хъ годахъ въ Великомъ Устюгѣ. Но съ начала 1635 года опять ямскіе отпуски были переданы въ завѣдываніе таможеннаго головы и ямского старосты; тогда воевода послалъ своихъ стрѣльцовъ, не смотря на указъ, собирать ямскія деньги въ съѣзжую избу, а ямскихъ стрѣльцовъ (десять человѣкъ, данныхъ, по указу, головѣ для береженья ямскихъ отпусковъ) приказалъ хватать и хотѣлъ

---

[1]) Д. А. И. V, 40.

[2]) Д. А. И. III, 117.

[3]) Напр. кн. 1624 г. л. 14 об., л. 41 и мн. др.

уже бить ихъ кнутомъ, но удалось его кое-какъ упросить. [1]) Та-же борьба, повидимому, происходила и въ Устюгѣ. Тамъ уже въ 1621 г. ямскими отпусками, какъ мы сказали выше, завѣдывалъ таможенный голова, но въ 1644 г. устюжане, видимо, едва помнили объ этомъ порядкѣ; у нихъ тогда вѣдалъ ямскіе отпуски воевода и всячески тѣснилъ населеніе. Представляя же обо всемъ этомъ въ Москву, они только просили какъ нибудь облегчить имъ ихъ тяжелое положеніе. Два года тянулось дѣло и лишь въ 1646 г. былъ посланъ указъ объ устраненіи воеводъ отъ ямскихъ отпусковъ и о передачѣ этого дѣла опять таможеннымъ головамъ. [2])

Но ямской староста подъ надзоромъ таможеннаго головы отпускалъ отпуски только съ посада; въ предѣлахъ уѣзда гоньба сдавалась обыкновенно откупщикамъ или подрядчикамъ, каждому въ извѣстномъ пунктѣ. Эта система практиковалась и тамъ, гдѣ на посадѣ ямскими отпусками завѣдывалъ только одинъ ямской староста, какъ, напримѣръ, въ Перми, какъ напримѣръ, въ Великомъ Устюгѣ въ 1610 г., т. е. до передачи ямскихъ отпусковъ въ вѣдѣніе таможенныхъ головъ. [3]) Весьма немного свѣдѣній дошло до насъ объ этихъ откупщикахъ и подрядчикахъ, но все таки можно возстановить, что они, обязываясь держать ямъ, за гоньбу получали деньги изъ таможенной избы или отъ ямского старосты, а раньше какъ можно думать, судя по А. Э II, 158 („да они-жъ (братья Архангельскаго монастыря) де въ тѣ три годы платили ямскимъ старостамъ и ямскимъ откупщикамъ съ монастырскія вотчины 289 р. 25 алтынъ"), съ населенія непосредственно. Въ уѣздныхъ ямахъ велись свои загонныя книги, по нимъ и учитывался подрядчикъ или откупщикъ, представляя свои записи, выдавая въ полученіи денегъ отписи. (Кн. Сольвычег. 1658 г. л 256—259; кн. Сольвычег. 1680 г., л. 78 и др.). Примѣромъ такой приходной деньгамъ и расходной отпускамъ уѣзднаго яма можетъ служить книга Бобровскаго яма Устюжскаго уѣзда 1649 г. [4])

---

[1]) П. Д. С. Л. св. 103, № 58, 1637 г.

[2]) П. Д. С. Л. 1644 г. № 24, св. 166. На Устюгѣ въ 1646 г. ямскія дѣла правились въ съѣзжей избѣ подъячимъ, который былъ одновременно подъячимъ съѣзжей избы и ямскихъ дѣлъ. Р. И. Б., XII, стр. 245.

[3]) А. Э. II, 158.

[4]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 242, № 136, 1649 г.

Ямской подрядчикъ для таможенной избы, ямской откупщикъ —для населенія, въ глазахъ своихъ ямщиковъ онъ былъ ямскимъ старостой. Такъ онъ называлъ и самъ себя, такъ за нимъ, очевидно, осталось это названіе и офиціально, тѣмъ болѣе, что онъ, дѣйствительно, исполнялъ всѣ функціи ямского старосты. Иногда это были лица выборные, какъ въ Сольвычегодскихъ трехъ уѣздныхъ ямахъ въ 1658 г. (кн 1658 г., л.л. 256 – 259), но всегда-ли —утверждать нѣтъ данныхъ. Можно, однако, думать, что всегда. На это указываетъ уже одно то, что подрядчикъ получалъ право въ случаѣ надобности собирать огловыхъ (?) отпускныхъ посошныхъ коней (кн. 1680 г., л. 78), право, которое едва ли было бы предоставлено не выборному, а подрядчику въ смыслѣ простого предпринимателя. Это-же заставляетъ думать, что подрядчики уѣздныхъ ямовъ вообще были больше мірскими должностными лицами, чѣмъ ведшими предпріятіе ради его доходности.

Впрочемъ, нужно отмѣтить, что и въ данномъ отношеніи въ различныхъ мѣстностяхъ была, видимо, и различная практика. Въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ существовало три уѣздныхъ яма—Лалской, Ильинской и Спасскій ямы. Связь уѣздныхъ ямовъ съ посадскимъ была, сколько можно видѣть изъ книгъ, тѣсная; уѣздные ямы не стремились къ самостоятельности, и ямскіе откупщики держались зависимаго положенія, какъ извѣстныхъ границъ своей отвѣтственности. Въ Устюжскомъ же уѣздѣ бобровскій и ягрышскій уѣздные ямы не только временами отбивались отъ всякой связи съ мірской организаціей, но и стремились къ полной самостоятельности и къ положенію стройныхъ ямовъ. Уже въ 1631 г. охотники бобровскаго яма жалуются на таможенныхъ устюжскихъ головъ и вѣрныхъ цѣловальниковъ требуя, чтобы тѣ платили имъ прогоны, какъ охотникамъ на Москвѣ и въ городахъ, чтобы не брали у нихъ подводъ сверхъ общаго для всѣхъ ямовъ росписанія, чтобы также не посылали къ нимъ съ заказными памятями для таможенной пошлины, не брали съ нихъ хлѣба мѣру и съ конскаго корма, который они межъ себя покупаютъ и съ молебныхъ канововъ пошлины, чтобы, наконецъ, во всемъ ихъ вѣдѣлъ ихъ судейскій приказчикъ. [1]) Таможенный голова, счи-

---

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 48, № 66, 1631 г.

тая уѣздный ямъ неотъемлемой частью общаго дѣла устюжскихъ отпусковъ, смотрѣлъ на бобровскихъ ямщиковъ, какъ на остальныхъ уѣздныхъ крестьянъ, но бобровскіе ямщики признавали себя членами гонной слободы и потому требовали для себя правъ другихъ гонныхъ слободъ въ Москвѣ и на городахъ. Рѣшеніемъ ямского приказа эти требованія были признаны заслуживавшими уваженія. Поэтому неудивительно, что въ 1634—1637 г.г. обнаружилось стремленіе старостъ итти дальше по пути къ полной самостоятельности: ямскіе старосты бобровскаго и ягрышскаго ямовъ, какъ видно изъ челобитной устюжанъ [1]), сами стали собирать деньги съ уѣздныхъ людей на ямскіе отпуски, при чемъ сбирали много—по 40 и 50 р. съ сошки—но въ деньгахъ счету не давали, заручившись предварительно помощью воеводъ и приказныхъ, которымъ изъ мірскихъ денегъ удѣляли до 1000 рублей въ годъ и больше. Послѣдовавшимъ, однако рѣшеніемъ Устюжской чети этому своевольству былъ положенъ конецъ, и въ 1649 г. мы уже узнаемъ изъ цитированной выше книги бобровскаго старосты, что деньги на ямскіе отпуски онъ получалъ изъ таможенной избы. Состоялся, слѣдовательно, какъ бы компромиссъ: слобода была признана гонной, но въ денежномъ расходѣ ямской староста былъ поставленъ въ зависимость отъ таможенной избы.

Вѣроятно, такая разница въ практикѣ должна быть объяснена тѣмъ, что уѣздные ямы Сольвычегодскаго уѣзда образовались послѣ новой организаціи сольвычегодскихъ отпусковъ, а уѣздные ямы устюжскаго уѣзда—раньше: это были стройные ямы, которые только вошли въ мірскую организацію. Точнѣе: должны были войти, но это не могло состояться безъ извѣстной борьбы.

Наконецъ, въ уѣздахъ глухихъ, гдѣ гоньба была сравнительно незначительна, распорядокъ остался все тотъ-же, какой былъ тамъ и до начала второй половины 16 вѣка: по прежнему гоняютъ съ сохъ, выставляя подводы по мѣрѣ надобности. Гоньбой завѣдывали тутъ земскіе старосты, а въ монастырскихъ земляхъ—монастырскіе приказчики или монастырскія власти. Въ этомъ отношеніи любопытна челобитная отъ 1667 г. архимандрита и братьи соловецкаго

---

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 103, № 58, 1637 г.

монастыря на крестьянъ Кольскаго уѣзда Ковской волости, [1]) гдѣ читаемъ: „которые де ихъ монастырскіе керецкіе бобыли подводы изъ Керети до Ковды возятъ, и Ковскія волости крестьяне по вся годы своимъ озорничествомъ задерживаютъ съ лошадьми, мимо ковскую волость велятъ прогонивать къ Кольскому острогу до Княжія губы тридцать верстъ, и въ томъ ихъ монастырскимъ бобылемъ чинятся убытки и протори великіе. И намъ великому государю пожаловати бы ихъ соловецкаго монастыря архимандрита Варѳоломея съ братьею, велѣть бы ихъ бобылемъ Керецкія волости возить подводы по прежнему до Ковды, а мимо Ковду подводъ возить не велѣти бы, а имъ ковдянамъ велѣти бъ подводы ставить до Керети, а въ лишнихъ подводахъ счетъ держать имъ ковдяномъ съ ихъ соловецкаго монастыря бобылями пополамъ“. Если сравнить ее съ челобитной ковдянъ отъ 1597 г. [2]), которая, въ свою очередь, касается счетовъ, возникшихъ несомнѣнно на много лѣтъ раньше, то въ существѣ отношеній не увидимъ никакой разницы. Для этой мѣстности по отношенію къ организаціи мірской гоньбы столѣтіе прошло, не принеся съ собой никакихъ измѣненій.

Каждую изъ этихъ трехъ системъ можно, конечно, разсматривать какъ самостоятельный мѣстный укладъ, какъ слѣдствіе самостоятельныхъ причинъ. Но едва-ли не правильнѣе, взглянувъ на нихъ въ исторической перспективѣ, признать ихъ тѣсную между собой связь: первоначальная форма - гоньба міромъ въ точномъ смыслѣ этихъ словъ, дальнѣйшая форма—выдѣленіе гоньбы въ самостоятельную отрасль мірского самоуправленія. Послѣдняя форма, въ свою очередь, разбилась на два вида, разница между которыми сводилась къ различной степени опредѣленности организаціи: хотя замѣна воеводскаго смотрѣнія смотрѣньемъ таможенныхъ головъ имѣла значеніе простого практическаго удобства, но она-же повела и къ принципіальнымъ послѣдствіямъ. Сосредоточенная во всѣхъ отношеніяхъ въ рукахъ спеціальныхъ должностныхъ лицъ, гоньба получила тѣмъ самымъ весь смыслъ особой задачи управленія; какъ

[1]) Д. А. И. V, 42.
[2]) Д. А. И. I, 140.

таковая, она изъ не имѣвшей границъ натуральной повинности превратилась въ совокупность правъ и обязанностей, какъ на сторонѣ государства, такъ и на сторонѣ населенія.

Историческая преемственность этихъ формъ едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Всѣ мѣстности одинаково прошли черезъ неорганизованную мірскую гоньбу, но не всѣ на ней остановились. Изъ числа послѣднихъ, т. е. пошедшихъ дальше, всѣ прошли черезъ первыя попытки организаціи, т. е. черезъ мѣры, выдѣлившія гоньбу въ самостоятельную отрасль мірского самоуправленія путемъ учрежденія должности мірскихъ ямскихъ старостъ, но не всѣ на этомъ остановились.

Остается, слѣдовательно, разсмотрѣть, какія-же причины вліяли на все это различіе формъ въ разныхъ мѣстностяхъ? Главная—размѣры гоньбы. Въ мѣстахъ, гдѣ гоньба была сравнительно небольшая, не было и основаній отходить отъ старинныхъ порядковъ. Гдѣ гоньба разросталась, тамъ, какъ это и указалъ въ своей челобитной пермскій земскій староста въ 1623 г. [1]), трудно и невыгодно было оставаться при такихъ порядкахъ, и гораздо болѣе удобными для населенія начинали казаться тѣ, которые уже имѣлись въ другихъ городахъ, быть можетъ, уже на опытѣ показавшіе свою пригодность.

Тамъ, гдѣ главный отпускъ сосредоточивался въ одномъ какомъ-нибудь центральномъ пунктѣ, къ этому пункту тянулъ весь уѣздъ; ему-же подмогалъ сосѣдній уѣздъ, а иногда и нѣсколько уѣздовъ. Счетъ въ предѣлахъ уѣзда велся сообразно съ тѣмъ, какъ была организована гоньба: лежавшіе ближе къ центральному пункту, тянули къ нему, лежавшія далѣе отъ него – тянули къ уѣздному яму. Тянули они по раскладкѣ, дѣлавшейся въ центрѣ уѣзда, а иногда и въ уѣздномъ ямѣ, если онъ пользовался самостоятельностью. По заручному мірскому приговору таможенный голова и ямской староста, или одинъ ямской староста, смотря по мѣсту, разрубалъ на сохи, смѣтивъ общую сумму противъ ожидаемой гоньбы, по скольку на соху придется, тутъже по особымъ спискамъ назначалъ очереди, кому выставлять сошныхъ лошадей для дальнихъ посылокъ, а за недо-

---

[1]) А. Э. III, 144.

хожихъ лошадей съ мелкихъ костей бралъ по разводу деньгами. Брали, слѣдовательно, различно: когда больше, когда меньше; въ иныхъ мѣстахъ очень много, въ иныхъ несравненно меньше. Такъ въ Сольвычегодскѣ въ 1624 г. было собрано 1693 р. 15 ал. 3½ д. (кн. 1624 г., № 2 л. 4 об.), изъ которыхъ израсходовали 1505 р. 11 ал. 4 деньги (л. 180 об.) да отпущено было 587 огловыхъ (?) сошныхъ лошадей. Сбирали-же въ этомъ году съ сохи по 120 рублей. Въ 1654 г. сбирали съ сохи по 160 рублей; сколько собрали всего—неизвѣстно, израсходовали 1360 р. 9 ал. да отпустили 550 огловыхъ посошныхъ лошадей. [1]) Въ 1658 г. сбирали по 140 р; должно было быть собрано 1646 р. 11 ал. 4 д. (кн. № 25, л. 10) но оказалось въ недоборѣ 301 р. 28 ал. 5½ д; израсходовано 1285 р. 4 ал. 5 д. (л. 259) да отпустили 496 огловыхъ сошныхъ лошадей. Въ 1680 г. сбирали всего по 80 руб. съ сохи, и всего приходу было 800 р. 21 ал. 3 д. (кн. № 39, л. 76). Въ Перми усольцамъ и чердынцамъ напримѣръ, въ 1660 г. отпуски обходились по 1500 рублей и больше на соху. [2]) Въ Великомъ Устюгѣ въ 1642 г. сбирали по 9 рублей съ гривной съ сошки, въ 1650 г. по девяти рублей съ сошки, въ 1652 г. по 15 и 18 рублей съ сошки (устюжане считали такой размѣръ сбора непомѣрнымъ), а въ 1653 г.—30 рублей съ сошки. [3]) Всего выходило въ Устюгѣ до 10000 р. въ годъ. [4]) Расходъ по отпускамъ составлялся изъ расхода на покупку судовъ и снастей для лѣтнихъ отпусковъ рѣкой, на покупку сбруи и сѣделъ, на выдачу наемной платы кормщикамъ, гребцамъ, ямщикамъ, носильщикамъ, проводникамъ, изъ расхода на кормы проѣзжавшимъ, платы таможенному головѣ и старостѣ за постоялое, жалованье дьячку, приставу, каморнику, стрѣльцамъ, мелкаго расхода по таможенной избѣ и т. подоб. Инымъ проѣзжавшимъ съ подорожными давали вмѣсто подводъ и кормовъ деньгами, иногда давали только часть подводъ, указанныхъ въ подорожныхъ, а за остальныя—деньгами. Кормъ писался не во

---

[1]) А. М И. Д. П. Д. С. Л. св. 283, № 56, 1654 г.

[2]) А. Э. IV, 121.

[3]) Д. А. И. III, 117. По П. Д. С. Л. за 1652 г. св. 276, № 132—въ 1650 г.—десять рублей съ сошки, а въ 1649—12 р. съ сошки.

[4]) П. Д. С. Л. св. 103, № 58, 1637 г. Р. И. Б. XII, стр. 384 для 1663 г.

всѣхъ подорожныхъ. По крайней мѣрѣ, по отношенію къ сибирскимъ подорожнымъ имѣется на этотъ счетъ точное указаніе: „а кормецъ въ подорожной служивымъ людемъ написанъ по прежнему, какъ въ прошлыхъ годѣхъ и нынѣ изъ сибирскихъ городовъ воеводы служилымъ людемъ кормецъ въ подорожныхъ писали, по ихъ челобитью, для ихъ бѣдности и для дальнихъ служебъ... А съ Москвы нынѣ зимою и по сю пору отъ Государя въ подорожныхъ сибирскимъ служивымъ людемъ кормъ писанъ; а которымъ служивымъ людемъ корму не писано въ подорожныхъ и тѣмъ служилымъ людемъ даютъ на Москвѣ государево годовое денежное жалованье и за выходъ деньги и кормъ до сибирскихъ городовъ“. [1]) Изъ этой-же грамоты узнаемъ, что воеводамъ сибирскимъ кормъ въ дорогѣ не полагался, такъ какъ за ними помѣстья и вотчины и такъ какъ государево жалованье дается имъ на Москвѣ на три года. Изъ Сольвычегодскихъ книгъ и изъ книги Бобровскаго яму узнаемъ, что кормъ давался довольно часто и въ общемъ стоилъ не мало.

Кромѣ того, изъ мірскихъ денегъ платили еще за пропускные суда, т. е. за суда, шедшія мимо даннаго посада— центра ямскихъ отпусковъ уѣзда. Плата была таксирована: „а которые суда пойдутъ съ Вологды мимо Тотьмы и Устюга кормщикамъ брать за тѣ суда и за снасти на Устюгѣ прогоны за большое судно съ сажени по двѣ гривны, а съ малыхъ судовъ съ сажени по гривнѣ“. [2]) Эта такса была установлена, видимо, спеціальнымъ указомъ; она, кажется, имѣла и общее значеніе, такъ какъ ссылки на нее встрѣчаются для разныхъ мѣстъ.

Число подводъ опредѣлялось подорожными, но считалось злоупотребленіемъ писать въ подорожныхъ болѣе подводъ, чѣмъ это полагалось по указу 1627 г., общему, какъ для стройныхъ ямовъ, такъ и для мірской ямской гоньбы. Но указъ соблюдался плохо, и часто подорожныя заключали въ себѣ предписаніе давать больше подводъ, чѣмъ для даннаго проѣзжавшаго полагалось; еще чаще проѣзжавшіе сами требовали больше подводъ, чѣмъ было прописано въ подорожныхъ. Впрочемъ, тутъ повторялось то-же явленіе, о ко-

[1]) А. Э. III, 42.

[2]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 91, № 46, 1636 г.

торомъ мы уже достаточно говорили при разсмотрѣніи судьбы стройныхъ ямовъ въ 17 вѣкѣ.

Наиболѣе подробныя свѣдѣнія удалось намъ найти о мірскихъ отпускахъ Чердыни, Усолья (Соликамска) и Кайгородка. Они должны были отпускать отпуски, подмогая другъ другу, но чердынцы и усольцы не хотѣли ни въ чемъ уступать кайгородцамъ, а вскорѣ вступили въ споръ и между собой. Вслѣдствіе этого на всемъ протяженіи 17 вѣка эти взаимно подмогавшія другъ другу мѣстности никакъ не могли привести въ ясность свои отношенія по ямскимъ отпускамъ. Отпускали съ сохъ, по сошному разводу. Кайгородъ считался сначала (въ 1614 г.) въ 6 сохахъ, а около 1632 г.—въ $2^1/_2$ сохахъ, Чердынь въ $5^1/_2$ сохахъ, Соликамскъ въ $2^3/_8$ сохахъ. [1]) По правилу, каждая изъ подмогавшихъ другъ другу мѣстностей выбирала цѣловальниковъ и отправляла ихъ съ деньгами въ остальныя. Кайгородцы, видимо, исполняли свои обязанности довольно аккуратно, но усольцы и чердынцы съ начала 17 вѣка перестали посылать цѣловальниковъ въ Кайгородъ. Послѣдніе не разъ обращались къ мѣстнымъ властямъ, жаловались и въ Москву, но никакого рѣшенія имъ не выходило. Наконецъ, въ 1614 г. было приказано чердынцамъ и усольцамъ сосчитаться въ прежнихъ отпускахъ, впредь отпускать совмѣстно, а за уклоненіе отъ счета въ прошлыхъ годахъ вышелъ указъ, взявъ 3 чердынцевъ лучшихъ людей и 2 усольцевъ, бить ихъ батоги и вкинуть въ тюрьму на мѣсяцъ [2]). Но и эти строгія мѣры не привели къ миру. Положеніе осложнялось еще и тѣмъ, что и между усольцами и чердынцами возникла распря, виновниками которой были, видимо, усольцы: отказывая чердынцамъ въ счетѣ почти въ теченіи семи лѣтъ, они на нихъ-же клепали ложно и добивались указовъ, которые обѣляли ихъ и заставляли нести всю тяжесть отпусковъ однихъ чердынцевъ Только въ 1622 г., когда, наконецъ, опредѣлилось, что сами собой чердынцы, кайгородцы и усольцы не сосчитаются, въ Москвѣ прибѣгли къ рѣшительной мѣрѣ: было приказано чердынскому воеводѣ сослаться съ усольскимъ и кайгородскимъ воеводами, выбравъ лучшихъ людей усольцевъ, чердын-

---

[1]) А. Э. III, 39, Д. А. И. IV, 100.

[2]) А. Э. III, 39, 40.

цевъ и кайгородцевъ, съѣхаться вмѣстѣ на погостѣ межъ Соликамской, Чердыни и Кайгородка и сосчитать спорящихъ вправду, „во всемъ по книгамъ, въ прямыхъ расходахъ, съ тѣхъ мѣстъ, въ которыхъ годахъ межъ нихъ счетъ не бывалъ". Этотъ указъ вообще характеренъ: приведемъ его поэтому нѣсколько подробнѣе: „и велели бы вы (прежде чѣмъ считаться) у Усольцевъ, и у Кайгородцевъ, и у Чердынцевъ, у посадскихъ людей и у волостныхъ крестьянъ, у сборщиковъ и у закащиковъ, которые съ тѣхъ городовъ съ посадовъ и съ уѣздовъ во всякіе сборы сбирали съ нихъ всякіе доходы, сыскати и поимати у нихъ тѣ ихъ сборныя книги, за ихъ или за отцевъ ихъ духовныхъ руками, да по тѣмъ книгамъ велели ихъ счесть по годамъ, порознь, вправду, въ приходѣ и въ расходѣ, безо всякія поноровки: да будетъ по ихъ книгамъ которыя деньги ихъ сбору плачены въ нашу казну, и у нихъ въ тѣхъ деньгахъ велели имати для справки отписи за дьячими приписями; а будетъ которые деньги ихъ сбору сверхъ тѣхъ отписей будутъ у нихъ въ остаткѣ и ихъ про тѣ деньги велели распросить накрѣпко, на какіе у нихъ расходы тѣ деньги вышли, или кому въ почесть и въ посулы давали. Да что про тѣ деньги скажутъ, и у нихъ той ихъ сказкѣ велели ихъ взять рѣчи, за ихъ и за отцевъ ихъ духовныхъ руками". Деньги-же, которыя оказались бы при счетѣ взятыми излишне, приказано было назадъ отдать сошнымъ людямъ. Сверхъ того воеводамъ вновь повторяется считать всѣхъ вправду, причемъ бросается имъ въ укоръ: „а се вы воеводы всякъ своему городу норовите, межъ городовъ счету прямого не даете для своей бездѣльныя корысти". Своекорыстіе воеводъ, дѣйствительно, должно было играть весьма серьезную роль во всѣхъ этихъ безконечныхъ спорахъ о счетѣ. [1])

Едва-ли, однако, этимъ дѣло кончилось, тѣмъ болѣе, что съ 1632 г. присоединился новый предлогъ для раздоровъ: вятчане, которые, какъ мы знаемъ, сначала имѣли стройные ямы, потомъ отпускали съ Пермью, потомъ вмѣстѣ съ Пермью (Усольцами и Чердынцами) и Кайгородкомъ держали ямскихъ охотниковъ въ Перми, накопецъ, подмогали пермичамъ въ отпускахъ, съ 1632 г. стали откупаться

[1]) А. Э. III, 129.

отъ ямскихъ отпусковъ, присылая 500 рублей подможныхъ денегъ ежегодно. Деньги эти дѣлились между усольцами, чердынцами и кайгородцами по числу сохъ: чердынцы брали половину, усольцы—134 р. 7 алтынъ 5 денегъ, а кайгородцы получали 116 р. 24 алт. 3 деньги. Между тѣмъ, съ 1652 г., когда опредѣлилось по переписнымъ книгамъ, что Чердынь сравнительно съ Усольемъ обезлюдѣла и что къ тому-же Усолье вообще разбогатѣло, а кромѣ того къ Усолью отъ Чердыни были приписаны въ тягло два чердынскихъ погоста—Обвинской и Инвинской, сошнаго-же письма съ чердынцевъ не было сбавлено, а усольцамъ сошнаго письма не прибавлено и, наконецъ, когда чердынцамъ удалось доказать, что усольцамъ въ отпускахъ и тяглѣ помогаютъ гости и гостиной сотни торговые люди, у которыхъ у Соли Камской соляные промыслы и варницы, чердынцы добились на Москвѣ рѣшенья, по которому имъ было разрѣшено подмогать въ отпускахъ не по сошному письму, а по переписнымъ книгамъ. Такимъ образомъ, чердынцамъ отпуски стали дешевле. Но тогда возникъ вопросъ о вятскихъ деньгахъ, которыя продолжали дѣлиться между чердынцами и усольцами по сошному письму. Усольцы добились въ 1676 г. на Москвѣ указа, въ силу котораго было предписано чердынцамъ впредь пользоваться и вятскими подможными деньгами не по сошному письму, а по переписнымъ книгамъ; за прошлые-же годы, т. е. съ 1652—1676 г.г. чердынцы обязывались заплатить переемныя (взятыя излишне) 1320 р. 8 алт. вятскихъ денегъ. Но въ томъже году чердынцы поѣхали въ Москву, гдѣ доказали, что усольцамъ то не поверстка, на что они ссылаются и что на нихъ положено мало. Тогда было предписано гонять чердынцамъ по переписнымъ, а вятскія деньги брать по сошному письму; что-же касается переемныхъ денегъ, то ихъ велѣно не править впредь до счета на Москвѣ. [1]) Съ 1654 г. чердынцамъ, усольцамъ и кайгородцамъ подмогали еще кунгурцы и новоселебные крестьяне Степанова городища. До 1664 г. они присылали лишь подможныя деньги; съ этогоже года должны были войти въ общій распорядокъ подмоги по гоньбѣ; иногда, однако, они сами уклонялись отъ подмоги,

[1]) А. И. V, 8, Д. А. И. IV, 100.

иногда ихъ притѣсняли болѣе сильные сосѣди, такъ что и тутъ происходили распри, вродѣ описанныхъ [1])

Болѣе другихъ отличались несговорчивостью усольцы; они слали челобитную за челобитной, обвиняя своихъ сосѣдей во всевозможныхъ несправедливостяхъ, иногда выигрывали дѣла, но подъ конецъ, видимо, составили себѣ опредѣленную славу несправедливыхъ обвинителей. По крайней мѣрѣ, въ Москвѣ рѣшительно взяли сторону чердынцевъ. Такъ, напримѣръ, въ 1681 г. усольцы били челомъ на чердынцевъ въ томъ, что эти не строятъ у Соли своего стоялаго ямского двора, такъ что, слѣдовательно, всю тяжесть осенняго и весенняго постоя, когда, по случаю бездорожья, въ Сибирь нѣтъ пути, приходилось выносить усольцамъ однимъ. Усольцы, какъ они объяснили въ челобитной, не разъ обращались къ чердынцамъ о счетѣ, но тѣ зачитывались уѣздными своими дворами на Вильвѣ, въ Уролкѣ, въ Косѣ, въ Ускіевѣ. Усольцы-же, кромѣ постоялаго двора у Соли держали также уѣздные дворы на Сурмогѣ, на Пку, вверхъ по Усолкѣ, на Яйдѣ, на Чикманѣ, на Молчанѣ. Чердынцы-же, въ свою очередь, показали что ямской дворъ для своихъ пріѣздовъ они, чердынцы, издавна держатъ у Соли. Въ Москвѣ рѣшили споръ въ пользу чердынцевъ: у Соли имъ стоялаго двора не держать, а ямской дворъ, если не имѣютъ его, поставить. [2]) Гораздо меньше споровъ извѣстно между яренчанами и сольвычегодцами, которые считались за одинъ, но и тамъ, видимо, дѣло не обходилось безъ подобныхъ-же недоразумѣній. [3]) Споры выходили также изъ-за того, что въ одномъ подмогавшемъ пунктѣ не перемѣняли подводъ, ѣхавшихъ мимо этого пункта изъ другого, чѣмъ, слѣдовательно, одинъ пунктъ обременялся за счетъ другого. Иногда имѣли мѣсто прямыя злоупотребленія: такъ, брали лошадей силой, не возвращая потомъ по принадлежности, откупались отъ гонцовъ и посланниковъ, вслѣдствіе чего эти послѣдніе брали людей и подводы силой у тѣхъ, кто не долженъ былъ давать подводъ цѣловальники одного уѣзда съѣзжали съ ямского двора другого уѣзда, забирая съ собой и деньги

---

[1]) А. И. V, 173, 246.

[2]) А. И. V. 81.

[3]) Д. А. И. Х, 98. Яренчане несли $1/3$ расходовъ, а Сольвычегодцы $2/3$; кн. 1680 г. № 39, по реестру Сольвычегодск. кн., л. 78.

и книги, чѣмъ дѣлали затруднительнымъ счетъ въ отпущенныхъ отпускахъ и т. д. Все это совершалось не безъ покровительства воеводъ; злоупотребленія со стороны послѣднихъ только еще болѣе осложняли отношенія [1]).

Мы привели эти факты не столько потому, что онѣ въ достаточной мѣрѣ рисуютъ бытовую сторону мірскихъ отпусковъ, сколько и для того, чтобы показать, насколько менѣе совершенной представлялась эта мірская организація гоньбы въ сравненіи съ правительственной, подробности которой уже были изложены выше. Злоупотребленія возможны были одинаково и при одной, и при другой системѣ, но тамъ, гдѣ гоньбу гоняли міромъ, къ общимъ злоупотребленіямъ присоединялись еще и злоупотребленія въ предѣлахъ внутреннихъ разсчетовъ, неизбѣжныя къ тому-же, такъ какъ каждый уѣздъ естественно добивался подъ предлогомъ уравнительности сложенія съ себя возможно большей части общаго дѣла и общихъ тягостей. Слѣдовательно, въ самой основѣ этой организаціи лежала неустранимая причина раздоровъ, превращавшая гоньбу въ источникъ вѣчныхъ пререканій и судьбищъ. Правительство привлекалось къ разбору этихъ мірскихъ распрей весьма часто и охотно, но правительство не могло имѣть въ виду дѣйствовать рѣшительно, такъ какъ единственно цѣлесообразнымъ было бы уничтожить мірскіе отпуски и замѣнить ихъ стройной гоньбой, а это стоило бы дорого. Когда распри подмогавшихъ другъ другу уѣздовъ начинали отражаться на исправности самой гоньбы—а это естественно должно было случаться не рѣдко—правительство принималось за строгость и подвергало виновныхъ наказаніямъ. Но наказаніе переживалось, старые счеты возгорались съ новой силой, и съ новой силой они отражались на гоньбѣ. Постепенно съ усовершенствованіемъ организаціи устанавливался большій контроль, отчасти не только ограждавшій населеніе отъ произвола воеводъ, но вмѣстѣ обезпечивавшій и самую гоньбу, но основа всѣхъ мірскихъ отпусковъ—стоимость ихъ населенію—отъ усовершенствованія организаціи выигрывала мало: уравнительности препятствовало своевольство мірскихъ властей, и, слѣдовательно, непремѣнно одни

[1]) А. Э. II, 50, А. И. II, 136, А. И. III, 187, П. Д. С. Л. св. 173 № 83, 1644—1648 г.г. и др.

должны были расходоваться больше, чѣмъ другіе; послѣдніе, въ свою очередь, едва ли также что-нибудь выигрывали отъ этого. По крайней мѣрѣ, по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ удалось прослѣдить, какъ показано выше, размѣръ сборовъ приблизительно все тотъ же, а съ 50-хъ годовъ начинаетъ замѣтно возрастать, но, повидимому, нигдѣ не уменьшается. [1])

О дальнѣйшей судьбѣ мірскихъ отпусковъ мы не имѣемъ свѣдѣній, но, судя потому, что еще въ 1683 г. встрѣчаемъ тѣ-же распорядки и, видимо, тѣ же споры у яренчанъ съ сольвычегодцами и у чердынцевъ съ усольцами, можно думать, что до конца 17 вѣка никакихъ измѣненій въ описанномъ строѣ не произошло. [2]) Въ 1680 г. велѣно было на Вяткѣ ямскимъ старостамъ не быть (какъ, впрочемъ, и цѣлому ряду другихъ мірскихъ должностей), а, слѣдовательно, съ этого времени мірскіе отпуски должны были получить здѣсь уже нѣсколько иную организацію. [3])

Ко всему сказанному должно прибавить, что населеніе, отпускавшее ямскіе мірскіе отпуски, не освобождалось

---

[1]) Нѣкоторое представленіе о своевольствѣ мірскихъ ямскихъ властей (кромѣ того, что уже сказано было выше) даетъ и слѣдующая, напримѣръ, челобитная устюжанъ отъ 1678 г.: „да въ прошломъ-же государь въ 184 году, онъ-же Григорей Мыльниковъ (таможенный голова) да ямской староста Алексѣй Кремлевъ съ товарыщи со всего мірского совѣту, по заручному приговору розрубили и собрали на ямскіе отпуски на малую сошку по 5 рублевъ, и въ тѣхъ деньгахъ, по твоей великаго государя грамотѣ, въ приходѣ и расходѣ велено его Григорья съ товарыщи намъ сиротамъ твоимъ счесть; и онъ Григорей твоему великаго Государя указу учинился непослушенъ и ямскихъ и ружныхъ своихъ книгъ невѣдомо для какого вымыслу на счетъ не далъ. Да онъ-же Григорей, надѣясь на свое озорничество и ябедничество, безъ совѣту-жъ всѣхъ монастырей и насъ сиротъ твоихъ безъ заручныхъ приговоровъ, разрубилъ въ другой поборъ и собралъ изъ-за великаго правежу съ Устюга-жъ съ посаду и съ монастырскихъ вотчинъ и со всего Устюжскаго уѣзду на ту-жъ малую сошку по 15 жъ рублевъ, будто онъ, Григорей, съ ямскими старосты зборными тѣми ямскими деньгами свои многіе заемные ямскихъ отпусковъ кабалы выкупалъ тысячи на полтретьи и болше, а у кого въ тѣ кобалы они такіе великіе деньги займовали и кабалы выкупали, а намъ сиротамъ твоимъ про то и по се число невѣдомо“. Р. И. Б., XII, стр. 486—487.

[2]) Д. А. И. X, 89, 98

[3]) Д. А. И. X, 18.

этимъ отъ уплаты ямскихъ денегъ въ казну. Этому мы имѣемъ прямыя свидѣтельства. [1]) Но за то, если собирались подводы въ большомъ количествѣ, напримѣръ, для перевозки ратныхъ запасовъ въ Сибирь или изъ Сибири, правительство платило за нихъ наемъ. Впрочемъ и тутъ, наемъ платился, быть можетъ, лишь въ случаѣ особыхъ жалобъ. [2])

[1]) Р. И. Б. XII, стр. 198, 1196—1197, 1442 и др.
[2]) А. Э. IV, 120.

VII.

Какъ намъ уже приходилось говорить, центральное ямское управленіе образовалось одновременно съ ямской гоньбой. Если мы правы, считая, что до великокняженія Іоанна III ямской гоньбы въ видѣ опредѣленной организаціи не было, то, очевидно, что до великаго князя Іоанна III не должно было быть и центральнаго ямского органа. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы уже говорили, что первоначально общее завѣдываніе ямской гоньбой входило въ вѣдомство казначеевъ. Дьяки, состоявшіе при казначеѣ, сначала, можно думать, всѣ, а потомъ, — нѣкоторые, которые такимъ образомъ спеціализировались, являлись исполнителями его распоряженій по ямскому дѣлу. [1]) Изъ того, что мы знаемъ объ этомъ періодѣ центральнаго ямского органа, можемъ выводить, что казначей и ямскіе дьяки вѣдали ямщиковъ, рѣшали дѣла по спорамъ между населеніемъ и ямщиками по поводу ямской гоньбы и сопряженныхъ съ ней для населенія обязанностей, утверждали выборы ямщиковъ, выдавали имъ на ямской расходъ деньги, считали ямщиковъ по загоннымъ книгамъ, посылали ямскихъ стройщиковъ и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы уже знаемъ, что ямскіе-же дьяки вели кормовыя книги и писали изъ нихъ росписи, по которымъ посламъ и посольскимъ людямъ давался кормъ. [2]) Ямскіе дьяки главнымъ образомъ лишь опредѣляли норму, но не произвольно, а соотвѣтственно прежнимъ записямъ, какъ которому послу и гонцу прежде давалось. [3])

---

[1]) См. стр. 77—82 дан. кн.

[2]) См. пр. 3 на стр. 80 дан. кн.

[3]) Наприм. „а кормъ ему велѣно давати съ яму изъ дворца своего, а писанъ кормъ у діаковъ, которые ямы вѣдаютъ“. Сб. Ист. Общ., т. LIX, стр. 43. „А что ему корму, и то писано у ямскихъ діаковъ“. Тамъ-же, стр. 214. „А кормъ посланнику давати по записи ямскихъ діаковъ“. Лихачевъ, Библіот. и арх. моск. госуд., стр. 57, примѣч. „А на кормъ имъ давати по ямской памяти“. Тамъ же, стр. 58, примѣч.

Какъ извѣстно уже изъ грамоты на Тотьму, казначей показанъ близкимъ къ ямскому дѣлу еще въ 1548 г. [1]) Подъ 1550 г. мы уже встрѣчаемъ упоминаніе о ямской избѣ: „чтобы у тебя тѣ прогонныя деньги по той выписи, какова тебѣ дана изъ ямскіе избы были всѣ собраны". [1]) Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что казначей къ этому времени былъ уже устраненъ отъ ямскихъ дѣлъ. Такъ, въ касимовской уставной грамотѣ отъ 1567 г. читаемъ: „а сужу ихъ (ямскихъ охотниковъ) язъ царь и великій князь, или наши казначеи, или кому будутъ приказаны ямскія дѣла судити." Въ той же грамотѣ читаемъ: „да тѣ свои отпуски (должны) присылать (воеводы, городовые приказчики и другія власти, если требуютъ ямскія подводы) къ дьякамъ въ ямскую избу для справки ямскихъ книгъ." [2]) Подъ 1574 г. находимъ уже наименованіе ямского центральнаго органа ямскимъ приказомъ: „а слободчика бы еси Гвоздя (ямского приказчика вокшерскаго яма) да старосту (ямского) Окулка въ шести рубляхъ и въ хлѣбѣ далъ на поруку и учинилъ срокъ стать на Москвѣ въ ямскомъ приказѣ". [3]) Между названіями „ямская изба" и „ямской приказъ", однако, никакого различія, видимо, не дѣлалось. Такъ, подъ 1578 г. встрѣчаемъ: „а роспись кормовая взяти ему у діаковъ въ ямской избѣ". [4]) Подъ 1579 г. встрѣчаемъ упоминаніе о ямскомъ приказѣ [5]), а подъ 1583 г. опять о ямской избѣ. [6])

Быть можетъ, ямская изба обособилась въ совершенно отдѣльное учрежденіе раньше конца 1579 г., что какъ будто вытекаетъ изъ грамоты на Гавриловскій ямъ ямскому сборщику, гдѣ читаемъ предписаніе взять у келаря Спасскаго монастыря списокъ съ грамоты и представить въ ямской приказъ къ дьякамъ Стахѣю Иванову и Меньшому Башеву. Здѣсь дьяки ямского приказа исполняютъ функцію, которую, какъ мы уже знаемъ, въ 1532 г. исполнялъ въ аналогичномъ-же случаѣ казначей [7]). Къ мысли, что такое

[1]) Цитируемъ по Библ. и арх. моск. госуд., Лихачева, стр. 57, примѣч
[2]) См. стр. 152 и 154 примѣч. дан. кн.
[3]) А. Сп. Мон., I, XLIII.
[4]) Библ. и арх. моск. госуд., Лихачева, стр. 58, примѣч.
[5]) А. Сп. М. I, L.
[6]) Библ. и арх. моск. госуд., Лихачева, стр. 58, примѣч.
[7]) А. С. М., I, L, ср. съ А. С. М., I, IX, Позже 1567 г. намъ уже не попадалось указаній на казначеевъ, какъ на лицъ, вѣдавшихъ

полное обособленіе произошло раньше 1579 г., насъ ведетъ еще то соображеніе, что, напримѣръ, въ 1574 г. въ цѣломъ рядѣ документовъ, касавшихся столь важнаго дѣла, какъ переустрой девяти новгородскихъ и ряда псковскихъ слободъ встрѣчаемъ упоминанія только о двухъ дьякахъ, вѣдавшихъ тогда ямской приказъ, но нигдѣ мы не встрѣтили никакого упоминанія о казначеяхъ [1]). Чтобы стать на такомъ предположеніи твердо, слѣдовало-бы еще показать, что казначеи въ это время уже и не судили по ямскимъ дѣламъ, но по этому вопросу мы вообще не нашли данныхъ.

Во всякомъ случаѣ, въ 1604 г. ямской приказъ упоминается уже въ источникахъ, какъ совершенно самостоятельное учрежденіе, находившееся въ вѣдѣніи отдѣльнаго спеціальнаго судьи и дьяка (вѣроятно, двухъ дьяковъ). Такъ, извѣстна грамота Бориса Годунова отъ 5 іюня 1604 г. окольничьему Михаилу Михайловичу Салтыкову и дьяку Сарычу Шестакову. Хотя въ грамотѣ не сказано, что она адресована въ ямской приказъ, но по содержанію она можетъ относиться только къ ямскому приказу: предписывается въ ней сдѣлать распоряженіе сборщикамъ по всѣмъ ямамъ, чтобы они готовили для Цесарева посла (Логау) по двѣсти подводъ на яму. Кромѣ того изъ другихъ источниковъ извѣстно, что дьяки Сарычъ Шестаковъ и Фирсъ Лазаревъ были дьяками ямского приказа въ 1606 г. [2])

Такимъ образомъ, вопросъ о времени, съ какого слѣдуетъ считать начало ямского приказа, разрѣшается различно, смотря по тому, что понимать подъ началомъ ямского приказа. Если понимать подъ нимъ только ту извѣстную дѣятельность, какую предназначенъ былъ осуществлять центральный ямской органъ, то ямской приказъ возникъ одно-

---

ямское дѣло. Отмѣтимъ также, что въ А. С. М., I, L ямской приказъ названъ „дворовымъ ямскимъ приказомъ", что объясняется тѣмъ, что актъ относится къ Ярославлю, который былъ тогда въ опричнинѣ. Дьякъ Стахѣй Ивановъ нѣсколько раньше (въ маѣ 1579 г., а грамота Спаск. Мон. относится къ декабрю) былъ дьякомъ „двороваго разряда" (А. Э., I, 302). О значеніи названія „дворовый приказъ" см. Платоновъ. Очерки по исторіи смуты, изд. 1899 г., стр. 153—155.

[1]) Имп. Библ. Новгор. устр. кн. Q. IV, 260, напр. Л. Л. 329, 372, 405 и др.

[2]) Пам. Дипл. Сн., II, стр. 899. О дьякахъ Сарычѣ Шестаковѣ и Фирсѣ Лазаревѣ см. Имп. Публ. Библ., Q. IV, 260, л. 26, 53 и др.

временно съ ямской гоньбой. Первое упоминаніе о ямскихъ дьякахъ, какъ уже приходилось говорить, намъ извѣстно отъ 1490 г. [1]) Слѣдовательно, уже тогда было и центральное ямское управленіе [2]). Если понимать подъ ямскимъ приказомъ болѣе или менѣе спеціализировавшееся учрежденіе, хотя бы еще продолжавшее оставаться въ вѣдѣніи казначеевъ, то, во всякомъ случаѣ, мы встрѣчаемся съ нимъ уже въ 1550 г. Если, наконецъ, понимать подъ ямскимъ приказомъ полное обособленіе ямского центральнаго органа отъ вѣдомства казначеевъ, то съ такимъ учрежденіемъ мы не должны встрѣтиться раньше 1567 г., т. е. года изданія касимовской грамоты. Думаемъ, что обособленіе произошло между концомъ 60-хъ и концомъ 70-хъ годовъ. [3])

---

[1]) Запис. кн. явлен. Алябьеву, изд. Лаппо-Данилевскаго, № 353.

[2]) О томъ, что ямскіе дьяки конца 15 вѣка и ямскіе дьяки 16 вѣка вплоть до того времени, когда они уже обозначаются сидящими въ ямской избѣ или приказѣ, представляютъ одну и ту-же должность, достаточно писалъ уже Лихачевъ, Библ. арх. моск. госуд., стр. 57—58 примѣч. Путемъ ряда выписокъ за 1503—1583 годы онъ наглядно показалъ тождественность функцій. Намъ уже приходилось показать это и на участіи ямскихъ дьяковъ въ писаніи полныхъ и докладныхъ грамотъ. Стр. 77—80 дан. кн.

[3]) Въ литературѣ этотъ вопросъ рѣшается различно. Миллеръ былъ такого мнѣнія, что ямской приказъ образовался или при Борисѣ Годуновѣ, когда онъ воцарился самостоятельно, или при Θеодорѣ Іоанновичѣ, когда Борисъ Годуновъ былъ правителемъ. (Др. Вивліоθика, изд. 2, т. XX, стр. 413). Первое упоминаніе о ямскомъ приказѣ было ему извѣстно только отъ 1618-1619 г.г. (ц. с., стр. 416). Успенскій ссылался на какое-то извѣстіе отъ 1516 г. (Опытъ пов. о русск. древн., изд. 2-е, стр. 300). (Лихачевъ высказалъ предположеніе, что извѣстіе, на которое ссылался Успенскій, есть указаніе на ямскихъ дьяковъ Данилу Клобукова и Юрья Лелечина, подписывавшихъ полныя при намѣстникахъ Плотовѣ Даниловѣ и Ромодановскомъ-Телеляшѣ. Извѣстіе это Лихачевъ привелъ въ трехъ спискахъ. Разрядн. дьяки, стр. 51—52). Карамзинъ, относя учрежденіе ямского приказа къ Іоанну III, привелъ указаніе на ямскую избу отъ 1578 г. (Ист., т. IX, стр. 114, примѣч. 516). Гр. Толстой сослался на А. И. П., 355. т. е. на записку о царскомъ дворѣ и приказахъ отъ 1610—1613 г.г., какъ на первое извѣстное ему упоминаніе о ямскомъ приказѣ (Ист. фин. учр. древ. Россіи стр. 54). Въ предѣлахъ этихъ данныхъ рѣшали вопросъ Сергѣевъ, Домбровскій, Руфъ Иванъ, Неизвѣстный авторъ въ „Прибавл. къ общ. цирк.“, Бржозовскій, Шпилевскій. Хрущовъ, ц. с., стр. 11, склоненъ думать, что ямской приказъ учрежденъ Михаиломъ Θеодоровичемъ. Бѣляевъ опредѣленно отнесъ ямской приказъ ко времени Іоанна IV.

Изъ тѣхъ сравнительно весьма немногихъ данныхъ, которыми мы могли располагать о дѣятельности ямского приказа до воцаренія Михаила Θеодоровича, можно сдѣлать лишь слѣдующіе выводы. Къ числу обязанностей ямского приказа принадлежали: всѣ заботы по устройству ямовъ; слѣдовательно, ямской приказъ посылалъ предписанія областнымъ властямъ, велъ съ ними дальнѣйшую переписку, иногда посылалъ своихъ стройщиковъ, выдавалъ подорожныя, усчитывалъ ямскихъ охотниковъ по загоннымъ книгамъ, разсматривалъ челобитныя ямскихъ охотниковъ, судилъ слобожанъ со сторонними людьми и стороннихъ людей съ слобожанами [1]). Мѣстными органами ямского приказа были всякіе областные власти, подобно тому какъ вообще всѣхъ московскихъ приказовъ; спеціальными мѣстными органами были ямскіе приказчики [2]). Иногда ямской при-

(Лекц. по ист. русск. законод., стр. 502). Соловьевъ былъ склоненъ относить основаніе приказовъ вообще ко времени послѣ Іоанна III; въ томъ числѣ, вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду и ямской приказъ (Ист., I, стр. 1520—1521, 1681). Владимірскій-Будановъ указываетъ на то, что ямской приказъ упоминается съ 1516 г. (Обзоръ, стр. 208). Лихачевъ считаетъ временемъ появленія ямского приказа время, съ котораго упоминается о ямскихъ дьякахъ (Разр. дьяки, стр. 49—55; Библіот. и арх. Моск госуд., стр. 56—58). Ивановъ (Описан. госуд. арх. стар. дѣлъ стр. 74—75) считалъ, что учрежденіе этого приказа теряется въ самой глубокой древности; первая ссылка на приказъ, извѣстная автору, относится къ 1566 г. Пановъ не могъ сказать ничего положительнаго о времени учрежденія ямского приказа, зная лишь, что онъ упоминается съ 1610 г. (Московск. приказы, Моск. Вѣд., 1855 г., № 82, стр. 332). Неволинъ сослался на Успенскаго и Карамзина (Образ. управл., Полн. собр. соч., VI, стр. 167). Дмитріевъ думалъ, что ямской приказъ выдѣлился изъ земскаго (Ист. Судебн. инстанц., стр. 124). Ключевскій указалъ, что уже въ 1536 г. говорится о дьякахъ въ Москвѣ, которые ямы вѣдали (Боярск. дума, изд. 2 стр. 279). Иловайскій считаетъ, что ямской приказъ, повидимому, учрежденъ при Іоаннѣ III. (Ист. Рос. т. III. стр. 443).

1) Новг. устройн. кн.; А. С. М., I, XXXIX, XLIII, XLIV, XLVII, L; Касим. грамота; Пам. Дипл. Сн., X, стр. 474 и др.

2) Напримѣръ, при проѣздѣ папскаго посла Александра Комулея въ 1597 г. можайскій губной староста и городовой приказчикъ писали: „присло къ намъ холопемъ твоимъ твоя... грамота изъ Емского приказу, за приписью твоего Государева дьяка Захарья Свиязова, а велѣно намъ холопемъ твоимъ съ Можайска съ посаду и съ Можайсково уѣзду посоха собрати и мосты мостити по болшой по Смоленской дороги съ Иваномъ Зачесловскимъ вмѣстѣ за одинъ, да намъ-же холопемъ, холо-

казъ посылалъ еще на мѣста спеціальныхъ ямскихъ сборщиковъ, ямского приказа посланниковъ и т. п., которые иногда исполняли обязанности ямскихъ стройщиковъ, иногда какъ будто были какой-то властью надъ ямскими приказчиками [1]). Денегъ ямской приказъ въ это время еще не собиралъ [2]). Вѣроятно, необходимыя ему на расходъ денежныя суммы онъ получалъ изъ приказовъ, вѣдавшихъ доходы [3]). Отмѣтимъ также, что между 1583 и 1595 г.г. веденіе кормовыхъ книгъ, видимо, было передано изъ ямского приказа въ посольскій. По крайней мѣрѣ, подъ 1581 г. читаемъ: „давати велети послу кормъ по московской выписи, какова ему дана изъ ямской избы", подъ 1583 г. читаемъ: а за кормы... велѣти крестьянамъ платити денги по ямской по меншей росписи, какова съ ними послана изъ ямской избы", но подъ 1595 г. уже читаемъ: „по указной росписи, за приписью государева печатника и посольскаго діака Василья Яковлича Щелкалова давалъ послу корму" [4]). Съ тѣхъ поръ указанія на кормовыя росписи, данныя изъ посольскаго приказа, встрѣчаемъ безпрестанно [5]). Это обстоятельство можетъ имѣть то значеніе, что до извѣстной степени знаменуетъ постепенную спеціализацію ямского приказа

Изъ перечисленныхъ функцій ямского приказа нѣкоторыя,

немъ твоимъ приказана церковное каменное дѣла, да намъ-же Государь приказана посольской кормъ и питье готовити, и изъ иныхъ приказовъ многія твои государевы дѣла намъ холопемъ твоимъ приказаны". Пам. Дипл. Сн., X, стр. 474. О томъ, что ямскіе приказчики находились въ непосредственномъ вѣдѣніи ямскихъ приказовъ, см. выше цитир. грам. Спас. Мон., также—касим. грамоту.

[1]) Напримѣръ, присланникъ Зачесловскій въ П. Д. Сн., X, стр. 474; сборщикъ Третьякъ Окорокъ на Гавриловскомъ яму, А. С. М., I, L; стройщикъ вокшерскаго яма Леонтій Дмитріевъ, которому предписывается поставить на судъ въ ямскомъ приказѣ ямского приказчика (слободчика), А. С. М., I, XLIII; въ указѣ 1604 г. говорится о сборщикахъ по всей ямской дорогѣ, по которой долженъ былъ итти посолъ, Пам. Дипл. Сн., II, стр. 899.

[2]) Объ этомъ мы уже подробно говорили выше. Стр. 233 236 дан. кн.

[3]) Главнымъ образомъ, вѣроятно, изъ Большого Прихода. Ср. Середонинъ, ц. с., стр. 398 и сл.

[4]) Пам. Дипл. Снош., X, стр. 43; Лихачевъ, Библ. и арх. моск. госуд., стр. 58, примѣч.; Пам. Дипл. Сн., X, стр. 417.

[5]) Напримѣръ, П. Д. Сн., X, стр. 451, П. Д. Сн., II, стр. 396, 416, 422, 790, 907 и др.

однако, осуществлялись иногда и другими приказами. Такъ, извѣстна грамота, предписывающая новгородскимъ дьякамъ въ 1556 г. счесть новгородскихъ девяти ямовъ ямщиковъ, подписанная дьякомъ Андреемъ Васильевымъ, который въ это время, какъ можно предполагать, былъ разряднымъ дьякомъ, но, во всякомъ случаѣ, не былъ дьякомъ ямского приказа [1]). Извѣстенъ случай пожалованья ямскимъ въ Новгородѣ. Случай относится къ 1556 г.; грамота была послана за приписью дьяка Ивана Выродкова, который также, во всякомъ случаѣ, не былъ дьякомъ ямского приказа [2]). Подорожныя выдавались не только ямскимъ приказомъ, но и другими приказами [3]). Въ случаѣ споровъ между населеніемъ сосѣднихъ мѣстностей, подмогавшихъ другъ другу въ ямской мірской гоньбѣ, рѣшались дѣла также не въ ямскомъ приказѣ. Такъ, споръ между яренчанами въ 1582 г. рѣшали бояре князь Ѳедоръ Михайловичъ Трубецкой съ товарищами, а грамоту подписалъ дьякъ Тимофей Ѳедоровъ, который въ это время былъ дьякомъ Большого Прихода [4]). Въ 1578 г. по этому же дѣлу была послана грамота за приписью дьяка Андрея Арцыбашева, который былъ тогда дьякомъ Большого Прихода, вмѣстѣ съ Ѳедоровымъ [5]). Попадали ли вообще такія дѣла на разсмотрѣніе ямского приказа, мы не знаемъ. По ходу вещей слѣдуетъ, кажется, предположить, что ямской приказъ не касался мірской гоньбы.

---

[1]) Д. А. И., I, 104. О дьякѣ Андреѣ Васильевѣ мы судимъ, главнымъ образомъ, по группѣ актовъ въ Доп. Акт. Истор., т. I, гдѣ подпись Андрея Васильева находимъ исключительно подъ дѣлами, какими вѣдалъ Разрядъ. Напр., №№ 26, 47, I, 51, I, XIV, XV, XVII, 58, 67, 80 и т. д. Ср. Лихачевъ, Разряд. дьяки, стр. 279—280

[2]) Д. А. И., I, 105. О томъ, что Иванъ Выродковъ не былъ ямскимъ дьякомъ, можно судить по вышеуказанной группѣ грамотъ. Напр. №№ 47, III, 102, 109 и т. д. Ср. Лихачевъ, ц. с., стр. 281—284.

[3]) Напр., подорожная отъ 1561 г., Чт. О. И. Д., 1847—1848 г., кн 4; подорожн. въ Пам. Дипл. Снош. томы I, II, X; въ Сборн. Ист. Общ., т. 71; въ пачкѣ подорожныхъ въ Арх. М. Н. Д., Н. Д. С. Л. св. 3, № 1, 1606 г. Видимо, какой приказъ посылалъ, тотъ и выдавалъ подорожныя.

[4]) А. М. Н. Д. Н. Д. С. Л., св. I, № 1 1582 г. О дьякѣ Тимофеѣ Ѳедоровѣ находимъ въ А. Э. I, 312, гдѣ онъ показанъ дьякомъ Дворцоваго Четвертнаго приказа. Также для 1581 г. въ Д. А. И. I, 255 (Дворовый Большой Приходъ) и др.

[5]) Объ Арцыбашевѣ въ А. Э. I, 299 (по Двинскому уѣзду, вѣдомства Большого Прихода).

(Въ 17 вѣкѣ навѣрное не касался). Его назначеніе сводилось къ завѣдыванію стройной гоньбой Но рядомъ - отъ 1579 г. мы знаемъ грамоту въ Ярославль сборщику, по которой этотъ послѣдній не долженъ былъ брать съ вотчины Спасскаго монастыря лишнихъ охотниковъ къ Москвѣ на житье; грамота была послана за приписью дьяка Степана Лихачева. [1]) Въ этомъ году дьяками ямского приказа были Стахѣй Ивановъ и Меньшой Башевъ [2]) Это еще, можетъ быть, ничего бы не доказывало, если бы изъ другихъ источниковъ не было извѣстно, что Степанъ Лихачевъ въ 1579 г. былъ дьякомъ Большого Прихода. [3])

Такимъ образомъ, и въ предѣлахъ стройной ямской гоньбы мы замѣчаемъ иногда воздѣйствіе со стороны другихъ центральныхъ органовъ, мимо ямского приказа. Но отсутствіе матерьяла, которое дѣлаетъ для насъ невозможнымъ уловить всѣ нити административныхъ распорядковъ того времени, не даетъ еще права утверждать, что мы имѣемъ дѣло съ административнымъ хаосомъ. Нѣкоторой иллюстраціей въ этомъ смыслѣ можетъ служить рядъ документовъ о заготовленіи дорожныхъ кормовъ и о денежныхъ выдачахъ царевичу Кайбулѣ и другимъ воеводамъ, по случаю похода ихъ черезъ Новгородскую область къ шведскому рубежу. Документы относятся къ концу 1555 г. Грамоты о заготовленіи на ямахъ кормовъ для людей и лошадей шли изъ ямской избы; грамоты о деньгахъ, данныхъ изъ Москвы на этотъ кормъ, а также о томъ, чтобы кормовщикамъ давались деньги изъ Новгородской казны, шли изъ финансоваго приказа (вѣроятно, изъ Большого дворца) [4]).

---

[1]) А. Сп. Мон., I, XLIX.

[2]) А. Сп. Мон., I, L. У арх. Досиѳея, Опис. Соловецкаго Мон., III, стр. 33, читаемъ: „въ дворцовой разрядъ къ околничему нашему къ Стахѣю Иванову". Показаніе относится къ маю 1589 г. Въ грамотѣ Спасскому Мон. Стахѣй Ивановъ названъ дьякомъ ямского приказа. Грамота датирована 12 декабремъ 1579 г. Какъ примирить эти два показанія, мы не знаемъ.

[3]) Лихачевъ, Разряд. дьяки. Указатель, стр. 46, утверждаетъ это, ссылаясь на извѣстные ему документы Археографич. комиссіи.

[4]) Д. А. И., I, 70, I - V. Отмѣтимъ, кстати, что подъ третьимъ изъ этихъ пяти документовъ, технически ямского содержанія, находимъ подпись дьяка Путилы Нечаева. Лихачевъ, Разр. дьяки, стр. 262 265, высказываетъ увѣренность, что Путила Нечаевъ (Михайловъ) былъ въ

Распредѣленіе функцій мы видимъ и въ дѣлахъ о проѣздѣ пословъ: грамоты о подводахъ, о починкѣ дорогъ, о заготовленіи кормовъ шли, сколько мы знаемъ, изъ ямского приказа [1]). Можно думать, что на эту сторону ямского дѣла, такъ сказать - техническую, не посягало никакое другое учреждение. Съ ямскимъ приказомъ сталкивались другіе приказы, вѣроятно, главнымъ образомъ, въ вопросахъ о нарушеніяхъ ямскими стройщиками, сборщиками и приказчиками спеціальныхъ привиллегій отдѣльныхъ лицъ, учрежденій и мѣстностей. Такія-же столкновенія должны были имѣть мѣсто и въ дѣлахъ судныхъ. Хотя уставныя грамоты опредѣляли ямскихъ охотниковъ подсудными ямскому судьѣ (казначею, а потомъ—ямскому приказу), но едва-ли удавалось провести этотъ принципъ въ его полнотѣ. Впрочемъ, мы дѣлаемъ это предположеніе исключительно на основаніи практики нѣсколько позднѣйшаго времени; опредѣленныхъ данныхъ для конца 16 вѣка у насъ нѣтъ.

Выше мы сказали, что ямской приказъ въ это время не касался финансовой стороны ямского дѣла. Но прогоны, доправляемые на виновныхъ въ ослушаніи, шли въ ямской приказъ. Во всѣхъ ли случаяхъ или только въ какой-либо категоріи случаевъ—неизвѣстно. Такъ, въ 1550 г. сытникъ Мартыновъ, по приказу дворецкаго, долженъ былъ доправить прогоны на ослушникакъ по выписи, данной изъ ям-

---

это время дьякомъ помѣстнаго приказа. Доводы автора таковы: за семь мѣсяцевъ этотъ дьякъ подписалъ семьдесятъ грамотъ, которыя всѣ безъ исключенія касаются помѣстьевъ и землевладѣнія; въ одномъ вотчинномъ дѣлѣ отъ 1559 г. дьякъ прямо обозначенъ дьякомъ помѣстной избы. Но грамота, на которую мы ссылаемся, относится къ 1555 г. и касается технически ямского вопроса. Въ грамотѣ-же находимъ указаніе: „писали есьма къ вамъ напередъ сего и неодинова". Грамота помѣчена 2 декабремъ, а грамота отъ 25 ноября, аналогичнаго-же содержанія, подписана Иваномъ Матцевымъ, о которомъ (Д. А. И., I, 51, XIII) мы навѣрное знаемъ, что онъ былъ дьякомъ ямской избы и именно въ это время. Такимъ образомъ, или мы имѣемъ тутъ дѣло съ мало объяснимымъ вмѣшательствомъ помѣстной избы въ кругъ вѣдомства ямской избы, или-же мы должны предположить, что Путила Нечаевъ одновременно былъ и дьякомъ ямской избы. Послѣднее предположеніе кажется болѣе вѣроятнымъ.

[1]) Напр., П. Д. Сн., II, стр. 899, X, стр. 474.

ской избы. Въ 1556 г. въ ямскую избу были внесены прогоны, взысканные въ Новгородѣ [1].

Подъ 1610—1613 г.г. ямской приказъ опредѣляется какъ учрежденіе, „гдѣ устраиваютъ ямы для гонцовъ по городамъ; а на ямахъ, гдѣ Государь пошлетъ, вездѣ бъ были переменные лошади, а прогоны емлютъ изъ Большого приходу.“ [2]) По словамъ Олеарія, ямской приказъ вѣдалъ всѣхъ царскихъ ямщиковъ, выдавалъ подорожныя и соотвѣтственно послѣднимъ—прогоны. [3]) Котошихинъ опредѣлилъ ямской приказъ, какъ приказъ который вѣдалъ всѣхъ московскаго государства ямщиковъ, давалъ имъ жалованье и выдавалъ прогоны; онъ-же собиралъ ямскія деньги. [4]) Рейтенфельсъ опредѣлилъ ямской приказъ, какъ учрежденіе, которое отправляетъ по приказанію Царя извощиковъ и гонцовъ, куда нужно, безъ малѣйшаго промедленія. [5]) Ближайшее разсмотрѣніе документовъ, свидѣтельствующихъ о дѣятельности ямского приказа въ 17 в., позволяетъ намъ различать слѣдующія его функціи: 1) ямской приказъ заботился объ устроеніи ямскихъ слободъ, 2) собиралъ большія ямскія деньги, 3) велъ счетъ ямскому расходу, т. е. жалованью, платимому ямскимъ охотникамъ и прогонамъ, выдаваемымъ по подорожнымъ, 4) выдавалъ подорожныя, 5) судилъ ямскихъ охотниковъ во всѣхъ дѣлахъ.

Какъ мы уже знаемъ, слободы строились обыкновенно мѣстной властью или спеціально присланными изъ Москвы стройщиками. Наказъ объ устроеніи слободы исходилъ отъ ямского приказа. Такъ, когда переустраивалась слобода въ Пронскѣ въ 1612 г., наказъ шелъ изъ ямского приказа; вся переписка при построеніи нижегородскаго яма, курмышскаго яма, воронежскаго яма, угличскаго яма и т. д. велась съ ямскимъ приказомъ. [6]) Но рядомъ съ этимъ можно установить,

---

[1]) Лихачевъ, Библ. и арх., стр. 57, примѣч., Д. А. И., I, 51, XIII.

[2]) А. И., II 355.

[3]) Олеарій, ц. пер., стр. 290—291.

[4]) Котошихинъ, стр. 91.

[5]) Пер. Тарнава-Боричевскаго, Ж. М. Н. Пр., ч. XXIII, стр. 34.

[6]) Акты Ряз. Кр., № 22, Опис. Щук. Муз., III, стр 115—116, Акты Воз. Печерск. мон., стр. 52 53, А. Ворон. (Второва), II, стр. 2—4, Угличск. Акты, стр. 22. Въ этомъ актѣ нѣтъ приписи дьяка, но упомянутъ подъячій Микитка Злобинъ, который въ этомъ году (1617) былъ подъячимъ ямского приказа. (Дѣло въ рукописяхъ И. А. Вахромѣева).

что сибирскіе ямы строились по грамотамъ изъ казанскаго дворца, а впослѣдствіи изъ сибирскаго приказа. [1]) Пермскій ямъ строился по грамотамъ изъ Новгородской чети. [2]) Псковскій ямъ при всѣхъ его переустрояхъ вплоть до 1667 г., строился по грамотамъ изъ Новгородской чети. [3]) Полоцкій ямъ строился по грамотамъ изъ приказа великаго княжества литовскаго. [4])

Ямскія деньги собирались различнымъ порядкомъ: до конца 20-хъ годовъ и нѣсколько, быть можетъ, позже, на мѣста посылались особые ямскіе сборщики; иногда это были недѣльщики ямского приказа, иногда—ямскіе пристава; иногда ямской приказъ поручалъ сборъ ямскому приказчику главной мѣстной слободы [5]) Но и тогда уже этотъ порядокъ не являлся общимъ: порученіе собирать ямскія деньги давалось и областной власти [6]). Начиная съ 30-хъ годовъ, хотя, можетъ быть, и тогда посылались изъ ямского приказа особые сборщики, обыкновенно не только надзоръ за сборомъ, но и самый сборъ ввѣрялся воеводамъ. Въ послѣдней четверти вѣка, если опять таки не вездѣ, то во многихъ городахъ, ямскія деньги по памятямъ изъ ямского приказа собирали исключительно воеводы. Такъ, въ указѣ отъ 1688 г. находимъ ссылку на переписку между стрѣлецкимъ и ямскимъ приказомъ отъ 1683 г., гдѣ читаемъ: „которые воеводы въ городахъ денежныхъ доходовъ на указные сроки не сберутъ и къ Москвѣ сполна не пришлютъ, тѣ деньги велѣно править на нихъ, воеводахъ.“ [7]) Какъ

---

[1]) Изъ Казанскаго дворца—1600 г. (ямъ въ Епанчинѣ) - Р. И. Б., II, 47, А. И., II, 45, III, 78, 86, 106; изъ Сибирскаго приказа—1643 г.—А. И., III, 222, 234; IV, 22, 23; V, I; Д. А. И., IV, 89.

[2]) А. Э., II, 54, 78.

[3]) Р. И. Б., II, 178, А. Э., III, 158, А. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 153 № 91, 1642—1677 г.г.

[4]) П. С. З., I, 223.

[5]) А. Э. III, 97, 101, 116, 121; Д. А. И., II, 49; Ак. Вози. Печ. Мон., стр. 52.

[6]) Наприм., для 1624 г. А. Углич., стр. 152.

[7]) П. С. З., II, 1309. Этотъ переходъ можно отчетливо видѣть при разсмотрѣніи отписокъ по одному помѣстью. Пользуемся коллекціей отписокъ въ Оп. Далмат. Арх., № 962: до 1632 г. деньги сбирали или особые сборщики, или по наказу воеводы приказные или выборные цѣловальники; послѣ этого года до конца вѣка исключительно воевода и его приказные. Ср. А. Ю., 214, IX—XII.

мы знаемъ, общій порядокъ долженъ былъ значительно нарушаться еще и тѣмъ, что многіе получали право доставлять деньги непосредственно въ ямской приказъ. [1])

Жалованье охотникамъ, какъ мы уже знаемъ, обыкновенно платилось на мѣстѣ изъ собранныхъ ямскихъ денегъ; жалованье, однако, платилось и изъ случайныхъ суммъ (напримѣръ, въ Вологдѣ въ 1636 г. заплатили жалованье охотникамъ изъ денегъ, оставшихся отъ раздачи стрѣльцамъ) [2]). Вмѣстѣ съ тѣмъ была и другая практика: жалованье платилось въ самомъ ямскомъ приказѣ. Это можно видѣть изъ довольно извѣстной въ литературѣ челобитной ямского подъячаго Григорія Всполохова: „и послѣ, государь, того велено намъ подъячимъ деньги наличные, у кого что въ пріемѣ есть, роздать московскимъ и городовымъ ямщикомъ въ твое великаго государя годовое жалованье, изъ приказу не выходя, тотчасъ, и сняты были съ насъ однорядки, чтобъ роздать изъ приказу не выходя... И я холопъ твой, взявъ тое его съ денгами коробку, сорвавъ печать его, и учалъ не разсмотря ямщикамъ отдавать съ руки на руку“. [3]) Этотъ порядокъ, по которому жалованье давалось въ Москвѣ въ приказѣ, козьмодемьянскіе охотники въ уже извѣстной намъ челобитной назвали „московской волокитой“. [4]) Въ иныхъ, наконецъ, мѣстахъ, какъ объ этомъ мы уже говорили, жалованье давалось изъ спеціальнаго дополнительнаго ямского сбора съ населенія—напр., въ Новгородѣ, въ Полоцкѣ, Астрахани, Смоленскѣ и т. д. [5]) Къ концу вѣка произошло, повидимому, значительное объединеніе практики, и вся дѣятельность по уплатѣ жалованья ямщикамъ сосредоточилась въ ямскомъ приказѣ. [6])

---

[1]) См. стр. 236 - 238 дан. кн.

[2]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 88, № 17, 1636 г.

[3]) Челобитная Григорія Всполохова, дьяка (дьякомъ онъ не былъ; онъ—подъячій) ямского приказа, роскошное изданіе Общества любит. древн. письмен., по печатному тексту—строки 507—523.

[4]) Каз. Губ. Вѣд., 1856 г. № 13.

[5]) См. стр. 218 дан. кн.

[6]) Д. А. И. VIII, 66; XII, 31; Каз. Губ. Вѣд., 1856 г. № 13. Милюковъ, Госуд. хоз. Россіи, стр. 87, говоритъ: „ямскія и полоняничныя, послѣ сліянія въ 1679 г, были также переданы сборомъ изъ Четей въ ямской приказъ. Эти слова, вѣроятно, слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, что и полоняничныя деньги были послѣ 1679 г. переданы въ

До семидесятыхъ годовъ 17 вѣка при отправкѣ кого-либо изъ Москвы прогоны обыкновенно выдавались изъ ямского приказа. Если, напримѣръ, кто-либо получалъ право требовать ямскія подводы безъ прогоновъ, то все таки тѣ подводы, на которыхъ эти лица пріѣзжали въ Москву, записывались для счета въ ямскомъ приказѣ. При посылкахъ порядокъ обыкновенно былъ таковъ: посылавшій приказъ давалъ подорожную или самъ, или посылалъ за подорожной въ ямской приказъ, но о прогонахъ давалъ память въ ямской приказъ. Если подводъ нужно было много, то все дѣло о посылкѣ рѣшалось уже въ ямскомъ приказѣ. Если ямской приказъ не за долго передъ этимъ давалъ по какому-нибудь случаю деньги въ другой приказъ (иногда—въ долгъ), то, ссылаясь на это, онъ могъ ходатайствовать, чтобы отпускъ былъ отпущенъ на суммы этого другого приказа. Тогда дѣлался докладъ и по докладу исполнялось рѣшеніе. Если въ ямскомъ приказѣ вообще не было суммъ, онъ отписывался, и тогда прогоны давались изъ пославшаго приказа. [1]) Къ началу семидесятыхъ годовъ порядокъ былъ круто измѣненъ. По крайней мѣрѣ, въ одной грамотѣ читаемъ: „въ прошломъ въ 180 году указали мы, великій государь, изъ котораго приказу съ Москвы въ городы и куды пригоже будутъ посланы для нашихъ великаго

ямской приказъ; ямскія-же деньги и раньше не собирались въ Четяхъ. Если, можетъ быть, и имѣются въ этомъ смыслѣ какія-либо отдѣльныя указанія, то, въ виду огромнаго числа прямыхъ свидѣтельствъ, которыя не оставляютъ сомнѣнія, что ямскія деньги собирались въ ямской приказъ, а не въ Чети, едва-ли такимъ отдѣльнымъ указаніямъ слѣдуетъ придавать значеніе. Лаппо-Данилевскій, ц. с. на стр. 457, говоря, что въ Галицкую четь поступали ямскія деньги, сослался на А. Э., III, 100 и 101. Но въ обоихъ документахъ мы прямо читаемъ: „да тѣ-же, Государь, посадскіе люди (на которыхъ по памяти изъ Галицкой чети нужно было собрать разные сборы для отправки въ Четь) стоятъ на другомъ правежѣ, ямского приказу у недѣльщика у Микиты Стогова въ ямскихъ деньгахъ“. Или: „да изъ ямского приказу недѣльщикъ правитъ Микита Стоговъ на нихъ-же ямскихъ денегъ“. Интересно, между прочимъ, сравнить съ П. С. З., II, 1251. Изъ доклада мы видимъ, что послѣ 1680 г. ямскія деньги съ дворцовыхъ селъ сталъ собирать приказъ Большого дворца, хотя раньше и съ дворцовыхъ селъ собиралъ ямской приказъ. Резолюція была положена слѣдующая: ямскія и полоняничныя деньги и съ дворцовыхъ селъ сбирать въ ямской приказъ

[1]) П. С. З., I, 18; А. Ю. 364, 1; Р. И. Б., XI, стр. 366 и мн. др

государя дѣлъ, всякихъ чиновъ люди и скорые гонцы и всякая наша великаго государя казна на ямскихъ подводахъ, и на тѣ подводы прогонные деньги до тѣхъ мѣстъ, кто куды съ чѣмъ посланъ будетъ, и назадъ до Москвы, давать на Москвѣ изо всѣхъ приказовъ, кто откуды посланъ будетъ". Этимъ-же указомъ устанавливалось, что только приказъ „сбора ямскихъ денегъ" не долженъ былъ давать прогоновъ. Другими словами: опредѣлялась практика прямо противоположная той, какая была раньше. [1]) Есть основаніе думать, что такое измѣненіе практики произошло не сразу, а лишь заключило рядъ предъидущихъ мѣръ. Такъ, напримѣръ, нѣсколько раньше, въ августѣ 1671 г., было приказано гонцамъ и всякихъ чиновъ людямъ, посылаемымъ изъ Разряда, а также и въ случаѣ посылки казны изъ Разряда, давать прогоны изъ Разряда. [2]) Мотивъ этихъ распоряженій высказанъ въ цитируемомъ-же указѣ: „для того что въ ямскомъ приказѣ многія ямскія деньги отъ раззоренья воровскихъ казаковъ въ недоборѣ, въ прогоны давать нечего, и ямщики отъ того оскудали и многіе разбрелись". Трудно рѣшить насколько эти мѣры могли имѣть общее, а не временное только значеніе. Во всякомъ случаѣ, вскорѣ послѣ того ямской приказъ опять расходовалъ на прогоны. Это видно изъ того, что по росписи 1680 года ямщикамъ на жалованье и на прогоны было истрачено 35,481 р. 24 алт. ½ д., между тѣмъ мы знаемъ, что на жалованье ямщикамъ по окладамъ въ 1687 г. давалось всего 29,320 рублей; слѣдовательно, какъ не приблизителенъ этотъ разсчетъ, очевидно, что извѣстная часть расходовъ шла на прогоны [3]).

Кромѣ ямскихъ денегъ въ ямскомъ приказѣ въ разное время сбирались и нѣкоторые чрезвычайные сборы. Такъ, въ 1678—1679 г.г. приказъ собиралъ даточнымъ людямъ на кормъ по рублю съ двора, полтинный сборъ и десятую деньгу, въ 1680 г.—полуполтинный сборъ, полтинный и десятую деньгу [4]). Этими сборами, конечно, значительно воз-

---

[1]) Д. А. И., VI, 77.

[2]) П. С. З., I, 498.

[3]) Выводимъ по сравненію Росписи, въ Прилож. къ труду Милюкова Гос. Хоз., стр. 12 съ П. С. З., II, 1251, стр. 862.

[4]) Д. А. И., VIII, 49, II; Д. А. И., VIII, 28, IX, XI; Д. А. И. IX, 68; Р. И. Б. XI, стр. 348. Сборы такого рода обыкновенно сбирались въ при-

вышался доходный списокъ приказа, такъ что, напримѣръ, въ 1680 г. при предположенномъ поступленіи собственно ямскихъ денегъ въ суммѣ 29,815 рублей (съ полоняничными), при дѣйствительномъ поступленіи въ суммѣ 25,309 р. и при полученіи недоимки прежнихъ лѣтъ въ суммѣ 935 р. 12 алт. 1 д. общій итогъ доходовъ приказа равнялся 236,924 р. 26 алт. 2½ д. Но деньги эти сейчасъ-же передавались въ соотвѣтствующіе приказы, такъ что ямской приказъ по отношенію къ этимъ суммамъ, неимѣвшимъ прямого отношенія къ его спеціальности, игралъ лишь роль сборщика. Впрочемъ, изъ этихъ-же суммъ приказъ, пользуясь случаемъ, покрывалъ и свой дефицитъ. Такъ, въ томъ-же году при собственномъ расходѣ въ 35720 р. 24 алт. ½ д., онъ располагалъ ямскими и полоняничными лишь въ суммѣ 26,244 р. 12 алт. 1 д. [1]).

О томъ, какъ ямскія деньги привозились въ ямской приказъ, какъ хранились, какъ записывались и расходовались, мы узнаемъ почти съ исчерпывающей полнотой изъ уже цитированной челобитной подъячаго ямского приказа Григорія Всполохова. Вотъ разсказъ этого подъячаго. Въ мартѣ 1671 г. отъ воеводы изъ Нижняго Новгорода по общей отпискѣ привезъ въ приказъ триста рублей ямскихъ денегъ съ Нижняго съ посада посадскій человѣкъ, а съ уѣзда подъячій. Придя въ приказъ съ нѣсколькими коробьями денегъ, они подали отписку и деньги дьяку. Дьякъ отмѣтилъ на отпискѣ резолюцію: деньги принять, записать въ приходъ, а о недосланныхъ деньгахъ послать къ воеводѣ грамоту, чтобы онъ не медлилъ съ присылкой остальныхъ денегъ. Подъячій принялъ отписку, а деньги поставилъ въ „денежную казенку". Въ силу приказнаго распорядка подъячій долженъ былъ „получить деньги съ руки на руку, осмотря въ коробьяхъ на лицо". Когда являлась необходимость произвести расходъ (напримѣръ, платить жалованье ямщикамъ), дьякъ засаживалъ за это дѣло подъячихъ, и каждый изъ послѣднихъ платилъ изъ той кассы, которой завѣдывалъ. Насколько слабъ былъ контроль надъ этой дѣятельностью подъячихъ, видно изъ того, что недочетъ

казѣ Большого Прихода; напр. П. С. З., I, 494, 547; сборъ 1678 г. по 25 коп. съ двора въ Печатномъ приказѣ; П. С. З., т. II, 1210.

[1]) Роспись въ Прилож. къ труду Милюкова, Гос. Хоз., стр. 12.

въ деньгахъ, образовавшійся (по показанію самого виновнаго, едва-ли, нужно предполагать, точному) въ мартѣ, не былъ обнаруженъ еще въ ноябрѣ. Но оно и понятно: хотя подъячіе были обязаны записывать всѣ получаемыя и выдаваемыя деньги въ книги, но записывали-ли они или нѣтъ—за этимъ никто не наблюдалъ, кромѣ нихъ самихъ. Практиковались поэтому самыя разнообразныя злоупотребленія: подъячіе пускали деньги въ торговые обороты, давали деньги въ ростъ, принимая деньги въ большей суммѣ, записывали въ меньшей, а потомъ доказывали, перекоряясь другъ съ другомъ, что недочетъ произошелъ отъ того, что дачи одного дѣлались изъ кассы другого, что дачи одного покрывались отписями другого и т. д. Такимъ образомъ случалось, напримѣръ, что на подъячемъ вдругъ образовывался начетъ въ нѣсколько тысячъ рублей. Изъ той-же челобитной, между прочимъ, выясняется, что обнаруженіе злоупотребленій было явленіемъ рѣдкимъ и довольно случайнымъ. Подъячій Всполоховъ, напримѣръ, утверждаетъ, что все дѣло о немъ возникло лишь потому, что, послѣ перевода кн. Хованскаго изъ судей ямского приказа на службу въ Смоленскъ, у него, Всполохова, съ дьякомъ Михаиломъ Чертовскимъ изъ-за приказныхъ дѣлъ учинилась ссора. Какъ только они поссорились, на другой-же день Чертовскій запечаталъ „въ казенку“ всѣ приходо-расходныя книги Всполохова за пять лѣтъ, не давъ даже „которые денги въ расходъ даваны въ расходные книги записывать и въ приходѣ и въ расходѣ исправитца“. Созвавъ подъячихъ, дьякъ сталъ считать Всполохова и сдѣлалъ на него начетъ въ семь тысячъ. Но въ шести тысячахъ Всполоховъ не признавался, доказывая, что считали его „вскорѣ“, не давъ ему сыскать „многихъ выписокъ и росписокъ, по которымъ денги даны, а въ расходные книги не записаны“. Дьякъ доложилъ о начетныхъ деньгахъ бояршну, и послѣдній распорядился описать и опечатать имущество подъячаго, но самому подъячему велѣлъ по прежнему оставаться въ приказѣ, но „сидѣть велѣлъ опасно“. Тѣмъ не менѣе бояринъ доложилъ о растратѣ Государю, и изъ Разряда былъ присланъ въ ямской приказъ для счета всѣхъ подъячихъ дьякъ съ подъячими. Разрядный дьякъ произвелъ учетъ наново и снова началъ на Всполохова семь тысячъ съ лишнимъ. Всполоховъ опять сталъ оправдываться выписками,

по которымъ будто бы деньги были правильно израсходованы, но лишь не записаны въ книги. Однако, дьякъ „тѣ расходные столпы держалъ у себя многое время, и указу по нихъ ничего не учинилъ“. Дьякъ тѣмъ временемъ получилъ новое назначеніе, и все дѣло перешло къ назначенному въ ямской приказъ думному дьяку Григорію Караулову, который вновь началъ все сначала Всполоховъ и другіе подъячіе снова вмѣсто недостававшихъ денегъ представили отписи и разныя свои записи о томъ, что деньги были въ свое время израсходованы. Григорій Карауловъ призналъ часть расходовъ, но все таки оставилъ начетъ въ 2900 рубляхъ. Тутъ былъ назначенъ вѣдать ямской приказъ Бутурлинъ. Подъячій и ему представилъ всѣ свои отписки, а также „на письмѣ подносилъ подносныхъ своихъ расходовъ на свою братью подъячихъ, которые денги давалъ (онъ) въ расходъ своего пріему, а иные подъячіе тѣ (его) расходы подписывали, таясь (его) своими дачами на 2420 р.“. Но Бутурлинъ этихъ отписокъ и заявленій не принялъ, говоря, что онъ безъ указа и безъ подписной челобитной принять ничего не можетъ, такъ какъ счесть подъячихъ было указано разрядному дьяку, а не ему, и ему указа о счетѣ дано не было. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ приказалъ на подъячихъ править, „правы-ль, не правы-ль“, начтенную сумму по памяти разряднаго дьяка. [1])

Мы, можетъ быть, нѣсколько затруднили изложеніе этимъ подробнымъ пересказомъ, но нами руководило соображеніе, что случай, описанный Всполоховымъ, не можетъ быть признанъ единичнымъ. Изъ другихъ источниковъ мы знаемъ, какъ неисправно велись подъячими денежныя записи и въ другихъ приказахъ; знаемъ также, что вообще правительство было точно освѣдомлено въ какихъ ненадежныхъ рукахъ находятся казенныя деньги. Такъ, извѣстенъ указъ отъ 1669 г. во всѣ приказы: „которые сидятъ у его государева дѣла у приходу и расходу его государевы денежные казны, чтобъ они подъячіе, будучи въ приказѣхъ, его государевы денежные казны себѣ отнюдь ничего не имали и не крали, и изъ приказовъ въ займы никому не давали ни малаго и заемныхъ кабалъ и записей въ его государевой денежной

[1]) Челоб. Гр. Всполохова, ц. изд., строки 325—540,

казнѣ ни на кого не имали... и считать въ его государевой денежной казнѣ въ приказахъ дьякамъ помѣсячно, чтобъ одноконечно у подъячихъ денежная наличная казна за расходы всегда была въ (цѣлости), а начету на подъячихъ ничего не было". [1]) Указъ такого-же содержанья извѣстенъ и отъ 1680 г. [2])

Наконецъ, ямской приказъ судилъ и вѣдалъ ямскихъ охотниковъ во всѣхъ дѣлахъ. Мы знаемъ, что это положеніе, какъ основной принципъ, установилось еще во второй половинѣ 16 вѣка въ жалованныхъ грамотахъ. Внутренній распорядокъ въ самой слободѣ предоставлялся ямскому приказчику и старостѣ; надзоръ за исполненіемъ слободой ея обязанностей поручался мѣстной власти, пререканія рѣшались ямскимъ приказомъ, общее управленіе ямскимъ строемъ принадлежало послѣднему-же. Судомъ слобода тянула къ общему суду только въ опредѣленныхъ грамотами случаяхъ, въ большинствѣ-же случаевъ по дѣламъ между охотниками была подсудна суду приказчика; по дѣламъ съ сторонними людьми и стороннихъ людей съ охотниками подлежала суду ямского приказа. Съ этой схемой отношеній мы встрѣчаемся и послѣ раззоренія. Мы знаемъ, напримѣръ, что, когда въ 1619 г. охотниковъ нѣкоторыхъ слободъ стали привлекать къ городовому дѣлу съ посадскими и уѣздными людьми, они подали черезъ ямской приказъ челобитныя, и ямской приказъ, справившись съ старыми грамотами охотниковъ, приговорилъ дать не только имъ, но и охотникамъ всѣхъ ямовъ грамоты объ освобожденіи отъ городового дѣла [3]). Нѣсколько раньше, въ 1613 г., когда Спасскій монастырь билъ челомъ о приписке сельца Святикова къ Владимірскому яму, челобитная съ верху была отдана съ резолюціей на распоряженіе ямского приказа. [4]) Въ одномъ дѣлѣ по спору между охотниками шуйскаго яма и тотемцами читаемъ слѣдующую выписку изъ указной книги ямского приказа: „а въ Государевомъ Царевомъ Вел. Кн. Михаила Феодоровича вс. Р. указѣ въ ямской приказъ написано: которые сторон-

---

[1]) Д. А. И., V, 89.
[2]) П. С. З., II, 802.
[3]) П. С. З., I, 518 А.
[4]) А. Э., III, 8.

ніе люди учнутъ бить челомъ Государю на ямскихъ охотниковъ въ искѣхъ своихъ и тѣмъ велѣно на ямскихъ охотниковъ тѣхъ своихъ исковъ искать имъ и отвѣчать на Москвѣ въ ямскомъ приказѣ, а въ городѣхъ воеводамъ и приказнымъ людемъ ямскихъ охотниковъ ничѣмъ вѣдати и судити не велѣно". [1]) Въ другомъ дѣлѣ читаемъ: „а по Государеву указу велѣно въ городѣхъ ямщиковъ во всемъ вѣдать ямскимъ приказчикамъ". [2]) Когда въ 1665 г. ярославскій воевода донесъ, что ярославскіе ямщики указу учинились не послушны и не дали подводъ, дьякъ помѣтилъ на отпискѣ: „послать въ ямской приказъ память, чтобъ подводъ въ Ярославлѣ съ яму подъ тѣ кафтаны дать безъ мотчанья". Далѣе читаемъ: „память въ ямской приказъ послана и кафтаны къ Москвѣ присланы". [3]) Въ этомъ смыслѣ, можетъ быть, еще болѣе характеренъ слѣдующій примѣръ: 7 ноября 1665 г. ржевскій воевода сообщилъ, что патріарховы и монастырскіе крестьяне не дали подводъ подъ хлѣбные запасы; на отпискѣ была сдѣлана помѣта: „о патріарховыхъ кресьянѣхъ на патріарховъ дворъ послать память сейчасъ, о монастырскихъ въ монастырскій приказъ". Но на отпискѣ того-же воеводы отъ того-же числа о томъ, что урвалась ржевская ямская гоньба, была сдѣлана помѣта, по которой память была послана въ ямской приказъ. [4]) Такихъ и имъ подобныхъ примѣровъ мы могли бы привести еще нѣсколько. [5]) Но рядомъ съ этимъ мы знаемъ, что по всякимъ своимъ дѣламъ охотники сибирскихъ слободъ, пермскаго яма, пока онъ существовалъ, псковскаго яма, козьмодемьянскаго яма обращались не въ ямской приказъ, а въ областной. Они обращались туда и съ просьбами о прибавкѣ жалованья, и съ просьбами объ увеличеніи или измѣненіи земельнаго надѣла, и съ просьбами объ отмежеваніи земель, и съ жалобами на воеводъ и т. д. [6]) Мы

---

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 135, № 43, 1640 г.

[2]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 48, № 66, 1631 г.

[3]) Р. И. Б., XI, стр. 73.

[4]) Р. И. Б., XI, стр. 74—75.

[5]) Р. И. Б., XI., стр. 197, 245, 358 и др. Когда, напримѣръ, воронежскую слободу въ 1660 г. невѣдомо кто выжегъ, вся переписка велась черезъ ямской приказъ. Ворон. Губ. Вѣд., 1850 г., № 35.

[6]) Напр. А. И., II, 45, III, 58, 78, 86, 106, 222, 234, IV, 22, 23 Д. А.

знаемъ также что, когда, напримѣръ ямскіе охотники, взявъ въ 1623 г. въ Соликамскѣ подрядъ, не исполнили его, посадскіе жаловались на охотниковъ и жалобу послали въ устюжскую четь; приговоръ послѣдовалъ оттуда-же. [1]) Почти въ самомъ концѣ вѣка (въ 1686 г.), когда возникло земельное дѣло между охотниками козьмодемьянскаго яма и сосѣдними крестьянами, все дѣло велось въ приказѣ казанскаго дворца. [2]) Земельный споръ между бронницкими ямщиками и Антоніевскимъ монастыремъ рѣшался въ помѣстномъ приказѣ въ 1690 г. [3])

Что-же касается собственно судебныхъ дѣлъ, то основной принципъ, по которому охотники были подсудны ямскому приказу во всѣхъ дѣлахъ, видоизмѣнялся, какъ можно думать, соотвѣтственно тому, какая подсудность пересиливала: подсудность по лицамъ, по мѣстности или по предметамъ спора, а въ предѣлахъ подсудности по лицамъ—сторона истца или отвѣтчика. Мы знаемъ, напримѣръ, такіе случаи: ямской охотникъ переяславской слободы Нечаевъ былъ ограбленъ приказчикомъ вотчины царевича Алея Кучумова (ростовскаго уѣзда)—дѣло разбиралось въ посольскомъ приказѣ. [4]) Въ посольскомъ-же приказѣ разбиралось дѣло по жалобѣ ярославскаго охотника Тихонова на нѣмецкаго торговаго человѣка Александрова въ боѣ и грабежѣ. [5]) Здѣсь подсудность отвѣтчика пересиливала, видимо, подсудность истца. Мы имѣемъ, впрочемъ, основаніе думать, что ямскіе охотники могли не удовлетворяться рѣшеніемъ того суда, который выносилъ имъ приговоръ и, если судъ этотъ происходилъ не въ ямскомъ приказѣ, то путемъ жалобъ въ ямской приказъ могли переносить дѣло изъ судившаго ихъ приказа въ ямской. Въ этомъ смыслѣ имѣетъ извѣстное значеніе слѣдующее дѣло. Тотемскій посадъ отпускалъ одно время ямскіе отпуски наемными ямщиками; сосѣдній—шуйскій ямъ, пропуская безъ смѣны многія тотемскія подводы и

И. IV, 89; А. Э. II, 51 78, А., И., II, 181; А. Э. III, 158 и др. Каз. Губ. Вѣд., 1856 г., № 12, 13; Псков. Губ. Вѣд., 1841 г., №№ 14—15 и т. д.

[1]) А. Э., III, 140.

[2]) Каз. Губ. Вѣд., 1856 г. № 13.

[3]) Ѳедот.—Чеховск. А. Гр. Распр., II, № 161.

[4]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 11, № 15, 1622 г.

[5]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л., св. 58, № 40, 1628 г.

суда, отказывался стать съ тотемскими къ счету. Тотемцы тогда подали челобитную въ устюжскую четь. Послѣдняя навела справку въ ямскомъ приказѣ: нѣтъ-ли тамъ списка съ загонныхъ книгъ шуйскаго яма, и, если есть, то сколько и въ какомъ году шуйскіе охотники отпустили подводъ. Это справка была нужна устюжской чети для того, чтобы сличить данныя шуйскихъ загонныхъ книгъ съ показаніями челобитчиковъ. Получивъ справку, все остальное производство устюжская четь вела уже отъ себя и, наконецъ, послала въ Вологду грамоту, по которой шуйскіе охотники признаны были обязанными заплатить посаду извѣстную сумму. Но когда охотники узнали рѣшеніе, они черезъ своего приказчика подали въ ямской приказъ челобитную, въ которой доказывали, что устюжская четь не имѣла права ихъ судить. Тогда ямской приказъ послалъ въ устюжскую четь слѣдующую память: „по Государеву и Цареву и Великаго князя всеа Русіи Михаила Θеодоровича указу дьяку Дмитрію Карпову велѣти отписать въ ямской приказъ къ окольничьему ко кн. Семену Васильевичу Прозоровскому да къ дьяку къ Василію Яковлеву да Никифору Демидову Государева Грамота на Вологду изъ устюжской чети по челобитью тотемскихъ ямщиковъ на шуйскихъ ямщиковъ въ ямской гоньбѣ въ пропускахъ и въ счетѣ съ тотемскими ямщиками послана-ли и будетъ послана, по какому государеву указу мимо ямсково приказу отпущена, а по Государеву указу шуйскихъ ямщиковъ велѣно судомъ и во всякихъ дѣлахъ вѣдати въ ямскомъ приказѣ а опричь ямского приказа нигдѣ ихъ не судятъ“. [1]) Мы видимъ изъ этой памяти, что, если основная схема отношеній подъ вліяніемъ приказной практики и забывалась, то, съ другой стороны, она-же могла служить и поводомъ (быть можетъ, впрочемъ, въ гораздо большей степени формальнаго характера) для протестовъ со стороны заинтересованныхъ лицъ и учрежденій.

Для опредѣленія отношеній между ямскимъ приказомъ и областными разсмотримъ еще, въ какомъ порядкѣ имѣло теченіе дѣлопроизводство при устроеніи ямовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыми во всѣхъ дѣлахъ вѣдали областные

---

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 135, № 43, 1640 г. Ср. Д. А. И. V, 53.

приказы. Одной изъ такихъ мѣстностей, напримѣръ, былъ Псковъ. При возобновленіи псковскаго яма въ 1642 г., послѣ переписки новгородской чети съ воеводой, изъ чети послѣдовалъ приказъ командировать мѣстнаго сына боярскаго для дозора и повальнаго опроса; о результатахъ дозора дозорщикъ подалъ воеводѣ; воевода отписалъ въ четь. Четь послала запросы: одинъ—въ ямской приказъ о прежнихъ устрояхъ, другой – въ помѣстный приказъ о земляхъ. Всѣ данныя послужили чети матерьяломъ для доклада, послѣ чего четь послала воеводѣ приказъ объ устроеніи яма. Когда воевода донесъ, что ямъ устроенъ, четь послала память въ ямской приказъ [1]). Изъ этого, казалось-бы, слѣдуетъ, что затѣмъ четь отказывалась уже отъ дальнѣйшихъ какихъ-либо правъ своихъ распоряжаться судьбой псковскаго яма или въ какомъ-либо отношеніи вліять на эту судьбу. Но мы не имѣли бы права удивляться, если бы какія-либо намъ еще неизвѣстныя данныя показали, что, и сдавъ псковскій ямъ ямскому приказу, четь продолжала относиться къ псковскимъ охотникамъ, какъ къ жителямъ мѣстности, во всѣхъ дѣлахъ подчиненной ей, какъ областному приказу. Въ Калугѣ до 1661 г., какъ намъ уже приходилось говорить, гоняли гоньбу дворцовые крестьяне. Въ 1661 г. приказъ Большого дворца, по челобитью дворцовыхъ крестьянъ, опредѣлилъ освободить ихъ отъ гоньбы, возложивъ гоньбу на посадскихъ, изъ которыхъ подъ наблюденіемъ воеводы должны были быть избраны 68 человѣкъ. О своемъ рѣшеніи приказъ послалъ двѣ памяти: одну—въ ямской приказъ о томъ, чтобы онъ послалъ воеводѣ грамоту о выборѣ, другую – во владимірскую четь о томъ, чтобы она послала калужскому воеводѣ послушную грамоту. Но посадскіе пожелали гонять гоньбу всѣмъ посадомъ. Воевода отписалъ объ этомъ во владимірскую четь, и та постановила резолюцію [2]).

Всѣ дѣла по мірской гоньбѣ были изъяты изъ вѣдѣнія ямского приказа: ими вѣдали областные приказы [3]). Дѣла о подводахъ, собиравшихся съ населенія, вѣдались въ ямскомъ приказѣ лишь по столько, по сколько эти под-

---

[1]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 153, № 91, 1642 г.

[2]) А. М. И. Д. П. Д. С. Л. № 96, 1661 г.

[3]) А. Э. III, 39, 40, 102 (здѣсь грамота изъ приказа Большого Дворца, такъ какъ рѣчь идетъ о мірской гоньбѣ въ Юрьевцѣ Поволь-

воды должны были собираться въ дополненіе къ ямскимъ подводамъ, но и тогда, вѣроятно, ямской приказъ сносился съ соотвѣтствующимъ приказомъ. Сборъ подводъ, если такой сборъ являлся самостоятельнымъ, внѣ соотношенія съ ямскими подводами, вѣдался подъ наблюденіемъ областного приказа тѣмъ приказомъ, который вѣдалъ данную группу лицъ. Такъ, о подводахъ съ монастырей грамота посылалась изъ монастырскаго приказа, о подводахъ съ патріаршихъ вотчинъ - изъ Патріаршаго Разряда [1]) О подводахъ, которыя слѣдовало собрать съ данной мѣстности, указъ посылался изъ областного приказа. Такъ, если, напримѣръ, нужно было перевезти какіе-либо запасы на многихъ подводахъ, тотъ приказъ, по инициативѣ котораго запасы отправлялись или получались, сносился съ областнымъ приказомъ, вѣдавшимъ данную мѣстность; этотъ приказъ писалъ воеводѣ, отправляя иногда память въ приказъ, вѣдавшій ту мѣстность, куда запасы отправлялись [2]).

Приведенныхъ данныхъ, конечно недостаточно, чтобы пытаться установить какія-либо общія положенія. Ближе всего, казалось-бы, слѣдуетъ изъ этихъ данныхъ тотъ выводъ, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ настолько случайнымъ распредѣленіемъ обязанностей по ямскому дѣлу между цѣлымъ рядомъ приказовъ, что нѣтъ даже надобности искать слѣдовъ какой-либо системы Но болѣе внимательное отношеніе къ тѣмъ-же даннымъ не можетъ не показать, что какъ эта неопредѣленность, такъ и то, что можно было бы считать случайностью, повторяется въ достаточной мѣрѣ систематически и все время проявляется въ одномъ и томъ же направленіи. Такъ, какой приказъ строилъ ямъ, такой его и вѣдалъ, но одновременно не могъ быть увѣренъ, что ямской приказъ не заявитъ о своихъ правахъ. Иначе говоря: въ однѣхъ мѣстностяхъ ямы въ большей степени вѣдались ямскимъ приказомъ, въ другихъ — больше областнымъ прика-

---

скомъ, который вѣдался въ Большомъ Дворцѣ (ср. списки Лаппо-Данилевскаго, въ Прилож., стр. 543); подъ грамотой припись дьяка Ивана Болотникова, а онъ въ это время былъ въ приказѣ Большого Дворца, какъ это видно изъ А. Э., III, 104), 144 и мн. др.

[1]) Напр. А. Э. IV. 68, 71, 86 и др.

[2]) Напр. А. И. IV, 25, А. Э. IV, 120, Р. И. Б., V, 297, Д. А. И. V, 53 и др.

зомъ данной мѣстности. При этомъ можно также замѣтить, что ямы, вѣдавшіеся въ ямскомъ приказѣ, своимъ строемъ представляли нормальный типъ; ямы, вѣдавшіеся областными приказами, обыкновенно въ томъ или иномъ отношеніи выражали исключеніе. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, строя и вѣдая данный ямъ, каждый приказъ обращался за всѣми справками все-таки въ ямской приказъ; беря на себя иниціативу въ какомъ-либо ямскомъ вопросѣ, распорядительную часть данный приказъ предоставлялъ обыкновенно тому же ямскому приказу. Всѣ тѣ условія, какія могли бы выясниться при спеціальномъ изученіи московскихъ приказовъ, а именно—выдѣленіе спеціальныхъ приказовъ изъ общихъ, конкурренція между кругомъ вѣдомства областныхъ приказовъ и кругомъ вѣдомства спеціальныхъ приказовъ, созданіе приказной практики путемъ наслоенія другъ на друга разновременныхъ и подъ вліяніемъ различныхъ, иногда случайныхъ причинъ сформировавшихся новообразованій и т. д.,—всѣ эти условія одинаково имѣли значеніе и для судьбы ямского приказа. Послѣдній былъ только спеціальнымъ приказомъ, но такъ какъ ямское дѣло во многихъ отношеніяхъ затрагивало и общіе интересы каждой мѣстности, то и въ предѣлахъ своей спеціальности ямской приказъ не всегда могъ сохранить свою исключительность. Если ямской приказъ тѣмъ не менѣе продолжалъ все время оставаться однимъ изъ такихъ спеціальныхъ приказовъ, значеніе которыхъ цѣликомъ никогда не утрачивалось, то, какъ мы думаемъ, можетъ быть, благодаря только тому, что онъ являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и архивомъ всѣхъ ямскихъ дѣлъ. Мы уже знаемъ, что въ 16 вѣкѣ въ ямскомъ приказѣ хранились кормовыя книги, что тамъ-же хранились и загонныя книги; на одной изъ новгородскихъ устройныхъ книгъ мы находимъ помѣту: „а подлинныя книги (пшасского яма) посланы ко Государю въ Москву по грамотѣ изъ ямского приказа"; мы знаемъ также, что областные приказы, принявъ къ разсмотрѣнію то или иное ямское дѣло, посылали за справками въ ямской приказъ; въ ямскомъ-же приказѣ въ особыхъ указныхъ книгахъ велась запись всѣхъ указовъ по ямскому дѣлу, тамъ-же хранились и платежныя книги и т. д. [1])

---

[1]) Библ. и арх. моск. госуд., Лихачева, въ Прилож., стр. 13 14;

Какъ мы уже имѣли случай видѣть изъ челобитной Гр. Всполохова, все это, вмѣстѣ съ деньгами, хранилось въ „казенкѣ“ ямского приказа. [1]) Такимъ образомъ, если областные приказы пересиливали ямской, такъ какъ послѣднему трудно было иногда отстоять свои исключительныя права на отдѣльныя точки области, вѣдавшейся во всѣхъ отношеніяхъ въ областномъ приказѣ, то извѣстнымъ противовѣсомъ преобладанію областныхъ приказовъ надъ компетенціей ямского приказа являлось то, что всѣ необходимыя данныя и свѣдѣнія можно было получать только отъ ямского приказа.

Подобно тому, какъ ямской приказъ по спеціальному порученію собиралъ иногда не однѣ ямскія деньги, онъ вѣдалъ иногда не только ямскія дѣла. Такъ, подъ 1639 г. читаемъ, что Государь, „слушавъ росписей городовъ володимерсково и московсково судныхъ приказовъ, указалъ для поспѣшенья, чтобы дворяномъ и дѣтемъ боярскимъ въ судныхъ дѣлѣхъ волокиты не было, взяти изъ приказовъ городы и судити по приказомъ бояромъ:... изъ московсково приказу Резань съ пригороды, Ряской, Копира въ ямскомъ приказѣ боярину кн. Ондрею Васильевичю Хилкову“. [2]) Ямской-же приказъ, напримѣръ, еще въ 1636 г. вѣдалъ и московскихъ недѣльщиковъ: „въ ямской приказъ къ боярину... велѣно отписать, кто имяны на Москвѣ и въ городѣхъ въ ямскихъ приказчикѣхъ и на Москвѣ въ недѣляхъ, и которыхъ городовъ дѣти боярскіе“. [3]) Кромѣ того, ямской приказъ иногда вѣдалъ дѣла, передаваемыя въ него по особому приказу, въ виду жалобъ на то, что въ томъ приказѣ, куда данное дѣло поступило первоначально, оно разбиралось неправильно или пристрастно. Такихъ дѣлъ мы знаемъ два— одно отъ 1643 г. по челобитной Юдиныхъ на двоюроднаго брата, скрывшаго изъ корыстныхъ цѣлей родство съ чело-

Имп. Пуб. Библ., Q. IV, № 262, л. 16; А. М. И. Д. П. Д. С. Л. св. 135, № 43, 1640 г.; А. Моск. Госуд., II, № 439, стр. 271—272 и др.

[1]) Напр., „Опъ, Михайло, на другій день приходные и расходные книги съ моево сидѣнья съ 172 году запечаталъ въ казенку“. Чел. Гр. Всполохова, строки 329—331. Этотъ малоизвѣстный, кажется, фактъ могъ бы служить нѣкоторымъ подкрѣпленіемъ въ пользу мнѣнія о томъ, что подъ казной понимался и архивъ.

[2]) Р. И. Б., X, стр. 157.

[3]) Р. И. Б., X, стр. 38.

битчиками, другое—отъ 1627 г. по жалобѣ сторожа ярославскаго гостинаго двора на дьяковъ Суднаго приказа, неправильно рѣшившихъ его дѣло съ однимъ торговымъ человѣкомъ, который—„самъ собой выкралъ“, а обвинилъ въ кражѣ неизвѣстныхъ воровъ, будто бы дѣйствовавшихъ въ сообществѣ съ сторожемъ.[1])

Въ ямскомъ приказѣ кромѣ судьи, а иногда и двухъ, сидѣли два дьяка (иногда три, подъ конецъ вѣка - четыре и пять дьяковъ). При приказѣ былъ цѣлый рядъ подъячихъ, приставовъ и сторожей. Подъячіе дѣлились на верстанныхъ и неверстанныхъ; первые получали жалованья отъ 24 – 13 р. и отъ 6 - 1 рубля; вторые не получали жалованья. Всѣхъ подъячихъ бывало до 20 человѣкъ. Пристава получали иногда по 8 рублей, иногда меньше; ихъ бывало и по 6, и по 3 чел.; сторожа получали, напримѣръ, въ 1675 г. по 8 рублей въ годъ.[2]) Весь расходъ по ямскому приказу опредѣлялся, напримѣръ, въ 1687 г. въ 273 р. 13 алт. на жалованье подъячимъ, приставамъ и сторожамъ и въ 75 рублей въ годъ на приказный всякій расходъ, а въ 1680 г.—на жалованье подъячимъ—150 рублей, а на приказный мелкій расходъ—49 рублей.[3])

Ямской приказъ помѣщался до 1670 г. въ Кремлѣ, а послѣ того—на дворѣ Ивана Андреевича Милославскаго, вмѣстѣ съ челобитеннымъ приказомъ.[4]) По замѣчанію Снегирева, этотъ дворъ находился на теперешней Замоскворецкой улицѣ.[5]) По словамъ Корнилія де Бруина, въ его время ямской приказъ находился снова въ Кремлѣ.[6])

Списокъ судей ямского приказа и дьяковъ мы отнесли въ „Приложенія“.[7]) По словамъ Миллера, въ 1681 г.

---

[1]) Акт. граж. распр. Ѳедот.—Чеховск. т. I. № 110; част. коллек. актовъ проф. Липинскаго, № 166. Котошихинъ, однако, уже не зналъ такой практики, такъ какъ онъ прямо указываетъ что переносить дѣло изъ приказа въ приказъ можно было только до суда, а не послѣ рѣшенія Котошихинъ, стр. 97.

[2]) Опис. госуд. разрядн. архива, П. Иванова, стр. 63, Замысловскій, Царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, I, изд. 1871 г., стр. XLVI, Прилож.

[3]) П. С. З. II., 1251; Милюковъ, Госуд. Хоз., Прилож., стр. 12.

[4]) П. С. З., I, 466.

[5]) Снегиревъ, Москва, т. I, стр. 172.

[6]) Чт. О. И. Д., 1872 г. кн. 2, стр. 88, путеш. Корнилія де-Бруина

[7]) Приложеніе № 3. Списокъ составленъ нами заново.

ямской приказъ былъ соединенъ съ Стрѣлецкимъ. [1]) Никакихъ указаній для разъясненія этого вопроса мы не нашли, но въ 1687 г. навѣрное эти оба приказа были опять самостоятельны, такъ какъ стрѣлецкимъ приказомъ тогда вѣдалъ Ѳедоръ Леонтьевичъ Шакловитовъ, а ямскимъ приказомъ—Григорій Никифоровичъ Собакинъ. [2])

Къ сожалѣнію, дѣлъ ямского приказа почти не дошло до насъ. Мы знаемъ только то, что осталось въ дѣлахъ другихъ приказовъ, или что вошло въ спискахъ въ грамоты изъ другихъ приказовъ; наконецъ, вѣроятно, можно было бы еще найти отдѣльныя грамоты ямского приказа въ различныхъ мѣстныхъ архивахъ [3]).

---

[1]) Др. Рос. Вивл., т. XX, стр. 401.

[2]) Ср. въ нашемъ „Прилож." № 3 съ Др. Рос. Вивл., II, XX, стр. 403.

[3]) Въ Имп. Пуб. Библ. хранятся указныя книги (подлинныя) ямского приказа отъ 1706 г. при стольникѣ Матвѣѣ Алексѣевичѣ Головинѣ—F. II, 148, и отъ 1720 г., при князѣ Юріѣ Ѳедоровичѣ Щербатовѣ—F. II, 149.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

№ 1. [1])

Извѣстный историкъ Гергардъ Фридрихъ Миллеръ (род. 1705 г., ум. 1723 г.), бывшій съ 1766 г. начальникомъ Московскаго Архива Иностранной коллегіи, что нынѣ Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ принималъ весьма дѣятельное участіе въ составленіи изданной Новиковымъ „Древней Россійской Вивліоѳики". Это извѣстно давно. На это имѣется, между прочимъ, прямое указаніе въ предисловіи Новикова ко второму изданію Вивліоѳики: „не могу я пройтить молчаніемъ,—сказано тамъ,—чтобъ не засвидѣтельствовать передъ читателями моими объ отличномъ усердіи покойнаго г. Миллера въ ревностномъ споспѣшествованіи сему изданію. Сей отличный и знаменитый ревностію и усердіемъ своимъ мужъ ко всему тому, что могло только споспѣшествовать пользѣ исторіи россійской, доставилъ ко мнѣ множество не только что изъ Архивы Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, но и изъ собственной книго-хранительницы, которую собиралъ онъ съ великимъ тщаніемъ во всю жизнь свою".

Но Миллеръ доставлялъ Новикову не только „превосходные, древніе и старинные акты", какъ говоритъ Пекарскій въ біографіи Миллера [2]), но и законченныя отдѣльныя статьи. Въ библіотекѣ Моск. Гл. Архива Мин. Ин. Дѣлъ хранится среди другихъ рукописей Миллера черновикъ его статьи объ ямскомъ приказѣ, напечатанной въ 20 томѣ Новиковской Вивліоѳики второго изданія. Рукопись эта—тетрадь, [3]) состоящая изъ пяти отдѣльныхъ листовъ разныхъ форматовъ; написаны рукой самого Миллера три листа, а

---

[1]) Перепечатываемъ эту нашу замѣтку изъ Чт. О. И.Д., 1899 г., кн. 3.

[2]) Ист. Импер. Акад. Наукъ, т. I, стр. 332.

[3]) Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, по описи портфелей Миллера, портф. № 338, тетр. 4.

два—рукой переписчика. Первый листъ—общія разсужденія о ямскомъ приказѣ, вошедшія въ статью Вивліоѳики, листъ пятый списокъ судей, бывшихъ въ ямскомъ приказѣ съ 1630—1690 г.г., вошедшій также въ указанную статью. На отдѣльномъ листѣ имѣется списокъ съ указа 1627 г. о томъ, кому сколько давать подводъ; списокъ этотъ также вошелъ въ статью Для сличенія рукописи съ печатной статьей приведемъ текстъ той и другой:

Рукопись.	Древн. Рос. Вивл., т. XX, стр. 412 и сл.
Когдавъ старыя времена (зачеркнуто: изъ) Государевымъ дѣломъ кто куды пос (вставлено: ы) ланъ былъ, то либо онъ на сво- (зачерк.: емъ) ихъ лошадяхъ, или на свой коштъ на наемныхъ, ѣхать долженствовалъ, а иногда и позволеніе имѣлъ лошадей для такой поѣздки (вставлено: по) купать, которые (зачерки: по возвращеніи съ) окончаніи пути въ Государеву казны отда (вставлено: ва) ны были. Пріѣзжавшимъ изъ иностранныхъ государствъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ, и возвращавшимся въ свои земли, да (вставлено: ва) ны были отъ города до города подводы, собираемыя съ городскихъ жителей по благоусмотрѣнію городовыхъ начальниковъ, за что плачиваемы были изъ казны не большіе прогоны. (Зачеркнуто: о покупкѣ лошадей для посланныхъ (за Государевымъ) во время Государя и Царя	Въ старыя времена, когда за государевымъ дѣломъ кто куда посланъ былъ, то онъ либо на своихъ лошадяхъ, либо на свой коштъ на наемныхъ ѣхать долженствовалъ, а иногда съ позволенія для такой поѣздки покупалъ лошадей, и по окончаніи пути отдавалъ оныхъ въ Государеву казну. Пріѣзжающимъ изъ иностранныхъ Государствъ посламъ, посланникамъ и гонцамъ съ возвратомъ даваны были отъ города до города подводы, собираемыя съ городскихъ жителей по благоусмотрѣнію городскихъ начальниковъ за что назначаемы были изъ казны небольшіе прогоны. Изъ того слѣдуетъ, что въ то время ямского учрежденія въ Россіи еще не было; а уповательно произошло оное

Ивана Васильевича (дѣломъ) свидѣтельствуетъ слѣдующая выписка изъ Государственнаго Посольскаго Архива.) Изъ того слѣдуетъ, что въ то время ямского учрежденія въ Россіи еще не было, а уповательно произошло оное отъ мудраго Царя Бориса Θеодоровича Годунова, либо тогда, когда онъ правилъ государствомъ, яко первый министръ и шуринъ Государя Царя Θеодора Іоанновича, или когда послѣ того онъ самъ воцарился; но подлинныхъ доказательствъ тому не найдено. Смутнымъ временемъ послѣ Годунова даже до благополучнаго царствованія Государя Царя Михаила Θеодоровича такое важное происшествіе, знатное число гражданъ и крестьянъ въ ямщики преобразившее и вразсужденіи того изобильнымъ земель владѣніемъ ихъ снабдившее, кажется неприлично; но учинилось ли оное въ первые годы правленія Царя Михаила Θеодоровича, о семъ такожде для тогдашней съ шведами и поляками войны сумнѣваться можно...

отъ мудраго Царя Бориса Θеодоровича Годунова, либо тогда, когда онъ правилъ государствомъ, яко первый министръ и шуринъ Государя Царя Θеодора Іоанновича, или когда послѣ того онъ самъ воцарился. Смутнымъ времемемъ послѣ Годунова, даже до благополучнаго царствованія Государя Царя Михаила Θеодоровича такое важное произшествіе, знатное число гражданъ и крестьянъ въ ямщики преобратившее и вразсужденіи того изобильнымъ земель владѣніемъ ихъ снабдившее, кажется неприлично; но не учинилось ли оное въ первые годы правленія Царя Михаила Θеодоровича?

Затѣмъ въ рукописи слѣдуетъ разсужденіе „о справкахъ изъ разряднаго архива о существованіи ямского приказа уже въ 1618 и 1619 гг.“ Въ Новиковскомъ изданіи (стр. 416) между этими двумя разсужденіями вставленъ списокъ съ указа 8 марта 1627 г. о подводахъ; въ рукописи же указъ переписанъ на особомъ листѣ. То же самое, какъ уже ска-

зано выше, и на стр. 417—427 Новиковскаго изданія, гдѣ приведенъ списокъ „судей" ямского приказа, составляющій въ рукописи отдѣльный листъ. Въ остальномъ рукопись и печатная статья вполнѣ сходны между собой, если не считать двухъ—трехъ перестановокъ фразъ, нѣсколькихъ стилистическихъ поправокъ и т. п.

Такимъ образомъ, можно считать безспорнымъ, что статья о ямскомъ приказѣ въ 20 т. Новиковской Вивліоѳики принадлежитъ Миллеру.

Дальнѣйшія розысканія въ этомъ направленіи привели насъ, однако, къ убѣжденію, что почти и весь остальной матеріалъ 20-го тома былъ составленъ Миллеромъ. Исключеніе представляетъ только 6 частей „Послужного списка", напечатанныхъ на стр. 1—131; хотя, вѣроятно, и этотъ списокъ, представляющій сокращенный при вольномъ россійскомъ собраніи послужной списокъ, доставленный собранію М. Н. Шереметьевой, былъ проредактированъ Миллеромъ. По крайней мѣрѣ, въ томъ-же 388-мъ портфелѣ въ тетрадяхъ № 1 и № 2 находимъ выписки изъ дѣлъ и разрядовъ объ окольничьихъ, составленныя за тѣ же годы и за дальнѣйшія. Что же касается части 7-й „послужного списка", напечатанной въ Вивліоѳикѣ отдѣльно, уже въ концѣ 20 тома на стр. 421 - 442, то она, видимо, цѣликомъ составлена Миллеромъ. Имъ-же составлена цѣликомъ и статья „Московскіе и другіе старинные приказы", куда, между прочимъ, вошла и статья объ ямскомъ приказѣ. Во первыхъ, въ разобранномъ нами портфелѣ заключены многіе матерьялы, вошедшіе въ статью о приказахъ; во вторыхъ, тутъ-же мы находимъ на 10 листахъ рукопись, озаглавленную: „вѣдомость о нѣкоторыхъ московскихъ приказахъ"; сличеніе этой рукописи съ печатнымъ текстомъ удостовѣряетъ полное сходство.

Какъ на примѣръ, взятый на выдержку, укажемъ:

Рукопись, портф. № 333, тетр. 3.	Печатн. текстъ, стр. 312.
Золотая меньшая палата. По записной книгѣ во 144 году іюля въ 7 день были у Государя Литовскіе посланцы въ золотой меньшей палатѣ. Въ	Золотая меньшая палата, о коей по записнымъ книгамъ значится, 1636 году, что въ оной іюля 7 дня были у Государя Литовскіе посланцы;

записной 188 г. книгѣ написано: марта 8 числа по указу Царя Θеодора Алексѣевича бояре, окольничьи и думные люди сидѣли въ золотой меньшей палатѣ за расправными дѣлами изъ разныхъ приказовъ и т. д. (Лист. 3 обор. рукоп.).

1680 году, что марта 8 числа по указу Царя Θеодора Алексѣевича въ оной сидѣли за расправными дѣлами изъ разныхъ приказовъ бояре, окольничіе и думные люди и т. д.

Не дѣлаемъ дальнѣйшихъ выписокъ, такъ какъ отношеніе рукописи къ печатному тексту во всѣхъ ея частяхъ остается тѣмъ-же.

№ 2.

Оклады ямскихъ денегъ.

Настоящая роспись составлена по матерьяламъ, указаннымъ въ выноскахъ. Большая часть окладовъ показана по разсчету. Если въ основаніе разсчета бралась отписка, выданная на ямскія деньги съ владычныхъ и съ монастырскихъ вотчинъ, то высчитывался окладъ на соху по 700 четвертей при средней землѣ и по 600 четвертей при доброй землѣ. (Напр., углич. акты, стр. 184, 199). Для свѣрки мы пользовались собраніемъ Гарелинскихъ отписокъ (Рум. Музей). Послѣднія систематизированы уже Милюковымъ, Спорн. вопр., стр. 91—92.

1618 г.	съ сохи 800 р., съ чети — 1 р.	. . . . .	[1]
1619 г.	. . . .		[2]
1620 г.	. . . .		[3]
1621 г.	. 584 р., съ чети . . .	24 ал. 2 д.	[4]
1622 г.	. 468 р., ...	19 ал. 3 д.	[5]
1623 г.	. . . .		[6]
1624 г.	. . . .		[7]

[1] [2] [3] А. Э. III, 116; Уг. А., стр. 56, 71, А. Юр. 214, IX. А. Возн. Печерск. Мон., стр. 53.

[4] А. Ю. 214, X; А. Э. III, 116.

[5] [6] А. Э. III, 121, А. Юр. 214, XI, Уг. А., стр. 141,

[7] Оп. Долм. Арх. № 268.

1625 г.	съ сохи 468 р., съ чети	19 ал. 3 д.	1)
1627 г.			2)
1628 г.			3)
1629 г.			4)
1630 г.	400 р.,	16 ал. 4 д.	5)
1631 г.			6)
1632 г.			7)
1633 г.			8)
1634 г.	534 р.	22 ал. 1 1/2 д.	9)
1635 г.			10)
1636 г.			11)
1637 г.			12)
1638 г.			13)
1639 г.			14)
1640 г.			15)
1641 г.	726	30 ал. 1 1/2 д.	16)
1642 г.	726	30 ал. 1 1/2 д.	17)
1644 г.	784	32 ал. 4 д.	18)
1645 г.			19)
1649 г.			20)
1650 г.			21)
1651 г.			22)
1652 г.			23)
1653 г.			24)
1654 г.			25)

---

1) Уг. Ак. стр. 159.

2) Уг. Ак. стр. 163.

3) 4) Уг. А. стр. 163, Оп. Долм. Арх. № 272, 273, 274, 275, 276, Акты Моск. Госуд., I, 248.

5) 6) 7) 8) Уг. Акты, стр. 173, 184, 189; Яр. Губ. Вѣд., 1861 г. № 41.

9) 10) 11) 12) 13) 14) 15) Уг. Акты стр. 195, 199, Оп. Долм. арх. № 289. Арх. Кн. Баюшева, 80, 81, 82.

16) Угл. акт. стр. 209, 210.

17) Угл. акт., стр. 213.

18) Отписки Гарелина.

19) Оп. Долм. архива, № 295.

20) 21) 22) Оп. Долм. арх., № 297; Костр. Старина, вып. 2, стр. 11.; Арх. кн. Баюшева, 86.

23) 24) 25) Оп. Долм. арх. № 301, Труды Ряз. Арх. Ком., т. XIII, вып. 2, стр. 194, № 5 По разсчету въ Акт. Юр. Кал., II, 246, XI въ 1653—рубль съ четверти, но тутъ простая переплата 4 денегъ. Арх. кн. Баюш., 88.

1655 г. съ сохи 784 р., съ чети . . . 32 ал. 4 д. [1])
1658 г. . . . . [2])
1659 г. . . . . [3])
1660 г. ямскія деньги не взимались. [4])
1662 г. съ сохи 784 р., съ чети . . . 32 ал 4 д. [5])
1664 г. . . . . [6])
1665 г. . . . . [7])
1666 г. . . . . [8])
1667 г. . . . . [9])
1668 г. . . . . [10])
1669 г. . . . . [11])
1670 г. . . . . [12])
1671 г. . . . . [13])
1672 г. . . . . [14])
1673 г. . . . . [15])
1674 г. . . . . [16])
1675 г. . . . . [17])
1676 г. . . . . [18])
1677 г. . . . . [19])

---

[1]) Оп. Долм. арх. № 304, 307.

[2]) [3]) Оп. Долм. арх. 312, 313, 319., Арх. кн. Баюшева, 92.

[4]) Акты Ворон. Ст. Ком., № 46.

[5]) Оп. Долм. арх., 324.

[6]) Оп. Долм. арх., 329.

[7]) Оп. Долм. арх., 330, 332, Т. Ряз. арх. ком., т. XIII, вып. 2, стр. 196, № 21, арх. кн. Баюш. 94.

[8]) Тр. Ряз. арх, ком. 92 г., т. VII, стр, 28, Тр. Р. А. К. т. XIII, в.2, № 24.

[9]) Костр. Старина, вып. 2, стр. 4, Тр. Р. А. К., т. XIII, в. 2, № 25,26

[10]) Арх. кн. Баюшева, 95.

[11]) Оп. Долм. ар., 349, Оп. Щук. муз., т. II, стр. 3, арх. кн. Баюшева, 97,

[12]) Оп. Долм. ар., 360, Вор. акты, III, стр. 155.

[13]) Оп. Долм. ар., 363, Тр. Р. А. К., т. XIII, в. 2, 35, Вор Губ. Вѣд. 1851 г., № 6.

[14]) Ар. кн. Баюш., 99.

[15]) Оп Долм. арх 367, А. Юр. Кал. т. II, 246, XV (переплочено 4 деньги) Тр. Р. А. К., т. XIII, в. 2, 41, 42.

[16]) Оп. Долм. арх., 371, Арх. кн. Баюшева, 102.

[17]) Оп. Долм. арх., 377, Тр Ряз. А. Ком., т. XIII в. 2, 44, 45, 47, 48, Арх. кн. Баюшева, 104.

[18]) А. Юр. Кал, т. II, 246, XVI, Тр. Ряз. А. К., т. XIII, в. 2, 50.

[19]) Оп. Долм. арх. 383, 385, Тр. Ряз. А. К., т. XIII, в. 2, 51, Арх. кн. Баюшева, 107.

1678 г. съ сохи 784 р., съ чети . . . 32 ал. 4 д. [1])
1679 г. . . . . [2])
1680 г. по 20 и по 10 денегъ съ двора. [3])

№ 3.

Личный составъ Ямского Приказа.

Настоящіе списки составлены нами по матерьяламъ, указаннымъ въ скобкахъ за каждымъ именемъ. Списки дополнены по списку Миллера, напечатанному въ Древн. Росс. Вивліоѳикѣ, т. XX, стр. 417—421. Имена, заимствованныя изъ списка Миллера, напечатаны разрядкой. Имена, которыхъ нѣтъ совсѣмъ у Миллера или которыя не упоминаются у него подъ приводимыми нами датами, отмѣчены звѣздочкой. Разногласія со спискомъ Миллера объяснены въ выноскахъ. [4])

А. Судьи Ямского Приказа.

1604 г. Окольничій Михаилъ Михайловичъ Салтыковъ * (Пам. Дипл. Сн., II, стр. 899). [5])

1611 г.—Бояринъ Никита Дмитріевичъ Вельяминовъ * (Г. Г. Д., II. 219, А. И. II, 314).

1616—1617 г.г.—Ѳедоръ Семеновичъ Пушкинъ * (Кн. Разр., I, стр. 409; Опис. Щукинск. Музея, III, стр. 117).

1618—1619 г.г.—Бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій * (П. С. Зак., I 518, А; Д. А. И., II, 84).

---

[1]) Оп. Долм. арх., 386, 387, 395, 398, 399; Изв. Археол. Общ. т. III, стр. 230, Тр. Ряз. арх. ком., т. XIII, в. 2, 58, Арх. кн. Баюшева, 108.

[2]) Арх. кн. Баюшева, 109.

[3]) А. Э., IV, 250, 251; Д. А. И. VIII, 66 и др. Арх. кн. Баюшева, 111, 113, 114.

[4]) Списокъ Миллера начинается только съ 1628 г. Изъ другихъ списковъ извѣстны: списокъ Каразина, Арх. М. И. Д., библ., № 226—396, но онъ составленъ по Миллеру; незначительныя измѣненія о дьякахъ укажемъ дальше; онъ начинается съ 1630 г.; списокъ въ „Прибавл. къ общ. цирк. по главному управл. почтъ и тел.“, 1845 г., № 32 неточенъ и кратокъ; списокъ Хрущова, въ ц. с. прилож., стр. 85. Этимъ спискомъ мы не могли пользоваться, такъ какъ въ немъ не указаны источники.

[5]) См. стр. 298 дан. кн.

1625—1628 г.г.—Бояринъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій * (Р. И. Б. IX, стр. 469; Вор. А. (Втор.) II, стр. 4; Ворон. Губ. Вѣд. 1850 г., № 16).

1628 г. (не позже сентября) Бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ и Миронъ Андреевичъ Вельяминовъ * (Вор. Акты, (Втор.), II, стр. 170, Вор. Губ. Вѣд. 1851 г., № 16; Н. Д. С. Л. св. 68 № 25) [1])

1629 г. Бояринъ Князь Иванъ Лось Θеодоровичъ Волконскій.

1630—1634 г.г. Бояринъ князь Борисъ Михайловичъ Лыковъ (Р. И. Б IX, стр. 526; Кн. Разр. II, стр. 302, 368) [2])

1635—1639 г.г. Бояринъ князь Андрей Васильевичъ Хилковъ (Угл. Акты, 147, 150, Р. И. Б., X, стр. 2, 38, 105, 157). [3])

1640—1641 г г. Окольничій Θедоръ Васильевичъ Волынскій (А. Э. III, 297, Н. Д. С. Л. св. 35, № 43, Р. И. Б., X, стр. 202, 240) [4])

1643—1648 г.г. Окольничій князь Семенъ Васильевичъ Прозоровскій (Н. Д. С. Л. св. 154, № 121; Вор. Акты (Втр.), II, стр. 68; Акты Ворон. Статист. Комит. 34; А. Рязан. Края, 28; Р. И. Б., X, стр. 302, 402) [5])

1660 г Окольничій Иванъ Андреевичъ Милославскій (Вор Акты, II, стр. 144, Вор. Губ. Вѣд. 1850 г., № 35; Акты Ворон. Стат. Комит., 46). [6])

---

[1]) У Миллера кн Пожарскій еще въ 1628 и 1629 г.г. Пожарскій ушелъ изъ приказа между іюнемъ (А. И. Ш, 167) и сентябремъ 1628 г., когда уже былъ, какъ видно изъ рук. О. IV, № 9, Имп. Публ. Библ., Лыковъ. Миллеръ говоритъ также о совмѣстномъ сидѣньи Лыкова съ Волконскимъ, который, по словамъ Миллера, былъ изъ за вражды съ Пожарскимъ скоро переведенъ въ холопій приказъ. По нашимъ свѣдѣніямъ Лыковъ сидѣлъ съ Вельяминовымъ; очевидно, что съ Волконскимъ, если Лыковъ и сидѣлъ, то послѣ декабря 1628 г. и до 1630 г., слѣдуя Миллеру-же.

[2]) У Миллера Лыковъ обозначенъ съ 1629 вдвоемъ съ Волконскимъ, а съ 1630 г. одинъ.

[3]) У Миллера Хилковъ лишь съ 1631 г.

[4]) У Миллера—по 1642 г.

[5]) У Миллера—по 1650 г. Во всякомъ случаѣ, не позже іюня этого года, такъ какъ въ іюнѣ 1650 г. онъ былъ уже путивльскимъ воеводой (Д. А. И. Ш, 73).

[6]) У Миллера съ 1650 по мартъ 1663 г.

1663 г. (съ августа) Бояринъ Князь Иванъ Андреевичъ Хованскій * (Р. И. Б, X, стр. 566) [1])

1663 г. Думный дворянинъ Григорій Борисовичъ Нащокинъ (Р. И. Б, X, стр. 566). [2])

1665 г. Окольничій князь Никита Яковлевичъ Львовъ [3])

1667—1669 г. Бояринъ князь Иванъ Андреевичъ Хованскій * (Д. А. И., V, 46, XIII; Вор. Акты, III, стр 94 Челоб. Гр. Всполохова, строка 325) [4]).

1669—1670 г.г. Бояринъ князь Иванъ Борисовичъ Рѣпнинъ (Челоб. Гр. Всполохова, строка 348) [5])

1670—1671 г.г. Думный дьякъ Григорій Степановичъ Карауловъ (Вор. А., III, стр. 156 Вор. Губ. Вѣд., 1851, № 6)

1671—1675 г.г. Дворянинъ Иванъ Ѳедоровичъ Бутурлинъ (Д. А. И, VI, 24 XVI; Челоб. Гр. Всполохова, строка 425) [6]).

---

[1]) У Миллера—въ 1665 г. Если это и вѣрно, то, во всякомъ случаѣ, только съ 31 августа 1665 г., такъ какъ весь 1664 г. и по конецъ 1665 г. Хованскій былъ на службѣ внѣ Москвы (Р. И. Б., XI, стр. 328. Д. А. И., V, I, XX.).

[2]) У Миллера—только съ 1666 г.

[3]) У Миллера Львовъ сидитъ съ Хованскимъ съ 1665 г. По нашимъ свѣдѣніямъ Хованскій сидѣлъ съ Нащокинымъ съ 1663 г., въ 1664 г. Хованскаго не было въ Москвѣ до конца 1665 г., а въ 1666 г. самъ-же Миллеръ указываетъ Нащокина. Слѣдовательно, если Львовъ и сидѣлъ въ приказѣ, то весьма непродолжительное время и едва-ли съ Хованскимъ.

[4]). У Миллера только съ 1668 г.

[5]) Это показаніе Миллера подлежитъ сомнѣнію: въ 1670 г въ іюнѣ Иванъ Борисовичъ Рѣпнинъ былъ уже въ Тобольскѣ воеводой (Д. А. И. VI, 9, 15). Онъ тамъ былъ и въ мартѣ 1671 г. (А. И., V, 218). Въ декабрѣ 1667 г. онъ былъ еще воеводой въ Смоленскѣ (Д. А. И. V 60). Въ 1668 г. самъ Миллеръ показываетъ въ ямскомъ приказѣ одного Хованскаго. Слѣдовательно, если Рѣпнинъ и былъ въ приказѣ, то въ 1669 г. и лишь въ первыхъ мѣсяцахъ 1670 г., такъ какъ по показанію въ Др. Рос. Вивл., т. III, стр. 208, онъ былъ съ 17 мая 1670 г. уже въ Тобольскѣ. Изъ челобитной Григорія Всполохова ясно, что Рѣпнинъ былъ назначенъ въ 177 г., когда Хованскій былъ назначенъ воеводой въ Смоленскъ.

[6]) У Миллера указанъ съ 1672 г. До этого года былъ, вѣроятно, Карауловъ, который въ 1672 г. уже въ приказѣ Казанскаго дворца. (Д. А. И, VI, 67, V).

1675 г. Окольничій Григорій Никифоровичъ Собакинъ [1]).

1677 г. съ 7 сентября 1680 г. Окольничій Алексѣй Петровичъ Головинъ (Д. А. И., IX, 46 А. И.. V, 29; Кн. Разр., II, стр. 1095; Имп. Пуб. Биб. О, IV, 9; Д. А. И. VIII, 28, VI; Р. И. Б., XI, стр. 349, 357) [2]).

1687 г. Бояринъ Григорій Никифоровичъ Собакинъ. (П. С. З, т. II, 1251).

1689 г. съ 31 іюля по 1690 г. 18 мая. Окольничій Петръ Авраамовичъ Лопухинъ. (Розыскн. дѣло о Ѳед. Шаклов. т. I, 382 и др.)

1690 г. съ 20 мая и въ 1691 г. Окольничій Кондратій Ѳомичъ Нарышкинъ. (Раз. дѣло о Ѳед Шакл., т. I, стр. 1035—1036 и др.; П. С. З. III, 1048, 1503).

1700 г. Бояринъ Ѳедоръ Алексѣевичъ Головинъ * (Акты Ворон. Ст. Ком. 121).

Б. **Дьяки ямского приказа**.

1555—1556 г.г. (вѣроятно, и 1560 г.) Иванъ Мацневъ * (Д. А. И., I, 51 XIII, 70, I).

1564 г Андрей Тишковъ * (Лихачевъ, Библ. и арх. моск. госуд., стр. 58, примѣч.)

1574 г. Семенъ Ѳедоровичъ Мишуринъ * (Имп. Публ. Библ., Q. IV, 260, л. 141).

1574 г. Иванъ Дорофеевъ Собакинъ * (Имп. Пуб. Библ. Q. IV, 260, л. 141)

Раньше 1578 г. Иванъ Евсковъ * (А. С. М., I, XLVII)

1577—1578—1579 г г. Василій Колударовъ * (Р. И. Б., II, 240, Др Рос. Вивл., XIV, стр. 350, А. Сп. Мон., I, XLVII).

1579 г. Стахѣй Ивановъ * (А. Сп. Мон., I, L).

1579 г. Меньшой Башевъ * (А. Сп. Мон, I, L).

1597 г. Захарій Свіязовъ * (Пам Дипл. Сн., X, стр. 474).

1604 - 1606 Сарычъ Шестаковъ * (П. Д. С., II, стр. 899, Имп. Публ. Б., Q, IV, 260, л. 26, л. 53 и др.).

---

[1]) Собакинъ могъ быть только съ декабря 1675 г., такъ какъ въ концѣ ноября былъ еще Бутурлинъ. Вѣрнѣе, впрочемъ, что они сидѣли вмѣстѣ.

[2]) У Миллера онъ-же и въ 1686 г., что весьма вѣроятно.

1606 г. Фирсъ Лазаревъ * (Имп. Пуб. Библ., Q. IV, 260, л. 53).

1611—1612 г.г. Филиппъ Ларіоновъ * (Ряз. Губ. Вѣд. 1846 г. № 17 А. Ряз. Края, 21) [1]).

1615—1630 г.г. Андрей Подлѣсовъ (Ар. М. И. Д. кн. по Нижн.-Новг., № 1, л. 347; П. С. З, I, 518, А; А. Э. III, 116, 121, Угл. А., 82; Д. А. И, II, 49; Акты Нижег. Возн. Мон., стр. 53, Вор. А., II, 170; Уг. А, 100; П. Д. С. Л., св. 68, № 25, Вор. Губ. Вѣд., 1850 г., 16; кн. Разр., II, стр. 302) [2]).

1615—1616 г.г. Никита Леонтьевъ * (Ар. М. И. Д. кн. по Нижн.-Новг., № 1, л. 365; Оп. Щук. Муз. III, стр. 117) [3]).

1616—1618 г.г. Данило Яковлевъ * (Оп. Щук. Муз. III, стр. 116., Кн. Разр. I, стр. 664).

1618—1619 г.г. Чемесовъ * (Кн. Рязр. I, стр. 664).

1619 г. Коноплевъ * (Кн. Разр. I, стр. 664).

1619 г. Богданъ Губинъ * (Д. А. И. II, 49) [4]).

1624 г. Иванъ Парфеновъ * (А. М. И. Д. Кн. по Сольвыч. № 2, л. 7 об.).

1624 г. Ѳедоръ Кузьмищевъ * (А. М. И. Д. Кн. по Сольв., л. 11).

1628—1631 г.г. Петръ Копнинъ (П. Д. С. Л., Св. 68, № 25, Вор. Губ. Вѣд. 1851 г., № 16, Кн. Разр. II, стр. 302).

1630—1636 г.г. Ѳедоръ Апраксинъ (Кн. Разр. II, стр. 302, 368; А. Угл., 138, 147, 150; Р. И. Б., IX, стр. 526, Р. И. Б., X, стр. 2).

1631—1632 г.г. Александръ Дуровъ (Кн. Разр. II., стр. 368, А. Угл., 131).

1632—1648 г.г. Василій Яковлевъ (Р. И. Б. IX, стр. 526.

---

1) Въ 1622 г. онъ уже дьякъ пушкарскаго приказа, Д. А. II, II, 48.

2) У Миллера Андрей Подлѣсовъ показанъ лишь съ 1628 г. Въ 1631 г. Подлѣсовъ уже въ Астрахани, кн. Разр., II, стр. 352, куда онъ посланъ въ 1630 г., кн. Разр. II, стр. 302. Въ 1611 и 1612 г. онъ дьякъ Галицкой чети, А. Ряз. Кр. №№ 5 и 6.

3) Въ 1622 г. онъ уже дьякъ каменнаго приказа, А. Моск. Госуд., I, 151, гдѣ онъ служилъ еще и въ 1631 г., Д. А. II., II, 58. Точныя свѣдѣнія о его службѣ въ ямскомъ приказѣ мы имѣемъ только для 1615 и 1616 г., но вѣроятно онъ больше и не служилъ, такъ какъ съ 1616 г. мы встрѣчаемъ въ ямскомъ приказѣ второго дьяка Данилу Яковлева.

4) Въ 1622 г. онъ, видимо, уже не былъ въ приказѣ. Лихачевъ, Разр. дьяки, Прилож., стр. 57.

Угл. А., 147, 150, 162, 163, 170, 175. Р. И. Б., X, стр. 2, 38, 105, 202, 240, 302, 402; Акты Ряз. Кр., 38, Вор. А., II, 68) [1]).

1636 - 1644 г.г. Никифоръ Демидовъ (Р. И. Б., X, стр. 38, 105, 202, 240; П. Д. С. Л., Св. 135, № 43, Св. 154, № 121, Уг. А., 170, Акты Ряз. Края, 28) [2]).

1642 г. Михаилъ Бухаровъ * (П. Д. С. Л, Св. 154 № 121) [3]).

1643—1645 (до марта) Григорій Углевъ.

1645—1646 г.г. Артемій Хватовъ (Угл. А., 175; Акты Вороп. Стат. Ком., 34) [4]).

1646—1667 г.г. Никита Головнинъ (Р. И. Б., стр. 302, А. Вор. Ст. Ком. 46, А. Вор., II, стр. 144, Вор. Ак., III, стр. 94, Д. А. И., V, 46, XIII, А. Моск. Гос., т. II., 1109) [5]).

1648—1650 г.г. Герасимъ Дохтуровъ (Ак. Моск. Госуд., II, 420) [6]).

1653 г. Сидоръ Давыдовъ (Ак. Ряз. Края, 29) [7]).

1659 г. Павелъ Симановскій (А. М. Г., II, 1109) [8])

1660—1663 г.г. Иванъ Горяйновъ (Вор. Губ. Вѣд., 1850 г., № 35, Р. И. Б., X, стр. 566; В. А., II, стр. 144; А. Вор. С. К., 46;) [9]),

---

[1]) у Миллера только съ 1633 г.

[2]) Въ службѣ Никифора Демидова послѣ февраля 1647 г. былъ кратковременный перерывъ, но въ ноябрѣ 1641 г. онъ еще былъ въ Москвѣ (Р. И. Б., X, стр. 300, а отъ 1 февраля 1642 г. имѣется отписка за его подписью (У. А, 170). Въ февралѣ 1645 г. онъ уже въ Новгородѣ (Р. И. Б., V, стр. 24).

[3]) Михаилъ Бухаревъ былъ недолго. Онъ былъ назначенъ вмѣсто уѣзжавшаго Демидова, но послѣдній вернулся въ приказъ уже не познѣе марта 1643 (А. Ряз. края, 28).

[4]) Въ декабрѣ 1646 г. онъ уже въ пушкарскомъ приказѣ (А. Э, IV, 12), а въ сентябрѣ въ ямскомъ приказѣ на его мѣстѣ уже Никита Головнинъ (Р. И. Б. X, стр. 302). Миллеръ опредѣляетъ, что Хватовъ уволенъ изъ приказа 18 августа 1646 г.

[5]) У Миллера—Головкинъ; поэтому въ 1666 г. показанъ умершимъ; а въ 1668 г. опять показанъ тотъ-же Никита Головкинъ и опять сказано, что онъ умеръ. Дальше 1667 г. о Головкинѣ мы свѣдѣній не нашли.

[6]) Мы точно не знаемъ, когда онъ былъ назначенъ, но, вѣроятно, послѣ Яковлева сейчасъ-же. Въ 1650 г. въ февралѣ онъ еще былъ въ ямскомъ приказѣ, а раньше іюля того-же года былъ уже въ Псковѣ Д. А. И., III, 74.

[7]) Вѣроятно, онъ былъ съ 1650 г., послѣ Дохтурова. У Миллера—съ 1654.

[8]) У Миллера съ 1657 г.

[9]) У Миллера съ 1661 по 1667.

1667 г. Иванъ Чистой (Д. А. И. V, 46, XIII; Вор. Акты. III, стр. 94) [1]).

1666—1671 г.г. Василій Якимовъ [2]).

1666—1675 г.г. Михаилъ Чертовскій [2]) (Для 1671 г.— Ворон. Губ. Вѣд. 1851 г., № 6; для 1669 г. - Челоб. гр. Всполох., строка 328).

1669—1671 г.г. Артемій Козловъ (А. Юр. Кал., III, 365; Вор. А., III, стр. 156, Вор. Губ. Вѣд., 1851 г. № 6) [3]).

1675 г. Афанасій Башмаковъ (Д. А. И. V, 24, XVI) [4])

1678—1679 г.г. Юрій Блудовъ (Д. А. И. VIII, 19, I, Д, А. И IX, 46 А. И. V, 29, Имп. Пуб. Б., F., IV, 648) [5]).

1675—1680 г.г. Семенъ Домашневъ (Д. А. И. IX, 46; А. И. V, 29, Д. А. И. VI, 24, XVI); [6])

1677 г. Яковъ Чичаговъ * (Опис. Долм. Арх., стр. 63)

1678—1680 г.г. Иванъ Клементьевъ * (А. И., V, 29; Кн. Раз. II, стр. 1096, Д. А. И., VIII, 28, VI, IX; 49, II; 66; А. Юр. К., II, 246, XVII; А. И. V, 29).

1678—1680 г.г. Борисъ Остолоповъ * (Д. А. И. IX, 46; Д. А. И. VIII, 28, VI, XI; 49, II; 66; А И. V. 29, К. Разр., II. стр 1096).

1680 г. Филиппъ Артемьевъ * (Д. А. И. VIII, 28, VI, XI)

1686 г. Артамонъ Афанасьевъ [7]).

1686—1689 г.г. Гавріилъ Хлудовъ.

1686 г. Федоръ Деревнинъ [8]).

1685—1689 г.г. Алексѣй Зуевъ (Раз. дѣло о Ѳед. Шакл.,

---

1) У Миллера съ 1666 г., въ томъ-же году отставленъ, назначенъ въ 1668 г. и опять отставленъ.

2) У Миллера обозначенъ въ ихъ службѣ перерывъ между 1666—1668 г.г., но едва-ли это слѣдуетъ изъ челоб. Гр Всполохова, строки 320 и сл.

3) У Миллера только съ 1671 и, видимо, до 1675 г.

4) У Миллера—еще въ 1677 г.

5) У Миллера—съ 1675 г. Въ 1679 г. Блудовъ умеръ (Д. А. И. IX, 46).

6) У Миллера только по 1677 г.

7) О немъ мы знаемъ только, что въ 1683 г. онъ былъ въ приказѣ казанскаго дворца, Д. А. И. X, 85. Тамъ-же и въ 1684, А. И V, 115.

8) Не о Гавріилѣ-ли Деревнинѣ тутъ рѣчь? Ѳедора Деревнина мы вообще нигдѣ никогда не встрѣчали, а Гавріилъ Ѳедоровичъ Деревнинъ былъ очень вліятельнымъ дьякомъ въ концѣ 17 в.; вскорѣ онъ—думный дьякъ. Но въ ямскомъ приказѣ, кажется, Гавріилъ Деревнинъ не былъ.

т. I, стр. 825, 826. Вельяминовъ-Зерновъ, Изслѣд. о касим. царяхъ и царев., I, 482) [1]).

1686 г Иванъ Меркуловъ * (Вел.-Зерн., I. 482).

1686 г. Андрей Озеровъ.

1689 г. Григорій Родіоновъ

1699—1700 г.г. Иванъ Золотухинъ * (Акт. Вор. Ст. Ком. А. Юр. Кал. I, 58, III) [2]).

Дополненія и важнѣйшія опечатки.

Къ стр. 35—36. Говоря объ ойратскомъ уставѣ, мы не упомянули объ изслѣдованіи проф. Голстунскаго „Монголо-ойратскіе законы 1640 г.", изд. 1880 г. Въ этомъ изслѣдованіи находимъ переводъ съ подлиннаго текста законовъ. Ничего новаго, однако, для нашего изложенія этотъ переводъ не даетъ. Ср. приведенныя въ нашей книгѣ тексты Леонтовича и Палласа съ текстомъ проф. Голстунскаго на стр. 39: „непремѣнно должно давать три законныя подводы; дожно различать обязанности посланнаго, отправляющагося по дѣламъ вѣры и правленія; посланному, отправляющемуся по случаю болѣзни главнаго князя и его супруги, или по случаю нападенія великаго непріятеля должно давать подводы".

Къ стр. 129., пр. I., гдѣ напечатано: Q. IV, 1236, л. 263 и сл. Слѣдуетъ читать: Q. IV, № 263, послѣ л. 236 и сл.

Къ стр. 131, къ строкѣ 11 снизу надлежитъ примѣч. 5, отнесенное ошибочно къ стр. 130, а вмѣсто примѣч. 5 къ 130 стран. надлежитъ пропушенное: А. Сп. М., I, XXXIX.

Къ стр. 175. Вмѣсто Руфъ Игнатьевъ слѣдуетъ читать Руфъ Ивановъ.

Къ стр. 190. Здѣсь въ примѣч. Сулешевъ показанъ, какъ дѣятель начала 16 вѣка. Слѣдуетъ читать начала 17 вѣка.

---

[1]) У Миллера онъ только съ 1686 г.

[2]) У Миллера онъ еще въ 1689 г.

А. Свирщевскій

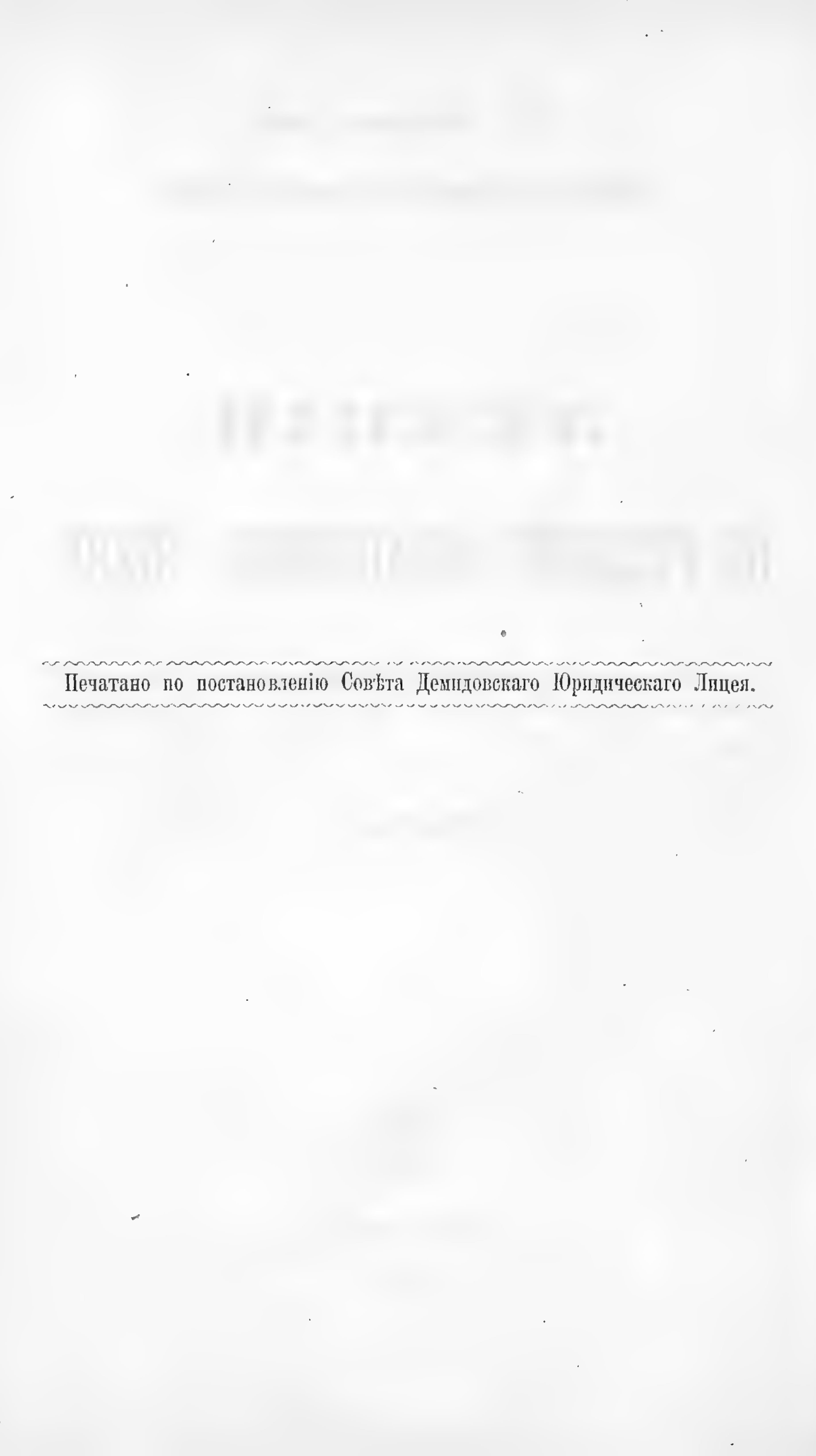
Приватъ-доцентъ Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ЛЕКЦІИ

ПО РУССКОМУ ФИНАНСОВОМУ ПРАВУ.

ВЫПУСКЪ I.

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1900.



Печатано по постановленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

Предлагаемый конспектъ лекцій, читанныхъ мною студентамъ Демидовскаго Юридическаго Лицея, издается въ качествѣ пособія для подготовленія къ курсовымъ испытаніямъ. Выпускъ первый посвященъ краткому очерку финансовой исторіи Россіи и обыкновеннымъ государственнымъ доходамъ, какъ главному элементу финансоваго хозяйства. Во второй выпускъ войдутъ свѣдѣнія о государственныхъ расходахъ, о чрезвычайномъ бюджетѣ, о государственномъ долгѣ, о финансовомъ управленіи, отчетности и контролѣ и о мѣстномъ (земскомъ, городскомъ и мірскомъ) финансовомъ хозяйствѣ.

А. С.

КОНСПЕКТЪ

ЛЕКЦІЙ

ПО РУССКОМУ ФИНАНСОВОМУ ПРАВУ.

Приватъ-доцента Демидовскаго Юридическаго Лицея

А. Свирщевскаго

ЯРОСЛАВЛЬ.
Типографія Губернскаго Правленія.
1900.

Печатано по постановленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ОЧЕРКЪ
ИСТОРІИ ФИНАНСОВОГО ХОЗЯЙСТВА РОССІИ.

---

§ 1. **Основныя черты финансоваго строя княжеской Руси.** Финансовое состояніе древнѣйшаго княжескаго періода Руси можетъ быть выяснено на основаніи немногочисленныхъ историческихъ источниковъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Древне-русское княжество носило въ себѣ очень слабые, первичные зародыши государственности; въ немъ преобладали частно-хозяйственныя, вотчинныя черты. Содержаніе князя, военныя предпріятія, примитивное управленіе и судъ, какъ важнѣйшая составная часть послѣдняго, были единственными коллективными потребностями древнѣйшихъ русскихъ политическихъ союзовъ. Удовлетвореніе этихъ потребностей, какъ и вообще повсюду на первыхъ ступеняхъ развитія государственной жизни, совершалось на счетъ двухъ системъ: *личныхъ повинностей и натуральныхъ поставокъ.*

Представителями государственнаго строя и, такъ сказать, носителями общественныхъ потребностей были первоначально князь и дружина (впослѣдствіи къ нимъ присоединилась церковь) Они управляли страной, они творили судъ и расправу, они несли на себѣ военныя обязанности по защитѣ страны, по охраненіи торговыхъ путей и по обезпеченію внутренняго порядка. Необходимость ихъ содержанія и была первой финансовой обязанностью подчиненнаго имъ населенія. Князь жилъ самъ и содержалъ находившуюся при немъ дружину частью на доходы отъ своего с о б с т в е н н а г о х о з я й с т в а, важнѣйшими эле-

ментами котораго были охота, рыбная ловля, скотоводство, торговля, а позднѣе преимущественно земледѣліе, частью на счетъ дани,*) т. е. натуральныхъ сборовъ съ населенія, или доставлявшихся князю самими племенами („повозы", по объясненію проф. Ключевскаго) или собиравшихся княземъ или его уполномоченными при объѣздѣ владѣній «полюдье»). Къ этимъ натуральнымъ поставкамъ, принудительнымъ или добровольнымъ («дары», «поклоны» или «поконы», «почестье») присоединялись личныя частно-хозяйственныя повинности населенія въ пользу князя, какъ частнаго хозяина-землевладѣльца. Эти повинности заключались въ обязанности: ставить княжескій дворъ, кормить княжескихъ коней, косить княжіе луга, пахать княжія села, сгонять княжія дрова, бить ѣзы заколы въ рѣкахъ для ловли рыбы въ пользу князя, давать куръ княжимъ сокольникамъ для корма соколовъ, отправляться по приказанію княжескихъ ловчихъ на лосей и медвѣдей и т. п., словомъ, исполнять почти всѣ услуги, въ которыхъ могло нуждаться княжеское хозяйство.

Военныя предпріятія велись княземъ и дружиной, очень часто при содѣйствіи охочихъ людей и въ чрезвычайныхъ случаяхъ при помощи народнаго ополченія; военная добыча служила средствомъ вознагражденія принимавшихъ участіе въ войнѣ лицъ. Судъ и управленіе отправлялись людьми, поставленными для этого княземъ; за свою дѣятельность эти лица, волостели и намѣстники, пользовались правомъ на *кормъ* отъ жителей. Намѣстникъ и волостель при въѣздѣ въ городъ или волость получали «въѣзжее», кто что принесетъ, потомъ на праздники два или три раза въ годъ (на Великъ день, Петровъ день, Рождество Хр.) получали кормъ натурою или деньгами; вторымъ источникомъ дохода служили

*) Въ первоначальномъ своемъ видѣ дань служила какъ бы выкупомъ, за который побѣжденные выкупали себѣ жизнь или свободу отъ рабства. Основаніемъ для такого мнѣнія служитъ слѣдующее мѣсто лѣтописи: „Ольга старѣйшины города изъима и прочая люди овыхъ изби, а другая работѣ предастъ мужемъ своимъ, а прокъ ихъ остави платити дань. И возложи на нихъ дань тяжку". По мѣрѣ того, какъ связь между покоренными племенами и князьями укрѣплялась, дань обращалась въ постоянный болѣе или менѣе опредѣленный сборъ. Мало по малу употребленіе слова „дань" сдѣлалось еще болѣе общимъ и оно пріобрѣло значеніе прямаго сбора вообще, безъ различія способа взиманія, сперва лишь по отношенію къ покореннымъ племенамъ, а затѣмъ по отношенію вообще къ подчиненному населенію.

судебныя пошлины, а иногда и другіе сборы, жаловавшіеся князем кормленщику. Назначеніе лица для суда и управленія было не столько возложеніем на него обязанности, сколько пожалованіем *кормленія*, т. е. должности соединенной съ правомъ на опредѣленные обычаемъ поборы съ жителей.

О натуральномъ характерѣ древнѣйшаго финансоваго хозяйства существуютъ многочисленныя свидѣтельства. Извѣстно, напр., что поляне платили дань козарамъ—отъ дыма мечъ; позднѣе тѣ же козары брали дань съ полянъ, сѣверянъ и вятичей «по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма». Олегъ въ 6391 г., «примучивъ» древлянъ, взялъ съ нихъ дань «по черной кунѣ». Князья русскіе, р зсказываетъ Константинъ Порфирородный, обыкновенно при наступленіи ноября мѣсяца со всею Русью выходятъ изъ Кіева и отправляются или въ полюдье или въ славянскія земли древлянъ, дреговичей и другихъ племенъ, платящихъ дань Руси. Между тѣмъ, въ продолженіе зимы, племена, платящія дань Руси, рубятъ деревья, изъ нихъ дѣлаютъ лодки и въ апрѣлѣ сплавляютъ ихъ къ Кіеву, вытаскиваютъ на берегъ и дожидаются возвращенія Руси. Русь въ апрѣлѣ въ половодье съ данью, собранной зимой, возвращается къ Кіеву, покупаетъ эти лодки, оснащиваетъ, грузитъ и сплавляетъ къ Констатинополю. «Не трудно понять, говоритъ по поводу этого разсказа проф. Ключевскій, какіе товары наполняли эти караваны лодокъ, сплавлявшихся лѣтомъ къ Константинополю. Это – дань натурой, привозимая княземъ и его дружиной послѣ зимняго объѣзда.» Что кормъ доставлялся натурой, объ этомъ свидѣтельствуетъ большое количество актовъ, относящихся даже къ гораздо позднѣйшимъ эпохамъ. Тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что уже весьма рано первоначально натуральные сборы начали принимать и денежную форму Вообще торговый характеръ приднѣпровской Руси, отличавшейся довольно высокимъ развитіемъ денежнаго оборота, рано вызвалъ къ существованію и чисто денежные сборы съ населенія въ пользу князя и его кормленщику; таковы были *таможенныя и судебныя пошлины.*

Татарское нашествіе имѣло своимъ послѣдствіемъ наложеніе на русскія княжества дани въ пользу татаръ, для опредѣленія размѣра которой производились періодическія переписи населенія. Эта дань представляла собою прямой денежный налогъ, взимавшійся въ концѣ 13-го вѣка, какъ сообщаетъ Татищевъ, по полугривнѣ съ сохи, „а въ сохѣ числиша два мужи работники“. Съ тѣхъ поръ *соха*, какъ опредѣленная экономическая единица, сдѣлалась основной мѣрой для распредѣленія прямыхъ сборовъ и личныхъ повинностей.

Татарская дань сыграла важную роль въ развитіи нашей государственной жизни. Извѣстно что въ зап. Европѣ однимъ изъ важнѣйшихъ условій благопріятствовавшихъ развитію представительныхъ учрежденій, была необходимость для монарховъ обращаться за разрѣшеніемъ прямыхъ налоговъ къ сословіямъ. У насъ дань, прямая подать, возникшая первоначально въ качествѣ контрибуціи побѣжденныхъ племенъ, благодаря татарскому нашествію въ теченіи цѣлыхъ столѣтій пріучала населеніе къ платежу прямого налога и прививала ему сознаніе естественности и необходимости такого порядка. Сборъ татарской дани съ теченіемъ времени перешелъ въ руки московскаго князя; онъ способствовалъ закрѣпленію на мѣстѣ крестьянскаго „тяглаго“ населенія и повелъ къ выработкѣ основныхъ пріемовъ и органовъ податной администраціи. Уничтоженіе ига ничего не измѣнило въ этомъ порядкѣ, и населеніе по-прежнему продолжало платить дань, но теперь, поступая въ великокняжескую казну, она уже тамъ и оставалась, а съ возникновеніемъ новыхъ потребностей правительство не замедлило воспользоваться сложившимся уже порядкомъ для извлеченія изъ населенія новыхъ средствъ. И такъ возникнувъ, какъ слѣдствіе подчиненія побѣдителю, татарская дань привела къ образованію понятія „*тягла*“, какъ общей податной обязанности населенія.

§ 2. **Московскій періодъ.** Въ Московскомъ государствѣ развитіе государственно хозяйственной системы совершается подъ непосредственнымъ вліяніемъ долгихъ и отяготительныхъ войнъ, которыя пришлось вести правительству. Представитель земледѣльческой Руси, прочно

осѣвшій въ Москвѣ, великій князь и позднѣе царь московскій является крупнымъ землевладѣльцемъ, пользующимся всякимъ случаемъ для расширенія своихъ земельныхъ пріобрѣтеній. При неразвитости другихъ финансовыхъ источниковъ этотъ фондъ недвижимыхъ имуществъ послужилъ новымъ средствомъ обезпеченія государства необходимыми личными силами, создавъ такъ называемую *помѣстную систему*, т. е. раздачу пустой или жилой государственной земли въ качествѣ вознагражденія за службу и вмѣстѣ съ тѣмъ средства для исправнаго отбыванія службы. Зародившись первоначально еще въ удѣльный періодъ, съ половины XV в. помѣстная система представляетъ уже стройный и сложный порядокъ, основанный на точно опредѣленныхъ и постоянныхъ правилахъ. Создавая многочисленную вооруженную силу, правительство расходовало огромныя количества земель для обезпеченія ея земельными дачами. Вмѣстѣ съ тѣмъ служебная обязанность постепенно распространена была и на вотчинныя земли, и служба, какъ личная повинность, поставлена въ тѣсную связь съ землевладѣніемъ.

Но развившаяся въ этомъ періодѣ система помѣстная вмѣстѣ съ прежней системой кормленій были недостаточны для возросшихъ нуждъ государства, и съ расширеніемъ военныхъ дѣйствій все настоятельнѣе обнаруживается потребность въ деньгахъ. Послѣ завоеванія Казани служилые люди въ прибавку къ своимъ земельнымъ дачамъ и доходамъ стали получать оклады денежнаго жалованья. Рядомъ съ обезпечиваемой помѣстной системой конницей обнаруживается необходимость въ пѣхотѣ, вооруженной огнестрѣльнымъ оружіемъ, которая и образуется въ видѣ «пищальниковъ», получившихъ съ средины XVI в. названіе стрѣльцовъ и содержавшихся уже на постоянное ежегодное жалованье. Возникновеніе пѣхоты побудило правительство прибѣгнуть къ установленію *новыхъ прямыхъ налоговъ*, и въ срединѣ XVI в., въ дополненіе къ старинной «дани» и ямскому сбору создается рядъ *военныхъ* податей: «пищальныя деньги» — на содержаніе пищальниковъ, «емчужныя» — на изготовленіе пороха для ружей, сборъ на «городовое» и «засѣчное»

дѣло, т. е. на постройку укрѣпленій и засѣкъ по южной окраинѣ, «полоняничныя деньги» на расходы по выкупу изъ плѣна русскихъ. Въ XVII в. военные расходы возрастаютъ еще больше, отчасти вслѣдствіе найма цѣлыми полками иностранныхъ солдатъ и офицеровъ, а еще въ большей мѣрѣ вслѣдствіе паденія цѣнности денегъ и повышенія цѣны жизненныхъ припасовъ. Послѣ смутнаго времени правительство все время борется съ денежной нуждой и увеличиваетъ въ огромныхъ размѣрахъ податное бремя. Рядомъ со старой ямскою податью (въ размѣрѣ 10 р. съ сохи), возникаетъ новая большая ямская подать, доходившая до 800 р. съ сохи; рядомъ со старыми пищальными деньгами возникаютъ новыя «стрѣлецкія», поднявшіяся во второй половинѣ XVII в. до 700 - 800 р. съ сохи. Кромѣ того, при каждой экстренной нуждѣ правительство оказывается вынужденнымъ обращаться къ чрезвычайнымъ военнымъ налогамъ: сбору «пятинныхъ» «десятинныхъ» и т. п. денегъ. Наконецъ въ качествѣ чрезвычайнаго рессурса правительство прибѣгло къ порчѣ монеты*). Параллельно съ прямыми налогами развивалась и система косвеннаго обложенія и пріобрѣтали точную опредѣленность судебныя и административныя пошлины.

Остановимся на выясненіи основныхъ чертъ *налоговой системы* московскаго государства. Прежде всего замѣтимъ, что не въ ней лежалъ центръ финансового управленія, какъ совокупности средствъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей: этими средствами служили, главнымъ образомъ, системы кормленій и помѣстій и соединявшаяся съ ними система личныхъ повинностей:

---

*) Первый разъ къ этому средству правительство прибѣгло въ 1654 г. Въ этомъ году иностранные ефимки, рыночная цѣна которыхъ равнялась 40—42 коп. перечеканены были въ „рубли“, съ прибылью такимъ образомъ въ 158%; въ томъ же году начатъ былъ выпускъ вмѣсто серебряной - мѣдной монеты, особенно усилившійся съ 1656 г. Результатомъ было страшное паденіе цѣнности монеты—до 15% ея номинальной стоимости, и это вполнѣ естественно, такъ какъ, при цѣнѣ мѣди въ 5 р пудъ, изъ фунта ея чеканилось 838 коп. монеты, т. е., какъ говоритъ Майербергъ, царь могъ купить за 150 к. такое количество мѣди, изъ котораго можно было надѣлать копѣечниковъ на 100 р.. За паденіемъ цѣнности монеты не замедлило, конечно, послѣдовать соотвѣтствующее повышеніе цѣнъ на всѣ товары, что повело къ крайне стѣсненному положенію служилыхъ людей и сокращенію покупной силы денежныхъ доходовъ самой казны.

служебная обязанность землевладѣльцевъ и рядъ повинностей тяглаго населенія: ратная повинность, гордовое и острожное дѣло, ямская повинность и пр.. Но, какъ уже отмѣчено выше, налоговая система успѣла пріобрѣсти въ этотъ періодъ очень высокое значеніе сравнительно съ предшествовавшимъ, и это значеніе все усиливалось и росло съ теченіемъ времени и съ развитіемъ военныхъ потребностей. Разсматривая отдѣльныя члены этой системы, мы можемъ ясно опредѣлить въ ней тѣ двѣ разновидности обложенія, которыя въ настоящее время образуютъ понятія прямыхъ и косвенныхъ налоговъ.

§ 3. Група **прямыхъ налоговъ**, обнимавшаяся общимъ названіемъ «подати» и представлявшая наиболѣе подвижную и подверженную измѣненіямъ часть этой системы, слагалась изъ первоначальной дани, являвшейся продолженіемъ дани татарской, изъ налоговъ, происхожденіе которыхъ находилось въ связи съ военными потребностями,— полоняничныхъ, емчужныхъ, пищальныхъ и стрѣлецкихъ денегъ, временныхъ экстренныхъ поимущественно – подоходныхъ сборовъ (пятая, десятая деньга и т. п.), ямскихъ денегъ и возникшаго, вслѣдствіе проведенной Иваномъ Грознымъ реформы мѣстнаго управленія, – оброка «за намѣстничъ кормъ и пошлинныхъ людей намѣстника». Такимъ образомъ прямые сборы были довольно разнообразны. Но необходимо имѣть въ виду, что въ то время правительство еще не обращало вниманія на податной источникъ (т. е. на ту дѣйствительную часть народнаго дохода, на которую падалъ тотъ или другой видъ налога), и податная единица въ сущности была одна и та же для всѣхъ разновидностей; поэтому отдѣльные виды прямыхъ налоговъ различались между собой не столько по существу или способу организаціи, сколько по тѣмъ потребностямъ, на удовлетвореніе которыхъ они предназначались*).

Важнѣйшими вопросами для характеристики всякой податной системы являются два: какіе классы общества привлекаются къ несенію прямыхъ налоговъ и какъ

*) *Лаппо-Данилевскій* Организація прямаго обложенія въ московскомъ государствѣ со временъ смуты съ эпохи преобразованій, СПБ. 1890. стр. 34.

эти налоги распредѣляются между обложенными классами. Въ московскомъ государствѣ всѣ обязанности гражданъ по отношенію къ государству раздѣлялись на двѣ группы: служебныя (военныя) и податныя; исполненіе этихъ обязанностей дѣлило и все общество на двѣ части: служилыхъ людей и тяглыхъ; люди служилые не выполняли податныхъ обязаностей; люди тяглые—военныхъ. Различіе это создавалось, конечно, постепенно; но «съ объединеніемъ сѣв. Руси, государственная служба служилыхъ людей сдѣлалась обязательною; тогда и поземельныя льготы, какъ ея послѣдствія, перестали быть случайнымъ исключеніемъ, личнымъ отличіемъ, стали общимъ, нормальнымъ явленіемъ. Онѣ служили такимъ же матеріальнымъ средствомъ для исправнаго отбыванія государственной повинности ратнаго человѣка, какимъ были помѣстныя дачи, и какъ самая эта повинность стала политическою особенностью цѣлаго класса служилыхъ землевладѣльцевъ, такъ и землевладѣльческія льготы получили значеніе сословныхъ преимуществъ служилаго класса» (*Ключевскій*, Боярская дума др. Руси, изд. 2.— стр. 229). Не тянули тягла, т. е., не платили прямыхъ налоговъ, не только дворцовые высшіе служилые люди и собственно войско, но и служилые люди низшихъ разрядовъ, затѣмъ люди, несшія гражданскую службу по назначенію правительства (воеводы, приказные люди), гости и торговые люди гостинной и суконной сотенъ, служившіе по финансовому вѣдомству, казенные ремесленники и ямщики. Вмѣстѣ со служилыми людьми освобождались отъ тягла и лица, отправлявшія у нихъ дворцовую, холопскую службу, холопы, считавшіеся ихъ частною собственностью. Другой классъ общества, не несшій податного бремени, было духовенство. Государевы богомольцы своими молитвами предуготовляли вел. князю и его сподвижникамъ успѣхъ въ земной жизни и путь въ царствіе небесное; великіе князья, до временъ Грознаго, вознаграждали эти услуги земельными дачами изъ госуд. земель и податными привиллегіями. Эти преимущества окрѣпли и увеличились подъ вліяніемъ политическаго значенія, какое получили лица духовныя какъ проводники религіозно-нравственныхъ идеаловъ христіанства, выра-

ботавшихся на почвѣ византiйскаго цесаризма, и какъ сознательные приверженцы московскаго самодержавiя. Къ дѣйствiю внутреннихъ причинъ присоединилось влiянiе внѣшнихъ: ханскiе ярлыки, дарованные духовенству и освобождавшiе его отъ податей, естественно сохранили отчасти свое значенiе и въ позднѣйшее время. Результатомъ взаимодѣйствiя всѣхъ вышеуказанныхъ причинъ оказалось привиллегированное положенiе духовенства; кругъ дѣятельности, въ которомъ удовлетворенiе частныхъ религiозныхъ потребностей вел. князя и его двора переплеталось съ воспоминанiями о политическихъ услугахъ, оказанныхъ государству, и привиллегiяхъ, выданныхъ татарскимъ ханомъ, ставилъ духовенство внѣ распредѣленiя податныхъ и служебныхъ обязанностей между правоспособными членами общества» (Лаппо-Данилевскiй стр. 58). Раздѣленiе на тяглые и нетяглые или податные и неподатные классы произошло у насъ совершенно аналогично соотвѣтствующему явленiю въ зап. Европѣ, гдѣ, какъ напр., во Францiи выработалось стереотипное оправданiе этого явленiя: дворянство служитъ государству своимъ оружiемъ, духовенство—молитвами и остальной народъ—налогами.

Къ тяглому, т. е. несшему прямые налоги населенiю въ Московскомъ государствѣ принадлежали: 1) черные люди, т. е. обыватели черныхъ или государственныхъ земель, крестьяне, посадскiе и слобожане; 2) обитатели земель, принадлежавшихъ отдѣльнымъ лицамъ и установленiямъ въ полную собственность или предоставленныхъ имъ отъ правительства на полномъ владѣльческомъ правѣ: а) крестьяне дворцовые и оброчные, т. е жившiе на земляхъ, принадлежащихъ государю; б) крестьяне помѣщичьи, вотчинные, монастырскiе и церковные.

Перейдемъ теперь къ другому вопросу податной организацiи Московскаго государства—прiемамъ распредѣленiя податнаго бремени между тяглымъ населенiемъ. Тяжесть сборовъ и повинностей, налагавшихся на тяглыя хозяйства, соразмѣрялись съ размѣрами послѣднихъ. Для уравненiя податной тяжести тяглыя хозяйства распредѣлялись и расписывались на равномѣрные участки. Эти участки назывались *«сохами»*.

Взиманіе податей съ сохи сдѣлалось господствующимъ, вѣроятно уже съ XIV ст. Въ высшей степени любопытно слѣдующее мѣсто въ грамотѣ 1437 г. вел. кн. Василія Вас. на черный боръ по Новоторжскимъ властямъ: «а брати князя великаго черноборцемъ на Новоторжскихъ волостѣхъ на всѣхъ, куда пошло по старинѣ, съ сохи по гривнѣ по новой...; а въ соху два коня, да третье припряжь, да тшанъ кожевнической за соху, неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнецъ за соху, четыре пѣшцы за соху, лодья за двѣ сохи; а кто сидитъ на исполовьи, на томъ взяти за полсохи». Это мѣсто показываетъ, что соха въ XV в. была податной единицей, примѣнявшейся не только для обложенія земель, но и для обложенія всѣхъ остальныхъ видовъ хозяйственнаго имущества; всякое хозяйство, откуда бы оно ни получало средства своего существованія, какому бы производительному занятію ни было оно посвящено, должно было, такимъ образомъ, пріурочиваться къ одному общему податному масштабу. Соха въ разсматриваемой грамотѣ играетъ роль основной мущественной или, точнѣе, производительной единицы, къ которой орудія остальныхъ промысловъ подгоняются сообразно степени ихъ доходности.

Какимъ образомъ правительство опредѣляло число сохъ въ XIV и XV вв., — неизвѣстно. Но уже въ духовной грамотѣ вел. кн. Василія Вас. 1462 г. высказывается мысль объ общей финансовой переписи: „а какъ почнутъ дѣти мои жити по своимъ удѣломъ ... пошлютъ писцовъ въ удѣлы свои, и писцы ихъ опишутъ по крестному цѣлованью, да по тому письму и обложатъ по сохамъ и по людемъ». Есть свѣдѣнія, что предположенное описаніе не было выполнено еще въ 148. г., но въ ближайшіе слѣдующіе годы быстрый ходъ собиранія Руси Иваномъ III даетъ сильный толчокъ къ производству переписей: немедленно по присоединеніи посылаются писцы на Бѣлоозеро (1490—1504), въ Тверь (1491) и ея удѣлы — Старицу, Зубцовъ, Клинъ, Холмъ, Кашинъ, Звенигородъ; въ 1496 г. произведена посощина въ Новгородскихъ земляхъ, въ 1489 г.—въ Костромскихъ, въ 1503 г.— въ Вологодскихъ. «Новое» великокняжеское письмо упраздняетъ вездѣ писцовыя книги удѣльныхъ князей и, вѣроятно,

вводитъ повсюду большую такъ называемую Московскую соху (въ 10 разъ превышавшую размѣры Новгородской сохи). Въ послѣдующее время описанія подновляются непрерывно, но общая перепись начинается, повидимому, лишь съ началомъ боярскаго правленія, когда въ разные уѣзды Московскаго государства являются «большіе писцы» и пишутъ «большое письмо», которое заканчивается къ 1547 г., началу правленія Ивана IV.

Съ 1550 г. переписная дѣятельность возобновляется, но съ этого времени въ самомъ сошномъ письмѣ замѣчается весьма рѣзкая перемѣна. Эта перемѣна заключалась въ слѣдующемъ. Писцовыя книги до половины XVI ст. не даютъ обыкновенно указаній на то, какое количество пашни переводилось на соотвѣтствующее количество сошнаго письма, не даютъ свѣдѣній о геометрическомъ протяженіи сохи. Писцовыя книги этой эпохи сообщаютъ только свѣдѣнія о количествѣ дворовъ, ихъ мужскомъ рабочемъ населеніи, о количествѣ высѣва хлѣба и укоса сѣна и рядомъ съ этимъ о количествѣ сошнаго письма. Но въ общемъ послѣднее не можетъ быть поставлено ни въ какое точное соотношеніе со всѣми другими указываемыми въ книгахъ величинами. Вслѣдствіе этого точнаго, опредѣленнаго понятія о томъ, что такое была соха до второй половины XVI в., составить невозможно; принципы, по которымъ производилось подведеніе тяглой единицы подъ ту или иную долю сохи, представляютъ тайну, раскрыть которую съ большой или меньшей ясностью до сихъ поръ не удалось нашей исторической наукѣ. *Со второй половины XVI в.* начинается новый типъ писцовыхъ книгъ: онѣ, главнымъ образомъ, указываютъ *количество пашни*, почти всегда характеризуютъ и ея *качество* (добрая, средняя, худая) и, большею частью, совершаютъ переводъ ея на сошное письмо *по опредѣленной нормѣ*. Здѣсь соха превращается въ опредѣленную геометрическую площадь, имѣющую извѣстное количество четвертей пашни въ зависимости отъ качества послѣдней. Эта реформа сошнаго письма восходитъ къ 1551 г. и поставляется проф. Милюковымъ въ связь съ проэктомъ генеральной переписи, предложенной на Стоглавомъ соборѣ: «писцовъ послати во всю землю *писати* и смѣтити мои, вел. князя,

й митрополичьи.... и земскія земли всякія, *а мѣрити* пашенная земля и непашенная»... Исполненіе этого проэкта не замедлило начаться: съ начала 50-хъ гг. въ грамотахъ начинаютъ встрѣчаться постоянныя ссылки на новыхъ «большихъ писцовъ и мѣрщиковъ», ожидаемыхъ то въ той, то въ другой мѣстности и за «книгами новаго письма» большихъ писцовъ 1538—47 г съ 1555—6 г. послѣдовала новая категорія книгъ «*письма и мѣры*». Новое содержаніе второй генеральной переписи XVI в заключалась такимъ образомъ въ томъ, что кромѣ сошнаго «письма» она вводитъ и сошную «мѣру», — т. е. измѣреніе земель и разнесеніе ихъ по сохамъ по числу четвертей пашни *).

Основныя правила сошнаго письма по новому типу писцовыхъ книгъ заключались въ слѣдующемъ. Тяглыя хозяйства по существу своему были двоякаго рода: земледѣльческія или пашенныя и промышленныя. При сошномъ росписаніи первыя полагались по числу четвертей (четверть $= 1/_{2}$ десятины) пашенной земли, вторыя по числу дворовъ. Такимъ образомъ сохи были двоякаго рода: четвертныя или пашенныя и дворовыя. Въ первыя расписывались уѣзды, во вторые—посады и слободы. Величина сохи была различна 1) Въ *четвертныхъ* сохахъ условіями, вліявшими на величину сохъ, были, во 1-хъ, качество пашенной земли, и, во 2-хъ, отношеніе поземельнаго владѣнія къ государству. a) Въ отношеніи къ качеству земли различалась добрая, средняя и худая земля. Обыкновенно средней земли при сошномъ распорядкѣ наддавалось за добрую четверть, а худой—половина. Такъ помѣстная и дворцовая соха доброй земли равнялась 800, средней 1000 и худой—1200 четвертямъ. Но эти пропорціи были неодинаковы для разныхъ земель: въ черныхъ земляхъ соха худой земли только въ $1^{2}/_{5}$ раза больше доброй (500—600—700), въ монастырскихъ—въ $1^{1}/_{3}$ раза (600, 700, 800). b) Земля, на которой находились тяглыя хозяйства, была или черною, т. е. государственною, или же частно-владѣльческою,

---

*) Исторія сохи изложена по изслѣдованію проф. *Милюкова*: Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства". Спб. 1893 г.

причемъ въ послѣднемъ случаѣ податные обыватели, кромѣ податей и повинностей, тянули еще поземельное тягло въ пользу землевладѣльца. При раскладкѣ налога правительство принимало въ соображеніе право землевладѣльцевъ на это поземельное тягло и налагало подать тѣмъ легче, чѣмъ важнѣе были въ государственныхъ видахъ основанія владѣльческихъ правъ. Въ порядкѣ льготы первое мѣсто между поземельными владѣніями занимали дворцовыя земли, которыхъ иногда полагалось на соху даже до 1300 четв. земли, второе - вотчинныя и помѣстныя земли, расписывавшіяся по 800 четв. въ соху, третье—монастырскія —по 600 четв. и послѣднее—черныя—по 500 четв. въ соху. 2) *Дворовыя* сохи имѣли также различную величину, въ зависимости отъ зажиточности обывателей По состоянію посадскіе люди дѣлились на лучшихъ, среднихъ и молодшихъ, при чемъ еще особыя категоріи составляли охудалые и жившіе въ избушкахъ. Судя п сошнымъ книгамъ, правительство опредѣляло взаимное отношеніе различныхъ разрядовъ посадскаго населенія слѣдующей пропорціей: 1: 2: 4; 8: 24, т. е. считая охудалыхъ людей втрое, молодшихъ въ 6 разъ, среднихъ въ 12 и лучшихъ въ 24 раза болѣе зажиточными, чѣмъ бѣдняковъ, жившихъ въ избушкахъ. Полагая, такимъ образомъ на соху 40 дворовъ лучшихъ людей, на ту же соху приходилось по 80 дворовъ среднихъ, 160 молодшихъ, 320 охудалыхъ и 960 жившихъ въ избушкахъ (Лаппо-Данилевскій).

Сошное письмо было основаніемъ для опредѣленія оклада каждой тяглой общины. Дальнѣйшее же распредѣленіе тягла между отдѣльными плательщиками совершалось уже самой общиной, принимавшей во вниманіе дѣйствительное матеріальное благосостояніе каждаго изъ своихъ членовъ.

§ 4. **Косвенные налоги,** т. е. налоги на предметы потребленія, возникли, какъ уже замѣчено выше, еще въ Кіевскій періодъ. Древне-русское косвенное обложеніе въ общемъ имѣетъ значительное сходство съ такимъ же обложеніемъ, существовавшимъ одновременно и во всѣхъ государствахъ зап. Европы и, напротивъ не имѣетъ

ничего общаго съ тѣми видами и формами косвеннаго обложенія, которые примѣняются въ настоящее время. Именно въ настоящее время наиболѣе важной и употребительной формой косвеннаго обложенія является акцизъ, которымъ продуктъ обыкновенно облагается въ одинъ изъ моментовъ своего производства Напротивъ въ первоначальныхъ финансовыхъ системахъ Европы вообще, а въ частности и у насъ, самое производство предметовъ оставалось свободнымъ отъ обложенія, что, конечно, легко объясняется и совершенной невозможностью обложить его вслѣдствіе мелкихъ размѣровъ и разбросанности отдѣльныхъ производящихъ предпріятій. За то всѣ разнообразныя дѣйствія, которыя послѣ изготовленія товаровъ, приближали ихъ къ потребителямъ подвергались множеству мелкихъ сборовъ, носящихъ общее названіе *внутреннихъ таможенныхъ* или, проще и вѣрнѣе, торговыхъ, сборовъ. Такимъ образомъ, „не только провозъ товаровъ по дорогамъ и рѣкамъ, не только ввозъ ихъ въ города, складка въ амбары и гостинные дворы, взвѣшиваніе или мѣра, продажа и покупка, вывозъ изъ города и др. подобныя дѣйствія были облагаемы внутренними таможенными пошлинами, но имъ подлежали даже торговые люди при проѣздѣ ихъ съ товарами и даже иногда безъ товара“ *) Таможенные сборы развились въ Московскомъ государствѣ въ сложную и весьма обременительную систему. Они раздѣлялись на *проѣзжіе* и *торговые* а) *Проѣзжіе пошлины* падали или на вещи, провозимые товары или на проѣзжавшихъ торговыхъ людей или на тѣ и другія. Среди первыхъ особенно важнымъ былъ мытъ, взимавшійся при проѣздѣ возовъ или судовъ съ товарами чрезъ внутреннія заставы безъ отношенія къ цѣнности провозимыхъ товаровъ. Для собиранія мыта по дорогамъ и рѣкамъ было устроено множество внутреннихъ заставъ, главнымъ образомъ, конечно, при въѣздахъ въ большіе города и торговые центры. Общими проѣзжими сборами и для товаровъ и для торгующихъ лицъ были *мостовщина* и *перевозъ*, сборы, взимавшіеся за пользованіе мостомъ или перево-

---

*) *Е. Осокинъ.* Внутреннія таможенныя пошлины въ Россіи. Казань 1850, стр. 3.

зомъ для переправы товаровъ и обозовъ чрезъ рѣки. Этими сборами пользовались не только князья, но и частные землевладѣльцы, устраивавшіе на основаніи жалованныхъ грамотъ въ своихъ имѣніяхъ перевозы и мосты черезъ рѣки и взимавшіе въ свою пользу перевозныя пошлины. Иногда также перевозъ и мостовщина отдавались казною на откупъ частнымъ лицамъ или на оброкъ земскимъ общинамъ, во владѣніяхъ которыхъ были перевозы. Но такой порядокъ не могъ не породить произвола и злоупотребленій, вслѣдствіе чего при ц. Θеодорѣ Ив. всѣ частные и откупные мыты были переписаны и взяты въ казенное управленіе. Наконецъ съ однихъ только торговыхъ людей взималась головщина, задніе калачи и костки б) Вторую категорію внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ составляли *торговыя пошлины*. Онѣ отличались отъ проѣзжихъ тѣмъ, что тогда, какъ послѣднія взимались при провозѣ, первыя взимались въ городахъ при совершеніи торговыхъ операцій или при подготовкѣ къ нимъ. Взиманіе торговыхъ сборовъ значительно облегчалось тѣмъ обстоятельствомъ, что торговля того времени сосредоточивалась въ городахъ. Тамъ торговые сборы падали или на *дѣйствія*, сопровождавшія куплю - продажу, или были взимаемы за *самое право* продажи и покупки товаровъ. Пошлины перваго рода, смотря по различію окладнаго дѣйствія, носили различныя названія. «Самый привозъ товаровъ на продажу или денегъ для покупки облагались замытомъ, объявленіе товара и намѣренія торговать—явкою. При наймѣ лавокъ и амбаровъ на гостиномъ дворѣ брали гостинное, амбарное и полавочное, при вывозѣ товаровъ изъ гостиннаго двора дворовую пошлину, при складѣ товаровъ свальное, при взвѣшиваніи товаровъ—вѣсчее пудовое, контарное, рукознобную и подъемную пошлины, при мѣрѣ товаровъ —помѣрное и покоречное при клейменіи —пятно, при привязываніи продажной животины роговое и привязную пошлину, при отвозѣ товара купленнаго и отвозимаго въ другое мѣсто для продажи или привозимаго откуда либо на продажу, но не проданнаго —узолки или узолцовое». Но всѣ эти пошлины не отличались особенной высотой; болѣе зна-

чительны по своимъ размѣрамъ были сборы, падавшіе на самую покупку-продажу товаровъ - т а м г а, о с м н и ч ь е и п о р я д н о е. Отличительное свойство этихъ пошлинъ заключалось въ томъ, что онѣ взимались обыкновенно съ цѣны товаровъ. Наибольшее значеніе изъ нихъ имѣла *тамга*. Т а м г а появляется въ Россіи со времени монгольскаго ига. Тамга удержалась, подобно другимъ введеннымъ татарами налогамъ, и по сверженіи ига. Изъ этого слова скоро образовалось слово п р о т а м о ж ь е, означавшее уклоненіе отъ тамги а позднѣе вообще таможенной пошлины, и штрафъ за него, а также слова таможникъ и таможенная пошлина, послужившіе въ послѣдующіе вѣка родовымъ названіемъ для всѣхъ косвенныхъ сборовъ, падавшихъ на переходъ товаровъ отъ производителя къ потребителю. Тамга была вещною пошлиною; она падала на товаръ и при томъ на дѣйствительно проданный; непроданные товары, равно какъ и привозимые для собственнаго потребленія хозяевъ не подлежали тамгѣ. Но для того, чтобы продажные товары не уклонялись отъ пошлины подъ видомъ назначенныхъ для собственнаго употребленія, количество послѣднихъ ограничивалось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшимъ запасомъ съѣстныхъ припасовъ. Торговые люди, пріѣзжавшіе въ городъ безъ товару и безъ денегъ для покупки товаровъ, не платили тамги. Изъ таможенныхъ грамотъ XV—XVI вв. можно видѣть, что тамга берется со всякаго товара, отъ предметовъ самыхъ необходимыхъ, начиная съ соли, мяса, рыбы, масла, лѣса, до предметовъ роскоши. Деньги, употребляемыя на торговые обороты, привозимыя на покупку товара, были разсматриваемы какъ товаръ и подлежали тамгѣ наравнѣ съ другими товарами. Тамгѣ не подлежали всякое жито и хлѣбъ, иногда также сухая рыба, соль и дрова. Кромѣ того во всѣхъ таможенныхъ грамотахъ, въ которыхъ идетъ рѣчь о тамгѣ, большею частью прибавляется, что она берется съ товару привознаго; товары непривозные, выдѣланные на мѣстѣ продажи, обыкновенно, за рѣдкими исключеніями, не подвергались тамгѣ. Товаръ привозный, оплаченный тамгою въ какомъ либо городѣ или селѣ, при перепродажѣ тамъ же, не подлежалъ вторично тамгѣ; но иногда

впрочемъ и товары, перепродаваемые изъ лавокъ, оплачивались тамгою. *) Благодаря своимъ высокимъ окладамъ, тамга была самою доходною изъ всѣхъ таможенныхъ пошлинъ. Сборъ таможенныхъ пошлинъ въ пограничныхъ городахъ производился на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и во внутреннихъ, такъ что въ этотъ періодъ не существовало различія между внѣшними и внутренними пошлинами. Впрочемъ, съ половины 16-го столѣтія, таможенный сборъ съ иностранцевъ въ пограничныхъ городахъ – въ Архангельскѣ и др. назывался иногда *большою таможенною пошлиною*, иногда *большою тамгою* и записывался въ книги отдѣльно отъ внутреннихъ сборовъ. Въ этомъ различіи между большою и обыкновенною тамгою можно видѣть первую мысль объ отдѣленіи внѣшнихъ таможенныхъ пошлинъ отъ внутреннихъ.—Рядомъ съ таможенными пошлинами стоялъ по своей доходности въ Московскомъ государствѣ другой видъ косвенныхъ налоговъ – *кабацкіе* сборы. Питіе – источникъ русскаго «веселья» — довольно рано обратилось въ источникъ казенныхъ доходовъ, сначала въ формѣ различныхъ сборовъ съ питей и шедшихъ на ихъ изготовленіе продуктовъ, а потомъ, приблизительно со второй половины XVI ст. въ формѣ казенной питейной монополіи, носившей названіе «царскаго кабака» и распространявшейся на «питіе» во всѣхъ отношеніяхъ – и на производство и на продажу. По словамъ Іосифа Барбаро (1436 г.) уже Иванъ III запретилъ кому бы то ни было варить медъ и пиво и употреблять хмѣль и право выдѣлки напитковъ было казенной монополіей. Иванъ Грозный – начинаетъ ставить по городамъ «корчемные дворы», которыми завѣдывали приказные царскіе люди. По возвращеніи Ивана Грознаго изъ Казанскаго похода слово корчма замѣнилось въ Москвѣ татарскимъ—кабакъ. Водку позволено было пить только опричникамъ, и для нихъ былъ выстроенъ для этой цѣли въ Москвѣ на Балчугѣ особый домъ, названный кабакомъ. Кабакъ на Балчугѣ понравился царю и изъ Москвы начали предписывать намѣстникамъ областей прекращать вездѣ торговлю питьями, т. е. корчму, корчемство и заводить ца-

(* *Осокинъ* l. c. стр. 87—106.

ревы кабаки, т. е. мѣста продажи напитковъ, казенной или откупной. Съ этихъ поръ всякое хмѣльное питье, – вино, пиво, медъ, можно стало получать лишь въ царскомъ кабакѣ, и производство этого питья и торговля имъ сдѣлалось исключительнымъ правомъ царя Московскаго. Для непосредственнаго, ближайшаго завѣдыванія кабакомъ, какъ и таможенными сборами, правительство прибѣгало къ выборному началу. Оно заставляло посадско-городскія и уѣздно волостныя общины поставлять «къ его великаго Государя кабацкому сбору» служилыхъ людей изъ собственной среды по выбору. Эти избранныя лица завѣдывали не только сборами, но и всѣмъ питейнымъ дѣломъ въ широкомъ смыслѣ слова, вѣдая производство хмѣльныхъ питей, продажу ихъ въ кабакахъ, постройку кабаковъ и винокуренъ, медо и-пивоваренъ и, наконецъ, преслѣдованіе корчемства, т. е. тайной продажи питей помимо царскаго кабака. Служилые люди царскаго кабака состояли изъ такъ наз. таможеннаго и кабацкаго головы съ товарищи и подчиненныхъ ему цѣловальниковъ. Таможенный и кабацкій голова выбирался обыкновенно изъ среды посадскихъ людей другихъ городовъ, иногда даже самой Москвы; товарищей же и цѣловальниковъ вездѣ избирало изъ своей среды населеніе той мѣстности, гдѣ находился кабакъ, при чемъ правительство требовало на эти мѣста «людей добрыхъ и прожиточныхъ», которые-бы были вѣрны, которымъ бы въ государевомъ кабацкомъ сборѣ можно было вѣрить а не воровъ и не бражниковъ», и при томъ такихъ, которымъ бы это государево дѣло «было за обычай». Рядомъ съ вѣрной системой кабацкаго дѣла существовали *откупа* и *жалованные кабаки.*

§ 5. **Податныя реформы XVII вѣка.** Смутное время привело къ полному разстройству всего административнаго порядка. Государство раззорилось и запустѣло. Тяжелое внутреннее положеніе государства, непрестанныя войны, новый строй военной службы съ половины 17-го вѣка —все требовало особыхъ усилій и расходовъ, а доходы государства истощились и упали. Многіе акты государственные, въ томъ числѣ и писцовыя книги были уничтожены во время раз-

зренія; гдѣ онѣ и уцѣлѣли, онѣ не соотвѣтствовали уже болѣе имущественному положенію жителей, и потому не могли служить удовлетворительнымъ основаніемъ для раскладки налоговъ. Поэтому правительство по необходимости должно было обратить особое вниманіе на устройство податныхъ отношеній.

Правительственныя мѣропріятія этого рода касались, во первыхъ, измѣненія податной единицы и, во вторыхъ, измѣненія податной системы. Переписью 1620 г. при Михаилѣ Θеодоровичѣ установлялась новая окладная единица— «*живущая четверть*», доставившаяся значительное облегченіе въ платежѣ податей служилымъ землямъ. Но скоро выяснилась необходимость, въ видахъ большей равномѣрности, перейти опять къ новой единицѣ—*двору*. Въ началѣ правленія ц. Алексѣя (1646—1648) и вторично въ началѣ правленія Θеодора (1678—1680) правительство составляетъ по всему государству новаго типа описанія—дворовые списки или такъ называемыя «переписныя книги». Впрочемъ, по дворовымъ спискамъ правительство начинаетъ сбирать сперва только тѣ новыя подати, къ которымъ постепенно заставляютъ его прибѣгать военныя нужды XVII в. Старыя подати оно не сразу рѣшается перевести съ сохи на дворъ, такъ какъ при этомъ, очевидно, пришлось бы сложить всѣ тѣ излишніе платежи, которые населенію приходилось нести за опустѣлую пашню. Такимъ образомъ правительство соединяетъ выгоды старой системы обложенія съ выгодами новой, а на долю плательщиковъ остаются отъ той и другой однѣ невыгоды. Положеніе дѣлъ мѣняется въ 70-хъ г. XVII столѣтія. Новыя военныя нужды требуютъ въ это время новыхъ жертвъ со стороны населенія; подати оказывается необходимымъ опять увеличить. Но черносошное населеніе и безъ того уже платитъ сверхъ силъ, такъ что всякая новая прибавка ведетъ только къ увеличенію недоимокъ. Напротивъ, населеніе служилыхъ земель, не смотря на увеличеніе его платежей въ теченіе XVII в., все еще продолжаетъ пользоваться льготами, которыя не оправдываются больше никакой нуждой государства въ услугахъ стараго служилаго сословія. При этихъ условіяхъ общая податная реформа становится необходимой и лучшимъ средствомъ для нея

является окончательное переложеніе всѣхъ податей съ сохи и живущей четверти на дворъ. *Въ 1679—81 г.* реформа была осуществлена. Остатки налоговъ XVI в. (пищальныя, данныя, засѣчныя и т. д) за исключеніемъ полоняничной подати были окончательно *отмѣнены. Налоги XVII вѣка*, въ одной общей суммѣ, *переведены на дворъ и сошное обложеніе упразднено.* Въ городахъ взимался теперь *подворный налогъ* въ размѣрѣ отъ 80 коп. до 2 р.; этотъ же налогъ, сохранившій названіе *стрѣлецкой подати*, платился и крестьянами сѣверныхъ черныхъ волостей. Владѣльческія земли остальныхъ уѣздовъ платили деньгами только ямскую подать, слитую съ полоняничной; вмѣсто стрѣлецкой подати они платили хлѣбомъ: служилыя земли по $^{3}/_{16}$ четверти съ двора, дворцовыя—по $^{5}/_{16}$ и духовныя по $^{7}/_{16}$ четверти; въ переводѣ на деньги и съ присоединеніемъ ямскихъ и полоняничныхъ это составляло для служилаго двора—10—19 к; для духовнаго—21—43 к. Разница съ прямыми платежами черныхъ земель сохранилась и послѣ реформы 1681 г. и даже была довольно значительна; но все же сравнительно съ прежнимъ порядкомъ это былъ шагъ къ болѣе равномѣрному обложенію *). Еще ранѣе реформы прямыхъ налоговъ предпринято было объединеніе, т. сказ. консолидація внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ Многочисленныя и разнообразныя таможенныя пошлины, соединенныя съ постоянными злоупотребленіями откупщиковъ и частныхъ владѣльцевъ. тяжело отражались на общемъ состояніи промышленности и торговли. Даже и при взиманіи таможенныхъ сборовъ на вѣру существовала масса злоупотребленій, объяснявшихся неопредѣленностью и разнообразіемъ пошлинъ. Строгая отвѣтственность за недоборы таможеннаго дохода, получившаго характеръ окладнаго сбора, и страхъ государевой опалы и правежа, заставляли брать лишнія проѣзжія пошлины, что раззоряло торговцевъ и во всякомъ случаѣ являлось тяжкой задержкой развитія торговой дѣятельности и промышленности. Злоупотребленія достигли крайней степени при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ и выну-

*) Милюковъ, Очерки по исторіи русской культуры Ч. I. стр. 135 и дал.

дили торговыхъ людей изъ всѣхъ городовъ Московскаго государства подать въ 1653 г. челобитную объ уничтоженіи проѣзжихъ пошлинъ и о введеніи во всѣхъ городахъ и уѣздахъ одинаковой пошлины съ цѣны товаровъ. Челобитная обратила на себя вниманіе правительства. Уже торговымъ уставомъ 25 окт. 1653 г. велѣно было оставить прежніе проѣзжіе и всякіе мелкіе сборы. Затѣмъ уставной грамотой 1654 г. установленъ совершенно новый порядокъ вещей. «Торговымъ людямъ, сказано въ грамотѣ, отъ несправедливыхъ и лишнихъ проѣзжихъ пошлинъ въ торгахъ ихъ чинится безторжица и убытки великіе, торговые люди торговыхъ промысловъ отбыли, а иные многіе обѣднѣли, межъ дворовъ скитаются и нашихъ податей взяти стало не на комъ и службъ служити не кому, и тѣхъ откуповъ откупщики и мытчики тѣми богоненавистными откупы прибытки себѣ чинятъ многіе и міръ въ томъ ихъ враждебномъ промыслѣ погибаетъ, а они творятся, аки нашей великаго государя казнѣ прибыли чинити». Грамота запрещаетъ впредь отдавать на откупъ и собирать какъ въ Москвѣ, такъ и повсюду проѣзжія пошлины, мыты по рѣкамъ и дорогамъ, посаженное, привальное, грузовыя пошлины, головщину, съ саней полозовое и другія пошлины.—Запрещеніе распространено и на владѣльческія и монастырскія мыты; нарушителей закона положено было подвергать жестокимъ наказаніямъ до смертной казни включительно. Отмѣненные проѣзжіе сборы и мыты замѣнены были *торговою рублевою пошлиною*, взиманіе которой должно было производиться при самой продажѣ товаровъ. Выгоды этой реформы для торговыхъ людей заключались, во 1-хъ, въ томъ, что они избавлялись на дорогѣ отъ частыхъ остановокъ и произвольныхъ задержекъ; во 2-хъ, сборъ лишнихъ пошлинъ и прежнія злоупотребленія дѣлались менѣе возможными въ городахъ, гдѣ удобнѣе было вести надзоръ за сборщиками, чѣмъ по дорогамъ, и, въ 3-хъ, самые сборы стали падать на товары болѣе уравнительно. Одновременно съ проѣзжими были консолидированы торговые сборы: были отмѣнены замытъ, явка, гостиное, поворотное, осминичее, порядное, помѣрное, покоречное и др.; названіе тамги замѣнено названіемъ рублевой

пошлины. Такимъ образомъ, изъ старыхъ тамож. сборовъ остались только проѣзжіе: мостовщина и перевозъ, торговая пошлина съ вѣсчихъ товаровъ, подъ названіемъ перекупной, пятно и анбарщина. Новая рублевая пошлина съ 1653 г. взималась на слѣдующихъ основаніяхъ: со всѣхъ торговыхъ людей положено было брать со всякихъ ихъ товаровъ, вѣсчихъ и не вѣсчихъ, со включеніемъ хлѣба, по 10 денегъ съ рубля продажной цѣны товара, а съ денегъ, привезенныхъ на покупку товаровъ, по 5 д съ рубля. При объявленіи денегъ на покупку товаровъ не въ городѣ, а въ уѣздѣ брали по 10 денегъ съ рубля. Оцѣнка товара предоставлялась отчасти самимъ торговымъ людямъ, отчасти таможникамъ. За утайку товаровъ или за убавку цѣны велѣно было брать ихъ на Государя безповоротно, а за утайку цѣны во второй и третій разъ купецъ подвергался наказанію кнутомъ.

Въ общемъ рублевая пошлина имѣла много общаго съ тамгой, но была шире ея, такъ какъ падала на всѣ товары, и болѣе однообразна, такъ какъ при ней мѣстные торговцы не отличались отъ иногородцевъ.

Финансовыя реформы 1679—81 гг., направленныя на упрощеніе податной системы, сопровождались и упрощеніемъ финансовой администраціи. До сихъ поръ сборы завѣдывались различными территоріальными центральными органами управленія—четями Новгородской, Устюжской, Галицкой, Костромской и др.; послѣ реформы этихъ годовъ каждый реорганизованный налогъ передается обыкновенно въ завѣдываніе одного спеціальнаго управленія для всего государства. Вмѣстѣ съ этимъ быстро разрушается старое вѣдомство четей. Такъ въ 1672 г. чети перестали собирать стрѣлецкую подать и конскія пошлины, которыя были переданы непосредственно Стрѣлецкому и Конюшему приказамъ. Въ 1679 г. ямскія и полоняничныя деньги, послѣ своего сліянія, были тоже переданы сборомъ изъ четей въ Ямской приказъ. Въ 1680 г. это объединеніе управленія распространено и на косвенные налоги: было приказано «въ городахъ, которые были вѣдомы таможенными и кабацкими сборами и всякими денежными доходы .. въ четвертяхъ, тѣ доходы вѣдать въ приказѣ Большой Казны». Хотя эта реорга-

низація центральнаго управленія налоговъ и не была окончательной, и чети протянули свои существованіе до конца столѣтія, но уже самая попытка ея представляетъ собою весьма важный фактъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилось стремленіе изъять сборы изъ подъ контроля мѣстной власти—воеводъ (Милюковъ Государственное хозяйство.).

Императорскій періодъ

§ 6. **Царствованіе Петра В.** *) предъявило новыя задачи и требованія государственному хозяйству: съ 1696 г начинается созданіе флота, а съ 1699 г.—созданіе новой арміи, окончательно потерявшей характеръ прежнихъ мѣстныхъ ополченій, какими были полки 17-го вѣка, и принявшей видъ и строй регулярнаго европейскаго войска. Новыя задачи (флотъ, армія, реформы управленія) возникаютъ безъ всякой системы, подъ вліяніемъ непосредственной нужды; точно также безъ всякой системы отыскиваются средства и способы для удовлетворенія новыхъ потребностей. Еще до Сѣверной войны были установлены: сборъ на содержаніе драгунскихъ полковъ, на постройку флота, табачный откупъ и *гербовая бумага*, введенная въ 1699 г. по совѣту Курбатова въ качествѣ подражанія одной изъ послѣднихъ европейскихъ новинокъ, Сѣверная война принесла громадное увеличеніе военныхъ издержекъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вообще сильно увеличила госуд расходы. Въ 1701 г. окладные военные расходы равнялись 1.106.268 р., въ 1706 г. – 2.005.368 р., а въ 1710 г они возросли до 2.455.382 р. Старые источники доходовъ уже были не въ состояніи поспѣвать за этимъ ростомъ госуд. потребностей и правительство быстро подвигалось впередъ на пути къ совершенному истощенію госуд. рессурсовъ. Нерѣдко приходилось содержать какой-либо лишній полкъ «изъ приказовъ, гдѣ казна найдется», или оставлять цѣлый приказъ необезпеченнымъ въ удовлетвореніи его расходовъ или для ничтожнаго въ сущности расхода назначать такой налогъ, какъ отнятіе половины жалованья у служащихъ Но такъ какъ расходы все же необходимо было покрывать, то есте-

*) *Милюковъ.* Государственное хозяйство Россіи въ первой четверти XVII ст. и реформа Петра В. СПБ. 1890.

ственно, что правительство должно было прибѣгать къ самымъ разнообразнымъ мѣрамъ для покрытія финансовой нужды. Въ этой непрерывной погонѣ за доходами оно набрасывается теперь на новый источникъ, оказавшійся довольно богатымъ—на созданіе и усиленную эксплоатацію *регальныхъ правъ*.

На первомъ мѣстѣ среди этихъ *регалій* стояла *монетная*. Она давно уже эксплоатировалась правительствомъ, но съ 1700—1701 г. приняла несравненно большіе размѣры. До этихъ поръ въ народномъ обращеніи ходили только серебряныя копѣйки и деньги ($^1/_2$ коп.), соотвѣтствовавшія по виду, а приблизительно и по цѣнности, нашимъ двугривеннымъ и гривенникамъ; другихъ монетъ не было; рубль, полтина и пр. были только счетными единицами. Указомъ 11 марта 1700 года Петръ ввелъ размѣнную *мѣдную* монету—денежки, полушки и полуполушки, а изъ серебра велѣлъ чеканить монеты, соотвѣтствовавшія прежнимъ рублю, полтинѣ, гривеннику и пр. Одновременно съ введеніемъ новыхъ знаковъ вѣсъ серебряныхъ копѣекъ и денегъ былъ уменьшенъ. Вслѣдствіе этого источникомъ для передѣльнаго дохода оказались не только иностранные ефимки, какъ прежде, но и старыя серебряныя деньги, ходившія въ государствѣ. Результатомъ этихъ распоряженій было огромное увеличеніе дохода отъ денежной операціи (съ 80—85 тыс. р. въ $169^4/_5$ гг. до 718—765 тыс. р. въ $170^1/_2$ г.). Но это увеличеніе не могло быть прочнымъ; оно обусловливалось перечеканкой старой серебряной монеты и, слѣд., должно было наступить обратное движеніе дохода, т. е. его пониженіе, по мѣрѣ того, какъ старыя деньги выходили изъ обращенія. Чѣмъ болѣе было привлечено старой монеты для передѣлки въ первые годы, тѣмъ естественно меньше оставалось ея въ оборотѣ и тѣмъ больше сокращался этотъ рессурсъ на будущіе годы.

Высокій доходъ отъ монетной регаліи въ 1701—3 гг. оказалъ большую услугу правительству, давъ ему возможность справиться съ затрудненіями первыхъ тяжелыхъ годовъ Сѣверной войны. Но затѣмъ скоро оказалось, что эта финансовая мѣра и непрочна и сопровождается опасными послѣдствіями. По мѣрѣ уменьшенія ея

финансовой выгоды. возрасталъ экономическій вредъ ея, не замедлившій также отразиться и на государственныхъ финансахъ. Уменьшеніе внутренней стоимости монеты тотчасъ же отозвалося на паденіи ея покупной силы. Вслѣдствіе денежной операціи въ первые годы войны цѣна русской монеты упала почти на половину и, естественно, на столько же возвысились цѣны товаровъ. Правительство теперь. съ одной стороны, вынуждено было тратить больше на содержаніе войскъ и вообще на всѣ свои нужды, такъ какъ все вздорожало; съ другой стороны, всѣ окладные платежи населенія правительству. вносившіеся по старымъ окладамъ, оказались фактически, при новыхъ цѣнахъ, на половину пониженными. «Т. обр., справедливо замѣчаетъ проф. Милюковъ, облегчивъ временно финансовое положеніе правительства, денежная операція сдѣлала его еще болѣе запутаннымъ; она помогла какъ разъ на столько времени, чтобы пріучить правительство къ новымъ расходамъ, и перестала помогать какъ разъ въ то время, когда эти расходы успѣли сдѣлаться необходимой статьей бюджета».

За монетной регаліей правительство обратилось къ другому, тоже старому источнику, и тоже ввело въ него рядъ измѣненій ради болѣе усиленной фискальной эксплоатаціи его: это были *оброчныя статьи*. Одновременно со стремленіемъ къ увеличенію дохода отъ старыхъ *оброчныхъ статей* путемъ переоброчки, цѣлымъ рядомъ болѣе или менѣе энергичныхъ, хотя и не всегда послѣдовательныхъ и исполнимыхъ указовъ, совершается *установленіе новыхъ регальныхъ правъ на отдѣльныя угодья или отрасли промышленности*, значительно ограничивая права частной собственности. Въ 1704 г. рѣшено было обратить въ оброчныя статьи: домашнія бани, постоялые дворы, рыбныя ловли, частныя мельницы. Приборъ по старымъ оброчнымъ статьямъ и новые сборы доставили очень значительную сумму дохода, но она не могла вознаградить вполнѣ упадокъ дохода отъ денежной операціи. И вотъ за возвышеніемъ оклада и расширеніемъ сферы дѣйствія оброчныхъ сборовъ, начинается усиленная монополизація выгоднѣйшихъ предметовъ сбыта на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкѣ. 1 Ян-

варя 1705 г. взята въ казну *продажа соли*, т. е. установлена соляная регалія, при чемъ велѣно было продавать соль изъ казны вдвое дороже той цѣны, по которой поставляли ее въ казну подрядчики. Указомъ 4 Апрѣля 1705 г. сдѣлана казенной монополіей, «подобіемъ питейной продажи» *продажа табаку*, дававшая, впрочемъ, очень незначительный доходъ. Въ слѣдующіе годы къ казеннымъ товарамъ отнесены были также: по указу 21 іюня 1707 г.—деготь, коломазь, мѣлъ, рыбій жиръ, ворванное и квашенное сало; по указу 1-го іюня 1709 г.—щетина *) и т. д. «Здѣшній дворъ, писалъ Витвортъ въ 1706 г., совсѣмъ превратился въ купеческій: не довольствуясь монополіей на лучшіе товары собственной страны, напримѣръ, смолу, поташъ, ревень, клей и т. д. (которые покупаются по низкой цѣнѣ и перепродаются съ большимъ барышомъ англичанамъ и голландцамъ, такъ какъ торговать ими никому, кромѣ казны, не дозволяется), они захватываютъ теперь иностранную торговлю: все что, имъ нужно, покупаютъ за границей, чрезъ частныхъ купцовъ, которымъ платятъ только за коммиссію, а барышъ принадлежитъ казнѣ, которая принимаетъ на себя и рискъ. Къ этому же времени 1705 г. относится повышеніе питейнаго налога установленіемъ поведерной пошлины и таможенныхъ сборовъ установленіемъ «новоуравнительной пошлины».

Исчерпавъ всѣ эти новые рессурсы, правительство оказалось вынужденнымъ снова обратиться къ прямымъ налогамъ и раскладывать на дворовое число чуть ли не каждый новый расходъ. Вслѣдствіе этого непрестанно возрастало количество различныхъ «запросныхъ» и не окладныхъ сборовъ, которые поступали все неисправнѣе по мѣрѣ своего умноженія. Между прочимъ обнаружилось, что населеніе, чтобы сдѣлать для себя легче бремя подворнаго оклада, начало искусственно скучиваться въ переписныхъ дворахъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ

*) Къ казеннымъ товарамъ причислялись также селитра, юфть, пенька, поташъ, воскъ, конопляное масло, льяное сѣмя, клей, ревень, смола, икра—словомъ, чуть ли не всѣ важнѣйшіе предметы отпуской торговли. Только къ концу своего царствованія, убѣдившись въ вредномъ вліяніи такого множества монополій на народную промышленность, Петръ В. сталъ понемногу сокращать ихъ число, облагая соотвѣтствующія произведенія особыми сборами.

прежде. Подъ вліяніемъ этого факта и неподдававшейся удовлетворительному рѣшенію задачи обезпеченія войска содержаніемъ, Петръ В. въ 1717 г. приходитъ къ рѣшимости *перемѣнить окладную единицу* и замѣнить всѣ постоянные и временные прямые сборы одною прямою податью опредѣливъ ее по новой окладной единицѣ — «душѣ». 22 ноября 1718 г. онъ приказываетъ произвести поголовную перепись и, опредѣливъ, на сколько душъ солдатъ рядовой съ долею на него роты и полкового штата прійдется, по этому разсчету «расписать полки по крестьянамъ». Опредѣливъ круглымъ числомъ расходъ на армію въ 4 милліона, а число душъ въ 5 милл., Петръ *указомъ 11 янв. 1722 г.* предписываетъ сдѣлать «раскладку на души мужскаго пола крестьянъ и дворовыхъ дѣловыхъ людей и иныхъ, которые съ ними равно въ окладъ положены, по 8 гривенъ съ персоны»; съ 1724 г началось уже взиманіе новаго налога. Эта *подушная подать* съ присоединившейся къ ней *оброчной* четырехгривенной податью съ госуд крестьянъ и однодворцевъ и податью съ гостиной сотни и посадскихъ по 1 р. 20 к съ души *должна были замѣнить всѣ старые сборы съ двороваго числа*. Оклады всѣхъ этихъ старыхъ налоговъ не превышали $1,_{8}$ м. р; новый окладъ подушной и оброчной подати приносилъ $4,_{6}$ м. р, т. е. замѣняя ихъ, давалъ огромный излишекъ въ $2,_{8}$ м. р., вслѣдствіе чего общій итогъ госуд доходовъ возвысился сразу съ 6 до $8^1/_2$ м. р. и обезпечивалъ на будущее время безпрепятственное удовлетвореніе государственныхъ потребностей.

Введеніе подушнаго налога Петромъ В. подвергалось суровымъ порицаніямъ со стороны нѣкоторыхъ ученыхъ изслѣдователей. «Т. обр, говоритъ, напр., гр. Толстой, положенъ былъ конецъ развитію посошной подати, обѣщавшему несомнѣнную пользу для госуд. благосостоянія и мѣсто ея заступила варяжская дань подъ новымъ названіемъ. Опыты вѣковъ въ этомъ отношеніи были потеряны; послѣдующимъ государямъ оставлено въ удѣлъ возсозданіе того, что уже существовало, но мгновенно уничтожено, и кадастрація, которая лежала въ основаніи посошной подати, при всѣхъ трудахъ и усиліяхъ, не можетъ быть введена въ Россіи и въ настоящее время». Но въ этомъ

отзывѣ упущено изъ виду, что сошное письмо начало выходить изъ употребленія задолго до Петра В. и было совсѣмъ отмѣнено до него; что дворъ является почти такой же несовершенной податной единицей, какъ и счетная душа, и что внутренняя раскладка прямыхъ налоговъ всегда составляла дѣло самой тяглой общины, которая одинаково при всякихъ податныхъ единицахъ старалась достигать уравнительности платежей и соотвѣтствія ихъ съ платежной силой отдѣльныхъ лицъ. Поэтому болѣе справедлива оцѣнка значенія этой реформы, сдѣланная проф. Милюковымъ. «Давно понявъ свое безсиліе въ дѣлѣ опредѣленія объекта подати, правительство предоставило это опредѣленіе общественной раскладкѣ, а само занялось исключительно ловлей податнаго субъекта. Съ этой точки зрѣнія—съ точки зрѣнія выгодности окладной единицы, правительство когда то предпочло дворъ сохѣ; точно также теперь оно предпочло душу двору; въ томъ и другомъ случаѣ оно выигрывало въ количествѣ плательщиковъ и слѣдовательно, могло поднять общую сумму окладныхъ платежей. Что эти платежи съ крестьянства, будутъ ли они дворовые или подушные, все равно превратятся, послѣ раскладки въ поземельные, въ этомъ оно нисколько не сомнѣвалось и знало это очень хорошо».

Въ итогѣ финансовыхъ мѣропріятій Петровской эпохи, развившей до высшихъ предѣловъ напряженіе платежныхъ силъ страны на службѣ государству, общій доходный бюджетъ получилъ въ послѣдній годъ царствованія (по росписѣ 1724 г.) слѣдующій видъ:

Прямые налоги (подушные и ясакъ)	4.731.051 р.	(55,5%).
Косвенные налоги	2.128 622 »	(24,9%).
Регаліи (монетная, соляная и почтовая)	895.187 »	(10,5%).
Оброки съ госуд. имуществъ и промысловые сборы регальнаго происхожденія	474.562 »	(5,6%).
Пошлины	150.065 »	(1,8%).
Сборы, не распредѣленные по рубрикамъ	147.730 »	(1,7%).
Итого	8.526,560 р.	(100%.

Общая произведенная Петромъ В. реформа административныхъ учрежденій не могла не коснуться и *финансоваго управленія.* Во главѣ финансоваго управленія поставленъ сенатъ; для управленія госуд. доходами учреждена камеръ-коллегія, для завѣдыванія расходами —штатсъ-конторъ-коллегія или штатсъ-контора. Дополненіемъ къ этимъ учрежденіямъ было ревизіонъ-Коллегія, занимавшаяся повѣркой счетовъ и отчетовъ по доходамъ и расходамъ. Вслѣдъ за центральнымъ произошло преобразованіе и въ областномъ, мѣстномъ финансовомъ управленіи. Однако эти новыя учрежденія не принесли съ собой объединенія въ финансовое управленіе; въ дѣйствительности сохранилась старая практика спеціализировать различные сборы, предназначаемые каждый для опредѣленной отрасли управленія. Содержаніе арміи шло изъ 4,4 м. р. (по росписи 1725 г.) подушныхъ сборовъ; на расходы по флоту, и гвардіи предназначались всѣ остальные государственные сборы (питейные, таможенные и проч.)40 провинцій (1.799т. р.); на общественные постройки шелъ соляной сборъ (поступавшій въ кабинетъ по окладу 662 т. р); дворцовые расходы покрывались доходами дворцовыхъ волостей и Рижской губ.; расходы иностранной коллегіи производились изъ прибыли денежныхъ дворовъ; точно также и остальныя центральныя учрежденія должны были содержаться изъ спеціально имъ приписанныхъ доходовъ, обыкновенно такъ или иначе связанныхъ съ ихъ дѣятельностью. Результатомъ такого порядка было то, что цѣлый рядъ источниковъ дохода былъ изъятъ изъ вѣдѣнія камеръ-коллегій: подушная подать была въ вѣдомствѣ военной коллегіи, монетная и горная регаліи бергъ-коллегіи. гербовая бумага мануфактуръ-коллегіи и т. д. При такой раздробленности финансоваго управленія въ различныхъ учрежденіяхъ не могло возникнуть идеи о необходимости мѣръ къ улучшенію общаго финансоваго положенія страны, а всѣ заботы направлялись только на ближайшее удовлетвореніе потребностей каждаго отдѣльнаго вѣдомства. Въ мѣстномъ управленіи царилъ полный хаосъ, произволъ и злоупотребленія. «Большая часть доходовъ, писалъ современникъ Кохіусъ, собирается неправильно и въ ненадлежащее время; плательщики по

большей части не знаютъ, что и сколько должны платить, не получаютъ надлежащихъ квитанцій . бѣдные подданные предоставлены произволу сборщиковъ и вынуждены часто платить тотъ же налогъ нѣсколько разъ или въ большомъ количествѣ, чѣмъ положено; отсюда происходитъ великое раззореніе для плательщика, а касса ничего не выигрываетъ, такъ какъ эти лишки дѣлаются добычей частныхъ лицъ. . не трудно доказать относительно нѣкоторыхъ доходовъ, что въ кассу не попадаетъ и третьей части сбора. хотя подданные уплачиваютъ его полностью или даже съ излишкомъ».

Такимъ образомъ царствованіе Петра представляетъ безпорядочную погоню правительства за средствами къ удовлетворенію наростающихъ государственныхъ потребностей; оно *вноситъ* въ нашу финансовую систему, какъ нововведеніе, ***широкое эксплуатированіе регальныхъ правъ и развиваетъ, въ видѣ подушной подати прямое обложеніе до его высшихъ предѣловъ.*** Преслѣдуя исключительно увеличеніе доходности финансовой системы, этотъ періодъ не принимаетъ мѣръ къ ея упорядоченію. Прямая подать, доставляемая низшимъ классомъ населенія, даетъ болѣе половины всѣхъ доходовъ; расходъ на войско и флотъ поглощаетъ $^2/_3$ бюджета. Эти особенности Петровской системы становятся на долго характерными чертами нашей финансовой организаціи.

§ 7. **Преемники Петра В.** При преемникахъ Петра въ теченіе всего XVIII в. основныя черты государственно хозяйственной системы остаются нетронутыми; измѣненія касаются лишь подробностей и заключаются: въ податной системѣ въ стремленіи развивать доходность косвенныхъ налоговъ и усиливать ихъ значеніе сравнительно съ менѣе поддающейся быстрому росту прямой податью; въ расходномъ бюджетѣ—въ развитіи, хотя и очень медленномъ, расходовъ на общее государственное управленіе, въ финансовомъ управленіи — въ малоуспѣшныхъ попыткахъ упорядочить распоряженіе финансовыми средствами и отчетность; въ чрезвычайномъ бюджетѣ въ открытіи новыхъ источниковъ удовлетворенія чрезвычайныхъ потребностей: До Екатерины II важнѣйшими мѣропріятіями была отмѣна

внутреннихъ таможенныхъ пошлинъ, при Елизаветѣ Петровнѣ въ 1754 г. по плану Шувалова, при чемъ доходъ, извлекавшійся изъ нихъ, долженъ былъ замѣститься повышеніемъ внѣшняго таможеннаго сбора) и учрежденіе ассигнаціоннаго банка при Петрѣ III. Въ это время возникло множество мелкихъ оброчныхъ статей и разнородныхъ сборовъ съ различныхъ промысловъ, крайне стѣснявшихъ населеніе и промышленность и приносившихъ ничтожный доходъ казнѣ. Государственное хозяйство постепенно, благодаря общимъ тогдашнимъ условіямъ внутренняго управленія, пришло въ крайнее разстройство. Правительство не имѣло, повидимому, никакихъ положительныхъ свѣдѣній ни о количествѣ доходовъ, ни о томъ, куда и на какіе предметы они расходуются; цѣлый рядъ независимыхъ другъ отъ друга вѣдомствъ занимались каждое взиманіемъ того или другого налога, спеціально назначеннаго на удовлетвореніе расходовъ даннаго вѣдомства; въ одномъ вѣдомствѣ были излишки, въ другомъ — значительные недостатки; не смотря на неоднократные предписанія и указы, различныя вѣдомства не присылали въ правительствующій сенатъ никакихъ вѣдомостей о состояніи ихъ бюджетовъ (Куломзинъ) Нуженъ былъ особый указъ Петра III, чтобы получить хотя бы краткій экстрактъ о государственныхъ доходахъ и расходахъ. По этому экстракту государственные доходы въ 1762 г состояли изъ:

Подушной подати	5.668.199 р. 20 к.
Питейныхъ, канцелярскихъ и неокладныхъ сборовъ	4.881.358 р. 07 к.
Соляныхъ сборовъ	2.206.035 р. 16 к.
Таможенныхъ	2.003.094 р. 42 к.
Сибирскихъ доходовъ	591.495 р. 11 к.
Итого . . .	15.350.181 р 97 к.

Такимъ образомъ уже 61,6% всѣхъ доходовъ Европ. Россіи получались въ 1762 г. путемъ косвеннаго и только 38,4% путемъ прямого обложенія, относительное значеніе котораго въ доходномъ бюджетѣ, слѣдовательно, очень понизилось сравнительно съ эпохой Петра В. За то въ расходномъ бюджетѣ военные расходы (войско и флотъ)

поглощають еще большую часть, чѣмъ при Петрѣ— 73,7%, и, за употребленіемъ на содержаніе двора 14,1%, на все остальное государственное управленіе остается лишь 12,2%.

Въ царствованіе Екатерины II обнаруживается стремленіе улучшить механизмъ государственнаго хозяйства и дѣлаются попытки упрощенія финансовой системы. Въ 1773 г. при сенатѣ учреждена была экспедиція о государственныхъ доходахъ, какъ высшее финансовое учрежденіе, въ которое должны были поступать изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ полугодовыя вѣдомости о наличныхъ доходахъ, недоимкахъ и взысканіяхъ. Затѣмъ «положеніемъ объ управленіи губерній» собираніе госуд доходовъ, ихъ храненіе и расходованіе совершенно отдѣлено отъ административной и судебной части и ввѣрено особому главному учрежденію въ губерніи—казенной палатѣ, а въ уѣздѣ уѣздному казначею. Въ 1780 г въ Петербургѣ и Москвѣ учреждены были особыя казначейства для штатныхъ и остаточныхъ суммъ. Штатныя казначейства вѣдали всѣ обыкновенные расходы кромѣ военныхъ. флотскихъ и кабинетскихъ, согласно ежегоднымъ росписаніямъ составляемымъ экспедиціею; остаточныя казначейства вѣдали суммы, остающіяся за удовлетвореніемъ штатныхъ расходовъ. Экспедиція о госуд. доходахъ въ 1781 г. раздѣлена была на 4 самостоятельныхъ экспедиціи, изъ которыхъ первая завѣдывала доходами, вторая расходами, третья—ревизіей счетовъ, четвертая—взысканіемъ недоимокъ. недоборовъ и начетовъ. Всѣ экспедиціи были подчинены генералъ-прокурору, какъ исправляющему должность государственнаго казначея. и каждая экспедиція должна была извѣщать его ежедневно о своихъ дѣйствіяхъ. Такимъ образомъ, въ этой должности сосредоточены были всѣ нити финансоваго управленія. Никакіе расходы никакими мѣстами не должны были производиться безъ вѣдома и ассигновки казначея; всѣ указы относительно расходовъ издавались на его имя и ему предоставлено было право самому или чрезъ своихъ подчиненныхъ ревизовать состояніе казначействъ.—Въ области отдѣльныхъ финансовыхъ институтовъ необходимо отмѣтить нѣ-

сколько весьма важныхъ по своимъ народно-хозяйственнымъ послѣдствіямъ узаконеній, которыя вызваны были стремленіемъ Екатерины В. къ установленію свободы собственности и промышленности, навѣяннымъ на нее ученіемъ западныхъ экономистовъ. Установивъ впервые самый терминъ и понятіе «собственности», Екатерина нашла нужнымъ освободить частныя имущества отъ тѣхъ ограниченій, какія накопились на нихъ ради фискальныхъ цѣлей, какъ въ до-Петровскую эпоху, такъ въ особенности при Петрѣ В. и его преемникахъ. Такимъ образомъ были уничтожены въ 1782 г. лѣсная и горная регаліи, отмѣнены ограниченія въ угодьяхъ, рыбной ловлѣ и пчеловодствѣ и возстановлено право собственности на мельницы, отписанныя при Петрѣ на казну. Въ области промышленности это стремленіе выразилось въ отмѣнѣ въ 1773 г. и 1775 г. большинства фискальныхъ регалій: поташной, ямчужной, звѣриной и пр; почтовая и монетная регаліи утратили свой фискальный характеръ и приведены въ порядокъ. Еще ранѣе—въ 1762 г. отмѣнена табачная монополія и введена вольная продажа табаку, а для покрытія ущерба въ государственныхъ расходахъ повышена таможенная пошлина на заграничный табакъ. Маниф 1 авг 1765 г. введена откупная система питейныхъ сборовъ. Въ области прямыхъ налоговъ введена мѣра 1775 г. обложившая торговыхъ и промышленныхъ людей, вмѣсто подушной подати, гильдейскимъ сборомъ, окладъ котораго опредѣлялся въ процентномъ отношеніи къ объявленному капиталу; этимъ было положено начало промысловому обложенію постепенно развивавшемуся до сложной системы нашего времени.

Стремленіе къ упорядоченію финансоваго хозяйства при Екатеринѣ II встрѣчаетъ, однако, неопреодолимое препятствіе въ быстромъ ростѣ государственнаго бюджета; послѣднему способствуетъ, главнымъ образомъ, длинный рядъ войнъ, но не безъ вліянія остается и увеличеніе другихъ потребностей: возрастаютъ расходы по двору (до 9—10% всего бюджета); развившійся штатъ чиновниковъ требуетъ значительнаго денежнаго содержа-

нія и т. п. (государственные доходы, составлявшіе въ 1753 г.—16.497.381 р., въ 1773 г. достигли уже 26,7 м. р., въ 1787 г.—43,6 м. р., а въ 1795—6 гг. превысили уже 68 м. р., т. е., за 34 года увеличились болѣе, чѣмъ въ 4 раза). Для удовлетворенія растущихъ расходовъ увеличиваются подушная и оброчная подать, питейный и соляной сборы, пошлины, вводится рядъ новыхъ налоговъ. Сильно увеличившаяся потребность въ чрезвычайныхъ средствахъ, вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ, находитъ себѣ новые источники: выпуски бумажныхъ денегъ (ассигнаціи съ 1769 г.), внѣшніе займы и позаимствованія изъ казенныхъ кредитныхъ учрежденій, представлявшія особую форму внутреннихъ займовъ. Такимъ образомъ съ Екатерины В. государственный кредитъ дѣлается уже постоянной частью финансового хозяйства Россіи. Общій итогъ государственныхъ долговъ къ концу царствованія Екатерины В. достигалъ приблизительно 215 м. р.; наибольшую часть этого долга составляли ассигнаціи, коихъ было выпущено до 150 м. р., затѣмъ слѣдовали краткосрочные внѣшніе займы, долги поставщикамъ и подрядчикамъ и послѣднее мѣсто по своимъ размѣрамъ занимали позаимствованія изъ банковъ.

§ 8. **Первая половина XIX вѣка.** Новый вошедшій съ Екатерины II въ нашу финансовую систему источникъ доходовъ—бумажныя деньги—оказался обоюдоострымъ оружіемъ и очень скоро пріобрѣлъ чрезвычайно важное вліяніе на состояніе госуд. хозяйства. Являясь весьма легкимъ рессурсомъ для покрытія чрезвычайныхъ нуждъ и дефицитовъ, выпуски бумажныхъ денегъ, подобно прежде практиковавшейся монетной операціи, постепенно обезцѣниваютъ денежные знаки по мѣрѣ ихъ умноженія, и вносятъ тѣмъ самымъ постоянныя новыя затрудненія и колебанія въ госуд. доходы и вызываютъ необходимость какъ повышать налоги, такъ и прибѣгать къ увеличенію государственныхъ долговъ. Въ концѣ царствованія Екатерины II курсъ ассигнаціоннаго рубля уже равнялся только 68½ коп. металла. При имп. Павлѣ П. обращеніе ассигнацій увеличилось еще на 50 м. р., и курсъ колебался между 62½ и 73 коп. Непрестанные дефициты въ

царствованіе Александра I, достигнувшіе значительныхъ размѣровъ подъ вліяніемъ войнъ съ Швеціей, Турціей и Франціей, требовали ежегоднаго повышенія государственныхъ доходовъ, источникомъ котораго съ самого начала были избраны бумажныя деньги. Сначала, до 1805 г., выпуски ихъ совершались въ небольшихъ размѣрахъ и курсъ, повысившійся въ 1802 г. до 80 к., понижался очень медленно. Но затѣмъ начались громадные выпуски ассигнацій: въ 1805 г. на $31^1/_2$ милл. р., 1806 г.—на 27 м. р., въ 1807 г.—на 63 милл. р., въ 1808 г.—на 95 милл. р., въ 1809 г.—на $55_{,8}$, въ 1810 г.—на $46_{,1}$ м. р., въ 1812 г.—на $64_{,5}$ м. р., 1813—$103_{,4}$ м. р., 1814 г.—$48_{,8}$ м. р. За этими выпусками со страшной быстротой послѣдовало ужасающее паденіе курса: въ 1806 г. до $67^1/_2$, 1807 г. до $53^3/_4$, 1808 г.—$44^2/_3$, 1809—$43^1/_3$, 1810 г.—$25^2/_3$, 1814—20 коп. «Чрезъ какой потрясающій кризисъ страна должна была пройти, чтобы пережить эти чудовищныя колебанія, говоритъ Кауфманъ, какое безконечное раззореніе кризисъ долженъ былъ причинить, объ этомъ мы можемъ судить по тому ужасному положенію, въ которое онъ поставилъ государственное казначейство. Необычайному, быстрому и очень сильному сокращенію подверглись его ординарные рессурсы и потому, даже для обыкновенныхъ расходовъ, налоги представляли все болѣе и болѣе изсякающіе источники; но въ тоже время, какъ разъ при значительныхъ чрезвычайныхъ военныхъ расходахъ совершенно исключительнаго характера, когда дѣло шло о госуд. самооборонѣ въ прямомъ смыслѣ, единственный имѣвшійся рессурсъ экстраординарный (выпускъ бумажныхъ денегъ) стоялъ у предѣла полнаго истощенія».

Въ годы наиболѣе интензивной борьбы съ Наполеономъ и вслѣдъ за ея окончаніемъ (1812—15) бумажныхъ денегъ было выпущено на 244,5 милл. р., а между тѣмъ ихъ дѣйствительная цѣнность (на серебро) едва достигала 57,6 милл. р. Вслѣдствіе паденія курса ассигнацій въ 1810 г. предстоящіе государственные доходы фактически, на серебро, равнялись только 52 милл. р; т. е. меньше, чѣмъ пятнадцать лѣтъ назадъ, а между тѣмъ напряженное политическое состояніе требовало постоянной готов-

ности къ новымъ военнымъ предпріятіямъ Непрерывныя финансовыя затрудненія вызвали массовое повышеніе налоговъ и введеніе новыхъ въ 1810 и 1812 г., но, какъ эти мѣры, такъ и переложеніе всѣхъ сборовъ на ассигнаціи не могли покрыть даже убыли въ дѣйствительной покупной силѣ поступленій, происходившей отъ паденія курса, вслѣдствіе чего неминуемо приходилось искусственно подавлять всякое развитіе государственныхъ потребностей. Не смотря на свой колоссально быстрый, повидимому, ростъ, государственные расходы, въ переводѣ на серебро, или вовсе не увеличивались, или даже сокращались. Они составляли:

	Ассигнаціями	На серебро
Въ 1803 г.	114.302 290	91 441.832
„ 1808	250.541.800	111.992.185
„ 1810	252.453 403	71 743.164
„ 1812	385.979 439	97.266.819
„ 1814	482.823 581	88 812.543
„ 1820	504.214 312	132.608.364
„ 1823	449.836.778	117 012.154

Расходы на армію и флотъ, вмѣстѣ съ вновь возникшими, послѣ образованія въ 1817 г. коммиссіи погашенія долговъ, крупными расходами на уплату государственнаго долга (55—60 м. р. ежегодно), поглощали большую часть средствъ казны Бюджеты всѣхъ прочихъ вѣдомствъ постоянно подвергались урѣзкамъ и находились въ подавленномъ состояніи: бюджетъ. напр., министерства народнаго просвѣщенія, равнявшійся въ 1804 г. 2.878.118 р. составлялъ въ 1816 г. только 2.470.562 р., въ 1817 г. —3.091.792 р. (т. е въ переводѣ на серебро, уменьшился въ $2^1/_4$ раза); бюджетъ министерства юстиціи поднялся за то же время съ $2_{,6}$ милл. р до $3_{,2}$ милл. р (т. е. въ дѣйствительности уменьшился въ $2^1/_2$ раза) Усиленной бережливостью, обусловленной сознаніемъ крайняго напряженія финансовыхъ средствъ страны, объясняется, между прочимъ, и ничтожная сумма чрезвычайныхъ издержекъ войны съ Наполеономъ: она равнялась всего только 155 милл. р. (т. е. менѣе 40 милл руб на серебро).

Вызванное усиленными выпусками ассигнацій разстройство денежной и финансовой системы произвело

такое впечатлѣніе на правительство, что оно рѣшительно отказалось прибѣгать вновь къ этой операціи. Съ 1817 г. приступлено было къ уничтоженію части ассигнацій, общее количество коихъ сократилось съ 836 м р въ 1817 г.—до 595.776.310 р. въ 1825 г. и оставалось на этой суммѣ до превращенія ихъ, путемъ девальваціи въ кредитные билеты въ 1843 г.

Невозможность покрывать всѣ дефициты одними выпусками бумажныхъ денегъ и затѣмъ консолидація части ассигнацій вызвали заключеніе новыхъ займовъ: къ концу 1823 г консолидированный государственный долгъ составлялъ уже 672 милл р., займы у банковъ—78 милл. р., такъ что вмѣстѣ съ ассигнаціями, признанными въ 1810 г. государственнымъ долгомъ, общая сумма послѣдняго къ концу царствованія Александра I равнялась 1 345 милл. рублей.

Важнѣйшими финансовыми фактами царствованія Александра I. было: преобразованіе финансоваго управленія—учрежденіемъ министерства финансовъ, государственнаго казначейства (должность госуд. казначея учреждена была еще при Павлѣ П.) и госуд. контроля; учрежденіе коммиссіи погашенія долговъ, повышеніе всѣхъ налоговъ, опытъ установленія временнаго подоходнаго сбора съ помѣщичьихъ имѣній, установленіе казеннаго управленія винною торговлей, изданіе перваго систематическаго положенія о гербовомъ сборѣ, положенія о земскихъ повинностяхъ, и пр. Всѣ послѣднія мѣры не вносили существеннаго измѣненія въ общій характеръ податной системы.

Заботы финансового управленія въ царствованіе *Николая I* были направлены на внесеніе порядка въ растроенное отечественной войной государственное хозяйство—установленіе равновѣсія въ бюджетѣ, улучшеніе отчетности, возстановленіе государственнаго кредита, упорядоченіе денежной системы Первыя 20 лѣтъ финансы находились подъ руководствомъ Канкрина, съ именемъкотораго связана честь возстановленія относительнаго благоустройства въ госуд. кредитѣ. Важнѣйшимъ его дѣломъ было водвореніе въ странѣ металлическаго обращенія, посредствомъ девальваціи ассигнацій и за-

мѣны ихъ кредитными билетами. размѣнными на звонкую монету (въ 1843 г). Онъ настаивалъ на крайней бережливости въ испрашиваніи и расходованіи государственныхъ средствъ; въ 1836 г. образованы были даже особые комитеты для разсмотрѣнія нормальныхъ расходовъ, которыми и составлена была нормальная роспись. Остановить увеличеніе государственныхъ расходовъ въ періодъ, переполненный военными дѣйствіями, было, однако, невозможно; чрезвычайныя потребности постоянно порождали дефициты и новыя финансовыя затрудненія. Чтобы выйти изъ нихъ, прибѣгали къ обычнымъ пріемамъ повышенію старыхъ налоговъ, учрежденію новыхъ и наконецъ, къ государственному кредиту. Обращеніе къ внѣшнему кредиту совершалось съ большой осторожностью; выпускъ ассигнацій совсѣмъ не практиковался; за то усиленно пользовались внутреннимъ кредитомъ въ видѣ выпуска краткосрочныхъ билетовъ государственнаго казначейства («серій» созданныхъ у насъ Канкринымъ, и позаимствованій у казенныхъ кредитныхъ учрежденій и комиссіи погашенія долговъ. Наканунѣ отставки Канкрина государственный долгъ равнялся: консолидированный — 862 милл. рубл. (возросъ съ 1823 г. на 90 милл. р.), позаимствованія у банковъ и комиссіи погашенія долговъ $489,_5$ м р. (увеличились на $411,_5$ серіи — 102 м.р., ассигнаціи $595,_8$ м. р; всего — $2049,_5$ асс. Съ уходомъ Канкрина дефициты снова начали расти, затрудненія въ средствахъ увеличивались, пока, наконецъ, Крымская война не вызвала финансоваго кризиса, заставившаго опять прибѣгнуть къ выпуску бумажныхъ денегъ.

Важнѣйшія изъ отдѣльныхъ финансовыхъ мѣропріятій царствованія Николая I: возстановленіе питейнаго откупа, установленіе табачнаго налога въ бандерольной формѣ и налога на свекловичный сахаръ, изданіе покровительственнаго таможеннаго тарифа, устройство денежной системы установленіемъ серебрянаго рубля, какъ основной денежной единицы (1839), переложеніе государственныхъ доходовъ и платежей на серебро (1840) и др.

§ 9. **Царствованіе Александра II.** Тяжелое наслѣдіе получило царствованіе Александра II отъ предшествовав

шей ему эпохи въ состоянiи тогдашняго финансоваго хозяйства Начало этого царствованiя представляло продолженiе того печальнаго перiода нашей финансовой исторiи, который начался съ 1845 года и характеризовался безостановочнымъ владычествомъ дефицита, глубоко разъѣдавшаго финансовую систему и парализовавшаго возможность сколько-нибудь серьезнаго реформированiя ея О значенiи этихъ дефицитовъ можно судить по тому факту, что общая сумма ихъ за все царствованiе Александра II превысила миллiардъ рублей (изъ которыхъ болѣе половины приходится на 1855 и 1856 гг.) и что изъ 26 лѣтъ этого царствованiя только пять лѣтъ были бездефицитными Столкновенiе съ западомъ (Крымская война) обнаружило финансовую несостоятельность Россiи, оказавшейся вынужденной. за отсутствiемъ кредита. покрывать свои военныя издержки выпусками бумажныхъ денегъ, повлекшими за собою глубокое разстройство денежной системы. Расходный бюджетъ почти цѣликомъ шелъ на содержанiе армiи и флота; такъ по росписи на 1857 г. изъ 258 м. р доходовъ 100 м. р. предназначались на уплату %% по займамъ и 117 мил. р на морское и военное министерство, такъ что на покрытiе всѣхъ прочихъ потребностей государства оставалось всего 41 мил р. Податная система основывалась на питейномъ откупѣ и подушныхъ сборахъ, представлявшихъ финансовую сторону крѣпостнаго права. Государственный долгъ по окончанiи Крымской войны состоялъ, при 364 милл. р. консолидированной части, изъ громадной массы неотверженныхъ долговъ въ 1400 м. р., грозившихъ постоянной возможностью самыхъ затруднительныхъ осложненiй; правильнаго внутренняго кредита совсѣмъ не было. Въ управленiи финансами царилъ произволъ и безпорядокъ.

То же печальное существованiе влачило финансовое хозяйство и въ первую половину царствованiя Александра II. Руководители финансовъ—министры *Брокъ* и *Княжевичъ* не имѣли ни опредѣленнаго плана дѣйствiй, ни пониманiя положенiя вещей и средствъ къ его улучшенiю, или, въ лучшемъ случаѣ, не могли овладѣть обстоятельствами. Всѣ финансовыя мѣропрiятiя этого времени, осно-

ванныя на рутинѣ или представлявшія собою палліативы, были крайне неудачны; каждая новая мѣра. вслѣдствіе отсутствія предусмотрительности и единаго плана приводила совсѣмъ не къ тѣмъ результатамъ, какія предполагались; дефициты росли, а попытки борьбы съ ростомъ госуд. расходовъ оставались безуспѣшными; съ каждымъ годомъ положеніе дѣлъ становилось все болѣе безвыходнымъ, въ значительной мѣрѣ благодаря ряду ошибочныхъ финансовыхъ экспериментовъ, какими были: искусственная поддержка въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ нашего вексельнаго курса не достигшая результата, но истощившая размѣнный фондъ; пониженіе процента по вкладамъ въ казенныя кредитныя учрежденія, повлекшее за собою кризисъ и ликвидацію этихъ учрежденій; неудачная, но дорого стоившая попытка открытія размѣна бумажныхъ денегъ въ 1862 63 гг. и пр.

Разстройство финансоваго положенія не могло не привести правительство къ сознанію необходимости для его улучшенія органическихъ измѣненій. какъ въ управленіи финансами, такъ и въ податной и кредитной системѣ. Въ этихъ видахъ уже въ 1859 г. были учреждены двѣ коммиссіи одна при государственномъ контролѣ— *для составленія правилъ о порядкѣ удовлетворенія государственныхъ нуждъ, счетоводства, отчетности и ревизіи*, другая—при министерствѣ финансовъ—*для пересмотра податей и сборовъ*

Трудами первой коммиссіи, душой которой былъ В. А. Татариновъ, была осуществлена коренная реформа въ формальномъ строѣ нашего государственнаго хозяйства.

Финансовое хозяйство дореформенной эпохи отличалось полной безурядицей. «Каждое вѣдомство. говоритъ Головачевъ. было государствомъ въ государствѣ; каждое имѣло отдѣльный свой бюджетъ и не только по расходу, что вполнѣ понятно. но и по доходу; каждое министерство имѣло въ своемъ исключительномъ завѣдываніи особые источники дохода, опредѣленные для извѣстныхъ цѣлей и не входившіе въ общій бюджетъ. Хотя госуд. роспись составлялась и утверждалась ежегодно, но исполненіе ея не было обязательно ни для одного вѣдом-

ства, такъ какъ каждое министерство имѣло право испрашивать дополнительныя ассигнованія безъ всякаго соображенія съ общими средствами и нуждами государ ства. Кромѣ того каждое министерство, имѣя въ своемъ распоряженіи особые источники дохода и особые капиталы, всегда могло увеличивать по своему усмотрѣнію смѣтное ассигнованіе и не только изъ этихъ источниковъ, но и передвиженіями кредитовъ изъ одного смѣтнаго назначенія въ другое. Такимъ образомъ въ финансовыхъ дѣйствіяхъ распорядителей былъ открытъ полный просторъ произволу и усмотрѣнію, а госуд роспись не представляла обыкновенно и тѣни того, что было въ дѣйствительности. Къ этому надо прибавить, что госуд. отчетность была чрезвычайно несовершенна, а сколько-нибудь серьезный контроль совсѣмъ отсутствовалъ.

Поставленная при такихъ условіяхъ коммиссіи цѣль ея занятій—выработать болѣе правильную систему рас поряженія госуд. средствами и установить возможность наблюденія за ихъ употребленіемъ—потребовала отъ нея массы упорнаго труда, но увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Выработанная ею реформа состояла изъ ряда положеній, введенныхъ въ дѣйствіе въ разное время со строгой, систематической послѣдовательностью. 22 мая 1862 г. были утверждены правила о составленіи, утвержденіи и исполненіи госуд. росписи и фин. смѣтъ министерствъ и главныхъ управленій; въ 1863 г. были составлены такъ называемые кассовыя правила т е правила о порядкѣ поступленія госуд. доходовъ, а также правила счетоводства для распорядительныхъ управленій, введенныя въ дѣйствія повсемѣстно съ 1866 г. Вмѣстѣ съ новымъ порядкомъ поступленія и расходованія госуд. средствъ и счетоводства по нимъ вводился и новый порядокъ отчетности и ревизіи по слѣдамъ дѣйствій и на основаніи документовъ, оправдывающихъ каждую статью расхода, и открывались новыя мѣстныя учрежденія госуд. контроля—контрольныя палаты Въ измѣненіе стараго порядка, когда каждое вѣдомство имѣло свои источники доходовъ и распоряжалось ими самостоятельно, безъ всякаго соображенія съ иными нуждами государства, а ассигно-

ванныя ему средства употребляло по своему усмотрѣнію, накапливая изъ ихъ остатковъ «экономическіе» капиталы, —смѣтныя и кассовыя правила установляли единство бюджета, направленіе кредитовъ на ихъ прямое назначеніе (спеціальность кредита), а неизрасходованныхъ остатковъ въ общія госуд. средства, ограниченіе сверхсмѣтныхъ кредитовъ и систему единства кассы, по которой общими приходорасходчиками всѣхъ казенныхъ управленій сдѣлались кассы министерства финансовъ

Къ этимъ принципамъ, внесшимъ точный и опредѣленый порядокъ въ распоряженіе финанс. средствами и сократившимъ произволъ отдѣльныхъ вѣдомствъ, присоединился еще *принципъ публичности государст. росписей* съ 1862 *г. и отчетовъ государственнаго контроля* съ 1866 г. Опубликованіе госуд. росписи впервые сняло многовѣковую завѣсу, скрывавшую отъ общества дѣйствительное состояніе нашихъ финансовъ До 1862 г. госуд. росписи подлежали строгой тайнѣ, и составлявшимъ ихъ лицамъ строго было запрещено разглашать по этому предмету какія бы то ни было свѣдѣнія. Въ данный же моментъ этотъ рѣшительный шагъ на пути установленія болѣе правильныхъ отношеній правительства къ обществу былъ результатомъ крайняго разстройства нашихъ финансовъ. Съ ликвидаціей казенныхъ кредитныхъ учрежденій исчезъ главный источникъ, изъ котораго раньше негласно черпались средства для покрытія дефицитовъ. Малоуспѣшность послѣднихъ займовъ, паденіе курса на наши фонды, печатныя сужденія въ нашей и иностранной прессѣ все это ясно доказывало, что въ общественномъ мнѣніи вкоренилось глубокое недовѣріе къ нашему финансовому положенію, а между тѣмъ безъ кредита нельзя было обойтись «Какъ ни необходимы, какъ ни существенны для устройства финансовъ мѣры сокращенія расходовъ и увеличенія доходовъ, записано въ протоколѣ комитета финансовъ 26 декабря 1861 г., но онѣ останутся тщетными, если вмѣстѣ съ тѣмъ не будетъ положено начало къ возстановленію довѣрія къ будущности финансовъ Россіи, ибо только въ этомъ случаѣ можно надѣяться заключить заемъ и остановить паденіе денеж-

ныхъ знаковъ и вексельнаго курса. Довѣріе же можетъ быть возстановлено не иначе, какъ полной откровенностью правительства относительно своихъ финансовъ. Первый шагъ къ этому есть обнародованіе росписи».

Менѣе или, прямѣе, мало плодотворными оказались занятія другой учрежденной въ 1859 г. коммиссіи—по пересмотру податей и сборовъ, не смотря на болѣе чѣмъ 20 лѣтнее ея существованіе и многочисленные томы ея трудовъ. Ея неудача въ значительной мѣрѣ объясняется общими условіями того времени, когда ей приходилось работать. Податная система тѣснѣйшимъ образомъ связана со всѣми сторонами общественной и государственной жизни, а онѣ почти всѣ находились въ переходномъ временномъ состояніи; безъ общаго плана реформъ, а лишь при стремленіи удовлетворять самымъ назрѣвшимъ, неотложнымъ требованіямъ народной жизни, преобразованія цѣплялись одно за другое и неизвѣстно было, гдѣ и какъ они кончатся. Временность принимаемыхъ мѣръ, отсутствіе опредѣленныхъ взглядовъ на будущее, борьба старыхъ началъ съ новыми вносили временный, переходный характеръ и въ самую экономическую жизнь народа, а потому трудно было вообще найти твердыя основанія для податной реформы, тѣмъ болѣе, что самыя права и положеніе различныхъ классовъ населенія далеко еще не опредѣлились и ждали очереди для переустройства.

А между тѣмъ податная система страдала весьма тяжкими недостатками, и въ общественномъ сознаніи выяснились основныя черты важнѣйшихъ, насущнѣйшихъ ея преобразованій. Цѣлью ихъ ставилось облегченіе податной тяжести для низшихъ, бѣднѣйшихъ классовъ населенія, выносившихъ на себѣ почти весь госуд. бюджетъ, а средствами—отмѣна подушнаго и солянаго налога и питейнаго откупа, преобразованіе паспортной системы и привлеченіе къ обложенію высшихъ неподатныхъ классовъ.

Не смотря на постоянныя финансовыя затрудненія, задерживавшія всякую мѣру, обѣщавшую непосредственное уменьшеніе госуд. дохода, въ царствованіе Александра II была осуществлена часть этой программы, произведшая весьма важныя *улучшенія въ податной систе-*

ми отчасти по указаніямъ податной коммиссіи. Съ 1 января 1863 г была прекращена отдача на откупъ питейнаго сбора, составлявшая страшную язву дореформеннаго строя, развращавшая одинаково какъ населеніе, такъ и администрацію, и замѣнена акцизомъ Въ томъ же году, въ видахъ улучшенія быта многочисленнаго и наименѣе обезпеченнаго въ средствахъ городскаго сословія, была отмѣнена подушная подать съ мѣщанъ, взамѣнъ которой былъ введенъ налогъ на недвижимыя имущества въ городахъ. Въ 1879 г. на смѣну тихо сходившей со сцены податной коммиссіи была назначена новая коммиссія для обсужденія предположеній объ отмѣнѣ подушныхъ сборовъ, чѣмъ выражалось намѣреніе покончить съ ними окончательно. Въ 1880 г подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія отмѣненъ одинъ изъ самыхъ тягостныхъ для населенія налоговъ—налогъ на соль. Затѣмъ былъ произведенъ рядъ частичныхъ измѣненій: соляная монополія замѣнена акцизомъ, изданы новые уставы о сборахъ за право торговли и промысловъ, о гербовомъ сборѣ, объ акцизѣ на сахаръ, новый таможенный тарифъ, присоединенъ къ общимъ госуд. доходамъ госуд. земскій сборъ, откуда возникъ особый госуд. поземельный налогъ и пр. Но рядомъ съ этими улучшеніями податной системы совершалось отчасти и ея ухудшеніе; вѣрнѣе сказать, вмѣстѣ съ введеніемъ въ нее новаго благотворнаго принципа усиливалось ея реальное несовершенство. Вслѣдствіе произведеннаго въ первую половину царствованія, подъ вліяніемъ острой нужды, повышенія подушной и оброчной податей и затѣмъ происходившаго время отъ времени увеличенія питейнаго налога, тяжесть податнаго бремени, лежавшаго на крестьянскомъ населеніи, не только не уменьшилась, но значительно возрасла: подушная и оброчная подать съ питейнымъ и солянымъ налогомъ въ 1856 г. дали $142,_9$ м. р. или $40,_4\%$ всѣхъ обыкновенныхъ доходовъ, въ 1881 г. (безъ солянаго налога) уже $313,_9$ м. р. или $48,_2\%$ обыкновенныхъ доходовъ. Приэтомъ крестьянская реформа создала выкупные платежи (предназначенные на уплату % и погашенія по ссудамъ, выданнымъ казною для выкупа крестьянами полученныхъ ими надѣловъ), которые

очень скоро, въ виду обнаружившагося несоотвѣтствія между ними и доходностью надѣловъ, оказались новой тягостью для крестьянскаго населенія и подняли его платежную обязанность до крайнихъ предѣловъ. Возрастающія недоимки въ крестьянскихъ платежахъ сдѣлали наконецъ очевиднымъ, что эти платежи не по силамъ населенію, такъ какъ они несоотвѣтствовали не только доходности крестьянскихъ надѣловъ, но и всей совокупности средствъ крестьянъ какъ отъ надѣльной земли, такъ и отъ заработковъ. Въ 1877 г. фактъ истощенія платежныхъ силъ и всеобщаго пониженія благосостоянія крестьянъ былъ признанъ правительствомъ, и поставленъ на очередь вопросъ о пониженіи выкупныхъ платежей, но разрѣшеніе онъ получилъ уже только въ слѣдующее царствованіе.

Важныя измѣненія произошли при Александрѣ II и въ другихъ частяхъ финансоваго хозяйства. Необходимость, въ общихъ экономическихъ и политическихъ интересахъ страны, сооруженія желѣзнодорожной сѣти и невозможность осуществленія ея исключительно на частныя средства вынудили правительство къ большимъ затратамъ на этотъ предметъ и повели къ образованію особаго желѣзнодорожнаго фонда, поступленія и расходы по которому первоначально (какъ и по выкупной операціи) поставлены были внѣ общей государственной росписи, т. е внѣ общей системы государственнаго хозяйства. Государственный кредитъ, подъ вліяніемъ отчасти потребностей, вызванныхъ этими двумя операціями (выдачей выкупныхъ ссудъ и сооруженіемъ желѣзныхъ дорогъ), отчасти огромныхъ издержекъ на веденіе крымской и русско-турецкой войнъ (свыше $1^1/_2$ милліардовъ), отчасти непрерывнаго ряда дефицитовъ, получилъ быстрое и широкое развитіе. Съ 1759 милл. р. въ 1858 г государственный долгъ увеличился къ 1880 г. до 4 $698,_5$ милл р изъ которыхъ $2.472,_8$ милл. р.. были употреблены на военные расходы и покрытіе дефицитовъ, $488,_8$ милл р на отвержденіе текущаго года. $796,_8$ милл. р. на желѣзнодорожныя дѣла и $496,_1$ милл. р. на выкупную операцію. Въ составѣ государственнаго долга произошло значительное улучшеніе, во 1-хъ, вслѣдствіе консолидаціи внутренняго неотвержденнаго дол-

га, состоявшаго изъ позаимствованій въ казенныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ, и, во 2-хъ, вслѣдствіе созданія правильнаго внутренняго кредита (въ одинъ періодъ съ 1876 по 1881 г. внутренній кредитъ доставилъ казнѣ милліардъ рублей) Въ наиболѣе плачевномъ состояніи находился безпроцентный долгъ, т. е. долгъ по кредитнымъ билетамъ Крымская война велась исключительно на выпуски бумажныхъ денегъ; сумма ихъ съ $333{,}_4$ милл. р. въ 1853 году возросла до $735{,}_3$ милл р. къ 1858 г.; размѣнъ билетовъ становился все болѣе затруднительнымъ и въ концѣ 1857 г. былъ прекращенъ окончательно

Съ этого момента въ теченіе почти 40 лѣтъ госуд. хозяйство велось у насъ при неразмѣнныхъ бумажныхъ деньгахъ съ безпрерывно колеблющимся курсомъ, и правительство безпрестанно занято было вопросомъ объ исправленіи разстроенной денежной системы. Въ послѣдніе годы предъ турецкой войной наблюдаются даже благопріятныя условія для этого исправленія: повышеніе курса рубля до 87 к., накопленіе значительныхъ запасовъ золота въ государственномъ банкѣ, но наступившая война, исчерпавъ всѣ рессурсы казны, потребовала новыхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ на сумму 543 милл. р., вновь повлекшихъ за собой сильное паденіе курса кредитнаго рубля. Общее количество кред. билетовъ въ 1879 г. равнялось 1 146 м. р при размѣнномъ фондѣ въ $176{,}_8$ м. р.; такимъ образомъ безпроцентный госуд долгъ увеличился съ начала царствованія ($204^1/_2$ м. р.) на 765 м. р или почти въ пять разъ. Однако вскорѣ по окончаніи войны рѣшено было устранить изъ обращенія временно выпущенные кредитные билеты на сумму $419{,}_5$ м р. ежегодными платежами госуд. банку по 50 м. р. (указъ 1 янв. 1881 г.), что выражало сознаніе необходимости не отсрочивать далѣе борьбы съ денежнымъ разстройствомъ и приступить къ преобразованію, не взирая даже на весьма неблагопріятное дѣйствіе, оказанное войной на общее финансовое положеніе страны. И съ 1881 г. эта задача все время постоянно сосредоточивала на себѣ вниманіе и заботы финансоваго управленія, кто бы ни стоялъ во главѣ его съ тѣхъ поръ. Всѣ министры, съ того времени руководившіе финансами Россіи,

всегда были заняты разработкою мѣръ по возстановленію металлическаго обращенія, тѣмъ болѣе, что неотложность этого дѣла переходила къ нимъ, какъ наслѣдіе, которымъ они и не могли пренебречь.

Со второй половины 60-хъ гг., съ проведеніемъ крестьянской реформы, съ ослабленіемъ вызваннаго перемѣной земельныхъ отношеній кризиса, съ открытіемъ сѣти городскихъ, общественныхъ и частныхъ коммерческихъ и земельныхъ банковъ, оживившихъ торговлю и промышленность, и съ принятіемъ со стороны правительства рѣшенія искать средствъ для улучшенія финансоваго положенія въ развитіи производительныхъ силъ страны и въ частности въ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ,—финансы Россіи стали поправляться. Производительное назначеніе спеціальныхъ желѣзно-дорожныхъ займовъ снова подняло нашъ госуд. кредитъ, а оживленіе народнаго хозяйства доставляло государству все болѣе и болѣе обильные рессурсы. Благодаря усиленной энергіи, проявленной М. Х. Рейтерномъ (м—ромъ ф—совъ) въ борьбѣ съ непрерывнымъ ростомъ госуд. расходовъ и особенно сверхсмѣтныхъ, дефицитъ наконецъ былъ устраненъ: росписи 1871—75 гг. были сведены съ общимъ избыткомъ доходовъ болѣе, чѣмъ въ 50 милл. Курсъ рубля поднялся до 87½ коп. Потребности военнаго времени 1877—78 г. обнаружили, что финансовые успѣхи послѣднихъ лѣтъ создали у насъ несуществовавшій ранѣе внутренній государственный кредитъ, доставившій государственному казначейству въ короткое время до милліарда рублей.

Болѣе двухъ десятилѣтій протекли въ непрерывной борьбѣ правительства съ финансовыми затрудненіями и въ реформированіи финансоваго строя; но улучшеніе финансовъ было невозможно безъ серьезныхъ финансовыхъ преобразованій, а преобразованія казались неосуществимыми безъ улучшенія финансовъ. Только къ концу царствованія Александра II все яснѣе и шире обнаруживался выходъ изъ этого круга, но новая война, наглядно выяснившая наши финансовые успѣхи, снова на нѣкоторое время разстроила ихъ, возстановивъ дефицитъ въ бюджетѣ.

Общіе финансовые результаты 26-лѣтняго царство-

ванія Александра II сводятся къ слѣдующему. Государственные доходы, составлявшіе въ 1855 г.—264 м. р., возрасли до 651 м. р, т. е увеличились почти въ $2^1/_2$ раза, опираясь на получившее значительное развитіе народное хозяйство. Податная система въ общемъ сохранила свой прежній характеръ обложенія преимущественно бѣднѣйшей части населенія, но въ ней уже началъ проводиться принципъ равенства всѣхъ сословій предъ налогомъ и привлекаться къ прямому обложенію привиллегированные, прежде «неподатные» классы. Расходы государства (обыкновенные) увеличились почти въ той-же мѣрѣ какъ и доходы, причемъ возрастаніе расходовъ на армію и флотъ шло нѣсколько медленнѣе общаго роста доходовъ (эти расходы увеличились только въ 2 раза), издержки министерства двора и путей сообщенія остались безъ измѣненія, а наибольшее относительное увеличеніе произошло въ бюджетахъ министерствъ: народнаго просвѣщенія (почти въ 6 разъ), внутреннихъ дѣлъ (въ $4^1/_2$ раза), юстиціи (почти въ 5 разъ) и государственныхъ имуществъ (въ $5^1/_2$ разъ); такимъ образомъ наибольшее, относительно, развитіе получили преимущественно культурныя потребности.

Государственный долгъ выросъ съ 1759 м. р. по окончаніи крымской войны (со включеніемъ кред. билетовъ) до пяти милліардовъ, т. е. увеличился почти въ три раза, но свыше милліарда изъ этого увеличенія было затрачено на созданіе 20.000 верстной сѣти желѣзныхъ дорогъ и до полумилліарда на проведеніе крестьянской реформы, т. е. на цѣли, наиболѣе производительныя и достойныя траты госуд. средствъ. Даже многія сотни милліоновъ, употребленныя на покрытіе дефицитовъ, могутъ считаться производительной затратой, такъ какъ, благодаря имъ, щадились податныя силы населенія, переживавшаго острый фазисъ перехода къ новому хозяйственному строю.

Какъ важное и благотворное нововведеніе, сдѣланное въ царствованіе Александра II, нельзя не отмѣтить также передачу части общественныхъ потребностей въ завѣдываніе мѣстнымъ органамъ самоуправленія, получившимъ и самостоятельные источники доходовъ. Наконецъ формаль-

ная сторона государственнаго хозяйства пріобрѣла, благодаря произведеннымъ реформамъ, сравнительно благоустроенный видъ.

Періодъ реформъ въ финансовомъ хозяйствѣ.

Намѣченныя въ царствованіе Александра II важнѣйшія, насущнѣйшія улучшенія финансовой системы удалось болѣе или менѣе удачно осуществить только въ послѣдующія царствованія, представляющія самую плодотворную эпоху въ исторіи русскихъ финансовъ. Три послѣдовательно смѣнившихъ другъ друга министра финансовъ - Н. Бунге И. Вышнеградскій и С. Витте, каждый содѣйствовали осуществленію этихъ улучшеній въ различныхъ частяхъ финансоваго хозяйства, сохраняя однако тѣсную преемственную связь въ своихъ мѣропріятіяхъ. Съ именемъ перваго связывается въ особенности реформа податной системы, съ именемъ втораго — устраненіе дефицитовъ, разрѣшеніе ж.-дорожнаго вопроса и начало конверсій госуд. долга, съ именемъ третьяго—окончаніе конверсій, учрежденіе питейной монополіи, денежная реформа.

§ 10 **Министерство Н. Х. Бунге.** Призванный въ маѣ 1881 г. къ должности министра финансовъ бывшій кіевскій профессоръ *Н. Х. Бунге* стремился выполнять въ своей дѣятельности слѣдующую программу: приведеніе въ равновѣсіе доходовъ съ расходами путемъ соблюденія самой строгой и разумной экономіи; улучшеніе податной системы посредствомъ болѣе справедливаго распредѣленія налоговъ соотвѣтственно дѣйствительной налогоспособности плательщиковъ; покровительство всѣмъ отраслямъ народнаго производства, въ немъ нуждающимся; развитіе прочнаго и легко доступнаго всѣмъ классамъ общества кредита и, наконецъ, улучшеніе денежной системы безъ стѣсненія торговли и промышленности. Не всѣ пункты этой программы были осуществлены съ одинаковой успѣшностью. Первыя заботы Н. Х. Бунге были направлены *на водвореніе равновѣсія въ бюджетѣ.* Осенью 1881 г. послѣдовало Высоч. повелѣніе о соблюденіи всѣми вѣдомствами строгой бережливости и о неуклонномъ исполне-

ніи смѣтныхъ правилъ. Однако настойчивое стремленіе сократить смѣтные кредиты отразилось на госуд. бюджетѣ назначеніемъ значительныхъ сверхсмѣтныхъ ассигнованій, представлявшихъ еще большое неудобство. «Затрудненія, встрѣчаемыя финансовымъ управленіемъ въ веденіи финансоваго хозяйства, жаловался Бунге въ докладѣ о росписи на 1883 г., заключаются не столько въ значительности обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ, предварительно исчисленныхъ по росписи, сколько въ расходахъ сверхсмѣтныхъ». Вслѣдствіе этого всѣ ежегодно повторяющіяся сверхсмѣтныя назначенія Высочайше повелѣно съ 1883 г. вносить въ смѣту. Этой мѣрой сокращены были сверхсмѣтныя ассигнованія вдвое (съ 60 м. р. до 30), но не устранялась, конечно, недостаточность финансовыхъ средствъ, и всѣ росписи Бунге (кромѣ 1883 г.) заключали въ себѣ дефициты, а ихъ исполненіе сопровождалось еще большими дефицитами, *) не смотря на то, что ростъ госуд. расходовъ почти совсѣмъ пріостановился (въ 1881 г. они составляли $734{,}_3$ м. р., въ 82 г. — 709, въ 83 г. — $723{,}_7$ въ 84 г. — $727{,}_6$ въ 85 г м. р. — $749{,}_4$ — безъ выкуп. операціи). Необходимость покрытія этихъ дефицитовъ, а также чрезвычайные расходы по погашенію временныхъ выпусковъ кредитныхъ билетовъ и по возобновившейся съ 1881 г. постройки желѣзныхъ дорогъ, вынуждали пріобрѣтать потребныя средства путемъ новыхъ займовъ, которыхъ и было заключено съ 1881 г. — по 1886 г. на сумму болѣе 600 м р. Такимъ образомъ Бунге не удалось привести въ равновѣсіе государственный бюджетъ, и способъ сведенія росписей при немъ ничѣмъ не отличался отъ прежняго порядка Но самая роспись получила болѣе законченную полноту и ясность вслѣдствіе включенія въ нее, во 1-хъ, въ 1883 году оборотовъ по желѣзнодорожному фонду, средства коего слились съ общими рессурсами

*) Эти дефициты служили главнымъ основаніемъ для нашей и особенно заграничной печати кричать о крайнемъ разстройствѣ русскихъ финансовъ. Между тѣмъ размѣръ этихъ дефицитовъ не достигалъ величины производившихся въ это время срочныхъ погашеній прежнихъ госуд. займовъ. Всего въ періодъ 1881—86 г. общая сумма произведеннаго срочнаго погашенія госуд. займовъ равнялась $254{,}_5$ м. р., такъ что, если бы у насъ была принята тогда рентная система займовъ и не было нужды въ ихъ срочномъ погашеніи, то въ министерство Бунге по обыкновенному бюджету не только не было бы дефицита, но получился бы еще нѣкоторый избытокъ.

казны, во 2-хъ, въ 1885 г. выкупныхъ платежей и расходовъ по выкупной операціи и въ 3-хъ въ 1886 г. операцій по ликвидаціи казенныхъ кредитныхъ учрежденій.

Самымъ успѣшнымъ оказалось осуществленіе Бунге той части его программы, которая касалась *улучшенія податной системы* и которую онъ всегда признавалъ важнѣйшей цѣлью своего управленія. Для достиженія этой цѣли были предприняты пониженіе выкупныхъ платежей на 12 м. р. (съ 1882 г). и постепенная отмѣна, по указу 14 мая 1883 г, подушнаго налога. Благодаря этимъ мѣрамъ, съ крестьянъ было снято налоговъ на 53 м. р., и, хотя нѣкоторая часть ихъ опять пала на крестьянъ же, вслѣдствіе повышенія питейнаго налога и превращенія оброчнаго сбора въ выкупные платежи въ увеличенномъ размѣрѣ, *) но это обстоятельство не могло устранить прин-

---

*) Еще закономъ 18 мая 1882 г. было прекращено съ 1 янв. 1883 г. взиманіе подушной подати съ нѣкоторыхъ наиболѣе обремененныхъ разрядовъ ея плательщиковъ и вмѣстѣ съ тѣмъ министру финансовъ поручено было разработать и внести въ 1883 г. на разсмотрѣніе въ законодательномъ порядкѣ предположенія о постепенной въ теченіи извѣстнаго періода времени (не свыше 7 лѣтъ) отмѣнѣ этой подати и о способахъ замѣны другими источниками поступавшаго съ нея дохода. Съ 1 янв. 1884 г., согласно представленія Бунге, отъ подушной подати были освобождены крестьяне безземельные и фабричные, и кромѣ того размѣръ подати былъ пониженъ на 50% для всѣхъ болѣе нуждающихся крестьянъ и на 10% для остальныхъ. Въ 1885 г. Бунге вошелъ въ Государственный Совѣтъ съ представленіемъ о повсемѣстной отмѣнѣ (кромѣ Сибири) подушной подати съ 1 января 1886 г, и о возмѣщеніи соотвѣтствующаго ущерба въ государственномъ доходѣ повышеніемъ налога на спиртъ (до 9 коп. за 1°) и увеличеніемъ оброчной подати съ государственныхъ крестьянъ. Послѣдняя мѣра предлагалась потому, что государственные крестьяне платили въ среднемъ съ десятины только 56 коп. оброчной подати и по 38 коп. подушной, тогда какъ одни выкупные платежи бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, за сдѣланнымъ общимъ и добавочнымъ пониженіемъ, составляли 1 р. 35 к. съ десятины. Государственный Совѣтъ, однако, призналъ болѣе умѣстнымъ не связывать отмѣны подушной подати съ увеличеніемъ оброчной, въ тѣхъ соображеніяхъ, что иные государственные крестьяне могли бы истолковать дѣло въ томъ смыслѣ, будто они устранены отъ Монаршей милости, дарованной всѣмъ разрядамъ плательщиковъ, и что, кромѣ того, вслѣдствіе обѣщанія правительства въ 1866 г. не повышать оброчную подать до 2 декабря 1886 г., проэктируемое увеличеніе этой подати не могло бы начаться съ 1 января 1886 г. Поэтому Государственный Совѣтъ рѣшилъ перевести государственныхъ крестьянъ на выкупъ, но собственно, не выкупъ земли, которая имъ и безъ того принадлежала, а выкупъ самой оброчной подати путемъ увеличенія ея размѣра на 45% въ теченіе 44 лѣтъ. Переводъ государственныхъ крестьянъ на выкупъ долженъ былъ начаться съ 1 января 1887 г., а подушная подать сложена въ два пріема: часть съ 1 января 1886 г. и остальная часть съ 1 января 1887 г. „Вообще вся операція по выкупу оброка государственныхъ крестьянъ вѣрно, замѣчаетъ г. Мигулинъ, представляется замаскированнымъ увеличеніемъ оброчной подати, которое Н. Х. Бунге предлагалъ сдѣлать прямо и открыто. Подушная подать здѣсь была замѣнена податью подъ другимъ названіемъ, и Государственный Совѣтъ выражалъ даже мнѣніе, что, когда окончится срокъ выкупныхъ платежей, обложеніе земель государствен-

ципіальнаго значенія отмѣны подушнаго налога, какъ мѣры, уничтожившей послѣдніе слѣды рабства и открывшей путь къ измѣненію паспортной системы, круговой поруки и иныхъ условій крестьянскаго строя. Пониженіе налоговъ съ крестьянъ сопровождалось все большимъ привлеченіемъ къ обложенію другихъ болѣе имущихъ классовъ населенія, доселѣ изъятыхъ отъ прямаго обложенія или недостаточно обложенныхъ: въ 1882 г. установленъ налогъ съ имуществъ, переходящихъ безмездными способами (т. е. съ наслѣдствъ и дареній), въ 1885 г. дополнительные сборы, 3% и раскладочный, съ торговыхъ и промышленныхъ предпріятій и 5%-ный налогъ на денежные капиталы, повышены поземельный налогъ и налогъ на недвижимыя имущества въ городахъ. Вводя необходимую уравнительность въ податную систему эти мѣропріятія, по мысли Бунге, должны были подготовлять почву для введенія современемъ подоходнаго обложенія. Къ той же цѣли должно было клониться и учрежденіе особыхъ мѣстныхъ органовъ финансоваго управленія — податныхъ инспекторовъ, на которыхъ возложено было наблюденіе за правильностью распредѣленія прямыхъ налоговъ и всестороннее изученіе податныхъ силъ населенія. Заслуга реформированія податной системы, проведеннаго Бунге, является тѣмъ болѣе высокой, что нужна была особая смѣлость, прямолинейность и даже самоотверженность, чтобы рѣшиться на отмѣну налоговъ въ такое время, когда бюджетъ страдалъ ежегодными крупными дефицитами

Финансовыя мѣропріятія, направленныя *на покровительство промышленности*, заключались въ повышеніи

ныхъ крестьянъ на новомъ основаніи доставитъ обильный источникъ дохода. Выкупные платежи, слѣд., играютъ роль въ сущности простого усиленнаго обложенія крестьянскихъ земель. Точно такую же роль (обыкновеннаго налога) должны были играть и выкупные платежи помѣщичьихъ крестьянъ по переводѣ ихъ въ общегосударственный бюджетъ и послѣ того, какъ связь ихъ съ обязательствами выкупной операціи была de facto нарушена. Платежи удѣльныхъ крестьянъ играли такую же роль съ самаго начала. Это впрочемъ не есть недостатокъ операціи, напротивъ, это давало возможность со временемъ, съ улучшеніемъ государственныхъ финансовъ и даже съ простымъ улушеніемъ ихъ системы понизить эти платежи для облегченія лежащаго на крестьянскихъ земляхъ несообразнаго по сравненіи съ землямъ собственниковъ другихъ разрядовъ бремени („Русскій госуд. кредитъ". 1769—1899 г. Т. I. Харьк. 1899, ст. 505).

ставокъ таможеннаго тарифа. При современномъ финансовомъ и экономическомъ положенiи Россiи Бунге признавалъ троякую цѣль таможенныхъ пошлинъ: фискальную, какъ источника новыхъ доходовъ, покровительственную, какъ средства доставленiя сильной и обезпеченной охраны промышленности и, наконецъ, какъ средства упроченiя нашей денежной единицы путемъ возможнаго улучшенiя въ нашу пользу платежнаго баланса Россiи. Въ видахъ достиженiя той или другой изъ этихъ цѣлей Бунге производилъ повышенiя таможенныхъ пошлинъ по различнымъ предметамъ ввоза и вывоза, и нашъ таможенный тарифъ, получившiй уже съ 1877 г, когда было установлено взиманiе пошлинъ золотомъ, высокопошлинный характеръ, мало по малу, по многимъ статьямъ своимъ сдѣлался запретительнымъ.—Въ области развитiя доступнаго населенiя *кредита* министерство Бунге осуществило два важныхъ мѣропрiятiя: устройство Крестьянскаго поземельнаго банка (въ 1883 г.) цѣлью котораго было поставлено содѣйствiе крестьянамъ въ покупкѣ земель и, слѣд., содѣйствiе общему поднятiю ихъ благосостоянiя, и учрежденiе въ 1885 г. Дворянскаго банка для выдачи ссудъ дворянамъ на болѣе льготныхъ условiяхъ, чѣмъ существовавшiе частные земельные банки.

Въ области *улучшенiя денежной системы* Н. Х. Бунге сдѣлалъ очень немного, хотя на него возлагали большiя надежды. Важнѣйшей мѣрой было осуществленiе указа 1 Января 1881 г. объ уплатѣ государственному банку долга за временно выпущенные кредитные билеты съ цѣлью изъятiя ихъ изъ обращенiя, при чемъ только часть этого долга была уплачена деньгами, а на остальную сумму сдана Банку нереализованная рента. Затѣмъ въ 1883 г., въ видахъ привлеченiя монеты въ обращенiе, Бунге внесъ въ Государственный Совѣтъ представленiе о разрѣшенiи сдѣлокъ на золото и обращенiя звонкой монеты по курсу въ платежахъ между казною, и частными лицами. Это представленiе, не имѣвшее успѣха, явилось выраженiемъ измѣненiя въ отношенiи правительства къ способу возстановленiя металлическаго обращенiя. До русско-турецкой войны оно не могло отрѣшиться отъ мысли о необходимости возстановить цѣнность кре-

дитнаго рубля до al pari; это же представленіе свидѣтельствуетъ о мысли, которой руководились и оба преемника Бунге: «что спасеніе возможно лишь для той цѣнности кредитнаго рубля, которая соотвѣтствуетъ его дѣйствительной покупной силѣ, а не его нарицательному достоинству» (Кауфманъ). Вслѣдствіе встрѣченныхъ имъ препятствій къ осуществленію своего проекта, Бунге съ осени 1884 г. сталъ стремиться къ увеличенію сосредоточеннаго въ государственномъ банкѣ запаса золота посредствомъ передачи ему поступающей въ таможенные платежи звонкой монеты (къ 1 января 1885 г. было такимъ путемъ собрано 30 м. р., къ 86 г.—74,₇ м. р. и къ 1887 г.—уже 88,₇ м. р) *)

Съ именемъ Н. Х. Бунге связано и начало кореннаго переворота *въ ж.-дор. политикѣ.* Съ 1882 г. учреждается казенное управленіе на Екатерининской, Ливенской и Баскунчакской ж. дорогахъ, и эти первые зачатки казенной ж.-дорожной сѣти начинаютъ быстро развиваться, какъ на счетъ переходящихъ въ руки казны частныхъ ж. дорогъ, такъ и путемъ постройки новыхъ рельсовыхъ

---

*) Дѣятельность Н. Х. Бунге въ сферѣ государственнаго кредита многіе признаютъ безцвѣтной. „Кредитная часть, говоритъ „Старый профессоръ“ („Замѣчательная эпоха въ исторіи русскихъ финансовъ“ Спб. 1895 г. стр. 52), составляетъ самую безцвѣтную дѣятельность финансоваго управленія Бунге: въ этой отрасли не было ни системы, ни широкаго пониманія государственныхъ потребностей“. Съ такимъ мнѣніемъ далеко не безъ основанія не соглашается Мигулинъ. „Государственный дѣятель, говоритъ онъ, ознаменовавшій свое управленіе организаціей государственныхъ ипотечныхъ банковъ, впервые приведшій государственные долги въ систему (посредствомъ упраздненія желѣзнодорожнаго фонда, включенія выкупной операціи въ общій бюджетъ и упраздненія отдѣльнаго счета ликвидаціи кредитныхъ учрежденій), положившій начало за счетъ государственныхъ ж.-дор. займовъ сооруженію распоряженіемъ казны желѣзныхъ дорогъ и выкупу дорогъ частныхъ,—отнюдь не заслуживаетъ упрека въ безсистемности и безцвѣтности своей дѣятельности. Что извѣстная строго обдуманная система примѣнялась Н. Х. Бунге въ сферѣ государственнаго кредита такъ же, какъ и въ податной политикѣ, доказывается даже менѣе значительными фактами: выпускомъ займовъ преимущественно въ рентной формѣ и при томъ хотя бы изъ высокаго процента, но по курсу близкому къ al pari. Н. Х. Бунге же (а не Вышнеградскимъ), изобрѣтена была система разрѣшенія выпуска ж.-дор. обществамъ отъ ихъ имени гарантированныхъ правительствомъ займовъ съ цѣлью возврата изъ вырученныхъ суммъ долговъ госуд. казначейству. При Н. Х. Бунге впервые имѣла нефиктивный блестящій успѣхъ публичная подписка на заемъ безъ посредства крупныхъ банкирскимъ фирмъ. При Бунге впервые было обращено вниманіе на большую правильность и точность разсчетовъ при оплатѣ займовъ и учреждена съ этой цѣлью особая коммиссія. Правда Н. Х. Бунге не предпринялъ конверсіонныхъ операцій и не сдѣлалъ попытки разсрочить нѣкоторые займы, но для этого при немъ не наступило еще время: не слѣдуетъ забывать что министерство Н. Х. Бунге продолжалось всего шесть лѣтъ“ (П. Мигулинъ, Русскій госуд. кредитъ. стр. 603.

путей на средства казны. Однако никакой послѣдовательности, никакого опредѣленнаго плана въ дѣлѣ выкупа желѣзныхъ дорогъ въ министерство Бунге не наблюдается, и особыхъ выгодъ государственному казначейству этотъ выкупъ не принесъ и не могъ принести, но «важное значеніе произведенныхъ операцій заключается въ томъ, что, вопреки прежнему убѣжденію въ несостоятельности казенной эксплоатаціи по сравненію съ частной было доказано явленіе совершенно обратное. Сравнительно дешевое сооруженіе и довольно удачная эксплоатація цѣлаго ряда новыхъ желѣзныхъ дорогъ распоряженіемъ казны при Н. Х Бунге наглядно доказывало совершенную успѣшность государственнаго желѣзнодорожнаго хозяйства, а этимъ уже было положено начало новой эрѣ въ нашей желѣзнодорожной политикѣ, заключающей въ себѣ залогъ упорядоченія самыхъ русскихъ финансовъ, въ весьма значительной степени разстроенныхъ именно неправильной желѣзнодорожной политикой» (Мигулинъ, стр. 562). Въ концѣ 1886 г. изъ $25^1/_2$ тысячъ верстъ желѣзнодорожной сѣти 4.461 верста $(17,_5{}^0/_0)$ принадлежало казнѣ. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ взгляда правительства на казенное желѣзнодорожное хозяйство, обнаружилось стремленіе къ упорядоченію отношеній частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ къ государству, окончательно признанъ былъ принципъ вмѣшательства правительства въ дѣла этихъ обществъ, причемъ за нѣкоторыми изъ нихъ былъ установленъ фактическій надзоръ, и положено было начало руководительству тарифнымъ дѣломъ со стороны правительства—предоставленіемъ совѣту по ж.-дорожнымъ дѣламъ права установленія тарифовъ прямого заграничнаго сообщенія.

§ 11. **Министерство И. А. Вышнеградскаго.** По справедливому замѣчанію В. Судейкина, «ни одинъ изъ бывшихъ въ Россіи министровъ финансовъ не начиналъ своей дѣятельности при столь благопріятныхъ условіяхъ, какъ *И. А. Вышнеградскій.* Въ 1887 г. былъ снятъ огромный, небывалый урожай въ Россіи и плохой въ Европѣ. Вывозъ хлѣба достигъ предѣловъ, до того неслыханныхъ. Послѣдствіемъ огромнаго вывоза было усиленіе довѣрія къ Россіи и повышеніе ея кредита на иностранныхъ рынкахъ. Его

предшественникомъ былъ произведенъ рядъ реформъ, въ корнѣ измѣнившихъ всю финансовую систему, а урожай произвелъ такіе результаты, достиженіе которыхъ требуетъ напряженныхъ усилій многихъ лѣтъ. Государственный кредитъ упрочился, русскій производитель хлѣба получилъ большія выгоды и усилилъ площадь посѣвовъ. Экономическое положеніе быстро улучшилось». Главнѣйшей задачей, на которую Вышнеградскій направилъ все свое вниманіе, располагая вокругъ нея, какъ центра, всѣ остальныя свои мѣропріятія, было *возстановленіе денежнаго обращенія*. Согласно его представленія комитетъ финансовъ, въ засѣданіи 28 іюня 1887 года, призналъ желательнымъ стремиться къ упроченію цѣнности рубля посредствомъ размѣна его на золото по курсу, близкому къ современному (къ 1 р. 50 к. кредитныхъ за 1 р. металлическихъ), въ томъ убѣжденіи, что «предметомъ всякихъ мѣропріятій въ отношеніи денежнаго обращенія можетъ быть не возстановленіе полной номинальной цѣнности кредитнаго рубля, а лишь установленіе этой цѣнности настолько прочно, чтобы былъ положенъ предѣлъ дальнѣйшимъ сколько-нибудь рѣшительнымъ колебаніямъ». Журналъ этого засѣданія былъ Высочайше одобренъ и, такимъ образомъ, является моментомъ окончательнаго рѣшенія со стороны правительства совершить реформу денежной системы путемъ *девальваціи*. Но составленный на основаніи этого рѣшенія проэктъ допущенія сдѣлокъ на звонкую монету остался безъ послѣдствій, и Вышнеградскій долженъ былъ ограничиться тѣми же подготовительными работами, къ которымъ приступилъ уже и его предшественникъ, т. е. продолженіемъ *скопленія золотыхъ запасовъ*, необходимыхъ для открытія размѣна. Рѣшивъ пріобрѣтать это золото не займомъ, а покупкой; правительство должно было всѣми мѣрами стремиться, во 1-хъ. къ тому, чтобы въ казнѣ имѣлись для этого широкіе свободные ресурсы, и, во 2-хъ, къ тому, чтобы установился возможно болѣе благопріятный расчетный балансъ, какъ средство привлеченія и удержанія золота въ странѣ. Съ самаго начала своего управленія Вышнеградскій съ неутомимой энергіей работалъ надъ осуществленіемъ этихъ необходимыхъ

условій. Онъ высказывалъ постоянно чрезвычайную настойчивость въ преслѣдованіи крайней бережливости въ ассигнованіи государственныхъ средствъ и добился почти совершеннаго устраненія сверхсмѣтныхъ кредитовъ *). Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружилась неустанная погоня за новыми финансовыми источниками, усиленно взыскивались недоимки по отмѣненному подушному налогу, установлены новые налоги на керосинъ и спички, повышены питейный, табачный, сахарный акцизы, гербовый сборъ, поземельный и промысловый налоги. Благодаря этимъ мѣрамъ и повышенію таможенныхъ пошлинъ косвенное обложеніе съ половины 80-хъ годовъ становится у насъ главною основою государственнаго хозяйства. Той-же цѣли — установленію равновѣсія въ бюджетѣ соотвѣтствовали и совершенныя Вышнеградскимъ важныя улучшенія въ кредитной системѣ и ж.-дорожномъ хозяйствѣ. Воспользовавшись общимъ пониженіемъ ссуднаго % на денежныхъ рынкахъ, онъ провелъ громадную *конверсію* большей части нашихъ металлическихъ займовъ, превративъ ихъ въ 4%-ные и отсрочивъ уплату погашенія по нимъ на болѣе дальніе сроки; и то и другое имѣло своей цѣлью уменьшить ежегодную золотую дань, выплачиваемую Россіей по ея внѣшнимъ долгамъ за границу **). Конверсіи Вышнеградскаго подвергались большимъ нападкамъ и, дѣйствительно, онѣ не соотвѣтствуютъ тѣмъ успѣхамъ, которые сдѣлалъ въ тотъ же

---

*) „Главной заслугой И. А. Вышнеградскаго, справедливо замѣчаетъ К. Головинъ, была желѣзная непреклонность, съ какою онъ отстаивалъ расходный бюджетъ отъ вторженія сверхсмѣтныхъ ассигнованій, вносившихъ въ него прежде столько неожиданнаго. Онъ ревниво старался, чтобы смѣта и ея исполненіе, какъ можно ближе, совпадали. И благодаря этой чертѣ своей политики, онъ удержалъ государственные расходы отъ наростанія. Въ этомъ главномъ направленіи его дѣятельности сказался искусный человѣкъ, привыкшій въ денежномъ хозяйствѣ всего выше ставить строгое поддержаніе баланса. И въ самомъ дѣлѣ, на государственные финансы онъ смотрѣлъ до нѣкоторой степени какъ на частное дѣло, какъ на огромное промышленное предпріятіе, цѣли котораго вполнѣ исчерпываются достиженіемъ крупныхъ дивидендовъ". (К. Головинъ, Наша финансовая политика и задачи будущаго. 1887—1898. Спб. 1899, стр. 8). За шестилѣтіе 1887—92 г. дѣйствительное исполненіе расходовъ только два раза (1887 и 1889 г.) превысило смѣтное назначеніе; за остальные четыре года финансовыя затраты значительно отставали отъ предположеній росписи, такъ что въ общей сложности за 6 лѣтъ было израсходовано на 34_4 м. р. менѣе, чѣмъ предполагалось по смѣтамъ.

**) Всего было конвертировано разныхъ долговыхъ обязательствъ на сумму 785_8 милл. р., при чемъ ежегодные расходы по системѣ государственнаго кредита сократились на 12_5 м. р.

періодъ кредитъ зап.-европейскихъ государствъ, но за ними во всякомъ случаѣ нельзя отрицать того важнаго значенія, что онѣ все таки уменьшили размѣръ нашихъ золотыхъ платежей, перенесли значительную часть русскихъ фондовъ на богатый французскій денежный рынокъ, пріучили владѣльцевъ нашихъ государственныхъ бумагъ довольствоваться 4°/₀-ми дохода и проложили путь последующимъ, болѣе крупнымъ конверсіямъ. Въ области отношенія государства къ ж.-дорожному хозяйству Вышнеградскій произвелъ рѣшительную реформу, подчинивъ желѣзно-дорожное тарифное дѣло правительственному руководству соотвѣтственно общимъ потребностямъ экономической жизни страны и создавъ для этого особые тарифные органы въ составѣ министерства финансовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе точно были опредѣлены финансовыя отношенія между казною и частными желѣзно-дорожными обществами и произведенъ выкупъ въ казну огромной сѣти желѣзныхъ дорогъ, при чемъ въ рукахъ правительства сосредоточивались по преимуществу убыточныя линіи, такъ какъ нахожденіе такихъ линій въ рукахъ частныхъ обществъ, мало заинтересованныхъ, благодаря государственной гарантіи дохода, въ улучшеніи условій эксплуатаціи и содержавшихъ дорогія центральныя управленія, причиняло большіе расходы казнѣ и служило однимъ изъ главныхъ источниковъ бюджетныхъ дефицитовъ. Даже противники Вышнеградскаго признаютъ, что желѣзно-дорожная реформа проведена была имъ съ широкой государственной точки зрѣнія и что онъ твердо, энергично и вполнѣ въ соотвѣтствіи со взглядами науки и общества на этотъ вопросъ широко развилъ начинанія своего предшественника. Благодаря указаннымъ мѣропріятіямъ, направленнымъ на увеличеніе государственныхъ средствъ и на возможное сокращеніе расходовъ по двумъ важнымъ статьямъ расходнаго бюджета, и крайней бережливости по всѣмъ прочимъ, равновѣсіе между доходами и расходами, наконецъ, было установлено и впервые, послѣ долгаго дефицитнаго періода, наступило прочное превышеніе первыхъ надъ послѣдними: въ 1888 г. на $53,_3$ м. р., въ 89 г. — на $65,_5$ м. р., въ 90 г. — на 60_6

м. р., въ 91 г.—на $13,_8$ м. р. – и образовались значительные свободные ресурсы казначейства*).

Вторая цѣль — установленіе выгоднаго торговаго баланса — достигалась двумя путями: въ 1-хъ, всевозможнымъ поощреніемъ къ усиленію хлѣбнаго вывоза, для чего правительство воспользовалось между прочимъ пріобрѣтеннымъ имъ правомъ установленія ж.-дорожныхъ тарифовъ и чему косвенно способствовало усиленное взысканіе недоимокъ и податей, вынуждавшее крестьянъ къ спѣшной продажѣ хлѣбныхъ запасовъ; и во 2-хъ, постановленіемъ препятствій къ увеличенію ввоза. Въ таможенной политикѣ идеаломъ Вышнеградскаго былъ минимальный ввозъ при возможно крупныхъ размѣрахъ таможеннаго дохода, и ради его достиженія происходило ежегодное повышеніе тѣхъ или иныхъ тарифныхъ ставокъ, установленъ съ 1888 г. (подъ предлогомъ, что временное улучшеніе курса рубля ослабило тарифную охрану) общій дополнительный таможенный сборъ въ размѣрѣ 20% и произведенъ общій пересмотръ пошлинъ, закончившійся изданіемъ новаго таможеннаго тарифа по европейской торговлѣ 14 іюля 1891 г., проникнутаго строго покровительственнымъ характеромъ. Желаемая цѣль, особенно благодаря ряду урожайныхъ лѣтъ, была блестяще достигнута: торговый балансъ въ нашу пользу, равнявшійся въ 1882–86 г. въ среднемъ $65,_9$ м. р. ежегодно, въ пятилѣтіе управленія Вышеградскаго составлялъ въ 87 г.—224 м. р., въ 88 г.—$393,_1$ м. р., въ 89 г. – $313,_7$ м. р., въ 90 г. — $277,_3$ м. р. и въ 1891 г. — $327,_9$ м. р. Достиженіе такого высокаго перевѣса вывоза надъ ввозомъ дало возможность не только вполнѣ покрывать заграничные платежи по металлич. займамъ, но и пріобрѣтать покупкою золото для увеличенія металлическаго фонда. Въ шестилѣтіе 1887–1892 г. золотая наличность возрасла въ общей сложности на огромную сумму 300 милл. р. золотомъ (съ 281 до 581 м. р.), пріобрѣтенныхъ на свободную наличность казначейства, на оборотныя суммы государственнаго банка и нѣкоторыя иныя средства.

*) Государственные доходы возрасли за 6 лѣтъ министерства Вышнеградскаго съ $829,_6$ м. р. до $970,_1$ м. р. т. е. на $140,_4$ м. р. расходы же повысились съ $835,_7$ м. р. до $910,_7$ м. р., т. е., только на 85 м. р.

Блестящая внѣшняя сторона дѣятельности И. А. Вышнеградскаго далеко однако не находилась въ соотвѣтствіи съ экономическимъ состояніемъ населенія. Быстрое усиленіе податнаго бремени и энергичные пріемы взысканія, какъ текущихъ платежей, такъ и недоимокъ по уже отмѣненнымъ сборамъ, совпало съ моментомъ, когда начавшееся еще при Бунге и проявившееся съ особенной остротой въ урожайные годы паденіе хлѣбныхъ цѣнъ неблагопріятно отразилось на земледѣльческомъ доходѣ и привело къ крайнему напряженію податныхъ силъ крестьянскаго населенія. Бѣдственный 1891-й годъ обнаружилъ глубокое оскудѣніе крестьянства на значительномъ пространствѣ Россіи и потребовалъ экстренныхъ мѣръ со стороны финансоваго управленія въ видѣ затраты 161 м. р. на продовольствіе голодающихъ. Превративъ свободные рессурсы казначейства и государственнаго банка въ запасы золота, не имѣющаго обращенія на внутреннемъ рынкѣ, правительство оказалось вынужденнымъ прибѣгнуть теперь къ временному выпуску кредитныхъ билетовъ на 150 м. р. Истощеніе запасовъ хлѣба въ странѣ,, вызванное какъ мѣропріятіями, клонившимися непосредственно къ усиленію его вывоза заграницу, такъ и косвеннымъ дѣйствіемъ податнаго гнета, повело къ запрещенію вывоза хлѣба, а соединявшееся съ этой мѣрой опасеніе за выгодность торговаго баланса и цѣлость съ такимъ трудомъ накопленнаго золота заставило прибѣгнуть къ внѣшнему золотому займу (3%-му) окончившемуся неудачей. Расходъ на продовольствіе населенія поглотилъ почти всѣ свободныя средства казначейства, а разстройство хозяйственнаго положенія раззоренныхъ неурожаемъ мѣстностей увеличило до громадныхъ размѣровъ недоимки и отразилось значительнымъ недоборомъ по всѣмъ главнѣйшимъ статьямъ государственныхъ доходовъ.

Несомнѣнно, значительная доля вины въ этомъ затруднительномъ положеніи падала на финансовую политику. «Весь ушедшій въ заботу о строгомъ порядкѣ въ государственномъ хозяйствѣ, и при томъ въ казначейскомъ отношеніи, министръ забывалъ про одно лишь— про внутреннее хозяйство страны, безъ успѣховъ кото-

раго никакіе финансы процвѣтать не могутъ. Онъ менѣе своего преемника напрягалъ платежныя силы населенія, —это правда,—но онъ зато ничего не давалъ этому населенію изъ средствъ, добытыхъ путемъ искусно придуманныхъ косвенныхъ налоговъ. При всѣхъ преимуществахъ косвеннаго обложенія надъ прямымъ всетаки, и какъ разъ благодаря нечувствительности плательщика къ налогу, платимому добровольно и почти незамѣтно, все таки выманивалось изъ его кармана ежегодно болѣе 50 милл. лишнихъ рублей, и ничего изъ этихъ милліоновъ не шло на его прямую пользу. Между тѣмъ какъ при Н. Х. Бунге податное бремя было значительно облегчено, И. А. Вышнеградскій усугубилъ дѣйствіе податнаго винта, всячески направляя мѣстныя власти на сборъ выкупныхъ платежей и въ то же время улавливая плательщика на каждомъ шагу нетяжелыми съ виду налогами на керосинъ, на спички, на табакъ, на желѣзо, на чай и очень чувствительнымъ акцизомъ на сахаръ и на водку. Заграницей денегъ занимали немного, желѣзныя дороги строились казною безъ особой поспѣшности, отдѣльныя вѣдомства не могли расширять своихъ расходовъ дополнительными кредитами, но ничего не было сдѣлано для подъема народнаго хозяйства и народной промышленности. Неудивительно, что втихомолку подготовлялся экономическій упадокъ русскаго центра, давшій себя знать такъ ярко въ голодную годину». (Головинъ, стр. 21).

§ 12. **Министерство С Ю. Витте.** Преемнику И. А Вышнеградскаго *С Ю. Витте* предстояло устранить финансовыя затрудненія, созданныя голоднымъ годомъ и отчасти явившіяся результатомъ финансовыхъ мѣропріятій своего предшественника, и довести до конца разрѣшеніе выдвинутыхъ жизнью основныхъ задачъ финансоваго управленія Россіи: возстановленіе металлическаго обращенія, улучшеніе кредитной системы и развитіе и упорядоченіе желѣзно-дорожнаго хозяйства. Слѣдуя въ этихъ вопросахъ пріемамъ Вышнеградскаго, въ общемъ направленіи финансовой политики новый министръ во многомъ приближался къ Н. Х. Бунге. Воспользовавшись

установившимся равновѣсіемъ въ бюджетѣ, онъ выставилъ принципомъ, что «финансовая политика не только не должна упускать изъ вниманія нежелательныхъ послѣдствій излишней сдержанности въ удовлетвореніи назрѣвающихъ потребностей, но напротивъ, должна поставить своею задачею разумное содѣйствіе экономическимъ успѣхамъ и развитію производительныхъ силъ страны», какъ залогу процвѣтанія не только народнаго благосостоянія, но и финансоваго хозяйства. Расширеніе расходовъ на эти цѣли, а также на остававшіяся долгое время безъ удовлетворенія нѣкоторыя общія государственныя потребности было признано необходимымъ. Такимъ образомъ, финансовое управленіе отрѣшилось отъ столь долго примѣнявшагося, хотя и не всегда сопровождавшагося успѣхомъ стремленія ко всемѣрной бережливости, и признана необходимость простора для роста государственныхъ расходовъ соотвѣтственно естественному развитію потребностей и наличности финансовыхъ средствъ государства. Въ то же время не только признавалось необходимымъ для обезпеченія правильнаго хода финансоваго хозяйства устойчивое равновѣсіе бюджета, но и намѣчалось, подъ вліяніемъ бѣдствій неурожайнаго года, какъ естественное, такое состояніе финансоваго хозяйства Россіи, чтобы поступленія государственныхъ доходовъ всегда были нѣсколько впереди изъ года въ годъ повторяющихся расходовъ—на непредвидимыя государственныя потребности.

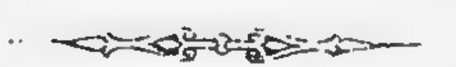
Расширеніе государственныхъ расходовъ и признанная, такимъ образомъ, необходимость образовать снова запасъ свободныхъ рессурсовъ, естественно, требовали новаго увеличенія податнаго бремени: въ концѣ 1892 г. одно за другимъ были проведены повышенія: налога съ пива на 50%, спичечнаго налога вдвое, питейнаго акциза со спирта съ $9^1/_4$ к. до 10 к., и съ фруктовыхъ водокъ съ 6 до 7 к., нефтянаго акциза на 50%, патентнаго табачнаго сбора на 50% (и установленъ—дополнительный табачный сборъ), налога съ недвижимыхъ имуществъ и дополнительныхъ торгово-промышленныхъ сборовъ. Въ 1893 г. установленъ государственный квартирный налогъ, явившійся первой попыт-

ЮРИДИЧЕСКАЯ БИБЛІОГРАФІЯ

ИЗДАВАЕМАЯ

ДЕМИДОВСКИМЪ ЮРИДИЧЕСКИМЪ ЛИЦЕЕМЪ.

№ 55.



ЯРОСЛАВЛЬ
Типо-литографія Э. Г. ФАЛЬКЪ, Духовская ул., соб. д.
1900.

Печатано по опредѣленію Совѣта Демидовскаго Юридическаго Лицея.
Директоръ Лицея *С. Шпилевскій.*

Приложеніе къ Временнику Демидовскаго Юридическаго Лицея.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

№ 55 Юридической Библіографіи.

О порядкѣ отчужденія земель, принадлежащихъ Малороссійскимъ казакамъ.

(По поводу статьи г. Мордухая-Болтовскаго, того же названія, см. Вѣстникъ Права 1899 г. т. II).

Съ изгнаніемъ поляковъ, послѣ возстанія Богдана Хмѣльницкаго, въ Малороссіи не стало крупныхъ поземельнымъ собственниковъ—польскихъ пановъ; вмѣстѣ съ ними не стало и привиллегированнаго сословія, осталось одно „поспольство"—народъ. Земля принадлежавшая передъ тѣмъ панамъ, теперь—извѣстное время—оставалась въ фактическомъ владѣніи тѣхъ, кто ее обрабатывалъ. Но такое положеніе продержалось не долго; право на землю предъявили ея освободители, которыми исключительно считали себя казаки, т. е. только та часть народа, которая составляла полки Хмельницкаго, одни только воины. Приписывая себѣ всю заслугу въ дѣлѣ освобожденія родины, „товарпство" признало отвоеванную землю собственностью „войска", и всѣ прежніе поземельные акты польскаго владѣнія были „скасованы козацкою шаблею", по выраженію того времени. Съ этихъ поръ (т. е. съ половины XVII в.) въ Малороссіи является два сословія:

1) „*товариство*"—казаки, взявшіе на себя обязанность постоянно быть вооруженными для защиты родины и получившіе (вѣрнѣе присвоившіе) за то право на вѣчное владѣніе землею и увольненіе отъ всякихъ другихъ повинностей, кромѣ воинской, и

2) „*поспольство*"—крестьяне—землепашцы и мѣщане—торговцы, на обязанности которыхъ осталась вся земская служба. Право посцольства на землю, хотя и не ограничивалось временемъ,

но зависѣло отъ товарищества, п. ч. земля была войсковою и войско составляло товарищество.[1])

Населеніе Малороссіи было въ то время такъ незначительно, что множество земель находилось „впустѣ". На эти то свободныя земли и сталъ разселяться народъ, уже нестѣсняемый польскими панами, стараясь выбрать угодья, привольныя и удобныя. Кромѣ того, съ половины XVII вѣка жители праваго берега Днѣпра стали безпрерывно переходить въ лѣвобережную Украину, на „дикія поля", сторонясь отъ поляковъ; этимъ переселенцамъ также предоставлялось полное право занимать подъ свои осѣдлости вольныя мѣста, такъ какъ послѣднихъ было много и заселенія эти никого не стѣсняли. Отсюда первоначальная частная поземельная собственность въ Малороссіи возникла на правѣ свободнаго захвата земель („займанщины"). Всякій воленъ былъ занимать порожнія земли, и если при этомъ не возникало споровъ отъ сосѣдей, то владѣніе такое землею становилось тѣмъ самымъ крѣпко.

Однако такой порядокъ вещей, самая вольность казацкая и притязанія казаковъ на всю отвоеванную отъ поляковъ землю, а равно на „дикія поля" не могло продержаться долго, идя, съ одной стороны, въ разрѣзъ съ основной тенденціей Московской политики того времени—взять всѣ сословія подъ свою высокую руку, а, съ другой,—встрѣтивъ серьезное препятствіе въ поразительно быстро развившемся вновь крѣпостномъ строѣ жизни въ Малороссіи.

Одновременно съ развитіемъ казацкаго мелкаго землевладѣнія, уже съ Богдана Хмѣльницкаго вновь возрождается и крупное землевладѣніе въ лицѣ казацкой „старшины" (полковниковъ казацкихъ, сотниковъ и прочихъ войсковыхъ властей). Лица эти (къ которымъ позднѣе присоединились помѣщики Московской службы), получая въ награду отъ войска казацкаго крупные участки земли и еще болѣе увеличивая ихъ захватами „дикихъ поль", а равно земель болѣе слабыхъ сосѣдей, начали всякими способами

---

[1]) *А. М. Лазаревскій*—Малороссійскіе посполитые крестьяне, стр. 4—6 (напечатано въ Записк. Черниговск. статистическ. комитета 1866 г. кн. 1).

привлекать къ себѣ и прикрѣплять къ землѣ „посполъство“, а иногда и болѣе слабыхъ казаковъ—рядовичей. Позднѣе гетманы, дѣйствовавшіе уже „подъ рукою“ и отъ имени нашихъ царей, стали сами отдавать новосоздавшемуся служилому сословію мельницы и ранговыя имѣнія безъ подданныхъ людей и съ подданными, смотря по рангу.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ уничтоженіемъ равноправности казацкой, государи наши постепенно ограничиваютъ казаковъ въ ихъ правѣ неограниченнаго захвата „дикихъ поль“.

Начиная съ Тишайшаго Царя, Московское правительство неуклонно развиваетъ въ своихъ указахъ положеніе, по которому дикія поля не должны быть почитаемы за res nullius, но являются государственнымъ имуществомъ; какъ таковое, они даются участками въ помѣстья служилымъ людямъ, жалуются въ вотчины. Лица, самовольно захватившія участки изъ „дикихъ Государевыхъ поль“, почитаются не вотчинниками ихъ, а только владѣльцами, повинными платить въ казну за пользованіе заимками извѣстный оброкъ („по гривнѣ съ четверти“).

Установленное первоначально (1-е П. С. З. т. II, № 1074 п. 56; ср. т. I, № 522) по отношенiи къ пустымъ землямъ около 16 заказныхъ городовъ,[1]) правило это было императрицею Елизаветою Петровной, въ 1750 году, распространено на всѣ тѣ мѣста и губерніи, „въ которыхъ вышеписанныя государевы земли и угодья есть и въ вѣдомостяхъ состоятъ“ (1-е П. С. З. т. VIII, № 9790.)

Къ тому времени и сама войсковая „старшина“ перестаетъ постепенно быть выборной, образовавъ собою главное ядро помѣстнаго дворянства и насѣвъ такъ тяжко на плечи не только „посполъству“, но и рядовому казачеству, что само Правительство русское оказалось вынужденнымъ прійти на помощь къ послѣднему и гарантировать, по возможности, отъ попытокъ закрѣпощенія ихъ „старшиною“.

---

[1]) Чернь, Новосиль, Орелъ, Данковъ, Елецъ, Кромы, Курскъ, Ефремовъ, Ливны, Бѣлгородъ, Старый Осколъ, Воронежъ, Рыльскъ, Путивль, Сѣвскъ, Лебедянь.

Съ этою цѣлью, напримѣръ, изданъ былъ именной указъ Анны Ивановны Румянцову, въ 1739 году, которымъ предписано было слѣдующее: (1-е П. С. З. т. X, № 7723) „хотя казакамъ о продажѣ ихъ собственныхъ грунтовъ и повелѣно, однакожъ не для того, чтобы оныхъ казаковъ владѣльцы, которые грунты ихъ черезъ покупку за себя укрѣпятъ и ихъ во владѣніи своемъ, яко крестьянъ имѣть могли"; почему и запрещается казакамъ продажа ихъ грунтовъ, „казачьимъ владѣльцамъ", въ предупрежденіи закрѣпощенія казаковъ за послѣдними.

Въ срединѣ XVIII вѣка правительство наше, отставивъ послѣдняго гетмана и создавъ для управленія краемъ новую власть. въ лицѣ генералъ-губернатора, твердо рѣшилось покончить съ особенностями тогдашняго полкового устройства Малороссіи и постепенно ввести ее въ составъ общаго управленія Имперіей, равно какъ упорядочить поземельныя отношенія сельскаго населенія, порождавшія въ то время безконечные споры и тяжбы среди землевладѣльцевъ въ виду невыясненности правъ послѣднихъ на занимаемые имъ „грунты".

Въ цѣляхъ таковыхъ была, между прочимъ, организована знаменитая Генеральная Опись Малороссіи при П. А. Румянцовѣ, съ 1765 по 1769 годъ, чтобы „записывать сколь возможно вѣрнѣе грунты и маетности за тѣми, кто ими владѣетъ". Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ 1797 года, Малороссійскіе казаки перестали быть военнымъ потомственнымъ сословіемъ, дѣленнымъ на 10 полковъ, и были переведены на гражданское управленіе, въ общемъ на тѣхъ же началахъ, какія установлены были для казенныхъ поселянъ. При этомъ однако казаки почитались сословіемъ не только свободнымъ, но, до извѣстной степени, и привиллегированнымъ: кромѣ военной службы они не несли никакихъ другихъ повинностей ни въ чью пользу, если не считать уплаты такъ называемой консистенціи.

Однако и послѣдняя льгота — свобода отъ окладныхъ сборовъ и повинностей — была уже скоро отнята у казаковъ правительствомъ. Послѣднее, въ дальнѣйшихъ своихъ законоположеніяхъ стремится, по возможности, урегулировать вопросъ объ организа-

ціи и внутреннемъ управленіи Малороссійскихъ казаковъ на тѣхъ началахъ, какъ это было установлино для казенныхъ крестьянъ.

Въ такомъ именно духѣ изданъ былъ цѣлый рядъ законовъ, спеціально посвященныхъ вопросу объ упорядоченіи внутренней организаціи и поземельныхъ отношеній Малороссійскихъ казаковъ.

Такъ изданнымъ 18 декабря 1823 г. именнымъ указомъ повелѣно было съ 1 января 1824 г. производить съ Малороссійскихъ казаковъ сборъ оброчной подати „наравнѣ *съ прочими казенными поселянами*, въ однѣхъ съ ними губерніями обитающими“ (1-е П. С. З. т. XXXVIII, № 29696).

Наиболѣе знаменательнымъ и точно опредѣлившимъ какъ юридическое положеніе Малороссійскихъ казаковъ, такъ и природу правъ ихъ на земли, является указъ Императора Николая I, 1832 года 25 Іюня, легшій въ основу дѣйствующихъ законоположеній о казакахъ и имѣющій до сихъ поръ законную силу въ тѣхъ частяхъ своихъ, которыя не были отмѣнены позднѣйшими законоположеніями.

Освободивъ означеннымъ указомъ Малороссійскихъ казаковъ отъ военной службы въ спеціальныхъ казачьихъ полкахъ и замѣнивъ эту повинность обязанностью поставлять рекрутовъ, по 5 человѣкъ съ тысячи жителей „на укомплектованіе кавалерійскихъ полковъ арміи“, Императоръ Николай I указалъ далѣе слѣдующую организацію „гражданскаго состоянія Малорроссійскихъ казаковъ“ (2-е П. С. З. т. VII, № 5458):

1) — „Казаки, владѣя землями на тѣхъ точно основаніяхъ, какъ доселѣ, не могутъ продавать тѣхъ изъ оныхъ, которыя дошли къ нимъ отъ предковъ ихъ Малороссійскихъ же казаковъ, комулибо иному, кромѣ людей своего сословія“.

2) — „Отнынѣ земли сіи должны навсегда оставаться казачьими, т. е. подвергающими владѣльца оныхъ исполненію возложенныхъ на сословіе сіе обязанностей, не смотря на то, хотя бы онъ пріобрѣлъ службой или инымъ образомъ права другого сословія“.

3) — „Казакамъ предоставляется право, земли потомственныя или отъ казаковъ же по куплѣ или иначе имъ доставшіяся, во избѣжаніе черезполосности и вообще для выгодъ своихъ, мѣ-

нять съ помѣщиками или разночинцами на другія земли, но не иначе какъ съ дозволенія Казенной Палаты, утвержденнаго Военнымъ Губернаторомъ, а въ отсутствіе его изъ Малороссійскихъ Губерній, съ утвержденія Гражданскаго Губернатора. Таковыя через вымѣнъ во владѣніе казаковъ поступившія земли причисляются къ казачьимъ потомственнымъ землямъ".

4) — „Само собою впрочемъ разумѣется, что всѣ сіи постановленія относятся только до будущаго времени, т. е. до тѣхъ земель, которыя, за всѣми прежними продажами и передачами у казаковъ еще остаются; на прошедшее же время оныя ни въ какомъ случаѣ не должны быть распространяемы".

5) — „Земли, пріобрѣтенныя казаками по купчимъ крѣпостямъ отъ дворянъ и разночинцевъ, могутъ быть продаваемы и другимъ образомъ, на основаніи законовъ, отчуждаемы, кому бы то ни было, безъ всякихъ ограниченій".

6) — „При всякой таковой продажѣ или другой передачѣ постороннему лицу кѣмъ-либо изъ казаковъ земли, долженъ быть въ виду актъ, удостовѣряющій, что оная имъ или предками его пріобрѣтена отъ лицъ другого сословія и слѣдовательно не принадлежитъ къ казачьимъ по происхожденію: безъ сего акта передача не дозволяется. Переданная такимъ образомъ земля не сообщаетъ пріобрѣтателю никакихъ правъ казачьяго сословія". ...

9) — „Для вящшаго облегченія казаковъ въ платежѣ податей, предоставляется имъ, буде пожелаютъ, привести между собою въ точную извѣстность владѣемыя каждымъ семействомъ земли, и по мѣрѣ количества оныхъ, разложить платежъ слѣдующихъ съ общества или селенія податей". —

Всѣ послѣдующія законоположенія въ содержаніи своемъ являются представляющими мало измѣненій сравнительно съ приведеннымъ мною закономъ 25 Іюня 1832 года.

Въ цѣляхъ упорядоченія дѣла внутренняго управленія и регуляціи поземельныхъ отношеній между казаками, въ 1834 году въ Полтавѣ была организована Главная Хозяйственная Контора для Малороссійскихъ казаковъ.

Управленіе это (замѣнившее для казаковъ Казенныя Палаты)

находилось въ завѣдываніи Министерства Финансовъ, подъ главнымъ надзоромъ Малороссійскаго военнаго губернатора. Конторѣ этой закономъ предписано было вѣдать дѣла Малороссійскихъ казаковъ „въ отношеніи гражданскомъ по общимъ правиламъ о государственныхъ крестьянахъ, съ соблюденіемъ особыхъ правъ ихъ, означенныхъ въ сводѣ законовъ о состояніяхъ“ (2 П. С. З. № 6727).

Въ 1839 году Главная Хозяйственная Контора была упразднена и ее замѣнила Палата Государственныхъ имуществъ (въ Полтавѣ), послѣ закрытія которой, въ 1867 году, образованы были мѣстныя Управленія Государственными Имуществами (2 П. С. З. № 44034, 1866 года; ст. 920 т. XI гл. 1, по прод. 1886 года).

Въ 1836 году изданъ законъ, которымъ болѣе точнымъ образомъ разъясненъ былъ именной указъ 25 Іюня 1832 года по вопросу объ условіяхъ отчужденія земель Малороссійскими казаками. Какъ указано было выше, закономъ 1832 года запрещена была казакамъ „продажа или другая передача“ постороннему лицу потомственныхъ казачьихъ земель, кромѣ точно указанныхъ въ самомъ законѣ случаевъ. Это постановленіе было расъяснено закономъ въ 1836 года въ томъ отношеніи, что послѣдній запретилъ безусловно и принудительное отчужденіе земель такихъ за частные долги ихъ владѣльцевъ-казаковъ (слѣдовательно и залогъ ихъ): „Что же относится до потомственныхъ земель“,—читаемъ мы въ законѣ,—„то оныя ни въ какомъ случаѣ за долги и по искамъ отбираемы отъ казаковъ быть не должны, какъ подвергающія владѣльца обязанностямъ, установленнымъ Высочайшимъ указомъ 25 Іюня 1832 года (П. С. З. № 5458), т. е. платить подати и исполнять воинскую и прочія повинности“.

Такова ratio закона, вошедшаго, въ прим. 1, ст. 763 т. IX Св. Закон. буквально, въ *диспозитивной* своей части. [1])

---

[1]) Ссылка, на законъ 11 іюля 1845 г. (П. С. З. № 19184), какъ на источникъ, прим. 1 ст. 753 т. IX св. закон. (изд. 1876 г.) является въ оффиціальномъ изданіи не правильной.

Затѣмъ послѣдовалъ законъ 26 Ноября 1856 года (2 П. С. З. т. XXXI № 31177), въ которомъ сказано: „по тяжебнымъ дѣламъ Малороссійскихъ казаковъ между обществами или цѣлыми селеніями о земляхъ, которыя по закону признаются потомственными казачьями, Палаты Государственныхъ Имуществъ должны дѣйствовать тѣмъ самымъ порядкомъ, какой въ 1313—1316 ст, Общ. Губерн. Учрежден. установленъ для дѣлъ объ имуществѣ общественномъ государственныхъ крестьянъ. Когда окажется таковая земля находящеюся во владѣніи лица не казачьяго сословія, то по силѣ 1317 ст. того же учрежденія, Палата обязана начинать о ней искъ черезъ своего стряпчаго или окружнаго начальника и въ случаѣ отчужденія таковыхъ земель изъ частнаго владѣнія, обращать оныя въ распоряженіе казачьихъ обществъ или казаковъ, изъ владѣнія коихъ онѣ прежде выбыли. Дѣла, сего рода производятся порядкомъ слѣдственнымъ, установленнымъ для дѣлъ, съ казеннымъ интересомъ сопряженныхъ". [1])

По дѣйствующему нашему законодательству можно различать три вида казачьихъ земель, именно—потомственныя казачьи земли, старозаимочныя и земли, пріобрѣтенныя по актамъ отъ стороннихъ лицъ—не казаковъ, сообразно съ различіемъ правъ казаковъ по этимъ землямъ.

а) *Потомственныя казачьи земли*, дошедшія къ казакамъ отъ предковъ ихъ и предоставленныя въ пользованіе казацкимъ обществамъ изъ числа казенныхъ земель, въ видахъ обезпеченія исправнаго исполненія возложенныхъ на сіе сословіе обязанностей, находятся въ наслѣдственномъ пользованіи ихъ владѣльцевъ. Послѣдніе могутъ отчуждать такія земли только лицамъ своего сословія; обращеніе на нихъ взысканія за долги частныхъ лицъ безусловно воспрещается (ст. 763 и прим 1 къ ней т. IX св. закон.; ср. 2 П. С. З. № 5458 и № 9326).

---

[1]) См. еще 2 П. С. З. т. XX, № 18789, 28 февр. 1845 г.; № 19184, 11 іюля 1845 г.; т. XIII, № 11763, 23 ноября 1838 г.; т. XIV, № 13025. Ср. прим. 3-е ст. 763 т. IX св. закон., по прод. 1890 г., гдѣ дозволяется отчужденіе тѣхъ старозаимочныхъ земель, которыя принадлежатъ казаку на правѣ личной собственности, а не *даны лишь ему въ пользованіе отъ казны*".

Правительствующій Сенатъ, въ рѣшеніи гражданскаго кассаціоннаго департамента 1893 г. за № 7, указалъ, что возможна и допустима продажа съ аукціона казачьихъ потомственныхъ земель, за долги ихъ владѣльца казаку же, по закладной, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы имѣніе было пріобрѣтено съ публичнаго торга не какими-либо другими лицами, а принадлежащими къ тому же сословію; чѣмъ еще разъ подтвердилъ категорическое запрещеніе закона отчуждать потомственныя казачьи земли частнымъ лицамъ или вообще представлять ихъ въ качествѣ обезпеченія обязательствъ ихъ владѣльцевъ лицамъ другихъ сословій.

Право потомственнаго пользованія казачьими землями является тѣсно и обязательно соединеннымъ съ состояніемъ субъекта въ казачьемъ сословіи. Выходъ казака въ другое сословіе лишаетъ его права пользованія имѣющимся у него участкамъ потомственной казацкой земли, который онъ обязанъ непремѣнно безмездно или возмездно передать казаку же (ст. 764 т. IX св. зак.).

Отчужденіе потомственныхъ казачьихъ земель лицамъ другихъ сословій допускается по закону лишь какъ исключеніе, въ видахъ уничтоженія мелкой черезполосицы, въ извѣстныхъ, точно указанныхъ закономъ случаяхъ, именно „1) когда участокъ казачьей земли находится между землями владѣльцевъ иного сословія; 2) когда продавецъ будетъ имѣть въ другомъ мѣстѣ необходимую для обезпеченія какъ средствъ существованія его съ семействомъ, такъ и исправнаго взноса податей и отправленія повинностей, землю, въ количествѣ по крайней мѣрѣ пяти десятинъ удобной земли на семейство, или же когда онъ можетъ на деньги, выручаемыя отъ продажи, пріобрѣсть себѣ пространство земли, равное тому, которое продаетъ; 3) когда подлежащій продажѣ участокъ незначителенъ и заключаетъ въ себѣ не болѣе трехъ десятинъ“.

Въ настоящее время потомственныя казацкія земли находятся обыкновенно въ наслѣдственномъ участковомъ пользованіи отдѣльныхъ семействъ казаковъ—домохозяевъ. Однако имѣется не мало мѣстностей, въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ, гдѣ до сихъ поръ существуетъ общинное владѣніе казацкими землями. [1])

---

[1]) См. *Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерніи,*

Мало того, мѣстами казацкія земли находятся въ черезполосицѣ, а иногда и прямо въ совмѣстномъ и нераздѣльномъ пользованіи, въ общихъ межахъ, съ земельными надѣлами бывшихъ государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ. [1])

в) *Старозаимочныя земли.* Относительно этого вида земель въ дѣйствующемъ нашемъ законодательствѣ имѣются крайне скудныя указанія, именно въ примѣчаніи 3 къ ст. 763 т. IX св. закон., по продолж. 1890 г., гдѣ сказано слѣдующее:

— „Всѣ вообще старозаимочныя земли войсковыхъ обывателей, коль скоро онѣ принадлежатъ имъ на правѣ полной собственности, а не даны имъ лишь въ пользованіе отъ казны, дозволяется симъ обывателямъ отчуждать, лично и въ составѣ общества, людямъ всякаго званія. Въ случаѣ неимѣнія у кого-либо законнаго документа о полной принадлежности ему такой земли въ собственность, для совершенія акта о ея отчужденіи требуется представленіе удостовѣренія мѣстнаго Управленія, завѣдующаго государственными имуществами въ губерніи, въ томъ, что отчуждаемая земля не принадлежитъ къ разряду казенныхъ.—Сила сего постановленія распространяется и на всѣ возникшія до обнародованія онаго дѣла о старозаимочныхъ земляхъ". —

---

15 томовъ, 1882 93 г.г.—т. II (Полтавскій уѣздъ), стр. 9 (общ. польз. *частью* надѣла); т. III (Миргородскій уѣздъ) стр. 9, 10 (частью надѣла); т. IV (Лубенскій уѣздъ) стр. 11; т. VI (Золотоношскій уѣздъ) стр. 1, 3, 7, 17 и др.; т. VII (Кременчугскій у.) стр. 9, 10, 11; т. VIII (Хорольскій у.) стр. 56; т. IX (Прилукскій у.) стр. 57 (частью земли); т. X (Переяславльскій у.) стр. 231, 232 и др.; т. XI (Кобелякскій у.) стр. 38 и др.; т. XII (Роменскій у.) стр. 261; т. XIII (Лохвицкій у.) стр. 37; т. XIV (Константиноградскій у.) стр. 25; т. XV (Пирятинскій у.) стр. 18. Для Черниговской губерніи см. *матерьялы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные статистическимъ отдѣленіемъ при Черниговской Губернской Земской Управѣ.* 15 выпусковъ 1877—87 г.г.—т. IX, стр. 41, 42 и др.

[1]) Указаніе случаевъ такого общаго землепользованія казаковъ и крестьянъ см. въ *Сборникѣ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерніи*—т. III, 10; т. VI, стр. 6; т. VII, стр. 2; т. VIII, 42; IX, 276, 279, 280—282, 284, 285 и др.; т. X, стр. 27, 236, 257, 261, 267 и др.; т. XI стр. 24; XII, 255; XIII, 29, 37, 42. 43, 48; т. XV, 233. *Матерьялы для оцѣнки земельныхъ угодій.... и т. д. по Черниговской губерніи* т. III—IV, стр. 22.

Такимъ образомъ, по точному смыслу закона, право свободнаго распоряженія и отчужденія какъ лично, такъ и цѣлымъ обществомъ казаковъ, признается только по отношеніи къ тѣмъ заимочнымъ землямъ, на которыя у ихъ вотчинниковъ имѣются „законные документы о полной принадлежности имъ такой земли въ собственность“, или удостовѣреніе отъ мѣстнаго управленія государственными имуществами о томъ, что отчуждаемая земля не принадлежитъ къ разряду казенныхъ, лишь предоставленныхъ казакамъ, за ихъ службу и въ обезпеченіе окладныхъ сборовъ въ потомственное пользованіе.

Дѣло въ томъ, что, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, исторически, казацкія земли пріобрѣтены во владѣніе посредствомъ захвата и разработки („заимки“) дикихъ поль и пустопорожнихъ земель, которыя со времени указа императрицы Елизаветы Петровны, 3 августа 1750 г. (1 П. С. З. т. XII, № 9790) признаны были собственностью казны, благодаря чему и заимки на земляхъ этихъ почитались только находящимися въ наслѣдственномъ пользованіи у казаковъ, а не въ собственности захватчика, если только послѣдняя не была пожалована спеціальнымъ указомъ.

Бывало и такъ, что самое пользованіе потомственными казачьими землями совершалось различно. Въ то время какъ земли пахотныя и усадебныя находились въ подворномъ или общинномъ пользованіи, нѣкоторыя угодья (лѣса, луга, „степь“ и т. п.) оставались въ общемъ нераздѣльномъ пользованіи всѣхъ членовъ даннаго казачьяго общества, являясь „вольными“ землями, „слободами“, которыми каждый пользовался, какъ хотѣлъ. На такихъ вольныхъ казацкихъ земляхъ равнымъ образомъ развился „захватный“ способъ пользованія. Извѣстная семья, завладѣвая кускомъ такой земли „слободы“, напр., лѣса, вырубала на немъ деревья, выкорчевывала пни и раздѣлывала его подъ пашню. Такая расчищенная изъ-подъ лѣса и обращенная въ пашню земля, въ силу признаваемаго обычаемъ трудового начала, какъ титула пріобрѣтенія правъ, поступала изъ состава вольной казацкой земли въ наслѣдственное пользованіе разработавшей ее казацкой семьи.

Здѣсь послѣдняя могла вести свое хозяйство самостоятельно,

безъ всякой зависимости отъ другихъ членовъ общества,—вести такъ, какъ она считала для себя наиболѣе выгоднымъ въ данное время и при извѣстныхъ условіяхъ. Семья казацкая могла свой расчищенный „шматокъ" засѣвать нѣсколько лѣтъ подрядъ тѣмъ или другимъ зерномъ, могла запустить его подъ траву, заростить лѣсомъ, устроить пасѣку и т. п.; словомъ, при займищномъ владѣніи такого типа каждый хозяинъ заимки воленъ вести хозяйство на своихъ „шматкахъ" или обработкахъ („займанщинахъ", „вольницахъ"), согласуясь только со своими личными нуждами и потребностями. Въ виду однако того обстоятельства, что заимка самая совершена была на землѣ другого собственника (казны), ея владѣлецъ правъ собственности, въ силу одного факта захвата, не пріобрѣталъ, оставаясь только наслѣдственнымъ пользователемъ своей „обработки"; почему и отчужденіе такихъ заимокъ лицомъ не казачьяго происхожденія совершаемо быть не можетъ.[1])

с) *Земли, пріобрѣтенныя Малороссійскими казаками по купчимъ крѣпостямъ* отъ дворянъ или разночинцевъ, составляютъ частную *личную собственность* ихъ владѣльцевъ, почему и подлежатъ свободному отчужденію не только казакамъ же, но и частнымъ лицамъ (ст. 765 т. IX св. зак., по прод. 1890 г). Вмѣстѣ съ тѣмъ земли эти могутъ быть принимаемы въ обезпеченіе обязательствъ ихъ вотчинниковъ и отчуждаемы за долги послѣднихъ лицамъ другихъ сословій (прим. 1 ст. 763 cit.).

Однако и относительно этихъ „благопріобрѣтенныхъ" земель въ законѣ повторена та же самая praesumptio juris, по которой всѣ земли, находящіяся во владѣніи казаковъ, почитаются собственностью казны, предоставленной имъ только въ наслѣдственное пользованіе,—пока противное не будетъ доказано. Именно въ текстѣ ст. 765 т. IX св. закон. (по прод. 90 г.) содержится постановленіе, по которому „при всякой продажѣ или дру-

---

[1]) Указанія на случаи такого рода заимокъ см. *Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерніи* т. VII. стр. 11; т. VIII, стр. 56, т. VI, стр. 7; т. II, стр. 4 и др. *Матерьялы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные статистич. отдѣленіемъ при Черниговской Зем. Управѣ* т. IX, стр. 41, 13, 15; т. XIV, стр. 77 и др.

гой передачѣ постороннему лицу кѣмъ-либо изъ Малороссійскихъ казаковъ земли, долженъ быть въ виду актъ, удостовѣряющій, что она имъ или предками его пріобрѣтена отъ лицъ другаго сословія и слѣдовательно, не принадлежитъ къ казачьимъ по происхожденію; если не будетъ представлено законнаго на то акта, то крѣпостные акты на земли, продаваемыя и уступаемыя Малороссійскими казаками дворянамъ и разночинцамъ, могутъ быть совершаемы не иначе, какъ по предъявленіи выданнаго мѣстнымъ Губернскимъ Присутствіемъ, а въ мѣстностяхъ, въ коихъ положеніе о Земскихъ Участковыхъ Начальникахъ не введено въ дѣйствіе,—мѣстнымъ Губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ Присутствіемъ свидѣтельства, удостовѣряющаго, что продаваемая или уступаемая земля не принадлежитъ къ числу такихъ, которыя числятся казачьими".

Самый порядокъ выдачи присутствіемъ такого удостовѣрительнаго свидѣтельства въ законѣ не указанъ. На практикѣ, въ Полтавской губерніи, по словамъ г. Мордухая-Болтовскаго, совершается это слѣдующимъ образомъ: [1])

„... Полтавское Губернское Присутствіе поручаетъ мѣстному Земскому Начальнику собраніе свѣдѣній по сему вопросу. Земскій Начальникъ, въ свою очередь, спрашиваетъ объ этомъ волостное правленіе или требуетъ присылки послѣднимъ свѣдующихъ людей для допроса. Добытыя Земскимъ Начальникомъ свѣдѣнія препровождаются въ Губернское Присутствіе, которое, затѣмъ отъ себя посылаетъ... сообщеніе, съ удостовѣреніемъ о характерѣ земли, основываясь, въ данномъ случаѣ, на свѣдѣніяхъ Земскаго Начальника, а таковыя иногда опираются только *на докладъ* волостного старшины...., въ другихъ же случаяхъ—на показаніи двухъ крестьянъ".

Какъ совершенно вѣрно замѣчаетъ и г. Мордухай-Болтовской, подобная система наведенія справокъ является крайне несостоятельной, какъ основанная на показаніи двухъ, иногда даже одного

---

[1]) *Мордухай-Болтовской*—О порядкѣ отчужденія земель, принадлежащихъ Малороссійскимъ казакамъ (Вѣстникъ Права 1899 г. т. II, стр. 97).

лица, къ тому же часто не свѣдующаго. Болѣе правильный путь въ этомъ отношеніи былъ уже указанъ закономъ (ст. 863 прим. 2 т, IX св. закон., по продолж. 1863 г.), гдѣ было предписано класть въ основу такого удостовѣренія *приговоръ казачьяго общества,* въ составъ котораго входитъ владѣлецъ даннаго земельнаго участка. Почему этотъ наиболѣе простой и вѣрный путь выясненія истины не избранъ Полтавскими крестьянскими учрежденіями,—положительно непонятно.

Начало административно-хозяйственной организаціи сельскихъ обществъ создано, какъ извѣстно, для бывшихъ казенныхъ, а затѣмъ государственныхъ крестьянъ, законами 30 Апрѣля 1838 и 23 Марта 1839 годовъ, а для бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ закономъ 19 февраля 1861 года; казаки, управлявшіеся прежде по стародавнимъ своимъ обычаямъ, вошли мало по малу въ общую съ крестьянами организацію; чему не мало способствовало само правительство, стремившееся (какъ уже было указано выше) приравнять казаковъ, въ организаціи ихъ внутренняго управленія, къ б. казеннымъ (государственнымъ) крестьянамъ. Эти два сословія—казаки и крестьяне разныхъ наименованій—составляютъ въ настоящее время главную массу сельскаго населенія, которая въ своемъ самоуправленіи не представляетъ отличій по сословіямъ. Такъ, смѣты расходовъ на содержаніе волостного управленія и общая раскладка волостныхъ сборовъ устанавливаются на общемъ волостномъ сходѣ; причемъ раскладка самая дѣлается или по числу дворовъ, или по числу ревизскихъ душъ мужского пола, или по числу рабочихъ душъ мужского пола, въ возрастѣ отъ 16, 17 до 55 или 60 лѣтъ.

Какъ я говорилъ уже, въ наибольшемъ количествѣ случаевъ, казаки владѣютъ землями своими подворно; такъ же точно подворно пользуются своимъ надѣломъ и большинство бывшихъ государственныхъ крестьянъ въ губ. Полтавской и Черниговской. Слѣдуетъ замѣтить еще, что въ настоящее время имѣется сравнительно очень мало сельскихъ обществъ, населенныхъ исключительно одними Малороссійскими казаками; большинство такихъ обществъ имѣетъ сложный составъ, изъ лицъ разныхъ сословій.

Въ каждомъ почти сколько нибудь обширномъ или старинномъ селеніи вмѣстѣ съ казаками живутъ и крестьяне разныхъ наименованій, которые или имѣютъ земли своего надѣла въ отрубныхъ кускахъ, или же пользуются землею въ общихъ межахъ, черезполосно, иногда даже прямо въ общемъ владѣніи, всѣ нераздѣльно, образуя вмѣстѣ съ тѣмъ и одно административно-хозяйственное общество. Въ болѣе новыхъ поселеніяхъ (въ бывшихъ помѣщичьихъ хуторахъ и деревняхъ) главными представителями „общескаго" землевладѣнія являются общества бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ; но и тутъ рядомъ съ ними владѣютъ землями и бывшіе государственные крестьяне, и казаки, или въ одиночку, или въ видѣ небольшихъ поземельныхъ общинъ; мало того въ составъ сельскихъ обществъ входятъ иногда кусочки двухъ-трехъ селеній и нѣсколько хуторовъ съ разносоставнымъ населеніемъ.[1])

Какъ сельскія общества, составляющія административную единицу, такъ и части ихъ, отдѣльныя, въ хозяйственномъ смыслѣ (т. е. общества казаковъ, крестьянъ того или другаго наименованія, того или другаго помѣщика), пользуются автономіей по своимъ поземельнымъ дѣламъ. Однако общность взглядовъ на дѣло, при одинаковыхъ формахъ ихъ быта не даетъ мѣста никакой разницѣ въ ихъ общественно-хозяйственномъ управленіи.

Живя съ крестьянами въ одномъ обществѣ, совмѣстно съ ними участвуя въ платежѣ сельскихъ повинностей, подчиняясь тѣмъ же сельскимъ властямъ и подворно—наслѣдственно пользуясь своею землею, казаки Малороссійскіе въ наше время въ своемъ быту ничѣмъ не отличаются отъ крестьянъ. Самое названіе—Малороссійскій казакъ, которымъ въ старину означался лично свободный человѣкъ, теперь, когда всѣ крестьяне стали свободными, стали казаками, является уже анахронизмомъ. Мало того, въ наше вре-

---

[1]) *Сборникъ по хозяйственной статистикѣ Полтавской губерніи* т. XIII, стр. 48, 37, 38; *Матерьялы для оцѣнки земельныхъ угодій, собранные статистич. отдѣл. при Черниговской Губернской Земской Управѣ* т. III—IV, стр. 105 и др.; т. IX, стр. VI. *Сборникъ заключеній Губернскихъ Совѣщаній по пересмотру законод. о крестьянахъ* 1897 г. т. III, стр. 29, 558. См. примѣч. 1-е на стр. 10.

мя самыя права крестьянъ стали опредѣленнѣе и даже обширнѣе, особенно въ области поземельныхъ отношеній: въ то время какъ крестьяне, послѣ перевода ихъ на выкупные платежи, являются нынѣ вотчинниками своихъ земельныхъ надѣловъ, Малороссійскіе казаки по прежнему (какъ это было до эмансипаціи у государственныхъ крестьянъ,) остаются только потомственными владѣльцами предоставленныхъ имъ отъ казны въ пользованіе земель.

Такая неопредѣленность правъ, не говоря уже о путаницѣ, производимой ею при совмѣстной жизни казаковъ и крестьянъ, является крайне вредной и въ государственныхъ интересахъ, препятствуя правильному развитію сельско-хозяйственной жизни. De lege ferenda, является въ настоящее время давно желательнымъ довершить наконецъ вѣковой процессъ ассимиляціи Малороссійскихъ казаковъ съ бывшими государственными крестьянами и перевести ихъ, подобно послѣднимъ, на выкупные платежи (облегченнаго размѣра), признавъ тѣмъ самымъ ихъ вотчинниками находящихся нынѣ въ ихъ наслѣдственномъ пользованіи потомственныхъ казачьихъ земель.

Вопросъ о юридической природѣ землепользованія Малороссійскихъ казаковъ вообще и о правѣ ихъ отчуждать свои земли, въ частности, является невыясненнымъ до сихъ поръ въ достаточной степени нашей юридической литературой.

Хорошимъ подтвержденіемъ сказаннаго является помѣщенная— въ февральской книжкѣ „Вѣстника Права" за прошлый 1898 годъ, статья г. Мордухай-Болтовского — „О порядкѣ отчужденія земель, принадлежащихъ Малороссійскимъ казакамъ", —составленная безъ достаточно безпристрастнаго и всесторонняго разсмотрѣнія затронутаго въ ней вопроса.

Желая, въ принципѣ, возможнаго расширенія оборотоспособности казачьихъ земель и допустимости обращенія на нихъ взысканія по долгамъ казаковъ частнымъ лицамъ, г. Мордухай-Болтовской выставляетъ основнымъ положеніемъ своей статьи новое имъ измышленное правило, по которому, всякій разъ при отчужденіи или залогѣ казацкой земли кому-либо иному, кромѣ людей своего сословія, должно быть доказываемо не личное частное право соб-

ственности отчуждателя на данную землю, но именно то, „находится-ли продаваемая или уступаемая земля казака въ числѣ потомственной казачьей земли, дарованной правительствомъ въ пользованіе обществу казаковъ“ (Вѣстникъ Права 1899 г. II, ст. 103).

Мною было уже указано выше, что какъ изъ точнаго смысла ст. 763 прим. 3 и ст. 765 т. IX св. закон. (по прод. 90 г.), такъ и изъ источниковъ означенныхъ законоположеній съ полной очевидностью вытекаетъ совершенно обратное положеніе, а именно: казацкая земля почитается потомственной и слѣдовательно (по ст. 763 cit.) неотчуждаемой частнымъ лицамъ, пока личное право собственности на нее ея владѣльца не будетъ имъ доказано.

Между тѣмъ г. Мордухай-Болтовской требуетъ, при каждомъ случаѣ отчужденія или залога казакомъ своей земли частнымъ лицамъ, представленія имъ доказательствъ въ подтвержденіе того, что закономъ установлено для подобныхъ случаевъ какъ praesumptio juris (неотчуждаемость казацкой земли, какъ собственности казны, предоставленной казакамъ только въ потомственное пользованіе), и выставляетъ законнымъ предположеніемъ то, что, по прямому смыслу закона д. б. непремѣнно доказано (личная собственность казака на отчуждаемую имъ землю).

Слѣдующее положеніе г. Мордухая-Болтовского, основанное имъ будто бы на прямомъ смыслѣ рѣшен. гражд. кассаціон. департ. Сената, 1893 г. № 7, именно, что лица, не принадлежащія къ казачьему сословію, за долги имъ казаковъ „могутъ обращать взысканіе на потомственныя казачьи земли, но при условіи, что таковыя на публичныхъ торгахъ покупаются лишь казаками, и въ случаѣ несостоявшихся торговъ кредиторъ не изъ казаковъ не можетъ оставить имѣнія за собою“, (стр. 98) положеніе это на самомъ дѣлѣ не только не можетъ быть, хотя косвеннымъ образомъ, выведено изъ содержанія означеннаго рѣшенія, но положительно противорѣчитъ ему. Сенатъ здѣсь категорически подтверждаетъ запрещеніе ст. 763 и прим. 1 къ ней т. IX св. законовъ отчуждать потомственныя казачьи земли не казакамъ и дозволяетъ лишь *казакамъ* же принимать такія земли

въ залогъ, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы, въ случаѣ продажи заложеннаго имѣнія съ аукціона, оно было пріобрѣтено съ публичнаго торга только лицами, принадлежащими къ тому же казачьему сословію.

Также грѣшитъ противъ истины и ученіе г. Мордухая-Болтовскаго касательно старозаимочныхъ земель. Не говоря уже о незнакомствѣ автора съ исторіей возникновенія казачьихъ земель этого типа, имъ допущено крайне произвольное толкованіе текста примѣчан. 3-го къ ст. 763 cit., гдѣ г. Мордухай-Болтовской предлагаетъ толковать слова закона—„коль скоро"—непремѣнно, въ смыслѣ „такъ какъ", „въ виду того, что въ старинной русской рѣчи выраженіе—коль скоро—весьма часто употреблялось въ смыслѣ—такъ какъ, напримѣръ, коль скоро вещь принадлежитъ Ивану, то Петръ не имѣетъ на нее права" (стр. 85).

Спрашивается почему авторъ допускаетъ возможность толкованія выраженія—коль скоро—исключительно въ смыслѣ „такъ какъ"? Какъ можно вывести изъ смысла не только примѣч. 3 къ ст. 763 cit., но и изъ примѣра самого автора, спорное выраженіе съ успѣхомъ можетъ быть изъясняемо въ смыслѣ—разъ, если только, и т. д. Не говоря уже о произвольности такого толкованія г. Мордухай-Болтовского, оно является прямо безполезнымъ для цѣлей автора въ виду ошибочности его утвержденія, будто бы слово „заимка" „исключаетъ понятіе о дарованіи правительствомъ земли въ пользованіе", будучи логически противорѣчащими одно другому: „въ первомъ случаѣ, т. е. при заимкѣ, пріобрѣтеніе земли не сопровождалось какимъ-либо актомъ, во второмъ же, т. е. при пожалованіи правительства, земля даровалась не иначе, какъ по какому-либо письменному документу" (стр. 85).

Какъ мною уже было указано выше (что впрочемъ, на стр. 84, признаетъ и г. Мордухай-Болтовской), въ основѣ возникновенія казацкаго землевладѣнія лежитъ главнымъ образомъ захватъ ими „дикаго поля", заимка.[1]) Между тѣмъ со времени Елиза-

[1]) *Историческій очеркъ межевыхъ учрежденій въ Малороссіи* Черни-

веты Петровны дикія поля перестали юридически почитаться за res nullius, и были всѣ признаны собственностью правительства, которое предоставляло лишь захваченные участки дикаго поля въ пользованіе ихъ владѣльцамъ, за извѣстный оброкъ въ пользу казны (1-е П. С. З. т. XIII № 9790, августа 3-го 1750 года).

Это одинъ случай возникновенія старозаимочныхъ земель безъ пріобрѣтенія на нихъ права собственности ихъ владѣльцами. Мало того, возможны случаи (какъ было уже мною указано выше) пріобрѣтенія „заимокъ" отдѣльными казацкими семьями на земляхъ, хотя и состоявшихъ уже въ пользованіи казацкихъ обществъ, но „вольныхъ", лежащихъ внѣ сферы исключительнаго воздѣйствія опредѣленнаго субъекта, когда, въ силу трудового начала, разработанные на нихъ подъ пашню участки поступали въ потомственное пользованіе разработавшихъ, продолжая числиться въ составѣ казацкихъ земель. Право собственности на такія заимки продолжаетъ оставаться или у казны, или у самихъ казачьихъ обществъ если „вольная земля" такія (что тоже часто бывало) были пожалованы имъ отъ правительства. Потому то и въ примѣчан. 3 къ ст. 763 cit. установлено различіе между заимками—собственностью ихъ владѣльцевъ и заимками, находящихся только въ потомственномъ пользованіи у послѣднихъ. Именно желаніе гарантировать вотчинниковъ только потомственныхъ заимокъ (чаще всего — казну) отъ возможности утраты ихъ и вызвало постановленіе закона, по которому отъ отчуждающаго свою заимку казака требуется представленіе законнаго документа о принадлежности ему таковой въ личную собственность.

На томъ же основаніи противнымъ какъ прямому смыслу закона, такъ и цѣли его изданія, является утвержденіе г. Мордухая-Болтовского, будто бы предписанная ст. 763 примѣчан. 3

говъ 1870 г.- стр. 79. *Филимоновъ*—Формы землевладѣнія въ Суражскомъ уѣздѣ—стр. 13 слѣд. (отпечатано въ *Матерьялахъ для оцѣнки земельныхъ угодій, собранныхъ статистическ. отдѣлен. при Черниговск. Губерн. Зем. Управѣ*—т. IX.)

cit. выдача удостовѣренiй въ томъ, что отчуждаемая земля не принадлежитъ къ разряду казенныхъ, въ настоящее время является обязанностью не мѣстнаго управленiя государственными имуществами, а губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствiя (стр. 96). Управленiе государственными имуществами, имѣя списки, планы и реестры казенныхъ земель въ губернiи, всегда можетъ съ точностью указать и выяснить, является-ли данная „заимка" совершенной на казенной землѣ или нѣтъ, чего крестьянскiя учрежденiя, за отсутствiемъ въ ихъ рукахъ положительныхъ данныхъ, сдѣлать будутъ не въ состоянiи.

Равнымъ образомъ невѣрно утвержденiе автора (стр. 93), что въ 1832 году „изданъ былъ законъ, что потомственными казачьими землями, не могущими быть продаваемыми никому кромѣ казаковъ, должны быть почитаемы только тѣ, *„кои по 25 iюня 1832 года, за всѣми прежними продажами и передачами у Малороссiйскихъ казаковъ остались"* (курсивъ и ковычки автора). По крайней мѣрѣ мнѣ не удалось найти въ П. С. З., закона такого содержанiя.

Самое стремленiе г. Мордухая-Болтовскаго расширить оборотоспособность казачьихъ земель, изъ за котораго онъ такъ неудачно борется съ нашимъ законодательствомъ, является для меня непонятнымъ. Ради чего и ради кого желательно, въ области казачьихъ потомственныхъ земель, торжественное провозглашенiе принципа laissez faire? *Внутри* казачьяго сословiя ихъ земли пользуются и по закону самой обширной оборотоспособностью.

Признанiе же ихъ свободнымъ объектомъ оборота и внѣ сословiя повлечетъ за собою неминуемую утрату ихъ казачествомъ. Безъ образованiя, безъ дешеваго кредита, инертные, въ громадномъ большинствѣ своемъ, казаки разыграютъ тогда въ борьбѣ съ любителями легкой наживы ту же печальную роль, какаю играютъ на войнѣ дикари съ кремневыми топорами противъ современнаго войска, вооруженнаго скорострѣльными ружьями.

Полное обезземеленiе и пролетарiатъ казачества—таковы не-

неизбѣжныя послѣдствія мѣръ, предложенныхъ г. Мордухаемъ-Болтовскимъ.

Изданный 17 мая 1899 года (т. е. *послѣ* появленія указанной выше статьи г. Мордухая-Болтовскаго) новый законъ о старозаимочныхъ земляхъ является, въ общихъ чертахъ вполнѣ согласнымъ съ указанными мною выше замѣчаніями по данному вопросу.

Закономъ этимъ, какъ извѣстно, постановлено между прочимъ слѣдующее:

1) Государственнымъ крестьянамъ изъ бывшихъ войсковыхъ обывателей принадлежатъ на правѣ собственности тѣ изъ вошедшихъ въ ихъ надѣлъ, обложенный оброчною податью, преобразованною въ выкупные платежи, старозаимочныхъ земель, кои прiобрѣтены были ими въ собственность изъ частнаго владѣнія или даны имъ Верховною властью въ прежнее время, въ вотчину.

2) Всѣ остальныя, кромѣ указанныхъ въ прошедшей (I) статьѣ вошедшія въ надѣлъ государственныхъ крестьянъ изъ бывшихъ войсковыхъ обывателей, старозаимочныя земли, состоявшія въ ихъ владѣніи во времена, предшествовавшія введенію въ дѣйствіе законоположеній о поземельномъ устройствѣ государственныхъ крестьянъ, признаются данными симъ обывателямъ лишь въ пользованіе отъ казны.

3) Государственнымъ крестьянамъ, изъ бывшихъ войсковыхъ обывателей, въ случаѣ заявленія о принадлежности имъ на правѣ собственности земель, указанныхъ въ ст. 1, предоставляется, лично и въ составѣ обществъ, отыскивать свои на эти земли права судебнымъ порядкомъ, на общемъ основаніи (сводъ закон. т. IX, особ. прил. VII, пол. о госуд. крестьян. ст. 15, примѣч. 2, прил. ст. 2; ст. 17, прил. ст. 32).

V. Въ дополненіе подлежащихъ узаконеній постановлено:

„Старозаимочныя земли, какъ перешедшія отъ бывшихъ войсковыхъ обывателей къ лицамъ другихъ состояній, такъ и удержанныя за собою лицами, выслужившимися изъ сихъ обывателей, остаются въ неприкосновенной собственности владѣльцевъ и ихъ наслѣдниковъ.“

VI. Взамѣнъ примѣчанія 4 къ статьѣ 15 положенія о государственныхъ крестьянахъ (свод. закон. т. IX, особ. прил. VII, по прод. 90 г.) постановить слѣдующія правила относительно порядка возврата уплаченныхъ за старозаимочныя земли оброчной подати и выкупныхъ платежей:

1) „Слѣдующія по рѣшеніямъ судебныхъ установленій, а равно постановленіямъ административныхъ мѣстъ къ выдачѣ изъ казны крестьянскимъ обществамъ суммы, въ возвратъ оброчной платы и выкупныхъ платежей, внесенныхъ сими обществами, зачисляются въ мірскіе капиталы подлежащихъ обществъ и, по обращеніи ихъ въ государственныя процентныя бумаги, хранятся вкладами въ учрежденіяхъ государственнаго банка“.

2) „Проценты, причитающіеся по этимъ вкладамъ (ст. 1), выдаются подлежащимъ крестьянскимъ обществамъ въ полное ихъ распоряженіе; расходованіе же самихъ капиталовъ допускается только по мірскимъ о нихъ приговорамъ, утвержденнымъ мѣстными по крестьянскимъ дѣламъ установленіями, и при томъ не иначе, какъ съ разрѣшенія Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ.“

Признаніе закономъ Малороссійскихъ казаковъ „государственными крестьянами изъ бывшихъ войсковыхъ обывателей“ является неизбѣжнымъ завершеніемъ историческаго процесса ассимиляціи ихъ съ общимъ земледѣльческимъ классомъ населенія Россіи.

Совершенно правильнымъ представляется, съ исторической точки зрѣнія, установленное въ новомъ законѣ положительными чертами отличіе потомственныхъ казачьихъ земель (ст. 1) отъ земель старозаимочныхъ (ст. 2), какъ собственности казны. Къ сожалѣнію, однако едва-ли представляется возможнымъ считать новый законъ успѣшно разрѣшившимъ поземельный вопросъ для Малороссійскихъ казаковъ.

Прежде всего въ этомъ отношеніи несправедливой и безполезной мѣрой, на нашъ взглядъ, является предписанный закономъ *поворотъ* выкупныхъ платежей изъ казны казакамъ за выкупленныя уже старозаимочныя земли, не вошедшія подъ норму какую создалъ новый законъ для потомственныхъ казачьихъ земель,

и возстановленіе по отношеніи къ нимъ неопредѣленнаго прекарнаго состоянія ихъ владѣльцевъ (нахожденіе этихъ земель лишь „въ пользованіе отъ казны"). Результатомъ проведенія мѣры этой въ жизнь явится фактическое обезземеленіе болѣе 1/3 всѣхъ малороссійскихъ казаковъ и предоставленіе имъ лишь до поры, до времени чужихъ (казенныхъ) участковъ въ пользованіе—при чемъ слово „безсрочное" или „наслѣдственное" пользованіе закономъ не прибавлено; слѣдовательно эти земледѣльцы всегда могутъ ждать своего выселенія казной съ старинныхъ своихъ „батьковщинъ" и „займанщинъ".

Что касается до п. V означеннаго закона, то онъ, на нашъ взглядъ, является очень не яснымъ. Спрашивается, о какихъ „старозаимочныхъ земляхъ" говоритъ здѣсь законъ? Казенныя старозаимочныя земли, являются „неприкосновенной собственностью" лишь казны; потомственныя же казачьи земли, изъ старозаимочныхъ, отчужденію въ частныя руки подлежать не могутъ, въ виду того основнаго положенія, что *самъ*-же новый законъ признаетъ казаковъ государственными крестьянами. Государственные же крестьяне, по закону 14 декабря 1893 года (Собраніе Узакон. 1894 года № 15) своихъ надѣльныхъ земель отчуждать или закладывать стороннимъ лицамъ не могутъ.

С. П. Никоновъ.

П. Сергѣенко: „Какъ живетъ и работаетъ графъ Л. Н. Толстой". Москва 1898. 106 стр.

Авторъ этой книги, одинъ изъ хорошо знакомыхъ графу Л. Н. Толстому, литераторовъ, задумалъ издать ко дню 70-лѣтія рожденія нашего знаменитаго писателя описаніе своихъ бесѣдъ съ нимъ, а также и тѣхъ разговоровъ графа съ разными, посѣщавшими его лицами, при которыхъ Сергѣенко пришлось присутствовать въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ. Разсказъ ведется отъ имени Сергѣенко, который вводитъ читателя въ обстановку жизни Толстого, опи-

сываетъ весь его образъ жизни и сообщаетъ массу въ высшей степени интересныхъ замѣчаній и цѣнныхъ разсужденій гр. Толстого на самыя животрепещущія темы, затрагиваемыя Толстымъ въ его произведеніяхъ философско—моральнаго характера. Эти замѣчанія и разсужденія Толстого представляютъ собою во многихъ случаяхъ поясненіе на конкретныхъ примѣрахъ общихъ воззрѣній автора, иногда же дальнѣйшее ихъ развитіе и глубоко жизненный характеръ. Мы остановимся на этой сторонѣ книги г. Сергѣенко, важной для общей характеристики нравственнаго и общественнаго міровоззрѣнія Толстого. —

Гр. Л. Н. Толстой живетъ въ самой простой, безъискусственной обстановкѣ, ведетъ правильную, трудолюбивую жизнь и охотно вступаетъ въ разговоры съ родными, знакомыми и даже незнакомыми людьми по поводу разныхъ вопросовъ и случаевъ въ ихъ жизни и общественныхъ событій. Въ домѣ Толстого появляются люди самыхъ разнообразныхъ профессій, званія и общественнаго положенія—ученые, писатели, художники, артисты, государственные дѣятели, земцы, студенты, военные, крестьяне и пр. Сергѣенко дѣлитъ всѣхъ посѣтителей гр. Л. Толстого на двѣ категоріи: 1) „зрителей“ знаменитаго писателя и 2) „обремененныхъ“, ищущихъ у Л. Н. совѣта, помощи. Толстой не любитъ праздныхъ разговоровъ и поэтому сухо встрѣчаетъ „зрителей“.

За то люди, являющіеся къ Л. Н. съ дѣйствительной нуждой, встрѣчаются съ готовностью помочь, чѣмъ онъ можетъ. Тяжело дѣйствуютъ на Л. Н. посѣтители, которые желаютъ завербовать его на какое-либо дѣло, противное его убѣжденіямъ. Такъ, когда къ нему пріѣхалъ извѣстный французъ Дэруледъ, чтобы соблазнить его идеей „реванша“, Л. Н. не выдержалъ и на воинственную тираду Деруледа отвѣтилъ съ горячностью: „границы государствъ должны опредѣляться не мечомъ и кровью, а разумнымъ соглашеніемъ народовъ, и когда не будетъ людей, непонимающихъ этого, тогда не будетъ и войнъ“. Въ другой разъ Л. Н. замѣтилъ по поводу письма одного польскаго графа, также соблазнявшаго его польскимъ патріотизмомъ: „надо большую осторожность, чтобы не очутиться въ ложномъ положеніи. Часто

люди, неимѣющіе никакой внутренней связи между собой, идутъ рука объ руку подъ однимъ флагомъ,—общей ненависти. Какой это жалкій союзъ, и какое непониманіе, что только любовь можетъ цементировать людей и давать имъ истинную силу"....

Интересны сужденія гр. Толстого объ *искусствѣ*, отъ котораго онъ требовалъ не „букетовъ и амуровъ, а служенія высшимъ потребностямъ человѣческаго духа". Искусство, говоритъ Толстой по поводу появленія большой картины одного московскаго художника, всегда должно говорить что-либо новое, потому что оно есть выраженіе внутренняго состоянія художника и только тогда осуществляетъ свое назначеніе, когда художникъ даетъ намъ нѣчто такое, чего никто еще раньше не давалъ, и чего никакимъ инымъ способомъ нельзя лучше выразить. „Христосъ предъ Пилатомъ Ге—настоящее искусство: никто до него не говорилъ это и никакимъ другимъ спосомъ, какъ сказалъ Ге своимъ замученнымъ Христомъ и сытымъ, упитаннымъ Пилатомъ. И всегда и вездѣ Христосъ и Пилатъ были и будутъ именно такіе". Толстой удивлялся необыкновенному трудолюбію Ге, который девять лѣтъ изучалъ жизнь Христа: „да иначе и нельзя. Вѣдь, искусство—огромное, могущественное средство... Толстой вооружается противъ *лжеискусства*, которое людямъ вовсе не нужно. „И это искусство не какое-нибудь любительское, а патентованное, съ дипломами и золотыми медалями. Пойдите въ театръ—тамъ опять искусство: какая-нибудь госпожа ноги выше головы задираетъ. И эта гадкая глупость не только не считается неприличнымъ дѣломъ, а, напротивъ, возводится въ нѣчто первосортное и на столько важное для людей, что этому спорту отводится даже постоянное мѣсто на ряду съ величайшими міровыми событіями. Нѣкоторые же органы печати имѣютъ еще для этого и постоянныхъ цѣнителей, которые часто ночью, прямо изъ театра, ѣдутъ въ типографію, и тамъ немедленно, при грохотѣ машинъ, пишутъ свои впечатлѣнія, поспѣшая, дабы міръ заутра могъ уже знать, какъ именно вчера такая-то госпожа, въ такомъ-то театрѣ ноги вверхъ задирала". Толстой не видитъ конца такому нелѣпому направленію современнаго искусства, этой „мякинѣ, которая

искусственно создается въ лицѣ различныхъ музыкальныхъ и художественныхъ школъ, уродующихъ тысячи молодыхъ жизней. Между тѣмъ безъ этихъ разсадниковъ всякой лжи и рутины молодыя жизни могли бы приносить пользу людямъ". —

Толстой невысокаго мнѣнія о недавно умершемъ писателѣ Тэнѣ, котораго онъ считаетъ за довольно-таки ограниченнаго и даже тупого человѣка за то, что Тэнъ старается „свести въ исторіи человѣчества вліяніе человѣка почти на нуль, а главную роль предоставить различнымъ факторамъ, въ родѣ воды, глины и проч. Развѣ, спрашиваетъ Толстой, это не глупость? А Будда? А Христосъ? Развѣ они не измѣнили формы жизни милліоновъ людей?! Вѣдь, прогрессировать можетъ не глина и вода, а только живая жизнь, руководимая духомъ, распространяющимъ въ преемственномъ видѣ свое вліяніе на отдаленнѣйшіе вѣка и поколѣнія... Сергѣенко видитъ въ такомъ рѣзкомъ осужденіи Толстымъ Тэна проявленіе свойства натуры Льва Толстого, который не можетъ *молчаливо* проходить мимо явленія, уродливаго въ его глазахъ, какъ не можетъ море оставаться спокойнымъ когда поднимается вѣтеръ. Это свойство природы графа Л. Толстого даетъ огромную ему силу, но въ тоже время создаетъ ему и внутренній адъ, предъ которымъ должна блѣднѣть душевная трагедія, переживаемая Гамлетомъ". Толстой особенно цѣнитъ произведенія Лермонтова за то его свойство, которое онъ называетъ *исканіемъ*: безъ этого свойства онъ считаетъ талантъ писателя неполнымъ и какъ бы съ изъяномъ. Роль писателя, по мнѣнію Толстого, должна включать въ себя два обязательныхъ свойства: художественный талантъ и разумъ, т. е., ту очищенную сторону ума, которая способна проникать въ сущность явленій и давать высшую для своего времени точку міросозерцанія. Толстой одушевленъ любвеобильнымъ чувствомъ ко всѣмъ людямъ. Его удручаетъ наблюдаемая громадная разница въ дарованіяхъ и способностяхъ людей. „Если бы не грѣшно было, замѣчаетъ Толстой, такъ и хочется иногда сказать съ укоромъ: „Господи, почему Ты предъ однимъ человѣкомъ открываешь многое и оно понятнѣе для него, чѣмъ дважды два — четыре? Предъ другимъ же ты закрываешь

все. И во всемъ ихъ существѣ нѣтъ ни одной щелочки, куда бы могъ проникнуть Твой свѣтъ"?.... Поэтому-то Толстому доставляетъ особенное удовольствіе при непрерывномъ общеніи съ людьми особенно тотъ ихъ родъ, который даетъ Л. Н. высокое наслажденіе, раскрывая предъ нимъ цѣлыя залежи духовныхъ богатствъ. „Радостно, говоритъ Толстой, узнавать про вліяніе на другихъ людей, потому что только тогда убѣждаешься, что огонь, который въ тебѣ, настоящій, если зажигаетъ". —

Глубокое чувство, которое Толстой питаетъ къ духовнымъ силамъ русскаго человѣка, имѣетъ въ немъ какъ бы наслѣдственные корни. Они постоянно углублялись въ немъ подъ вліяніемъ знакомства Толстого съ народомъ въ разныхъ формахъ и въ разное время, при свободномъ общеніи съ народомъ во время полевыхъ работъ и совмѣстныхъ путешествій пѣшкомъ, которыя онъ любитъ и до сихъ поръ. Знакомстео съ жизнью русскаго народа не могло пройти безслѣдно для богатой натуры Л. Н.; онъ, обладая сильно развитымъ чувствомъ человѣческаго достоинства, страдалъ всегда мучительно, видя кругомъ себя вопіющую нужду и невѣжество. Поэтому-то у Л. Н. появляется желаніе хоть немного облегчить участь своего народа, онъ начинаетъ все ближе и ближе принимать къ сердцу его интересы и переходитъ, наконецъ, на народную литературу. Толстой посѣщаетъ ночлежные дома, составляетъ народные календари, буквари и книжки съ популярнымъ изложеніемъ имъ разныхъ вопросовъ знанія. Сергѣенко находитъ, что это народное направленіе въ дѣятельности Толстого не случайный скачекъ въ сторону, а сознательный поворотъ на дорогу, которую онъ обходилъ прежде.

Мы не можемъ согласиться съ г. Сергѣенко относительно такого истолкованія народнаго направленія послѣднихъ произведеній графа Толстого. Знакомый съ ранними литературными произведеніями (Дѣтство, Отрочество, Юность) Толстого можетъ убѣдиться, что онъ началъ интересоваться бытомъ русскаго народа и любить его очень рано, и эта любовь къ народу крѣпла и развивалась съ каждымъ дальнѣйшимъ шагомъ въ литературной дѣятельности Толстого. Она проявляется ярко въ разсказахъ, на-

писанныхъ имъ въ Крыму, въ памятную для всей Руси Крымскую войну, въ которой Толстой участвовалъ. Таже любовь къ простому, безхитростному быту русскаго народа, его несложнымъ чувствамъ и міровоззрѣнію видна и въ кавказскихъ повѣстяхъ Толстого, который въ „Войнѣ и мирѣ“ взялъ солдата Каратаева за образецъ человѣческаго, нормальнаго типа, а его взгляды на цѣль жизни предпочелъ воззрѣніямъ представителей высшаго, культурнаго слоя русскаго общества. Также и въ „Аннѣ Карениной“, гдѣ описывается жизнь современнаго намъ высшаго русскаго общества, мучительное недоумѣніе Левина при рѣшеніи вопроса о смыслѣ человѣческой жизни успокаивается при словахъ простого мужика—подающаго сѣно, что надо жить „по правдѣ“. Отсюда понятно, что разные факты изъ жизни гр. Толстого (напр., его дѣятельность въ качествѣ мироваго посредника, учителя въ яснополянской школѣ) были только обстоятельствами, благопріятными для усиленія въ Толстомъ этой любви къ народу. Не удивительно также, почему Л. Н. въ 1891 г. при первой вѣсти о голодѣ, охватившемъ значительную часть Россіи, спѣшитъ на помощь съ своими семейными, основываетъ болѣе 200 столовыхъ и неутомимо работаетъ надъ тѣмъ, чтобы прокормить хотя небольшую долю голодающихъ крестьянъ. Вполнѣ понятно и то, что Л. Н. всегда готовъ оказать помощь своимъ личнымъ трудомъ, вездѣ, гдѣ онъ видитъ, что будетъ толкъ отъ такой формы его помощи бѣдному, нуждающемуся люду. Мы согласны съ Сергѣенко лишь въ томъ, что требовать отъ гр. Толстого, чтобы онъ занимался исключительно изящною словесностью, значитъ требовать отъ него отреченія отъ своей личности и отъ потребностей своей души. —

Въ книжкѣ Сергѣенко есть интересныя замѣчанія Толстого по нѣкоторымъ вопросамъ морально-общественнаго характера. Л. Н. живо сочувствуетъ „движенію современной интеллигенціи въ деревню“, но считаетъ занятія земледѣліемъ очень трудной для нея задачей. „Это такъ ясно, говоритъ онъ, вѣдь цѣну на хлѣбъ устанавливаетъ крестьянинъ. Значитъ, надо довести свой бюджетъ и цѣну производства до его нормы, т. е., также ограничить свои

потребности, какъ ихъ ограничилъ крестьянинъ. А развѣ это легко для современнаго, слабосильнаго и неспособнаго къ упорному физическому труду человѣка? Американецъ, нанимая для полевыхъ работъ, прежде всего подходитъ и щупаетъ человѣка... „никуда негоденъ", говоритъ онъ и отходитъ. И дѣйствительно безъ твердыхъ мускуловъ какой же работникъ? Когда зашла рѣчь о предполагаемой сыномъ Л. Н. покупкѣ имѣнья, Л. Н. отклонилъ услуги одного изъ своихъ знакомыхъ, заявившаго ему о своемъ желаніи помочь покупщику своими указаніями, чтобы онъ не надѣлалъ глупостей. Л. Н. возразилъ, что незачѣмъ мѣшать его сыну ихъ дѣлать. Чѣмъ больше онъ надѣлаетъ въ данномъ случаѣ глупостей, тѣмъ для него же лучше. И на недоумѣвающій вопросъ его собесѣдника, Толстой объяснилъ, что чѣмъ раньше его сынъ набьетъ оскомину на имѣніяхъ и убѣдится, наконецъ, на личномъ опытѣ, что ничего хорошаго изъ него не выйдетъ, тѣмъ скорѣе придетъ къ пониманію того, что землю выгодно „имѣть только тому, кто самъ обрабатываетъ ее".

Л. Н. счастливъ въ своей семейной жизни. Въ своихъ міровоззрѣніяхъ супруги Толстые расходятся. Онъ представляетъ, по словамъ Сергѣенко, какъ бы небо въ своей семьѣ, она—землю. Но живутъ они любовно. Она, какъ неусыпная нянька, заботится о немъ, сама обшиваетъ его и только на самое короткое время разстается съ нимъ. Онъ по христіански относится къ ея слабостямъ и высоко цѣнитъ ея искренность и прямоту. Толстые оба были счастливы въ свое время и взяли отъ жизни если не все, что могли, то во всякомъ случаѣ очень многое. Онъ далъ ей умнаго, здороваго, вѣрнаго и страстно—любящаго мужа. Она въ самый расцвѣтъ его силъ дала ему также незамутимое грозами счастье съ длиннымъ рядомъ семейныхъ радостей, отразившихся потомъ въ его произведеніяхъ. Когда одинъ изъ знакомыхъ позавидовалъ графу, которому судьба дала все, о чемъ только можно мечтать: прекрасную семью, милую, любящую жену, всемірную славу, здоровое—все, Л. Н. отвѣчалъ: „да это вовсе не потому, чтобы судьба особенно благоволила мнѣ, а потому, что я желалъ всегда только того, что мнѣ посылалъ Богъ. Онъ далъ мнѣ такую жену

а я доволенъ ею и не хочу другой.“ Быть можетъ, въ такихъ особенно счастливыхъ условіяхъ семейной жизни лежитъ причина и взглядовъ Толстого на бракъ и особенно положенія въ немъ женщины. Когда при немъ говорили объ одной общезнакомой семьѣ, въ которой тлѣлъ разладъ и двое изъ присутствующихъ обвиняли жену и выгораживали мужа, Л. Н. внимательно выслушалъ и сказалъ: „Но развѣ мы можемъ полностью предъявлять къ женщинѣ всѣ наши требованія и строго судить ее, сами же подготовляя ее систематически ко всякой неправдѣ? Развѣ мы не цѣнимъ въ ней превыше всего именно то, что относится къ ея полу и не ради этого беремъ ее себѣ въ жены? И вдругъ хотимъ, чтобы она была нашимъ другомъ. Это—фальшь и ложь. Друга я себѣ буду искать между мужчинами. И никакая женщина не можетъ замѣнить мнѣ друга. Зачѣмъ же мы лжемъ нашимъ женамъ, увѣряя ихъ, что считаемъ ихъ нашими истинными друзьями? Вѣдь, это неправда же.“ На вопросъ одного изъ собесѣдниковъ, что же намъ дѣлать, какъ установить миръ въ семьѣ, Толстой отвѣчалъ убѣжденно: „Мужчина долженъ взять на себя *всю* тяжесть созданнаго имъ, фальшиваго положенія и быть снисходительнымъ къ своей женѣ; ни при какихъ условіяхъ, ни ради чего онъ не долженъ лишать жену своей опоры, потому что бракъ для большинства такихъ грѣшныхъ, какъ мы, людей есть возвышеніе. Избирая въ жены извѣстную женщину, мы какъ бы объявляемъ всѣхъ остальныхъ женщинъ міра *нашими сестрами*. Но если кто можетъ остаться дѣвственнымъ, не искажая своей природы, то какое это должно быть высокое счастье! И Л. Н. разсказалъ присутствующимъ объ одной четѣ, которая въ продолженіе многихъ лѣтъ жила въ отношеніяхъ сестры къ брату. Ровность отношеній супруговъ такъ плѣняла Л. Н., что однажды онъ написалъ имъ, особенно горячо привѣтствуя жену за чистоту ихъ отношеній. Но на свое письмо Л. Н. неожиданно получилъ отвѣтъ, глубоко его растрогавшій: жена писала графу, что она должна отклонить его похвалы, потому что ея завѣтное желаніе быть не только подругой, но и *женой своего мужа* и имѣть отъ него дѣтей, на что мужъ ея хочетъ оставаться съ нею въ

чистыхъ отношеніяхъ и пусть будетъ такъ, какъ онъ хочетъ.... Взволнованный воспоминаніемъ объ этомъ эпизодѣ, Л. Н. замѣтилъ: „Кто же изъ насъ грѣшниковъ осмѣлился бы упрекнуть ихъ, если бы они въ концѣ концовъ и сошлись между собою, какъ мужъ и жена? Уже одно это чистосердечное признаніе изъ устъ скромной женщины и ея безмятежная покорность волѣ своего мужа—какъ это все прекрасно! И Л. Н. долго еще говорилъ о нравственной сторонѣ брака.

На всѣхъ присутствующихъ производили неотразимое впечатлѣніе его горячая вѣра въ торжество высшаго начала въ человѣкѣ, его глубокая увѣренность въ животворной силѣ нравственныхъ идеаловъ, стремленія къ которымъ таитъ въ себѣ и глубокій смыслъ нашей жизни, и цѣлебнѣйшее средство ото всѣхъ недуговъ. Сергѣенко пытался понять сложную и богато одаренную натуру гр. Толстого, у котораго сцѣпленіе кипучихъ, властныхъ инстинктовъ съ тонкой духовной организаціей производитъ глубокій трагизмъ толстовской личности. Рожденный съ сильными страстями и съ характеромъ въ высшей степени упругимъ, ретивымъ и настойчивымъ, представляя собою во всѣхъ отношеніяхъ человѣка, какъ бы взятаго въ кубѣ или того *сверхчеловѣка*, о которомъ мечталъ Нитцше, гр. Л. Н. Толстой въ то же время обладаетъ всеобъемлющей душой, жаждущей самосовершенствованія. Съ одной стороны, ненасытная жажда власти надъ людьми, а съ другой—неодолимое и сладостное рвеніе къ внутренней чистотѣ, смиреніе: Прометей въ видѣ согнувшагося бурлака съ лямкой на шеѣ или какой-нибудь Кай-Марцій-Коріоланъ въ положеніи послушника представлялъ бы менѣе трагическое положеніе. Элементы трагизма, который просвѣчиваетъ во всѣхъ произведеніяхъ графа Толстого, лежатъ въ его религіозномъ рвеніи, которое не можетъ никогда примирить человѣка съ собою и держитъ его душу постоянно въ усиленномъ напряженіи „рыбы на сушѣ", по характерному выраженію датскаго мыслителя Киркегора. Это стремленіе стать изъ конечнаго безконечнымъ, изъ пепла—фениксомъ, изъ „мѣшка съ мясомъ"—Богомъ, стремленіе, лежащее въ потенціальномъ видѣ въ каждомъ писателѣ, въ Л. Н. Толстомъ раз-

вито въ сильнѣйшей степени и составляетъ какъ бы его вторую природу. Помимо этихъ, метко характеризующихъ талантъ и дѣятельность гр. Толстого, выраженій въ книгѣ Сергѣенко мы находимъ еще подлинныя слова Толстого о пользѣ одиночества для нѣкоторыхъ людей, ихъ счастья жить, какъ угодно, не причиняя никому страданій: „для людей, которые могутъ черпать содержаніе внутри себя, одиночество можетъ быть истиннымъ счастьемъ. У человѣка есть о чемъ подумать, когда онъ останется наединѣ; особенно подъ старость, когда животная жизнь значительно затихаетъ и на первый планъ выдвигаются запросы духа. Тогда часто бываетъ въ тягость быть среди людей, которые чужды тебѣ. Уединеніе же въ такіе годы уже не тягость, а наслажденіе, счастье, о которомъ можно только мечтать; нѣкоторые удивляются Сократу, который умеръ, не желая бѣжать изъ темницы, но развѣ не лучше умереть сознательно, исполняя свой долгъ, чѣмъ неожиданно отъ какой-нибудь глупой бактеріи? И меня всегда удивлялъ такой умный человѣкъ, какъ Тургеневъ, своимъ отношеніемъ къ смерти. Онъ ужасно боялся смерти. Даже непонятно, какъ онъ не *боялся бояться* смерти?

Нужно, впрочемъ, замѣтить что этотъ страхъ смерти свойственъ очень многимъ изъ современныхъ писателей, не исключая самого гр. Л. Толстого. Извѣстно, что въ его „Исповѣди“ есть много мѣстъ, указывающихъ ясно, что овладѣвшій Толстымъ страхъ смерти былъ одной изъ причинъ глубокаго нравственнаго переворота въ его душѣ. „Смерть Ивана Ильича,“ „Хозяинъ и работникъ“ — классическія описанія страха смерти, характерныя вообще для всей литературной дѣятельности гр. Толстого. —

Всѣхъ, сдѣланныхъ нами выдержекъ изъ очень интересной книгѣ Сергѣенко о гр. Л. Толстомъ, достаточно, чтобы судить, на сколько здѣсь читатель можетъ найти, если не вполнѣ новаго, то во всякомъ случаѣ, очень характернаго для взглядовъ, вообще всего міровоззрѣнія гр. Толстого, имѣющаго такое глубокое морально-общественное значеніе въ современномъ обществѣ.

В. Щегловъ.

---

3. *П. И. Ковалевскій*: „Вырожденіе и возрожденіе. Геній и сумашествіе. Соціально-біологическіе очерки. Спб. 1899 г. 166 стр.

Авторъ этой книжки—профессоръ университета затрагиваетъ въ ней одинъ изъ жгучихъ, наболѣвшихъ вопросовъ въ современной общественной жизни, гдѣ отъ его разрѣшенія зависитъ все правильное ея теченіе, постановка, формулированье и вѣрное разрѣшеніе многихъ другихъ вопросовъ великаго соціальнаго значенія. Ковалевскій охватываетъ цѣлую ихъ массу съ цѣлью показать, есть ли признаки вырожденія въ жизни современнаго европейскаго общества, а также нѣтъ ли утѣшительныхъ для него данныхъ, доказывающихъ, что оно не только не вырождается, но и возрождается въ разнообразныхъ отношеніяхъ. Послѣдуемъ за изложеніемъ содержанія книжки почтеннаго профессора, которая наводитъ на многія мысли относительно судьбы европейской цивилизаціи XIX столѣтія. —

Ковалевскій начинаетъ свою книгу общими соображеніями о смыслѣ жизненныхъ явленій, которыя развиваются по закону прогресса, совершенствованія. Этотъ законъ неразрывно связанъ съ другимъ закономъ—постояннаго разложенія матеріи, которая является въ разныхъ формахъ. Жизнь — движеніе, которое состоитъ изъ безпрерывной борьбы за существованіе. Движется впередъ вмѣстѣ съ жизнью и наука—книга бытія жизни. Особенное значеніе для жизни человѣка, опредѣленія нормальныхъ условій его существованія въ мірѣ имѣетъ медицина. Ею подмѣченъ и установленъ фактъ наслѣдственнаго вліянія на молодыя поколѣнія извѣстныхъ качествъ, пріобрѣтенныхъ организмами старыхъ. Нашъ вѣкъ—нервный вѣкъ не только потому, что теперь много нервныхъ людей, но еще и потому, что онъ повысилъ борьбу за существованіе. Авторъ указываетъ на неправильность питанія, воспитанія и образованія дѣтей въ современномъ обществѣ. Наши дѣти послѣ многихъ лѣтъ ученія—мученій хилы, блѣдны, слабы, и истощены безтолковымъ обученіемъ въ школахъ. Въ общемъ

образованіи насъ поражаетъ безсистемная разбросанность, которая ведетъ къ безпорядочности и неустойчивости въ дальнѣйшей жизни,—узкая спеціализація, изсушающая организмъ и безусловно ведущая къ переутомленію и раздражительности. Жажда быстрой наживы, чрезмѣрная конкурренція, цѣлый рядъ неудачъ, несчастій и потрясеній, невѣроятно напряженная, чрезмѣрная и непосильная дѣятельность, колебанія, опасенія и ожиданія, связанныя съ борьбой—все это ведетъ къ переутомленію и перенапряженію, которыя и являются могущественной причиной вырожденія. Ужасная спѣшность современной жизни требуетъ постояннаго разряженія нервной энергіи и наша нервная сила является преждевременно растраченной. Нервность развивается сильно еще жизненной спеціализаціей, переутомляющей нервную систему въ одномъ, извѣстномъ направленіи. Къ тому же результату приводитъ неправильное питаніе: у людей, занимающихся физическимъ трудомъ, нервная система падаетъ отъ недостаточнаго питательнаго матеріала, у работника въ умственной области отъ избытка этого питанія, благодаря которому продукты питанія (обыкновенно мяса) не достаточно окисляются и поэтому отравляютъ организмъ. Ко всему этому присоединяется чрезмѣрное злоупотребленіе всякаго рода наркотическими веществами, которыя, правда, даютъ временное успокоеніе пострадавшимъ и униженнымъ, приносятъ имъ и пріятное возбужденіе, но въ тоже время сжигаютъ весь организмъ и доводятъ нервную систему до полнаго истощенія.

Всѣ эти данныя объ условіяхъ жизни въ современномъ европейскомъ обществѣ даютъ право заключить Ковалевскому, что современный человѣкъ представляетъ собою болѣзненный, нервный типъ, неустойчивый и склонный къ паденію. *Человѣкъ вырождается,* заявляетъ торжественно авторъ, и призываетъ на помощь въ борьбѣ падающаго собрата, которая должна состоять, прежде всего, въ изученіи главныхъ причинъ вырожденія. Едва ли только онѣ такой несомнѣнный фактъ, какъ въ этомъ убѣжденъ почтенный профессоръ. Онъ все вниманіе обращаетъ лишь на одни внѣшнія условія жизни современнаго общества, въ которой есть немало фактовъ, свидѣтельствующихъ о дѣятельномъ прогрессѣ въ

разныхъ сторонахъ, а не объ одномъ только упадкѣ. Нельзя, конечно, отвергать, что множество условій современной жизни способствуетъ развитію особенной нервности у людей всѣхъ возрастовъ и поколѣній въ обществѣ. Но многія изъ этихъ условій (напр., излишнее употребленіе спиртныхъ напитковъ, недостаточное питаніе однихъ, чрезмѣрное—другихъ и пр.) дѣйствовали и ранѣе и не на окончательную погибель людей. А теперь они имѣютъ надежныя средства противъ вырожденія въ значительно поднятомъ уровнѣ умственнаго и нравственнаго развитія, какъ и въ цѣломъ рядѣ общественныхъ учрежденій, созданныхъ съ цѣлью устраненія разныхъ неблагопріятныхъ условій общественной жизни и обезпеченія благосостоянія народныхъ массъ. Спеціализація въ занятіяхъ, раздѣленіе труда существовало всегда и на него смотрѣли, какъ на необходимое условіе развитаго соціальнаго быта. Быть можетъ, теперь интеллигенты пьютъ много, курятъ табакъ въ большихъ дозахъ. Но наши предки пили еще больше и чаще, хотя они и не были „нервными,“ утомившимися людьми. Точно также есть большая разница въ матеріальномъ положеніи народныхъ массъ, живущихъ физическимъ трудомъ, и интеллигентныхъ слоевъ населенія, но эта разница въ европейскомъ обществѣ XIX столѣтія гораздо меньше, нежели какою она была въ прошлые вѣка и даже ближайшее XVIII-е столѣтіе. Если же, не смотря на такое видимое сходство условій въ жизни общества въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, есть въ современной жизни типъ нервнаго, болѣзненнаго человѣка, то ясно, что какія-то особенныя причины вызвали къ жизни этотъ типъ, который, однако, не исключаетъ противоположнаго, жизнерадостнаго, здороваго, нормальнаго типа людей. Посмотримъ, не разрѣшитъ ли нашего недоразумѣнія Ковалевскій въ дальнѣйшемъ изложеніи содержанія своей книжки, гдѣ онъ трактуетъ о главныхъ причинахъ „вырожденія“. —

Человѣкъ живетъ среди условій, въ которыхъ въ данный моментъ существуетъ государство, общество, семья. Кромѣ современныхъ жизненныхъ условій на личность человѣка, какъ и всего человѣчества, вліяетъ еще все историческое ихъ прошлое. Сюда

относится особенно воздѣйствіе на человѣка воспитанія въ широкомъ смыслѣ этого слова. Воспитанію предшествуетъ наслѣдственность,—черты и свойства организма, унаслѣдованныя отъ родителей въ моментъ зачатія. Всѣ указанные факторы, соединяясь вмѣстѣ, оказываютъ сильное вліяніе на человѣка, нерѣдко входятъ въ борьбу другъ съ другомъ, усиливаютъ или ослабляютъ взаимно въ этой борьбѣ. Такъ дурная наслѣдственность искореняется воспитаніемъ, которое иногда портитъ хорошія унаслѣдованныя качества. Авторъ останавливается сначала на наслѣдственности—отраженіи въ зародышѣ свойствъ родительской организаціи. Вліяніе наслѣдственности остается пока невыясненнымъ въ наукѣ фактомъ. Извѣстны лишь нѣкоторыя послѣдствія вліянія наслѣдственности. Такъ черты родителей, повторяющіяся въ семействѣ въ теченіе долгаго времени, воспроизводятся чаще и рельефнѣе; общія родителямъ, сходныя черты организаціи повторяются въ потомствѣ почти обязательно. Потомки наслѣдуютъ отъ родителей не только здоровье, но и различныя болѣзни. Современной наукой установлены извѣстные законы наслѣдственной передачи болѣзней: законъ прямой наслѣдственности (отъ родителей къ дѣтямъ), возвратной (атавизмъ), боковой наслѣдственности и—чрезъ вліяніе. Отъ крѣпкихъ и здоровыхъ родителей происходятъ и такія же дѣти. Мощная, здоровая организація одного родителя беретъ обыкновенно верхъ надъ слабой и хилой организаціей другаго. При обоихъ болѣзненныхъ и слабыхъ родителяхъ можетъ наступить полное вырожденіе, которое выражается въ безплодіи, рожденіи мертвыхъ, идіотизмѣ дѣтей и пр. Къ явленіямъ наслѣдственности нужно отнести также и тотъ фактъ, что у умныхъ отцовъ нерѣдко рождаются даровитыя дѣти или же дѣти—неудачники, которыя представляютъ собой отклоненіе отъ средняго родоваго типа.—

Вліяніе наслѣдственности нужно имѣть въ виду особенно въ нашъ „нервный вѣкъ“, когда нервные родители передаютъ своимъ дѣтямъ переутомленную, болѣзненную организацію. А дѣти доводятъ ее до послѣдняго напряженія, истощенія и такимъ образомъ попадаютъ на путь вырожденія и вымиранія. Поэтому-то

такъ важно знать тѣ особенныя формы наслѣдственнаго влiянiя извѣстныхъ свойствъ и образа жизни, какъ и разныхъ условiй заключенiя браковъ въ современномъ обществѣ. Въ немъ сильно распространены душевныя болѣзни, въ городахъ болѣе, чѣмъ въ селахъ. Особенно же много душевно больныхъ въ столицахъ. Обильны въ обществѣ всякаго рода нервныя болѣзни: нейрастенiя, истерiя, эпилепсiя, пляска св. Витта и пр. Преступность и порочный образъ жизни родителей безусловно отражаются на ихъ дѣтяхъ въ тѣхъ или другихъ формахъ. Необыкновенно гибельно дѣйствуютъ на человѣческое общество два непримиримыхъ его врага,—пьянство и люэсъ (сифилисъ). Спиртные напитки производятъ гибельное влiянiе на нервную систему пьющаго и все его потомство. Авторъ доказываетъ и небезосновательно, на сколько несправедливъ упрекъ нашему мужику въ его неисправимомъ пьянствѣ. Нашъ интеллигентъ пьетъ гораздо болѣе мужика, пьетъ изо дня въ день при всякомъ случаѣ и безъ случая. Для многихъ „порядочныхъ“ людей алкоголь составляетъ необходимую принадлежность ихъ плоти и крови. Многiе писатели, поэты, художники „творятъ“ лишь въ чаду опьяненiя алкоголемъ, кофе, морфiемъ, табакомъ. Родители—пьяницы передаютъ своему потомству тяжелое наслѣдство въ видѣ страсти къ пьянству, склонности къ самоубiйству, разнаго рода явленiй психическаго вырожденiя, нравственнаго помѣшательства. Конечнымъ исходомъ такого рода незавиднаго наслѣдства является постепенное вырожденiе и полное вымиранiе. Въ яркихъ и мрачныхъ краскахъ изображаются Ковалевскимъ неисчислимыя послѣдствiя губительнаго влiянiя люэса, чрезвычайно распространеннаго въ современномъ обществѣ и притомъ въ высшихъ его слояхъ, преимущественно въ городахъ. Эту болѣзнь считаютъ позорной и потому обыкновенно скрываютъ ее, не лѣчатся своевременно и приносятъ тѣмъ себѣ и своимъ дѣтямъ страшный вредъ. Люэсъ поражаетъ наиболѣе слабыя мѣста въ человѣческомъ организмѣ и чаще всего проявляется въ области мозга и нервной системы, производитъ прогрессивный параличъ и спинную сухотку. Сифилису обязаны истощенiемъ, худосочiемъ, золотухой жены, матери и ихъ дѣти. Его обыкновенныя послѣд-

ствія—безплодіе, эпилепсія, нейрастенія у дѣтей. Люэсъ передается не только во второмъ, но даже и въ третьемъ поколѣніи. Авторъ констатируетъ тяжелую паталогическую наслѣдственность въ бракахъ между кровными, близкими родственниками, хотя эта наслѣдственность объясняется въ данномъ случаѣ главнымъ образомъ общностью какого-либо рода болѣзни родственниковъ, а не ихъ только кровною близостью. Замѣчены дурныя послѣдствія отъ браковъ, которыя заключаются по *сродству душъ:* это сродство часто выражается въ нервной организаціи обѣихъ сторонъ, которыя считаютъ себя непонятыми окружающими, хотя послѣдніе и ясно видитъ странность и нелѣпость мыслей, стремленій и желаній такихъ родственныхъ душъ. Наконецъ, имѣетъ большое значеніе въ дѣлѣ наслѣдственности *возрастъ* родителей, которые не должны быть стариками, но и не очень молодыми: въ обоихъ случаяхъ происходятъ слабое, болѣзненное и несчастное потомство.—

Авторъ обращаетъ вниманіе на наиболѣе общія и замѣтныя формы вырожденія человѣческаго рода. Таково безплодіе въ бракахъ людей душевно-больныхъ, люэтиковъ, алкоголиковъ, аборты, мертворожденные. Преждевременная смерть дѣтей отъ такихъ браковъ является благодѣяніемъ для нихъ и всего общества. Если же они остаются въ живыхъ, то обречены на всякаго рода тяжелыя болѣзни въ дѣтствѣ, въ юношескіе и даже зрѣлые годы своей жизни. Параличи конечностей, падучая болѣзнь, пріостановки въ умственномъ развиніи, идіотизмъ, тупоуміе, нравственное помѣшательство, предрасположеніе къ разнымъ тяжелымъ болѣзнямъ—такова перспектива для потомства отъ такихъ браковъ. Къ болѣзненнымъ предрасположеніямъ относится состояніе неустойчивости и нервной неуравновѣшанности, которыя представляютъ собою довольно распространенное явленіе, своего рода болѣзнь современнаго общества. Именно на такой почвѣ развиваются такіе общественные пороки, какъ пьянство, развратъ, преступленіе, бѣдность, нищета и пр. Физическое вырожденіе имѣетъ разнообразныя формы. Авторъ полагаетъ, что признаки вырожденія можно найти чуть ли не во всѣхъ людяхъ разныхъ званій, положеній, пола и возраста и рекомендуетъ рядъ средствъ

для борьбы съ вырожденіемъ относительно заключенія браковъ и воспитанія дѣтей, взываетъ къ матерямъ изъ высшаго класса общества, гдѣ выродилась мать—кормилица и воспитательница своихъ дѣтей, и указываетъ на нѣкоторыя правила физическаго воспитанія дѣтей, которыми теперь пренебрегаютъ даже въ образованныхъ классахъ общества. Весьма важное значеніе въ дѣлѣ развитія дѣтскаго организма, характера и вообще воспитанія личности въ ребенкѣ имѣетъ обученіе, элементарное и среднее. Ковалевскій сравниваетъ старое, букварное обученіе граматѣ и новое, звуковое, старую среднюю школу съ современной и при всемъ видимомъ преимуществѣ этого послѣдняго предъ первымъ, къ своему глубокому удивленію, находитъ, что прежде дѣти воспитывавшіяся при ужасной обстановкѣ и учившіе уроки безъ репетиторовъ, выходили здравыми, невредимыми изъ школы, способными къ занятіямъ наукой. Теперь же при звуковой методѣ обученія, фребелевскихъ школахъ, классныхъ объясненіяхъ уроковъ учителями, репититорахъ, уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній дѣти какіе-то зеленые заморыши, безъ иниціативы, интереса къ знанію, безъ умѣнья заниматься, безъ желанья учиться, постоянно нуждающіяся въ поддержкѣ репетитора, вялые, раздражительные. Очевидно, что въ современной системѣ обученія и образованія есть большіе пробѣлы, такъ какъ она поселяетъ въ ученикахъ не любовь и уваженіе къ наукамъ, а ненависть и отвращеніе. Изнѣженность, разбитость, безличность, отсутствіе иниціативы, истощеніе, переутомленіе, шаблонность, безцвѣтная нивеллировка личности—таковы плоды современной безалаберщины. Ковалевскій ничего не имѣетъ противъ образовательнаго значенія классическихъ идеаловъ; только результаты отъ изученія древнихъ языковъ въ настоящихъ гимназіяхъ получаются далеко не благопріятные для усвоенія этихъ идеаловъ. У современныхъ гражданъ—классиковъ ихъ не имѣется вовсе: нѣтъ у него ни сознанія собственнаго достоинства, ни уваженія къ чужой личности, которыхъ, конечно, не въ состояніи насадить въ гимназистахъ „братушки", выписанные для этой цѣли въ Россію. Авторъ такого мнѣнія, что классическую систему можно проводить и притомъ съ гораздо большимъ успѣхомъ и

при чтеніи классиковъ на родномъ языкѣ. Современное школьное обремененіе играетъ важную роль въ проявленіи вырожденія. Нужно дать дѣтямъ въ средней школѣ больше самостоятельности, уменьшить гнетъ непосильно задаваемаго въ классѣ и всѣми силами бороться противъ репетиторства, въ конецъ уничтожающаго свою дѣятельность въ дѣтяхъ. Современная школа уничтожаетъ личность, стираетъ индивидуальныя особенности, создаетъ шаблонъ съ очень низкопробнымъ идеаломъ.

Не менѣе рѣзкому порицанію подвергается у автора и все современное воспитаніе, которое не внушаетъ дѣтямъ ни религіознаго чувства, ни любви къ работѣ, не развиваетъ въ нихъ высшихъ нравственныхъ чувствъ. Дѣти учатъ молитвы только для „батюшки“, творятъ ее лишь для соблюденія формы. Мы стѣсняемся заявлять о своей любви къ родинѣ изъ опасенія прослыть безпокойнымъ человѣкомъ. Обратили вниманіе на физическое воспитаніе, забыли о нравственномъ. Современная педагогика много выработала правильныхъ взглядовъ относительно физическаго и умственнаго развитія дѣтей и сравнительно мало по вопросу о нравственномъ ихъ воспитаніи. Умственнымъ и физическимъ воспитаніемъ въ послѣднее время занимается школа; нравственное же воспитаніе выпало изъ круга школьнаго воспитанія, которое предоставлено семьѣ. А эта послѣдняя въ наше время не такова, чтобы быть благопріятной средой для развитія морали. Разбросанность, разъединеніе, изолированность и почти полное отсутствіе солидарности между отдѣльными семьями указываютъ, что въ современной семьѣ не до разработки вопросовъ нравственнаго воспитанія, которое прямо пропорціонально нравственному состоянію родителей, обыкновенно не высокаго уровня нравственнаго развитія. Ковалевскій полемизируетъ съ представителями взгляда, что нравственное чувство и начала прирождены человѣку, повторяетъ обычныя возраженія противъ этой теоріи прирожденности человѣку моральныхъ чувствъ и понятій, которая теперь едва ли нуждается въ такомъ любезномъ вниманіи. Ея несостоятельность очевидна для всякаго, кто только имѣлъ дѣло съ воспитаніемъ дѣтей въ теоріи и еще болѣе на практикѣ. Для всякаго очевидно, что

дѣти далеко не ангелы, что въ нихъ съ первыхъ моментовъ ихъ появленія на свѣтъ проявляется много порочныхъ инстинктовъ. Только природа ребенка не сплошь такая порочная, какъ это усиленно доказываетъ затѣмъ Ковалевскій. Въ его глазахъ дѣти—звѣреныши послѣ своего рожденія, съ порочными наклонностями, которыя приходится сдерживать у нихъ, чуть ли не въ колыбели. Дѣти страшно эгоистичны и слушаются матери не изъ любви къ ней, а только изъ страха взысканія и наказанія. Затрагивая вопросъ о мѣрахъ для искорененія порочныхъ наклонностей у дѣтей, Ковалевскій излагаетъ доводы французскаго ученаго Шинца, отвергающаго сознательность дѣйствій у ребенка на основаніи цѣлаго ряда фактовъ и соображеній. Шинцъ, а за нимъ и нашъ авторъ утверждаютъ, что мораль условна, зависитъ отъ времени, мѣста, общественнаго положенія, степени развитія и проч. Такъ съ современной точки зрѣнія вся нравственная жизнь древняго міра безнравственна. Отсюда въ связи съ другими аналогичными фактами Шинцъ выводитъ заключеніе, что вообще нравственность понятіе условное, растяжимое и крайне индивидуальное и въ то же время нравственность объявляется Шинцомъ наслѣдственною. Но еще больше противорѣчитъ себѣ французскій моралистъ, а нашъ авторъ не замѣчаетъ этого рѣзкаго противорѣчія, когда со словъ Шинца заявляетъ, что личная нравственность—основаніе общественной морали, имѣющей въ виду интересы и пользу цѣлой массы людей. Нельзя не признать того факта, что существуютъ требованія нравственности общечеловѣческой, которымъ нерѣдко противорѣчатъ правила морали извѣстнаго народа, семейная и личная нравственность. Отсюда Шинцъ заключаетъ, что проявленія нравственности не есть что-либо незыблимое и прочное и она стоитъ въ зависимости отъ многихъ условій. Заключеніе совершенно неправильное, неподтверждаемое дѣйствительными фактами: такъ есть система общечеловѣческой морали; ясно, что въ ней существуютъ опредѣленныя, общепринятыя, неизмѣнныя начала человѣческаго общежитія. Эти начала вырабатываются очень медленно, постепенно, но въ то же время неизбѣжно; они становятся основаніемъ морали народной, семейной

и личной, которыя до сихъ поръ были построены на разнообразныхъ началахъ. Всѣ эти частныя системы морали объединяются одной общей идеей—уваженіемъ, признаніемъ въ каждомъ человѣкѣ личности, свободнаго, независимаго самостоятельнаго существа съ своимъ міровоззрѣніемъ, жизненными цѣлями и своими же средствами для ихъ проведенія въ жизни. Другимъ составнымъ элементомъ общечеловѣческой морали являются общественные интересы, предъ которыми въ извѣстныхъ случаяхъ уступаютъ частные, именно въ тѣ моменты жизни общества, когда въ ней сталкиваются частные интересы и всему обществу грозитъ нарушеніе его обычной, мирной жизни. Личные и общественные интересы находятъ выраженіе въ личныхъ и общественныхъ идеалахъ, соединеніе которыхъ съ одинаковымъ соблюденіемъ интересовъ личности и общества и составляетъ содержаніе общечеловѣческой морали. По отношенію къ ней всякаго рода другая мораль имѣетъ значеніе или какъ подготовительной стадіи моральнаго развитія общества или же лишь особой формы, въ которую выливается общечеловѣческая мораль при извѣстныхъ, своеобразныхъ условіяхъ приложенія ея началъ къ жизни. Народная, семейная, личная мораль въ древности носила характеръ такого предварительнаго формулированія основныхъ идей общей морали. Такимъ характеромъ отличалась мораль любого восточнаго народа, какъ и древнихъ грековъ и римлянъ. Во всей древности, особенно же въ античномъ обществѣ вырабатывалось постепенно представленіе о человѣкѣ, какъ центрѣ всей общественной жизни, альфѣ и омегѣ всѣхъ ея явленій въ различныхъ областяхъ человѣческой дѣятельности. У древнихъ грековъ и римлянъ была впервые въ исторіи человѣчества развита въ широкой степени политическая свобода вмѣстѣ съ кодексомъ античной политической морали, диктующей человѣку обязанность безусловнаго подчиненія его государству Въ новое время съ появленіемъ христіанской религіи человѣкъ былъ освобожденъ изъ подъ такого тяжелаго гнета государству и самъ онъ, личность человѣка сдѣлалась средоточіемъ новой морали—альтруистическихъ ея началъ, которыя стали проникать во всю общественную жизнь, стали фундаментомъ въ но-

вѣйшее время. Отсюда понятна вся важность нравственнаго воспитанія, на которую обращаютъ вниманіе всѣ современные педагоги, а въ томъ числѣ и Шинцъ. Едва ли только можно согласиться съ послѣднимъ, что нравственное воспитаніе превышаетъ съ практической точки зрѣнія умственное и физическое воспитаніе: нравственность лежитъ непосредственно въ основѣ всякой соціальной организаціи,—развитіе же физическое и умственное, не смотря на всю свою важность, имѣетъ все-таки только черезъ посредство значеніе для той же организаціи. Этотъ взглядъ Шинца указываетъ на односторонность его педагогической теоріи, которая основывается, повидимому, на предпочтеніи сначала духовныхъ явленій въ человѣческой природѣ предъ тѣлесными, а затѣмъ на недостаточной оцѣнкѣ необыкновеннаго значенія умственнаго развитія человѣка во всей новой исторіи цивилизаціи. Современная педагогика, отводя выдающееся мѣсто въ системѣ воспитанія нравственному воспитанію, въ то же время не забываетъ великаго, завѣщеннаго древнимъ міромъ новому принципа всего воспитанія человѣка,—всесторонняго, гармоническаго развитія всѣхъ его силъ, всѣхъ способностей человѣка. Ему для достиженія разнообразныхъ жизненныхъ цѣлей въ равной мѣрѣ необходимы какъ духовныя, такъ и физическія силы: здравый духъ можетъ быть только въ здравомъ тѣлѣ.

Обращаясь къ разсмотрѣнію среды и условій обыденной жизни человѣка, которыя могутъ вліять на нервную систему человѣка въ однихъ случаяхъ болѣзненно, а въ другихъ благотворно, Ковалевскій указываетъ на различія въ этомъ отношеніи между деревенскою, городской и особенной столичной,—петербургской жизнью. Онъ отдаетъ полное предпочтеніе деревенской жизни предъ городскою въ томъ отношеніи, что деревня всего скорѣе исправляетъ тѣлесные и душевные недуги и представляетъ собою пока единственный факторъ, противодѣйствующій неблагопріятнымъ условіямъ наслѣдственности и хромого воспитанія. Наоборотъ, жизнь городская, односторонняя и однообразная способствуетъ нарушенію нормальныхъ процессовъ въ организмѣ человѣка и поддержанію болѣзненныхъ состояній, которыя присущи

ему отъ рожденія. А жизнь въ Петербургѣ наноситъ безпрерывный, непоправимый вредъ физическому здоровью и нравственному состоянію жителей столицы, гдѣ борьба за существованіе со всѣми мрачными ея сторонами доходитъ до крайней степени развитія. Ковалевскій полагаетъ, что указанныхъ имъ условій современной общественной жизни достаточно для установленія общаго взгляда на необходимыя измѣненія въ ней съ цѣлью „возрожденія" человѣческаго рода. Введеніемъ правильнаго образа жизни, надлежащаго питанія, образованія, нравственнаго воспитанія и должнаго знанія всего окружающаго мы, говоритъ нашъ авторъ, создадимъ преграду болѣзнетворнымъ воздѣйствіямъ, охранимъ нашихъ дѣтей отъ пьянства, сифилиса и другихъ болѣзней, влекущихъ за собою вырожденіе человѣческаго рода на развалинахъ его бытія. Истинная наука даетъ намъ достаточно основаній для охраны себя и нашихъ дѣтей отъ вредныхъ вліяній. Она же указываетъ и средства для борьбы съ совершившимися уже проявленіями вырожденія и на успѣхъ въ этой борьбѣ, который увѣнчивается побѣдой надъ болѣзнью и вырожденіемъ и освѣщаетъ намъ путь для возрожденія человѣческаго рода. Наука—это сила. Можно уничтожить людей науки, но уничтожить науку невозможно.

Въ силу закона прогрессивнаго развитія всего существующаго на землѣ въ немъ происходитъ рядомъ, съ одной стороны, совершенствованіе всего полезнаго, сильнаго и крѣпкаго, а съ другой вымираніе всего хилаго, слабаго и вырождающагося. Человѣкъ—существо разумное, царь земли не можетъ подчиниться дѣйствію этого стихійнаго закона, въ состояніи бороться съ помощью науки съ своей кормилицей—природой, которая по отношенію къ однимъ своимъ дѣтямъ добрая мать, а къ другимъ—суровая мачиха. Человѣкъ руководствуется чувствомъ любви къ своимъ братьямъ и сестрамъ, когда онъ желаетъ оказать имъ помощь на наклонномъ пути бытія въ направленіи къ вырожденію. Борцы на пользу ближнихъ стремятся направить факторы вырожденія на путь прогрессивнаго развитія и совершенствованія. И это иногда имъ удается. Въ доказательство этой мысли Ко-

валевскій беретъ прирожденнаго неврастеника и сравниваетъ его съ среднимъ человѣкомъ съ обычнымъ, нормальнымъ духовнымъ и физическимъ строемъ. Оригинально заключеніе, къ которому приходитъ Ковалевскій послѣ этого сравненія. Онъ именно высказываетъ мысль, что хотя прирожденные нейрастеники и ненормальные люди, но въ тоже время аппараты воспріятія устроены у нихъ тоньше, нѣжнѣе, совершеннѣе, чѣмъ у обыкновеннаго человѣка, что даетъ первымъ возможность взять при извѣстныхъ условіяхъ верхъ надъ послѣднимъ. Вслѣдъ за этимъ Ковалевскій признаетъ патологичность въ мыслительной дѣятельности нейрастениковъ, которая заставляетъ его сказать, что ненормальныя явленія въ области мышленія могутъ быть устранены путемъ воспитанія, соблюденія гигіеническихъ правилъ въ области физической и духовной жизни человѣка. Благодаря такимъ мѣрамъ нейрастеникъ можетъ превратиться, надѣется Ковалевскій, въ человѣка, одареннаго значительно широчайшими способностями, чѣмъ обычный средній человѣкъ. Мало того, отмѣчая наблюдаемую у нейрастениковъ особенную способность къ предчувствію и даже предвѣдѣнію и ясновидѣнію, Ковалевскій совсѣмъ неожиданно заявляетъ, что эти неуровновѣшенные, неустойчивые выродки, при благопріятныхъ жизненныхъ условіяхъ, могутъ быть болѣе совершенными, чѣмъ мы, и представить собою залогъ *возрожденія и прогрессивнаго совершенствованія человѣчества.* Послѣ этихъ словъ Ковалевскаго естественно ожидать, что онъ примкнетъ къ мнѣнію Ломброзо, что геній и сумашедшій—одно и тоже. Однако, авторъ относится критически къ этому мнѣнію. Ковалевскій упоминаетъ сначала о ранѣе и долго существовавшемъ взглядѣ на сумашедшихъ, какъ на одержимыхъ злымъ духомъ, и какъ послѣдствіи этого воззрѣнія,—варварскомъ обращеніи съ ними. Даже въ первой половинѣ настоящаго столѣтія одержимыхъ изгоняли отовсюду, сажали на цѣпь, казнили, сожигали на кострахъ вмѣстѣ съ вѣдьмами и колдунами во славу Божію. Благодаря успѣхамъ знанія, сумашедшіе были признаны больными людьми, но только опасными для общества, его благополучія. Снова стали принимать противъ нихъ такія

мѣры, которыми можно было удалить ихъ въ надежныя мѣста, гдѣ сумашедшіе не тревожили бы людей. Наконецъ, восторжествовалъ въ наукѣ и сталъ понемногу проникать въ самую жизнь взглядъ, что есть сумашедшіе преступники и преступные сумашедшіе, иначе говоря, нравственно помѣшанные и прирожденные преступники. Въ тоже время нѣкоторые ученые отнесли и проявленія генія къ области неврозовъ, отступая тѣмъ самымъ отъ исторического представленія о геніи, какъ особаго рода необычайномъ проявленіи ума, энергіи и душевной жизни. Въ современной наукѣ существуютъ самыя разнообразныя мнѣнія о томъ, что такое геній. Ковалевскій приводитъ взгляды на него Канта, Шопенгауэра, Селля, Рейнера, Лаффита, Карлейля: всѣ эти писатели смотрятъ на геній, какъ украшеніе и славу человѣчества, его свѣтъ и красоту. Со времени Моро-де-Тура появляется совсѣмъ иное представленіе о геніи, котораго теперь сближаютъ съ болѣзнью. Жоли, Нордау и Гиртль еще разсматриваютъ генія, какъ человѣка великаго и мощнаго, превышающаго только своими способностями, количественно и качественно, умъ и дѣятельность обычнаго человѣка. Но Ломброзо низводитъ генія до состоянія сумашествія, отыскиваетъ сходства въ состояніи здоровья и болѣзни и дѣятельности у сумашедшихъ и геніальныхъ людей. Ковалевскій не соглашается съ мнѣніемъ Ломброзо о геніи, подробно и основательно опровергаетъ его и затѣмъ самъ излагаетъ свой собственный взглядъ на то, что такое геній. Для того, чтобы быть имъ, нужно особое природное предрасположеніе, наивысшее развитіе нервныхъ элементовъ центральной нервной системы и душевныхъ способностей того или другаго рода. На геніи отражается національность, степень ея развитія, какъ и окружающихъ ее другихъ народностей. Геніальныя дѣти отличаются нѣкоторыми особенностями. Законъ наслѣдственности не приложимъ къ генію. Геніи не родятся подобно грибамъ. Они являются на милліоны людей. Въ числѣ предшественниковъ геніевъ находятся обыкновенно люди средней впечатлительности. Говорятъ, что матери геніальныхъ людей женщины умныя и съ характеромъ, но далеко не геніальныя. Замѣчено, что въ семьѣ, гдѣ есть геній, попадаются

другое даровитое, но только не геніальное лицо, обыкновенно сестра. Таковая была Элиза у Наполеона I, Софія у Петра Великаго. Нерѣдко въ геніальныхъ семьяхъ встрѣчаются нервныя болѣзни и идіотизмъ, а иногда умственное убожество и тупоуміе. Ковалевскій приводитъ остроумную гипотезу, объясняющую послѣдняго рода явленія. Всякой семьѣ присуща извѣстная сумма умственныхъ и душевныхъ силъ, которая переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе по преемству и распредѣляется между членами семьи болѣе или менѣе равномѣрно, но въ случаяхъ, когда въ семьѣ является лицо, одаренное выдающимися способностями, остальные члены семьи представляютъ собой дефектъ, выражающійся въ низкомъ уровнѣ нравственнаго, умственнаго или же физическаго развитія. Ковалевскій выставляетъ всѣ выдающіяся черты генія, которыми онъ отличается отъ обыкновенныхъ людей. Геній отличается совершенною духовною природой, творческимъ даромъ открывать новые законы, явленія, своеобразными дѣйствіями даже въ обычной жизни, тѣлесныхъ и духовныхъ отправленіяхъ. Душа генія—мощное и полное развитіе органовъ воспріятія и усвоенія, какъ въ области сознанія, такъ и безсознательной. При неосторожномъ воспитаніи, недостаточномъ образованіи и дурныхъ условіяхъ жизни въ геніальной натурѣ можетъ развиться крайняя нервность и даже душевная болѣзнь, но это не болѣзнь души. Послѣ разбора взглядовъ разныхъ ученыхъ о геніи и его свойствахъ Коволевскій высказываетъ правильное воззрѣніе на генія, какъ на высочайшее проявленіе душевныхъ силъ у даннаго лица, ихъ полнаго расцвѣта, рѣдкихъ людей, одаренныхъ особенной организаціей и отличающихся поэтому и многими особенными же явленіями въ духовной и физической ихъ жизни и дѣятельности. Но на сколько геніи помогаютъ возрожденію человѣческаго рода, объ этомъ Ковалевскій ничего не говоритъ, оставляя открытымъ общій вопросъ о средствахъ къ этому возрожденію, которое, впрочемъ, и не оказывается особенно настоятельнымъ при недостаточности у него данныхъ относительно „вырожденія“ человѣческаго рода.

В. Щегловъ.